ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

ВЕЛИКАНЫ
и пигмеи

ВЕЛИКАНЫ и пигмеи

Алма-Ата «Кайнар» 1984

28. 088
В 27
УДК 591.51

В 27 **Великаны и пигмеи.**—Алма-Ата: Қайнар, 1984—480 с.

В сборник вошли ранее опубликованные у нас в стране лучшие произведения зарубежных писателей-натуралистов: Б. Гржимека «Австралийские этюды» и отрывки из книги «Среди животных Африки» (ФРГ), Дж. Даррела «Гончие Бафута» (Англия), Я. Линдблата «В краю гоацинов» (Швеция) и других.

Книга в научно-художественной форме рассказывает об образе жизни таких гигантов, как носороги; и о небольших животных — медведе-коала, утконосе, ехидне и т. д.

Рассчитана на широкий круг читателей.

28.088

В $\frac{2005000000-064}{403(05)-84}$ 127—84

Перед Вами, читатель, книга о дикой фауне различных континентов нашей планеты, о влиянии человечества на ее настоящее и будущее. Прочитав ее, Вы так же как и авторы книги, придете к выводу: необходимо сохранить на Земле все сущее, сохранить (пока не поздно!) великую красоту и гармонию в природе, а для этого надо знать и о природе в целом, и о ее животном мире в частности.

Эта книга приведет Вас к мысли, что животные, и большие и малые, и великаны и пигмеи,—не только наши младшие братья в великом эволюционном процессе, это — совершенно особый мир, развивающийся по древним законам естественного отбора и выживания. И вмешательство человека в этот процесс не должно вести к отрицательным последствиям для всего живого.

Вы увидите, что это вмешательство в наше время становится разумным. Деятельность людей все более концентрируется на проблемах создания благоприятных условий для сохранения всех видов животных. Это в значительной мере результат углубленного изучения человеком образа жизни различных представителей земной фауны. Часть знаний Вы почерпнете из книги: В нее вошли произведения современных зарубежных писателей-натуралистов.

Открывается сборник произведениями Бернгарда Гржимека. Читатели хорошо знают это имя. Его книги очень часто и много переводят у нас в стране. Б. Гржимека называют Бремом двадцатого века. И это по праву — он ведет очень большую научную и общественную работу по изучению и, главное, по сохранению животного мира планеты. В нашу книгу вошли отрывки из уже знакомой Вам работы «Среди животных Африки» и «Австралийские этюды».

Австралия — очень интересный материк. Здесь и только здесь водятся сумчатые животные. Прежде всего это всем известные кенгуру. В семействе кенгуру насчитывается 17 родов и 52 вида. Рост самых маленьких из них — 23 сантиметра, в то время как гигантские кенгуру достигают 1,6 метра. А название «кенгуру» дал им замечательный английский путешественник Джеймс Кук.

На этом континенте проживают и другие сумчатые: самые маленькие из медведей — коала, белки, вомбаты и другие. Населяют эту землю такие великаны, как страус эму, ростом со взрослого мужчину и с весом до 60 килограммов, и полутораметровый австралийский казуар. А в штате Виктория можно встретить дождевых червей длиной до 2,5 метра и пигмеев — карликовых кенгуру, карликовых опоссумов — крошечных, похожих на мышей животных, питающихся нектаром цветов и насекомыми; карликовых акробатов — маленьких ночных животных, хвост которых по форме напоминает перо и служит «рулем» при планировании с ветки на ветку.

В сборник входит произведение известного натуралиста, писателя Джеральда Даррелла «Гончие Бафута». Для нашего читате-

ля имя этого писателя связано с прекрасными книгами о животном мире, пронизанными любовью и уважением к нашим братьям меньшим. «Гончие Бафута»— книга об одном из многих путешествий автора в Африку для сбора редких животных. Д. Даррелл пишет в основном о мелких животных — галаго, летягах, земляных белках, змеях, ящерицах и других. Читателя ожидает встреча с веселым и жизнерадостным народом Фона Бафута, вождя одного из племен.

Включена в сборник и книга шведского зоолога Яна Линдблада «В краю гоацинов». Главы, которые вошли в сборник, взяты из его книг «Путешествие к красным птицам» и «Мой зеленый рай». Автор с большой любовью, образно, красочно и реалистично описывает природу далеких от нас областей Южной Америки. В книге Вы встретите гигантского муравьеда, маленьких обезьянок—ревунов, большую дикую кошку оцелота, редких птиц — гоацинов, ставших символом Республики Гайаны, познакомитесь с образом жизни огромной анаконды и мелких птиц — манакинов (или, как их еще называют, кок-оф-зе-рок).

Джейн ван Лавик-Гудолл широко известна биологам мира как исследовательница шимпанзе. Ее муж Гуго знаменит замечательными фотографиями диких животных. Однако в книге «Невинные убийцы», которая включена в сборник, они выступают как писатели-популяризаторы. В книге собран интересный материал о самых маленьких хищниках из семейства собак — гиеновых собаках, обыкновенных шакалах, а также о пятнистых гиенах. У людей сложилось весьма превратное мнение об этих животных как о падальщиках. А слова «шакал», «гиена» частенько употребляют как ругательства. В большой степени этому способствует их внешняя непривлекательность. Ведь тигр и лев тоже не брезгуют останками других животных. Однако они олицетворяют собой силу, ловкость и благородство. Авторы книги знакомят читателей с жизнью этих «непривлекательных» хищников. На основе собственных наблюдений показывают, что гиенам и шакалам не чужды ловкость, сила, благородство, что и они могут быть предметом симпатии человека.

В заключение надо сказать, что авторы этого сборника хорошо известны нашим читателям. Их книги неоднократно издавались у нас в стране, их любят читать и взрослые и дети. Популярности этих произведений способствуют горячая любовь их авторов к животным, прекрасный литературный язык, высокий научный авторитет, а также стремление сохранить уникальный животный мир нашей планеты.

Бернгард Гржимек

Австралийские этюды

О животных и людях Пятого континента

Позднее „пробуждение" Австралии

Пробыв в воздухе 22 часа, 4 июля поздней ночью я прибыл в Перт — город, расположенный на западном побережье Австралии. Летел я сюда из Англии и заранее знал, что на аэродроме меня должны встретить представители администрации зоопарка. Они меня действительно встретили и отвезли в гостиницу, пообещав назавтра заехать за мной в 10 утра, для того чтобы показать мне столицу Западной Австралии. Здесь в течение двух месяцев непрерывно шел дождь, и поэтому воздух был на удивление прохладен и свеж. Я заснул сном праведника, из которого меня вырвал звонок портье, сообщавшего, что «господа из зоопарка ждут внизу, в холле». Мне было ужасно стыдно: со мной еще никогда не случалось, чтобы я проспал. В результате пришлось осматривать этот зеленый город с его полумиллионным населением даже не позавтракав и, что еще хуже, небритым.

Прошло целых восемь дней, пока я акклиматизировался и привык жить шиворот-навыворот. Ведь в Австралии все наоборот: из нашего лета я попал в австралийскую зиму, да и день там начинается на девять часов раньше, чем у нас. В Мельбурне в половине пятого уже темнело; однажды, к моему удивлению, даже шел снег, а в Сиднее температура иногда снижалась до четырех градусов! Уснуть мне удавалось лишь в три часа ночи, но зато я успевал досыта начитаться исторических повестей Алана Муэрхеда, в которых рассказывалось об открытии Австралии, о первой экспедиции, сумевшей пересечь континент, и других книг о первых поселенцах Австралии, а именно о колонии для особо опасных преступников, учрежденной здесь в 1788 году. Мы, европейцы, много читали о знаменитых открывателях Африки, таких, как Бекер, Ливингстон, Стэнли, Эмин Паша. Но кто из нас хоть раз слышал имена не менее достойных австралийских землепроходцев — Чарлза Стерта, Уильяма Уиллса, Роберта О'Харра Берка, Джона Стюарта? Наверное, немногие.

Проснуться после чтения этих историй мне удавалось не раньше девяти вместо привычных шести часов.

— Какое впечатление произвел на вас Сидней? — задал мне дежурный вопрос один из австралийских журналистов. — Неправда ли, бесподобен своим размахом? Ведь он в семь раз больше Лондона, от одного конца города до другого — 100 километров! Не кажется ли вам, что со временем все больше будет увеличиваться поток туристов, желающих полюбоваться нашими небоскребами, колоссальными мостами и сверхмодерновым оперным театром?

Молодые государства всегда особенно гордятся своими городами, своей техникой и индустриальным размахом. А живую природу родной страны со всеми ее особенностями считают малоинтересной и недостойной внимания.

Стараясь не обидеть гостеприимных, исключительно приветливых и любезных австралийцев, мне пришлось со всякими оговорками объяснить репортеру свой взгляд на этот вопрос. Небоскребы, автострады, гигантские мосты, промышленные предприятия, красивые современные театры, стадионы, аэродромы и море крыш — все это можно найти везде. И повсюду они выглядят почти одинаково. Люди сейчас — будь они жителями заштатной деревни или Лондона, Лос-Анжелеса или Токио — одеваются почти одинаково, едят одно и то же, обставляют дома стандартной мебелью и смотрят по телевидению одни и те же фильмы. Почти ни в одной стране нельзя достать сувенира, которого невозможно было бы приобрести в магазине у себя на родине. Нет, я ни за что не поверю, чтобы американцы или англичане пустились в кругосветное путешествие только для того, чтобы посмотреть на новостройки Сиднея и Мельбурна. Может быть, то, что я скажу, будет шокировать современного австралийца, который заслуженно гордится своими достижениями, однако я твердо уверен: турист, избалованный видами Скалистых гор и Швейцарии, уже насмотревшийся на слонов и львов в национальных парках Восточной Африки, поедет в Австралию лишь за тем, чтобы поглядеть... на кенгуру.

Как-то я проехал на микроавтобусе 1300 километров от Сиднея до Аделаиды. При этом из окна машины мне удалось увидеть только 22 кенгуру, из них 15 — далеко от дороги, почти у самого горизонта; заметив машину, они со всех ног кинулись прочь. Остальных семь кенгуру я насчитал на дороге задавленных автомашинами.

А когда из города Дарвина, расположенного на тропическом севере Австралии, я направлялся к одной заброшенной ферме, то заметил, что в ночной темноте вдоль всей дороги то и дело светились глаза каких-то животных. Однако при ближайшем рассмотрении это каждый раз оказывались то разбитые пивные бутылки, то выброшенные консервные банки. Все обочины дороги были усеяны этими «сувенирами», их тут лежали тысячи, десятки тысяч, миллионы...

— Ну разумеется, вы можете увидеть сколько угодно кенгуру!

Для этого достаточно только сходить в любой из зоопарков Сиднея, Мельбурна, Аделаиды или Перта,— говорят австралийцы.

Но увидеть кенгуру в зоопарке можно и в любой европейской стране, для этого совсем не обязательно ехать в Австралию. И сегодня, когда 80 процентов европейского и американского населения живет в больших городах, людям все чаще хочется провести свой отпуск в каком-нибудь месте, где еще можно увидеть природу в ее первозданном состоянии, где еще встречаются непуганые, доверчивые животные, не убегающие при виде человека. Миллионы людей для этой цели едут в Национальный парк Роки Маунтин в Соединенных Штатах, а в последнее время сотни тысяч стали направляться в обширные национальные парки Африки. И с каждым годом таких людей становится все больше.

«Ну разумеется же, и у нас есть национальные парки,— скажет вам любой австралиец.— Их целых восемь или двенадцать, и расположены они в специфической «австралийской местности».

И если спросишь: «А как велики эти национальные парки?», то получишь ответ: «О, огромные! Много тысяч акров!»

Но я-то знаю, что если заповедная территория занимает даже тысячи акров, то ее нельзя считать настоящим национальным парком: она слишком мала. Национальный парк должен измеряться тысячами квадратных километров, вот тогда это будет отвечать требованиям настоящей, действительный охраны природы. Потому что только на обширной нетронутой площади может сохраниться биологическое равновесие в природе, только на такой территории животные в состоянии прокормиться. Резерваты, в которых животных содержат в вольерах, словно в зоопарке,— это не национальные парки, даже если они носят такое название.

Собственно говоря, я не очень-то имею право критиковать. На моей родине вообще нет ни одного национального парка. Да и что в них охранять? Лучшие виды животных давно уже истреблены. Медведь, лось, зубр, рысь и волк ушли в область преданий. А другие — куропатка, филин, орел, речная выдра — постепенно исчезают. Не лучше обстоит дело и в других европейских странах.

Но я уже многие годы работаю в Африке и стараюсь, как могу, помочь сохранить там тех диких животных, которых не встретишь больше нигде в мире. Мне хочется сделать все возможное, для того чтобы наши внуки и правнуки еще могли их застать живыми.

Куда бы я ни приехал — в Советский Союз, Канаду или Австралию,— всюду люди меня тревожно спрашивают, не уничтожат ли африканцы в ближайшее время всю свою бесценную дикую фауну? И я каждый раз с радостью вношу ясность в этот вопрос: «Нет, африканцы новых, освободившихся от колониализма государств не уничтожают своих уникальных животных. Наоборот, они заинтересованы в том, чтобы сохранить большие национальные парки и создавать новые. Это будет привлекать в страну все больше туристов и станет прекрасной статьей дохода. В некоторых из этих стран после избавления от колониализма для охраны диких животных

уже сделано больше, чем за все предыдущие десятилетия правления европейцев».

А теперь мне захотелось узнать, как обстоит дело в отношении охраны природных ландшафтов и животного мира в Австралии. Мне интересно было посмотреть, как на воле живут те четвероногие и крылатые австралийцы, которых мы уже десятки лет содержим у себя во Франкфуртском зоопарке. Дело в том, что природа таких тропических материков, как Австралия и Африка, особенно чувствительна к неразумному вмешательству человека и его бесконтрольному хозяйничанью на земле. Грехи, совершенные нами по отношению к природе в Европе, скажутся только через сотни лет (благодаря умеренному климату и частым дождям), в тропических же странах наши ошибки дадут о себе знать гораздо скорей — спустя десятки лет, а то и меньше. В мире уже полно пустынь, созданных руками человека, и с каждым годом к ним прибавляются все новые квадратные километры.

Когда люди попадают в какую-нибудь необитаемую, девственную область земли, им часто кажется, что природа там так богата, что из нее можно черпать без устали и без конца. Так думали, например, американцы до конца прошлого столетия. Они тоже поздно «пробудились», а для многих обширных районов и ценных животных — слишком поздно. Там, где прежде мирно паслись миллионные стада бизонов, теперь из-за хваленой человеческой «предприимчивости» образовались бескрайние dust bowls — знаменитые «пыльные пустыни».

В тех частях света, которые позже были освоены первооткрывателями, ничем не омраченный «дух рационализации» продержался дольше. Но и в Австралии перевыпас довел многие луга до ужасного состояния. Здесь то и дело встречаются кусты, растущие на высоких земляных буграх: ветер просто сдул всю сухую, сыпучую почву там, где она не была укреплена корнями растений. Из машины я мог ежедневно снимать лесные пожары. Нигде больше мне столь часто не приходилось видеть это печальное зрелище.

Однако на западе, юге, севере и востоке континента я встретил людей, которым все эти вопросы далеко не безразличны. Правда, пока это только небольшие группы и союзы ученых, которые болеют за дело охраны родной природы. Они уже давно изучают уникальную австралийскую растительность, существующую миллионы лет, и необычный животный мир Пятого континента. Эти замечательные, я бы даже сказал, самоотверженные люди всю жизнь посвящают борьбе за сохранение удивительной и прекрасной природы Австралии. И я уверен, что они позаботятся о том, чтобы к 2000 году австралийских животных можно было увидеть не только на почтовых марках, как это уже случилось со знаменитым тасманским сумчатым волком...

Им, этим людям, и посвящается моя книга.

Я благодарю всех астралийцев, которые так гостеприимно меня принимали и помогли мне познакомиться со своей страной.

Бернгард Гржимек

Глава первая

Прыжок на остров Кенгуру

Кенгуру легко убить палкой.

◆

«Непьющее животное».

◆

Царство итальянских чистокровных пчел.

◆

За столом сидел скелет.

◆

Потерпевшие крушение выжили благодаря «паршивым пингвинам».

◆

Большеголовые кенгуру с острова Кенгуру.

◆

Тайна смерти овец.

Что за вопрос — хочу ли я попасть на остров Кенгуру! Ну разумеется, хочу! И меня совершенно не смущает, что сейчас южная зима и довольно холодно для этих мест.

Я уже знаю, что у коварных берегов этого второго по величине после Тасмании острова Австралийского Союза с момента его открытия (в 1802 году) разбилось 163 корабля; знаю, что на острове обитает очень своеобразный вид темно-коричневых гигантских кенгуру; что на нем еще можно увидеть настоящий австралийский скрэб (кустарниковые заросли) таким, каким его застали не только первые европейцы, но и первые аборигены... И наконец, что от Аделаиды, столицы штата Южная Австралия, насчитывающей 600 тысяч жителей, до острова — рукой подать: всего 150 километров.

К сожалению, хваленый паром, на котором за шесть часов и 160 марок можно переправиться на остров, как раз на ремонте (обычно же он курсирует дважды в неделю зимой и даже трижды летом). Так что мне вместе с двумя моими сотрудниками придется перелетать туда на самолете. В глубине души я даже рад этому, потому что плохо переношу качку, и 34 года тому назад дал себе клятву никогда больше не пользоваться услугами водного транспорта. Однако, когда мы на бешеной скорости подкатили к аэропорту Аделаиды, мотор пассажирского самолета был уже запущен и дежурный по аэродрому, окинув критическим взглядом наши чемоданы, тюки, треножники и прочий багаж, категорически заявил: «Нет, нельзя. Вы опоздали!»

Мне очень жаль терять время, к тому же я по телефону уже заказал там, на острове, машину. Поэтому я начинаю судорожно метаться по аэродрому в поисках какого-нибудь частного самолетика, который можно было бы нанять для переброски на остров.

И такой самолетик находится. Пилот торопится с отлетом, потому что до захода солнца хочет вернуться обратно, а день уже клонится к вечеру. Красная машинка с трудом отрывается от зем-

лн, поднимая в воздух тяжелую для нее поклажу: меня, Алана Рута — моего оператора, его жену Джоан и весь наш скарб.

Несколько минут спустя мы уже парим над морем, над заливом Сент-Винсент, пересекаем пользующийся дурной славой пролив Бакстэрс, или так называемый «Черный ход», и, прибыв на остров, успеваем даже попасть на автобус, встречающий пассажирский самолет. Наконец мы благополучно добираемся до маленького отеля с неотапливаемыми комнатами. Я одалживаю у хозяйки рефлектор, и за время ужина комната успевает несколько нагреться.

На другое утро за нами приходит крохотный автомобильчик. Втиснувшись в него, мы едем сначала по асфальтированной, а затем по пыльной проселочной дороге, пересекаем весь остров и наконец добираемся до национального парка Флиндерс-Чейз.

Остров Кенгуру тянется в длину на 144 километра, в ширину на 40, а вся его площадь — 4360 квадратных километров. В одном месте от материкового берега остров отделяет всего 11,5 километра; это как раз и есть опасный пролив Бакстэрс.

Заселен остров был гораздо раньше, чем Южная Австралия*. Однако жившие здесь аборигены по какой-то неизвестной причине за несколько сот лет до прихода европейцев не то вымерли, не то куда-то переселились. Только совсем недавно здесь было обнаружено 60 стоянок древнего человека. Вероятнее всего, эти люди приплыли сюда с Тасмании, а не с континента, так как коренные жители Австралии боялись поселяться здесь, считая, что на острове живут духи их предков.

Английский капитан Мэтью Флиндерс, открывший этот остров для нас, европейцев, в 1802 году, по отсутствию дыма от костров сразу же определил, что он необитаем. Флиндерс мог заключить это и по поведению животных: они были исключительно доверчивы, особенно кенгуру, о которых он писал, что «их без всякого труда можно убивать прямо палкой...»

Во всяком случае капитан Флиндерс так обрадовался легко доступному источнику мяса, что дал открытому им острову название Кенгуру, которое сохранилось до наших дней.

Да, животным, доверяющим человеку и принимающим его за миролюбивое существо, как правило, приходится плохо. Уже немало таких доверчивых видов животных начисто истреблено. Так случилось, например, с не умеющими летать страусами эму, обитавшими некогда на острове Кенгуру. По размеру эта птица была несколько меньше, чем эму, живший на континенте, но на вкус ничуть не хуже. И этот островной эму очень быстро исчез с лица земли. Исчез безвозвратно. Теперь можно полюбоваться лишь его портретом в музее Аделаиды да его косточками и перьями в Музее естественной истории в Париже. Даже самые глубокие старики из старожилов не могут припомнить, чтобы на острове водилась такая птица...

Французский капитан Никола Бодэн, несколько позже Флиндер-

---

* Комментарии в конце произведения.

са обошедший на своей каравелле вокруг острова, уточнил его координаты и размеры на морской карте и назвал одну из долин, где было особенно много маленьких страусов, Долиной казуаров (Ravine des Cassoars). Простим капитану его слабые познания в зоологии, из-за чего он спутал эму с казуарами; в конце концов это не так уж важно. Зато до сих пор многие районы острова носят французские названия, которые дал им отважный мореплаватель.

Потом долгое время никто не интересовался этим обширным островом, густо заросшим эвкалиптовым кустарником. Но между 1802 и 1836 годами здесь поселилось несколько бывших моряков со своими туземными женами. Пробавлялись они охотой, рыбной ловлей, продажей соли, а также тюленьих и кенгуровых шкур. Только некоторые из них занимались еще и сельским хозяйством. Настроены эти люди были весьма бунтарски, и даже такие еще молодые поселения, каким был тогда Сидней (в то время он назывался Порт-Джексон) или Хобарт на Тасмании, казались им слишком благопристойными.

Самым знаменитым среди поселенцев был некто Генри Валлан, именовавший себя губернатором Валли. Он жил с двумя своими туземными женами — Пусс и Полекет на ферме «Вигвам», расположенной в нескольких километрах от нынешнего Кингскота, и заправлял всеми делами колонии как настоящий «островной король». Рассказывают такой случай. В 1836 году на остров высадился с изрядным грузом некто мистер Стефан, чиновник колонии Южная Австралия. Валли вышел на берег, чтобы узнать, кто он такой.

— А вы кто такой?— спросил в свою очередь Стефан.

— Я здешний губернатор,— ответил Валли.

— Никакой вы не губернатор, — огорошил изумленного островитянина новый пришелец,— потому что губернатором этого острова назначен я.

— А я тебе говорю, что я здесь губернатор!— крикнул Валли.— И как ты мог вообразить себя здешним губернатором, ты, недоносок несчастный! Тебя бы даже не приняли в лейб-гвардию короля Джона, если б ты сделал попытку туда вступить, жалкий коротышка!

Правда, несколько позже сопротивление дерзкого островитянина удалось сломить, и он даже оказал несколько ценных услуг новой колонии. Так, вместе со своими женами и собаками он пересек поперек весь остров, чтобы спасти нескольких английских моряков. Эти люди потребовали, чтобы капитан высадил их на берег, потому что длинное морское путешествие так их утомило, что они были не в силах его продолжать. Двое погибли, заблудившись в густых зарослях эвкалипта и не найдя питьевой воды, но остальных Валли удалось спасти. Впрочем, другие старожилы острова— полуодичавшие европейцы и их туземные жены, большей частью украденные с материка, то и дело нападали на новое поселение, стараясь его сжечь.

Нужно сказать, что поселение вообще-то было не слишком

удачным приобретением для австралийских властей: овцы здесь подыхали от какой-то таинственной «береговой лихорадки», пшеница и ячмень никак не хотели расти, а от бесчисленных прежде кенгуру, валлаби и тюленей на всем побережье протяженностью в 495 километров почти ничего не осталось. Когда же началось процветание города Аделаиды, а в Южной Австралии стали выращивать виноград и нашли золото, поселенцы один за другим перебрались на материк. Так что к 1901 году на острове Кенгуру осталось лишь 720 человек.

Только благодаря этому и удалось спасти для животных небольшой участок острова, разумеется, как всегда в таких случаях, самый заброшенный и неплодородный. Спасен он не только для животных, но и для современных жителей южноавстралийских городов, которые время от времени чувствуют потребность провести пару дней вне привычной обстановки: небоскребов, вереиц автомобилей и неоновых реклам...

Австралийцам, посвятившим себя охране родной природы, значительно труднее этим заниматься, чем их единомышленникам в современных культурных центрах человечества — Европе и Америке. Там уже начали осознавать грозящую опасность для будущего нашей Земли и знают, что по-настоящему передовой и культурной страной может считаться только та, которая заботится не только о создании индустриальных центров и атомных реакторов, но и о сохранности своих природных ландшафтов, плодородных земель и животного мира. Так, здешним специалистам в области охраны природы в течение целых тридцати лет пришлось добиваться согласия правительства на то, чтобы в 1919 году Флиндерс-Чейз наконец был объявлен заповедником. Территория его не очень-то велика — всего 546 квадратных километров.

Как только наш автомобильчик въехал через простые деревянные ворота на территорию национального парка, эвкалиптовый кустарник стал заметно выше, а в отдельных низинах появились уже настоящие эвкалиптовые рощи. В одной из таких рощ мы и увидели первых коала. Сидели они в кронах мощных эвкалиптов, чаще всего на самых верхушках, каждый — на своем дереве.

Их нисколько не трогала наша суетня с треножниками для кинокамеры и тяжелого длинного объектива фотоаппарата. Коала к этому привыкли. Да к тому же они еще ленивы от природы. Время от времени кто-нибудь из них пристально и серьезно разглядывал нас скучающим взглядом. Им здесь хорошо: листва местного вида эвкалипта — их самая любимая еда. А в водопое они не нуждаются. Недаром «коала» на языке туземцев означает «не пьет».

Раньше на острове не было коала, их ввезли сюда в 1924 году. В течение семи лет животных содержали в больших сетчатых вольерах; здесь они постепенно обглодали все деревья, но размножались очень слабо. Только когда животных выпустили на волю, их стало заметно больше. Сейчас на острове сотни коала, и это несмотря на то, что многие из них трагически погибли во время страшного лес-

ного пожара в 1958 году. Об этом бедствии, когда сгорела большая часть парка, широко сообщалось в мировой печати.

Люди, которые приезжают сюда летом и неделями живут в палатках прямо в лесу, часто заводят с коала довольно близкую дружбу. Если надолго поставить машину под дерево, случается, что один из этих ленивых толстяков спрыгнет на крышу автомобиля и оттуда вперевалочку переберется на другое дерево. Иногда можно наблюдать, как самцы преследуют своих пушистых самок. Им явно трудно распознать, на какое именно дерево залезла их избранница. Они суетятся, нюхают кору, и, найдя наконец нужный след, торопливо (насколько позволяет им их медлительность) карабкаются вслед за предметом своих вожделений на самые верхние тонкие ветки. Там они повисают друг против друга на одних «руках», но чаще всего начинают ссориться, потому что самки этих животных чрезвычайно строптивы и отличаются скверным характером. На зрителей скандалисты, как правило, не обращают никакого внимания. Часто преследуемой самке удается пробраться мимо своего обожателя, и тогда она поспешно ногами вперед спускается с дерева и перебирается на другое. Самец после этого подолгу ищет избранницу своего сердца, но часто в изнеможении прерывает поиски и впадает в глубокий сон.

Любителям природы, отдыхающим здесь летом с семьей в жилом прицепе или в палатке, удается по ночам наблюдать жизнь таких животных, которых днем никогда не увидишь: например, приветливых маленьких лисьих кузу (Trichosurus vulpecula vulpecula), которых австралийцы называют еще щеткохвостыми опоссумами. Но напоминают они скорее не лисиц, а маленьких лазающих кенгуру. Кузу здесь значительно доверчивее, чем на материке. Если туристы долго живут на одном и том же месте, молодые кузу в конце концов спускаются с дерева, карабкаются на руки и позволяют угощать себя лакомыми кусочками и гладить. Некоторые даже переходят жить в палатку, не обращая никакого внимания на свет лампы.

В 1926 году сюда завезли 15 кузу другого вида, который раньше не водился на острове. Их потомство можно встретить здесь и поныне, но, правда, очень редко. Так же трудно найти карликовых опоссумов (Cercartetus concinnus). Хотя этих зверьков и много на острове, на глаза они попадаются очень редко, потому что активны только по ночам; зимой же они впадают в спячку, свернувшись калачиком в своих гнездах в дуплах деревьев.

Во второй половине прошлого столетия специалистам-энтомологам пришло в голову проделать такой эксперимент. Так как на острове не водились пчелы, то он был идеальным местом для разведения их чистых пород. Для этой цели Торговая палата Южной Австралии организовала на острове в 1884 году большую государственную пасеку, на которую были завезены итальянские (лигурские) медоносные пчелы; ввоз же любых других пчел был категорически запрещен.

Предприятие тогда не дало ожидаемых результатов и вскоре

было заброшено. Однако в 1939 году два государственных специалиста, обследовав остров, с удивлением обнаружили, что он весь заселен чистопородными, большей частью дикими итальянскими пчелами. И это в то время, когда уже почти нигде в мире не осталось чистых пород. Один государственный пчеловод взялся собрать отроившиеся пчелиные семьи, живущие в дуплах деревьев и в щелях среди скал, и вновь поселить их на огромной пасеке. И теперь пчеловодам, живущим в любой части Австралии, да и в других частях света, рассылаются по заказу маленькие коробочки, в каждой из которых находится чистопородная пчелиная матка с 15 рабочими пчелами из ее челяди...

В штабе национального парка нас радушно встретили лесничий — господин Ланзар и его жена; живут они здесь в современном, благоустроенном доме. Мы поселились в каменном здании бывшей фермы, превращенном теперь в гостиницу. Нельзя сказать, чтобы там было тепло, поэтому мы поскорее разожгли огонь в камине, а я притащил к себе в комнату как можно больше одеял.

На огороженном выгоне в 80 гектаров бродили овцы господина Ланзара. Однако когда на другое утро я вышел, поеживаясь от резкого ветра, то увидел, что вместе с ними пасется столько же темно-коричневых островных кенгуру. Еще больше здесь паслось куриных гусей (Cereopsis novaehollandiae), которых за издаваемое ими хрюканье называют также свиными гусями. В обычных условиях эти птицы живут в укромных местах и стараются не попадаться на глаза, но здесь, на выгоне, они подпускают меня даже на расстояние сорока метров.

Первый лесничий, Гарольд Ханзен, прибыл сюда в 1926 году и поселился в старинном каменном здании фермы. В то время здесь не могла проехать ни одна машина. Лишь раз в четырнадцать дней верховой гонец привозил Ханзену почту. Сегодня же машины подкатывают к самым дверям дома и могут свободно разъезжать по благоустроенным дорогам в разные концы заповедника. Правда, сойти с этих дорог в лес совершенно невозможно из-за густых зарослей эвкалипта. И кроме того, здесь летом плохо с питьевой водой, поэтому заблудиться очень опасно. Между прочим, кроме эвкалипта остров Кенгуру славится своими орхидеями, их здесь пятьдесят различных видов. Вокруг административных зданий бегают два взрослых эму, которых завезли сюда несколько лет тому назад еще птенцами. Однако они не пожелали одичать и никуда не собираются уходить. Но размножаться они почему-то тоже не хотят.

В то же утро мы отправились вместе с помощником лесничего в его машине через горы и долины к мысу Борда, самой северо-западной оконечности острова. Отсюда всего за девять минут можно спуститься по скалистому берегу к маяку. Он возвышается на 120 метров над волнами, с шумом омывающими его подножие. Маяк светит здесь в ночи уже более ста лет, с июля 1858 года, только керосин теперь заменен электричеством, а в самое последнее время маяк снабдили даже радиопередатчиком.

Мы добрались до этого маяка и сели перед дверью заброшенного домика смотрителя переждать внезапно разразившийся ливень. А молодой помощник лесничего решил тем временем занять нас рассказом старинных страшных историй. Вот что мы услышали.

В 1876 году отсюда по дну океана был проложен кабель до Аделаиды. И так как корабли, направляющиеся на материк, сперва должны были пройти мимо мыса Борда, то с острова ежедневно редакциям газет сообщались названия судов, появлявшихся в поле зрения маяка. С мыса же поступали первые сведения о кораблекрушениях. Они происходили здесь очень часто, и не мудрено: ведь у берегов масса рифов, коварных подводных скал и малоизвестных течений. Как-то среди скал, несколько южнее мыса Борда, сел на мель финский баркас «Фидес» и утонуло 20 человек. А оставшихся в живых смотритель маяка на утлой парусной лодчонке отвез на материк.

Несколькими годами позже наскочил на риф бриг «Эмилия Смит». Случилось это темной ночью, и почти все пассажиры пошли ко дну. Только одну женщину и четырех моряков выбросило на берег. Через четыре дня трое из потерпевших крушение чудом дотащились до домика смотрителя маяка. Смотритель отправился искать двух остальных, но обнаружил среди скал лишь изуродованные трупы тех, кто утонул во время крушения. И только два месяца спустя один охотник, посетив охотничью избушку, к своему удивлению, обнаружил там скелет мужчины, который сидел за его столом. А скелет женщины был найден лишь через два года.

Истории следовали за историями—одна страшней другой, и все про смерть и ужасы. 24 апреля 1899 года наскочило на риф судно «Лох Слоу», везшее 33 тысячи галлонов виски из Глазго. Оно опрокинулось и легло на бок килем к берегу. Огромные волны за десять минут разбили его на куски и разбросали пассажиров и матросов в разные стороны. В живых осталось лишь четверо: колоссальный вал поднял их и посадил на прибрежный утес. Остальные 31 человек утонули. Один из спасшихся восемь дней плутал по острову и наконец вышел к мысу Борда. Служители маяка пошли на розыски остальных и нашли еще двух потерпевших крушение, с трудом продиравшихся сквозь кустарник, причем в сторону, противоположную от маяка. А третьего нашли мертвым.

Как выяснилось, все уцелевшие выжили только благодаря тому, что ловили карликовых пингвинов (Eudyptula minor) и питались их мясом. Эти пингвины, достигающие всего 40 сантиметров в длину, обитают по всему побережью острова Кенгуру. Спинка у них серовато-синяя, а брюшко белое. Людей они не боятся и подходят к ним совсем близко. Несмотря на свою кажущуюся неповоротливость, они взбираются по отвесным берегам и на высоте примерно в 60 метров в расщелинах скал строят свои гнезда. Кстати сказать, на остров Филлип колония этих самых маленьких на Земле пингвинов, насчитывающая 100 тысяч голов, ежегодно привлекает более 100 тысяч туристов.

Печальная судьба постигла одного из спасенных — судового

юнгу по фамилии Симпсон. Этот молодой человек, не умеющий даже плавать, оправившись после потрясения, вернулся в Англию, снова нанялся на корабль — на этот раз «Лох Веннахар»— и вторично приплыл к берегам Австралии. Но, видимо, юнге на роду было написано погибнуть в морской пучине: не дойдя до мыса Борда, корабль пошел ко дну, и весь экипаж погиб. Несколько недель спустя к берегу прибило только один труп, одну спасательную шлюпку, пятьдесят бочек виски и отдельные куски разбитого корабля.

Частые катастрофы заставили местные власти подумать о постройке второго маяка, потому что маяк на мысе Борда не всегда был виден подходившим с юга кораблям из-за загораживавших его скал. Такой новый маяк и был вскоре построен на высоком юго-западном уступе — мысе Дюкуэдик (Cap du Couedic).

Однако хорошо сохранившиеся возле него каменные дома сегодня пустуют. Раньше людей и провиант сюда, наверх, доставляла канатная дорога. Сооружение это еще частично сохранилось. Рассказывают, что им перестали пользоваться с тех пор, как в нем застряла жена смотрителя маяка: отказал механизм, и ей пришлось провисеть между небом и землей, над бешено бушевавшими волнами, целых два часа, пока ее наконец удалось снять. Говорят, что когда она добралась до будки смотрителя, то здорово отлупила своего мужа...

«Паршивыми пингвинами», как писали тогдашние газеты, пришлось питаться и пассажирам «Марса», который в 1885 году, дойдя до берега, застрял между двумя скалами. Капитан хотел добраться до берега на шлюпке, но его разбило о камни. Наконец испанскому моряку все же удалось доплыть до берега. Как только забрезжил рассвет, ему бросили с корабля канат, который он сумел поймать. Тогда, держась за канат, на берег перебрались еще три моряка. Вскоре прибило к берегу и труп капитана, которого здесь же похоронили, а спустя восемь дней все четверо благополучно добрались до домиков на мысе Борда.

Иногда потерпевшим крушение удавалось пробавляться и тюленьим мясом, но только в тех случаях, когда они ухитрялись спасти свои винтовки или раздобыть какие-нибудь тяжелые предметы, а главным образом если у них оставались силы на то, чтобы убить такое животное.

Отсюда, сверху, со скал я не мог разглядеть, есть ли внизу на песчаном откосе тюлени. Но стоило мне слезть вниз, как я обнаружил сразу несколько штук за полосой дюн. Они мирно спали, хорошо защищенные от ветра зарослями кустарников. Это особые, австралийские тюлени (Gypsophoca dorifera). Впервые они были описаны французским естествоиспытателем Пероном, обнаружившим их на острове в 1802 году. В прежние времена они тысячными колониями заселяли все побережье острова Кенгуру и Южной Австралии. У некоторых старых самцов были гаремы из пятидесяти самок. Животные эти не очень пугливы. Если я двигаюсь медленно, они подпускают меня даже на два метра и только потом начинают

нерешительно сползать в сторону моря. Когда я хватаю самца за задний ласт, он приподнимается, поворачивает ко мне голову, скалит зубы и лениво «ругается», но отнюдь не собирается нападать. А вот больших белоголовых тюленей (Neophoca cinerea) с их желтовато-белыми загривками я так нигде и не встретил, хотя долго искал этих огромных животных, самцы которых достигают в длину от трех до четырех метров.

Когда карабкаешься среди прибрежных скал в поисках тюленей или пингвинов, следует быть осторожным; хотя почва под ногами и кажется сухой и твердой, это впечатление обманчиво: время от времени на скалы обрушиваются семиметровые волны, которые смывают с берега все живое. Нельзя забывать, что здесь к тому же еще водятся и акулы.

Однако не все кораблекрушения, происходившие возле этого побережья, кончались трагически. Так, шхуна «Данкау» в полночь 25 мая 1897 года очутилась совсем близко от опасных высоченных скал возле мыса Дюкуэдик. Матросы услышали рев волнорезов, и, когда за каскадом брызг в темноте мелькнули очертания двух скалистых островков, они бросили сразу два якоря. Утром люди обнаружили, что их корабль качается на волнах всего в 100 метрах от отвесных береговых скал, а ветер гонит его в сторону торчащих из воды диких утесов. Весь день ветер старался сорвать шхуну с якорей и тащил ее в сторону опасных скал, а команда сбрасывала за борт тяжелый груз—строительный лес, который лежал штабелями на палубе. К вечеру один якорь оборвался, и ночью «Данкау» медленно стало прибивать к волнорезам. К утру шнуху отделяло от них не больше 15 метров. Когда за борт попробовали спустить шлюпку, она была тотчас же раздавлена, как скорлупка. С огромным трудом команда, состоящая из 26 человек, на последней уцелевшей спасательной шлюпке все же сумела оторваться от борта корабля. На этой перегруженной, трещащей по швам лодке, которую волны швыряли из стороны в сторону, людям удалось добраться до берега, находящегося на расстоянии 90 метров. Подкрепившись в поселении, они отправились пешком до Кингскота, где раздобыли небольшой парусный баркас, и, обогнув северную оконечность острова, поплыли вдоль его западного побережья. Они надеялись подобрать хоть какие-нибудь остатки своего разбитого корабля. И каково же было их удивление, когда, приблизившись к мысу Дюкуэдик, они увидели, что «Данкау» по-прежнему качается на якоре, как и восемь дней назад!

Оказалось, что проходящее здесь вдоль берега течение отогнало корму корабля от смертоносных скал. Так что им удалось снять корабль с якоря целым и невредимым, и все были довольны и счастливы. А вот большое грузовое судно, оборудованное по последнему слову техники, наскочило нынешней весной на риф, невзирая ни на какие радиомаяки и радиопеленгаторы.

В течение следующих дней мне несколько раз встречались ехидны (Tachyglossus), которые здесь не редкость. Если такого «ежа» напугать, он спешит поскорее закопаться головой в песок,

пряча свою уязвимую морду и выставив наружу защищенную мощными иглами спину. Ехидны испокон веков жили на острове Кенгуру. А вот сорных, или большеногих, кур специально завезли в заповедник с материка.

Гоаны, как здесь называют песчаных варанов, держатся возле кемпингов и проявляют исключительное дружелюбие к туристам. Правда, не совсем бескорыстное: они роются в отбросах, заглатывая мясные и рыбные кости и другие объедки; но иногда просто так, от полноты чувств, подбегают к детям и облизывают им голые ножки...

В отличие от прочих ящериц у этих, почти метровой длины, гоан нет регенерирующего хвоста, т. е. они не могут его сбрасывать в случае опасности. Гоаны отпугивают змей, а поскольку здесь водится ядовитая медноголовая змея, жители этих мест бывают очень рады, когда возле их дома поселяется такой варан.

С трудом я привыкаю к тому, что редчайшие попугаи — крупные какаду и волнистые попугайчики — запросто порхают между деревьями, как у нас дома вороны или галки. А ведь в Европе они стоят больших денег — несколько сот марок каждая птичка!

Мелкие виды кенгуру, такие, как кустарниковый валлаби (Wallabia eugenii), или, как их здесь называют, «дама Падемелон», увидеть не так-то просто, разве что мертвых, раздавленных автомашинами на шоссе. А вот живых мне никак не удавалось высмотреть — ни из окна машины, ни во время наших прогулок по лесу. В то же время их здесь много, просто они прячутся. В густых зарослях у них проделаны специальные ходы, в которых они днем скрываются от посторонних глаз. Эти небольшие животные, размером с зайца, почти бесшумно шмыгают по своим лабиринтам, общаясь между собой постукиванием ноги о землю. Такой способ предупреждения — «я тут» — характерен для всех видов кенгуру, живущих колониями.

Мелкие кенгуру распространены по всей Южной Австралии, так что к зимним похолоданиям они, видимо, вполне приспособлены. Этот вид кенгуру был описан раньше других и из всех сумчатых животных Австралии первым попал в Европу. В европейских зоопарках их часто демонстрируют под названием дерби-кенгуру. На австралийском побережье дерби-кенгуру становится сейчас все меньше и меньше, что говорит о том, насколько необходимо обеспечить им здесь, на острове, последнее прибежище.

Туристам, подолгу живущим в кемпингах, иногда удается настолько приручить маленьких кенгуру, что те разрешают себя гладить по спинке.

Посреди небольшой лужайки сидят большие темно-коричневые кенгуру. Я стараюсь как можно тише вытащить фотоаппарат, потому что опасаюсь, что при малейшем неосторожном движении они бросятся врассыпную.

Но я щелкаю затвором, а они и не думают двигаться с места: сидят как сидели, только косятся в мою сторону. Тогда я подхожу на несколько шагов ближе. На матовом стекле животные отража-

ются уже совсем крупиым планом, но — о чудо!— все еще не убегают! Более того, оии разрешают мие зайти прямо в середииу их группы, а иаиболее смелая самочка даже обиюхивает мою протяиутую руку.

Этот вид (Macropus major fuliginosus) относится к гигаитским кенгуру: оин достнгают в высоту 1,2—1,4 метра, и голова у них зиачительио больших размеров, чем у всех прочих видов. Несмотря на то что за последние полторы сотни лет у иих успел накопиться достаточно печальный опыт по общеиию с иами, людьми, они остаются самыми спокойиыми н доверчнвыми средн всех видов кеигуру. Их доверчивость граиичит иногда даже с навязчивостью. Кроме того, оии ужасио любопытиы: жнвя здесь, иередко можио проснуться от того, что двое нли трое нз них проникли в палатку и роются в вашем имуществе.

Мие ие привелось их видеть ии в одиом европейском или америкаиском зоопарке. Эти специфические «островиые» кеигуру питаются травой, растущей между эвкалиптовымн кустами на открытых полянах. В жаркое, засушливое лето оии стаиовятся совсем худющими и слабыми. Воды оии ие боятся и, придя иа водопой, иногда заходят в нее по пояс; плавают тоже вполие прилично, ие страшась даже самых глубоких мест.

Прежиий леснччий Хаизеи однажды наблюдал, как старый самец кеигуру подрался с преследующей его собачоикой. Кеигуру обхватил собаку передними лапами и прыгиул вместе с иею в глубокий бочажок, иамереваясь, по-видимому, ее утопить — это обычиый их прием. Но вода в бочажке оказалась глубже, чем он ожидал, и оба животиых пошли ко дну. Кенгуру, однако, тут же выиырнул и успел ухватиться одной лапой за иависшую иад водой ветку, другой же продолжал окуиать в воду собаку. Но тут сук обломился, и драчуиы сиова скрылись под водой. Через иесколько мииут оии оба выбрались иа берег — предусмотрительно подальше друг от друга.

Река Роки-Ривер, протекающая через Флиидерс-Чейз, в одном месте образует большое глубокое озеро, сохраняющее прохладную воду даже в самое жаркое лето. Сюда несколько лет назад выпустили утконосов, которые прежде не водились на острове. Через два года их еще видели в водоеме, ио затем оии ушли иа миого километров вверх по течеиию и затерялись в сплошь заросшей растительностью малоисследоваиной реке. Последний раз их видели здесь в 1958 году, но предполагают, что оии сейчас еще живы.

Неожидаиио я встретнл совершеиио иезиакомое мие животиое. Невдалеке от мыса Борда я заметил поспешио убегающее рогатое длиниошерстиое копытиое ростом с косулю. Кто бы это мог быть? Я не помию, чтобы такие воднлись в Австралии. Но лесиичий рассеял мои сомнения. Оказывается, это была одна из одичавших коз, которых за последиие столетия на острове стало довольно миого. Они пугливы и осторожиы, как иастоящие дикие звери. Еще более дикими стали потомки удравших с ферм домашиих свиией. Тех и вовсе иикогда ие увидишь среди зарослей кустарников. Козы же

все-таки стараются держаться поближе к побережью и не уходят в глубь острова. Однако и к жилью они избегают приближаться.

К счастью, на остров никогда не завозили лисиц. Местные жители гордо рассказывают, что у островитян хватило ума запретить привозить сюда и кроликов, опустошивших, как известно, весь Австралийский материк. Я не стал спорить, но знал, что они ошибаются: на остров завозили кроликов. Но было это давно, и они, слава богу, здесь не прижились. Может быть, причина крылась в том же самом, что целое столетие мешало разводить на острове овец? Ведь только в 30-х годах нынешнего столетия выяснили, почему гибли овцы от знаменитой «береговой лихорадки». Оказалось, что в почве острова не хватало меди и кобальта. Из-за этого же здесь не могли расти многие культурные растения. А с тех пор как в землю стали искусственно вносить эти элементы и удобрять поля суперфосфатом, пшеница и ячмень стали прекрасно произрастать, а овцы перестали гибнуть от лихорадки. Это позволило после последней мировой войны основать на острове 177 ферм для демобилизованных солдат. В настоящее время 38 процентов всей площади острова обработано, а число населяющих его людей быстро выросло до четырех тысяч. Но в этом заслуга не одних только овец и ячменя. Паромы и самолеты с каждым годом привозят сюда летом все больше отдыхающих, которые стремятся хоть ненадолго убежать из пыльной Аделаиды. Ведь на острове выпадает гораздо больше дождей, чем на всем южноавстралийском побережье, так что там даже в самое жаркое лето температура воздуха на несколько градусов ниже, чем на материке; здесь живительная прохлада и много зелени. А самое главное, конечно, то, что в этих местах можно близко познакомиться с кенгуру, с этими смешными двуногими существами, отнюдь не избегающими человеческого общества. Именно ради этого за последний год сюда приезжало больше восьми тысяч человек. И с каждым годом их становится все больше — таких желающих совершить «прыжок» на остров Кенгуру.

Глава вторая

Сорные куры изобрели инкубатор задолго до нас

Одиннадцать месяцев каторжной работы.

◆

Как нам удалось вывести сорную курицу в инкубаторе.

◆

Вместо термометра — язык.

◆

Снесенные яйца стоят вертикально.

Для всех нас, принадлежащих к классу млекопитающих, деторождение представляет довольно длительный и тягостный процесс (я, конечно, имею в виду самок!). Что же касается птиц, то им приходится плотно сидеть на яйцах, чтобы вывести своих птенцов. Но у

них это занимает всего от двух до четырех недель, и, как правило, в насиживании деятельное участие принимает самец.

А некоторые самки, как это водится, например, у южноамериканских страусов нанду или больших австралийских эму, устраиваются совсем удобно: они заставляют самцов целиком и полностью брать на себя насиживание и в довершение еще играть роль няньки вылупившихся птенцов... Как хорошо, что я не страус нанду!

Точно так же делают и австралийские сорные куры, или большеноги, как их иногда еще называют; имеют они и местное название— талегалла. За сотни тысяч лет петухи у них выработали целую систему высиживания яиц, схожую с инкубацией, избавляющую их от непосредственного насиживания. Что первые инкубаторные печи изобрели в древности египтяне и что их в наше время усовершенствовали с помощью электричества, мы знаем давно, а вот как их сооружают большеноги — выяснилось совершенно недавно. Теперь в нашем Франкфуртском зоопарке весной и летом весь этот трудоемкий процесс можно наблюдать с самого близкого расстояния.

Некоторые виды большеногов откладывают свои яйца возле горячих вулканических источников или еще не остывшей лавы. Другие идут на морской пляж и используют для этой цели нагретый солнцем песок. Как будто бы все весьма просто, но на самом деле это отнюдь не так. Ведь яйцам необходим равномерный обогрев, в то время как песок днем становится очень горячим, а ночью сильно остывает. Поэтому птицам приходится нагребать над своим гнездом большую кучу песка. Когда жара становится особенно невыносимой, большеноги разбрасывают кучу для охлаждения, чтобы затем обложить яйца сырым и прохладным песком, однако при малейшем понижении температуры воздуха они сейчас же отгребают сырой песок и засыпают кладку теплым и сухим. Другие виды сорных кур используют тепло, образующееся при гниении прелой листвы.

Все это звучит почти неправдоподобно, и надо сказать, что долгое время никто этому и не верил. Первым эту сказку привез Антонио Пигафетта, участник неудачного кругосветного плавания Магеллана в 1519—1522 годах. Он утверждал, что видел на южных островах кур, несущих яйца размером больше их самих, причем они зарывают их в кучи перегноя, а сами не насиживают.

Размеры яиц он явно преувеличил, а что касается инкубирования, то это соответствовало действительности. Но в те времена скорей поверили бы в существование русалок или морских драконов, чем в подобные невероятные способности кур...

Когда через несколько столетий на побережье появились первые поселенцы, они приняли эти огромные кучи листьев за игрушечные крепости, построенные детьми аборигенов. А в Северной Австралии их считали могильниками. И так думали до тех пор, пока в 1840 году естествоиспытателю Джону Гилберту не пришла в голову мысль разрыть такую кучу. Внутри оказались яйца, как

это все время и утверждали местные жители, которым, однако, почти никто не верил. Яйца были довольно большими: каждое весило 185 граммов. Такая сорная курица ростом не превышает домашнюю, но если яйца наших кур весят от 50 до 60 граммов, что составляет 4 процента веса тела несушки, то яйцо сорной курицы составляет 12 процентов ее веса! На вкус яйца очень хороши. В Австралии почти каждая такая куча имеет своего «хозяина»— кого-нибудь из местных жителей, который регулярно забирает яйца из своего естественного инкубатора.

Итак, петух-большеног нагребает своими большими лапами огромную кучу сухих листьев и трав, достигающую от одного до двух метров в высоту и нескольких метров в диаметре. (У сорных кур рода Megapodius находили инкубаторные кучи высотой до 5 метров, а диаметром 12 метров!) Это самые мощные строения, когда-либо сооруженные птицами. Все время, пока петух-большеног трудится над своей кучей, голова его сохраняет огненно-красную окраску, а болтающаяся под клювом подвеска — ярко-желтую. Несушек он, как правило, от кучи отгоняет. Только время от времени им разрешается подняться наверх, разгрести ямку и снести туда яйцо. Яйца эти всегда стоят вертикально в отличие от всех прочих птичьих яиц, лежащих на боку. Каждая несушка откладывает от 10 до 13 яиц, а для выведения цыплят требуется от 9 до 12 недель.

Живущие сейчас во Франкфуртском зоопарке сорные куры, научное название которых Alectura lathami, родом из Восточной Австралии. Немецкий зоолог профессор Реиш, работающий в тех местах, выяснил, что этих птиц можно даже приручить. Каждое утро они появлялись возле его домика в ожидании корма и позволяли приблизиться к себе на расстояние одного метра. Когда же Реиш встречал их в лесу, они держали себя отчужденно и моментально убегали, даже если он находился в 15 метрах от них.

Существует 10 видов сорных кур, распространенных как в самой Австралии, так и на Филиппинах, Самоа и других островах.

Каждый ребенок знает, что навозная куча от происходящих в ней процессов гниения нагревается; зимой от такой кучи частенько даже поднимается пар. (Но тут, простите, я должен оговориться: это прежние дети знали. Теперешние наши дети живут в основном в больших городах и вообще не знают, что такое навозная куча.) Так вот если в такую кучу воткнуть куриные яйца и просто оставить их там лежать, они наверняка протухнут и никаких цыплят из них не выведется. Х. Фрис, много занимавшийся сорными курами, провел в Австралии интересные наблюдения. В перегнойных кучах, воздвигнутых сорными курами, в результате процесса гниения температура часто поднимается до 45°С, что для яиц слишком жарко. Но затем листья как бы «перегорают», и теплоотдача резко снижается. Поэтому петуху приходится неустанно хлопотать вокруг кучи, чтобы поддерживать в ней необходимую для яиц температуру (33,3° С). Для этого он обычно выкапывает на ее вершине углуб-

ление, в котором скапливается дождевая вода. Он то сбрасывает верхние слои перегноя, то снова сгребает их ногами и нагромождает на кучу. В общем, работенке этой не позавидуешь!

Дж. Гилберт проделал следующий опыт. Он поместил в такую перегнойную кучу электрическую печь, которую по своему усмотрению то включал, то выключал. Петух теперь вынужден был работать как проклятый; и тем не менее он умудрялся все время поддерживать вокруг яиц необходимую для них ровную температуру.

Как же ему это удается без термометра? Вот тут и начинается самое удивительное. Было замечено, что время от времени петух проделывает дырку в своей куче и просовывает голову глубоко внутрь. Может быть, именно для того, чтобы его кожа лучше ощущала тепло, у него такая голая и длинная шея? Однако Гилберту удалось проследить, что один из видов сорных кур, гнездящихся на пляжах, — валистеры, зарываясь головой в кучу, вытаскивают из глубины ее полный клюв песка. Следовательно, можно предположить, что температуру они определяют языком или нёбом.

Цыплята вылупляются под землей — иногда на глубине до 90 сантиметров. Проходит 15, а то и 20 часов, прежде чем они выберутся наружу. Гилберт наблюдал за ними сквозь стеклянную перегородку, которой разделил кучу пополам. Когда такое шустрое маленькое существо высовывает голову из кучи на свет божий, его сразу же обступает незнакомый и враждебный ему мир. Ни отец, ни мать не проявляют о нем ни малейшей заботы, и он от них убегает точно так же, как от любого другого живого существа, встречающегося на его пути. С первых же дней он умеет немного взлетать над землей и вспархивает на нижние ветви деревьев, чтобы там переночевать.

Как-то в нашем Франкфуртском зоопарке с одним из таких малышей произошел интересный случай. Была дождливая погода, и мы никак не ожидали, что в такое ненастье могут вылупиться цыплята сорных кур. Поэтому можно представить себе наше удивление, когда однажды утром один из служителей обнаружил довольно далеко от вольеры с сорными курами маленькое серое существо, испуганно забившееся под лестницу. Вначале он принял его за крысу. Кто бы мог подумать, что крохотный птенец способен совершить столь длинное путешествие от места своего появления на свет?

Не так-то часто удавалось зоопаркам экспонировать сорных кур. В Берлинском зоопарке одну курицу содержали в 1872 году, а следующая появилась там только в 1932 году. Правда, сейчас мы не испытываем трудностей с этим делом; у нас, наоборот, некоторое «перепроизводство» цыплят, и мы озабочены тем, кому их сбыть...

Вылупившиеся из яиц цыплята на следующий год становятся уже взрослыми птицами и в свою очередь приступают к постройке куч-инкубаторов. А в условиях зоопарка это вещь далеко не простая. Ведь им для этого требуется огромное количество прелой листвы. Утром к вольере такого петуха подъезжает специальный

фургон, который ссыпает ему целый воз листьев, а к вечеру глядишь — заботливый отец уже все сгреб через весь загон в угол, на свою кучу, и стоит в ожидании следующей порции.

Сотрудники нашего зоопарка С. Балтин и супруги Фауст делали неоднократные попытки вывести сорных кур в электрическом инкубаторе. Сначала ничего из этого не получалось. Ни в одном из яиц не появилось ни малейшего признака развития зародыша. По всей вероятности, обычная температура, рассчитанная на развитие куриных яиц, была слишком высока для яиц сорных кур. Тогда экспериментаторы решили измерить температуру и влажность в «естественном инкубаторе», т. е. в перегнойной куче сорных кур, и создать у себя аналогичные условия.

На следующий год в инкубаторе поддерживалась температура не 36—37,8°, как обычно, а 33,6—34,4°С; сами же яйца были помещены в стеклянный аквариум и обложены со всех сторон мхом, который периодически смачивался. Теперь им была обеспечена необходимая влажность — 78 процентов.

Из яйца, положенного в искусственный инкубатор после того, как оно 33 дня пролежало в перегнойной куче, через 15 дней без всяких затруднений вылупился цыпленок. Во втором яйце, положенном в инкубатор сразу же, как только оно было снесено, зародыш погиб на 21-й день. А третье удалось сохранить с начала до конца, на что потребовалось 47 дней. Это был первый цыпленок сорной курицы, выведенный полностью в искусственных условиях.

В яйцах сорных кур в отличие от всех других птичьих яиц имеется подвижный воздушный пузырь, благодаря чему они могут на протяжении всего процесса развития стоять в перегнойной куче вертикально, острым концом вниз. Так что их не надо переворачивать с боку на бок, как это практикуется у других птиц. Точно так же поступали с яйцами в искусственном инкубаторе. Воздух в «естественном инкубаторе» содержал 7—13 процентов кислорода и 8—13 процентов углекислого газа. В набитом мхом аквариуме, помещенном в инкубатор сразу же после вылупления цыплят, содержалось 1,4 процента кислорода и 1,5 процента углекислого газа.

Искусственно выведенные цыплята поначалу никак не могли подняться и стоять вертикально на своих ножках. И только через 24 часа они научились нормально бегать и приобрели тот вид, который имеют цыплята сорных кур, вылезающие из своей «инкубаторной» кучи.

Особенно трудно выводить птенцов сорным курам вида Leipoa ocellata, обитающим в засушливых центральных районах Австралии. Там им с трудом удается наскрести большую кучу листьев. Кроме того, в тех местах очень велики перепады температуры, доходящие в иные дни до 40°С, и все взрослые самцы в течение одиннадцати месяцев в году с утра и до позднего вечера заняты тем, что регулируют необходимую температуру в своих инкубаторных кучах. Да и на само сооружение такой кучи у них уходит не меньше четырех месяцев.

Во время зимних дождей и похолодания они сгребают со всей

округи сырые ветки и листья и закапывают их глубоко в землю Это необходимо для того, чтобы сохранить их влажными и прелыми до засушливого сезона. Такая прелая древесина и листья обеспечивают необходимое тепло для весеннего выведения цыплят. Часто птицам по утрам приходится разрывать свои кучи, чтобы их несколько охладить. Чем ближе к лету, тем солнце греет сильнее, и сорным петухам приходится в полдень как можно плотнее забрасывать кучи листвой, чтобы снаружи в них не проникло слишком много тепла. Осенью же солнце греет слабо, и кучи следует днем открывать, чтобы в них могло проникнуть как можно больше тепла. А вечером их надо снова закрывать, чтобы тепло сохранить.

Нет, право же, я очень доволен, что не родился на свет сорным петухом....

Когда впервые слышишь об этом удивительном «изобретении» сорных кур, невольно спрашиваешь себя, почему бы всем птицам не пользоваться подобными «насиживающими устройствами»? Но если посидеть и понаблюдать, как этакий «каторжник» с утра до вечера перетаскивает с места на место листву и землю, роет ямы, да притом еще ревностно следит, как бы никто из сородичей не приблизился к его сокровищу, то становится совершенно ясно, что это вовсе не «усовершенствование», а скорее наоборот. И, безусловно, обычный способ высиживания гораздо удобнее и практичнее: взял, сел сам на кладку — и дело с концом. Уж лучше спокойно и тихо посидеть две недели на гнезде, чем вот так надрываться весь год...

Глава третья

О том, как сумчатые трижды учились летать

Карликовый акробат.

◆

Приветливые сахарные белочки.

◆

Стон в ночи.

◆

Гигантские «планеры» летают только ночью.

◆

Как выгодно иногда иметь непрочную шкуру.

Все мы когда-то были детьми и все когда-нибудь в своей жизни делали из бумаги голубей и самолетики. Но эти изделия были способны только планировать и, разумеется, не умели махать крыльями, как воробьи. Для изобретения машущего полета нужен был не только большой опыт, но и настоящий талант.

И в конце концов такой талант нашелся. Профессор Эрих фон

Холст сконструировал бумажных птиц, способных к машущему полету, причем изготовлены они были до смешного просто: из деревянных дранок, резинок и бумаги. Во время своих лекций профессор не только теоретически описывал способ такого полета, но и практически демонстрировал его перед своими слушателями. Даже натолкнувшись на стенку, искусственные птицы не падали на землю, а поворачивали назад и продолжали свой полет.

Ну а что касается детей, то те до таких сложностей не додумываются. Они просто складывают треугольник из бумаги, запускают его в воздух, и тот, плавно планируя, опускается на землю. А в других случаях дети приклеивают бумагу к фанерным планкам, запускают своего змея в небо, и ветер гоняет его из стороны в сторону.

К чему я все это рассказываю? А к тому, что здесь напрашивается определенный вывод: несложному планирующему способу полета пресмыкающиеся, рыбы и млекопитающие в ходе эволюции научились значительно раньше, чем машущему. Причем у млекопитающих представители трех различных отрядов учились летать совершенно независимо друг от друга.

Летающих белок я впервые увидел в Соединенных Штатах, когда мне был двадцать один год. Эти прелестные маленькие грызуны действительно похожи на белочек, но ростом они с крупную мышь. Некоторое время я их держал у себя в кабинете, в клетке рядом с письменным столом. У них там даже родились детеныши.

Родственные виды этих животных встречаются почти по всему северному полушарию вплоть до Японии и к югу до Южной Америки; некоторые живут в Индии, Индонезии и даже в Тибете.

В отличие от летучих мышей и летучих собак, машущих крыльями подобно птицам, есть летающие млекопитающие, которые способны лишь к планирующему полету. Из них мне до сих пор не приходилось видеть только гигантских шерстокрылов, которые сродни обезьянам, летучим мышам и насекомоядным; обитают они в Южном Китае и Индонезии. Я очень доволен, что во время пребывания в Австралии мне удалось увидеть и сфотографировать представителей всех трех родов сумчатых, выступающих в роли «бумажных драконов».

Различные виды сумчатых Австралии научились летать совершенно независимо друг от друга. Карликовые акробаты, сумчатые белки и гигантские сумчатые летяги между собой не в более близком родстве, чем с другими сумчатыми животными. Они развились их трех разных самостоятельных семейств сумчатых, у которых не было никаких летательных перепонок.

Самый маленький «планер» среди них — это карликовый акробат (Acrobates pygmaeus). Его научное название полностью отвечает его образу жизни. Он довольно широко распространен по всей Восточной Австралии от полуострова Йорк, нацеленного своим острием на Новую Гвинею, вниз на юг до самого Мельбурна.

И все же, несмотря на такое широкое распространение, мало

кому из австралийцев приходилось его видеть. Даже если эти крохотные зверьки живут совсем рядом с человеком — в саду, возле дома, он часто совершенно об этом не догадывается.

О том, что у нас в доме завелись мыши или крысы, мы обычно узнаем, обнаружив погрызенные продукты. Самих злоумышленников нам редко удается увидеть. А поскольку карликовые акробаты и не пытаются проникнуть в наше жилище (их там ничто не привлекает, так как они питаются насекомыми и цветочным нектаром), да к тому же парят в воздухе только ночью, то мы, живя рядом, можем их ни разу в жизни не увидеть.

Только случайно кто-нибудь с удивлением обнаруживает, какое чудо, оказывается, живет в его саду. Так, в одном из домов предместий Сиднея кошка пристрастилась ловить этих летающих мышек. Большей частью она приносила их живыми и охотно уступала своей хозяйке за блюдечко молока и кусочек мяса. Жалея эти крошечные создания с их вечно испуганными бусинками глаз, хозяйка каждый раз выпускала их на волю. Стараясь отучить кошку от подобной охоты, женщина перестала давать ей в обмен на пленников молоко. Тогда однажды ночью та принесла свою добычу в комнату и положила ее прямо на подушку возле самого лица спящей хозяйки. Кошки вообще бесчинствуют на Пятом континенте, и совершенно непонятно, для чего мы, европейцы, их туда завезли.

Но если кто-нибудь вбил себе в голову обязательно изловить карликового акробата, то он берет на себя задачу, равносильную поискам иголки в стоге сена. Так, Гарри Фраука, имеющий огромный опыт в обращении с австралийскими животными, долгое время жил в местности, где водились карликовые акробаты. Однако за все время ему лишь четыре раза удалось наблюдать, как они планируют от одного дерева к другому. Поймать же он не смог ни одного. Наконец он предложил дровосекам одной лесопильной фирмы вознаграждение за неуловимых акробатов, и спустя три месяца ему была вручена картонная коробка, в которой сидел желанный зверек. Это оказалась самочка со слепым еще детенышем, который то сидел у нее в сумке, то взбирался на спину. Хотя он еще не видел, но уже самостоятельно ползал по веточкам на дне коробки. Оба, и самка и детеныш, слизывали капельки воды с листьев и мед, которым Фраука обмазывал ветки.

Тельце карликовых акробатов имеет в длину всего 6—8 сантиметров, и точно такой же длины достигает их хвост, по форме напоминающий перо: гибкий стержень с каймой из волос в ширину достигает около восьми миллиметров. Такой хвост-перо облегчает этим животным планирующий полет, им же они ловко цепляются за ветки, повисая вниз головой, словно обезьянки. Летательная перепонка натянута от запястья на передних лапках до щиколоток на задних, но она не такая широкая, как у американских летяг, этих летающих грызунов.

Самочка сумчатых акробатов строит себе довольно объемистое гнездо из листьев эвкалипта и кусочков коры. Обычно такое гнездо спрятано где-нибудь в дупле на значительной высоте—15 метров

и выше. Там она и приносит трех-четырех детенышей, не больше, так как у нее на брюшке только четыре соска. Потомство часто остается жить вместе с родителями, и нередко семья состоит из 16 зверьков. Какого возраста карликовые акробаты могут достигнуть на воле, пока еще не выяснено, но в Лондонском зоопарке такая крошка прожила почти четыре года.

В сумчатых летающих белок (Petaurus), или, как их чаще называют, сахарных белочек, невозможно не влюбиться — до того они хорошенькие и мягонькие, с большими выразительными глазами. И шкура у них такая нарядная — светло-серая в черную полоску. К тому же они очень приветливы и легко приручаются.

В Восточной Австралии, Новой Гвинее и Тасмании встречаются три подвида этих белок. Размером они обычно от 12 до 32 сантиметров, т. е. с нашу белку, иногда несколько больше, а пушистый хвост превышает длину туловища. Этот хвост служит не только рулем в полете, но и для транспортировки строительных материалов во время постройки гнезда. Делается это так: сахарные белки повисают вниз головой, уцепившись задними лапками за ветку, а передними обрывая листья; собрав большую охапку, они обхватывают ее хвостом, словно петлей. Разумеется, летать с такой поклажей они уже не могут, а потому тащат ее пешком по веткам к своему гнезду.

Сахарные белки, по всей вероятности, самые многочисленные млекопитающие Австралии. Однако это вовсе не значит, что их легко увидеть в лесу — совсем наоборот. Один врач в городе Хобарте только тогда обнаружил, что они живут у него в саду, когда однажды утром нашел одну из них мертвой перед дверями своего дома: по-видимому, она разбилась ночью о белую оштукатуренную стенку, приняв ее в темноте за светлое небо.

Если вы вздумаете как-нибудь прогуляться ночью по австралийскому лесу, то может случиться, что два дерущихся между собой самца с размаху упадут к вашим ногам. Кстати, это совершенно не помешает им продолжать свой поединок.

Некоторые исследователи утверждают, что сахарные белки могут пролететь расстояние до 55 метров, разумеется начав свой полет с очень высокого дерева. Однако зоолог Дэвид Фли считает это преувеличением. Он пишет, что проделал опыт, во время которого заставлял сахарных белок перелетать с одного столба на другой, врытый всего в семи метрах от первого. Зверьки преодолевали это расстояние с большим трудом, и ни о каком увеличении его не могло быть и речи. Но мне кажется, что версия насчет пятидесятиметрового расстояния все же может быть верна. Важно лишь, с какой высоты был начат полет. Ведь такая белочка стартует с верхушки одного дерева и финиширует почти у самого основания другого. При этом она всегда старается приземлиться головой кверху. Затем она быстро по спирали взбегает вверх по стволу, все повторяется сначала. Понятно, что любой столб, вкопанный на огороженном выгоне, всегда окажется недостаточно высоким для такого дальнего полета.

Бельчонок во время полета обычно сидит на спине матери, и не исключена возможность, что одновременно в ее сумке находится уже новый малюсенький бэби. Эти выращенные в сумках детеныши, как правило, оказываются очень живучими. А ведь мать их вынашивает всего три недели, после чего они попадают еще голыми эмбрионами в сумку и висят там, крепко присосавшись к соску.

Одна девушка, по фамилии Ивей, рассказывала, как она однажды еле-еле оторвала такого малюсенького эмбриона от соска мертвой матери, решив спасти ему жизнь. С большим трудом из глазной пипетки она вливала ему по две-три капли молока в ротовое отверстие. Такой порцией этот «червячок» вполне насыщался Она кормила его 5—6 раз в день, причем молоко специально подогревалось и в него добавлялось немного сахару. Только спустя три недели зверек научился сам лакать молоко. Второй беличий детеныш был снят с уже остывшего трупа самки, которую задушила кошка. Его тоже удалось выкормить подобным же образом, и он прожил после этого в доме десять лет.

Такая ручная белочка может доставить много радости своему хозяину или хозяйке. Попав к людям, она моментально переключается на «домашний» стол: с удовольствием грызет сахар, различные фрукты, очень любит пироги и мед. А между прочим, живя на воле, белки всего этого, разумеется, никогда не видят; там они питаются насекомыми, иногда даже таскают из гнезд нелетных птенцов. Листьев они в пищу не употребляют.

Живя в доме, сахарная белка дремлет весь день напролет, свернувшись в кармане своего владельца, и только время от времени просыпается, чтобы угоститься кусочком печенья. Потом она снова запахивается собственным хвостом и продолжает спать. Но с наступлением сумерек сумчатая белочка оживляется, начинает носиться вверх и вниз по портьерам и планирует с одного члена семьи на другого, будто это деревья в лесу.

Сами сахарные белки неприятного запаха не имеют, но их норы в дуплах продушены довольно основательно; по-видимому, листья, из которых построено гнездо, сильно пропитываются мочой. Зоолог Т. Шульце-Веструм обнаружил у новогвинейских сумчатых белок особые железы на лбу, на груди и под хвостом, издающие различные запахи. Члены одного «клана» узнают друг друга исключительно по запаху. Однако один только «чужой» запах еще не служит причиной для нападения.

На воле сахарные белки часто живут общежитием, по двенадцать штук в одном дупле. Перед тем как вылететь в ночной полет, они издают низкий, похожий на стон звук. Время от времени они громко кричат. Для чего бы это? Может быть, они обладают своеобразным локационным устройством, которое помогает им ориентироваться в темноте? Это пока не выяснено. Возможно, и так.

Многие австралийцы разводят этих прелестных животных, и они успешно размножаются в неволе. В Лондонском зоопарке у них тоже неоднократно появлялось потомство. Наблюдая за самкой с детенышами, часто можно видеть, как она передними лапами

открывает сумку на животе, чтобы проверить, как там ведут себя ее дети. В сумке обычно сидит по два-три детеныша.

Сахарные белки внешне довольно схожи с гигантскими сумчатыми летягами. Но именно только внешне. Они отнюдь не вегетарианцы, а скорее маленькие разбойники: при случае они душат даже мышей и частенько охотятся за различными насекомыми. Их зубы напоминают зубы насекомоядных карликовых опоссумов, в то время как челюсть гигантской сумчатой летяги схожа с челюстью нелетающего «вегетарианца»— кольцехвостого кускуса (Pseudocheirus).

Вот, наконец, мы и подошли к третьему летающему сумчатому Австралии — гигантским сумчатым летягам (Schoinobates volans). Этот гигант среди планирующих млекопитающих питается исключительно молодыми побегами и почками эвкалиптов. Великан достигает метрового и даже полутораметрового роста и может совершать стометровые полеты. Правда, у гигантских сумчатых летяг высокие «стартовые площадки», потому что обитают они в холмистой и горной местности Восточной Австралии, в разреженных эвкалиптовых лесах Южного Квинслейда и Виктории. Летательная перепонка у этого вида натянута от локтя передней лапы до щиколотки задней, в то время как у сахарной белки она начинается уже с самого мизинца. Поэтому в полете гигантская сумчатая летяга напоминает треугольник, сужающийся спереди, а сахарная белка — прямоугольник. Ночью их тоже легко отличить друг от друга: при свете фар глаза летяги фосфоресцируют, в то время как глаза белочек в темноте едва светятся.

Из-за того что гигантские сумчатые летяги такие же «узкие специалисты» в отношении питания, как и знаменитые коала, ни одному европейскому зоопарку ни разу не удавалось содержать у себя это удивительное экзотическое животное. И действительно: где же раздобудешь такую уйму пахнущих мятой листьев эвкалиптов? А они, видите ли, хотят есть только это и больше ничего. Так что уж придется оставить их в Австралии и довольствоваться фотографиями, а в лучшем случае — фильмами.

Одно время летяг подозревали в краже фруктов, так как их неоднократно заставали в приусадебных садах. Но тогда люди, заинтересованные в судьбе этих животных, для того чтобы реабилитировать их перед садоводами, застрелили несколько гигантских сумчатых летяг и проверили содержимое их желудков. Там оказались только остатки размельченных листьев и цветков эвкалиптов; персиков и абрикосов летяги и не думали трогать.

Обычная окраска летающих гигантов — темно-коричневая, но цвет может варьировать от иссиня-черного до чисто-белого. Хотя весят эти животные до полутора килограммов, они с легкостью пролетают довольно большие расстояния. Одна гигантская сумчатая летяга в шесть приемов, то есть последовательных перелетов, покрыла расстояние в полкилометра. Первая часть полета началась с вершины тридцатиметрового дерева и окончилась у самого основания другого, отстоящего от него почти на 70 метров. (Как

только гигант приземляется у основания ствола, он сейчас же огромными скачками, просто галопом, несется вверх, причем прямо, а не по спирали, как это делают наши отечественные и сахарные белки.) Достигнув вершины второго дерева, гигантская сумчатая летяга спланировала на следующее, в 80 метрах от него. После этого она последовательно преодолела расстояние в 100, 110 и 82 метра и закончила свой полет стодесятиметровой дистанцией. Каждый раз, когда гигантская сумчатая летяга взбиралась по очередному дереву, она исторгала воинственный писк.

Врагов у этих животных не так уж много — в основном это лисы, крупные совы, ну и, разумеется, лесные пожары. Гибнут они еще и от того, что налетают в темноте на колючую проволоку, которой здесь отгораживают отдельные группы деревьев, чтобы спасти их от домашнего скота, повреждающего кору. Проволока протыкает летательные перепонки этих животных, и они повисают на ней, тщетно стараясь высвободиться, пока не умрут медленной мучительной смертью...

Хотя у самки гигантских сумчатых летяг в сумке на животе два соска, в ней, как правило, находят только одного детеныша. Первые шесть недель он висит там, крепко присосавшись к соску, и только позже открывает глаза; в четыре месяца детеныш начинает вылезать из сумки, но и после этого он еще долго катается на материнской спине, никак не решаясь оттуда слезть.

Поймать этих животных не так-то просто. Пожалуй, чаще всего они попадают в руки во время лесозаготовительных работ. Именно таким образом парочку гигантских сумчатых летяг раздобыл себе зоолог Дэвид Флн. В течение двух с половиной лет он кормил их листьями эвкалипта и хлебом, смоченным в воде и обмазанным медом. Животные весь день напролет спали и только к вечеру оживлялись. Они разрешали себя гладить, но, к счастью, не ползали по своим хозяевам, как это делают сахарные белки. Это было бы не слишком-то приятно, потому что у них острые и твердые как сталь когти. Самец в один прекрасный день выскользнул через приоткрытую дверцу клетки — и был таков. Однако через два дня он вернулся — то ли в поисках своей самки, то ли потому, что на воле не нашел для себя подходящего питания.

Гигантская сумчатая летяга впервые была описана под названием черного летающего опоссума еще в 1789 году. Написал о ней губернатор А. Филлип в своем отчете о поездке в Ботани-Бей, первую британскую колонию для заключенных, которая находилась там, где сейчас раскинулся многонаселенный город Сидней.

«Мех их так прекрасен, — писал автор отчета, — что, если как следует организовать добычу этих животных, он, безусловно, может стать замечательным объектом для экспорта». К счастью, скорняки оказались другого мнения. Хотя шкурки сахарных белок и гигантских сумчатых летяг имеют длинную ость и достаточно пушисты, но мех их непрочен и плохо поддается обработке.

Вот как выгодно иногда иметь непрочную шкуру! Будь это не так, вряд ли кто-либо из этих животных дожил бы до наших дней.

Глава четвертая

Сумчатый волк уходит навсегда

Что создано природой — пускай пропадает, а то, что сотворил человек — надо спасти любой ценой.

◆

«Меняем сумчатого волка на... слона».

◆

Вертолет гонится за «тасманским тигром».

◆

Украденный труп.

«Он дошел до той граии, от которой нет возврата, и никакие, даже самые лучшие, иамерения его уже не спасут»,— так пишет о сумчатом волке (Thylacinus cynocephalus) ведущий зоолог острова Тасмания Майкл Шарленд.

Просто убийственно! Если бы этот уникальный самый большой сумчатый хищник Австралии был изобретен или сконструирован людьми, а не создан самой природой за миллионы лет эволюционного развития, тогда, разумеется, нашелся бы способ его сохранить. В конце концов находит же средства ООН, чтобы спасти камениых колоссов Абу Симбела от затопления в новом водохранилище. И у многих богатых людей тоже находятся на это деньги. А между тем эти каменные фигуры на левом берегу Нила не только прославляют жившего трн тысячи лет назад египетского фараоиа Рамзеса II, но, как н пирамиды, напомннают о тяжком иевольиичьем труде десятков тысяч несчастных рабов, влачивших жалкое существование во нмя славы н процветания бесчеловечных тиранов. Тем не менее этими творениями рук человеческих восхищается весь современный мир. А то, что создано не руками человека, а матерью-природой, то пускай пропадает, предается забвению, разрушается и исчезает. Чтобы уберечь сумчатого волка, это величайшее чудо природы, от полного исчезновения с лица Земли, нужна ведь только крохотная часть той суммы, которая отпущена на спасение каменных колоссов Абу Симбела.

Но, к сожалению, сумчатый волк обитает на далеком, затеряином на краю света острове, на котором миого леса, но мало людей, которым небезразлична судьба вымирающих животных. А остальным все равио: пусть вымирает, подумаешь, одной тварью меньше! Жил бы этот уникум в каком-лнбо из сегодняшних культуриых центров человечества — в Соединенных Штатах, в Европе илн в Советском Союзе, вокруг него непремеино поднялась бы шумиха, и уж, наверное, там не пожалелн бы какой-то ничтожной суммы денег, необходимой для его спасеиия. Думаю, что не пожалели бы. Но в Австралии, без сомнения, по этому поводу беспокоиться не станут. Хотелось бы узнать, что об этом будут писать нашн внукн в 2020

году? Мне кажется, я знаю наперед, что они будут писать и как нас будут проклинать.

Печальную судьбу «тасманского тигра» (как совершенно нелепо называют сумчатого волка за поперечные полосы на задней части его тела) предвидел еще естествоиспытатель Джон Гульд, посетивший более ста лет назад этот лесистый и гористый остров. Он писал:

«Если этот относительно небольшой остров будет более плотно заселен и его девственные леса из края в край пересекут проезжие дороги, число этих удивительных зверей резко пойдет на убыль. Их просто истребят, как истребили волков в Англии и Шотландии, и вскоре будут описывать как вымершее животное».

К счастью, волки водились не только в Англии и Шотландии, а потому здравствуют еще и поныне. А вот сумчатый волк не встречается нигде больше на земном шаре, кроме острова Тасмания.

Надо сказать, что европейские поселенцы отнюдь не дожидались, пока остров пересекут удобные автострады или на нем появятся многолюдные города: они принялись за истребление сумчатого хищника сразу же, как только появились на острове. А уничтожали они его за то, что он время от времени кроме кенгуру (своей обычной добычи) начал таскать и домашних овец. А этого, как известно, человек не прощает.

И нельзя сказать, что остров был особенно перенаселен. На его 63 тысячах квадратных километров (что составляет три четверти Ирландии) проживает всего 300 тысяч жителей, из которых каждый третий живет в главном городе — Хобарте. И тем не менее уже больше ста лет назад назначалось вознаграждение в 100 марок за голову каждого убитого волка. Правда, теперь уже наоборот — объявлен штраф в две тысячи марок за убийство сумчатого волка. Но поздно. Спасти это животное уже невозможно.

Прошло много времени, пока тасманцы поняли, каким бесценным сокровищем они обладают и что означает иметь в своем распоряжении единственное на Земле крупное хищное сумчатое животное.

Сначала сумчатых волков ежегодно убивали сотнями. А тех, которые случайно попадались в капканы, поставленные на кенгуру, и оставались при этом не задушенными, отправляли в маленький зоопарк города Хобарта (этот зоопарк существовал только до 1940 года). В нем в общей сложности содержалось девять или десять сумчатых волков, большая часть которых была поймана на западном побережье Тасмании, причем последний—в 1933 году. Хобартский зоопарк обменивал этих зверей на других, чужеземных, животных. Так постепенно выменяли всех сумчатых волков: сперва — на двух львов, затем на белого медведя и слона, а последнего волка — на целую коллекцию экзотических птиц. Некоторых же просто продавали за океан. Так, в 1909 году одного сумчатого хищника приобрел Кельнский зоопарк, в 1913 году — Антверпенский, а в Лондонском перебывало их не меньше дюжины; последний погиб в 1931 году. В Нью-Йорке с 1908 по 1919 год их перебывало четы-

ре. Деятели из Хобартского зоопарка очень бойко торговали этим чудом природы, воображая, что они смогут его раздобывать бесконечно. Но кончилось тем, что у них остался один-единственный хромой волк, окончивший свои дни в печальном одиночестве. С 1933 года ни одного сумчатого волка больше поймать не удалось.

В европейских зоопарках эти животные показали себя довольно холодоустойчивыми и отнюдь не склонными к ночному образу жизни, как это указывалось в специальной литературе. С ними не очень-то нянчились, и тем не менее они жили в неволе весьма подолгу. Так, один сумчатый волк, получая лишь куски тощей говядины или конины и изредка какое-нибудь мелкое животное вроде кролика, прожил в Лондонском зоопарке восемь лет и четыре месяца, а другой, в Вашингтоне, прожил в заточении семь лет.

Людвиг Хек, бывший директор Берлинского зоопарка, писал в 1912 году, что за последний десяток лет сумчатые волки время от времени все-таки появлялись на «прилавке», но... по две тысячи марок за пару.

Они умели (страшно, что приходится говорить о них в прошедшем времени) хорошо прыгать — от двух до трех метров в высоту.

Цвет их шерсти варьировал от серовато-желтого до желтовато-коричневого, она была короткой, густой и жесткой. В длину волки достигали от 1 до 1,3 метра и имели очень длинный хвост — до 60—65 сантиметров.

Научное название этого животного — «сумчатая собака с волчьей головой» — весьма неудачно, потому что сумчатый волк, будучи именно сумчатым, не состоит ни в каком родстве ни с собакой, ни с волком. Правда, с виду он очень напоминает собаку, хотя и имеет одну из самых устрашающих челюстей среди наземных млекопитающих — в ней целых 46 зубов! Как и многие другие сумчатые животные, сумчатый волк способен очень широко разевать свою пасть — утверждают, что на все 180°. Но меньше всего «собачьего», пожалуй, в задней части его туловища, и главным образом в хвосте. Он сильно утолщен у основания и скорее напоминает хвост кенгуру, чем собаки. Сумчатый волк не способен выражать свои чувства при помощи хвоста, например, приветливо вилять им от радости или поджимать его от страха или смущения. В книгах даже утверждается, что у этих животных хвост настолько негибкий, что если волка схватить за него, то он не сможет дотянуться, чтобы укусить за руку.

Однако не верьте всем россказням о сумчатых волках, которые десятки лет уже кочуют из одной книжки в другую и повторяются в различных статьях и рассказах. Относитесь к ним с осторожностью. Ведь никто не давал себе труда изучить жизнь этого древнего вымирающего вида на воле, в его естественной обстановке (пока этот вид еще существовал). Никто. Стыдно сказать, но и в зоопарках ни один ученый серьезно им не занимался. Так, например, настойчиво утверждают, что сумчатые волки необыкновенно кровожадны, что они якобы перегрызают горло овцам и кенгуру только за тем, чтобы высосать кровь из сонной артерии или в луч-

шем случае вырвать у них из утробы печень или жирные почки. Остальное они будто бы бросают на съедение сумчатым дьяволам и стервятникам. Рассказывают, что они никогда не возвращаются к своей жертве и не подбирают никакой падали. По всей вероятности, это не что иное, как злостный наговор фермеров-овцеводов, которым сумчатый волк всегда стоял поперек дороги. Ведь даже самых первых двух волков, пойманных еще в 1824 году, Г. Гаррису удалось заманить в ловушку, в которую он положил кусок падали, а у животных, по которым и был описан весь вид, в желудке были найдены остатки ехидны.

Те, кому еще довелось видеть сумчатых волков, рассказывают, что они не так быстроноги, как собаки, и обычно трусили не спеша по тропинке. Они не выказывали особого страха перед собаками, наоборот, собаки побаивались этих животных, даже целая их свора, как правило, не решалась напасть на сумчатого волка. Если же ему особенно досаждали преследованием, то он в конце концов начинал удирать огромными скачками, причем на одних только задних ногах, как кенгуру. Судя по строению его тела, это вполне возможно. Сами же волки преследовали свою жертву не спеша, рысцой, и только измотав ее длительной погоней, припускались во всю прыть, и тогда в пять минут все было кончено. При особом возбуждении они издавали хриплые звуки, напоминавшие громкое шипение.

Только в одном все показания о поведении сумчатых волков сходятся: в том, что они никогда не нападали на людей. Известен только единственный случай, когда сумчатый волк укусил за руку человека. Это была девица, по имени Брисцилла Мёррей, которая полоскала белье в реке около своей одиноко стоящей фермы. К счастью, дело было зимой, и волк не смог прокусить ее теплой зимней одежды. Но когда она хотела прогнать зверя, он схватил ее и за другой рукав. Стараясь дотянуться до лежащих неподалеку грабель, Брисцилла нечаянно наступила волку на длинный хвост. Это, видимо, зверю не понравилось, потому что он ее тут же отпустил и бросился наутек. Пострадавшая заметила, что волк был одноглазым и ужасно тощим — видимо, просто умирал с голоду. По всей вероятности, подслеповатое животное приняло человеческую руку за какую-нибудь мелкую живность или птицу.

Против мнимой кровожадности сумчатых волков говорит еще и такой факт: в прежние времена здешние фермеры перед тем, как расставить капканы на кенгуру, как правило, разбрасывали отравленные приманки для сумчатых волков и сумчатых дьяволов, которые те охотно подбирали.

Детенышей своих самка сумчатого волка сначала три месяца таскала в плоской брюшной сумке, раскрывающейся в отличие от сумки кенгуру назад, в сторону хвоста. А когда они становились несколько самостоятельней, укладывала их в утепленное гнездо. У сумчатых волчиц бывало до четырех волчат, которые в старшем возрасте еще некоторое время сопровождали ее на охоте.

Наблюдая за этими животными в Берлинском зоопарке, куда

они последний раз попали в 1902 году и где один самец прожил целых шесть лет, профессор Людвиг Хек писал:

«Даже учитывая характерное для сумчатых животных тупоумие, все же можно сказать, что сумчатые волки ведут себя довольно доверчиво; если встать прямо перед самой клеткой, они начинают беспокойно нюхать воздух, подходят к решетке и устремляют на вас неподвижный пустой взгляд своих ясных темно-желтых глаз... Выражение этих глаз ничем не напоминает взгляд настоящего хищника. Сумчатые волки вечно голодны и, если не спят, требуют есть. Из-за своей удручающей несмышлености они все время грызут железные прутья клетки, воображая, что смогут их перегрызть. Когда они спят в своей теплой, устланной соломой конуре, разбудить их бывает чрезвычайно трудно. Но если это все же удается сделать, они никогда не сердятся».

Мы теперь стали относиться с величайшей осторожностью к сообщениям, касающимся поведения животных, которых содержат в слишком тесных клетках зоопарков. Многие из таких «тупоумных» животных на поверку оказывались весьма общительными, живыми и интересными существами. Но для того чтобы это выяснить, надо заниматься ими более внимательно и обеспечивать им необходимый уход.

А вот какими же на самом деле были сумчатые волки, нам, современным людям, теперь уже никогда не узнать. Одно из последних животных было убито в 1930 году на северо-западном побережье Тасмании, другое тремя годами позже удавилось в петле, поставленной на кенгуру. С тех пор напрасны были все старания найти хоть одного сумчатого волка — они исчезли.

Некто Рой Мартик в 1937 году специально отправился на их поиски. Он утверждал, что нашел следы 20 волков и что даже видел, как они в сумерках промчались мимо него. Однако, сколько бы экспедиций ни снаряжалось в лес с той же целью, ни одного волка больше обнаружить не удалось — все поиски были тщетными. Правда, время от времени в газетах появлялись сообщения, что кто-то видел знаменитого «тасманского тигра». Чаще всего это были строители, которым приходилось долгое время находиться в глухих, отдаленных районах острова (например, во время прокладки телеграфной линии). Но они ничем не могли этого доказать. Особое волнение вызвало сообщение экипажа одного вертолета. Пролетая над западным побережьем Австралии, люди заметили с воздуха бегущего сумчатого волка. Вертолет некоторое время преследовал зверя, его даже при этом удалось сфотографировать. Однако специалисты, внимательно рассмотрев снимок, пришли к выводу, что это всего-навсего собака.

В августе 1961 года хобартская газета «Меркури» сообщила о следующем происшествии. Двое рыболовов — Билл Моррисон и Лоури Томсон — отправились ловить рыбу на западном побережье Тасмании. Свою палатку они разбили на самом берегу океана. Ночью рыболовы услышали странный шум. Кто-то снаружи рылся в их корзине, где была сложена приманка. Томсон поднялся с пос-

тели, захватил полено и вышел из палатки, чтобы прогнать непрошеного гостя. В темноте возле корзины он смог разглядеть только неясные очертания какого-то крупного зверя. Томсон в два прыжка очутился возле него и ударил животное поленом по голове. Зверь мгновенно исчез, словно растворился в ночи. Однако наутро невдалеке от палатки рыболовы обнаружили труп молодого самца сумчатого волка. Они отнесли свою необыкновенную находку в палатку, намереваясь после рыбалки взять ее с собой в город, чтобы сдать в музей. Однако вернувшись вечером, они обнаружили, что волк пропал. Значит, либо он не был мертв и, придя в себя, ушел, либо его кто-то украл. Рыболовы очень расстроились из-за пропажи такого важного вещественного доказательства; им удалось привезти с собой лишь немного шерсти и засохшей крови, которые они собрали на песке. Все это они направили хобартским специалистам для определения. Те установили, что и шерсть и кровь, безусловно, принадлежали сумчатому волку. Но самого зверя разыскать так и не удалось. Он пропал бесследно.

Во всех же других случаях, когда сообщалось о появлении сумчатых волков, специалисты, выезжавшие в указанные очевидцами места, не находили там этих животных. Правда, иногда удавалось заснять их следы. Так, доктор Лаирд послал фотографии отпечатков следов молодого сумчатого волка в Лондон. Отпечаток передней лапы сумчатого волка на влажном песке довольно просто отличить от следа собаки: у сумчатого волка все пять пальцев расположены в ряд, а у собаки — только четыре, пятый же, рудиментарный, висит несколько выше и сбоку. Однако на задней лапе и у сумчатого волка только четыре пальца, к тому же очень часто отпечаток передней лапы разрушается задней, что затрудняет точное определение. Отпечаток задней лапы у этого зверя длиннее, чем у собаки, потому что ноги он ставит более наклонно.

По всей вероятности, в некоторых отдаленных лесистых горных местностях западного побережья Тасмании сумчатые волки обитали еще до самого последнего времени, возможно, они есть там даже и сейчас. Однако все равно у этого вида нет никаких шансов выжить, даже невзирая на то, что с 1938 года они находятся под строгой охраной государства. Дело в том, что местность эта абсолютно непригодна для обитания такого животного: оно там едва ли сможет найти для себя пропитание. Сумчатые волки явно не лесные звери, они чувствуют себя дома скорее в степи, во всяком случае на открытых пространствах. Только здесь они могут раздобыть для себя достаточное число кенгуру и валлаби. Однако овцеводы и фермеры постепенно оттеснили этих зверей далеко в лесистые горы. И если теперь их там даже никто и не тронет, все равно им долго не продержаться. Если сумчатых волков действительно хотят спасти, надо уступить им часть открытой степи и искусственно заселить ее необходимыми для их питания животными: может быть, проще всего взять для этого овец. Но что-то пока не похоже, чтобы кто-нибудь взял на себя расходы по обеспечению жизни такого «никому не нужного хищника»...

Глава пятая

Чудо природы—кенгуру

Животное, которое «пудрится».
◆
Путешествует в виде слепого эмбриона.
◆
Пьет морскую воду.
◆
Топит собак.
◆
Жует жвачку.
◆
Роет колодцы.
◆
Совершает тринадцатиметровые прыжки.
◆
А из него делают ботинки...

Широко распространено мнение, что кенгуру, этих удивительных животных, первым открыл английский мореплаватель Джеймс Кук. Но это не так. Еще за сто сорок лет до него, в 1629 году, на один из видов кенгуру, а именно на так называемого дерби-кенгуру (Wallabia eugenii), наткнулся голландский мореплаватель Франс Пелсарт, судно которого село на мель возле западного берега Австралии. Не ушел от его внимания и крошечный детеныш, висевший на соске в сумке, расположенной на брюшке у самки. Но он ошибочно предположил, что детеныш вырастает прямо из этого соска. Правда, его сообщение никого тогда особенно не взволновало и вскоре было совершенно забыто.

А Кук впервые увидел кенгуру в 1770 году. 22 июля он послал нескольких человек из своей команды на австралийский берег с заданием подстрелить голубей для больных. Было это возле полуострова Йорк, того «острого пальца», которым континент Австралия указывает на остров Новая Гвинея, а именно в том месте, где сейчас находится город Куктаун, названный по имени великого путешественника Кука. Вернувшись с берега, эти люди сообщили, что видели животное ростом с борзую, стройное, мышиного цвета и очень быстроногое. Во всяком случае оно умчалось в один миг. Двумя днями позже сам Кук мог убедиться в том, что его людям не померещилось: он собственными глазами увидел это животное. А еще через две недели участник его экспедиции естествоиспытатель Джозеф Бенкс с четырьмя провожатыми совершил трехдневную вылазку в глубь страны. Кук впоследствии писал об этом так:

«После многомильного перехода они обнаружили четырех животных того же вида. За двумя из них погналась борзая Бенкса, однако оба ускользнули, ускакав в высокую траву, где собаке трудно было их преследовать. Это существо, по наблюдению мис-

тера Беикса, передвигалось не иа четырех ногах, как обычные животиые, а прыгало на двух задних наподобие тушкаичнка».

Пользуясь ие совсем точными сведениями местных аборигеиов, Кук дал жнвотному название «кенгару» (Kangaroo).

На этот раз удивительные существа вызвали миого пересудов: ведь они выглядели совсем иначе, чем все известные до той поры животные. И уже через три года, после того как английский флот высаднл первую партию заключенных в Порт-Джексоне (там, где сейчас находится Сидней), в Англию в подарок королю Георгу III был отправлен первый живой кенгуру. Для перестраховки губернатор Филлнп отправил еще одного на другом судне.

Необыкновенное, невиданное животное с иедавно открытого коитинента иастолько распалило любопытство лондонцев, что вскоре за первыми кенгуру последовало еще несколько. Вот как распнсывает рекламный листок тех лет эту новннку: «Замечательный кенгуру из Ботаии-Бей — удивительное, красивое н ручиое животное ростом в 1,5 метра, в существованне которого даже трудио поверить...» За одии шнллннг (по тем временам большие деньги) на него разрешалось любоваться на выставке, устроениой на сенном рынке.

Когда мы говорим о кенгуру, то прежде всего подразумеваем держащнхся вертнкально рыжеватых нли серых жнвотных почти человеческого роста, с тяжелой ннжней частью корпуса, с которой ннкак не вяжутся маленькне «ручки», узкая грудь н заячья головка. На самом же деле кенгуру составляют целую группу жнвотных, обитающих, правда, лишь иа очень ограниченной частн земиого шара — в Австралии, на Тасманнн, Новой Гвннее, островах архнпелага Бнсмарка, а также Новой Зеланднн (куда они былн завезены уже людьмн). В семейство кенгуру входнт 17 родов с 52 видами, ие говоря о множестве подвндов. Самые маленькне средн инх ростом всего в 23 сантнметра, в то время как гнгантскне кеигуру достнгают 1,6 метра.

Все эти маленькие и большие скачущие сумчатые животные объединены под общим названием «кенгуру». Однако аигличане и австралийцы английским словом «kangaroo» иазывают лишь три самых крупных вида: рыжего н серого гнгантскнх кенгуру да еще горного. Все же остальные, более мелкне виды, относящнеся к разным родам, онн называют валлабн (wallaby).

Я не собнраюсь перечнслять здесь все эти виды, большинство которых н сам ие в состояннн отлнчнть один от другого. Но о некоторых из иих мне все же хочется кое-что рассказать. Так, напрнмер, есть среди валлаби так иазываемые мускусные кенгуровые крысы (Hypsiprymnodontinae) размером в полметра (прнчем одну треть составляет хвост), питающнеся насекомыми н ведущне ночной образ жизии.

Двенадцать вндов кенгуровых крыс до ввоза в Австралию европейскнх лнснц былн весьма многочнслеины. Еще в 1904 году в Аделанде их продавалн целыми дюжннами, всего по нескольку грошей за штуку, н люди по воскресеньям устранвали кенгуровые бега. На

сегодняшний день по меньшей мере два вида из них уже полностью истреблены; пожалуй, только в Западной Австралии кенгуровые крысы еще более или менее многочисленны.

Жившая в Лондонском зоопарке тасманская кенгуровая крыса имела обыкновение обхватывать охапку соломы своим хвостом и по ночам часами прыгать с ней из угла в угол. Между прочим, такой способ переноски грузов обычен для этих животных. Крупные виды кенгуру не могут проделывать подобных манипуляций: у них хвосты значительно менее гибкие и служат скорее для удерживания равновесия. Кенгуровые крысы имеют клыки, в то время как у более крупных видов кенгуру они отсутствуют.

Среди средних по величине кенгуру, тоже относящихся к валлаби, есть свои «спринтеры» — это так называемые заячьи кенгуру (Lagorchestes). Бегают они с такой же невообразимой быстротой, как наши европейские зайцы. Один такой кенгуру, мчавшийся с бешеной скоростью от преследующих его собак, пробежав 400 метров, на полном ходу перемахнул через стоявшего на его пути рослого мужчину. А скальные кенгуру (Petrogale) без труда перескакивают через четырехметровые расселины в скалах. Эти «газели Австралии» ловко забираются на деревья, если они только растут несколько наклонно, и проворно скачут там среди веток. В отличие от настоящих древесных кенгуру они не пользуются при этом руками — не хватаются ими за ветки.

Но самые красивые валлаби — пестрые кольцехвостые скальные кенгуру (Petrogale xanthopus). Сейчас в зоопарке Аделаиды их целая большая колония. Скальные кенгуру буквально «полируют» скалы в тех местах, по которым проходят их обычные пути. У иглохвостых кенгуру (Onychagalea) на конце хвоста шиповидный роговой нарост. Австралийцы зовут их «шарманщиками», потому что, убегая, они раскидывают руки в стороны и вертят ими так, словно крутят шарманку.

Так называемых изящных валлаби (Wallabia elegans) в самое последнее время постигла неожиданная напасть: за ними стали усиленно охотиться, чтобы из их мягкого пушистого меха изготовлять игрушечных медвежат коала. Таких медвежат охотно скупают туристы, да и в качестве детских игрушек они тоже имеют неплохой сбыт.

У себя во Франкфуртском зоопарке помимо гигантских и древесных кенгуру мы уже давно разводим небольших, с кролика, кенгуру куокка (Setonix brachyurus), которые у себя на родине встречаются теперь только в отдельных местах Западной Австралии и на островах, да и то очень редко. Мало осталось и дерби-кенгуру. А ведь когда-то они были широко распространены по всей Южной Австралии. Теперь же их увидишь разве что в каком-нибудь европейском зоопарке или на некоторых островах, например на острове Кенгуру.

С тех пор как мы, европейцы, появились на этом континенте, здесь уже истреблено четыре вида кенгуру. На очереди следующие десять мелких, но особенно красивых и интересных видов. И не по-

тому, что за ними кто-то охотится. Просто у этих скрытно живущих, пугливых животных, как правило, очень ограниченная область распространения, да к тому же хозяйственная деятельность человека меняет в ее пределах состав растительности. Кроме того, в Австралию без конца ввозят домашний скот, так что у сумчатых прыгунов все меньше остается жизненного пространства.

Что касается трех видов гигантских кенгуру ростом с человека, то в некоторых частях Австралии фермеры их почти полностью истребили, а в других районах хозяйственная деятельность человека явно пошла на пользу этим животным. Во всяком случае их стало там значительно больше.

У всех трех видов гигантских кенгуру цвет шерсти серый, и только у одного—рыжего гигантского кенгуру (Macropus rufus) — самцы темно-рыжие (у наших дам такой цвет волос именуется цветом «красного дерева»). В брачный период эти верзилы окрашивают свою грудь и спину в ярко-красный цвет. Именно «окрашивают» или «пудрятся», если хотите. Дело в том, что у самцов рыжих гигантских кенгуру на шее и груди кожа выделяет особый секрет в виде розовой порошкообразной массы, которую они передними лапами растирают по груди и спине. Если провести по их шерсти белым носовым платком, то он сейчас же сделается розовым, так что краситель не очень-то стойкий. Поэтому из высушенных шкур таких кенгуру красная краска со временем исчезает.

Рыжим гигантам повезло. Они предпочитают открытые плоские равнины без деревьев и кустарников. Поэтому там, где фермеры уничтожили лес, чтобы создать обширные пастбища для своего скота, они одновременно создали настоящее раздолье для рыжих кенгуру (в ущерб их другим прыгающим собратьям). Сейчас рыжие кенгуру широко распространены по всей Австралии. В разных районах они имеют различную окраску. Некоторые самцы бывают синевато-серыми, а иные самки — красными. У западной расы представители обоих полов красные. Впрочем, голова у рыжих кенгуру, как правило, синевато-серая. Серых самок рыжего кенгуру всегда можно отличить от самок такого же цвета горного или серого кенгуру по белой полосе на щеках. Австралийцы называют этих самок «синими летчиками» (Blue Flyers). Рыжие гигантские кенгуру — самые крупные сумчатые животные в мире.

Серый гигантский кенгуру (Macropus major) почти такого же роста, как и рыжий. Но у рыжих гигантов кончик хвоста белый, а у серых — черный; кроме того, у них нет белых отметин на морде. На острове Кенгуру они все шоколадного цвета.

Что же касается горного кенгуру (Macropus robustus), или, как его еще называют, уоллару, или юро, то у него на руках как бы черные перчатки, а на ногах такие же ботинки. Сам же он, как правило, матово-серый, правда, иногда встречаются темно-вишневые и даже совершенно черные особи. Живут юро в пересеченной, гористой местности, среди скал. Жару и засуху они переносят лучше, чем все другие виды.

Кенгуру в Австралии заменяют травоядных копытных других

континентов — антилоп, оленей, зебр, буйволов. Как и те, они отличные бегуиы. Гигаитскне кенгуру на короткой дистанции могут мчаться со скоростью 88 километров в час. Но они, как и миогие другие дикие животиые, быстро устают. Их легко можно догнать даже на лошади, если долго преследовать, ну а уж на автомобиле — и говорить нечего.

Весят гигантские кенгуру от 23 до 70 килограммов, прнчем самцы большей частью вдвое тяжелее самок. Хвост длнной в трн четверти метра или даже в метр служит как бы третьей иогой прн сиденин, ио прежде всего он иеобходим для удерживання равновесия во время прыжков. Длнна медленного «прогулочного» прыжка такого кенгуру составляет от 1,2 до 1,9 метра. Прыжки же во время бегства могут достичь более 9 метров. Однажды у серого кенгуру был зафиксирован прыжок длиной в 13,5 метра. Эти гнганты, если потребуется, могут прыгать и на значительную высоту — до 3,3 метра. Но это, правда, в исключительных случаях. Обычио же даже полуметровые заборы служат для них преградой. Это подтверждается тем, что во время погони они бегут вдоль такого препятствия, вместо того чтобы сходу перемахнуь через него; об этом же говорит множество трупов кенгуру, висящих на нзгородях из колючей проволокн...

Жара, засуха и голод гораздо более страшны для кенгуру, чем хищные животные, которых в Австралии уже почти ие осталось. Кенгуру могут только поблагодарить европейских поселенцев за то, что они так упорно истребляли собак динго. Теперь им некого особенно бояться. Правда, мелкими валлаби или детеиышами крупиых кенгуру при случае любят полакомиться ковровые питоны (Morelia argus), да и клииохвостый орел (Uraetus audax) не прочь ими поживнться. Этих птнц здесь все еще много, несмотря иа долголетнее истребление нх человеком. Одиажды была заснята сценка, как такой орел боролся с самкой кенгуру, стараясь вырвать у нее из рук детеиыша.

Что же касается собак, то, как уже рассказывалось выше, у кенгуру совершеино особый способ борьбы с ними. Преследуемое собакамн животное забегает по пояс в воду, оборачивается и ждет, пока собака подплывает к нему; затем кенгуру хватает ее за голову и начиниает топить. Собака в таких случаях сейчас же прекращает борьбу и только старается вырваться н выскочить на берег. Когда же поблизости иет воды (а это в Австралнн случается ие так уж редко), преследуемый кенгуру стаиовится спиной к дереву и ударяет подбежавшего противника ногами в живот. Такие пинки иногда приводят к страшным последствиям. Если у человека при этом бывают только напрочь сорваны брюки, он может считать себя счастливчиком, потому что известны случаи, когда при аналогичных обстоятельствах некоторых мужчин буквально лишалн мужских достоинств, а другим сворачивали челюсти, ломали руки и ноги. Известны и смертельные исходы.

Подобным же способом самцы кенгуру сражаются между собой: каждый старается схватнть соперннка руками и ударить его

своими когтистыми ногами в живот. А вот горные кенгуру Северо-Западной Австралии только кусаются, а ногами не дерутся, что значительно облегчает обращение с ними.

Часто в цирках можно увидеть «боксеров-кенгуру», которым на руки привязывают боксерские перчатки. «Бой», который они проводят со своим дрессировщиком, разумеется, просто игра; разозлись эти животные всерьез, они сразу же пустили бы в ход свои задние конечности и их партнеру по боксу пришлось бы худо. Поэтому для подобных сеансов берут только молодых кенгуру; более старые и уверенные в себе самцы для таких шуток уже непригодны...

Гигантские кенгуру не так уж трусливы, как думают некоторые. Так, например, рыжий кенгуру, содержавшийся в зверинце знаменитого Гагенбека, перемахнул однажды через перегородку, отделявшую его от бегемота, подскочил к отдыхавшему колоссу и передними лапами несколько раз ударил его по носу, сильно поцарапав. Толстокожий был настолько удивлен и озадачен таким нахальством, что даже не тронул дерзкого пришельца.

Многие кенгуру совершенно не боятся воды и даже охотно купаются; это выяснили в тех немногих зоопарках, где в загонах для кенгуру были бассейны. Так, в Римском зоопарке серые кенгуру ежедневно «принимали ванну» в бассейне, в то время как рыжие отказывались от каких бы то ни было водных процедур — может быть, боясь смыть свой нестойкий краситель, а может быть, потому что в Австралии возле всех бочажков их караулят песчаные мухи, укусы которых вызывают тяжелые воспаления глаз, а иногда даже полную слепоту.

Каким образом этим животным удается выжить на, казалось бы, совершенно сухих, бесплодных землях, австралийским ученым удалось выяснить только совсем недавно. Безусловно, у кенгуру, как и у других травоядных, в пищеводе, желудке и в верхней части кишечника живут особые простейшие, способствующие перевариванию грубых растительных волокон. Одна сотрудница Базельского зоопарка сообщала в журнале «Tier», что неоднократно наблюдала, как кенгуру спустя некоторое время после загона их на ночь в домик начинают отрыгивать съеденную пищу и жевать жвачку как настоящие жвачные животные.

Кенгуру охотно пасутся на пастбищах, где растет жесткий, плохо перевариваемый злак — спинифекс (Triodia spinifex), в то время как овцы едят его только в крайнем случае. Миллионные стада овец, выщипывая на пастбищах более вкусные растения, оставляют в стороне спинифекс, который после исчезновения своих конкурентов бурно разрастается. Таким образом, австралийские скотоводы, сами того не желая, создают наилучшие условия для существования кенгуру и увеличивают области их обитания. Иной фермер со скрежетом зубовным взирает на нежелательных иждивенцев, но если он вздумает удвоить поголовье своих овец, то поголовье кенгуру тут же автоматически учетверится.

Тем не менее кенгуру тоже не в состоянии обходиться без неко-

торых определенных веществ в своем рационе. Так, например, когда в 1934 году в Чикагский зоопарк завезли 52 гигантских кенгуру, животные одно за другим стали чахнуть и погибать. Наконец их осталось только трое. Тогда призвали специалиста, который обнаружил, что в их пище не хватало кальция и других минеральных веществ. Животным начали давать люцерну, овес, овощи, и не прошло и месяца, как они заметно оживились и вскоре стали интенсивно размножаться. К 1949 году их было уже 74. И это все были потомки тех трех оставшихся в живых.

В старой специальной зоологической литературе можно прочесть, что кенгуру часто погибают от актиномикоза ротовой полости и вообще от каких-то воспалений слизистой рта и гортани. Однако с тех пор как в современных зоопарках начали вдумчивее подходить к вопросам питания животных, эти заболевания прекратились.

Между прочим, кенгуру не такие уж глупые, как считают некоторые люди, особенно по сравнению с другими травоядными или сумчатыми. Так, Д. Х. Нейманн из Мюнстера поставил интересный опыт. Он постепенно приучил рыжего гигантского кенгуру и американского опоссума выбирать из двух рисунков на бумаге нужный (только под ним они находили корм). Кенгуру научился различать семь таких двойных комбинаций, а опоссум — только две. Спустя 160 дней кенгуру еще помнил шесть из семи парных фигур; опоссум же всего через четырнадцать дней помнил только две, а через четыре недели он уже забыл все.

Теперь перейдем к одной весьма волнующей зоологов проблеме: как кенгуру удается неделями, даже месяцами, прожить совершенно без воды?

В жару гигантские кенгуру начинают часто-часто дышать открытым ртом, аналогично тому, как это делают собаки и овцы, стараясь охладиться. Кроме того, они принимаются облизывать языком свои «руки», грудь и иногда даже задние ноги, потому что слюна, испаряясь, тоже охлаждает организм. Было замечено, что горные кенгуру начинают себя облизывать, как только температура воздуха достигает 31,5°C.

Западноавстралийскому исследователю Е. Х. Или удалось проследить, что при содержании в загоне на сухом корме кенгуру ежедневно выпивали количество воды, равное 5 процентам веса их собственного тела. Когда животных кормили растениями, содержащими от 30 до 50 процентов влаги, но не давали пить, они через семьдесят дней теряли одну треть своего веса. А живущие на свободе горные кенгуру при таких же условиях не худели совсем. В чем же тут дело?

Отчасти загадка объясняется тем, что на воле эти кенгуру роют колодцы. Да, да, настоящие колодцы до метра глубиной! Этим они спасают жизнь не только себе, но и различным другим животным, которые приходят сюда утолять жажду. Здесь, в Австралии, как ни странно, кенгуру выполняют роль слонов в Африке: те тоже в засушливый сезон роют в рыхлом песке высохших русел рек ямы,

из которых пьют воду другие, не умеющие рыть животные: носороги, антилопы, змеи и зебры. А в Австралии колодцами кенгуру пользуются дикие голуби, розовые какаду, сумчатая куница и даже страус эму.

А когда фермеры и скотоводы создают искусственные водоемы для водопоя домашнего скота, они тем самым облегчают существование все тем же кенгуру, а заодно и некоторым видам диких птиц, которые охотно поселяются возле таких мест. Им ведь ничто не может помешать утолять свою жажду на этих водопоях вместе с домашним скотом.

Однако есть и такие кенгуру, которые не пользуются подобным комфортом. Е. Или, в течение пяти лет изучавший горных кенгуру Северо-Западной Австралии, выяснил, что многие из них никогда не подходят даже близко к фермерским «поилкам». А сделал он это следующим образом: огородил водопой специальной изгородью, в которой были оставлены лазы. Когда кенгуру проскакивал сквозь такую лазейку, на него моментально надевали цветной ошейник с номером. Номера были изготовлены из такого материала, который ночью отсвечивал от света прожектора. Кроме того, Е. Или изобрел хитроумный аппаратик, опрыскивающий светящейся краской каждого кенгуру, проникавшего сквозь отверстие в изгороди.

Ему удалось выяснить, что многие горные кенгуру не пьют даже тогда, когда температура воздуха достигает 46° в тени. Оказывается, в часы, когда солнце особенно печет, эти животные прячутся в прохладных пещерах или под гранитными навесами и тем самым сохраняют в организме влагу. Ведь в таких местах температура никогда не поднимается выше 32°.

Но почему же эти странные существа добровольно отказываются от прекрасной свежей воды, которая заманчиво поблескивает у них под самым носом посреди выпаса? По-видимому, выпитая вода резко снижает питательность поглощаемого корма. Новейшие исследования, проведенные в Кении (Восточная Африка), показали, что скот после обильного питья теряет значительно больше азота. В 1963 году это же проверялось на горном кенгуру в университетских лабораториях в Перте, главном городе Западной Австралии. Выяснилось то же самое. А азот как основной компонент белка — одно из наиболее дефицитных веществ в этой полупустынной области.

Доктору Мэну, сотруднику зоологического факультета Пертского университета, удалось решить еще одну загадку кенгуру. Когда я посетил его, он как раз держал в своем загоне нескольких дерби-кенгуру, которым уже в течение тридцати дней давали пить одну только морскую воду. Как известно, морская вода содержит 3 процента соли и для людей и большинства животных совершенно непригодна. И хотя корм, который в это время давали кенгуру, содержал лишь 10 процентов влаги, тем не менее они неуклонно прибавляли в весе и чувствовали себя отлично.

Эти мелкие кенгуру на континенте почти уже полностью истреб-

лены и живут только на небольших островах недалеко от побережья, где во время сухого сезона целыми месяцами не выпадают дожди и где пресная вода вообще отсутствует.

Живя некоторое время на одном из таких островов, доктор Мэн выяснил интересную особенность. Несмотря на то что почти у всех самок в сумках были детеныши, тем не менее на всем острове трудно было найти годовалых подростков. Объяснилось это самым удивительным образом. Небольшие, величиной с зайца, дерби-кенгуру обитают в специальных туннелях, которые они проделывают в высокой траве. Там у каждого свой собственный участок, ревниво охраняемый владельцем от сородичей. Как только молодые кенгуру достигают половой зрелости, взрослые особи прогоняют их со своих участков, и тем в конце концов приходится выбегать на открытые пространства. А там их очень быстро замечают орланы и тут же с ними расправляются. Таким образом, на острове поголовье кенгуру все время остается стабильным и перевыпаса не происходит. Остается ровно столько животных, сколько может прокормиться. Вот как разумно все устроено в природе! Будь это иначе, то вскоре на таком небольшом клочке суши не осталось бы никакой растительности и вся популяция либо должна была бы вымереть от голода, либо, лишенная укрытий, стать добычей хищных птиц.

Какого возраста могут достигнуть кенгуру?

В один из дней своего пребывания в Канберре, столице Австралии, я посетил доктора Г. Б. Шармэна на его опытной станции при Государственной научно-промысловой исследовательской организации. Он рассказал мне, что более двух третей отстреляиных самок обычно бывает не старше четырех лет и только четверть из них оказывается восьмилетними. В условиях же зоопарка, где нет никакой борьбы за существование, гигантские кенгуру доживали до 17—18 лет, а валлаби — до 12.

Семьдесят — восемьдесят лет назад, гуляя по рейнским или силезским равнинам, вы могли неожиданно встретить вместо ланей... мирно пасущихся кенгуру. В те годы их пытались там акклиматизировать, и надо сказать, они вполне удовлетворительно прижились. Правда, это были не гигантские кенгуру, а серовато-коричневые валлаби Бенетта (Wallabia rufogrisea frutica).

В 1887 году богатый аристократ Филипп фон Бёзелагер выпустил близ Хаймерцхайма (округ Бонна) двух самцов и трех самок этого вида в лес, занимающий пять квадратных километров. Через шесть лет их поголовье увеличилось до 35—40 особей. Они неплохо перенесли даже суровую зиму 1887/88 года, когда морозы достигали 22°. К сожалению, вскоре егерь умер, и банда браконьеров без всяких препятствий перестреляла почти все стадо прямо у зимних кормушек, куда эти полуручные животные приходили подкормиться. Несколько кенгуру еще встречали после этого в Таунусе, в 100 километрах от Хаймерцхайма, но с 1895 года этих животных в Германии больше не видели.

«Только спустя много лет мы узнали, в какой харчевне эти по-

донки изжарили и съели несчастных кенгуру»,— писал сын господина фон Бёзелагера.

В Англии тоже неоднократно пытались акклиматизировать кенгуру, например в начале нашего столетия в поместье Тринг. Владелец замка барон Ротшильд выпустил там на свободу не только валлаби Беннетта, но и серых гигантских кенгуру.

Но были и такие случаи. В поместье графа Витцлебена (Альтдеберн, округ Франкфурта-на-Одере) успешно размножались валлаби Беннетта. Но потом ему надоели эти «скачущие гигантские блохи», и к тому же он решил, что они досаждают его ланям. Не долго думая, он приказал их всех перестрелять.

Князь Герхард Блюхер Вальштатский в конце прошлого столетия выпустил нескольких валлаби Беннетта на острове Герм, расположенном в проливе Ла-Манш. Животные стали прекрасно размножаться на этом уединенном островке, занимающем 1,3 квадратных километра. Но как только началась первая мировая война, высадившиеся здесь английские солдаты, не мешкая, тут же отправили кенгуру на кухню... Потомки этих островных кенгуру (стадо из 60—70 голов) еще продолжали жить в другом поместье Блюхера — в Криблловице в Силезии. Однако их постигла столь же печальная участь: в первые же два года после окончания мировой войны их истребили браконьеры.

По мнению профессора Отто Кёнига из Вены, акклиматизация кенгуру в наших широтах вполне возможна, и они могли бы занять в составе животного мира средней полосы экологическую нишу, в прошлом занимаемую ланями. Однако О. Кёниг считает, что акклиматизация этих животных связана и с некоторым риском. Так, например, зимой, когда они поскачут беззаботно к прорубям, чтобы напиться воды, под их тяжелыми ритмичными прыжками может проломиться лед. Поэтому кенгуру, живущим на свободе в наших условиях, зимой всегда будет грозить опасность утонуть. Правда, Отто Кёниг ставил свои опыты не на валлаби Беннетта, а на более крупных, стройных красношеих кенгуру (Wallabia rufogrisea rufogrisea). Хотя эти животные обитают на более теплом материковом побережье, они вполне успешно перезимовали в нашей умеренной полосе, питаясь корой деревьев, почками и сухой травой. Молодняку тоже холод нипочем, потому что он ведь довольно долго укрывается в теплой сумке матери. Но все же кенгуру в таких условиях совершенно необходимо обеспечивать удобными укрытиями и ветрозащитными убежищами.

А теперь перейдем к одному из самых интересных моментов из жизни кенгуру, а возможно, даже и к самому интересному.

Сто лет люди ломали себе голову над тем, каким образом новорожденный кенгуру попадает в сумку матери. Очень редко кому-нибудь из работников зоопарка удавалось присутствовать при этой процедуре, да и то, как правило, на недостаточно близком расстоянии, чтобы рассмотреть все подробно.

И вот что выяснилось. Примерно за два часа до родов самка начинает старательно вылизывать внутренность своей сумки. Пос-

ле этого она усаживается в непривычной для себя позе: хвост пропускает между ног вперед, а сама прислоняется спиной к какой-нибудь стене или к дереву. Прежде предполагали, что она хватает новорожденного зубами или губами и кладет его в сумку. Да и трудно было предполагать что-нибудь другое: ведь это существо имеет такой беспомощный, недоношенный вид! Например, у рыжих гигантских кенгуру оно весит три четверти грамма, в лучшем случае один грамм, следовательно, всего одну тридцатитысячную часть веса матери: это голый червячок, без глаз и ушей — совершенно недоразвитый эмбрион. Задние ноги у него совсем короткие, ничем не напоминающие длинные ноги кенгуру. Чтобы подобный «недоносок» мог самостоятельно проползти, цепляясь за шерсть матери, весь длинный путь до спасительной сумки — предположить было совершенно невозможно.

И все же это так. Теперь, после того как биологам Г. Шармэну и Х. Фрису из Канберры удалось заснять весь процесс на кинопленку, это можно считать доказанным.

У рыжих гигантских кенгуру детеныш рождается на свет через тридцать три дня после оплодотворения самки. Он самостоятельно прорывает родовую оболочку и медленно ползет наверх, цепляясь за шерсть матери, даже в том случае, если самка находится под наркозом и всякая помощь с ее стороны исключена. В начале своего «путешествия» детеныш продолжает висеть на пуповине. Но затем мать перекусывает ее, и детеныш передвигается уже свободно. Он ползет, извиваясь, как настоящий червяк, и через три, иногда пять, минут уже достигает места своего назначения. Самка вылизывает оставшиеся после него на шерсти следы крови и слизи. Прежде считали, что она расчищает ему дорогу сквозь спутанную шерсть. Однако последние достоверные наблюдения опровергли это заблуждение. Добравшись до сумки, предприимчивый эмбрион сейчас же хватает в рот один из четырех сосков и накрепко к нему присасывается. Конец этого соска разбухает так, что выскочить изо рта детеныша он уже не может. Недаром первые исследователи описывали детеныша «приросшим» к соску. Когда малыша насильно отрывают от соска, это вызывает даже небольшое кровотечение.

Но в то время как глаза и уши у этого эмбриона еще совсем неразвиты, у него уже есть широко раскрытые ноздри и вполне сформировавшийся обонятельный центр в мозгу. Поэтому можно предположить, что слепой и глухой зародыш находит путь к спасительному источнику питания, ориентируясь по запаху.

Детеныши рыжих гигантских кенгуру находятся в сумке примерно 235 дней; вылезая оттуда, они весят уже от двух до четырех килограммов. В Нью-Йоркском зоопарке детеныш горного кенгуру отсиживался в сумке пять месяцев и одиннадцать дней и только тогда начал высовывать оттуда свою мордочку. Двойни и тройни у кенгуру — явление чрезвычайно редкое; однако в Лондонском зоопарке из 219 новорожденных детенышей гигантских кенгуру и валлаби было 11 двойняшек и даже одна тройня.

Группа исследователей в Канберре как-то осмотрела множество рыжих гигантских кенгуру, которых сейчас массами отстреливают на мясо. Больше чем у трех четвертей самок в сумках находились малыши, из которых 20 процентов были грудными, да еще возле каждой матери скакал самостоятельно большой детеныш. Кроме того, почти у 60—70 процентов самок, вынашивающих в сумке детеныша, в матке уже подрастал следующий эмбрион. Это замечательное приспособление, выработанное кенгуру в борьбе за существование, очень пригодилось им при конкуренции за пастбища с миллионными отарами овец, успешному размножению которых всячески способствуют люди.

Так как в засуху погибает более 75 процентов детенышей кенгуру, покинувших к этому времени сумку матери, то важно, чтобы продолжение рода шло безостановочно, без всяких проволочек. Достигается это следующим образом. В матке самки, которая сразу же после рождения детеныша снова спаривается и оплодотворяется, зародыш развивается только до определенной стадии, когда он состоит примерно из ста клеток. После этого он как бы консервируется и застывает в неподвижности, ожидая своего часа. А час этот настает, как только старший детеныш погибает в сумке или становится самостоятельным. Тогда зародыш начинает быстро развиваться, и уже через четыре недели он готов: самка может родить следующего детеныша без необходимости спешно искать партнера для спаривания. Тяжелые времена требуют решительных действий и не допускают промедления...

Наша овца тоже хорошо приспособлена к жаре и засухе. Она легко переносит температуру тела до 43° и может долго не пить, теряя, правда, при этом до одной четверти своего веса. (Человек же умирает, потеряв только 12 процентов влаги в организме.) Размножаются овцы быстрее, чем кенгуру, потому что у них бывают сплошь и рядом двойни. Но в то время как кенгуру в засуху и голод сейчас же подтягивают «законсервированные резервы», у овец при этих условиях все ягнята гибнут и может пройти больше года, прежде чем они произведут на свет новое потомство.

Так, в районе Пилбара в Северо-Западной Австралии за последние 25 лет число овец сократилось ровно наполовину, и больше дюжины крупных ферм, когда-то имевших до восьми миллионов овец, пришлось просто ликвидировать. В то же время обитающие здесь горные кенгуру (юро) заметно расплодились. Насколько именно они размножились, выяснилось, когда их начали травить ядовитыми приманками. На одной ферме, занимающей 14 квадратных километров, с 1930 по 1935 год было отравлено 90 тысяч горных кенгуру.

На другой ферме, занимающей 10 квадратных километров, содержалось четыре тысячи овец, но пастбища пришли в такую негодность, что ослабевшие овцы перестали приносить ягнят. А обитавшие на той же территории 30 тысяч горных кенгуру преспокойно продолжали размножаться.

На пастбищах большинства фермеров-овцеводов пасется столь-

ко же гигантских кенгуру, сколько овец, а иногда кенгуру даже больше.

Между прочим, в прежние времена в Северо-Западной Австралии никогда не было столько гигантских кенгуру. На них постоянно охотились аборигены, для которых они служили основным источником питания. Но затем пришли европейцы, которые большую часть коренного населения истребили или продали в качестве рабочей силы искателям перламутра. По этой причине число аборигенов в районе Пилбара за короткий срок снизилось с 5000 человек до 1300. Сейчас горстки оставшихся аборигенов живут большей частью уединенными замкнутыми колониями. Да и европейские золотоискатели, которых прежде бродило в округе около трех тысяч, с 1930 года почти совершенно исчезли; их теперь осталось не более дюжины. А ведь они тоже были потребителями кенгурового мяса.

Чтобы выяснить, наконец, причину бурного размножения кенгуру, западноавстралийское правительство решило купить в этом районе две большие фермы. На них-то биолог Е. Или в течение пяти лет, начиная с 1955 года и проводил свои опыты, о которых я здесь уже упоминал.

В этом районе жара достигает 50° в тени и за весь год выпадает не более 25—30 сантиметров осадков. Наилучшим образом приспособлен к этим условиям колючий злак спинифекс, не представляющий никакой кормовой ценности. Он-то здесь и преобладает в травяном покрове. А вот за другие кормовые травы идет отчаянная борьба между овцами и кенгуру.

Овцам только для поддержания жизни необходимо, чтобы сухие растительные корма содержали не менее 6,5 процента белка, а для того чтобы производить потомство и давать шерсть, им нужно еще больше. Кенгуру же, которые пьют очень мало или вообще не пьют, усваивают растительный белок значительно лучше. Кроме того, фермеры, угнав овец на стрижку, имеют обыкновение сжигать на пастбищах сухую траву, не учитывая, что вместе с ней сгорают и зрелые семена. Таким образом они сами же способствуют обеднению растительного покрова. Выпасая овец круглый год на одной и той же территории и тем самым не давая здесь растительному покрову передохнуть, фермеры все увеличивают площади никуда не годных пастбищ, а это в свою очередь способствует превосходству кенгуру в конкурентной борьбе с овцами. Е. Или считает, что никакие походы против двухмиллионной армии гигантских кенгуру, пасущихся сегодня в районе Пилбара, не нанесут им существенного ущерба.

Поэтому нельзя утверждать, что промышленное использование кенгурового мяса и массовые отстрелы гигантских кенгуру уменьшают их численность в этом районе и потому нежелательны. Услыхав об этой стрельбе, каждый непосвященный человек поначалу начинает возмущаться и протестовать в меру своих сил и возможностей. Но справедливости ради надо сказать, что мелкие виды кенгуру, которые находятся на грани полного исчезновения,

вряд ли были жертвой охотников; причина их исчезновения кроется совсем в другом.

И тем не менее волосы становятся дыбом, когда из газет узнаешь о том, в каких бешеных масштабах идет отстрел «гербового» животного Австралии и с какой легкостью оно превращается в кожу для ботинок и корм для собак. Так, в штате Квинсленд с 1950 по 1960 год ежегодно продавалось примерно 450 тысяч кенгуровых шкур. Недавно одна известная американская фирма заказала этих шкур на 140 тысяч долларов, чтобы изготовлять из них лыжные костюмы. В одном только Квинсленде профессиональным охотникам было выдано 1800 лицензий. Говорят, они зарабатывали от 500 до 800 марок в неделю, а в особо благоприятных местностях — и по 250 марок в день. В одной австралийской охотничьей газете я вычитал, что 25 шкурок в день считается для охотника неплохой добычей. Стреляют обычно с расстояния от 50 до 250 метров. А губит этих животных в основном любопытство: проскакав немного, они имеют привычку останавливаться и оглядываться назад, чтобы посмотреть, не отстал ли назойливый преследователь. Тут им и конец.

С июля 1958 по июнь 1962 года из Австралии было вывезено 7500 тонн кенгурового мяса и еще больше пошло его на корм другим животным внутри страны. А поскольку используется только задняя часть туши, то за это время было убито от одного до двух миллионов кенгуру! Доктор Шармэн и доктор Фрис высчитали, что в одной только западной части Нового Южного Уэльса было отстреляно около миллиона гигантских кенгуру. Банка кенгурового мяса стоит в Австралии 23 цента. А так как на этот корм большой спрос, промышленность, специализирующаяся на переработке кенгурового мяса, развивается очень быстрыми темпами. И можно не сомневаться, что охотники, работающие сдельно, стреляют во все, что только попадается им под руку. В 1964 году из Австралии уже еженедельно вывозилось по 50 тонн мяса. К этому еще следует прибавить 10 тонн, которые идут внутри страны на корм собакам и кошкам. А для того чтобы получить тонну мяса, нужно убить 133 кенгуру, так что за неделю их убивают около 8 тысяч штук. Если же посчитать еще и детенышей, сидящих в сумках, то получится 10 тысяч голов...

Однако этим цифрам, производящим поистине удручающее впечатление, нужно противопоставить число ныне живущих кенгуру. Хотя с одного только острова Тасмания с 1923 по 1955 год было вывезено свыше двух миллионов шкур валлаби Беннетта, и наверняка еще вдвое больше зверей было там уничтожено, тем не менее эти животные и по сей день встречаются на острове в огромном количестве.

Для спасения плантации Талга-Талга в Западной Австралии, где на 84 тысячах гектаров скудных пастбищ могло прокормиться не более 2300 овец, решились на отчаянный шаг: поочередно отравляли водопои — сначала в течение одной недели, потом трех, а потом десяти недель подряд. За это время погибло 12834 кенгуру.

Чтобы судить обо всех этих делах совершенно объективно, нужно вспомнить, что в маленькой Федеративной Республике Германии охотники ежегодно отстреливают свыше миллиона зайцев и 550 тысяч косуль; к тому же больше 200 тысяч зайцев попадает под автомашины. И тем не менее запасы такой дичи у нас в стране не уменьшаются.

Что же касается пищевой ценности кенгурового мяса, то она на достаточно высоком уровне, и его прекрасно можно было бы использовать не только для корма собакам, если бы его не ленились перерабатывать, соблюдая те же гигиенические нормы, что и в отношении говядины и баранины. Разумеется, в мясе диких животных, как правило, встречается больше паразитов, чем в мясе домашнего скота, но, во-первых, эти паразиты для человека безвредны, а во-вторых, это ведь относится также и к нашим зайцам, кабанам и оленям, однако же мы их с удовольствием едим.

Так что в засушливых странах кенгуру в качестве поставщиков животного белка во многом превосходят овец и тем более рогатый скот. Об этом стоит призадуматься. Почему бы не разводить кенгуру просто на воле — пусть бегают, нагуливают мясо, а потом можно регулярно и планомерно часть из них отстреливать и использовать в пищевой промышленности. Почему бы нет? Я думаю, что тут загвоздка только в одном: на кенгуру нет овечьей шерсти...

Глава шестая

В гостях у райских птиц и людей каменного века

Прилетевших на самолете приняли за посланцев из загробного мира.

◆

Цена райской птицы — человеческая жизнь.

◆

Короли приходят и уходят, а райские птицы остаются.

◆

Каждый флиртует по-своему.

Когда я, как уже говорилось, попал прямо в австралийскую зиму, то решил, вместо того чтобы зябнуть в сиднейском отеле, поскорей сесть в самолет и удрать на Новую Гвинею, заранее предвкушая, как славно будет погреться в лучах тропического солнца...

Лететь от Сиднея до Новой Гвинеи ни много ни мало — три тысячи километров — это примерно столько же, сколько от Франкфурта-на-Майне до Каира.

Новая Гвинея — второй по величине остров на Земле. Он в три с лишним раза больше Англии. Северо-восточная часть его вместе с Архипелагом Бисмарка тридцать лет подряд (с 1884 по 1914 год) была немецкой колонией. В 1914 году австралийцы заняли остров

без боя. Во время второй мировой войны на северном побережье острова обосновались японцы. Западная часть его, находившаяся ранее под управлением Голландии, воссоединилась с Индонезией, а восточная часть (бывшая английская колония Папуа) находится ныне под австралийской опекой, но в ближайшие годы должна стать самостоятельной*.

Остров очень горист. Его высокие горные массивы покрыты густыми лесами. Самые высокие горы достигают 4—5 тысяч метров над уровнем моря. Здесь выпадает много осадков; временами по целым дням, даже неделям, не увидишь и кусочка синего неба. На острове проживает более 2,5 миллиона коренных жителей. Все они темнокожие, почти черные, курчавые и явно сродни африканцам.

Когда пролетаешь над Новой Гвинеей, становится ясно, почему она так долго не была исследована и почему еще сегодня во многих ее местах не побывал ни один европеец: всего лишь две или три дороги ведут здесь от прибрежных городов в глубь острова. Горы труднодоступны, а удобных, плоских равнин, пригодных для использования в качестве посадочных площадок, почти нигде нет. Поэтому-то здесь так часто не находят самолетов, потерпевших аварию. И все же осваивать эту землю совершенно невозможно без воздушного транспорта.

Так что нечего удивляться, что обширные области этого громадного острова до сих пор еще остаются неисследованными.

Время больших экспедиций с самыми невероятными приключениями, которое в Африке охватило вторую половину прошлого века, на Новой Гвинее по сути дела началось только 20—30 лет назад.

Коренное население острова испытывает острую белковую недостаточность. Эти люди в изобилии обеспечены фруктами и овощами, которые они прекрасно научились выращивать, а вот надежного источника животного белка в стране нет. И хотя птичья фауна острова весьма разнообразна и обильна, в ней больше красоты, чем мяса (кстати сказать, на Новой Гвинее обитает столько же различных видов птиц, сколько на всем огромном материке Австралия). А крупных животных на острове вообще нет, если не считать кускусов размером с кошку или древесных кенгуру (тоже немногим больше), а также змей или казуаров.

В качестве домашнего скота аборигены держат здесь только низкорослых свиней, которых закалывают лишь по большим праздникам, правда, тогда уж в огромном количестве*.

К соплеменникам эти люди испытывают искреннюю привязанность и любовь. Когда умирает кто-либо из близких родственников, принято в знак траура и скорби отрубать себе фалангу какого-либо пальца на руке. Есть пожилые женщины, у которых почти не осталось пальцев. Тело особо знатных или любимых родственников неделями окуривают над костром в специально приспособленной для этой цели хижине (во время такой процедуры ни одна капля жира не должна упасть в огонь!). Затем труп относят высо-

ко в горы и пристраивают где-нибудь под навесом скалы в сидячей позе. Считается, что при таких условиях мертвые вечно смогут «обозревать» свою прежнюю родину.

Многие прибрежные и наиболее доступные внутренние районы острова уже подверглись некоторой цивилизации: коренные жители ходят в европейских платьях, от них есть депутаты в национальном парламенте, дети этих аборигенов посещают школу*.

Долина реки Ваги, которая нас больше всего интересовала во время нашей поездки, была впервые обнаружена лишь в 1930 году одним европейским золотоискателем.

Первая же экспедиция проникла в эти места только в 1933 году и была дружелюбно встречена аборигенами. Они не проявили ни малейшей боязни и не убежали, завидя белых людей, как это часто случалось с другими племенами в подобных ситуациях. На вопрос, не употребляют ли они в пищу человеческого мяса, они обиженно и возмущенно ответили: «Никогда в жизни». Участников экспедиции поразило также и то, что эти люди никогда не воровали.

Правда, появление белых людей их несказанно удивило. Самолеты они видели и прежде, но только высоко в небе. Поэтому они стали показывать наверх и спрашивать знаками и через носильщиков, знающих несколько слов на языке ваги, имеют ли прибывшие белые люди какое-либо отношение к самолетам. Когда Майкл Лехи, руководитель экспедиции, ответил утвердительно, аборигены бросились обнимать его, а женщины принялись причитать: они почему-то решили, что к ним спустились с неба души их покойных родственников. Некоторые женщины «опознали» среди молодых носильщиков своих умерших сыновей. Топоры, стальные ножи, отрезы материи, которые раздаривал им Лехи, воспринимались ими не только как предметы невиданной роскоши, но и как священные послания из загробного мира. От полноты чувств мужчины предлагали носильщикам своих дочерей и жен, а белых людей с неизменным любопытством сопровождали повсюду, даже когда те удалялись в лес по своей надобности. Отогнать их было невозможно. Даже позднее, когда аборигены уже привыкли к белым пришельцам, они все еще продолжали считать полубожеством одного из членов экспедиции, который умел вынимать и вставлять обратно свой стеклянный глаз.

Когда европейцы начали искать подходящее место для посадочной площадки, аборигены в порыве воодушевления стали сносить изгороди своих садов и разравнивать поля. Несколько сот человек с необыкновенным энтузиазмом работало над устройством посадочной площадки: им не терпелось поскорей увидеть вблизи самолет. Но как только машина с ревом и грохотом стала приземляться, все они от страха упали на землю лицом вниз.

Когда из самолета вылез пилот Ян Гробовский, высокий, стройный мужчина в белоснежном костюме и больших зеленых «очках-консервах», они не решались даже поднять глаза на «духа, спустившегося с неба». Однако наиболее храбрые мужчины

вскоре опомнились, побежали в деревню и принесли бананов и прочей снеди, которые осторожно положили под нос громадной металлической птице — пусть поест. Другие в это время забрались под хвост самолета, чтобы выяснить, какого пола это чудовище — мужского или женского.

В том же году в долине появились и первые миссионеры. Большинство из них, как протестанты, так и католики, были немцами.

Из всех животных Новой Гвинеи наибольшую роль в жизни аборигенов играют райские птицы. Но отнюдь не как пищевой продукт (хотя мясо их вполне съедобно), а как источник роскошных перьев, которыми украшают себя туземцы. Перья эти подчеркивают знатность, богатство и влияние в обществе каждого мужчины, они делают его привлекательным в глазах молодых девушек. Поэтому нередко аборигены просят европейских ловцов животных продать им пойманных птиц, предлагая за них богатый выкуп.

Редкостные перья этих птиц высоко ценятся не одними только аборигенами — в течение длительного времени они служили предметом вожделения и европейцев. Об этих перьях у нас узнали уже свыше четырехсот лет назад, а вот о птицах, которым они принадлежат, мы знаем не более сотни лет.

Каким же образом европейцы прознали о чудесных «жар-птицах»?

8 сентября 1522 года в Севилью прибыл парусный корабль «Виктория» — настоящий корабль-призрак. Весь мир считал его давно погибшим; это было единственное уцелевшее судно из целой флотилии, с которой за три года до того пустился в путь знаменитый Магеллан. Матросы этого корабля привезли с собой среди прочих редкостей шкурки птиц с чрезвычайно нежными, тонкими, пестрыми перьями. Себастьян Эль-Кано, капитан «Виктории», получил их в подарок от одного из молуккских султанов. Однако сами птицы были не оттуда, а с одного из неизвестных южных островов. Шкурки хорошо сохранились, но, к удивлению испанцев, у них не было ног! Правда, уже через несколько лет итальянец Антонио Пигафетта, участник экспедиции Магеллана, писал, что у райских птиц есть ноги длиной примерно с нашу ладонь, но ему никто не поверил. Слишком бесспорным «опровержением» были многочисленные безногие тушки, которые начали привозить голландцы для продажа в Европе. Поэтому решили, что старик Аристотель в свое время слишком поторопился, оспаривая существование безногих птиц, а Пигафетту стали считать лжецом*. Знаменитый же врач и математик Джеронимо Кордано в 1550 году так представлял себе жизнь этих удивительных птиц:

«Им не нужны ноги, так как они постоянно держатся в самых верхних слоях воздуха. Спинка самца имеет углубление, которое соответствует углублению на брюшке самки. Совместив эти впадины, самец и самка насиживают помещенное туда яйцо. У самца в хвосте три тонкие крепкие нити, которыми он на время насиживания прочно прикрепляет к себе самку. При этом птицы широко распус-

кают хвосты и крылья, а потому могут без труда планировать в воздухе. Очевидно, они не питаются ничем, кроме небесной росы».

Поскольку эта басня звучала весьма увлекательно, то она проникла во многие рассказы о путешествиях и даже в естественнонаучные книги. Ей продолжали верить даже и после того, как авторитетные ученые в Голландии, тщательно исследовав шкурки райских птиц, доказали, что вся эта история — чистейший вздор.

В последующие столетия райские птицы все еще продолжали волновать умы и сердца в Европе. Во всяком случае больше, чем сегодня. О них писали в ученых записках и докторских диссертациях, именитые коллекционеры платили невероятно большие суммы, чтобы приобрести их тушки.

Торговцы и препараторы ловко использовали этот спрос. И сейчас еще в коллекциях встречаются старые шкуры, искусно составленные из перьев и кусочков кожи самых различных видов райских птиц. Так, «белокрылая райская птица», которую описал в 1787 году английский зоолог Латам, раздобывший ее чучело для своей частной коллекции, оказалась составленной из шкурок совершенно разных видов райских птиц, с искусно прикрепленными белыми крыльями. Один особенно роскошный и удивительный «новый» вид из коллекции француза Левайяна также впоследствии оказался составным. У этого экземпляра живот, хвост и клюв были от разных птиц. Искусственно прикрепленными оказались и великолепные маховые перья.

Несколько позже, когда уже окончательно выяснилось, что у райских птиц есть лапки, к безногим чучелам, не долго думая, стали приделывать чужие конечности. Для этого нередко использовались лапы нашей галки, а иногда и ястреба.

Профессор Эрвин Штреземанн подробно описал всю историю открытия райских птиц.[1] В своей книге «Развитие орнитологии от Аристотеля до наших дней» (1951) он описывает великолепные голландские частные коллекции птичьих чучел, собранные еще в те времена.

Первые шкурки райских птиц в Парижском музее были испорчены серными парами, которыми уничтожали моль. Позже, в 1795 году, сюда из Голландии были привезены новые чучела. Необыкновенная красота оперения этих птиц будоражила фантазию художников. Они пытались изобразить райских птиц в природной обстановке, хотя никто из европейцев еще ни разу не видел живой райской птицы. Французский исследователь Левайян обратил внимание на то, что основание роскошных перьев уходит глубоко под кожу и связано там с особым мускулом-выпрямителем. Он совершенно правильно предположил, что во время брачных игр этот мускул подымает перья и разводит их в стороны; в такой момент хвост напоминает павлиний шлейф. На основании этих наблюдений ученый представил себе предположительные брачные позы у трех видов райских птиц и попросил художника и точно изобразить их на бума-

---

[1] Journal für Ornithologie, 1950, Band 95, S. 263—291.

ге. Позы двух видов оказались весьма близкими к истинным брачным позам этих птиц. У третьего же вида предполагаемые брачные позы совсем не совпадали с действительными.

Естествоиспытатели того времени стали стремиться во что бы то ни стало попасть на Новую Гвинею. Всем хотелось поскорей посмотреть на «чудо-птиц» в родной для них природной обстановке. В последующие столетия многие из путешественников поплатились за это жизнью: кто погиб от эпидемий или под стрелами аборигенов, кто утонул в бурных горных потоках. Правда, далеко не все экспедиции на Новую Гвинею преследовали только невинную цель разгадать тайну диковинных птиц. Для многих подобных предприятий райские птицы были лишь предлогом, а истинной целью была колонизация и захват новых земель.

Голландскую экспедицию за райскими птицами постигла неудача — погибло пять ученых. А вот французскому корабельному аптекарю Ренэ Лессону фортуна явно улыбнулась. Он пробыл на острове всего тринадцать дней, однако зря времени не терял. Он успел понаблюдать, как райские птицы ведут себя в естественной для них обстановке, выведал у местных жителей, как их ловят и препарируют, чтобы не повредить ценного оперения. Впоследствии он описал их крики, брачные танцы и другие повадки.

Спустя несколько лет, в 1862 году, зоолог Альфред Рассел Уоллес привез в Лондонский зоопарк двух живых самцов райских птиц. Трудно себе представить, какой восторг вызвало это у лондонской публики!

Эти-то демонстрировавшиеся в Лондоне «божьи птицы» и побудили голландцев вновь послать на Новую Гвинею трех исследователей, среди которых был и сын силезского художника Отто Финш*. Одного из троих членов экспедиции — врача Генриха Бернштейна — убили аборигены. Он стал одиннадцатой, но отнюдь не последней жертвой «птичьей лихорадки». А Отто Финш, прибыв на остров и установив в Северной Гвинее немецкий флаг, предложил своему правительству объявить ее германской колонией. К сожалению, этим актом он накликал страшное бедствие на своих любимых райских птиц: до них вскоре добрались торговцы и мода. В первые же пять лет немецкого колониального режима на острове было убито свыше 50 тысяч райских птиц, перья которых пошли на украшения дамских шляп.

Вывоз шкурок продолжался даже в нашем столетии. Так, в 1911 году с Новой Гвинеи их было вывезено более семи тысяч. Отто Финш неоднократно предлагал, но так и не смог провести в жизнь меры по охране этих уникальных пернатых.

С тех пор уже найдено и описано более сорока видов райских птиц — последний в 1938 году.

Над головными уборами многих коренных жителей Новой Гвинеи раскачиваются черные длинные хвостовые перья райской птицы принцессы Стефании (Astrachia stephaniae), названной так в честь супруги австрийского кронпринца Рудольфа*. Так называемая великолепная райская птица (Diphyllodes magnificus) любо-

пытна тем, что расчищает на земле круг диаметром пять метров и даже обрывает все листья с окружающих ветвей, чтобы ее роскошное оперение во время брачного танца блистало всеми цветами радуги под солнечными лучами.

Голова шестиперой райской птицы (Parotia lawesi) украшена шестью тонкими и длинными перьями с кисточками на концах; когда птица танцует, она распускает эти перья в виде зонтика. Во время брачных игр самец совершенно преображается, превращаясь в трепещущий и переливающийся сине-зеленый грибок с длинными перьями на шляпе. (Свое название птица получила в честь английского миссионера Лавеза.)

Ленточная райская птица (Astrapia mayeri) обладает самым длинным хвостом среди своих родичей — от втрое длиннее ее тела. Самец и самка, которая гораздо невзрачнее самца, долгое время считались разными видами. Только в 40-х годах наблюдения за ними позволили установить, что это всего лишь самец и самка одного вида.

Голубая райская птица (Paradisaea rudolphi) во время брачного танца повисает на ветвях вниз головой и распускает при этом свои отливающие голубизной перья. Впервые ее описал немецкий коллекционер животных Карл Гуништейн, проникший за райскими птицами в глубь Новой Гвинеи. Он назвал этот вид в честь «его величества кронпринца Рудольфа, покровителя птиц во всем мире». Сам Гуништейн после этого утонул в горном ручье. О том, что покойный принц Рудольф покровительствовал животным, сейчас мало кто помнит. А вот названная его именем голубая райская птица, как и прежде, висит вниз головой на ветке, и ей нет дела до людских тревог...

В большинстве книг обычно изображаются большая райская птица (Paradisaea apoda apoda) и похожая на нее, но с красным оттенком райская птица (Paradisaea apoda raggiana). Несколько иначе окрашена, но также похожа на эти два вида малая райская птица (Paradisaea minor), которая на самом деле ненамного меньше большой.

Во Франкфуртском зоопарке в павильоне птиц содержится сейчас несколько видов райских птиц. Некоторые из них токуют друг перед другом прямо посреди обширной площадки, не отгороженной от зрителей ни решетками, ни стеклом. Самцы райских птиц исполняют свои брачные танцы наподобие южноамериканских красных каменных петушков, совсем близко друг перед другом, не втягивая, однако, соперника в драку: ведь непрочное роскошное оперение наверняка не выдержало бы никакой потасовки!

Вывозить шкурки райских птиц из Новой Гвинеи запрещено уже давно. Да и живых птиц вывезти не так-то легко. Это разрешается в виде исключения лишь тем зоопаркам, которые имеют возможность их удобно транспортировать и хорошо содержать.

Однако среди аборигенов до сих пор широко распространена охота на райских птиц с луком и ловля их западнями. Побывав на большом танцевальном празднике в долине Ваги, мы с ужасом

увидели, какая масса перьев редчайших великолепнейших птиц украшает головы танцующих.

Общая стоимость всех перьев, демонстрирующихся сегодня на празднике песни и танца племен Новой Гвинеи, составляет наверняка не менее одного миллиона марок. При этом мы исходим из тех цен, которые существовали на шкурки райских птиц до первой мировой войны. Стоимость одного только хвоста райской птицы в то время доходила до 60 долларов. Но теперь вывоз птиц, слава богу, запрещен. Сегодняшние цены наверняка были бы куда выше. Даже вожди племен, живущих внутри страны, не задумываясь, платят за такое роскошное украшение от 150 до 200 долларов.

Ведь теперь у мужчин, которые прежде были заняты постоянными войнами с соседними племенами, появилось гораздо больше свободного времени, чтобы ходить на охоту. Кроме того, раньше они боялись далеко уходить от своей деревни, а сейчас, в мирное время, без опаски пробиваются глубоко в горы и леса и охотятся там за птицами. Жизнь аборигенов с прекращением войн стала зажиточней, и сейчас каждый может приобрести более дорогие украшения. Ведь мир всегда способствует благосостоянию.

Если в прежние времена в качестве свадебного подарка было достаточно принести четыре перламутровые раковины и восемь свиней, то теперь уже дарят 20 раковин, 20 свиней и соответствующее число шкурок райских птиц. Если так будет продолжаться, то бедным райским птицам придется еще тяжелей. Однако надо надеяться, что аборигены постепенно потеряют вкус к своим старым обычаям (а вместе с ними и к головным уборам из перьев), перейдя на современную европейскую одежду. Тогда райские птицы, возможно, вздохнут свободно и их былая численность восстановится. При этом нельзя забывать, что самец надевает полный брачный наряд лишь на четвертый-пятый год жизни, а самка имеет в кладке всего только одно яйцо!

Пока же, как выяснил недавний опрос, молодые девушки из долины Ваги всегда предпочтут молодому стройному парню более пожилого мужчину, зато увешанного шкурами кускуса, перламутровыми раковинами и кабаньими зубами, на голове которого красуется султан из перьев райских птиц.

Здесь существует обычай отделять маленьких мальчиков пяти — семи лет от матерей и воспитывать их только в мужском обществе, чтобы развить в них мужественность и презрение к девчонкам. Во всяком случае молодым девицам, которым разрешается «наряжаться» только до свадьбы, немало приходится изощряться, чтобы заслужить благосклонность даже женатого мужчины. (Здесь процветает многоженство.)

Чтобы познакомиться, девушки и парни ходят на так называемые «канана» — нечто вроде наших посиделок. В длинных прокуренных и полутемных хижинах молодые девушки и парни усаживаются друг против друга. На всех надеты лучшие «драгоценности», а лица пестро размалеваны. Сидящие один против другого партнеры трутся носами и лбами, притом беспрерывно в течение не-

сколько часов: то справа налево, то слева направо. Эти массовые игры затягиваются иногда до самого утра и весьма утомительны. За всей церемонией наблюдает пожилая женщина, следящая за тем, чтобы никто не переходил границ дозволенного.

Перед обручением подруги невесты танцуют вокруг нее танец плодородия. Взявшись за руки, они прыгают по кругу, сначала медленно, а потом все быстрее. Под конец они издают дикий вопль и разбегаются в разные стороны.

Невеста до свадьбы еще свободна в своих взаимоотношениях с другими мужчинами, жених же, наоборот, обязан себя «блюсти».

Австралийская администрация острова путем прививок сумела спасти семисоттысячное коренное население от туберкулеза. Однако во время последней войны из-за заболевшего дизентерией солдата, сходившего по нужде возле самой дороги, разразилась эпидемия дизентерии, унесшая тысячи жизней. Пришлось самолетами ввозить миллионы таблеток сульфагуанидина, построить повсюду уборные и штрафовать каждого, кто не пожелает ими пользоваться; злостных нарушителей даже подвергали трехмесячному тюремному заключению.

С появлением американских солдат местные жители пристрастились к курению сигарет. После войны стали нередки случаи, когда молодые парни по полдня работали на плантации только за то, чтобы получить пол-листа газетной бумаги для кручения сигарет.

О том, что жители Новой Гвинеи с трогательной заботливостью относятся к своим свиньям, сообщалось уже не раз. Свиней здесь держат в доме, а по своим надобностям приучают выходить на двор. Осиротевших поросят женщины сплошь и рядом выкармливают грудью. Закалывают свиней только по большим праздникам, например во время свадеб или других важных событий, но тогда уже целыми дюжинами, а то и сотнями. При этом изголодавшиеся по мясу люди зачастую запихивают в себя такие порции, что их начинает рвать. Примерно раз в двадцать лет отмечаются особые «свиные» праздники, на которых режут и съедают до двух тысяч свиней сразу!*

Собаки у аборигенов были прежде большой редкостью и у жителей горных районов ценились очень высоко. Когда один из европейцев привез с собой большого рыжего ирландского сеттера, местные жители стали выпрашивать у него пучки собачьей шерсти. Они подмешивали ее в корм своим невзрачным и низкорослым собачонкам, чтобы у тех родились стройные и породистые щенки, похожие на собаку белого. Кстати, хозяину собаки пришлось раздать несколько прядей и своих собственных белокурых волос, которые использовались, видимо, с аналогичной целью.

Ловец диких зверей Фред Майер в 1940 году охотился в горах Вейланд. Аборигены, которые до тех пор никогда не видели европейцев, охотно ему помогали. Но когда Майер собрался увозить клетки с пойманными зверями на побережье, аборигенов охватил страх и смущение. Они вообразили, что вслед за отловленными

пленниками последуют из леса все остальные их сородичи и здесь уже не на кого будет охотиться.

Между прочим, добывать райских птиц не так трудно, как поначалу может показаться. У самцов есть определенные места для брачных игр. В период размножения они посещают их ежедневно, чтобы потанцевать и покрасоваться друг перед другом роскошным оперением и, разумеется, таким образом привлечь самок. Одни виды райских птиц танцуют на земле, а другие — на ветвях в кроне деревьев. А поскольку место для этого они всегда используют одно и то же, то кора на таких ветках от непрестанного топтания бывает отполирована до блеска. Охотники устраивают себе засидку в кроне соседнего дерева и караулят там свою добычу. Стреляют из лука с близкого расстояния. Стрелы обычно делают из бамбука, концы их бывают расщеплены на три острия, которые предварительно обжигаются на огне.

Что же касается охоты на древесных кенгуру, опоссумов и кускусов, то тут главное — обнаружить этих животных. А коль скоро они уже найдены, поймать их не составляет труда: животные эти очень медлительны, так что обычно их даже не убивают, а ловят, привязывают к палке и так приносят домой. Там их тоже не сразу убивают, а выдерживают живьем по нескольку дней в ожидании какого-нибудь праздника. Таким способом мясо животного сохраняют в свежем виде, несмотря на высокую температуру воздуха. Подобным же образом поступают со змеями. Особенно охотно здесь ловят и поедают зеленого питона (Chondropython viridis). Эта травянисто-зеленого цвета змея удивительно напоминает бразильского собакоголового удава; детеныши ее бывают ярко-желтого и даже красного цвета.

Охотятся аборигены и на казуаров. У новогвинейского казуара в отличие от австралийского на шее нет кожных складок, и голые участки на ней ярко-василькового цвета. Птенцов казуара отлавливают и выращивают в неволе. Очень часто их можно увидеть бегающими по деревне подобно домашним курам. Но с возрастом эти крупные птицы, высотой больше метра, становятся опасными. Ударом ноги казуар легко может ранить и даже убить ребенка или домашнюю свинью. Поэтому их запирают в специальные домики или загоны. Хозяин своими руками никогда не убьет такого прирученного казуара, он всегда попросит сделать это кого-либо из своих друзей, сам же потом еще долго грустит о нем. Из бедренных костей казуара изготовляют рукоятки для кинжалов, из тонких косточек крыльев — швейные иглы, черные блестящие перья идут на головные уборы, а из когтей делают наконечники для копий.

В прежние времена мужчины какой-либо деревни, украшенные перьями райских птиц, собирались иногда где-нибудь на вершине холма и начинали всячески ругать и поносить воинов соседнего племени. Эта ругань продолжалась обычно до тех пор, пока возбуждение не достигало предела и не разряжалось перестрелкой или набегом на соседнюю деревню. Такие «ругательные» войны могли продолжаться целыми днями, как перед Троей во времена

Гомера. Но как только падали первые убнтые с той нлн другой стороны, все успокаивалнсь и расходнлнсь по домам. Однако за погибших полагалось мстнть, н для этого следовало подстеречь н убнть кого-лнбо из родственнников убившего.

Сегодня эти кровавые времена отошлн в прошлое, и люди нз еще недавно враждовавшнх деревень н племен сходятся вместе на грандиозные танцевальные праздиества. Раньше такое невозможно было себе даже представить. А теперь дружелюбно покачиваются н прыгают друг перед другом белые глиияные маски, громадные парики из цветов, прикреплеиные на голове горшки с дымящимся огнем и, конечно, великолепные головиые уборы из перьев райских птиц. Лица н тела раскрашиваются сейчас гораздо ярче, потому что в любой лавчонке можио по дешевой цене купить театральный грим самых кричащих тонов.

Точно так же, полуодетыми, ярко раскрашенными, во всех своих «драгоценностях», являются аборигены и на церковную службу, поскольку католическая церковь требует по воскресеньям одеваться в свон лучшие наряды.

Мужчинам при обращении в католическую веру приходится оставлять себе только одну жену, а от остальных отказываться. Судьба тех, которых прогоняют, обычно бывает плачевна.

Мы, европейцы, пресыщенные цивилизацией и техиикой, часто спрашиваем себя: станут лн эти люди «камениого века» счастливее от того, что мы пошлем их в школу и отправим заседать в парламенте? Но одно совершенно бесспорно: существование коренных жителей Новой Гвинен было до самого последнего времени крайне бедствеиным. Болезни, страх, голод преследовали их всю жизнь. Естественно, у них есть стремление улучшить условия своего существования, освоить достижения современной культуры и техникн, познакомиться с различными машинами н прочими удивительными изобретениями нашего века.

На Новой Гвинее, к счастью, не было вековой колонизацнн и рабства, через которые пришлось пройтн народам африканских стран. На Новой Гвинее все сложилось иначе. Здесь от «открытия» острова до его самоуправления прошло исторически совсем немного времени, н будем надеяться, что скоро народ этой страны вступит на путь самостоятельного развития*.

Глава седьмая

Эму проигрывают войну

Вторая по величине птица на Земле.

◆

Почему их назвали эму.

◆

С пулеметами против страусов.

◆

Отгородимся от них забором — а там хоть трава не расти.

◆

Преданные папаши и легкомысленные мамаши.

◆

Два дня страусенок просидел возле опустевшего кресла своего хозяина.

Можно нисколько не сомневаться, что эму со временем проиграют войну, которую ведут с ними люди, даже несмотря на то, что сейчас обстоятельства кое-где складываются в пользу этих больших нелетающих птиц. В отдельных районах эму даже выигрывают сражения. Но на островах Тасмания и Кинг, а также во всех населенных областях, расположенных вблизи побережья, они уже начисто истреблены.

Чем же провинилась эта вторая по величине в мире птица? А вот чем. Эму обвиняют в том, что они выпивают воду, предназначенную для овец и рогатого скота. Кроме того, они еще топчут посевы пшеницы и склевывают массу зерен. Числятся за ними и другие прегрешения. Так, в случае погони эму без труда перескакивает через ограды из колючей проволоки, вместо того чтобы с размаху на них кидаться и там запутываться (как это делают объятые страхом кенгуру). И даже если молодые эму едят в основном саранчу и гусениц, это не может их оправдать, потому что взрослые птицы все равно питаются различными травами и ботвой, которые в Австралии, как известно, должны расти только для овец....

Вот потому и получилось, что все разнообразные виды и подвиды эму, обитавшие прежде по всей Австралии, бесследно исчезли и до наших дней дожил только один обыкновенный эму (Dromiceius novaehollandiae). От многих вымерших видов не сохранилось даже скелетов или хотя бы перьев, которые можно было бы экспонировать в музеях.

За планомерное уничтожение этих птиц взялись даже в таком малонаселенном штате, как Западная Австралия. За тридцать прошедших лет борьба не дала каких-либо ощутимых результатов, и в конце концов было решено бросить против «коварного врага» современные средства уничтожения. Сказано — сделано. Теперь злоумышленникам не уйти от суровой расправы! Вышло постановление, по которому отныне на территории Западной Австралии эму разрешается пастись только на небольшом клочке земли в несколь-

ко сот квадратных кнлометров иа самой юго-западиой оконечностн материка. Вот тут уж, бог с ними, пускай живут. Но, к сожалению, эмуто иеграмотные и постановлення не читалн. Оии продолжали беззаботио нарушать границу н залезать в запретную зоиу.

И гряиул бой. В 30-х годах за каждого убитого эму платили неплохую премию — две марки за штуку. В 1937 году в одиом лишь Нортгемптоиском округе было убито 37 тысяч страусов. А вот близ городов Кемпиои и Вельголаи произошла одиа из самых смехотворных «войи» на свете. Прнчииой ее послужило сообщеиие, что «вражескнй корпус», иасчитывающий 20 тысяч голов, иаступает на поля фермеров и собирается вытоптать весь урожай. Тогда солдаты австралийской королевской артиллерин вместе с отрядом добровольцев из фермеров под комаидованием майора стройными рядами двииулись против превосходящих сил противиика. Вооружеииая двумя пулеметами и ружьями с десятью тысячами патроиов, эта армия бодро двинулась иавстречу... птицам. Плаи действия был таков: загиать страусов к заграждеиию из колючей проволоки, а там встретить их шквальиым пулеметиым огием. Тогда с ними иакоиец будет покоичено. Ведь имеино таким способом от эму удалось избавиться на северо-западе штата Новый Южиый Уэльс. Одиако исход сражеиия оказался плачевиым: было убито всего 12 эму, а остальиые благополучио скрылись. Оказалось, что страусы владеют искусством стратегии зиачнтельио лучше, чем солдаты, и что оии великолепио умеют маскироваться и вовремя отступать. Словом, горе-вояки вернулись ии с чем, а штат Западная Австралия был выиужден продолжать выплачивать премии за каждую голову убитого эму. Так, в 1964 году правнтельству опять пришлось выплатить деньги за 14 476 убитых птиц.

Зато теперь этих злополучных страусов все-такн удалось перехитрнть. Их больше не отстрелнвают, их просто вытесиили иа север, в специальио отведенное место, которое отгороднли от пшеиичных полей н овечьих пастбищ длиииым забором, тяиущимся иа многие сотии километров. Этот забор отгораживает всю область севернее Хоптауна от юго-западиых сельскохозяйствеиных угодий. Фермеры теперь довольиы. Довольиы ли страусы — трудно сказать. Говорят, что оии ие жалуются, даже хорошо размножаются иа дароваином нм клочке земли. Но что будет в случае засухи? Ведь откочевывать в районы, где более плодородные угодья, эму уже больше ие удастся — путь нм преграждает прочный высокий забор. Зиачит, эму иеминуемо ожидает голодная смерть. Но не будем зараиее огорчаться — авось эти хитрецы что-нибудь да придумают.

Что касается биологии и особеииостей образа жизни этих заядлых «вредителей», то иа их родиие ииkто не дал себе труда заияться подобиым вопросом всерьез. Сохраиились, правда, записки одного европейского зверолова Хайица Раидова, иемало времени проведшего в Австралин. В них ои, в частиости, описывает свои иаблюдеиия за стадом эму. Он ежедиевио иезаметио подкрадывался к птицам на четвереньках и следил за взаимоотиошеииямн в стаде,

за повадками этих птиц и их сигнализацией. Вот что можно прочесть в его записках:

«Я все больше убеждаюсь в правоте своих предположений относительно того, что эти два эму с самым темным оперением на шее действительно самцы. На голом участке шеи и за ушами кожа у них имеет голубоватый оттенок, в то время как у других особей она серая. Несоразмерная с туловищем маленькая голова этих страусов состоит, можно сказать, из одного только черного клюва и двух больших черных и очень умных глаз. Я заметил, что оба самца держатся все время на почтительном расстоянии друг от друга. Вокруг каждого из них расхаживает несколько самок, которые ведут себя примерно таким же образом, как наши домашние куры. В какой-то момент один из самцов подошел слишком близко к «владениям» соперника — во всяком случае тому так показалось. Мгновенно тот срывается с места, подбегает к «нарушителю» и изо всей силы ударяет его правой ногой в грудь. Глухой удар раздается с такой силой, что я слышу его даже здесь, в своем укрытии. Пошатнувшись от пинка, противник поспешно убегает в сопровождении своего «гарема». Отбежав на почтительное расстояние, птицы останавливаются и как ни в чем не бывало вновь принимаются склевывать метелки трав, как будто ничего не произошло. А победитель, гордо приосанившись и распустив перья на своей длинной шее, издает победный клич: «э-муу!»

Тогда я проделываю следующий эксперимент. Я осторожно отползаю в сторону, вскакиваю на свою лошадь, все это время пасущуюся невдалеке, издаю дикий вопль и галопом мчусь прямо на стадо. Эму срываются с места и как сумасшедшие бросаются бежать в направлении плоскогорья. Однако своей цели я не достиг. Насиживающий яйца самец хотя и остался сидеть на гнезде, прижав шею к земле и сделав вид, что его вообще здесь нет, однако, когда я стал медленно к нему приближаться, понял, что обнаружен, проворно вскочил и тоже убежал».

Зато при подобных обстоятельствах можно спокойно осмотреть большие яйца этих птиц. Они светло-зеленого цвета, длиной около 15 сантиметров и имеют ноздреватую поверхность. Весит такое яйцо от 570 до 680 граммов, в среднем 600, следовательно, почти столько, сколько 12 куриных яиц. Во время насиживания поверхность яиц постепенно становится все более гладкой, жирной и темной. Скорлупа очень твердая, и разбить ее не так-то просто. Этим свойством скорлупы мы часто пользуемся у себя во Франкфуртском зоопарке. Лишние яйца страусов, которые не нужны для насиживания, мы упаковываем в красочные картонки, обвязываем пестрой лентой и рассылаем такие шуточные посылки каким-нибудь известным друзьям Франкфуртского зоопарка, приложив инструкцию, поясняющую, как ими пользоваться. Чтобы такое яйцо сварить вкрутую, его надо держать в кипящей воде не меньше часа. По вкусу оно ничем не уступает куриному.

Рост эму от 1,5 до 1,8 метра, а вес достигает 50—60 килограммов. Перо его, как и у других страусов, отличается тем, что опахала

3—3088

равномерно распределены по обе стороны от стержня (у других птиц одна сторона пера всегда короче). Поэтому страусов во многих странах и называют «справедливыми» птицами. Эму умеют хорошо и подолгу плавать. Это можно легко проследить, загнав их в воду во время преследования верхом или на машине.

Все-таки наблюдения за жизнью этих птиц в основном сделаны не на воле, а в зоопарках, причем чаще всего в европейских. Кстати сказать, из-за того что самок эму очень трудно отличить от самцов, в зоопарках, где обычно держат одну пару страусов, часто ничего не получается с их разведением; нередко купленная пара оказывается двумя самцами или двумя самками. Тогда многократно приходится обмениваться с другими зоопарками, пока наконец получишь подходящего партнера. Правда, иногда самец выдает себя сразу же громогласным криком.

У нас во Франкфуртском зоопарке в течение долгих лет страусами занимается доктор Рихард Фауст со своей супругой Ингрид. Они вырастили сотни южноамериканских страусов нанду, которые впоследствии разъехались по самым различным зоопаркам Европы. Выводятся у нас и эму: из четырех кладок выведено 38 страусят: частью под самцом, а частью в инкубаторе. Новорожденные эму весят от 400 до 500 граммов. Яйца откладываются самкой в период между декабрем и апрелем.

Оплодотворение происходит следующим образом. Самка начинает издавать низкие тарахтящие звуки, напоминающие шум мотороллера. Самец внимательно прислушивается к этому призывному крику, отвечает на него и направляется к самке. Начинается своеобразный брачный танец, у этого вида на редкость малоподвижный: обе птицы стоят рядом, низко опустив шеи, и только покачивают головами из стороны в сторону.

У южноамериканских нанду насиживает только самец, притом, будучи многоженцем, он насиживает яйца нескольких самок сразу. Самки подкатывают ему свои яйца под нос, и он поспешно заталкивает их клювом под себя. Самки нанду не заботятся о потомстве, а даже наоборот, если их вовремя не изолировать, они могут заклевать своих детенышей до смерти. Именно так случилось в нашем зоопарке, когда мы еще не знали об этой их пагубной привычке.

Во многих книгах можно прочесть, что у австралийских эму насиживает в основном самец. Однако самка тоже якобы принимает в этом участие, присаживаясь иногда рядом с насиживающим самцом. Наши собственные наблюдения в зоопарке показали совсем другое. У нас самец эму всегда насиживал только один. Между 16 и 17 часами он имел привычку вставать и расхаживать по вольере. В это время самка присаживалась на гнездо и, снеся туда очередное яйцо, сразу же убегала. Это никак нельзя рассматривать, как участие в насиживании.

В Кенигсбергский зоопарк одного самца эму привезли в 1897 году; в 1928 году он все еще был жив, следовательно, прожил тридцать два года в неволе. Кстати, его «супруга» прожила в

зоопарке двадцать шесть лет. Так вот, этот самец во время насиживания ничего не ел и не пил и вообще вставал с гнезда чрезвычайно редко. Пока страус сидел на кладке, он разрешал забирать из гнезда яйца и вылупившихся птенцов, однако когда он уже водил свой выводок по вольере, то подходить к нему не рекомендовалось: он становился крайне агрессивным.

В Московском зоопарке самец эму во время пятидесятидвухдневного насиживания тоже не принимал никакой пищи, потеряв 15 процентов своего веса — от 7 до 8 килограммов. Кладка у страусов эму состоит из семи — восемнадцати яиц, чаще же всего из девяти.

Самку эму в отличие от нанду можно не изолировать от самца с вылупившимися страусятами. Она их не троиет, хоть иногда может отогнать от себя злобным шипением. Из этого можно заключить, что у страусов эму все же существует какая-то родственная привязанность к своему потомству, во всяком случае она у них развита в значительно большей степени, чем у их южноамериканских сородичей.

Страусят эму супруги Фаусты обеспечивают весьма калорийным белковым питанием, особенно в самые первые недели их жизни. Они кормят их личинками муравьев, мясным фаршем, комбикормом для цыплят, рублеными яйцами и, разумеется, витаминами — мелко нарезанным салатом и другой зеленью. Такой же богатой белками пищей необходимо кормить и маленьких африканских и южноамериканских страусят, если хочешь их вырастить в условиях неволи.

Эму, потерявшие страх перед человеком или загнанные в тупик во время отлова, становятся опасными. Эти птицы могут своими твердыми, как сталь, ногами давать такие пинки, от которых у взрослого мужчины ломаются берцовые кости. А острыми, словно железными, когтями они без труда вспарывают кожу и разрывают мышцы. Один ручной эму, которого хозяин держал у себя в саду, забавлялся тем, что догонял убегающих от него гостей и срывал у них с головы шляпу... Хозяину это доставляло большое удовольствие.

О том, что эму могут испытывать сердечную привязанность друг к другу и уж во всяком случае к разным особям относиться по-разному, говорит их отношение к людям, которые за ними ухаживают. В то время как подросшие страусята нанду очень быстро дичают и перестают отличать вырастивших их служителей зоопарка от других людей, у эму все это обстоит совсем иначе. Так, в Нюрнбергском зоопарке в 1936 году самец эму по неизвестным причинам преждевременно покинул гнездо и не пожелал дальше насиживать яйца. Несмотря на все старания старшего служителя Карла Мюнценталера вывести страусят в инкубаторе, в живых остался только один-единственный страусенок. Этот одинокий маленький эму, никогда в жизни не видевший себе подобных, знал только своего опекуна Карла Мюнценталера и его одного признавал. Страусенок, как собачка, повсюду бегал за хозяином и, если

терял его нз внду, нспускал тревожный крнк: «вик-внк-вик». За этот крнк его и окрестилн Внком. Поначалу маленький Вик спал в комнате н не пожелал оттуда уходить даже тогда, когда его голова уже стала возвышаться иад столом. А это было нежелательно, хотя бы уже потому, что он мог свободно склевывать с тарелок все, что ему понравнтся. Это далеко не всем приходнлось по вкусу, и Вика выселили во двор.

Как-то господнну Мюиценталеру пришлось уехать в служебиую командировку, и Вик остался однн. К людям, прнходившим его покормнть, ои оставался совершенно равнодушным и ни за кем из иих не увязывался вслед. Напрасно он нскал своего хозяина по всему двору н беспрерывио испускал свой призывный клич «вик-внк-внк» — хозяин не появлялся. На второй день страусеиок пропал. Тщетио искали его повсюду: Вик нсчез бесследно. Только два дня спустя его случайно обнаружилн в запертом кабинете, где он спокойно сндел на своем прнвычном месте на полу возле хозяйского кресла. Как выяснилось позже, кто-то нз служащнх зашел в кабинет, чтобы взять какую-то вещь, и оставил иа миuуту дверь приоткрытой. Вот в это время Вик иезаметно туда и проскользнул.

«Трудно описать, с какой бурной радостью он меня встретил, когда я вериулся,— рассказывает Карл Мюнценталер.— Этот он следующий деиь он буквально не отходнл от меня нн на шаг.

Привязанность его ко мие остыла только тогда, когда он стал уже взрослым и прнсоединился к общему стаду страусов».

Глава восьмая

Яйцекладущие млекопитающие

Познакомьтесь — утконос и ехидна.

◆

Человек и ехидна — рекордсмены-долгожители.

◆

Можно ли клювом сосать молоко?

◆

Кто отодвинул шкаф от стены?

◆

«Летающие утконосы», или почетные пассажиры воздушного лайнера.

◆

Десять тысяч дождевых червей — багажом.

Случилось так, что именно благодаря ехидие весной 1958 года я отправил телеграмму в Австралнйский музей в Аделаиде. В этой телеграмме я проснл выслать мие копию портрета профессора Внльгельма Гааке, который, как я узнал незадолго до этого, висел там в директорском кабиието. Через четыре дия фотография уже была у меня в руках, и я смог поместнть ее в кннгу, посвященную

столетию Франкфуртского зоопарка, в которой собраны портреты всех моих предшественников — директоров этого парка. А Вильгельм Гааке, родившийся в 1855 году в Померании, с 1888 по 1893 год как раз директорствовал во Франкфуртском зоопарке. И несмотря на то что им было издано немало многотомных трудов, посвященных животному миру, мне до сих пор нигде не удавалось раздобыть его портрет.

На мысль разыскать его в Австралии меня натолкнула книга Лютера Вендта («По следам Ноя»), описывающая важнейшие открытия Вильгельма Гааке, о которых не упоминается ни в одной из новейших книг об Австралии. А открыл он немаловажные явления. Например то, что ехидна, принадлежащая к классу млекопитающих, кладет яйца! Одновременно с ним, но уже в Квинсленде австралийский ученый В. Колдуэлл открыл ту же самую особенность у утконосов.

Эти два открытия разрешили наконец бесконечные споры, которые с 1798 года не утихали между зоологами Англии, Франции и Германии. Спорили относительно того, на какое место в систематике следует поставить этих «животных с одним отверстием», или, выражаясь научным языком, монотремов. Этот особый подкласс млекопитающих состоит всего из двух семейств — ехидн и утконосов, представители которых встречаются только в Восточной Австралии, на Новой Гвинее и в Тасмании. Даже ископаемые остатки их вымерших предков ни разу нигде больше не были обнаружены.

Названия этих животных, которые, с легкой руки англичан, вошли в обиход во всех странах, с научной точки зрения неверны: ехидна — это довольно известный вид угрей, и поэтому правильнее было бы называть ее утконосым ежом; утконоса же англичане называют платипусом, в то время как во всем научном мире известно, что так был назван еще в 1793 году один вид жуков. Немцы утконоса и ехидну частенько называют клоачными животными, что особенно бестактно, потому что наводит на мысль о какой-то якобы нечистоплотности этих животных или приверженности их к сточным канавам. А между тем это название означает лишь одно: у этих зверей кишечник и мочеполовой канал открываются наружу не самостоятельными отверстиями (как у других млекопитающих), а, как у рептилий и птиц, впадают в так называемую клоаку, которая сообщается с наружной средой одним отверстием. Так что неаппетитное название ни в коем случае не должно никого отпугивать и наводить на мысль об отхожих местах. Наоборот, эти животные весьма чистоплотны: если они поселяются вблизи человеческого жилья, то живут отнюдь не в загрязненных реках, а только в водоемах с чистой питьевой водой. Что же касается нашей «национальной гордости» реки Рейна, то она давно уже превратилась в форменную сточную канаву, и утконос ни за что бы не согласился в ней поселиться...

Когда в 1798 году в Британский музей в Лондоне впервые привезли хорошо сохранившуюся шкурку утконоса, вначале никто не

хотел поверить в ее подлинность. Да и в самом деле трудно было поверить, что этот бобровый мех, голый бобровый хвост и настоящий утиный клюв принадлежат одному и тому же животному. Ведь до этого уже не раз дурачили европейцев привезенными с Востока «заморскими чудесами». А курс корабля, доставившего шкурку утконоса, тоже лежал через Индийский океан, откуда доверчивые капитаны чего только не привозили! Среди смелых произведений азиатских «умельцев» попадались поистине уникальные экземпляры: тут были и «новые» виды райских птиц, составленные из частей тела и перьев различных особей, и даже чучела «настоящих русалок», изготовленные из высушенных, сморщенных голов каких-нибудь обезьян и искусно приложенных чешуйчатых хвостов крупных рыб.

Однако спустя четыре года шкурки утконоса стали появляться в таком количестве, что сомневаться в существовании подобного животного больше не приходилось. Известный шотландский анатом Е. Хоум тщательно обследовал удивительные шкурки и вынес окончательное заключение: такие животные, безусловно, существуют. И тем не менее ученые еще долго спорили, куда отнести находку: к классу млекопитающих или к особому классу позвоночных животных?

Немецкий профессор Иоганн Фридрих Мекель обнаружил у самки утконоса молочные железы. Но ученые французской школы, возглавляемой Жоффруа Сент-Илером, сочли их за обычные жировые железы и категорически отрицали утверждение, будто детеныши утконоса с их утиными клювами способны сосать молоко.

Е. Хоум и знаменитый палеонтолог Рихард Оуэн высказали мнение, что клоачные хотя и яйцекладущие животные, тем не менее потомство их появляется на свет уже без всякой оболочки, так сказать в «готовом виде»; следовательно, они вылупляются из яйца еще в утробе матери. Подобные явления встречались уже и раньше — у различных рептилий.

Однако вскоре Рихард Оуэн получил письмо от одного австралийского коллеги — врача Джона Никольсена из штата Виктория, в котором тот описывал ему следующий любопытный случай. Золотоискатели поймали утконоса и, связав веревкой, посадили в пустой ящик из-под пива. Наутро в ящике лежало два белых, без скорлупы, мягких на ощупь яйца.

«Ну и что же — преждевременные роды от страха»,— решил Рихард Оуэн и остался при своем мнении.

Но вот 2 сентября 1884 года почти одновременно пришло два важных сообщения: одно в Австралийское королевское общество (Royal Society of Australia) от В. Гааке и второе от В. Колдуэлла, переданное по телеграфу членам Британского зоологического общества, собравшимся на свою очередную конференцию в Монреале (Канада).

С острова Кенгуру, который мы с вами посетили во второй главе этой книги, Вильгельму Гааке привезли нескольких ехидн. Зная о затянувшемся споре относительно их систематического положе-

ния и способа размножеиия, он решил очень внимательно осмотреть животных. Гааке попросил институтского служителя подержать самку ехидны за ногу в подвешенном состоянии и стал тщательно обследовать брюшную сторону животного. Чтобы описать все, что произошло после этого, лучше привести его собственное взволнованное повествование:

«Только знаток животного мира сможет понять мое безмерное удивление, когда из брюшной сумки ехидны я извлек... яйцо! Яйцо, снесенное по всем правилам, но кем? Млекопитающим животным! Эта неожиданная находка настолько меня поразила и сбила с толку, что я совершил самый дурацкий поступок, какой только можно было придумать: я сдавил мягкое яйцо двумя пальцами, отчего оно тут же лопнуло. Из него вытекла бесцветная жидкость — по-видимому, за время пребывания самки в неволе содержимое яйца уже начало разлагаться. Длина этого эллипсообразного яйца составляла 15 миллиметров, диаметр — 13 миллиметров, оболочка на ощупь походила на грубый пергамент и напоминала оболочку яиц многих рептилий».

Колдуэлл же 24 августа на берегу реки Бернетт застрелил самку утконоса, которая только что снесла яйцо. Вскрыв брюшную полость животного, Колдуэлл нашел шейку матки расширенной и в ней еще одно зрелое яйцо с зародышем примерно на той стадии развития, на которой бывает куриный эмбрион на третий день насиживания.

Поскольку телеграммы из Австралии в Канаду стоят недешево, он сформулировал свое открытие в четырех, ставших знаменитыми словах: «Monotremes oviparous ovum meroblastic» (Клоачные — яйцекладущие, яйцо мягкое). Но отослать телеграмму ему удалось только пять дней спустя, когда появилась оказия и он смог передать записку своему другу в Сиднее, который ее тотчас и отправил. У самого же Колдуэлла начался жесточайший приступ тропической лихорадки, оправившись от которого он занялся дальнейшими поисками утконосов, не увенчавшимися, однако, успехом. И только вериувшись в Сидней, он узнал, что Гааке в Аделаиде тем временем тоже сделал аналогичное открытие.

А в 1899 году чеху Алоису Топику, работавшему тогда в Австралии, удалось проследить, как детеныши утконоса сосут материнское молоко. Самка при этом ложится на спину, а детеныши, постукивая своими мягкими клювиками по ситообразным выходам молочных проток, выдавливают оттуда молоко и слизывают его. Заглянув в рот таким малышам, ученые, к своему удивлению, обнаружили там мелкие молочные зубы. Значит, беззубыми утконосы становятся только в зрелом возрасте.

После этих исследований обоих представителей яйцекладущих млекопитающих выделили в отдельный подкласс. Сходство их с рептилиями заключается в осиовном в строении глаз, мозга и отдельных частей скелета (в частности, плечевого пояса), а также в том, что они тоже имеют клоаку. Но их нельзя рассматривать как прародителей сумчатых или других млекопитающих живот-

ных. Это самостоятельная ветвь в эволюционном развитии класса млекопитающих, которая пошла своим, особым путем.

У всех самцов этих яйцекладущих млекопитающих на щиколотках есть шпоры, но только у утконосов эти шпоры выделяют едкое вещество.

Интересно все же, почему утконос возбуждает к себе значительно больший интерес, чем ехидна? Может быть, оттого, что его почти невозможно увидеть в зоопарках, или потому, что это единственное млекопитающее, имеющее клюв, в то время как иглы, подобные тем, которые покрывают спину ехидны, встречаются и у другие животных? Трудно сказать. А между тем у ехидны есть одна удивительная особенность, которой нет у ее водоплавающего родственника: только что снесенные яйца она заталкивает в свою брюшную сумку и таким способом таскает их еще от семи до десяти дней с собой, точно так же, как кенгуру и другие сумчатые поступают со своим потомством. Вылупившиеся из яиц детеныши ехидны достигают всего 12 миллиметров в длину. Они слизывают густое желтоватое молоко, стекающее по шерсти самки из молочных желез. Маленькие ехидны остаются в материнской сумке до тех пор, пока у них не вырастают иглы, что длится обычно от шести до восьми недель. За это время детеныши достигают 9—10 сантиметров в длину. Теперь самка их прячет в некотором подобии гнезда. Годовалые ехидны становятся половозрелыми; весят они к этому времени уже от 2,5 до 6 килограммов, а колючие иглы на их спине достигают шести сантиметров в длину.

Брюшная сумка у ехидны временная — образуется она только к родовому периоду. Работникам Пражского зоопарка удалось проследить, что подобная же сумка образуется и у некоторых самцов, причем с интервалом в 28 дней.

Между прочим, ехидны чуть ли не единственные млекопитающие животные, которые могут прожить более полувека. Как исключение это удавалось еще и лошадям. Ехидна из Новой Гвинеи прожила в Лондонском зоопарке 30 лет и 8 месяцев, в Берлинском зоопарке один экземпляр достиг тридцатишестилетнего возраста, а в Филадельфийском зоопарке в США австралийская ехидна прожила с 1903 по 1953 год, следовательно, 49 лет и 5 месяцев (притом еще неизвестно, в каком возрасте она туда попала). Содержалась она не бог весть в каких прекрасных условиях — небольшом пустом помещении с деревянным ящиком для спанья.

Только дважды были зафиксированы случаи размножения этого животного в неволе, и то закончившиеся неудачно. Первый — в Берлинском зоопарке в 1908 году, где новорожденный детеныш прожил три месяца, и второй — в Базельском, где в 1955 году однажды утром был обнаружен остывший трупик новорожденного. После искусственного обогрева он, правда, зашевелился, но спустя два дня все-таки погиб, причем нашли его на полу — видно, мать выбросила его из сумки.

Хотя ехидням в природных условиях не приходится лазать на деревья, тем не менее в неволе у них хватает сноровки, чтобы

вскарабкаться по металлической сетке вольеры до самого потолка. Но спуститься они обычно уже не в состоянии и чаще всего просто падают на пол, нередко нанося себе увечья. Это великие молчальники, кроме сопенья, не издающие никаких звуков. Зато ехидны великолепные «саперы»: с необыкновенной быстротой они умеют закопаться в землю, даже если грунт довольно твердый. За десять минут такой зверек может совершенно исчезнуть из виду. Тем не менее в природных условиях они в отличие от утконоса не утруждают себя рытьем нор, а пользуются жилищами других животных. Если же ехидна и решит зарыться в землю, то ограничивается обычно тем, что прячет только нижнюю часть тела, оставляя верхнюю снаружи: она ведь все равно надежно защищена колючками. Вытащить зарывшуюся ехидну совершенно невозможно. Своими мощными когтями она впивается в землю, а боковые иголки опускает вниз, так что, если попытаешься подсунуть ей руку под брюшко, исколешься в кровь. Кроме того, ехидны умеют свернуться в клубок, точь-в-точь как наши ежи. И так же, как ежам, ехиднам трудно содержать в чистоте свою шерсть между иголками, и там обычно заводятся паразиты. Поэтому они беспрестанно чешутся. Для чесания природа их наградила длинным загнутым когтем на втором пальце задней ноги.

Видят ехидны не очень хорошо, но зато легко улавливают любое сотрясение почвы. Питаются они в основном муравьями и другими насекомыми, о чем можно догадаться по строению их рта: он трубкообразный, беззубый, с длинным, очень гибким языком. Однако при случае они не прочь и несколько разнообразить свое меню, лишь бы можно было протолкнуть еду через маленькое отверстие своего «хоботка». Так, в неволе ехидны охотно пьют молоко, едят размоченную булку, сырые или вареные всмятку яйца, мясной фарш. В отличие от своих ближайших сородичей — утконосов — они в состоянии долго поститься, иногда даже по целому месяцу. По-видимому, время от времени они впадают в нечто вроде анабиоза. Это, по всей вероятности, приспособление для обитания в условиях довольно прохладных зим, характерных для южной части их ареала — в штате Виктория и на острове Тасмания.

Удивительно, какой недюжинной силой обладают эти маленькие крепыши. Так, пойманные ехидны как-то сорвали с ящика накрепко прибитую гвоздями проволочную сетку; в другом случае они подняли крышку, придавленную сверху тяжелыми гирями. На воле ехидны в поисках еды без труда переворачивают огромные камни, вдвое превышающие их самих. Однажды один австралийский зоолог запер пойманную ехидну на ночь у себя на кухне. Каково же было его удивление, когда наутро он нашел всю мебель беспорядочно сдвинутой с места. Зверек в поисках лазейки отодвинул от стены не только стол, стулья, ящики с продуктами, но даже тяжелый кухонный шкаф.

Как правило, ехидны (опять же в отличие от утконосов) почти всегда «в пути» — не только всю ночь напролет, но и большую часть дня, особенно в хорошую погоду.

Оказывается, эти странные животные умеют бегать на задних лапах! Зоолог Майкл Шарлэнд, гуляя однажды на Тасмании по лесу, увидел возле тропинки молодую ехидну, как всегда деловито обнюхивающую землю. Почувствовав сотрясение почвы от приближающихся шагов, застигнутый врасплох зверек поднялся на задние лапки, постоял так несколько секунд как бы в нерешительности и потом испуганно кинулся в кусты, причем бежал он тоже на задних лапках.

«Это выглядело весьма потешно»,— рассказывает М. Шарлэнд.

Для Австралийского континента описано три подвида ехидн, однако ничем существенным эти животные друг от друга не отличаются. Ехидны, обитающие на Тасмании, по утверждению некоторых ученых, крупнее материковых, но другие исследователи это оспаривают. На Новой Гвинее помимо одного подвида пятипалых материковых ехидн встречаются еще три подвида другого вида, со значительно удлиненным хоботом (Zaglossus). У этих животных шерсть гораздо гуще и длиннее, у некоторых на первый взгляд даже трудно различить иголки. Эти «новогвинейцы» действительно крупнее материковых видов: они достигают от 45 до 75 сантиметров в длину и весят от 5 до 10 килограммов. Одно такое животное в Лондонском зоопарке, ожиревшее в неволе, весило даже целых 16 килограммов.

Прежде в Австралии некоторые жители охотно ели ехидн: ведь находились же и у нас в Европе любители полакомиться ежами. Однако у некоторых племен, например у аранда, молодежь не решалась отведать этого деликатеса, потому что существовало поверье, что от мяса ехидны появляются седые волосы. Впрочем, то же самое свойство приписывалось мясу еще нескольких диких животных. По-видимому, подобное поверье облегчало старым и слабым людям из этого племени добывать себе пищу.

Е. Тротону как-то пришлось отведать блинчиков, поджаренных на жире ехидны. «По-видимому, это одна из тех неприятностей,— пишет он,— которая может постигнуть любознательного исследователя позвоночных, пользующегося услугами не в меру изобретательного повара...»

А со знаменитым утконосом мне впервые удалось познакомиться не на его родине, в Австралии, а в Нью-Йоркском зоопарке. Между прочим, большинство людей, которым вообще довелось увидеть живого утконоса, встречало его именно там.

Этих редчайших животных трижды удавалось вывезти за пределы Пятого континента и демонстрировать восторженной заокеанской публике.

Однако этого не удалось бы сделать, если бы не Гарри Баррел. Только благодаря необыкновенным стараниям этого австралийского зоолога удалось перевезти столь капризных, привередливых и прожорливых пассажиров через океан. Еще в 1910 году Гарри Баррел изобрел и построил специальный переносной резервуар с присоединенным к нему лабиринтом, через туннели которого утконос мог попадать в свою «нору». Туннели были перекрыты резиновы-

ми шлюзами, протискиваясь сквозь которые животное выжимало воду из своей шкуры. В природных условиях утконос проделывает это, залезая в узкие земляные проходы, где почва впитывает всю влагу.

Первый пленник Баррела ускользнул от него на шестьдесят восьмой день, но зато второго ему удалось экспонировать в течение трех месяцев в Сиднейском зоопарке. Правда, потом у него лопнуло терпение с ними возиться. Дело в том, что из-за пяти утконосов, которых вначале содержал Баррел, ему приходилось по шесть часов в день орудовать лопатой и сачком, чтобы раздобыть для своих питомцев два фунта дождевых червей, крабов, личинок жуков и водяных улиток, необходимых для их прокорма. Когда у него осталось только одно животное, оказалось, что оно без труда съедает порцию корма, рассчитанную на пятерых.

Потом началась первая мировая война, а спустя несколько лет после ее окончания известный звероторговец Элис Джозеф подбил Гарри Баррела снова заняться утконосами. Джозефу хотелось во что бы то ни стало привезти живого утконоса в Соединенные Штаты. И действительно, 12 мая 1922 года он погрузил на пароход вместе с большой коллекцией других животных и пять самцов утконоса, помещенных в «барреловский резервуар». Со всем этим грузом он и отбыл в Сан-Франциско. Разумеется, не была забыта и огромная кошелка с дождевыми червями. Через 49 дней, когда судно прибыло в порт назначения, из пяти утконосов остался в живых лишь один, а черви все были съедены. Элису Джозефу понадобилось несколько дней на то, чтобы раздобыть новых дождевых червей, после чего он погрузился на поезд и благополучно добрался до Нью-Йорка.

Его приезд вызвал целую сенсацию. Утконоса демонстрировали публике только по одному часу в день, поэтому, чтобы посмотреть на заморское чудо, надо было выстоять в огромной очереди. Эта очередь медленно проходила мимо открытого бассейна, в котором плавал утконос. Доктор Вильям Хорнедей, бывший тогда директором зоопарка, жаловался, что ему ежедневно приходится выкладывать четыре, а то и пять долларов на пропитание одного такого маленького «постояльца». Утконос получал полфунта червей, сорок креветок и сорок личинок майского жука. Кстати, порция, как теперь выяснилось после многих исследований, совершенно недостаточная для этого животного. Однако в то время директор писал:

«Право же, трудно поверить, что столь небольшое животное способно поглощать такую уйму корма. Ничего подобного мне не приходилось встречать среди млекопитающих животных».

Спустя 47 дней, 30 августа 1922 года, утконос погиб. Однако даже кратковременное пребывание этого необыкновенного животного в Нью-Йоркском зоопарке вызвало огромнейший интерес и большое оживление.

Более значительных успехов в содержании этих животных в неволе добился Роберт Иди, директор частного зоопарка Коллина

Маккензи, расположенного в Хилсвилле, близ Мельбурна. Своего знаменитого «Сплэша» ему удалось продержать там в неволе четыре года и один месяц (с 1933 по 1937 год). Содержался он в специальном сооружении, оборудованном для него по эскизу Баррела.

Зоопарк в Хилсвилле не отличается разнообразным подбором животных, но зато он расположен в одном из самых красивых мест Австралии. Находится он прямо посреди живописнейшего леса. Экспонируются здесь только отечественные животные, причем в условиях, очень близких к естественным.

Когда в 1938 году директором этого зоопарка стал Дэвид Флн, он поместил двух утконосов Джил и Джека в искусственном водоеме, в котором самка Джил могла рыть себе гнездовые камеры в земляной дамбе.

Как-то сентябрьским днем (когда в Австралии весна) Джек схватил свою шуструю подружку за голый и плоский, как у бобра, хвост, и они стали стремительно плавать по кругу. Таким способом утконосы выражают свою любовь. В середине октября они спарились, а 25 октября Джил забралась в свою земляную нору высиживать потомство.

Теперь мы уже знаем, что, залезая для кладки яиц в нору, самка утконоса втаскивает туда охапки мокрых листьев, причем метод переноски их очень оригинален: самка прижимает листья к животу подвернутым под себя хвостом. Вход в нору она изнутри запечатывает землей. И только после этого откладывает от одного до трех яиц, но чаще всего два. Для насиживания самка сворачивается клубочком или же ложится на спину и кладет себе яйца на живот, на теплую шкуру. У нее нет на животе сумки, в которой она могла бы таскать своих детенышей. Для этого водного животного сумка и не имела бы большой пользы.

Яйца утконоса напоминают воробьиные, только они более круглые; размер их — от 1,6 до 1,8 сантиметра. Оболочка яиц мягкая, и они легко склеиваются между собой. Вылупившиеся детеныши голые и слепые. Во время насиживания самка, как правило, по нескольку дней не выходит из своего укрытия. Появляется она оттуда только затем, чтобы оправиться, помыться и увлажнить шкурку. Затем она снова исчезает в своей «келье» и тщательно баррикадирует вход землей. Детеныши отваживаются покинуть свое жилище только спустя четыре месяца. К этому времени они уже полностью обрастают шерстью и достигают 35 сантиметров в длину. Юные утконосы бывают весьма резвыми и шаловливыми и охотно играют даже с человеком.

Самка Джил умерла в Хилсвилле на десятом году жизни, а самец Джек дожил даже до семнадцатилетнего возраста.

Такой бесподобный успех в разведении утконосов в неволе не давал покоя администрации зоопарка Бронкса в Нью-Йорке. Было решено переманить Дэвида Флн в Нью-Йорк. Вскоре с ним заключили контракт, по которому он должен был отловить трех

утконосов — самца и двух самок — и прнвезти их жнвыми в Нью-Йорк.

И действительио, 29 марта 1947 года Дэвид Флн, его супруга н три утконоса отбылн на пароходе в Бостон. Со времеии первой поездкн утконосов в Амернку прошло 25 лет. Теперь плавание заннмало уже не 49, а 27 дней. Но, несмотря на это, по дороге прншлось дважды пополнять запас дождевых червей. В Хнлсвилле этих трех утконосов целый год приучали к содержанию в неволе. Поэтому они благополучно перенесли путешествие и прнбылн в Бостон здоровыми и невредимыми. Там их быстро погрузили на автомашины, и уже через три дня «заморское чудо» было выставлено для обозрения в Нью-Йорке. Вот этих-то животных мие и довелось увидеть во время поездкн по Америке.

Над привезенными утконосами былн проведены наблюдення, позволнвшие ближе ознакомиться с нх биологией и повадкамн. Так, например, выяснилось, что эти животные заходят только в теплую (выше 15°) воду. Еслн же температура воды ниже 10°, онн предпочтнают оставаться на берегу. Каждый утконос весом в 1,5 кнлограмма съедает ежедневно 540 граммов дождевых червей, от 20 до 30 раков, 200 мучных червей, двух небольшнх лягушек н два яйца. Такое содержание утконосов стоило наверняка побольше 4—5 долларов, которые вынужден был когда-то тратить бывшнй днректор Нью-Йорского зоопарка, сетовавший на дороговнзну пропнтання утконосов. Знмой червей прнходилось привознть иа самолете из Флорнды. Двое нз этих животных прожнли в Нью-Йорке больше десятн лет, следовательно, достнгли одннадцатнлетнего возраста.

А Дэвид Флн вернулся в Австралию и поселился близ Брисбена в штате Квннсленд, известном своим благодатным климатом. Там я н посетнл его во время пребывания в Австралнн. У него частный зоопарк, на территорин которого стоит его опрятный деревянный домик. За чашкой кофе он рассказал мне исторню следующего, третьего по счету завоза утконосов в Америку, на этот раз уже самолетом.

Когда умер последний утконос, Нью-Йоркский зоопарк заказал Дэвнду Фли трех новых, чтобы заселить ими свой осиротевший водоем. Предыдущий отлов утконосов (в 1946 году) не составил особого труда. Животных поймали в блнжайших окрестностях Хилсвнлла, н было их вначале целых 19, нз которых уже потом отобрали трех самых сильных и выиосливых.

Но на этот раз дело зиачнтельно осложнилось. Во-первых, понадобнлось специальное разрешение на вывоз уткоиосов, даже два таких разрешення — от правнтельственных органов Квинслеида и Академнн иаук Австралии: ведь утконосы сейчас в числе нанболее строго охраняемых животных Австралнн. Кроме того, не повезло с погодой: никак не хотел начинаться сезон дождей, ручьн н рекн все мелелн и мелели, в нх сухих руслах оставалнсь только редкне бочажки, а то и просто топкие мутные лужи. Было похоже на то, что для уткоиосов год выдастся тяжелый. Самки даже ие присту-

пали к рытью гнездовых нор. Обычно вход в такую нору иаходнтся примерно на 30 сантиметров выше поверхиости воды. Животиое залезает туда иасквозь мокрым, а вылезает уже совершеиио сухим: земля впнтывает в себя всю влагу.

Местность, в которой Дэвид Фли со свонмн помощннками разыскивал утконосов, была снльио изрезана иепроходимыми оврагами н ущельямн. Стояла невыиосимая жара, мошкара жалнла ловцов самым беспощадным образом, ниогда ее даже нельзя было прогиать, потому что, завндя на берегу уткоиоса, иельзя шевелиться. Малейшее движенне — и чуткое жнвотиое бултыхнется в воду и мгиовеино нсчезнет нз виду.

Бодрствуют утконосы обычно раио утром и поздио вечером. Большей же частью онн неподвижно лежат иа воде, н течеиие нх несёт, словно кусок брёвна. Обнаружив добычу, оин ныряют, плеснув по воде свонм шнроким, как весло, хвостом. Когда утконос находнтся под водой, его глаза и уши прнкрывают кожные складки, так что ориеитируется ои там только при помощи оргаиов осязаиня. Особенно чувствнтелен у этого животного его длинный «утнный клюв» — так ошибочно назвали когда-то в Европе иа самом-то деле совершеиио мягкий нарост на голове утконоса. Дело в том, что впервые привезеиные в Европу шкурки уткоиосов имели головы с высохшими, действительно напомииавшими клюв иосамн.

Под водой уткоиос держится обычно не более одной минуты, а потом выиыривает, чтобы иабрать в легкне воздуха. Испугавшись, ои может просидеть под водой н пять минут. Все, что уткоиос собнрает — лнчннок, мелких крабов, улнток, небольших рыб, ои наподобие хомяка запихивает в свои защечные мешки. Туда же он набнрает мелкнх камней н песку — внднмо, для лучшего измельчення и перетирания пищн. Добычу покрупней, иапример раков, утконосы выносят иа берег. Звуков они почти иикаких не издают, если ие считать тнхого урчання. От них нсходит «лисий запах», который испускают специальные железы, расположеииые у основания шеи, однако на воле для человеческого обоняиия он практически неуловим. Норы их имеют множество ходов и ответвлений. Так, гиездовая камера находится иногда в семи метрах от входа да еще может иметь боковые ходы протяжеииостью 18 метров. Поэтому глупо иадеяться «выкопать» такое жнвотное нз его убежища: оно все равно улнзнет.

Одиако теперь от всех этнх познаний толку было мало. Несколько недель провел Дэвнд в самой дикой местности, нсколесил на машиие 13 тысяч километров — и никакого толка. А из Нью-Йорка тем временем одиа за другой летели телеграммы, прнзывающие поторопнться, напоминающие о сроках, накоиец, выражающне удивленне, иедоумеиие, неудовольствне... Но вот накоиец по прошествии трех месяцев поймана первая парочка утконосов — самец и самочка. Правда, заказаны трн детеныша: один самец и две самочкн, но вторую самочку никак изловнть не удавалось.

Теперь предстояло проверить, смогут ли этн животные перенести воздушное путешествие: ведь на этот раз решено было пере-

править их в Америку самолетом. Для пробиого полета до Брисбеиа и обратно (в общей сложиости 180 километров) взяли иескольких взрослых животиых из зоопарка. Утконосы отправились в путь в ящиках, выстланиых свежей травой. Когда оии вернулись домой оказалось, что одиа из самок до того переволиовалась, что едва дышала, и, чтобы спасти ей жизиь, ее пришлось выпустить иа волю.

Однако с отлетом в Нью-Йорк иадо было поторапливаться, потому что иаступавшая в Америке весиа для Квииспеида ничего хорошего ие предвещала — здесь, иаоборот, иадвигалась зима. А зимой вряд ли кому захочется залезать в холодную воду и плавать, расставляя капкаиы.

Пять тысяч дождевых червей и столько же мучиых было решено отправить вперед багажом, чтобы оии дожидались утконосов иа Гавайях, где будет промежуточиая посадка. Но тут возиикло иовое затрудиеиие. На Гавайские острова запрещеи завоз какой бы то ии было земли, а червей можио везти только в ящиках с землей, иначе оии подохиут.

Что же делать? Решили проверить, как отиесутся утконосы к чисто вымытым червям. Оии к ним даже не притроиулись. Тогда пришлось багаж с червями отправить на иеделю раиьше, для того чтобы сопровождавший их работиик мог засыпать их на острове уже гавайской землей. А туда их повезли в чистых полиэтилеиовых мешках. Вот сколько хлопот!

Итак, парочку юиых утконосов и еще одну самку, которую случайно удалось поймать перед отъездом иа выгоне для коров, сопровождал целый эскорт: супруги Фли, экипаж самолета, служитель зоопарка, а также 10 тысяч дождевых червей, 25 тысяч мучных червей и 550 раков. В таком составе все благополучно прибыли из Брисбеиа в Сидией. Но там оказалось, что большой транскоитинеитальиый самолет на два дня задерживается. А это означало, что прожорливые воздушиые пассажиры слопают свой дорожиый провиаит раньше, чем попадут в Нью-Йорк. Опять полетела телеграмма в Уэстберлей: «СОС. Срочио высылайте червей».

И уже следующим рейсом прибыла иовая партия дождевых червей — опять иесколько тысяч штук и еще в придачу 50 раков.

Как только мощный самолет подиялся в воздух, иеобычиые пассажиры сразу же ужасио заволиовались, а два часа спустя оии уже как бешеные иосились по своему резервуару, кидались на стенку, цеплялись за иее и шлепались иазад в воду. Разумеется, их иапугал страшиый гул четырех мощиых моторов, ревущих в иепосредствениой близости от стены, возле которой стоял резервуар. Такого шума утконосы совершеиио ие переносят.

Во время первой промежуточиой посадки иа Фиджи Дэвид Фли, заглянув в резервуар, ие обнаружил там ии Памелы, ии Пауля, ии третьей самки. Оказалось, что все оии попрятались в свои «норы» — искусствеииые отсеки с сухой подстилкой. На Гавайях супруги Фли вышли для таможенного досмотра и медицинского

освидетельствования. Тем временем инспекторы карантинной службы вытащили из самолета резервуары с водой, да так бесцеремонно их переворачивали, что вода залила отсеки с сухой подстилкой. Супругам Фли срочно пришлось вытаскивать мокрую траву и заменять ее сухим сеном. Но самое главное — утконосы были живы и даже несколько приободрились, почувствовав под собой твердую почву. А в воскресенье утром их уже встречали на Нью-Йоркском аэродроме все ведущие специалисты зоопарка Бронкса. Так закончилось третье путешествие утконосов из Австралии в Америку.

К сожалению, с таким трудом доставленные животные на этот раз прожили в зоопарке только восемь месяцев.

Пока что эти интересные представители австралийской фауны все еще остаются довольно малоизученными. Выяснилось, например, что в раннем возрасте и у самок есть шпоры, просто они потом исчезают. Едкое вещество, которое у взрослых самцов выделяется из особых желез и через полую шпору впрыскивается в рану, отнюдь не безобидно. Как-то один самец, содержавшийся в водоеме вместе с самкой, рассердившись, напал на нее, и та чуть не погибла от отравления. Служитель зоопарка, которого утконос уколол своей шпорой, от нестерпимой боли даже упал на землю. Рука его до самого плеча сильно распухла, и в течение нескольких месяцев этот человек ощущал постоянную слабость и другие последствия отравления.

Сегодня ни утконосов, ни ехидн нельзя считать вымирающими или находящимися под угрозой исчезновения. Естественных врагов у этих животных в Австралии почти нет, на них могут позариться разве что ковровый питон, лисица или сумчатый дьявол. Некоторые утконосы гибнут в вершах рыбаков: они заплывают туда, а выхода уже не находят, поэтому не могут подняться наверх за необходимой порцией воздуха и задыхаются. До сих пор никак не удается убедить рыбаков пользоваться вершами с отверстием наверху.

Впрочем, с 1905 года утконосы находятся под полной охраной государства и с тех пор уже довольно успешно размножились. Встречаются они до высоты 1650 метров над уровнем моря. Больше всего их на Тасмании. Там утконосов встречают даже в пригородах столицы — города Хобарта. Зоолог Шарлэнд считает, что замысловатые лабиринты утконосов с гнездовыми камерами можно найти даже под улицами предместий. Но не надо думать, что любому прогуливающемуся дачнику так просто увидеть утконоса — нельзя забывать, что это весьма осторожное животное, ведущее преимущественно ночной образ жизни.

Еще шире распространена ехидна. Я бы даже сказал, что это одно из наиболее многочисленных диких животных Австралии. То и дело я находил их задавленными на шоссейных дорогах.

Я не уверен в том, что благополучие с этими животными целиком связано с законом об охране эндемичной фауны. Я поездил по Австралии, и у меня создалось впечатление, что эти законы не

слишком-то строго соблюдаются... Здесь любой человек имеет право купить себе в магазине ружье и, отъехав на пять миль от городской черты, палить во что ему вздумается. Дело просто в том, что у ехидны и утконоса есть некоторые преимущества перед другими животными: у них никуда не годная шкура, которую никому нельзя продать, в них слишком мало мяса, и оно не очень вкусное; ну и, конечно, их скрытный, ночной образ жизни. Но самым решающим моментом все же надо считать то, что даже самому вздорному и необразованному фермеру не придет в голову заподозрить в том, что они убивают ягнят или поедают овечий корм.

Ведь тем животным, которым в Австралии приписывают подобные прегрешения, не поможет никакой закон об охране природы.

Глава девятая

О том, как верблюды завоевали Австралию

«Золотая лихорадка» на Пятом континенте.

◆

Великие открыватели Австралии, которых надо знать.

◆

Как важно оставить зарубку на дереве.

◆

В живых остался один.

◆

Верблюду австралийцы обязаны поставить памятник.

Что это? Лошадь в самом сердце неисследованной Внутренней Австралии? Велико же было удивление Альфреда Уильяма Хоунта, отправившегося на поиски пропавшей экспедиции Берка, когда он сначала обнаружил на песке следы копыт, а затем увидел и лошадь, самую настоящую домашнюю лошадь, пасущуюся посреди необитаемых степей. Да, это была целая сенсация.

Река Куперс-Крик, пересекающая границу между нынешними штатами Южная Австралия и Квинсленд, — река обманная, и доверять ей нельзя. Берега ее прельщают путника зеленью трав и высоких молчаливых эвкалиптов, разглядывающих свое отражение в водном зеркале, однако и вода и зелень здесь недолговечны. Вода наполняет русло только в сезон дождей, а затем исчезает, растворяется в вечно жаждущей влаги раскаленной каменисто-песчаной пустыне Внутренней Австралии. В засушливый сезон от всей реки остается лишь несколько жалких бочажков. А покинутые ею печальные берега до самого горизонта уходят в бесконечную, безотрадную и безжалостную пустыню.

Трех человек потеряла экспедиция Роберта О'Харра Берка в своем отчаянном стремлении оторваться от русла Куперс-Крика, и еще четырех пришлось закопать в рыхлый песок во время шестидесятитрехдневного перехода от реки Дарлинг к Куперс-Крику,

который совершил Вильям Райт, надеясь оказать помощь авангарду этой экспедиции.

А несколько позднее туда же направился и Хоуит, который, достигнув условленного места на Куперс-Крике, должен был дать знать в Мельбурн, удалось ли ему обнаружить какие-либо следы экспедиции Берка. Для связи с Мельбурном были захвачены четыре почтовых голубя, которые вместе со всеми проделали тяжелый, утомительный путь в несколько сот километров в деревянных ящиках, прикрепленных к седлам верблюдов.

Но когда Хоуит достал голубей из ящиков, оказалось, что дорогой они сильно обтрепали рулевые перья и лететь не в состоянии. Тогда ему пришла в голову блестящая идея. Подстрелив нескольких диких голубей, он выдернул у них хвостовые перья, надрезал у основания и, обмакнув в расплавленный воск, надел на стержни обтрепанных перьев своих мельбурнских голубей.

Против всяких ожиданий эксперимент удался наилучшим образом. «Починенные» столь необычным способом «почтальоны» уже на следующее утро были готовы к отлету. Каждому голубю прикрепили к лапке металлическую гильзу с запиской и отпустили на волю. Только они взмыли кверху, как с голубых небес, откуда ни возьмись, на них ринулось несколько больших соколов. Но хищникам удалось поймать и задушить лишь одного голубя. Два других стремглав умчались прочь, а четвертый спасся, спикировав неподалеку в крону дерева. Его нашли еле живым от страха под кустом. Он затаился там чуть дыша, потому что вблизи сидел подкарауливающий его сокол. Этот голубь был так напуган, что впоследствии вообще перестал летать и, когда его подбрасывали кверху, тотчас же опускался на ближайшее дерево. Так и не удалось заставить его улететь домой.

А одиноко пасущуюся лошадь Хоуиту хотя не без труда, но все же удалось изловить. Она оказалась достаточно хорошо упитанной, но сильно одичавшей. Позже выяснилось, что у нее сломано ребро (по-видимому, от удара бумеранга или дубины), а во время ловли ее снова поранили, так что она вскоре издохла.

Это была та самая лошадь, которая 16 лет назад сбежала от путешествовавшего здесь исследователя Внутренней Австралии Чарлза Стерта. А ведь лошади, как и люди,— существа стадные, нуждающиеся в общении со своими сородичами. Поэтому можно себе представить, как тягостно проходили для нее эти бесконечные годы молчаливого одиночества. Блуждая по пыльно-зеленой долине Куперс-Крика, окруженной со всех сторон бескрайней пустыней, она, должно быть, с тоской следила за весенним перелетом черно-белых пеликанов и цапель, за стаями галдящих розовых какаду, летящих с севера на юг. Этот весенний пролет происходит здесь в октябре. А в мае, к началу зимы, когда, наконец, начинаются благодатные дожди, все эти птицы появляются снова, но теперь уже летят в обратном направлении — с юга на север. И так год за годом. Шестнадцать долгих лет эта одинокая, одичавшая лошадь не видела ни других лошадей, ни белых людей.

А появилась она здесь вот каким образом. Богобоязненный Чарлз Стерт, сын британского судьи, родившийся в 1795 году в Индии, задумал пересечь Австралию. В 1844 году он вышел из столицы Южной Австралии Аделаиды и направился прямиком на север. Его сопровождало 12 человек, 11 лошадей с телегами, 30 волов и 200 овец. Он вез с собой и парусную лодку, поскольку надеялся открыть в Центральной Австралии огромное озеро, о котором тогда шло много разных толков.

Здесь, возле Куперс-Крика, ему пришлось пережить ужасно засушливое лето. В это время (с декабря по февраль) среднемесячная температура достигала 40 градусов в тени. Сушь была такая, что из рассохшихся ящиков выпадали все шурупы, роговые гребни и рукоятки инструментов расщеплялись на мелкие пластиночки, из карандашей вываливались грифели, волосы на головах людей и шерсть на овцах переставали расти, а ногти делались ломкими, как стекло. Мука потеряла восемь процентов своего веса, а другие продукты теряли еще больше. Писать и рисовать стало почти невозможно, потому что чернила в ручках и краска на кисточках мгновенно пересыхали.

Когда жара несколько спадала, Стерт вместе со своим молодым помощником Джозефом Каулем делал упорные попытки проникнуть на север, в глубь континента. Им удалось пересечь страшную пустыню Симпсон и проникнуть в местность, расположенную северо-западнее популярного ныне курорта Алис-Спрингс. Для экономии воды они стали делать свои вылазки из основного лагеря пешком, ведя за собой только одну-единственную лошадь с повозкой, в которой находился запас провианта и воды. На своем пути они на определенном расстоянии оставляли канистры с водой, чтобы иметь возможность воспользоваться ими при возвращении.

«Я был вынужден ограничить порцию воды для лошади двадцатью семью литрами,— пишет в своем дневнике Ч. Стерт,— хотя она привыкла выпивать от 110 до 135 литров и, следовательно, такого небольшого количества ей явно не хватало. Мы прошли не очень много миль, когда животное стало проявлять явные признаки полного изнеможения, теперь лошадь больше спотыкалась, чем шла. А кругом ничто не менялось: до самого горизонта все тот же песок и колючее растение спинифекс. Мне кажется удивительным, что такой однообразный ландшафт может тянуться так бесконечно долго и без малейшего изменения. Мы с Джозефом прошагали весь день, наши ноги были все исколоты колючками спинифекса, но я все-таки не сделал бы привала, если бы наша бедная лошадь Панч чувствовала себя не так плохо. Мы пришли к выводу, что тащить и дальше за собой повозку означает неминуемую гибель верного Панча.

На другое утро нам еле удалось поднять лошадь на ноги, несмотря на то что я постарался дать ей как можно больше воды. Ее находчивость и настойчивость при поисках чего-либо съестного была просто удивительной. Пока мы сидели на земле и пили утренний чай, она несколько раз обошла вокруг повозки, старатель-

но обнюхивая все ящики и пытаясь просунуть свой нос в щели, при этом она бесцеремонно перешагивала прямо через нас и постепенно становилась все навязчивее. Невозможно было смотреть в ее глаза — они умоляли о помощи, и в них был такой немой укор, на который способны только животные.

И тем не менее я даже доволен, что лошади несвойственна та самоотверженная привязанность к человеку, которую проявляет собака. Лошадь — животное эгоистичное и корыстное. Как бы заботливо ты к ней ни относился — для нее важнее всего еда. Когда лошадь голодна, она старается вырваться и попастись на воле. Нет такой лошади на свете, которая бы, как собака, неотступно сопровождала своего хозяина до самой горькой его кончины, не отходя от него ни на шаг, и, изнемогая от голода и жажды, была бы готова идти на верную гибель ради того, кто ее когда-то вскормил. Нет такой лошади. Отпусти только лошадь ночью нестреноженной — и где-ты ее найдешь утром, и найдешь ли ее вообще — сказать трудно. А ведь бывают случаи, когда от этого зависит твоя жизнь.

На обратном пути мы добрались до русла реки 14-го утром. В запасе у нас оставалось всего пять литров воды. Правда, она отстоялась и выглядела теперь значительно чище, чем в той грязной луже, откуда мы ее набирали. Наша измученная лошадь едва передвигала ноги, но, увидев старую колею, явно повеселела, насторожила уши и прибавила шагу. В лагере все были поражены, до чего же она исхудала. Лошадь так и не оправилась после этого похода».

Во время всех последующих вылазок экспедиция Стерта попадала в бесконечные долины, густо заросшие колючим спинифексом, и лошадям приходилось очень осторожно передвигаться, чтобы не пораниться об его острые шипы. Одна из лошадей не вынесла экспедиционных тягот и сбежала. Все члены экспедиции заболели цингой, от которой двое даже скончались. В 1846 году упавшему духом Стерту пришлось свернуть лагерь и вернуться обратно, так и не достигнув севера Австралии и не обнаружив предполагаемого в самом центре континента озера. Тем не менее путешествие принесло ему мировую известность, он был награжден золотой медалью Лондонского Королевского географического общества. В 1853 году он вернулся в Англию, где шестнадцать лет спустя и умер.

А сбежавшая от него лошадь тем временем коротала свои дни на Куперс-Крике.

Кто из нас, европейцев, может похвастаться тем, что хорошо знаком с историей открытия Австралии и знает ее первооткрывателей? Имена этих отважных людей как-то прошли мимо нас, потому что их затмили знаменитые исследователи Африки, о которых так много писалось и говорилось в последнее столетие. Не было в Австралии и черных королевств, как у истоков Нила, которые можно было бы открыть и завоевать, не было там и громадных внутренних озер, и будоражущего воображение богатого и разно-

образного животного мира. Ничего этого в Австралии не оказалось. Однако исследователи Австралии ничуть не менее исследователей Африки достойны славы и признания, потому что были столь же одержимы своей идеей, самоотверженны и беспредельно мужественны.

Возможно, что «лошадь-робинзон» спустя два-три года все же видела белых людей и своих сородичей — сопровождавших их лошадей, но этого теперь никто не узнает. А могла она их увидеть вот почему.

Фридрих Вильгельм Людвиг Лейхгард, уроженец Пруссии, обучаясь в Гёттингене и Берлине, познакомился с англичанином Джоном Никольсоном. Вскоре его пригласили погостить в семью друга, и Лейхгард отправился в Англию. Поскольку в Германии в это время наступили времена реакции, вольнодумно настроенный молодой человек, не желая признавать воинской повинности, ожидавшей его в Пруссии, решил домой не возвращаться. Он увлекся путешествиями и долгое время бродил по Франции, Швейцарии и Италии. А в 1841 году семейство Никольсона, принимавшее в нем дружеское участие, снабдило его деньгами для поездки в Сидней.

Там он рассчитывал получить должность научного консультанта при правительстве, но это ему не удалось. Тогда Лейхгард на собственный страх и риск решил отправиться (совершенно один) в глубь континента. Он прошел более тысячи километров по совершенно дикой местности — от Нового Южного Уэльса до Моретон-Бея в Квинсленде. Год спустя его назначили руководителем экспедиции, финансируемой частным образом. Эта экспедиция должна была проделать невероятно долгий путь от хребта Дарлинг до Порта-Эссингтона, расположенного на северном побережье Австралии.

Пройдя около пяти тысяч километров по тропической Северной Австралии, Ф. Лейхгард в 1845 году достиг цели своего путешествия — Порта-Эссингтона. Встретили его там со всеми надлежащими почестями. Он был объявлен национальным героем, получил золотые медали географических обществ в Лондоне и Париже, а прусское правительство простило ему то, что он в свое время уклонился от воинской повинности. Его спутник, английский орнитолог Джон Гилберт, во время этой экспедиции был убит туземцами.

В декабре 1846 года Лейхгард возглавил новую экспедицию, которая, выйдя из Сиднея, должна была пересечь весь континент с востока на запад и добраться до главного города Западной Австралии — Перта. Однако ему пришлось вернуться. В феврале 1848 года он сделал вторую попытку. Предполагают, что на этот раз экспедиция достигла русла реки Куперс-Крик. Но что с ней случилось после этого, до сих пор никому не известно. Семь человек со всеми вьючными животными и снаряжением исчезли, словно растворились в бескрайней пустыне Внутренней Австралии.

Пока строптивой лошади Стерта, пасущейся на берегах Куперс-

Крика, снова пришлось увидеть своих сородичей, прошло еще 12 лет. За этот отрезок времени, между 1850 и 1860 годами, в Австралии произошли немаловажные события.

Все мы немало наслышаны о «золотой лихорадке» в Калифорнии. Однако о том, что в то время происходило на юге Австралии, нам на уроках истории не рассказывали, и поэтому мы не в курсе дела. А происходили там события отнюдь не безынтересные и весьма значительные для всей страны.

В январе 1851 года после восемнадцатилетней отлучки вернулся из Соединенных Штатов на родину в Новый Южный Уэльс некто Э. Харгревс. Приехал он с Калифорнийских золотых копей и потому пребывал в характерном для тех мест нервозном состоянии «золотой лихорадки». Не обладая никакими геологическими познаниями, он вообразил, что поскольку холмы Нового Южного Уэльса удивительно напоминают «золотоносный» ландшафт Калифорнии, то и в австралийской земле должно лежать золото. И не обращая внимания на всеобщее недоверие и насмешки, он нанял опытного проводника из аборигенов (который, кстати, тоже нисколько не верил во всю эту затею) и отправился вместе с ним искать золото. Дойдя до притока реки Маккуори, Харгревс заявил, что золото должно лежать здесь, прямо у них под ногами. Накопав земли и насыпав ее в сито, он промыл породу в близлежащем бочажке и закричал:

«Вот же оно! Запомни, этот день станет знаменательным в истории Нового Южного Уэльса! Меня сделают бароном, тебя — дворянином, а из моей старой лошади посмертно сделают чучело, которое в стеклянном ящике будет выставлено в Британском музее!»

15 мая 1851 года сообщение об этом сенсационном открытии появилось в утренней газете «Sydney Morning Herald». Сейчас же весь город охватила «золотая лихорадка». Повторилось все то же самое, что было в Америке: государственные служащие, рабочие различных фирм и фабрик — все побросали свою работу и ринулись сломя голову в поисках удачи. Цены на продовольственные товары стали повышаться с каждым днем. Многие магазины перешли на торговлю снаряжением для золотоискателей: калифорнийскими широкополыми шляпами, кирками, ситами.

В августе богатые золотые россыпи были обнаружены возле Балларата, и «золотая лихорадка» переместилась в Мельбурн и Джилонг, из которых вскоре ушло почти все мужское население. В портах качались на волнах неразгруженные суда, потому что все команды во главе с капитанами разбегались на поиски «золота, валявшегося под ногами». Но уже в декабре, когда летняя жара начала становиться все нестерпимей, большинство золотоискателей стало возвращаться назад, не выдержав трудностей и лишений походной жизни. Зато по улицам Мельбурна все чаще фланировали дочки удачливых старателей, разряженные в наимоднейшие платья самых пестрых рисунков, а солидные матроны, проплывая, оставляли за собой шлейф запахов самых дорогих духов. Сами же золотоискатели, сжимая в руках толстые пачки банкнот, кутили в пивных.

Весть об австралийских золотых россыпях быстро облетела

весь мнр. В Европе началн драться за места иа пароходы, отбывающие иа иовый коитииеит.

Золотоискатели промышлялн обычно группамн от четырех до шести человек. Спали оии под открытым небом или, в лучшем случае, в парусиновой палатке, работалн, как звери, н ннчего ие моглн себе позволить лишиего в этнх суровых условиях. К тому же правнтельство учредило специальную полнцню, которая должна была сохранять порядок средн такой случайной разношерстной публнки. Чтобы фииаисировать такую охрану, правнтельство установнло довольио большой иалог (в одии фунт), без которого не выдавалось разрешеиия на право добывать золото.

Поначалу золото кое-где действительио «валялось под ногамн»: ннogда удавалось подиять с земли сразу целый слиток. Но вскоре все было обшареио, и, чтобы иайти золото, приходилось все глубже зарываться в землю и все тщательией промывать породу. Поэтому золотонскателям стаиовнлось трудией платить государствеиные налогн. Онн объедииннлись в своего рода корпорацню, которая повела борьбу за всеобщее и равное избирательиое право, в то время как старожнлы — землевладельцы н бюргеры новых колоиий — хотелн завести у себя свою «палату лордов» по английскому образцу, в которой места распределялись бы в зависимости от раига и имущественного состояиия. А разгорелась эта борьба после того, как брнтанское правнтельство предложило богатеющнм австралийскнм колоииям выработать свою собственную коиституцню.

Осенью 1854 года дело дошло до восстаний иа золотых приисках, а в декабре старатели так взбуитовалнсь, что командир войсковой частн города Балларата отдал прнказ стрелять по иим. При этом 25 человек было убнто и 30 ранеио.

К коицу десятилетня началнсь эксцессы с кнтайцами, огромиая лавина которых хлыиула иа золотые прннскн Внктории. Средн 23 тысяч кнтайцев было только шесть женщнн, и китайских мужчии начали обвннять в аморальиом поведеини — преследоваиин австралийскнх женщии. Но осиовиая причииа иедовольства населеиня крылась в том, что иезваиые гости вывозили все австралийское золото в Китай*.

Как н в Америке, «золотая лихорадка» вызвала буриый расцвет иового коитииеита. С 1851 по 1861 год иаселенне здесь возросло более чем в два с половнной раза (с 437 тысяч человек до 1 168 тысяч). Виктория, бывшнй округ колоиии Новый Южный Уэльс, стала самостоятельной колонней, вскоре превзошедшей по числу населення и по значнмостн в Брнтаиской империи «матерннскую» колонию. Населенне Внкторин увеличнлось за это десятнлетне с 97 тысяч до 589 тысяч, в то время как иаселенне Нового Южного Уэльса с 197 тысяч возросло лишь до 337 тысяч.

В 1853 году однн амернканец ввез в страиу новые экнпажи на рессорах. С этого временн расстояния между Сиднеем и Мельбурном н оттуда до золотых прнисков сталн преодолеваться значительно легче н быстрей. В 1854 году из Вильямстауиа в Мельбурн отправнлся первый паровоз; в 1855 году появились пригородные поезда,

соединяющие Сидней с близлежащими районами, а в начале 60-х годов колея пошла еще дальше, в глубь нового континента. В 1856 году из Лондона в Мельбурн впервые отправился парусник с паровой машиной. Теперь этот долгий морской путь стал занимать меньше времени — 65 дней. К 1858 году была уже установлена телеграфная связь между Сиднеем, Мельбурном и Аделаидой. К концу десятилетия повсеместно удалось добиться всеобщего равного избирательного права без учета имущественного ценза.

Однако новые расцветающие колонии все еще выглядели словно маленькие оазисы по краям большого неисследованного континента. Их граждане, ставшие состоятельными, не желали больше считаться отсталыми провинциалами: они построили у себя театры, музеи, соборы, учредили различные научные общества. Когда газеты сообщали о новых значительных, поражающих воображение открытиях в Африке и других частях света, многие здесь чувствовали себя уязвленными. Кроме того, не смолкали слухи о том, что где-то внутри континента должны быть богатые, плодородные земли, еще ждущие своего открытия, и огромное озеро с пресной водой — что-то наподобие Средиземного моря. Такая мысль возникла давно, еще в самом начале заселения Австралии. А возникла она потому, что крупные реки на востоке страны текли с гор Большого Водораздельного хребта в западном направлении, в глубь неизведанной территории. Правда, знаменитый путешественник Чарлз Стерт еще в 20-х годах спускался то по реке Маккуори, то по Маррамбиджи и каждый раз попадал в океан недалеко от Аделаиды. Но, может быть, существуют еще другие реки, которые текут не на юг, а несут свои воды в сердце континента?

И вот в колонии Виктория, самой богатой среди всех австралийских колоний, к концу десятилетия возникла идея организовать исследовательскую экспедицию в глубь Австралии. Был создан специальный комитет, который в 1857 году собрал 9 тысяч фунтов стерлингов — сумму, для того времени довольно значительную. Однако, когда подсчитали все необходимые расходы, например на спасательные отряды и на обеспечение семей участников экспедиции, сумма выросла до 60 тысяч фунтов (это было больше, чем когда-либо расходовал Стэнли на свои грандиозные экспедиции в Африке). Основной упор делался на то, чтобы эта огромная экспедиция непременно числилась мероприятием колонии Виктория. Именно из-за этого ей не разрешалось быстро и более удобным путем подняться по рекам Муррей и Дарлингу (ведь тогда считалось бы, что она стартовала из колонии Южная Австралия). Нет, лучше уж пусть протащится пешком сотни миль, но зато от Мельбурна. По этому принципу подбиралась и кандидатура на пост руководителя экспедиции: отказывались от людей с опытом работы во внутренних районах страны только потому, что они были гражданами других колоний. Руководителя искали путем объявлений в мельбурнской газете. Наконец комитет большинством голосов выбрал полицейского интенданта Роберта О'Харра Берка, человека, не имеющего ни малейшего опыта в подобных делах.

Берк был ирландцем по происхождению, в молодости он служил в австрийской кавалерии, где быстро получил чин капитана. В Австралию он прибыл как раз во время беспорядков, вызванных «золотой лихорадкой», и благодаря безупречной службе очень скоро занял место полицейского офицера. Когда в Европе разразилась крымская война, он подал в отставку, чтобы принять в ней участие, но из-за дальности расстояния опоздал: пока он добирался до Европы, война уже кончилась.

Возглавляемая им экспедиция была «самой дорогостоящей, отлично снаряженной, но самой непрофессионально организованной из всех австралийских экспедиций». На экспедицию же Стерта было отпущено только четыре тысячи фунтов, следовательно, она обошлась в 15 раз дешевле экспедиции Берка, к тому же во время нее погиб только один человек и две лошади.

Что было ново, так это участие в экспедиции Берка верблюдов. Сначала шесть «кораблей пустыни» приобрели у бродячего цирка, затем некоего Георга Ланделла снарядили в Индию, с тем чтобы он там закупил еще 25 штук.

Ланделл добрался до верблюжьих рынков Афганистана, откуда в сопровождении трех индийских погонщиков погнал купленных животных своим ходом к побережью. Они проходили по 80 километров в день. Перед погрузкой в Карачи Ланделл уговорил принять участие в экспедиции юного ирландца Джона Кинга. Джон Кинг, вступивший четырнадцатилетним мальчиком в британскую армию, незадолго до этого был свидетелем страшных зверств во время подавления восстания в Индии. Он видел, как мятежников привязывали к пушечным жерлам и залпами разрывали на куски. Поэтому юноша охотно согласился уехать. Кстати, это был единственный человек из всей экспедиции, который остался в живых после пересечения континента.

Ланделл доставил верблюдов и индийских погонщиков в полной сохранности в Мельбурн, где свое прибытие обставил весьма помпезно, явившись в красочном индийском облачении.

Однако никто не знал, как будут чувствовать себя верблюды в Австралии. Поговаривали о том, что какой-то вид дикого гороха может оказаться для них отравой. Их приобретение, вернее, поездка Ланделла и доставка всего транспорта в Мельбурн стоили уже огромных денег — 5500 фунтов. Ланделла включили в состав экспедиции как знатока по уходу за «кораблями пустыни». Так, например, он утверждал, что им необходимо ежедневно давать ром, поэтому пришлось тащить за собой 270 литров этого напитка.

Вероятно, комитет остановился на кандидатуре Берка в качестве руководителя экспедиции потому, что он был необычайно энергичен, обходителен и скромен. Так, например, он безропотно согласился на то, чтобы Ланделл (весьма корыстный малый) получал значительно большее жалованье, чем он сам. Недостаток опыта и научных знаний у Берка надеялись возместить тем, что отправили с ним в качестве помощников двух немецких ученых: мюнхенского

врача и ботаника доктора Германа Беклера и естествоиспытателя Людвига Бекера. К сожалению, Бекер, этот очень добросовестный ученый (кстати, один из лучших знатоков птиц — лирохвостов), для такого изнурительного путешествия оказался слишком старым — ему было уже 52 года.

19 августа 1860 года в Мельбурне закрылись все магазины, народ высыпал на улицу проводить небывалую экспедицию в путь. Все 18 участников ехали верхом на лошадях и верблюдах, а следом 25 лошадей и 25 верблюдов (шестерых заболевших верблюдов пришлось оставить в городе) тащили специально оборудованные повозки, способные якобы и плавать. Весь груз весил 21 тонну. В него входили кроме всего прочего 120 зеркал, два фунта бус, 12 палаток, 80 пар обуви, 30 шляп, семенной материал, книги, восемь тонн лимонного сока против цинги, 380 «верблюжьих бот», походные кровати и огромное количество сушеных и консервированных продуктов. От четвертой части этой поклажи пришлось отказаться уже при отбытии, и тем не менее на каждого верблюда нагрузили примерно по 150 килограммов.

Когда этот грандиозный караван проходил по колонии Виктория, со всех сторон сбегались любопытные. Даже двухметровый ковровый питон, лежащий близ дороги, с удивлением уставился на невиданное зрелище. Поскольку лошади никак не могли привыкнуть к верблюдам и всякий раз шарахались от них в сторону, пришлось их вести гуськом отдельной колонной на почтительном расстоянии от верблюжьего каравана.

Была еще зима, шли непрерывные дожди, дороги размыло, и несколько повозок вскоре сломалось. К концу сентября головная часть каравана наконец достигла Мениндн на берегу реки Дарлинг, то есть крайней точки населенных в то время земель; остальная же часть экспедиции безнадежно отстала.

В Мениндн возникли серьезные споры. Берк вскоре понял, что тащит за собой слишком много лишней поклажи, и стал распродавать кое-что из продуктов попадавшимся на пути поселенцам и овцеводам, в частности он продал весь ром, на котором так настаивал Ланделл. Тогда Ланделл и еще несколько человек демонстративно ушли из отряда. Вместо них Берк зачислил в экспедицию новых людей, с которыми познакомился дорогой, и среди них некоего Чарлза Грея и совершенно неграмотного Вильяма Райта, бывшего владельца овцеводческой фермы. Этому человеку, на которого Берк возлагал большие надежды, он и поручил дождаться в Мениндн отставшую часть экспедиции и следовать с нею к реке Куперс-Крику.

А Куперс-Крик находилась где-то за 700 километров к северу; местность на всем этом протяжении была неисследованной и, по всей вероятности, безводной, к тому же приближалось жаркое тропическое лето. Однако Берк, несмотря ни на что, решился пуститься в путь — вероятней всего из страха, что его опередит некто Джон Мак Дуалл Стюарт, направившийся во главе другой экспедиции из Аделаиды в эти же края с той же целью — пересечь материк»*.

Итак Берк отправился в дальнейший путь со значительно меньшим отрядом: его сопровождали 8 всадников, 16 верблюдов и 15 лошадей с поклажей.

Через 22 дня, 11 ноября 1860 года, им удалось достигнуть высохшего русла Куперс-Крика. Они были крайне удивлены, заметив там следы копыт одинокой лошади, но так и не нашли этому никакого подходящего объяснения.

Когда отряд разбил свой лагерь, на него напали полчища крыс. Весь провиант пришлось держать подвешенным на деревьях. Однако нетерпеливому Берку вовсе не улыбалась перспектива провести здесь жаркое лето так, как это сделал 15 лет назад его предшественник Чарлз Стерт. Ему хотелось как можно скорей добраться до северного побережья Австралии, до залива Карпентария. Вместе с молодым англичанином Уильямом Джоном Уиллсом он не раз делал довольно далекие вылазки из лагеря.

Тем временем становилось все жарче. Температура доходила в тени до 43° по Цельсию (109° по Фаренгейту). Несмотря на это, Берк 13 декабря двинулся вместе с Уиллсом, Кингом и Греем на север. Животных использовали почти только для перевозки поклажи — продуктов питания и воды. Четверо мужчин под палящим солнцем прошагали пешком 2600 километров до океана и обратно. Грей вел под уздцы лошадь Билли, а Кинг тащил за собой на веревке шестерых верблюдов.

Начальником отряда, оставшегося на Куперс-Крике, был назначен бригадир Вильям Браге. Чтобы обезопасить себя от назойливого интереса, да и возможного нападения туземцев, лагерь огородили штакетником.

Берк, уходя, распорядился, чтобы Браге ждал его здесь, на этом месте, три месяца. Если же он и его спутники к этому времени не вернутся, значит, они наверняка погибли, потому что взятого с собой провианта им хватит не больше чем на такой срок. К сожалению, Берк не оставил своего распоряжения в письменном виде, из-за чего после начались расследования, обвинения и судебные процессы. Он не вел даже дневника, и если бы не Уиллс, очень одаренный, образованный и к тому же выносливый молодой ученый, который делал это за него, то вся экспедиция в конечном счете оказалась бы почти бессмысленной.

Только благодаря необычайно мягкому лету 1860/61 года Берку удалось пересечь континент и выйти к заливу Карпентария, а затем вернуться тем же путем назад. Долго он шел по однообразным, нескончаемым, гладким, как стол, равнинам, на которых до самого горизонта не видно ни малейшего ориентира, не раз пробивался сквозь песчаные бури, превращающие день в ночь, и вышел, наконец, на северное тропическое побережье, где растут редкие пальмы и другие, чем на юге, виды эвкалиптов.

Поскольку почва становилась все влажней и вскоре превратилась в настоящее болото, Берк решил оставить Кинга и Грея с верблюдами на месте, а к берегу океана пробираться только вдвоем с Уиллсом и лошадью Билли. Они достигли его 10 февраля 1861 года.

Правда, добрались они только до канала в болотах, но вода в нем действительно была солоноватой на вкус и во время прилива поднималась на 20 сантиметров. Открытого моря, самого залива Карпентария им так и не удалось увидеть. Впрочем, земли вокруг залива уже 17 лет до этого пересек Лейхгард с востока на запад.

Особенно тяжело приходилось лошади Билли. Вот что записал в своем дневнике Уиллс: «Когда мы переводили лошадь через реку, на одной из отмелей она так глубоко увязла в зыбучем песке, что нам никак не удавалось ее оттуда вытащить. Наконец мы догадались подкопаться под нее с той стороны, где было поглубже, и с размаху толкнуть в воду, чтобы она поплыла. Мы надежно упрятали свою поклажу и пошли дальше по берегу реки. Однако почва почти повсюду была такой вязкой и зыбкой, что наша лошадь никак не могла по ней передвигаться. Примерно через восемь километров, когда мы пересекли ручей, она снова провалилась в трясину и после этого уже настолько ослабла, что у нас появились сомнения в том, сумеем ли мы вообще заставить ее идти дальше».

Когда Уиллс и Берк вернулись к своим товарищам, караулившим верблюдов, было решено как можно скорей отправляться в обратный путь: почти за два месяца, которые потребовались для перехода до залива, они съели более двух третей своих продовольственных запасов. Однако все чувствовали себя бодро и без малейших колебаний решились отправиться обратно с весьма небольшим количеством провианта (ведь в крайнем случае можно было съесть нескольких верблюдов).

Он был, по-видимому, ужасен, этот обратный путь. Продуктов становилось все меньше и меньше. Берк делил их ежедневно на четыре порции, которые закрывал сверху бумагой с номерами — каждый выбирал себе номер, не видя, что под ним лежит. При таком способе дележки не возникало споров между изголодавшимися и ослабевшими людьми. Чувствовали они себя с каждым днем все хуже, и записи в дневнике Уиллса становились все короче.

Дойдя в марте до реки Клонкарри, они обнаружили там своего верблюда Гола, которого им пришлось в свое время здесь оставить из-за болезни. Вид у него был самый плачевный: животное, видимо, очень страдало от одиночества и, судя по следам, несмотря на полную свободу, никуда далеко не отходило от того места, где его оставили. Все это время верблюд беспокойно бегал взад и вперед по тропинке и утрамбовал твердую гладкую дорогу. Увидав своих сородичей — других верблюдов, дромадер сразу успокоился и принялся щипать траву. Но, видимо, ему уже ничем нельзя было помочь. Когда экспедиция через четыре дня пустилась в дальнейший путь, этот верблюд был не в силах следовать за нею, даже несмотря на то что с него сняли седло и всю поклажу.

Запись в дневнике от 10 апреля: «Целый день не выходили из лагеря—разрезаем на куски и сушим мясо лошади Билли. Лошадь так отощала и была настолько измучена, что нам стало ясно: ей все равно не добраться до конца пустыни. Мы до того изголодались, что решили ее зарезать, пока она еще не издохла, и подкре-

питься мясом бедного животного. Мясо оказалось вкусным и нежным, но без малейших следов жира».

Однажды Уиллс случайно увидел, как Грей тайком, спрятавшись за дерево, поедал муку. А ведь именно ему было поручено хранение продуктов. Провинившемуся Берк задал основательную трепку. И несмотря на жалобы Грея на боли и слабость, которыми он всем досаждал в последующие дни, ему никто не верил, считая, что его просто мучают угрызения совести. Но утром 17 апреля Грея обнаружили мертвым в спальном мешке. Все настолько ослабли, что не смогли зарыть его в землю глубже чем на метр.

Оставшиеся в живых трое мужчин к вечеру 21 апреля при свете луны дотащились до лагеря на Куперс-Крике, мечтая досыта наесться, надеть целые ботинки и сменить пропотевшие лохмотья на новую одежду.

Но лагерь был пуст.

На стволе одного из деревьев было вырезано ножом: «Копай в трех шагах на северо-запад». Берк был настолько измучен и потрясен, что лишился чувств. Уиллс и Кинг принялись рыть в указанном месте и вытащили ящик с продовольствием и бутылку, в которой лежал исписанный карандашом листок. Из записки они узнали, что Браге покинул лагерь сегодня, девять часов назад, и с 12 лошадьми, шестью верблюдами и всеми припасами двинулся в сторону Мениндн. Заканчивалась она словами: «Если не считать одного человека, которого брыкнула лошадь, все остальные члены экспедиции и животные здоровы».

Было ли это злосчастной случайностью или коварством судьбы, что Браге, который четыре месяца терпеливо дожидался своих товарищей, все время надеясь на их возвращение, ушел буквально за несколько часов до того, как они, измученные и обессиленные, дотащились до лагеря? Этого никто не может сказать. Ведь Браге мог уйти и раньше, сославшись на распоряжение Берка ждать только три месяца. Тем не менее он пробыл на Куперс-Крике еще четыре недели. Но когда отряд Берка не вернулся спустя и этот срок, Браге решил, что те четверо либо погибли, либо спаслись, повернув в восточном направлении и выйдя к Квинсленду. Задерживаться дольше он не мог, у него не хватило бы продовольствия. Однако позже он никак не мог объяснить, зачем написал в записке, что вся группа находится в добром здоровье. На самом же деле тяжелобольной Паттен умер уже через несколько дней после выхода из лагеря, а остальные трое сильно страдали от цинги. Это хвастливое сообщение и сбило с толку Берка, решившего, что им, измученным и обессилевшим, не догнать группу бодрых и здоровых людей. На самом же деле Браге пришлось устроить привал вечером того же дня всего в 23 километрах от Куперс-Крика.

Итак, решив, что догнать ушедших надежды нет, группа Берка решила остаться в лагере и для начала немножко подкрепить свои угасающие силы оставленными им продуктами. А затем Берк принял решение идти на юг не знакомой уже дорогой, а неисследованной, но зато более короткой, которая должна была привести

к одному из окраинных сторожевых постов колонии Южная Австралия. Этот пост был расположен у подножия «Горы безнадежности»— Маунт-Хоуплес.

Уиллс приписал несколько слов в записке и снова аккуратно закопал бутылку, чтобы аборигены не смогли ее найти и вытащить. Но надпись на дереве оставил без всяких изменений. Если б он только знал, какой непоправимый вред нанесет этим себе и своим товарищам, он уж непременно постарался бы добавить в ней хоть одно слово.

Одна из основных причин, почему Браге решил пуститься в обратный путь, заключалась в том, что Райт, которому было поручено подтянуться с арьергардом экспедиции к Куперс-Крику, так там и не появился. Райт, оказывается, все никак не мог собраться, а пустившись наконец в путь, повел свой отряд как нельзя более неумело, по неверному маршруту и за 69 дней так и не достиг Куперс-Крика да к тому же еще потерял в дороге трех человек. Среди погибших был и Людвиг Бекер. Наконец он наткнулся на Браге, который как раз возвращался назад. Обе группы объединились, взяв направление на реку Дарлинг. Однако дорогой Браге, которого, по-видимому, все же мучили сомнения, уговорил Райта поехать вместе с ним верхом назад к Куперс-Крику и посмотреть, не пришла ли за это время группа Берка. Райт согласился, и через три дня, утром 8 мая, они снова прибыли в лагерь на Куперс-Крике. Но Берк со своими людьми уже 15 дней назад отбыл отсюда в направлении горы Маунт-Хоуплес.

Браге и Райт нашли лагерь таким, каким его оставили: следы верблюдов, навоз, остатки костров, и ту же запись, вырезанную ножом на дереве несколько недель назад. Ничего не изменилось с момента их ухода из этих мест. Так во всяком случае обоим показалось. Им и в голову не пришло вырыть спрятанные под деревом ящик и бутылку с запиской. Передохнув с четверть часа, всадники ускакали обратно. А в это время Берк, Уиллс и Кинг находились на расстоянии не более 50 километров от лагеря!

Берк шел вниз по течению Куперс-Крика, пока речка постепенно не превратилась в стоячее болото, а затем окончательно исчезла в песках пустыни. Он сделал попытку пересечь эту пустыню, но, пройдя 100 километров, вынужден был вернуться.

Верблюды оказались менее выносливыми, чем люди. 28 апреля Уиллс записал в своем дневнике:

«Наш сегодняшний переход был очень коротким, потому что не успели мы пройти и мили, как один из наших верблюдов (Ланда) провалился в трясину на краю бочажка и его стало засасывать. Мы перепробовали все средства вытащить его обратно, но напрасно. Почва под ногами была очень зыбкой, и животное проваливалось все дальше. Мы пробовали подсовывать под него ветки, но верблюд этот отличался инертностью и тупостью, и мы никак не могли заставить его сделать хоть малейшую попытку высвободиться самому. Вечером мы прорыли небольшую канавку из бочажка, надеясь, что хлынувшая в нее вода подмоет слой песка и животное всплывет.

Однако этого не случилось. Верблюд между тем продолжал лежать совершенно спокойно, как будто ему и дела нет до всего этого. Казалось, что он даже доволен сложившейся ситуацией.

На другое утро, найдя верблюда в том же безнадежном положении, мы после еще нескольких неудачных попыток его вытащить потеряли всякую надежду на успех. Пришлось обреченное животное пристрелить. После завтрака мы принялись срезать ножами все мясо, до которого нам только удавалось добраться.

Четверг, 1 мая. Стартовали без двадцати минут девять. Нашего единственного теперь верблюда Раю мы нагрузили лишь самыми необходимыми вещами, большую же часть поклажи распределили между собой».

Тем, что Берк и его товарищи еще не погибли от голода, они были обязаны аборигенам, тем самым аборигенам, к которым прежде относились так недоверчиво и подозрительно и которых отпугивали от себя ружейными выстрелами. Теперь они научились у них собирать «нарду» — особые съедобные семена — и, растирая их между камнями, получать нечто вроде муки. Хотя мука эта явно не содержала никаких питательных веществ, тем не менее ею можно было набить голодные желудки... Те же аборигены делились с ними рыбой и вообще старались оказывать им разные дружеские услуги. Но частенько эти люди снимались ночью с места и откочевывали на несколько километров дальше, и тогда трем европейцам нелегко было их разыскать.

Вот запись из дневника Уиллса: «Пятница, 2 мая, лагерь № 7. Мы следовали по левому берегу Куперс-Крика в западном направлении, как вдруг наткнулись на стоянку туземцев, разбитую прямо посреди высохшего русла реки. Они как раз кончали завтракать и великодушно предложили нам немного рыбы и пирога. Единственное, чем мы могли им отплатить,— это дать несколько рыболовных крючков и сахара.

У нашей верблюдицы Раи появились признаки полного изнеможения. Все сегодняшнее утро она дрожала как в лихорадке. Тогда мы решили еще больше облегчить ее ношу, сняв с нее и навьючив на себя сахар, инжир, чай, какао и две или три алюминиевые тарелки.

Среда, 7 мая. С утра позавтракали, но, когда мы решили двинуться дальше в путь, оказалось, что верблюд не в состоянии встать на ноги даже без всякой поклажи. Испробовав все средства поднять животное с земли, мы вынуждены были уйти, предоставив его своей участи. Пройдя около 17 километров, мы наткнулись на нескольких аборигенов, которые ловили рыбу. Они дали каждому из нас по полдюжины рыб и объяснили нам жестами, что мы можем пройти к их стоянке, где нам дадут еще рыбы и хлеба. Показав этим людям, как разжигать костер при помощи спичек, мы доставили им явное удовольствие, тем не менее они не выразили ни малейшего желания их приобрести».

30 мая Уиллс снова вернулся в старый лагерь на Куперс-Крике. Он не нашел там никаких следов побывавших здесь за это время

Браге и Райта, вырыл бутылку и дополнил свою прежнюю запись новыми сообщениями.

Чем же все-таки объяснить гибель последних верблюдов? Ведь им было где пастись, да и корма хватало. Почему молодой Уиллс, 27 лет от роду, в конце концов попросил своих спутников оставить его одного у лагерного костра и умер в одиночестве примерно 30 июня? Почему? Не из-за того ли, что Берк никак не мог преодолеть в себе недоверия к аборигенам? Незадолго до своей кончины, последовавшей через несколько дней после смерти Уиллса, он отгонял их от себя выстрелами из пистолета, а когда они принесли ему сетку с рыбой, выбил ее у них из рук...

Во всяком случае последнему из троих — Джону Кингу удалось остаться в живых только благодаря бескорыстной помощи аборигенов. Когда он привел их к мертвому Берку, они все горько заплакали и стали накрывать труп ветками. С этих пор они начали особенно внимательно и приветливо относиться к «последнему белому человеку».

Несколько недель спустя старый туземец по имени Самбо рассказал на одном из дальних пограничных постов Южной Австралии, расположенном на полдороге между Аделаидой и Куперс-Криком, что там, на севере, на берегу одной из рек, живут голые белые, у которых нет ни еды, ни ружей, но зато есть верблюды.

Это сообщение, всколыхнувшее воспоминания о печальной судьбе лейхгардовской экспедиции, вызвало сразу всеобщее волнение. Были снаряжены сразу четыре спасательные экспедиции, причем одна из Аделаиды. Эта экспедиция кроме 24 лошадей использовала также трех верблюдов, сбежавших от Уиллса восемь месяцев назад на Куперс-Крике. Беглецы, по всей вероятности не спеша, спустились вниз по течению реки, пересекли пустыню и появились где-то возле Маунт-Хоуплеса, где их и изловили.

На поиски пропавшей экспедиции снарядили также судно к заливу Карпентария. Третья спасательная группа направилась с побережья Квинсленда через материк на запад, чтобы попытаться найти следы Берка где-то во внутренних областях Австралии.

Но наибольшие надежды возлагались на тридцатилетнего Альфреда Уильяма Хоуита, имевшего к тому времени уже довольно богатый опыт по исследованию новых австралийских земель.

14 августа 1861 года он вместе с Браге выехал из Мениндн в северном направлении в сопровождении 37 лошадей и семи верблюдов. Через 25 дней они достигли Куперс-Крика. Встречавшиеся ему на пути аборигены были чем-то очень взбудоражены. Завидев караван, они, как правило, удирали со всех ног. А если их удавалось поймать, они со страхом указывали в одном и том же направлении и жестами давали понять, что европейцам следует поторопиться. Наконец Хоуит заметил большую стоянку аборигенов, разбежавшихся при виде приближающегося каравана. На месте осталась лишь одинокая фигурка, машущая чем-то, что уже нельзя было назвать шляпой. Когда караван приблизился, этот человек, одетый в

лохмотья, вскинул руки и без чувств грохнулся на землю. Это был Кинг, единственный оставшийся в живых член экспедиции Берка.

Через несколько дней он уже настолько окреп, что смог повести Хоуита туда, где остались погибшие Берк и Уиллс. Собаки динго уже неплохо потрудились над трупами: кругом были разбросаны кости рук и ног Уиллса, черепа же его вообще не удалось найти. У трупа Берка не хватало кистей и ступней.

Кинга за последующие недели так закормили, что он уже не мог смотреть на пищу. Когда юношу торжественно ввозили в Мельбурн, восторженная толпа чуть не разорвала его на части. За останками Берка и Уиллса была послана новая экспедиция. Их доставили в колонию Виктория и торжественно в сопровождении траурной процессии провезли по улицам Мельбурна, после чего последовало не менее торжественное погребение. В честь этих двух отважных путешественников был воздвигнут прекрасный памятник, изображавший их в более чем натуральную величину. Про других погибших членов экспедиции почему-то даже не вспоминали. Государственная комиссия, которой было поручено расследовать причины неудач экспедиции, после долгих обсуждений пришла к выводу, что особому порицанию подлежит слишком затянувшаяся задержка Райта в Мениндн и нерешительность действий экспедиционного комитета в Мельбурне.

Аборигенов, проживающих по берегам Куперс-Крика, осыпали подарками, колония Виктория подарила им даже две тысячи квадратных миль земли (которые ей, между прочим, не принадлежали, поскольку Куперс-Крик находится вне пределов Виктории, а следовательно, аборигены и так имели полное право владеть этими землями, но подарок есть подарок!). Впрочем, жители этих мест вскоре совершенно вымерли, к 1902 году их осталось только пять человек. А трагически окончившуюся экспедицию Берка красочно и со всеми подробностями описал Алан Муэрхед в своей книге «Куперс-Крик». Очень жаль, что эта книга не переведена на другие европейские языки, так же как и два предыдущих произведения этого автора — «Голубой Нил» и «Белый Нил», в которых описывается исследование берегов Нила и Восточной Африки.

На Куперс-Крике возник город, а в 70-х годах проложили телеграфную линию поперек континента, и ушло на это не больше двух лет. Мениндн теперь важный железнодорожный узел.

Но дерево на берегу Куперс-Крика, на котором Берк и Уиллс забыли вырезать дату своего прихода, что потом стоило им жизни, стоит и поныне. И до сих пор на его коре можно различить три буквы «dig» (копай).

Теперь выяснилось, что утверждения, будто где-то посреди материка должно быть большое озеро, имело под собой реальную почву. Дело в том, что озеро Эйр, расположенное между Куперс-Криком и горой Маунт-Хоуплес, не всегда было безводным. Когда-то его наполняли водой реки Куперс-Крик и Дайамантина, которые тогда были полноводными и мощными водными магистралями. Выяснилось также, что часть этих вод и сейчас, стекая с восточно-

австралийских горных хребтов, течет в направлении озера, но только под землей. С помощью бурения воду эту извлекают на поверхность и устраивают в степи водоемы для водопоя скота. Без этого немыслимо было бы разводить здесь овец.

Но особое восхищение у австралийцев вызвали верблюды, принимавшие столь деятельное участие в Берковской экспедиции, а затем и в спасательных отрядах. После Берка и Уиллса все последующие пятьдесят лет не было почти ни одной экспедиции, в которой не участвовали бы верблюды. Причем впоследствии нашли способ, как заставить этих упрямых и тупых животных преодолевать реки. Когда верблюд подходит к реке, он непременно ложится и не желает входить в воду. Тогда его насильно поднимают на ноги и дают сильный пинок сзади; свалившись в воду, верблюд уж непременно поплывет.

Джон Форрест (1847—1918), первый из урожеицев Австралии получивший дворянский титул, в 1870 году впервые прошел из Перта в Аделаиду. Это путешествие заняло у него пять месяцев. Однако, из-за того что он взял с собой лошадей, а не верблюдов, ему все время приходилось держаться близ морского побережья. Поэтому эта экспедиция мало чем обогатила географическую науку. А через четыре года Джон Форрест со своим братом Александром прошел от Перта до Аделаиды другим путем — по внутренним районам страны. Впоследствии Джон Форрест стал губернатором Западной Австралии.

Питер Е. Уорбертон (1813—1889), бывший британский майор в Индии, выйдя в сентябре 1872 года из Аделаиды, пересек расположенный в самом центре Австралии Алис-Спрингс и достиг самой северной оконечности западного побережья. С собой он взял только сына, двух афганских погонщиков верблюдов, двух европейцев, молодого австралийского паренька Чарли и 17 верблюдов. Продовольственных запасов они захватили на шесть месяцев, но достигли цели своего путешествия только через шестнадцать. Живыми им удалось добраться лишь благодаря верблюдам, которых они съедали одного за другим.

«Те, кто прочтет наши записки,— писал Уорбертон в своем дневнике,— будут возмущаться подобной верблюжьей бойней. Однако в тот момент у нас не было другого выхода. Нам оставалось лишь умереть, а вслед за нами погибли бы и верблюды, потому что без нашей помощи они не смогли бы раздобыть себе ни одной капли воды.

17 сентября 1873 года. Мы прошли 17 километров на запад. В лагере нам пришлось оставить двух ездовых верблюдов, которые не в состоянии были даже пошевелиться. Сначала мы подумали, что они отравились, но потом решили, что от резкого ночного ветра у них сделался прострел. Ездовой верблюд моего сына начал волочить задние ноги, и, чтобы прекратить его мучения, нам пришлось беднягу пристрелить. Какой удар для нас! Потерять самого мощного самца и трех ездовых верблюдов почти за один день. Если так пойдет дальше, я не знаю, что с нами будет».

Затем от путешественнков сбежали три верблюда, и один из афганцев пустился их догонять. Но он их так и не догнал. Постепенно из-за жары стало очень трудно двигаться днем, и экспедиция делала переходы только в утренние и вечерние часы. Ночью идти было невозможно из-за того, что в темноте трудно отыскать водопои. Иногда, не найдя следующего бочажка, им приходилось возвращаться к предыдущему. В некоторых бочажках воды было настолько мало, что иногда за три часа набиралось лишь одно ведро, а то и того меньше. Возле одного такого водопоя группе пришлось проторчать целые сутки, чтобы измученным жаждой верблюдам досталось хотя бы по одному ведру воды. Затем им пришлось пристрелить еще одного самца, так как его ужасно мучила гноящаяся рана на спине. Высушенным на солнце мясом этого верблюда все семеро членов экспедиции питались целых три недели. На вкус оно напоминало древесную кору. Еще одного верблюда пришлось зарезать потому, что он ослеп.

Австралийский мальчишка Чарли неутомимо бежал впереди, разыскивая воду. Когда однажды он не вернулся к назначенному времени в лагерь, Уорбертон, которого шатало от голода и жажды, решил идти дальше, не дождавшись его: пусть лучше погибнет в пустыни мальчишка, чем все остальные шестеро. Но вечером, двинувшись в путь, они наткнулись на Чарли, радостно бежавшего им навстречу. Оказывается, он пробежал после последнего ночного перехода еще 30 километров и нашел хороший водопой.

Сыну Уорбертона Ричарду удалось подстрелить птичку величиной с воробья, он отдал ее отцу, и тот съел ее до последнего перышка.

«Если бы в этой стране можно было найти хоть что-нибудь съедобное,— записывает Уорбертон в это время в своем дневнике,— хоть каких-нибудь змей, ворон или канюков. Правда, в колючем спинифексе водятся валлаби (маленькие кенгуру), но нам никак не удается их раздобыть, несмотря на то что они имеют привычку днем принимать солнечные ванны на открытом месте, спасаясь от муравьев, донимающих их в тени кустарников. Досаждают несекомые и нам. Кроме муравьев и обычных назойливых мух здесь водится австралийская пчелка, или медовая муха, которая нас буквально изводит. Эти насекомые хоть и не жалят, но зато имеют отвратительный запах и, как нарочно, непрестанно вьются вокруг наших ноздрей».

Встречали путешественники и отдельные племена, которые не испытывали ни малейшего страха при виде белых людей и верблюдов. Наоборот, они проявляли большой интерес к экспедиции. Европейцы вскоре узнали, как нужно вести себя при подобных встречах. Чтобы показать свои дружеские намерения, надо подойти и погладить друг другу бороду. При этом пышные бороды европейцев производили на аборигенов очень сильное впечатление.

Однажды энергичный маленький Чарли во время поисков водопоя попал на одну из стоянок аборигенов, где его приняли очень приветливо и угостили свежей водой. Но, когда на горизонте поя-

вилась вся экспедиция и люди увидели, что к ним направляются белые на верблюдах, они ужасно испугались, решив, что Чарли заманил их в ловушку. Они набросились на бедного парня, всадили ему копье между лопатками и оглушили дубиной. Прошло несколько недель, прежде чем он поправился.

Не дойдя 250 километров до побережья, Уорбертон так обессилел, что не мог стоять на ногах. Тогда он послал одного из людей с последними двумя верблюдами за помощью к поселенцам, живущим на побережье. Но прошло несколько недель, а гонец все не возвращался.

«У нас избыток воды, есть немного табаку и несколько кусочков сушеной верблюжатины. Время от времени нам удается раздобыть ящерицу или какаду. Я надеюсь, что после дождя взойдет чертополох или еще какое-нибудь растение, которым мы сможем питаться. У нас у всех цинга, понос и боли в печени. Нам нечем ловить рыбу, и мы не в силах поймать какого-нибудь опоссума или змею, а птицы поблизости от нас не садятся. Встать же и подойти к ним мы уже не в состоянии. Я думал, что возле реки у нас не будет особых трудностей с пропитанием, однако это оказалось не так. С каждым днем наши силы угасают».

Как раз вскоре после этой трагической записи в дневнике появился посланец с продовольствием и шестью верховыми лошадьми, на которых Уорбертона с его людьми благополучно доставили к побережью.

Пустыню Гибсона во Внутренней Австралии открыл в 1874 году Эрнест Джайлс (1835—1897). Сейчас она носит имя его спутника, который заблудился в ней и не вернулся. В этой пустыне с Джайлсом случилось следующее происшествие:

«На другое утро я узнал, что несколько верблюдов отравилось и не в состоянии пошевелиться; один или два из них, наверное, сдохнут. Это была для нас ужасная новость, учитывая, что мы лишь начали свое путешествие и находились как раз на краю пустыни, которую собирались пересечь. Тотчас же перед нами встал вопрос: «Что же делать?» И так же быстро пришло решение: «Делать нечего, надо ждать». Было бы совершенно бессмысленно переложить поклажу с больных животных на здоровых, которые не смогли бы тащить такую тяжесть. А бросить их здесь без присмотра тоже было неразумно. Итак, мы решили остаться и энергично лечить своих пациентов. Лечение шло так успешно, что к ночи один из самых тяжелобольных верблюдов снова встал на ноги. Мы ставили заболевшим животным горчичники и клизмы, делали им горячие примочки и кормили маслом.

Нам удалось выяснить, что они отравились растением Gyrostemon ramulosus. Когда мы устраивали свой привал, было почти темно, и мы не разглядели, что кругом растет такая отрава. Теперь мы перенесли свой лагерь и перегнали животных подальше, на отлогий песчаный холм, где этого чертова семени почти не было. На другое утро я, к своей несказанной радости, нашел верблюдов почти здоровыми, хотя они еще не слишком уверенно стояли

на ногах и сильно дрожали. Здешняя проклятая земля просто задыхается от обилия этих ядовитых растений. Правда, от Gyrostemon животные умирают не всегда, но, поскольку я уже потерял из-за него одного верблюда, а все остальные, наевшись этой пакости, отравлялись ею, можно себе представить, как нас пугал один только вид проклятого растения. Верблюды, которые от него еще не заболели, упорно стараются его сорвать. Но однажды отравившись, они к нему уже не прикасаются. Весь ужас в том, что кругом не растет ничего другого, на чем бы они могли пастись».

Между прочим, именно Эрнест Джайлс в 1875 году пересек континент от Аделаиды до Перта. После двухмесячной передышки он повторил это путешествие в обратном направлении. И хотя Джайлс был удостоен золотой медали Географического общества, тем не менее семнадцатью годами позже, забытый всеми, он умер в безвестности и бедности. Последние свои годы он проработал писарем в одном из заштатных городишек Западной Австралии.

За десятилетия, прошедшие после Берковской экспедиции, в Австралию ввезли очень много верблюдов из Индии. К 1900 году их число достигло шести тысяч, не считая потомства, принесенного ими уже на новой родине. Завоевание засушливых земель Австралии верблюдами было большим успехом, но, увы, недолговечным. Здесь произошло примерно то же, что в Африке с приручением слонов. Приручение африканских слонов, столетиями считавшееся невозможным и затем блестяще организованное в Конго на станции по дрессировке слонов «Гангала на Бодио», в корне могло бы изменить на материке положение с транспортом. Однако вскоре автомобиль вытеснил слонов в Африке и верблюдов в Австралии (в качестве верхового, вьючного и тяглового скота). Но в самых отдаленных и труднодоступных районах Австралии и сейчас еще нередко используют верблюдов, еще и сегодня в степи тут и там можно увидеть их одичавших потомков.

Следовательно, новая часть света—Австралия—была исследована не только благодаря мужеству и упорству отважных путешественников, но и выносливости дромадеров. Только благодаря тем и другим она пройдена вдоль и поперек, в ней найдены полезные ископаемые, и она покрыта сетью телеграфных и железнодорожных линий. И хотя дромадеры сейчас уже мало кого интересуют в Австралии, справедливости ради им следовало бы тоже воздвигнуть памятник в Аделаиде.

Глава десятая

„Эй ты, динго!“ — излюбленное ругательство австралийцев

Как я фотографировал динго.
◆
Три с половиной миллиона марок за собачьи скальпы.
◆
Разорванный собственными братьями.
◆
Лаять совсем не обязательно.
◆
Отнимать щенят у динго не рекомендуется.
◆
«Дингоупорный» забор.

Дикого, живущего на свободе динго (Canis dingo) мне довелось увидеть только один раз в жизни. В зоопарке мне частенько приходилось иметь с ними дело; там я неоднократно занимался их разведением. Единственный раз я встретил дикого динго в 200 километрах юго-восточнее порта Дарвин, на необитаемом севере Австралии, в самой глухой местности. Я сидел на железном сиденье от молотилки, искусно привинченном спереди к радиатору японского вездехода. Чтобы не свалиться под колеса во время быстрой езды, я крепко привязал себя к сиденью широким ремнем. В таком положении очень удобно снимать фильмы и фотографировать — разумеется, при условии, чтобы за рулем сидел опытный водитель, привыкший на бешеной скорости мчаться по бездорожью и в то же время достаточно осторожный, чтобы не въехать при этом в колючий кустарник, где недолго разодрать себе в кровь лицо или выколоть глаз. Словом, водитель должен быть первоклассным. Тогда можно преследовать и кенгуру, и буйволов, и одичавших домашних свиней (кстати, штат Квинсленд в течение двенадцати месяцев в 1961—1962 годах платил денежные вознаграждения за отстрел одичавших свиней, и убито их было тогда 53 918 штук!).

Сидя перед радиатором, можно снимать даже табуны одичавших лошадей. Главное, обе руки при этом остаются свободными.

Безлюдная местность вокруг казалась мне очень «африканской» — засушливой и пыльной. Я нисколько бы не удивился, если бы вон под той купой деревьев увидел слонов, мирно обмахивающих себя ушами, или стадо антилоп импала, огромными прыжками удирающее от машины. Однако таких внушительных животных на этом затерянном континенте никогда не водилось. А даже если бы мы, европейцы, во время открытия Австралии и обнаружили их здесь, то к концу столетия все равно наверняка бы истребили.

Но что это? Прямо посреди гладкой равнины от костей мертвого кенгуру метнулось в сторону какое-то невзрачное желтовато-серое животное. Ростом оно было не больше овчарки, с редкой и короткой шерстью.

«Это динго!»— закричал водитель машины, моментально затормозил и вынес мне свое ружье, уверенный, что я сейчас же примусь стрелять в ненавистного зверя. Он сел за руль и нажал на газ, стараясь догнать собаку, пока она не успела добежать до куртин деревьев и кустарника. Не так-то просто объяснить такому человеку, что я и не собираюсь стрелять, что мне надо только сфотографировать дикую собаку. Вскоре мы догнали и даже перегнали ее, что было не так уж сложно, поскольку она бежала, судя по спидометру, со скоростью, не превышающей 50 километров в час. Каждый раз, как только мы начинали «наступать ей на пятки» или старались обогнать сбоку (чтобы получился удачный кадр), она сейчас же резко сворачивала в сторону, и мне удавалось снять ее лишь сзади. Это обычный прием у животных, когда их начинают преследовать на машине. Они очень быстро соображают, что, если бежать по кругу, машине гораздо трудней их догнать, так как она не способна проделывать такие резкие виражи. Поэтому-то часто в кадр попадают одни зады и хвосты. Чтобы снять бегущее животное, и притом с фланга, необходимы одновременно две машины, которые ехали бы параллельно. Кроме того, в этом деле должен участвовать хоть один разумный человек, не забывающий о том, что живое сердце может отказать скорее, чем автомобильный мотор...

И все-таки мне удалось сфотографировать дикого динго на воле. Я не хочу утверждать, что это первый или единственный снимок австралийской дикой собаки, живущей на воле. Просто я ни разу еще ни в одной книге об австралийской фауне не видел такой фотографии. Все известные мне снимки диких собак динго сделаны в зоопарках или в вольерах.

Динго уже давно беспощадно истребляют. Штат Южная Австралия и вся Северная Территория выплачивают премии за убитых динго уже с 1913 года, а штат Западная Австралия — с 1924 года. До 1935 года здесь было выплачено три с половиной миллиона марок за 510500 убитых динго. Западная Австралия еще в 1964 году выплатила премии за 5417 отстрелянных диких собак, а Южная Австралия — за 3216. Основной же ущерб хозяйству динго наносили не в этих штатах, а в Квинсленде и в Новом Южном Уэльсе, где наиболее развито овцеводство. Там диким собакам доставалось еще больше. Так, за двенадцать месяцев 1961/62 года в Квинсленде было выплачено вознаграждение за 30084 убитых динго. Некоторые охотники за один сезон отстреливали до трех тысяч собак. Учитывая, что вознаграждение за каждый скальп составляло примерно от 10 до 15 марок, можно себе представить, что охотники сколачивали на этом деле неплохое состояние.

Как же в действительности сейчас обстоит дело с дикими собаками? Одни утверждают, что их скоро можно будет увидеть только в зоопарках, другие же уверены, что динго и сейчас еще в Авст-

ралии не менее 200 тысяч и их можно найти всего в 150 километрах севернее Сиднея, а если отъехать дальше, то там их якобы еще больше. В тех местах они будто бы до сих пор еще бесчинствуют на скотоводческих фермах, и борьба, которая ведется с ними уже в течение 160 лет, не приносит никаких результатов.

Но, возможно, такие суждения черпают из книг двадцатилетней давности.

О динго вот уже сто лет идут непрестанные споры. Кто они такие? Настоящие ли это дикие собаки, подобные волкам северного полушария, или они сродни красивым, смелым, пятнистым гиеновым собакам Африки? А может быть, это просто потомки одичавших домашних собак? Ясно одно: дикие собаки охотились по всей Австралии еще задолго до того, как на континенте появились первые европейцы. Динго были здесь единственными представителями «усовершенствованных» млекопитающих, все же остальные четвероногие австралийцы вынашивали свое потомство в брюшной сумке. Возможно, что именно эти «усовершенствованные», значительно более «интеллигентные» хищники после недолгой борьбы вытеснили на континенте «устаревшую» форму — сумчатых волков. Та же участь постигла, видимо, и сумчатого дьявола — животное ростом с лисицу. Но сумчатые волки и сумчатые дьяволы исчезли, по-видимому, не потому, что их истребили дикие собаки динго, просто более сильный и ловкий хищник постепенно уничтожил всю привычную добычу этих животных и занял их охотничьи участки, лишив всех необходимых условий для жизни. Во всяком случае, когда европейцы пришли в Австралию и побывали на окружающих островах, они застали сумчатых волков и сумчатых дьяволов только на острове Тасмания, где динго никогда не водились и не водятся по сей день.

По строению зубов и костей динго невозможно отличить от обычных домашних собак; нет и каких-либо других морфологических признаков, отличающих этих животных от собак. Динго появились на Пятом континенте вместе с человеком, что произошло в сравнительно недавнее для истории Земли время — несколько тысячелетий назад. По-видимому, динго — одичавшее домашнее животное, точно так же как и мустанги, эти дикие лошади американских прерий, или как дикие буйволы Северной Австралии.

Много лет назад, когда я только начинал свою деятельность в зоопарке, мне говорили, что чистокровный динго всегда должен иметь красноватый оттенок шерсти и что дикие собаки с белыми лапами, белым кончиком хвоста и такими же пятнами на шее считаются гибридными и их брать не нужно. Но позже я выяснил, что это неверно. Есть чистокровные дикие собаки с пятнистой, темно-коричневой и даже черной шерстью. Бегают по степи и такие, у которых не стоят уши или хвост загнут кверху больше положенного.

Может быть, австралийские фермеры давно бы уже окончательно уничтожили динго, если бы другие люди, сами того не зная, не пришли им на помощь. Именно с а м и т о г о н е з н а я, потому

что не ради удовольствия динго они ввезли сюда кроликов. Однако эти с неимоверной быстротой размножившиеся грызуны значительно облегчили существование диких собак. Истребляя кроликов, динго даже начали приносить некоторую пользу. Кстати, кролики значительно пополнили и меню клинохвостых орлов и спасли их тем самым от уничтожения. Ведь этих ни в чем не повинных птиц необразованные фермеры жестоко преследовали за то, что они якобы убивают овец.

«Динго»—у белых австралийцев страшное ругательство. Аборигены же ничего не имеют против диких собак. Они даже охотно отлавливают их щенят и воспитывают у себя дома. Оказывается, эти «дикари» очень быстро приручаются и становятся верными четвероногими друзьями человека. Правда, лаять динго не умеют, они могут только рычать, выть и скулить. Но ведь и не все домашние собаки способны лаять: так, во многих областях Африки собаки местных жителей тоже не умеют лаять, поэтому во время охоты за дичью им подвязывают на шею деревянные колокольчики.

Тот, кому в Европе представлялся случай взять домой из зоопарка щенка динго, всегда убеждался в том, что из него вырастала хорошая, верная, преданная собака, ничем не отличающаяся от других домашних собак. Так, психолог животных профессор Бастиан Шмид воспитывал у себя кобеля динго, который свободно бегал по его дому и саду.

Но бывают и такие случаи. Зверолову Джозефу Дельмонту один зверторговец подарил собаку динго, которая до этого уже три года прожила у него в доме. В свое время он застрелил самку динго, а трех еще слепых щенят забрал себе. Двух он раздарил, а одного выкормил из рожка. Щенок этот никогда в жизни не видел своих диких сородичей. Попав к Дельмонту, он быстро к нему привязался и был очень ласковым. Полгода спустя он захватил собаку с собой в поездку на север, где проводилась ловля кенгуру. Однажды ночью его разбудил пронзительный вой диких собак динго. Он вскочил с постели и привязал свою собаку. Вот как описывает сам Дельмонт все, что произошло после этого:

«Животное стояло, тяжело и часто дыша, глаза его сверкали и даже цвет их изменился. Вдруг что-то похожее на плач вырвалось из его груди. С этой минуты моего динго словно подменили. Он больше не играл, мало и неохотно ел, а меня словно и не признавал. Когда в одну из последующих ночей вблизи вновь послышалось знакомое завывание, я решил отпустить своего пса познакомиться с сородичами. Огромными скачками он исчез в темноте. Я поспешил за ним следом, но вскоре потерял его из виду.

Утром мы нашли его ошейник, валявшийся в луже крови среди обрывков шерсти и кожи. Он заплатил смертью за свою тоску по братьям и сестрам — они его разорвали и съели».

Из-за ненависти к собаке динго, которую испытывают к ней ее земляки-люди, мы до сих пор мало что знаем о жизни этого интересного животного на воле.

Самцы динго определенно имеют свои охотничьи участки, кото-

рые они подобно волкам и другим собакоподобным «метят» своей мочой. Там, где их не преследуют, они вовсе не всегда ведут ночной образ жизни, охотясь и днем. Основная их добыча — кенгуру. Затравленный собаками кенгуру становится спиной к дереву, опираясь на свой мощный хвост, и хватает подбежавшего динго «руками» за голову, а задними когтистыми ногами с силой пинает в живот. В других случаях кенгуру, как уже рассказывалось выше, бегут к воде, забираются туда по пояс и подплывающих динго хватают поодиночке и топят. Такую героическую оборону кенгуру против нападающих на него собак (правда, домашних) нам удалось заснять на кинопленку.

Считают, что динго совершают в Австралии регулярные миграции: зимой к восточному побережью, а летом назад на запад, притом всегда по одним и тем же издревле установившимся проторенным путям. Истребить их окончательно будет, видимо, непросто. Ведь Австралия занимает территорию, примерно равную Соединенным Штатам, но имеет при этом только десять миллионов жителей, из которых половина к тому же живет в больших городах, а большинство остальных размещается в прибрежной стокилометровой полосе. Поэтому немудрено, что динго и сейчас еще, судя по сообщениям в печати, ежегодно истребляют тысячи овец...

Там, где на каждые 4—12 гектаров в среднем приходится по одной овце (как в отдельных районах Квинсленда и на севере Южной и Западной Австралии) и где отдельные угодья размером с целую американскую провинцию охраняются всего лишь полдюжиной людей, борьба с динго довольно затрудительна. Правда, в Квинсленде, где правительство продолжает выплачивать премии за убитых динго, сейчас воздвигли «противодинговый» забор длиной 4800 километров и высотой 1,8 метра.

Разводить диких собак динго в условиях зоопарка не особенно трудно. Но администрация в этом обычно не очень заинтересована, так как динго похожи на простых домашних собак и посетители часто думают, что из-за неимения настоящих диких животных в клетки посадили обычных собак.

После девятинедельной беременности самки динго приносят от четырех до пяти щенят, которых в течение двух месяцев выкармливают молоком. Молодняк сопровождает родителей на охоте не меньше года, а иногда и несколько лет, так же как это бывает у волков и гиеновых собак.

Даже самые большие ненавистники собак динго сходятся в одном: как бы голодны и кровожадны не были эти звери, на людей они **никогда** не нападают. Только однажды в 1941 году в мельбурнском «Герольде» промелькнуло сообщение о неприятном случае с одним фермером. Этот человек нарочно отравил ядом мясо павшей коровы, чтобы избавиться от досаждавшей ему стаи динго. Когда он на лошади подъехал к приманке, она была уже частично съедена, а вокруг нее сидели шесть взрослых динго и десять молодых. Ни у одного из них не проявлялось признаков отравления. Фермер въехал в самую середину стаи, намереваясь схватить одно-

го из щенков, но тогда остальные собаки тут же бросились на него. К счастью, пришпорив лошадь, ему удалось удрать.

Что касается меня, то я думаю, что и свора домашних собак повела бы себя не иначе, если бы кто-то вздумал подойти к их еде и схватить при этом одного из щенков.

Сведения о возрасте, до которого доживают дикие собаки, поступали только из зоопарков. Дольше всех прожил динго в Вашингтонском зоопарке — 14 лет и 9 месяцев.

Глава одиннадцатая

Половина кроличьего потомства никогда не появляется на свет

Маленький симпатичный длинноухий вредитель.
◆
Капканы для кроликов увеличили число кроликов.
◆
Кто за них и кто против?
◆
«Короли», «королевы» и «матери-одиночки».
◆
Ошибка сэра Чарлза Мартина и удача доктора Делиля.
◆
Страшный «кроличий мор» и... блохи.

Рассказывая о животных Австралии, нельзя не упомянуть об одном из них, которое, хотя и не относится к настоящим «австралийцам», тем не менее занимает немаловажное место в фауне Пятого континента. Животное это — кролик (Oryctolagus cuniculus). Долгое время кролики были наиболее многочисленными из всех встречающихся в Австралии небольших животных (ростом, превышающим крысу). Численность «кроличьего народа», насчитывающего примерно 750 миллионов голов, в 75 раз превышала людское население континента.

Люди тратили много миллионов на борьбу с проклятыми вредителями: они возводили заборы, протяженностью в тысячи километров и перегораживающие почти весь континент, они истребляли кроликов сотнями миллионов, однако все было напрасно. «Длинноухие» процветали. Если учесть, что десять кроликов поглощают столько же корма, сколько одна овца, то не удивительно, что число ценных носителей шерсти в западной части Нового Южного Уэльса упало с 15 миллионов голов (насчитывавшихся в 1891 году) до 7300 тысяч в 1911 году.

Если мы захотим поближе познакомиться с этими маленькими славными длинноухими животными, которые в течение девяноста лет играли не последнюю роль в судьбе Австралии, да и сейчас не

собираются от этого отказываться, иам надо прежде всего обратить свой взор иа Европу. Ведь кролик, между прочнм, европеец. Но страниое дело — здесь, у себя дома, кроликн никогда не становились бедствием и иа нашем контнненте распростраияллсь очень умереиио.

Между периодамн оледеиення дние кроликн жилн у нас повсюду, но в более поздиие времена онн сумелн удержаться лншь в западной части Средиземноморья: в Испаннн (получнвшей, кстати, свое иазвание от финнкийского слова, обозиачающего «кролнк»), на островах Мальорке, Менорке и еще на нескольких малеиьких островках, а также в странах, расположеиных на крайнем северозападе Африкн. Во все остальные места на земном шаре, где онн сейчас обнтают, нх завезли уже люди,

В начале средневековья в Германнн н Англни не было нн домашиих, ни дикнх кролнков. Первых четырех кролнков в 1149 году получил аббат зиамеинтого бенедиктинского монастыря «Корвейна-Везере» в подарок от аббата фраицузского монастыря Святого Петра в Солиньяке. А вот известный естествонспытатель XIII столетия домнннканский монах Альбертус Магиус так до самой смертн и не смог увндеть живого кролика.

Еще в начале XIV века за одиого такого «домашнего зайца» платнлн столько же, сколько за поросенка. В Англию и расположеиные блнз иее островкн длиноухне попали прнмерно в то же время, что н в Германию. В 1235 году впервые появляется сообщение о том, что англнйский король подарнл для разведення в страие десять кролнков из своего парка «Гнлдфорд», находящегося в Суррее. Но уже в 1257 году от депутатов нз Данстера и Сомерсета стали поступать жалобы иа вред, наносимый этнми новымн животиымн.

Днкие кролики европейских страи происходят в основном от одичавших домашннх кролнков, а ие от завезеиных дикнх.

Лучше всего онн размножаются там, где ие очень холодная знма и не слншком жаркое лето, например иа островах возле Калнфорнин, на Новой Зеланднн, в Аиглни, Австралии. Еслн нх там не тревожнть, онн быстро могут размножиться (до 25—37 взрослых особей на каждый гектар). Правда, бывают случаи, когда весь этот многочисленный народ внезапно резко сокращает свою числениость.

Есть места, где с искусствеиным разведеиием кролнков ничего ие получается. Так, в 1951 году в Нью-Джерси (Соедниеиные Штаты) выпустнли для предстоящей охоты 20 тысяч кроликов стонмостью прнмерио 27 тысяч долларов. Когда же началась охота, их оказалось уже ие больше 1600, так что каждый убитый кролик обошелся в 17 долларов! Аиалогичным образом происходнло дело в Огайо, Пеиснльвании н в штате Нью-Йорк.

В Швейцарин кролнки водятся только в трех местах: иа острове Петра посредн озера Бнлер, в Нижнем Валлнсе (блнз Зиттена) и под Базелем, где чнсло нх постоянно пополняется за счет того, что сюда проникают кролики из Эльзаса, где их очень миого.

Но выше 400 метров над уровнем моря эти длинноухие в Средней Европе жить не хотят, не проникают они и на восток дальше Южной Польши, Украины (СССР), Венгрии и островов Греции.

В настоящий бич для сельского хозяйства кролики превратились только в Англии, Австралии, на Новой Зеландии и Тасмании. В Англии они начали досаждать фермерам с середины прошлого столетия, с момента изобретения страшных капканов-гильотин. Попав ночью в эти орудия пытки, кролики часто висят в них до самого утра, громко крича от боли, пока хозяин поля удосужится, наконец, сделать утренний обход своих владений и добить несчастных. Однако в 10—15 процентах случаев в эти капканы попадаются совсем не кролики, а лисы, барсуки, куницы, кошки, собаки и хищные птицы. Таким образом, вместе с кроликами истребляются их естественные враги. Поэтому, с тех пор как в Англии получили распространение эти капканы, число крыс и диких кроликов неимоверно разрослось. Многие крестьяне так хорошо зарабатывали на продаже кроличьих тушек (спрос на которые в последнее время сильно увеличился), что вовсе не были заинтересованы в сокращении численности этих грызунов. Получалось так, что одни жаловались на диких кроликов, других же они вполне устраивали.

Но когда кролики начали соперничать с коровами и овцами за последние стебельки зеленых растений на лугах, как это было в отдельных районах Англии и Австралии, ученые наконец решили вплотную заняться маленькими длинноухими злоумышленниками. До тех пор о них было известно до смешного мало, несмотря на то что они вот уже две тысячи лет хозяйничают вокруг нас на лугах и полях и давно живут в наших крольчатниках. Однако тот, кто задался целью какому-нибудь виду животных помочь, а другой — истребить, сначала должен их досконально изучить, а потом уже приниматься за дело.

Но вот как изыскать способ наблюдать за кроликами в их естественных условиях? Ведь они с самого утра до позднего вечера спят в глубоких камерах своих нор, а их «наземная жизнь» начинается только ночью.

Исследователям, изучающим кроликов в Англии и Австралии, пришлось построить специальные загоны, хорошо просматривающиеся по ночам с угловых башен, где были установлены прожекторы (на которые кролики, как выяснилось, мало обращают внимания); иногда площадки освещались инфракрасными лучами. А с помощью специально устроенных нор с одной стеклянной стенкой ученым удалось проследить, чем их подопечные занимаются под землей. Обо всем, что английским и австралийским исследователям удалось таким способом разузнать о кроликах, двое из них рассказали в весьма интересных книгах (A. V. T h o m p s on. The Rabbit. London, 1956; K. M. L o c k l e y. The Private Life of Rabbit. London, 1964). Кроме того, теперь каждые два месяца появляются новые научные сообщения об опытах на диких кроликах.

Выяснилось вот что. В огороженной «кроличьей стране» поначалу все протекает так же, как в естественных поселениях этих

животных, где достаточно места и корма. Из числа кроликов, запущенных в загон, очень скоро после нескольких жарких схваток между самцами выделяется сильнейший, который и становится «королем». Он «женится» на одной из крольчих и вместе с нею занимает ту часть загона, где растет наиболее обильный корм. На эту территорию другим кроликам, и в первую очередь самцам, заходить категорически запрещается. Неосторожных нарушителей злобно хватают за шиворот и немедленно выдворяют. «Король» же имеет право зайти на любой участок, занимаемый семейством того или иного его подданного.

Если выловить «короля», то между остальными самцами сейчас же начнутся бешеные драки, пока кто-нибудь из них не выбьется в новые «короли». Если после этого снова подсадить к ним старого «короля», то ему далеко не всегда удается занять свое прежнее положение. Частенько он даже скатывается до «низов общества». Некоторые слабые и трусливые самцы так и не могут в течение всей жизни заполучить собственное владение и жену и поэтому вынуждены жаться по углам загона. Спят эти неудачники, как правило, прямо на земле.

«Дом» строит крольчиха, причем совершенно самостоятельно. Ее супруг разве что ковырнет лапой там и сям. Но зато потом, когда все готово, оба забираются в самую глубокую камеру норы и мирно спят рядком весь день до самого вечера. Крольчата всегда спят вместе с родителями.

Кролики весьма чистоплотны: они никогда не мочатся в своем помещении. К тому же они то и дело чистятся лапами и подобно кошкам вылизывают свою шерстку. Не найдете вы в кроличьей норе и испражнений. Тем не менее это не означает, что они там не испражняются. Вот здесь-то и кроется один из «кроличьих секретов». Куда же исчезают испражнения? Оказывается, они... съедаются. Длинноухий грызун за сутки выделяет в среднем 360 шариков кала, весящих в общей сложности около четверти фунта, т. е. 115 граммов. «Вырабатывается» два совершенно разных сорта таких шариков. Одни из них — твердые, состоящие из частиц сена и соломы,— выделяются во время пастьбы прямо на поверхность земли. А через семь-восемь часов, когда кролик уже отдыхает у себя в норе, у него начинают выделяться шарики более мелкие и мягкие, покрытые защитной пленкой. За время дневного отдыха кролик очень часто (от 10 до 40 раз) резким движением сует голову под хвост и хватает зубами такой шарик в момент его выделения из заднего прохода. Это происходит с такой молниеносной быстротой, что долгое время оставалось исследователями незамеченным. Иногда подобные манипуляции кролики проделывают и во время пастьбы, так что возможно, что мягкие «облатки» выделяются и тогда. На первый взгляд кажется, будто животные их разжевывают, однако на самом деле они их проглатывают целиком. Выяснилось это, когда обследовали только что зарезанных кроликов: в их кишечнике находили комья уже готовых мелких, темных, покрытых пленкой совершенно неповрежденных шариков.

М.Гриффитс и Д. Дэвис в 1963 году очень внимательно рассмотрели эти шарики под микроскопом. В них оказалось много бактерий. Эти ните- и плетевидные бактерии и кокки составляют 56 процентов общего веса высушенных кишечных шариков, 14 процентов занимает непереваренная клетчатка съеденных растений; кроме того, в шариках найдены также яйца гельминтов. Такая «облатка», не считая защитной оболочки, состоит на одну четверть из чистого белка. В желудке они остаются в течение шести часов, способствуя перевариванию свежесъеденной растительной клетчатки и усвоению углеводов. Бактерии из растворившихся «облаток» не только помогают дальнейшему усвоению новой порции пищи, но и сами поставляют необходимые для организма белковые питательные вещества. Словом, у кроликов по сути дела весь пищеварительный процесс происходит примерно так, как у овец, коров и других жвачных животных (которые отрыгивают и вновь пережевывают уже проглоченную пищу), только несколько иным манером.

Когда кролик хочет произвести впечатление на крольчиху, он начинает расхаживать перед ней на негнущихся ногах, то и дело поворачиваясь к ней задом, поднимая хвост и демонстрируя его белую изнанку. Хвост этот, видимо, кроличья гордость, именно его он прежде всего старается показать с выгодной позиции. В заключение «ухажер» опрыскивает свою «даму» мочой, иногда даже с метрового расстояния или перепрыгивая через нее. Опрыскиваются мочой и соперники.

Но вот принадлежащую им территорию кролики не метят мочой или калом, как это делают волки, собаки и многие другие животные. Кролики для этой цели используют другие «духи», содержащиеся в особой железе (как у куниц, барсуков, скунсов и мангуст). Под подбородком у кроликов-самцов расположены полукругом большие поры, выделяющие специальное пахучее вещество. Почесываясь подбородком о различные предметы вокруг, кролик метит свой охотничий участок. Шерсть на этом месте подбородка обычно всклокочена и имеет желтоватый оттенок, а у старых самцов она стерта почти до основания. Кролик-самец уже с трехмесячного возраста начинает оставлять подобным способом свои «визитные карточки». У крольчих поры на подбородке значительно мельче, и шерсть там всегда остается гладкой: им совершенно ни к чему выдавать каким-нибудь резким запахом местонахождение своих запрятанных крольчат.

Людям, даже длительное время наблюдавшим за кроликами, почему-то никогда не удавалось заметить у них спаривания. Уже предположили было, что кролики спариваются только под землей, но вскоре один исследователь на Тасмании все-таки сумел зафиксировать этот процесс. Крольчихи становятся притягательными для самцов через каждые семь дней.

Жизнь супружеских пар у кроликов складывается примерно так же, как у людей. Если по соседству избыток «незанятых» крольчих, крольчиха-супруга разрешает иногда своему супругу

за ними поухаживать, даже погоняться за ними и спариться. Но ни в коем случае такая побочная жена не имеет права въехать к ним в дом: этого «законная» никогда не допустит. И той приходится на ролях матери-одиночки самой рыть себе по соседству жилище. Самец же никогда не допустит, чтобы какой-нибудь соперник начал посягать на его законную супругу или даже на побочных жен, живущих на принадлежащей ему территории, и, чего доброго, с ними спариваться. Тут уж он любыми средствами постарается этому помешать, в бешенстве наскакивая на дерзкого пришельца. В таких случаях шерсть летит клочьями, и соперники бывают изрядно покусаны.

Однако в Австралии во время засушливого сезона, а в Европе примерно в конце лета кролики становятся очень мирными. Они линяют и теряют всякий интерес к крольчихам. В это время они, по-видимому, не способны к размножению. Семенные железы становятся дряблыми и обычно втянуты в живот. Самки же, кажется, остаются плодовитыми круглый год. В такой период кролики живут мирно и тихо. Самцы пасутся рядом на лужайке, низшие члены сообщества смешиваются с представителями королевского семейства и преспокойно спят с ними в одной норе. Таким образом, завязываются новые знакомства за пределами своего владения, которые потом, когда вновь наступает период размножения, легко переходят в брачные или любовные отношения. При этом снижается опасность близкородственного скрещивания в королевском семействе. У прирученных, хорошо откормленных животных период размножения не прекращается на протяжении всего года.

Дикие кролики могут регулировать численность своей популяции, причем самым удивительным образом. Частично это вызывается жестокой борьбой за существование, обусловленной, например, климатическими условиями. Так, на английском острове Скокхолме после засушливого лета 1959 года из 10 тысяч обитавших здесь диких кроликов только 150 пережили следующую зиму.

Недавно выяснилась совершенно ошеломляющая вещь: оказывается, часть кроличьего потомства никогда не покидает материнской утробы! Обычно крольчата появляются на свет через 28—30 дней, но при неблагоприятных обстоятельствах зародыши на двенадцатый или двадцатый день могут снова раствориться в матке, и организм самки всасывает в себя назад все питательные вещества, израсходованные на эмбриона. На эту процедуру уходит от двух до трех дней; затем в молочные железы поступает молоко, а самка снова спаривается — словом, все происходит так, будто она уже родила.

Мэкильвейну, работавшему в 1962 году в Новой Зеландии, удалось установить, что у местных крольчих более 50 процентов беременностей кончается именно таким образом. Материнский организм при растворении зародышей теряет значительно меньше питательных веществ, чем при выкидышах, которые у кроликов случаются крайне редко. Чем больше кроликам приходится тесниться в заго-

не или на воле и чем хуже в связи с этим у них становится с питанием, тем больше число кроличьих детей, которым никогда не суждено увидеть белого света. По всей вероятности, здесь немалую роль играет чрезмерное нервное напряжение беременной самки: чем ближе приходится кроликам селиться, тем чаще и ожесточеннее возникают между ними драки. «Частные владения» дробятся на более мелкие и становятся все беднее кормом.

У молодых самок зародыши рассасываются чаще, чем у старых. Удалось выявить, что «королевы», то есть старшие по рангу крольчихи, за год приносят потомство 6, 7 раз, крольчихи ниже рангом —6, а еще ниже —5 раз. «Королевы» при этом выращивают 56 процентов своих новорожденных, а низшие по рангу — только 31 процент. Число крольчат в помете увеличивается в течение года в среднем с четырех до шести.

При благоприятных климатических условиях крольчиха может принести в год свыше 30 крольчат. А поскольку дочери из первого помета в том же году могут сами дать от одного до двух приплодов, то дети и внуки одной крольчихи к концу периода размножения могут составить более 40 голов! В Новой Зеландии, судя по некоторым сообщениям, их бывает даже больше шестидесяти.

Если самка принесла свое потомство глубоко в норе, то каждый раз, выходя наружу, она старательно засыпает вход землей и самым тщательным образом его утрамбовывает.

Новорожденный крольчонок весит от 40 до 45 граммов, но уже спустя неделю удваивает свой вес. Примерно с восьмого дня он начинает слышать и к этому же времени покрывается шерстью. Глаза у него открываются к десятому дню. Самка на второй же день после родов снова спаривается и через четыре недели покидает своих детей, чтобы родить новых. Для этого она в той же норе роет новую камеру.

Расцвета в своем развитии кролик достигает, по-видимому, к двадцати месяцам. В это же время он и больше всего весит. Считается, что дикие кролики доживают до восьми-девятилетнего возраста. Однако у графа Б. Бассевица такой прирученный кролик прожил в доме 12 лет. Этот кролик быстро научился пользоваться ящиком с песком и никогда в комнате не гадил. Он очень подружился с шотландским терьером, с которым вместе вырос, и прекрасно отличал своих от чужих. Как только в доме появлялись гости, он мгновенно исчезал между пружинами дивана, где устроил себе «нору». За три дня до смерти он был еще вполне бодрым, только шерсть у него несколько потускнела. В самый же последний день кролик вдруг перестал есть и уже не мог скакать по комнате: ему отказали ноги. За пять минут до смерти он последним усилием вложил голову в руку своей хозяйки, госпожи Бассевиц, но лизнуть эту руку, как он это обычно делал, уже не смог...

Перенаселение, всегда сопровождающееся нервным перенапряжением, приводит не только к учащению случаев рассасывания зародышей, но и к гибели отдельных взрослых особей... В

1958 году был проделан такой опыт. В загон, где уже обитало шесть крыс, подсадили еще 24. Эти «новички» стали постоянно подвергаться нападениям со стороны «старожилов». Вскоре почти все «новоселы» погибли, причем большинство из них — в первые же семь дней. При этом у них не было серьезных ранений, смерть наступила по другой причине — отказало сердце.

Патолог профессор Айкхов поймал как-то в сеть пятерых кроликов, в безумном страхе выскочивших из норы, спасаясь от запущенного туда черного хорька. Они были охвачены таким ужасом от встречи со своим смертельным врагом, что лежали в сетке словно парализованные с неподвижно вытаращенными глазами. После, уже в неволе, они, казалось, успокоились, начали есть и скакать по вольере, но окончательно они так никогда и не оправились от испуга, а, наоборот, тощали с каждым днем и вскоре скончались от базедовой болезни. А вот искусственным путем ни одному исследователю до этого не удавалось вызвать эту распространенную среди людей болезнь у какого-либо животного.

У завезенных в Австралию европейских диких кроликов появляются совсем другие обычаи, чем в Европе. Зоолог Георг Нитхаммер в 1936 году отловил в Саксонии 63 кролика, пометил их и снова отпустил. Через год шестнадцать из помеченных кроликов было отстреляно, причем обнаружили, что они обитали не дальше чем в 100 метрах от места их предыдущей поимки. Когда отловленных кроликов относили на 600 метров от места их обитания, они непременно возвращались назад, к своему «дому».

В Австралии же кролики ведут себя иначе. В 1859 году в районе Джилонга в штате Виктория высадили английских кроликов. Ежегодно они стали распространяться на 100 километров к северу и к западу, и через три года это уже было настоящим бедствием. Плодовитость их нисколько не уменьшалась, и вплоть до 1950 года они все больше завоевывали новый континент. Может быть, их победное шествие закончилось бы уже несколько раньше, если бы на первой партии «новоселов»... не вымерли все блохи (по-видимому, это произошло за время долгого морского путешествия на парусной шхуне). Но до этого додумались только значительно позднее. Об этом я расскажу несколько дальше.

Среди кроликов Южной Америки распространена болезнь, которая в местных условиях протекает в довольно легкой форме и почти никогда не приводит к смертельному исходу. Возбудитель этой болезни относится к группе вирусов, в которую входят и возбудители человеческой оспы, коровьей оспы и оспяного дифтерита у кур. Болезнь эта впервые была обнаружена и описана в 1897 году, когда ею заразились европейские домашние кролики, содержавшиеся при больнице в Монтевидео. Протекала она у них в очень тяжелой форме. Через полстолетия название этой болезни стало известно почти всему миру: это был кроличий миксоматоз. Только после пятнадцатилетних поисков в 1942 году исследователю Арагао

удалось выявить ее возбудителя и установить, что от одного кролика к другому он передается через москитов и других летающих кровососущих насекомых.

В Калифорнии, где эта эпизотия «у себя дома», болезнь тоже протекает в весьма легкой форме. Умирают от нее только кролики, ввезенные туда из Европы.

Зная это, английский ученый Чарлз Мартин из Кембриджа в 1936/37 году, а затем в 1938 году попробовал истребить 10 тысяч кроликов, населявших остров Скокхолм, заражая их этой болезнью. Сначала он искусственно заразил 83 кролика, а через год — еще 55. Но болезнь не желала распространяться, даже когда он заразил ею семь кроликов из числа живущих в очень тесном загоне. Причину такой неудачи сэр Чарлз узнал лишь двадцать лет спустя, накануне своей смерти.

Да и австралийским исследователям и истребителям кроликов поначалу везло не больше. Они пробовали заносить миксоматоз в засушливые районы, но там болезнь никак не хотела распространяться. Только в 1950 году они случайно проделали свои опыты во влажной местности близ реки, и... неожиданный результат: смерть пошла косить налево и направо несчастных длинноухих. По-видимому, в том районе водились определенного вида комары, служащие переносчиком инфекции. У бедных кроликов страшно распухали головы, они слепли и глохли и в таком ужасном виде метались по улицам и полям, ища спасения. Зрелище было настолько страшным, что кролики нашли себе много сочувствующих. Но справедливости ради надо сказать, что их страдания, возможно, были не такими уж невыносимыми, поскольку они продолжали есть даже за несколько часов до смерти.

В последующие три года миксоматоз искусственно ввозили в самые различные районы Австралии. Но особый успех эта «бактериологическая война» имела лишь в тех местах, где жили одновременно и кролики и комары, следовательно, прежде всего в юго-восточных штатах. В засушливых же районах ничего не получалось. Тем не менее считают, что ввоз миксоматоза сохранил сельскому хозяйству Австралии полмиллиарда марок.

Победное шествие ввезенной в Австралию «импортной» смерти не давало покоя энтомологу и исследователю туберкулеза доктору Арману Делилю, живущему во Франции в замке Майбуа в предместье Дрё, недалеко от Парижа. Его средневековый с угловыми башнями замок расположен в обширном парке, занимающем 250 гектаров и обнесенном со всех сторон высокой каменной стеной. Тысячи диких кроликов, обитающих в этом парке, бесчинствовали у него на огородах и подгрызали молодые посадки деревьев. Поэтому доктор А. Делиль раздобыл у своего коллеги из швейцарского бактериологического института в Лозанне возбудителей миксоматоза, велел обтянуть проволочной сеткой все выходы из своего владения и заразил этой болезнью двух пойманных в ловушку кроликов. Через шесть недель погибло уже 98 процентов диких кроликов. Однако при этом не пострадал ни один из

домашних кроликов, живущих в крольчатнике. Отсюда доктор Делиль сделал заключение, что болезнь эта разносится вовсе не комарами.

В октябре 1952 года кролики, погибшие от миксоматоза, были обнаружены уже в Рамбуйе, резиденции французского президента. По утверждению доктора Делиля, жители окрестных деревень, прослышавшие о его блестящей войне с кроликами, но не получившие у него возбудителя миксоматоза, попросту выкрали ночью из его парка несколько больных животных.

Поначалу Делиль хотел сохранить успех своего опыта в секрете, но это было уже невозможно. Болезнь распространилась по всей Франции и погубила, по подсчетам Пастеровского института в Париже, примерно 35 процентов домашних и 45 процентов диких кроликов. Узнав, что это очень радует работников сельского хозяйства, Делиль в 1953 году решился выступить с официальным сообщением о своих опытах. Но тут надо вспомнить о том, что во Франции, где истреблены уже почти все дикие животные, кролики — основная охотничья дичь. Главное охотничье управление доселе каждый год продавало охотничьи лицензии на сумму свыше одиннадцати миллионов марок. Но к 1956 году число владельцев охотничьих билетов сократилось с 1860 тысяч до 300 тысяч. В то время Франция ежегодно экспортировала от 6 тысяч до 8 тысяч тонн кроличьих тушек, 15 миллионов кроликов использовалось внутри страны. С кроликами была связана деятельность нескольких десятков тысяч людей. Поэтому Охотничье управление вместе с обществами кролиководов возбудили дело против Делиля, требуя взыскать с него неустойку.

Сначала доктору Делилю действительно присудили уплатить требуемое. Но затем в более высокой судебной инстанции его оправдали. Наказать его в те времена было вообще невозможно, поскольку тогда еще не существовало закона, карающего намеренный занос эпизоотий. Такой закон вышел только позже, в 1955 году. Академия сельского хозяйства даже наградила доктора Делиля золотой медалью. Тем не менее охотники и кролиководы до сих пор ведут с ним непримиримую борьбу.

Из Эльзаса «кроличья смерть» прошествовала по Германии, а оттуда — в остальные европейские страны.

В 1953 году болезнь каким-то образом перекочевала в Англию. И вот тогда исследователь кроликов К. М. Луклей, в поместье которого на острове Скокхолм сэр Чарлз Мартин когда-то проводил свои неудавшиеся опыты с миксоматозом, поехал в Суррей и Кент, чтобы осмотреть там первых погибших от этой болезни кроликов. Он заметил, что по ним ползало множество кроличьих блох (Spilopsyllus cuniculi). Когда кто-нибудь поднимал такого кролика, они переползали на его руки и одежду. Даже на кроликах, погибших неделю назад, блохи были еще живы. Они оставались живыми и в снег и в холод. Кролики, погибшие последними, были буквально засыпаны этими насекомыми: вероятно, блохи, стараясь спастись, перебирались с мертвых на живых. Даже в

мешках и сумках, в которые собирали дохлых кроликов, еще долго находили живых блох.

Луклею опытным путем удалось доказать, что именно эти блохи и есть переносчики инфекции миксоматоза. Над загоном с дикими кроликами, среди которых свирепствовал миксоматоз, он подвешивал на дереве клетку с домашними кроликами. И несмотря на то что кругом летали комары, кролики оставались здоровыми—блохи, по-видимому, не сумели найти к ним дорогу на дерево. Выяснилось также, что у кроликов с острова Скокхолм блох вообще не было, в то время как кролики, населявшие остров Скомер, находящийся всего в трех километрах от него, были очень блошливы. Вот почему, оказывается, в свое время не удались опыты у сэра Мартина!

Поскольку многие чувствительные люди не могли вынести вида несчастных, беспомощно блуждающих по окрестностям ослепших кроликов, союзы охраны животных стали рассылать по стране специальные отряды, которым было поручено пристреливать этих обреченных. В то же время Луклею удалось выяснить из разговоров с различными попутчиками, что многие фермеры предпринимают довольно дальние поездки, чтобы раздобыть себе больных кроликов из Суссекса или Кента и заразить ими кроликов на собственной ферме.

С помощью миксоматоза число диких кроликов в Англии сократилось до того уровня, которого оно достигало в начале XIX столетия. К тому же никто теперь не хотел покупать кроличьего мяса и есть его. Поэтому для крестьян-кролиководов не было больше смысла беречь кроликов и содействовать их размножению. Кроме того, с 1958 года в Англии запретили пользоваться капканами, так что и естественным врагам кроликов снова удалось размножиться.

Разумеется, австралийцы тоже не замедлили раздобыть себе кроличьих блох. В 1950 году они завезли их из Англии и начали искусственно разводить, чтобы распространить миксоматоз и в засушливых областях, где было мало подходящих переносчиков болезни. Правда, кенгуровая блоха (Echidrophaga myrmecobii) при случае переходит и на кроликов, среди которых может потом разнести инфекцию, но делает она это крайне редко и предпочитает все же кенгуру.

Вначале европейские блохи никак не хотели размножаться в австралийских исследовательских институтах. Но в 1960 году А. Р. Мид-Бригс сделал одно удивительнейшее открытие: оказывается, самки кроличьих блох откладывают яйца только после того, как напьются крови беременной крольчихи. В период засухи, когда самцы кроликов забывают о любви, а крольчихи перестают заниматься деторождением, число блох резко снижается.

В самое последнее время серьезно занялась изучением этих блох Мириам Ротшильд. И что же? Ей удалось выяснить, что блохи спариваются только на кроличьих детенышах. Спустя несколько часов после рождения крольчат блохи покидают свое обычное место пребывания, а именно уши крольчихи, из которых обычно сосут

кровь, и перебираются иа морду животиого. В то время как крольчиха облизывает своих иоворождеиных, блохи перепрыгивают иа иих и там спариваются. Сигиалом для подобных действий, по всей вероятиости, служит измеиеине гормоиальиой иасыщеииости крови у крольчихи. Ииъекция небольшого количества кортизола, сделаииая кролику, приводит к тому, что блохи, в особеиности самки, еще крепче впиваются в кожу хозяииа, а введение большей дозы того же стероида заставляет этих иасекомых покииуть кроличьи уши. По-видимому, в крови крольчихи через иесколько часов после родов иаступают определеииые гормоиальиые изменеиия, влияющие в свою очередь иа поведение блох.

Как только блохи попадают иа иоворождеиных крольчат, оии разбегаются по всему их тельцу и с жадиостью прииимаются сосать кровь. Спустя иесколько часов блохи приступают к спариваиию. Вещество, стимулирующее этот процесс, по-видимому, содержится в осиовиом в крови одиодиевиых кроликов, потому что, когда крольчата достигают семи-, восьмидиевиого возраста, ои прекращается.

Если крольчата появляются иа свет слабыми или мертвыми (что зимой случается довольио часто), блохи после родов ие покидают крольчихи-матери. Возможио, что в таких случаях гормоиальиые измеиеиия в крови ие достаточио сильио выражеиы для того, чтобы побудить блох сойти с иасижеиного места иа ушах крольчихи и приступить к размиожеиию.

Кто зиает, какие еще чудеса откроются при дальиейшем изучеиии таких, казалось бы, обычиых и иичем ие примечательиых животиых, как кролики!

Когда в 1950 году в Австралии, иакоиец, разразился «кроличий мор», ои уиичтожил 99,8 процеита всех заражеииых кроликов. Но уже в 1953 году иекоторые кролики стали выздоравливать после переиесеииого миксоматоза. Специалисты с самого иачала предсказывали, что эта болезиь вовсе ие иавсегда сможет победить иеиавистиых длиииоухих вредителей. И действительио, с каждым годом все больше кроликов ие заболевало миксоматозом, а заболевшие все чаще выздоравливали. Возбудители болезии со временем стаиовились все слабей, ио имеиио эти ослаблеииые штаммы распростраиялись гораздо скорей, чем иовые, более сильиые, которых выращивали в лабораториях. А кролики, переиесшие слабую форму заболевания, уже вырабатывали иммуиитет против более сильиой.

«Миксоматоз был случайиым попаданием в цель»,— говорят учеиые. Нет иикакой увереииости в том, что и в дальиейшем можно будет выращивать иовых возбудителей, способиых сиова вызвать поголовиый «кроличий мор». Поэтому сейчас всячески проповедуют, что иадо искать другие средства борьбы с кроликами. Так, иапример, иа Тасмаиии миксоматоза иикогда ие было, тем ие менее кролики там перестали иаиосить вред сельскому хозяйству. Этого добились, возводя заборы и отравляя кроликов ядовитыми веществами. Сельскому хозяйству это приносит иемалую выгоду: ведь

десять кроликов съедают столько же травы, сколько одна овца, но овца производит в 3 раза больше мяса, чем все эти кролики, вместе взятые.

Некоторые австралийские штаты наложили полный запрет на продажу кроличьего мяса, другие же и не помышляют о таком законе. Так что по сей день еще есть «кроличьи фермеры» — крестьяне, совершенно не заинтересованные в истреблении кроликов, а, наоборот, зарабатывающие деньги на продаже этих животных.

Как мало на самом деле истребил миксоматоз кроликов после памятного 1950 года, показывают следующие данные: за двенадцать месяцев 1955/56 года из Австралии было вывезено 23,4 миллиона кроличьих шкурок и около 7,1 миллиона их переработано в самой стране. 12 миллионов диких кроликов было отстреляно для экспорта в другие страны и 33,2 миллиона съедено внутри страны. Вместе это ежегодно составляет 45,2 миллиона кроликов стоимостью в 62 миллиона марок. Вначале это может показаться довольно значительной статьей дохода, но на самом деле такая сумма лишь небольшая «заплата» на обширной бреши, которую кролики ежегодно вносят в бюджет австралийского сельского хозяйства.

Глава двенадцатая

Зоопарк над портом

Образцово-показательный Таронга-парк в Сиднее.

◆

Жирафы на фоне океанских пароходов.

◆

Только в обмен на животных.

◆

Заслуги сэра Эдварда Халлстрома.

◆

Меняем двух белых кенгуру на саблезубого тигра.

Наверное, ни один зоопарк в мире не расположен столь живописно, как Таронга-парк в Сиднее—столице штата Новый Южный Уэльс.

Сидней, основанный в 1788 году, по европейским масштабам город молодой. Однако сейчас это уже самый крупный город Австралии, имеющий 2,5 миллиона жителей. Правда, в последнее время за пальму первенства с ним усиленно соревнуется Мельбурн, расположенный южнее и потому отличающийся более прохладным климатом.

По размеру территории, приходящейся на душу населения, Сидней превосходит любой крупный город мира. Незаселенность многих мест объясняется крайне невыгодным расположением города в холмистой, изрезанной бесконечными оврагами местности, в которую глубоко вклиниваются два больших залива — Ботани-Бей и Порт-Джексон. Просто удивительно, что такой крупный культурный центр

мог развиться в столь неблагоприятных географических условиях; едешь, едешь, уж, кажется, проехал целую страну, а, оказывается, все еще находишься в пределах граиии города Сидиея!

Уже в 1880 году здесь, в Мур-парке, открыли зоопарк, но вскоре отведениая под иего площадь оказалась иедостаточной. И вот 24 апреля 1912 года торжествеиио был открыт иовый зоологический сад — Таронга-парк, расположеииый в тогда еще девствеиной местиости, прямо против входа в Порт-Джексои. Заиимал ои виачале 17,2 гектара, но в связи со всякого рода достройками и усовершенствованиями вырос с тех пор до 28 гектаров. К сожалеиию, изумительиая по красоте местиость, иа которой раскинулся Тароига-парк, слишком холмиста и изрезаиа миожеством оврагов с крутыми склонами.

До Тароига-парка из цеитра города есть два пути. Можио проехать туда через зиаменитый роскошиый портовый мост «Харбоурбридж», возвышающийся иа 60 метров иад водой и тяиущийся в длиму иа 1200 метров (это целая автострада, так как автомобили могут проходить по мосту в десять рядов). И в таком случае вся поездка займет не больше двадцати минут. А можно сюда добраться и по воде на специальном прогулочиом катере, что займет иемиожко больше времени.

Когда вы входите на территорию парка, вас прямо ошеломляет иеобыкновеииой красоты картина, открывающаяся перед вашими глазами: сверкающая водная гладь залива, по которой медленно плывут огромные океанские пароходы, а иа противоположиом берегу — четкие силуэты иебоскребов и других иовостроек Сидиея.

Подобиый вид, ио зиачительно меиее величествеиный открывается только из зоопарка в Галле да еще, пожалуй, из иедавио построеиного парка в Инсбруке. Но живописное расположеиие Сидиейского зоопарка имеет, к сожалению, и свои недостатки: вольеры с животными насквозь продуваются резкими ветрами с моря, иепрерывно гуляющими по открытой, ничем ие защищеиной территории порта. Поэтому, чтобы уберечь от холода теплолюбивых экзотических животных, со стороиы моря пришлось построить специальиые бетоииые заграждения. Ведь в Сидиее зимой стаиовится довольио прохладио: температура воздуха иногда падает почти до иуля градусов. Эти бетоиные стены иесколько портят впечатлеиие во время прогулки по парку. А фотографам они просто мешают: чтобы сиять обезьян или слоиов на фоие океаиских пароходов в порту, они вынуждены даже забираться на деревья. Одиако животиым такие заграждения идут на пользу. Так, здесь в довольно иебольшом цемеитированиом загоие охотно плодятся даже капризиые жирафы. От одиой пары жирафов удалось получить уже 15 детей и внуков, которые разослаиы по другим зоопаркам Австралии. Тут прекрасио размиожаются также чериые иосороги, шимпанзе, козлы тары и прочие обычные обитатели зоопарков, уже ие говоря о различных видах кенгуру.

Столь разиообразиый ассортимеит иноземиых животных объясняется скорей всего особой политикой вывоза животиых из Австра-

ли. Хотя многие отечественные животные здесь, у себя на родине, охраняются довольно плохо, а некоторые виды находятся вообще под угрозой полного истребления, тем не менее запрет на вывоз их из страны поставлен со всей строгостью и неукоснительно проводится в жизнь. Разрешается лишь обмен местных животных на представителей иноземной фауны. Таким образом было достигнуто своего рода монопольное положение и Сиднейскому зоопарку удалось раздобыть таких редких животных, как белые носороги, гориллы и даже окапи.

Главная заслуга в создании Таронга-парка принадлежит, несомненно, сэру Эдварду Халлстрому, избранному в 1948 году председателем Зоологического общества, а с 25 сентября 1959 года — его почетным президентом.

В Сиднейском зоопарке содержится 4900 животных, среди которых 900 млекопитающих, 2500 птиц, 120 рептилий и 1400 рыб. Обслуживает зоопарк более 100 сотрудников. А посещает его 1,2 миллиона человек в год.

Здесь довольно удачно разводят травоядных, что отчасти объясняется тем, что Эдвард Халлстром выращивает для них корм на специально заложенных плантациях. Во время своих посещений Таронга-парка я обратил внимание на то, что жирафы, например, постоянно получали свежую зелень молодой люцерны, коротенькие стебельки которой говорили о том, что растение скошено как раз в той стадии, когда оно содержит больше всего растительного белка. А для жирафов это особенно важно, потому что на воле они питаются листьями деревьев и там, высоко в кронах, у них почти нет конкурентов по добыванию корма. А это значит, что они могут быть разборчивыми и выбирать себе самые сочные и свежие побеги.

Во время моего пребывания в зоопарке сэр Халлстром как раз вернулся из Соединенных Штатов, где успешно завершил довольно необычную сделку: двух белых кенгуру, выращенных на его собственной усадьбе, он выменял на полный скелет знаменитого вымершего саблезубого тигра!

Австралийскую фауну можно увидеть на Пятом континенте и в других зоопарках. Все они гораздо меньше, но зато с более естественными для этих животных условиями обитания. Так, например, в парке Хилсвилл близ Мельбурна можно наблюдать даже за подводной жизнью утконосов, в Курненг-Гай-парке, расположенном в 25 километрах от центра Сиднея, любоваться вольно разгуливающими кенгуру и эму, а в зоопарке Аделаиды наблюдать за лихими прыжками горных кенгуру.

Очень чистенько и с большой любовью содержится зоопарк в Перте. И тем не менее сиднейский Таронга-парк надо признать ведущим среди всех зоопарков Австралии, а заодно отметить и несомненную заслугу в организации зоопарков на всем континенте почетного президента сэра Эдварда Халлстрома. Спасибо ему за это! Впрочем, с 1959 года сиднейское Зоологическое общество возглавляет уже его сын — Джон Эдвард Халлстром.

Глава тринадцатая

Животное с перевернутой сумкой

Поставщик «барсучьей ветчины».

◆

Еще один «вредитель».

◆

Детям и собакам вход воспрещен.

◆

Грозный вомбат лезет «на ручки».

◆

Беглецы на «Вилле Боргезе».

◆

Война с павианами не мешает хорошему аппетиту.

◆

Характер портится с годами.

Когда речь заходит о брюшной сумке сумчатых животных, то каждый невольно представляет себе сумку на животе кенгуру, поскольку они, как правило, единственные представители сумчатых, которых нам приходилось видеть в зоопарке. Эта сумка на животе выглядит, как карман на фартуке домохозяйки. Детеныш зачастую выглядывает оттуда, высунувшись по пояс наподобие зеваки, удобно устроившегося с локтями на подоконнике. У животного, которое проводит большую часть жизни на двух ногах, держась в вертикальном положении, сумка и не может быть устроена иначе, а то детеныш легко бы мог вывалиться оттуда. Но вот у других сумчатых животных сумка устроена совершенно по-другому.

Выяснилось это в 1914 году, когда работники Галльского зоопарка, к своему несказанному удивлению, неожиданно обнаружили, что детеныш вомбата выглядывает наружу... между задними ногами своей матери. Значит, сумка вомбата открывается в обратную сторону! Насколько мне известно, это был вообще единственный случай удачного размножения вомбата в неволе. Правда, в 1931 году этого же удалось добиться и в Англии, в городе Випснеде. У маленького вомбата его первое в жизни путешествие — из влагалища самки в ее сумку — значительно короче и безопасней, чем у новорожденного кенгуренка. Зато самке вомбата значительно сложней с «уборкой» в сумке: она не в состоянии, как мамаша-кенгуру, открывать ее руками, всовывать туда голову и наводить в ней порядок. Да и лапы у вомбата не приспособлены для подобных операций: они слишком коротки и неуклюжи.

Теперь нам уже известно, почему у роющих, живущих в земляных норах сумчатых, сумка, как правило, открывается в обратную сторону: дело в том, что иначе во время рытья туда легко бы залетал песок, да и при перебежках на таких коротких ногах его тоже того и гляди туда можно зачерпнуть. Но между прочим, и у

коала, проводящих свою жизнь на деревьях, сумка открывается назад, а не вперед.

Первые европейцы, которым удалось обнаружить вомбатов, не ломали себе голову над подобными проблемами. Для них эти животные были просто «разновидностью диких свиней», которых они подстреливали и съедали. Впервые обнаружили вомбатов моряки с корабля «Сидней коув», которые по пути в Индию потерпели кораблекрушение в Бассовом проливе, отделяющем австралийский берег от Тасмании. Они спаслись на одном из бесчисленных маленьких островков в этом проливе. Морякам мясо вомбата пришлось по вкусу, и, когда в июле 1797 года их подобрало судно «Фрэнсис», они захватили с собой живого вомбата и подарили его тогдашнему британскому губернатору Хантеру.

Год спустя в пролив направились Джордж Басс (его именем и был назван этот пролив) и Мэтью Флиндерс, чтобы обследовать острова, на которых обитали эти необычные животные. Оба исследователя пришли к заключению, что вомбаты напоминают «маленьких медведей». Первые же поселенцы прозвали их барсуками, а мясо их называли барсучьей ветчиной. Недавно в одной книге я прочел, что вомбат — это то же самое, что большой хомяк.

Тем временем новые поселенцы Порт-Джексона (теперешнего Сиднея) обнаружили, что эти животные водятся и во внутренних районах материка. Аборигенам, населявшим тогда эти земли, они были хорошо известны, и само название «вомбат» взято именно из их языка.

Одного из вомбатов с островов Бассова пролива ботаник Броун привез в Лондон. Там животное благополучно прожило два года в доме известного хирурга Клифта из королевского хирургического колледжа, где с ним познакомились многие анатомы того времени, и среди них замечательный хирург Эверерд Хоум. Этот вомбат был исключительно приветливого нрава и доверчиво шел ко всякому, кто изъявлял желание с ним пообщаться. Он вставал на задние лапы, клал передние на колени гостю и охотно засыпал у кого-нибудь на руках. Даже детям он разрешал себя таскать по комнатам, а если и кусался, то не всерьез — только так, для порядка.

Эверерд Хоум опубликовал в 1808 году подробное описание повадок этого вомбата, где говорилось о его пристрастии к рытью, от которого он не мог отказаться, даже живя в комнатных условиях, о беспокойстве, которое он причинял по ночам своей беспрерывной беготней взад и вперед, и о том, что это чисто травоядное животное.

Спустя более чем сто лет, в 1924 году, биолог Вуд Джонс отметил, что за этот долгий срок наши познания об образе жизни вомбата не очень-то продвинулись вперед. Правда, в последние десятилетия зоологи, следуя новой моде анатомических исследований, старательно посылали в музеи скелеты и шкуры вомбатов, по которым были описаны многие «различные» виды этих животных. Но теперь нам уже известно, что это были не различные

виды, а один и тот же, просто варьирующий по своим размерам и окраске в зависимости от места своего обитания.

Сейчас выделены два основных вида или, если хотите, даже рода вомбатов. Первый — это жесткошерстный, гладконосый вомбат (Phascolomis ursinus), обитающий в Юго-Восточной Австралии, на острове Тасмания и на острове Флиндерс в Бассовом проливе. У него круглые уши, голый гладкий нос, а окраска шерсти варьирует от желтоватой до серой и даже черной. Второй — мягкошерстный, широколобый, волосатоносый вомбат (Lasiorhinus latifrons) — отличается от него мягкой шерстью, острыми ушами и тем, что весь нос у него покрыт короткими волосками. Этот вид прежде обитал в холмистой местности Юго-Восточного Квинсленда, где в настоящее время, по-видимому, полностью истреблен; теперь он встречается только в самой южной части штата Южная Австралия. У этих волосатоносых манишка (шея и грудь) обычно белая, в то время как остальной шерстный покров в серых, черных или коричневых пятнах.

У европейских поселенцев к вомбатам было двойственное отношение: с одной стороны, они их очень устраивали как поставщики «барсучьей ветчины», с другой — ужасно злили тем, что, обладая огромной силой, прорывали проволочные заграждения от кроликов; к тому же в норах, вырытых вомбатами, укрывались ненавистные кролики. За такие проступки вместе с кроликами отравляли ядом и душили газом и вомбатов. Этих безобидных увальней обвиняли и в тех случаях, когда какая-либо лошадь или корова ломала себе ногу, провалившись в их нору.

Вомбатов уже давно начали безжалостно отстреливать. Так, штат Виктория в 1909 году объявил их вредителями. Даже еще в 1963 году были выплачены премии за 7814 убитых вомбатов.

Их не только отстреливали, но и отлавливали живьем. Делалось это так: перед выходом из норы ставилась западня в виде ящика, и после нескольких дней голодовки вомбат уже сидел в ней. Или же точно напротив того места, где вомбат прорыл дыру в садовой ограде, закапывали в землю бочку и сверху клали качающуюся доску, которая под тяжестью животного переворачивалась.

Рассматривая пойманных или застреленных вомбатов, люди вскоре обнаружили, что зубы у них растут совершенно иначе, чем у всех прочих сумчатых. Зубы вомбата не имеют настоящих корней, а отрастают в течение всей жизни, по мере стачивания, так же как это происходит у грызунов. Это объясняется, видимо, жесткостью пищи, которую потребляют эти животные. У вомбата, как у бобра, спереди растут по два мощных нижних и верхних резца. При желании этих животных можно было бы даже назвать «сумчатыми грызунами». Питаются они травой, корнями, корой, а при случае и грибами. В длину вомбат вместе с его коротким обрубочком-хвостом достигает от 70 до 120 сантиметров и весит от 15 до 27 килограммов.

Невзирая на то что постройки вомбата настолько обширны, что

любой мальчишка свободно может по ним проползти вплоть до самой гнездовой камеры, тем не менее такие эксперименты проделывать не рекомендуется. Вомбат отчаянно отстаивает свою свободу. Так, если схватить его за спину, он обычно внезапно взбрыкивает одновременно обеими задними ногами и наносит ими преследователю весьма ощутимый удар. Собаке очень трудно вытянуть вомбата из его норы, потому что, во-первых, у него нет хвоста, за который можно было бы ухватиться; и, во-вторых, у него такая толстая и плотная кожа, что вонзить в нее зубы практически невозможно. К тому же эти мускулистые неповоротливые тяжеловесы в таких случаях резко упираются своими короткими крепкими лапами в стену, а спиной с силой прижимают собачью голову к потолку или к противоположной стене норы. Подобным способом они уже не раз ломали собакам челюсти. Точно так же они могут защемить руку человеку, пытающемуся вытянуть их из убежища.

Хотя вомбаты живут обычно в одиночку и сходятся вместе только в брачный период, ходы их строений под землей иногда сообщаются друг с другом. Так, однажды была обнаружена колония, занимавшая 800 метров в длину и 60 в ширину. Ведут ли, однако, обитатели подобной колонии какую-то упорядоченную совместную жизнь — этого пока еще никто не знает. Обычно каждая нора располагается вблизи поваленного дерева или плоской площадки, на которых вомбаты в полдень принимают солнечные ванны. Эти крупные сумчатые протаптывают себе твердые тропинки, тянущиеся иногда на целые километры. На Тасмании, где этих животных в последнее время перестали преследовать, они роют себе норы прямо под улицами на окраинах городов. Но, поскольку они ведут ночной образ жизни, их не очень легко увидеть. Большинство людей даже и не подозревает, что вомбаты живут совсем рядом с ними.

Рыбаки острова Кинг в Бассовом проливе когда-то забавлялись тем, что приучали вомбатов жить возле дома, словно собачек. Выращенные людьми животные днем уходили в лес, а к вечеру возвращались домой. В 1798 году, когда на островах пролива побывал Джордж Басс, здесь еще было множество диких вомбатов. Но уже через 90 лет они оказались там полностью истребленными. Правда, в 1908 году зоолог Чарлз Барретт, проведший несколько недель на острове Флиндерс, обнаружил там еще нескольких вомбатов. Остров этот занимает примерно 50 километров в длину и 23 в ширину. Его пересекают небольшие горы высотой от 300 до 500 метров. Видимо, такая природная обстановка вомбатов вполне устраивает: во всяком случае жесткошерстные «гладконосы» за это время там даже заметно размножились.

Поскольку вомбаты хорошо приспособляются к жизни в неволе, их довольно часто увозили за океан в различные зоопарки (хотя из-за ночного образа жизни их нельзя назвать особенно интересными для зрителей экспонатами). В Лондонском зоопар-

ке один мягкошерстный «волосатонос» прожил 17 лет, а жесткошерстный «гладконос» — даже целых 20. Большой популярностью пользовалась самка Венда из зоопарка «Маккензи сэнкчури» близ Мельбурна, которая свободно разгуливала по дорожкам парка и даже разрешала посетителям брать себя на руки.

Как-то в новый Римский зоопарк прибыла специально выписанная парочка вомбатов. Когда их осмотрели, оказалось, что самка изрядно покусана. Видимо, ей досталось от ее попутчика во время путешествия на пароходе. Это и не удивительно, если учесть, что вомбаты привыкли на свободе жить в одиночку и объединяются лишь для размножения.

С этой парочкой и после прибытия получились сплошные неприятности. Служитель забыл их запереть на ночь в специальном помещении с цементным полом, и они, к великому огорчению директора зоопарка Кноттеруса-Мейера, устроили под забором подкоп и исчезли. Случилось это в ноябре. Зиму животные провели, как потом выяснилось, в соседнем парке «Виллы Боргезе», в котором тогда еще водились, а может быть и теперь водятся, европейские барсуки, о чем многие люди даже и не подозревали. То, что парк этот на ночь запирался, животным было явно на пользу. Только в марте следующего года сезонным рабочим удалось поймать удравших вомбатов. Они привязали их за ноги к дереву и сообщили администрации зоопарка о своей находке. Так беглецы были возвращены на место жительства.

Раньше в зоопарках часто практиковали совместное содержание обезьян с некоторыми малоподвижными животными, например с броненосцами или черепахами. Нельзя сказать, чтобы этих флегматиков очень устраивала столь беспокойная компания.

Когда в Римском зоопарке вомбата посадили в общую клетку с павианами, он поначалу переносил их шумное соседство со стоическим спокойствием. Когда наступал час кормления, он, неторопясь, солидно и уверенно занимал свое место у кормушки, не обращая ни малейшего внимания на орущих и толкающих друг друга обезьян. Но зато их он явно интересовал: им показалось, что он слишком много ест. «Нахала» решили проучить. Сначала павианы уселись полукругом и начали нервно поднимать брови и жевать (первый признак возбуждения у обезьян); затем они стали шлепать рукой об пол, отбегать на несколько шагов и с грозным видом приближаться к вомбату. Все было напрасно: вомбата весь этот спектакль ничуть не интересовал — он продолжал невозмутимо есть. Тогда самый храбрый из павианов уперся рукой в широкий лоб вомбата и попробовал сдвинуть толстяка с места. Однако тот только еще ближе придвинулся к кормушке и, предостерегающе сопя, продолжал свою трапезу. Опасаясь, по всей видимости, острых зубов своего компаньона, обезьяны при следующих кормлениях решили досаждать ему другим способом: они ловко подскакивали то с одной, то с другой стороны и молниеносным движением выхватывали у него из-под самого носа лучшие куски. Такими приемами им

иногда удавалось вывести вомбата из равновесия, и он, пыхтя, кидался на обидчика, но, разумеется, никогда не мог схватить проворной обезьяны. Часто такой спектакль кончался диким всеобщим визгом павианов и «песочной бомбардировкой», во время которой обезьяны полными пригоршнями метали песок в вомбата, а тот, словно осел, брыкаясь одновременно двумя задними ногами, тоже взметал в воздух каскад песка. Однако до настоящей грызни дело никогда не доходило. И действительно, за какое место можно ухватить этакую толстую и упругую свиную шкуру? А уши и ноги для этой цели тоже слишком коротки. К тому же вомбат умеет кусаться...

Когда вомбата сажали в общую клетку с более приветливыми и доброжелательными соседями, он вел себя с ними очень миролюбиво. Так, макаки и пальмовые куницы пристрастились кататься на нем верхом. И он спокойно разрешал проделывать над собой подобные шутки. Со всеми животными он обходился весьма дружелюбно, спокойно спал вместе с обезьянами, пальмовыми куницами и виверрами, причем служил для них своего рода печкой.

Необыкновенной общительностью отличался также вомбат, пойманный в шестимесячном возрасте и выросший в доме одной дамы, живущей в Буллалабе в Новом Южном Уэльсе. Этот вомбат хотя и рыл себе норы в саду, но не причинял никакого вреда садовым насаждениям. Он радостно бегал за детьми по выгону, охотно со всеми играл, катался по полу, кувыркался, поднимался на задние лапы и даже пробовал бодаться, как коза. Домой он приходил, когда хотел есть.

В неволе при обилии корма отдельные парочки вомбатов свыкаются даже с совместным проживанием. Например, в Галльском зоопарке пара мягкошерстных волосатоносов мирно жила в одном помещении и даже обзавелась детенышем. Детеныш появился на свет точно по «австралийскому календарю». В Австралии самки приносят свое потомство между апрелем и июнем и до декабря таскают его в своей сумке.

«Часто из сумки выглядывала нога или одновременно две ноги,— писал тогдашний директор зоопарка доктор. В Штаудингер.— Светло-розовая нежная окраска подошвы свидетельствовала о том, что конечности эти еще не используются по назначению. Спустя примерно три недели после того, как мы впервые увидели детеныша, он начал вылезать из сумки и бегал рядом с матерью до тех пор, пока свобода не становилась для него почему-либо небезопасной. Тогда он мгновенно снова исчезал в своем укрытии. Теперь, как только самка появлялась из норы, можно было наблюдать и за детенышем. Став ростом примерно с кролика, он сумкой пользоваться перестал. Во всяком случае, ища спасения, он просто заползал под мать, и та ласково прикрывала его своим телом, как наседка цыпленка».

По отношению к людям вомбаты бывают приветливы обычно только в молодом возрасте (как и многие другие животные).

Когда Гарри Фраука захотел однажды сфотографировать такого «ручного» вомбата, живущего в просторном загоне, тот внезапно бросился в атаку. Он громко засопел и со всего размаху боднул своим твердым как камень лбом ногу фотографа. А когда тот упал, вомбат подбежал и прокусил своими острыми зубами его резиновый сапог, брюки и шерстяной носок на правой ноге. Гарри Фраука по милости этого вомбата вынужден был проваляться восемь дней в постели.

Глава четырнадцатая

На далеком острове живет дьявол

«Не так страшен черт, как его малюют».

◆

Дуэт с дьяволом.

◆

В бочке на цепи.

◆

Кто сказал, что у дьявола скверный характер?

◆

Куриные воры и поставщики мяса.

◆

Дьяволята, которые моются по утрам.

◆

Кто же их все-таки вытеснил с материка?

◆

Тасмания охраняет своих дьяволов.

Сумчатый дьявол, в течение нескольких лет живший у нас во Франкфуртском зоопарке, пел громко и протяжно, когда его об этом просили. Это был очень компанейский дьявол. Чтобы он во время уборки клетки не мешал служителю, его легко было отвлечь таким способом: стоило только встать перед ним и затянуть необходимую ноту, как он сейчас же начинал подтягивать и мог вот так с открытым ртом голосить сколь угодно долго. Подобным же образом мне, между прочим, удавалось подбивать на «хоровое пение» и волков.

Этого сумчатого дьявола нам подарил один итальянский торговец животными. Подарил он нам его, вероятно, потому, что некому было продать: у дьявола не хватало одной задней лапы. Но, несмотря на изъян, черный маленький «дьяволенок» все равно был для нас желанным постояльцем: ведь животное-то уж очень необычное; а что касается увечья, то посетители зоопарка его, как правило, даже не замечали, так как большую часть дня сумчатый дьявол лежал где-нибудь, свернувшись, в углу клетки. Во время движения отсутствие одной конечности ему не очень мешало, как это часто бывает у небольших, легких животных.

К сожалению, этот сумчатый дьявол спустя некоторое время погиб из-за воспаления надкостницы, которое мы обнаружили слишком поздно — лишь при вскрытии после смерти, а то, вероятно, можно было бы спасти его, сделав операцию. Дольше всего сумчатый дьявол прожил в Базельском зоопарке: 6 лет и 15 дней.

Свою неприятную кличку эти животные получили от белых поселенцев острова Тасмания за якобы злобный и бесноватый нрав. Но, по-моему, ничего нет удивительного в том, что животное рычит, кусается и брызжет пеной... когда его хватают за хвост, поднимают и суют в мешок! А именно так здесь многие и поступали с сумчатым дьяволом. И при этом еще оставались недовольны его реакцией! Что же касается разговоров о сатанинском характере этого животного, о его постоянно плохом настроении, то начало им положил, по-видимому, еще зоолог Харрис, обнаруживший и описавший сумчатого дьявола в 1808 году. «По-видимому, это безнадежно дикое, не пригодное к приручению злобное животное, издающее отвратительное, лающее и хриплое рычание»,— писал он.

Парочка дьяволов, которых он поймал и держал в неволе, как только наступали сумерки, начинала ссориться и драться и не прекращала свою злобную возню до самого рассвета. При этом они непрерывно издавали звуки, похожие на лай. А весь день напролет спали.

Из сообщения самого Харриса явствует, что он держал этих несчастных ни больше ни меньше как... в бочке, да еще привязанными цепью друг к другу. Естественно, что в таких ужасных условиях хищное животное может впасть в отчаяние и даже в бешенство. Очень типично для того времени: не только мучить и истязать подобным образом подопытных диких животных, но еще и безо всякого стеснения излагать это на бумаге.

В те годы эти небольшие черные хищники были еще довольно многочисленны в окрестностях тасманской столицы — города Хобарта. Они бесцеремонно таскали со дворов домашнюю птицу и прочую мелкую живность. А их в свою очередь ловили сосланные сюда каторжники, для которых эти животные служили «поставщиками» вкусного свежего мяса. Ловить дьяволов не составляло особого труда: их привлекали любые мясные приманки. Но постепенно лес и кустарник исчезали вокруг нового поселения, а вместе с ними исчезали и дьяволы, прежде свободно разгуливавшие вокруг домов.

В то время как для львов и тигров в зоопарках строят открытые, без решеток, загоны, леопардам отводят просторные и удобные помещения, гиенам и более мелким хищникам предоставляют, как правило, значительно менее комфортабельные «квартиры»; а таким мало примечательным животным, как сумчатые дьяволы, которые к тому же днем большей частью спят, и вовсе достаются только тесные и темные клетушки. Кому придет в голову построить для них роскошный павильон? Вот потому-то у них постоянно плохое настроение, а за это их считают угрюмыми и неприветливыми животными.

Между тем если к любому виду животных проявить хоть немножко больше дружелюбия и интереса, то часто оказывается, что какой-нибудь мрачный злюка неожиданно оборачивается совершенно другой своей стороной. Вот так и с сумчатым дьяволом. Например, некая госпожа Мэри Робертс, содержавшая у себя в Бомари на Тасмании сумчатых дьяволов, дала им совершенно иную характеристику. Маленькие дьяволята, которых она вырастила у себя дома, были удивительно привязчивы, милы и веселы. Да и с пойманными взрослыми сумчатыми дьяволами при хорошем уходе и ласковом обращении вскоре можно найти «общий язык».

Эти животные крайне чистоплотны, они любят купаться и принимать солнечные ванны. По утрам они аккуратнейшим образом совершают водные процедуры: складывают передние лапы ковшиком, тщательно смачивают их слюной и моют себе лицо и уши. Одному фермеру на Тасмании настолько удалось приручить двух сумчатых дьяволов, что они чинно ходили на поводке, как собачки.

Эти ростом с барсука животные имеют явное пристрастие к воде. Когда их преследуют, они нередко забегают в воду, ныряют и проплывают под водой до какого-нибудь безопасного места, где под прикрытием свисающих с берега ветвей бесшумно выбираются на сушу.

В зоопарках сумчатые дьяволы снискали себе славу беглецов. Вырваться из клетки им помогают крепкие зубы и очень сильные челюстные мышцы. В Вене один только что прибывший сумчатый дьявол в первую же ночь разогнул крепкую железную решетку и был таков. Он умудрился протиснуться в отверстие шириной не более 7,5 сантиметра. Поймать его удалось только потому, что он застрял между тяжелым ящиком и каменной стеной и выдал себя громким сопением. Когда сумчатый дьявол волнуется, его обычно бледные уши постепенно краснеют.

Сумчатый дьявол представлен одним-единственным видом. Сейчас на Тасмании этих животных не так уж мало. Остров этот довольно большой, примерно такого же размера, как Цейлон[1] (63 тысячи квадратных километров). От Австралийского континента его отделяет только Бассов пролив. Этот пролив не очень широк — всего 150 километров, т. е. не больше Сицилийского пролива, отделяющего Сицилию от Туниса. К тому же Бассов пролив весь усеян маленькими островками. И тем не менее на материке совершенно нет сумчатых дьяволов. Правда, в 1912 году примерно в 90 километрах от Мельбурна убили одного такого дьявола, но он, по всей вероятности, сбежал из какого-либо зоопарка или от частного лица. А вот ископаемые костные остатки этих животных находили здесь не раз. Их черепа обнаружили в мусорных кучах стоянок древних людей, населявших когда-то штат Виктория. Все это наводит на мысль о том, что сумчатые дьяволы когда-то жили на материке. Многие исследователи утверждают, что они встречаются там и поныне, только в самых отдаленных местностях. Их исчезно-

[1] Ныне Шри Ланка.— Ред.

вение с материка связано, по-видимому, с особенностями распространения диких собак динго. Собакам не удалось добраться до Тасмании, а то бы несчастным сумчатым дьяволам и там не сдобровать.

Охотится сумчатый дьявол обычно по ночам; подинмет хвост свечкой — и пошел промышлять. Он не привередлив и часто довольствуется даже падалью, поэтому его так легко поймать на любую приманку. Поскольку сумчатый дьявол на своих коротких ногах не очень-то быстро бегает, его нетрудно догнать, особенно с собаками. Спасаясь от собак, он часто применяет чисто кенгуриный прием: внезапно садится спиной к дереву или скале и пытается обороняться. Ловец дьяволов в таких случаях набрасывает ему на голову свою куртку или одеяло, хватает за хвост и сует в мешок.

Спариваются дьяволы в апреле — мае, следовательно, на исходе южного лета, а потомство у них появляется на свет в конце мая или в начале июня. Новорожденный вначале не превышает 12 миллиметров в длину, спустя же семь недель, которые детеныши проводят в наглухо закрытой сумке, они достигают уже семи сантиметров. В пятнадцать недель маленький дьяволенок уже отпускает материнский сосок, на котором до тех пор висел в сумке, у него открываются глаза, и он обрастает шерстью. К концу сентября, в разгар тасманской весны, из сумок дьяволиц (открывающихся так же, как у вомбата, назад) то и дело начинают высовываться то хвостики, то лапы. И только теперь родительская пара приступает к постройке мягкого, утепленного гнезда. Оно сооружается обычно в пустотелом бревне, под скалой, а при случае и в норе вомбата, из которой предварительно изгоняется хозяин. Вот там самка сумчатого дьявола и прячет своих детенышей. Их никогда не бывает больше четырех, потому что в сумке только четыре соска. Молодые дьяволята питаются молоком не менее пяти месяцев, а половой зрелости достигают на втором году жизни (при общей продолжительности жизни от семи до восьми лет).

Тасманский сумчатый дьявол теперь благоденствует: на своей родине он находится под полной охраной государства.

Вне Тасмании сумчатые дьяволы, кажется, только один-единственный раз принесли в неволе потомство. Это случилось в Базельском зоопарке, куда была доставлена самка, незадолго до того пойманная в капкан где-то недалеко от города Хобарта.

Глава пятнадцатая

Невинные четвероногие австралийцы, которые погибали миллионами

Славные «плюшевые мишки» чуть было не исчезли с лица Земли.

◆

Сгорая заживо, они плакали, как дети.

◆

Любопытство плюс медлительность — опасные качества.

◆

Разборчивые постояльцы и невольные самоубийцы.

◆

Двое в мешке.

◆

«Звезды телеэкрана», агитирующие за охрану природы.

Как-то в феврале 1952 года представитель фирмы «Парамоунт-фильм» Рассел Броун довольно бесцеремонно ввалился в служебный кабинет одной моей доброй знакомой, миссис Бель Бенчлей, которая тогда была директором большого калифорнийского зоопарка в Сан-Диего. Как выяснилось, фирма «Парамоунт» собиралась снять фильм «Ботани-Бей», где должны были участвовать и сумчатые медведи коала, которых для этого решили привезти из-за океана.

Сюжет фильма был довольно волнующим, в особенности для такого гордого своим расцветом континента, как Австралия.

Ботани-Бей — то место, где британское правительство в 1788 году основало первое ссыльно-каторжное поселение. Тюрьмы самой Англии в это время были уже переполнены. Причиной тому послужило чудовищное неравенство в распределении жизненных благ, толкавшее неимущие классы на нарушения законов. К тому же, после того как Америка добилась полной независимости, исчезла возможность продавать туда заключенных в качестве дешевой рабочей силы. По английскому законодательству того времени 160 видов правонарушений карались смертной казнью, а за относительно небольшие провинности приговаривали к семи — четырнадцати годам каторги или даже к пожизненному заключению. Но нас сейчас интересует не то, каким образом за несколько десятилетий арестантские колонии превратились в экономически развитые самостоятельные штаты, а как все это отразилось на эндемичном животном мире континента. И вот тут-то выясняется, что животный мир понес от этого расцвета существенные потери.

Но вернемся к миссис Бель Бенчлей и к «Парамоунт-фильму». Для нее, разумеется, коала представляли значительно больший интерес, чем судьба губернатора Артура Филлипа, управлявшего колонией ссыльных. Приобрести коала—мечта любого директо-

ра зоопарка. Мечтала об этом и Бель Бенчлей. Однако никогда еще ни один из этих забавных «плюшевых мишек» не жил где-либо вне Австралии. Объясняется это несколькими причинами, и одна из них — строгий запрет австралийского правительства на вывоз живых коала из страны. В некоторых странах полагают, что такая мера может помочь восстановить былую численность какого-либо редкого животного. Однако это только полумера. Эффекта таким способом удается достичь очень редко. Так, например, Охотничье управление Кении жаловалось, что в 1963 году ему пришлось выдать разрешения на вывоз 235 различных животных для зоопарков, а в это же самое время оно выдало около восьми тысяч охотничьих лицензий приезжим охотникам! Вот как иногда оборачивается дело!

Еще сто лет назад в Австралии было полно коала, этих милых, смешных зверьков. В те времена молодые люди частенько развлекались тем, что стреляли по этим живым мишеням. Еще бы! Ведь попасть в такую цель проще простого: коала двигается очень медленно и хорошо просматривается в редкой листве эвкалиптов. Чаще всего приходится сделать по животному несколько выстрелов, потому что оно отличается удивительной живучестью. Даже полумертвое, оно еще судорожно цепляется за ветку «рукой» или «ногой» и не падает с дерева. Пальцы коала прекрасно приспособлены для подобного хватания. Большой палец на задних лапах отставлен перпендикулярно к другим четырем, а на передних лапах в сторону отходит не один, а сразу два пальца — большой и указательный, так что ветку с одной стороны обхватывают два пальца, а с другой — три. Вот почему животные прочно удерживаются на дереве.

Охота на коала — спорт не для чувствительных сердец, потому что раненый зверек кричит и плачет и звуки эти напоминают плач беззащитного младенца.

А как жаль этих бедняг, когда они заживо сгорают! Сгорели их уже миллионы, да и сейчас сгорает немало. Происходит это из-за австралийского обычая ежегодно палить лес, чтобы расширить площадь пастбищ для все увеличивающихся отар овец.

Но лес после пожара вовсе не всегда уничтожается, как это происходит с хвойными лесами в Канаде или Европе. Эвкалипт гибнет лишь в тех случаях, когда его предварительно «окольцевали», то есть прорезали по окружности кору, чтобы соки не могли больше подниматься к вершине и дерево засохло. Вот тогда оно сгорает дотла. На неокольцованных же эвкалиптах сгорает только кора, которая у этих деревьев легко отстает от ствола и свисает клочьями со всех сторон; эвкалипты ежегодно сбрасывают старую кору и обрастают свежей. Отставшая сухая кора легко воспламеняется, и во время пожара огонь взмывает вверх по стволу. В мгновение ока высоченное дерево от корней до вершины бывает охвачено пламенем — оно словно взрывается. Такой огромный пылающий факел совершенно незабываемое зрелище. Большинство де-

ревьев после пожара вновь зеленеет как ни в чем не бывало: ведь сгоревшая кора была уже мертвой.

Я бродил во время такого лесного пожара между деревьями и должен сказать, что зрелище это очень впечатляющее. Жаль только, что в огне погибает множество живущих на эвкалиптах мелких животных, особенно если они так медлительны, как коала.

Но даже не эти пожары главная беда для сумчатых медведей. Гораздо страшнее для них то, что они обладают красивым серебристо-серым, мягким и прочным мехом. Так, например, в одном только 1908 году на рынке Сиднея было продано 57 533 шкуры коала. А в 1924 году из восточноавстралийских штатов было вывезено более двух миллионов этих шкур!

Первыми тогда опомнились Соединенные Штаты Америки и запретили ввоз шкур коала в свою страну. Австралия же продолжала бездумно разбазаривать ценности, которыми обладала. Так, в 1927 году, когда из-за хищнической охоты и болезней в штатах Новый Южный Уэльс и Виктория сумчатые медведи почти полностью исчезли, штат Квинсленд, в котором они еще встречались в относительно большом количестве, объявил «свободную охоту». За один только этот год охотникам было выдано 10 тысяч лицензий; 600 тысяч шкур этих невинных и совершенно безвредных животных вывезли за границу.

Австралиец Эллис Трутон пишет: «Кажется прямо-таки невероятным, что в цивилизованной стране такое беззащитное и к тому же редкое животное могло подвергнуться подобному безжалостному истреблению, и все только ради корыстной торговли и прибыли».

Кроме того, с 1887 по 1889 и с 1900 по 1903 год среди миллионов коала свирепствовали тяжелые эпизоотии: они умирали от глазных болезней и воспаления надкостницы, от воспаления почек и кишечных паразитов. Массовые популяции еще способны такое пережить, а вот когда животных становится мало, они могут после любой эпизоотии полностью прекратить свое существование.

В 30-х годах австралийцы наконец спохватились и сердца их смягчились по отношению к этим последним, уже почти исчезнувшим с лица Земли беззащитным животным. За ними ведь так приятно и легко наблюдать в природных условиях! Дело в том, что живут они обычно в сухом редколесье или в саванне. Если выйдешь побродить ночью (а в Австралии можно себе это позволить, так как там даже в самой дикой чащобе нет никаких опасных животных), то коала всегда легко обнаружить по голосу. Во время брачного сезона самцы ведут себя ночью довольно шумно, причем зов их звучит не очень мелодично: кажется, словно кто-то пилой перепиливает тонкую доску. Похожие звуки издает здесь еще только гигантская сумчатая летяга. Если коала осветить прожектором, они на это совершенно не реагируют, так же как днем они не обращают никакого внимания на людей. В лучшем случае они уставятся на вас с дерева своими круглыми глазами с таким же любопытством, с каким вы смотрите на них. Именно эта беззабот-

ность и нежелание скрываться от человека многим из них стоили жизни. Что касается аборигенов, то те их убивали прямо дубинками, которые ловко забрасывали на дерево.

Словом, когда австралийцы обнаружили, что живые коала ничуть не менее красивы и ценны, чем снятые с них шкуры, они объявили этих животных охраняемым объектом природы. Однако встречается этот объект теперь только в восточной части континента — приблизительно от прибрежного города Таунсвилла к югу через Квинсленд до Мельбурна в Новом Южном Уэльсе. В глубь страны они распространяются только до западных склонов Большого Водораздельного хребта. В Южной и Западной Австралии нет больше ни одного коала. Но и в Квинсленде их число сократилось с миллионов до тысяч.

За последние десятилетия в штате Виктория неоднократно предпринимались попытки реакклиматизировать в лесах сумчатых медведей. Большинство завезенных животных было родом с острова Филлип. Там изобрели довольно ловкий способ их ловли: на конце длинной жерди укрепляется веревочная петля, которая набрасывается на шею коала, висящему высоко на дереве. Петля эта закреплена специальным узлом, который не дает ей затянуться настолько, чтобы задушить животное. С помощью такого лассо бедного мишку стаскивают с дерева, а внизу держат натянутое полотно, на которое его сбрасывают, чтобы он не ушибся. Самый тяжелый коала, которого когда-либо приходилось отлавливать на острове Филлип, весил 16 килограммов.

В штате Виктория уже в 50 местах вновь поселили сумчатых медведей.

Каждый раз, когда лесничии везут партию «новоселов» к месту их будущего жительства, они по дороге обязательно останавливаются возле каждой школы, открывают свои ящики и показывают ребятам, как занимательны и безобидны эти гербовые животные Австралии. Прекрасный способ добиться того, чтобы их снова не истребили: ведь в Австралии, к сожалению, носить оружие не возбраняется никому. Так что с некоторых пор можно говорить о своеобразном come back[1] коала на свою прежнюю родину.

Однако коала не очень торопятся с размножением. Половозрелыми они становятся, по всей вероятности, достигнув лишь трех- или даже четырехлетнего возраста. Энергичный самец к этому времени уже собирает возле себя гарем, который затем ревниво охраняет от посягательств соперников. Беременность самки длится от 25 до 30 дней, а детеныш весит при рождении только 5,5 грамма и пребывает после этого еще целых шесть месяцев в сумке матери. Самка обычно производит на свет только одного детеныша, двойни бывают крайне редко, а тройни вообще не может быть, потому что в брюшной сумке у нее только два соска.

Коала очень разборчивы в пище. Это растительноядные животные, причем едят они только эвкалиптовые листья. У других мле-

[1] Возвращение (с англ.).

копитающих редко наблюдается такая узкая «кормовая специализация». Для переваривания грубого корма коала снабжены защечными мешками и слепой кишкой длиной от 1,8 до 2,5 метра (слепая кишка и у некоторых других животных служит для переваривания грубых растительных волокон). Длина слепой кишки коала в 3—4 раза превышает длину его тела, достигающую от 60 до 85 сантиметров.

«Специализированные листоеды» встречаются и среди других групп животных, например обезьян, но с коала никто в этом отношении сравниться не может. Ведь они питаются не всякими листьями эвкалиптов, а только совершенно определенного вида. В Австралии произрастает 350 различных видов этих деревьев, для питания же коала подходят только 20 из них, а из этих 20 мишки предпочитают пять. Больше всего они любят листья эвкалипта манна, или сахарного эвкалипта (Eucalyptus viminalis), пятнистого эвкалипта (E. maculata) и розового (E.rostrata). За день коала, не спеша, пережевывает примерно два с половиной фунта листьев.

К тому же оказалось, что у этих животных есть любимые местные «столовые». Когда коала из штата Виктория перевезли в маленький зоопарк, расположенный в городе Брисбене (штат Квинсленд), они не захотели даже притронуться к синим и серым эвкалиптовым листьям, которые с аппетитом поедали квинслендские коала. Пришлось в течение шести месяцев привозить по железной дороге листья эвкалипта манна из Виктории, пока капризные новоселы не привыкли, наконец, питаться тем, чем питались квинслендские постояльцы зоопарка.

Но и это еще не все. Даже на своем любимом эвкалипте манна коала привередливо выбирает какие-то определенные листья, и часто можно заметить, что целые ветки остаются с нетронутой листвой — их явно обходят. Для этого есть свои весьма веские причины, но выявить их удалось только совсем недавно.

Господин Амброз Претт, президент Зоологического общества штата Виктория, заинтересовался непонятной гибелью некоторых коала в Мельбурнском зоопарке. На вид здоровые и веселые, они без всякой видимой причины вдруг внезапно умирали. Никакие врачебные осмотры и даже вскрытия после смерти не давали определенных результатов. Помогло решить эту загадку неожиданное обстоятельство.

Как раз в это время химики и фармацевты занялись изучением листьев эвкалиптов. При этом выяснилось, что любимое дерево сумчатых медведей — эвкалипт манна — время от времени продуцирует в своих листьях и побегах синильную кислоту. Исследования показали, что синильная кислота образуется чаще зимой, чем летом, причем в основном в молодых листьях и побегах. На свободе коала, когда им не нравятся листья, просто меняют «столовую», то есть переходят на другое место, и стараются избегать молодой зелени. Но в неволе, когда им ничего другого не дают и из наилучших побуждений подкладывают именно самые нежные и сочные молодые побеги, бедным мишкам в конце концов приходится до-

вольствоваться и ими (ведь голод не тетка!). Несколько исследованных проб содержали 0,09 процента синильной кислоты. Это невероятно много: 25 граммов таких листьев способны убить овцу. Так что как это ни печально, но некоторые зоопарковские работники сами принуждали своих подопечных к самоубийству!

Листья большинства видов эвкалиптов содержат вещества, имеющие важное значение для питания коала,— цинеол (или эвкалиптол) и фелландрен. Первое снижает кровяное давление и температуру тела, одновременно расслабляя мышцы; если принять его в слишком большом количестве, остановится дыхание. Фелландрен же, наоборот, по всей вероятности, повышает температуру. Исследователи, занимающиеся сейчас коала, предполагают, что обитающие на теплом севере Квинсленда более мелкие сумчатые медведи избегают виды эвкалипта, содержащие фелландрен, и предпочитают те, которые содержат цинеол. Более же крупные коала с прохладного юга Австралии, наоборот, охотней жуют листья, содержащие фелландрен.

В общем обеспечивать коала в неволе необходимым питанием — целая наука. Остается пользоваться только одним способом: предлагать им ветки различных видов эвкалиптов и предоставлять им самим делать свой выбор.

Теперь каждый может себе представить, как трудно содержать этих животных в зоопарках.

Вот в этом-то и кроется основная причина, почему до сих пор ни разу ни в одном европейском зоопарке нельзя было увидеть этих забавных и интересных животных. Откуда же взять постоянный ассортимент свежих листьев эвкалиптов, да еще в таком огромном количестве?

Коала настолько «пропитаны» эфирными маслами, содержащимися в эвкалиптовых листьях, что сами пахнут, как ментоловые пастилки от кашля. Может быть, этот запах служит им хорошую службу: не исключено, что именно поэтому в их красивой мягкой шкуре не водятся паразиты.

Выращенные в доме детеныши коала могут очень привязаться к людям. Большой популярностью пользовался ручной коала Тедди из Северного Квинсленда, много путешествовавший по стране со своими приемными «родителями» супругами Фаулкнерами. Принесли его им в возрасте трех месяцев, завернутого в кусок шкуры. Этот маленький беспомощный зверек сначала плакал все ночи напролет и требовал, чтобы его постоянно утешали и ласкали. Потом Фаулкнеры догадались обвязать подушку куском коаловой шкуры. Такая эрзац-мамаша вполне устроила маленького пискуна, и, прижавшись к ней, он молчал даже в тех случаях, когда его оставляли одного в комнате. Вначале «мишку» поили коровьим молоком, которое он медленно лакал из блюдца, словно котенок, а затем перевели на свежие синие эвкалиптовые листья.

Уже спустя четыре недели малыш отправился вместе со своими «родителями» в длительное путешествие в Западную Австралию. Дорогой он спокойно спал в маленькой корзиночке, привязанной к

животу большого плюшевого медведя. В Западной Австралии он довольно легко перешел на питание листьями местных видов эвкалипта, которыми, по всей вероятности, питались когда-то здесь обитавшие, а теперь начисто истребленные местные коала. Кроме листьев ему давали немного молока и мятные лепешки. Часто замечали, что он подбирает и кладет в рот песок и даже маленькие камешки. Прожил этот коала 12 лет, что, по всей вероятности, можно считать рекордным сроком содержания коала в неволе. В естественных условиях коала иногда доживают до 20 лет.

Если уж такой сумчатый медвежонок привыкнет к человеку, он не любит оставаться в одиночестве, а, наоборот, требует, чтобы его повсюду таскали за собой на руках и всячески забавляли. Он никогда не делает ни малейшей попытки удрать. Коала вообще проявляют не свойственные сумчатым животным смышленость и интерес к незнакомым предметам. Так, например, одного медвежонка крайне заинтересовало зеркало; он даже зашел с другой стороны, чтобы проверить, где же все-таки прячется тот, другой.

В книгах часто можно прочесть, что слово «коала» на языке местных жителей Австралии означает «не пьет». Однако содержащиеся в неволе коала все, как один, охотно пьют молоко и воду, лакая из миски, точно так же, как это делают собаки.

Ни первооткрыватель этих земель капитан Кук, появившийся здесь в 1770 году, ни первые поселенцы из заключенных, поселившиеся в районе Сиднея, не заметили этих животных. Упоминание о них впервые встречается в сообщении одного молодого человека, руководившего экспедицией в Голубые горы в 1798 году. Тот пишет, что он видел «животное, которое аборигены называют «калвайи» и напоминающее американских ленивцев». Затем в 1802 году один заинтересовавшийся этим делом молодой французский исследователь — Е. Ф. Барайе выменял у австралийских аборигенов на копье и томагавк «части тела какой-то обезьяны, которую они называли коло». К сожалению, ему достались только ноги, которые он закупорил в бутылку с коньяком и послал губернатору. А год спустя его превосходительство губернатор Кинг в Сиднее получил в подарок живую самочку коала, да еще с целой двойней в сумке.

Наверное, оттого, что все очень скоро поняли, с какими трудностями связано содержание сумчатых медведей вне Австралии, живой коала попал в Европу не так-то скоро. Лондонский зоопарк купил его у одного торговца 28 апреля 1880 года. Это был, должно быть, какой-то особенно живучий экземпляр. Его довольно долго кормили сухими листьями эвкалипта, которые привезли вместе с ним из Австралии. И только много позже прибыл запас свежих листьев. Трудно даже поверить, что в таких тяжелых для него условиях медвежонок оставался бодрым в течение целых 14 месяцев. И погиб-то он не от истощения, а от несчастной случайности. Дело в том, что он жил в комнате директора, где пользовался полной свободой; там он в один прекрасный день и прищемил себе голову тяжелой мраморной крышкой умывальника.

Последующие попытки Лондонского зоопарка содержать в неволе коала были менее удачными.

В 1908 году один сотрудник зоопарка сам поехал за ними в Австралию и на обратном пути немало натерпелся с этими животными. Во-первых, они начали отказываться от корма, как только взятые в запас листья эвкалипта немножко подвяли. Правда, капризные пассажиры милостиво согласились есть хлеб, молоко и мед; с особенным удовольствием они лакомились ментоловыми пастилками от кашля. К сожалению, когда корабль попал в зону холодных ветров, все они простудились и погибли.

Коала, прибывший в октябре 1920 года в Нью-Йоркский зоопарк, погиб через пять дней. Такая же участь постигла всех тех немногих коала, которые время от времени попадали на другие континенты.

Так, одним декабрьским утром 1927 года в дирекцию Лондонского зоопарка заявился какой-то моряк. В руках он держал мешок, который и водрузил прямо на стол бухгалтера. Велико же было удивление всех присутствующих, когда из этого мешка он извлек двух прелестных, абсолютно добрых и веселых маленьких мишек коала. К тому же они оказались совершенно ручными: один из них тут же вскарабкался моряку на плечо, уселся и стал играть его волосами.

Из рассказа моряка выяснилось, что он прихватил эти игрушки с собой домой из Австралии». Чем кормил? Ну, с этим не было никаких сложностей: прихватил с собой запас свежих листьев, которые держал дорогой в рефрижераторе парохода. Он пришел только узнать, не захочет ли зоопарк их купить. Ну разумеется, зоопарк захотел: кто же решится упустить такой редкий случай приобрести живых коала?

К несчастью, привезенный моряком корм вскоре кончился. Коала были немедленно выставлены для обозрения публики, и в газетах появились призывы о помощи: пусть отзовется каждый, кто может в кратчайший срок доставить в зоопарк хоть сколько-нибудь листьев эвкалипта для голодающих медвежат. Небольшую порцию прислал один провинциальный ботанический сад, но этого явно было мало, а от другой пищи медвежата наотрез отказывались. Тем временем становилось прохладнее, а запас корма так и не пополнялся. Уже спустя четыре недели оба чудесных веселых существа, успевших так полюбиться лондонцам, были мертвы.

После столь горького опыта с «высланными за пределы родины» коала может вызвать удивление, что миссис Бенчлей так обрадовалась предложению фирмы «Парамоунт-фильм» привезти ей зимой 1952 года живых коала из Австралии. Однако нельзя забывать, что зоопарки Калифорнии, особенно зоопарк в Сан-Диего, в этом отношении находятся в значительно лучшем положении, чем европейские. Дело в том, что там уже 28 лет назад высадили несколько различных видов эвкалиптовых деревьев, которые прекрасно прижились и разрослись. Находятся они в той части парка, в которой произрастает в основном акклиматизированная австра-

лийская флора. В полузасушливом климате Калифорнии эта растительность особенно хорошо приживается. Поэтому один из двух коала, привезенных из Австралии в 1925 году тогдашним директором парка Фаулконером, прожил здесь целых два года.

С того времени в парке успело подрасти много новых эвкалиптовых деревьев и ассортимент их значительно расширился.

Словом, вскоре после разговора с кинодеятелями в зоопарк в Сан-Диего прибыли восемь коала: четыре самца и четыре самочки. На этот раз два самца прожили здесь пять лет, а одна из самок — почти семь. В апреле 1959 года из Австралии прибыло еще шесть сумчатых медведей, причем три из них попали в зоопарк Сан-Диего, а три — в Сан-Франциско. В каждой троице было по одной самке с детенышем в сумке. В двух этих зоопарках коала и потом приносили потомство.

Нет такой американской газеты или журнала, которые бы многократно не помещали на своих страницах портретов этих фотогеничных животных. Они прямо как будто созданы для того, чтобы их таскать на руках и гладить их мягкую шерстку. Коала были и остаются постоянными «звездами» телеэкрана. Своим приветливым нравом, медлительной обстоятельностью и тем, что они такие ручные, они завоевали и сердца миллионов американцев и подсознательно расположили их к Австралии больше, чем любые генеральные консульства, информационные бюро и рекламные проспекты...

К счастью, и сами австралийцы за это время поняли, каким сокровищем обладают, и теперь бережно охраняют приветливых «плюшевых мишек», которых в свое время чуть было начисто не истребили.

Комментарии

К стр. 10

Когда в 1802 г. европейцы впервые появились на острове Кенгуру, он уж давно был необитаем. Каменные орудия, обнаруженные здесь учеными-археологами, относят к одной из древнейших археологических культур Австралии, так называемой культуре Карта (так аборигены материка называли остров Кенгуру). Орудия культуры Карта широко распространены также в Восточной и Юго-Восточной Австралии. На острове Кенгуру орудия эти принадлежали населению, исчезнувшему отсюда по неизвестным нам причинам задолго до начала европейской колонизации, возможно, за несколько сот, а то и тысяч лет до нее. Никаких костных останков в местах находок орудий культуры Карта ни на острове, ни на материке пока не обнаружено. Поэтому предположение некоторых ученых, будто аборигены острова Кенгуру были курчавоволосыми негритосами подобно современным негроидам Юго-Восточной Азии и Океании или тасманийцам,— всего лишь гипотеза, не подкрепленная пока фактами. (Подробнее об этом см.: *В. Р. Кабо*. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.)

К стр. 53

Захваченная англичанами в 1884 г. юго-восточная часть острова Новая Гвинея (Папуа) была в 1906 г. передана Австралии и с тех пор в течение почти семидесяти лет оставалась австралийской колонией. Под опекой Австралии находилась до недавнего времени другая, северо-восточная часть острова, которая вместе с островами Адмиралтейства, архипелагом Бисмарка и несколькими островами из Соломоновых островов была объединена в так называемую Подопечную территорию Новая Гвинея. Таким образом, строго говоря, северо-восточная и юго-восточная части австралийской Новой Гвинеи имели до сентября 1975 г. различный политический статус. Не посчитавшись с этим и стремясь любой ценой укрепить свои колониальные позиции на острове, Австралия в 1949 г. незаконно, нарушая свои же международные обязательства, объединила обе части Восточной Новой Гвинеи в единую в административном отношении Территорию Папуа — Новая Гвинея. Однако, уступая набирающему силу национально-освободительному движению и под давлением мирового общественного мнения (здесь большую роль сыграла также активная антиколониалистская политика Советского Союза, в частности позиция делегации СССР в ООН), Австралия после длительных оттяжек и проволочек была вынуждена отказаться от своих колониалистских притязаний на Территорию Папуа — Новая Гвинея. 15 сентября 1975 г. в Порт-Морсби, ставшем столицей нового государства, состоялась церемония спуска государственного флага Австралии, а на следующий день здесь был поднят черно-красный флаг с изображением золотой райской птицы и пяти звезд из созвездия Южный Крест. Папуа — Новая Гвинея стала независимым суверенным государством (Подробнее об этом см.: *К. В. Малаховский.* Остров райских птиц. История Папуа — Новой Гвинеи. М., 1976.)

К стр. 53

У населяющих Папуа — Новую Гвинею племен издавна существует обычай межплеменных празднеств-пиров, которые происходят раз в 5—7 или 15—20 лет. На этих празднествах между присутствующими распределяются пищевые запасы, которые накапливаются заблаговременно. При этом каждая община старается превзойти другие общины в щедрости и изобилии еды, особенно высокоценимой здесь свинины. Поэтому случается, что аборигены забивают одновременно сотни и даже тысячи свиней. Подобное распределение избыточного продукта — явление, чрезвычайно широко распространенное и хорошо известное всем этнографам. (Подробнее см. ст. В. М. Бахты «Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество» в книге «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968.)

К стр. 54

«Национального парламента» коренного населения тогдашней Территории Папуа — Новая Гвинея не существовало. Правда, Австралия под давлением мировой общественности пошла на создание в 1963 г. в Папуа — Новой Гвинее верховного законодательного органа, так называемой Палаты ассамблеи, большая часть членов которой должна была избираться коренным населением. Однако на деле Палата ассамблеи стала с самого начала бесправным придатком колониальной администрации и целиком контролировалась австралийцами. Да и о каком подлинном представительстве коренных жителей в Палате ассамблеи могла идти речь, если, например, в 1964 г. 26 депутатов-австралийцев представляли 34 тысячи человек «белого» населения, а 38 депутатов-новогвинейцев — свыше одного миллиона коренных жителей?! См. также комментарий к стр. 62.

К стр. 55

Аристотель первым в истории науки выделил изучение птиц в самостоятельную область естествознания, написав сочинение по орнитологии.

К стр. 57

Отто Финш (1839—1917) — немецкий путешественник, этнограф и орнитолог. В 1879—1882 гг. он совершил длительное путешествие в южные моря, посетив Гавайские острова, Микронезию, Меланезию и Новую Зеландию, где собрал богатейшую коллекцию птиц. В 1884—1885 гг. исследовал северное побережье

Новой Гвинеи. Однако Отто Финиш отнюдь не был прекраснодушным любителем птиц и прочей экзотики. Он немало способствовал расширению германских колониальных владений в Океании, в том числе и на Новой Гвинее.

К стр. 57

Рудольф Франц Карл Иосиф (1858—1889 гг.) — эрцгерцог и наследный принц австрийский, единственный сын кайзера Австро-Венгрии Франца Иосифа I. Был известным писателем-натуралистом и любителем орнитологии. Стефания — дочь бельгийского короля, супруга эрцгерцога Рудольфа.

К стр. 60

См. комментарий к стр. 53.

К стр. 62

В начале 1960-х годов, когда Б. Гржимек посетил Новую Гвинею, никакого самоуправления там по сути дела не было: Восточная Новая Гвинея была ни чем иным, как колонией Австралии, а политика Австралии на Новой Гвинее была типичной колониальной политикой. Австралийцы ничуть не заботились о развитии хозяйства и культуры новогвинейцев, которые всегда интересовали колонизаторов лишь как дешевая рабочая сила. Нередко рабочие-новогвинейцы не получали никакой заработной платы, работая лишь за скудную и малопитательную пищу, место на нарах и пару шорт. Австралийские власти не заботились ни об образовании, ни о медицинском обслуживании аборигенов. Достаточно сказать, что на двухмиллионное население Территории Папуа — Новой Гвинеи приходилось в последние годы австралийского колониального господства менее 200 врачей, да и то значительная их часть обслуживала европейцев. Не лучшим было положение и в области народного образования. Средние школы посещали лишь сотни человек.

Что касается местного «самоуправления», то функционировавшие с 1950 г. так называемые советы местного управления обладали весьма ограниченными правами. Через эти советы колонизаторы обеспечивали себя бесплатным, по существу принудительным, трудом коренного населения, занятого постройкой и ремонтом дорог, посадочных площадок для самолетов и вертолетов, административных зданий и т. п. Чиновники колониальной администрации строго следили за тем, чтобы деятельность советов не выходила за рамки дозволенного колонизаторами. Кстати, ни одно решение совета не имело силы без одобрения его чиновником австралийской администрации.

Однако господствующие классы Австралии издавна распространяли и продолжают распространять теперь, после провозглашения независимости Папуа — Новой Гвинеи, миф о том, что будто австралийский капитализм — первый друг и старший брат населения Новой Гвинеи. Политические деятели, бизнесмены, многие буржуазные ученые Австралии и сейчас любят порассуждать о принципах защиты интересов и благосостояния коренного населения Папуа — Новой Гвинеи, о бескорыстном оказании всяческой помощи только что родившемуся независимому государству. В действительности же народу Папуа — Новой Гвинеи предстоит еще долгая и упорная борьба, прежде чем ему удастся полностью освободиться от тяжкой экономической зависимости от австралийского империализма и создать собственную национальную экономику. (Подробнее об этом см.: *К. В. Малаховский.* Остров райских птиц.)

К стр. 87

Дело было, конечно, не в том, что китайцы «вывозили австралийское золото в Китай». Причины расовых конфликтов между австралийцами и китайцами в 1850—1870 гг. были гораздо глубже, и одна из важнейших — это эксплуатация предпринимателями более дешевого труда неорганизованных и неграмотных китайских рабочих или использование их в качестве штрейкбрехеров.

К стр. 90

Джон Стюарт дважды пытался пересечь Австралию в меридиональном направлении: в январе — октябре 1860 и в ноябре 1860 — сентябре 1861 гг. Но обе эти экспедиции закончились неудачно. В третий раз он отправился из Аделаиды на се-

вер 26 октября 1861 г. и через 9 месяцев, 24 июля 1862 г., достиг наконец своей цели: экспедиция вышла на северное побережье Австралии. Уже через два дня Стюарт пустился в обратный путь и 18 декабря 1862 г. вернулся в Аделаиду. Таким образом, Стюарт первым дважды прошел Австралийский континент от края до края. (Подробнее об исследовании внутренней Австралии см.: *Я. М. Свет.* История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966.)

Среди животных Африки

(Отрывки из книги)

Что испытывает жертва льва?

Если ты попал в страну, где каждый подражает льву, то там нельзя подражать козе.

Африканская поговорка

Хотя лев и уступает дорогу слону, когда встречается с ним на узкой тропе, да и носорог свободно может прогнать его со своего пути, тем не менее испокон веков большинство людей считает льва царем зверей. Когда охотнику в Африке надоедает его занятие (а это сейчас случается часто), он в первую очередь перестает стрелять во львов. Уже трое из моих приятелей признавались мне, что они теперь только затем берутся за ружье, чтобы подстрелить зебру для какого-нибудь старого или больного, умирающего с голоду льва. Словом, львы больше, чем любые другие животные, вызывают наше восхищение. Короли Англии, Шотландии, Норвегии, Дании изображали льва на своих гербах, а ведь это страны, в которых львы никогда не водились. На гербах городов Цюрих, Люксембург, Земли Гессен тоже изображен лев. Как это ни странно, в этих местах когда-то, в доисторические времена, водились львы. Это подтверждено недавними находками костей пещерного льва в некоторых странах Европы. По-видимому, пещерный лев дожил до появления человека и внешне не очень отличался от современного льва. В Греции, например, львы вымерли только к 200 году до нашей эры; они водились и в Палестине, что известно из Библии, где об этом упоминается 130 раз.

Значит, они вовсе и не тропические животные. В Африке их следы не раз находили на покрытых снегом склонах гор Кении и на Рувензори на высоте 3500 метров над уровнем моря, а предположительно они встречаются даже на высоте 5000 метров. В виде

редкого исключения на сей раз не люди повинны в истреблении пещерного льва в более северных странах. Ведь тем скромным оружием, которым обладал в те времена человек, ему было не под силу справиться с медведем, лосем, зубром, первобытным быком, а тем более со львом. Просто львы как обитатели открытых степей отступали все дальше к югу, по мере того как наш континент зарастал лесами. И тем не менее они повсеместно так знамениты, что их изваяния из камня уже целые тысячелетия украшают порталы китайских храмов и дворцов, а ведь гордый царь зверей в этих краях никогда не появлялся[1].

Что же в образе льва производит на нас такое впечатление? По всей вероятности, обрамленная гривой голова Зевса, немигающие янтарные глаза, которые намного больше наших собственных (диаметр глазного яблока человека — 23 мм, а льва — 37,5 мм), ну и, разумеется, его рев.

Львы, тигры и леопарды, у которых зрачок круглый, относятся к рыкающим кошкам в отличие от множества урчащих кошек, у которых зрачок имеет форму вертикальной щели. Львиный рык считается великолепнейшим и наиболее впечатляющим звуком мироздания. При благоприятных погодных условиях его можно услышать за восемь-девять километров. Лев издает этот рев обычно стоя, чуть опустив голову; бока при этом втянуты, а грудь мощно раздувается, словно мехи. Часто от сильной струи воздуха из-под головы животного вздымается пыль.

Лично на меня львиный рык действует аналогично колокольному звону (мальчишкой мне самому приходилось звонить в колокола): он настраивает меня на серьезный и торжественный лад. Некоторые люди говорили мне, что от этого рыка они испытывают приятное, щекочущее нервы чувство. Однако это лишь в тех случаях, когда слышишь его, сидя в машине, гуляя по зоопарку или через открытое окно своей комнаты, где чувствуешь себя в безопасности. А вот когда в Серенгети львы заревели в нескольких метрах (так нам во всяком случае казалось) от нашей палатки, то мы чуть не попадали с постелей.

Еще страшнее услышать его во время пешей прогулки в степи, тогда этот рык вызывает далеко не столь приятно щекочущие или торжественные чувства.

Ревут львы обычно вскоре после захода солнца и примерно в течение часа.

Что, собственно говоря, означает этот львиный рев? Этому пока еще не найдено сколько-нибудь приемлемого объяснения. Известный зоолог профессор Ганс Криг считает, что они просто достав-

[1] Львы еще в VIII—X веках водились на юге Европы и на Кавказе. Остатки пещерных львов очень многочисленны в плейстоценовых и плиоценовых отложениях. Они известны в десятках мест Франции, Италии, Бельгии, Австрии, Швейцарии, Польши и других странах. Во многих местах остатки пещерных львов найдены и в нашей стране, в том числе на Украине, Урале, в Поволжье, Воронежской области и так далее. Наиболее поздние остатки найдены в Крыму, где они обнаружены в слоях V—II веков до нашей эры.

ляют себе удовольствие — так же, как это делают райские птицы, красуясь своим радужным оперением, как обезьяны, когда они играют в свои буйные игры, и как многие антилопы, когда на них нападают приступы безумного веселья и они начинают совершать дикие прыжки.

А может быть, ревом лев торжественно оповещает своих сородичей о том, что данная местность принадлежит именно ему? Одно я могу сказать совершенно точно: заслышав этот рев, антилопы, зебры и газели вовсе не бросаются врассыпную, как об этом можно прочесть в разного рода книжонках...

Семейная жизнь львов нам, людям, весьма импонирует. Хотя самцы иногда и дерутся между собой, да так, что вокруг летят клочья выдранной черной или желтой шерсти, а случается, что один из противников и погибает, но бывает это не чаще, чем у наших боксеров на ринге. Ведь у львов тоже есть определенные спортивные правила.

Стая львов умудряется сообща мирно поедать одну зебру, в то время как многие наши домашние собаки не могут одновременно есть из одной миски. Беременная львица хотя и приносит свое потомство где-нибудь в укромном месте среди скал или кустарника, тем не менее через шесть недель она гордо приводит своих детей в родную стаю. Так же поступила всемирно известная теперь львица Эльса, приведя троих своих детенышей в палаточный лагерь к своим приемным родителям.

Самцы никогда не пожирают своих детенышей и лишь в самых редких случаях могут разорвать львенка из чужой стаи. Они терпят, правда, фыркая и строя самые недовольные гримасы, даже тогда, когда львята своими острыми молочными зубами теребят кусок мяса, который «папаша» держит в пасти.

Охотятся львы сообща, вместе и трапезничают; слабых и больных сородичей долгое время великодушно подкармливают. Никто пока не знает, изгоняют ли дряхлых, старых львов из стаи или они уходят оттуда добровольно. Замечено лишь, что старые львицы дольше остаются в стае, чем львы. Но кончается это неизменно одним и тем же — всех их разрывают на части гиены и гиеновые собаки. От болезней и старости в природных условиях не умирают.

Любовные парочки отделяются обычно от общей компании и целыми днями занимаются только друг другом. Даже в сильную жару они способны спариваться по 30, а то и по 40 раз в день!

Видимо, самцы кочуют по территории, занимающей многие квадратные километры, присоединяясь то к одной, то к другой группе самок и подростков. Во всяком случае наиболее сильные из них могут себе позволить такую жизнь. В каждой львиной стае есть своя иерархия, но самый слабосильный самец котируется выше любой самки.

И все же трудно сказать, что львы могут, а чего не могут сделать. Так, десяткам людей удавалось успешно спасаться от них, влезая на деревья и ночуя там. Подобные истории описываются

почти во всех приключенческих романах, посвященных Африке. В то же время мне самому не раз удавалось фотографировать львиц на деревьях, причем отнюдь не на наклонных стволах. В Маньяра-парке близ Аруши, львы, например, настолько привыкли отдыхать на деревьях, что туристы могут их фотографировать там в любое время. Кто знает, что их заставляет туда лазить? Может быть, на высоте шести, восьми, а иногда десяти метров меньше мух, может быть, им оттуда удобнее высматривать свою добычу? Но почему же тогда они этого не делают в других местах?

Один охотник за крупной дичью сообщал как-то о том, что измерил прыжок льва, который равнялся 12 метрам, а другой видел, как лев перемахнул через пропасть шириной в 11 и глубиной в 22 метра. В то же время на открытых площадках всех современных зоопарков уже в течение полувека львов отгораживают от зрителей рвы шириной не более восьми метров, и еще ни разу ни один из них не перепрыгнул на другую сторону. Правда, бывали случаи, когда львы тонули в этих рвах, как правило, наполненных водой, если они бывали построены без ступенек, ведущих наверх.

В зоопарках львы обычно добровольно не купаются и не плавают, в то время как тигры делают это чрезвычайно охотно. В то же время знаменитая львица Эльса, принадлежавшая Адамсонам, часами с восторгом плескалась и плавала в море вместе с людьми, а на озере Виктория мне не раз приходилось наблюдать, как львы добирались вплавь до острова Укерере, находящегося в 200 метрах от берега.

«Львы настолько ленивы, что шагу не ступят зря и ждут, пока им корм положат под самый нос»,— утверждает директор Венского зоопарка профессор Антониус. Тот, кому приходилось видеть в Африке, как львы часами, а то и целый день неподвижно лежат в тени под каким-нибудь кустом, охотно подтвердит подобное мнение. И в то же время они способны часами без всякой видимой причины разгуливать по местности, где полным-полно всякой дичи и раздобыть ее не составляло бы им никакого труда.

Почти среди всех видов животных встречаются и альбиносы, и абсолютно черные (есть белые тигры и черные леопарды), а вот белого или черного льва видеть еще никому из нас не приходилось. Однако в 1962 году одному посетителю Крюгеровского национального парка в ЮАР посчастливилось не только увидеть белую львицу, но и заснять ее на пленку.

Многие охотники и исследователи неоднократно утверждали, что существуют породы пятнистых львов. Но каждый раз выяснялось, что речь идет не о какой-то особой разновидности, а просто об отдельной взрослой особи, не сбросившей еще своего «детского костюма». Случается и наоборот: в некоторых пометах встречаются львята без присущей их возрасту пятнистости.

По черепам и шкурам, появившимся в музеях в результате раскопок за последнее столетие, можно установить существование в недавнем прошлом десятков подвидов львов. Однако все современные львы, живущие и в Индии, и в Африке, принадлежат к

одному и тому же виду. В Индии львы были уже почти полностью истреблены (их осталось 13 штук в заповедном лесу Гир, севернее Бомбея), когда правительство спохватилось и начиная с 1908 года объявило строжайшую охрану этих редких животных. За последующие десятилетия число львов там возросло до 200 голов. Хотя считается, что у индийских львов более желтые и короткие гривы, чем у африканских, но это не так, среди них встречаются самые разнообразные. И абсолютно неверно, будто бы львов в Индии вытеснили тигры. У тигров совершенно иные места обитания, они живут в лесу, а львы — в степи. Просто тех животных, которые обитают в лесной чаще, значительно сложнее истребить, чем тех, за которыми можно охотиться на открытых пространствах.

Существовавшие когда-то львы — и северные африканские, и южные африканские, и знаменитые берберийские, населявшие некогда побережье Средиземного моря, и капские — были не крупнее, чем все ныне живущие виды, а гривы у них были не более черные.

30 лет назад в одном южноафриканском клубном ресторанчике было обнаружено чучело льва, убитого в 1836 году возле Капштадта. Лев этот, ныне экспонируемый в Естественно-историческом музее Лондона, совершенно ничем не отличается от ныне живущих его сородичей. То же самое можно сказать о двух сохранившихся чучелах североафриканских берберийских львов, выставленных в Лейденском музее в Голландии. А вот в Серенгети и в кратере Нгоронгоро можно встретить всяких львов: и мелких, и крупных, и короткогривых, и с льняными гривами, и с черными. Когда речь идет о живых существах, не может быть правил без исключений, а в отношении львов в особенности.

В начале этой главы я говорил, что лев, как правило, уступает путь носорогу. Мне даже удалось как-то снять кадры, демонстрирующие, как носорог прогоняет льва. Большей же частью носороги не обращают никакого внимания на появляющихся поблизости львов. Тем не менее как-то в кратере Нгоронгоро несколько молодых львов развлекались тем, что подкрадывались сзади к носорогу и отвешивали ему основательный шлепок по задней части. Когда взбешенный носорог резко поворачивался в сторону обидчика, другой «шутник» подбегал с противоположной стороны и проделывал то же самое. Подобное развлечение львов наблюдали и в Кении. А вот очень популярного и любимого туристами носорога, который всегда держался поблизости от туристского лагеря «Ол Тукаи» в Амбосели-парке, однажды ночью задрали два льва. Несчастный так визжал, отбиваясь от своих преследователей, что лесничему Табереру пришлось выехать на машине на место происшествия. Он прогнал львов лучом прожектора, а замученного носорога прикончил выстрелом.

Обычно же львы умерщвляют свою жертву быстро. Они прыгают сбоку или сзади на спину своей добычи, наваливаясь на нее передней частью своего тела, задние же их ноги остаются стоять на земле. Затем передней лапой лев хватает животное за голову и

рывком дергает ее к себе. Считают, что при этом ломаются шейные позвонки, но это пока еще не доказано. Большей же частью они впиваются зубами в горло и душат таким образом свою жертву. Иногда с этой же целью сжимается зубами нос.

Неверно, будто бы это выпадает всегда на долю львиц, в то время как самцы только лениво наблюдают и ждут возможности поживиться готовой добычей. Когда я проделывал свой опыт с искусственной зеброй, которой подманивал львов и провоцировал их к нападению, из смешанных групп львов всегда первыми нападали самцы.

Группа львов всегда охотится сообща. Делается это так: два или три льва ложатся в высокую траву неподалеку от пасущегося стада зебр или антилоп. Остальные начинают красться вокруг стада и затем внезапно нападают с противоположной стороны, загоняя животных прямо на своих спрятавшихся в траве товарищей. Такой способ охоты является прирожденным, потому что львица Эльса, принадлежавшая чете Адамсонов, выращенная людьми в домашних условиях и явно не приученная к подобному способу охоты, во время прогулок со своими «родителями» обегала вокруг жирафов и гнала их прямо на членов своей «стаи», в данном случае на людей. Если бы ей вздумалось подобным же образом загонять кафрских буйволов, «двуногие львы» почувствовали бы себя неуютно.

Кто быстро и поэтому не варварски убивает, тот меньше рискует и сам быть раненым в схватке. Голодные львы, набрасывающиеся на слишком крупную и сильную жертву, вынуждены зачастую выдерживать кровопролитные бои, из которых далеко не всегда выходят победителями. Так, известен случай, когда кафрский буйвол выломал напавшему на него льву несколько ребер. А в другой раз самец жирафа размозжил атакующему льву лопатку. Этот тяжелораненый лев, не способный больше самостоятельно добывать себе пропитание, оставался в стае, и собратья его подкармливали. Львиный молодняк, оставшийся по каким-либо причинам без старших и вынужденный самостоятельно охотиться, часто не знает, что делать со своей жертвой, и медленно замучивает ее до смерти.

Есть люди, которым здорово повезло: напавший на них лев чем-то отвлекся или чего-то испугался и выпустил их из пасти. Такое случилось, например, с лесничим Вольхутером и с известным исследователем Африки Дэвидом Ливингстоном, который впоследствии подробнейшим образом описал все, что испытывал в этот момент. Он не ощущал ни боли, ни страха, а был словно парализован и абсолютно безразличен ко всему происходящему. Так чувствует себя пациент перед операцией, когда уже началось действие наркоза. Подобное же испытывает, вероятно, мышь, когда кошка несет ее в зубах, или антилопа в пасти льва. Отдельные особи, которых лев протаскал за собой минут пять, производили впечатление совершенно бездыханного трупа, но как только лев опускал их на землю и чем-то отвлекался, они вдруг вскакивали и убегали.

А с одним моим приятелем, Гордоном Пульманом, произошло такое происшествие. Он увидел из машины льва, который только что убил гну. Хищник убежал, а лесничий вылез из машины, чтобы воспользоваться случаем и отрезать себе кусок свежего окорока. Но тут он услышал предостерегающие крики своего шофера-африканца и увидел, что казавшийся мертвым гну вскочил и собирается на него напасть. Он едва успел схватить его за рога и, пятясь задом, добраться до спасительной дверцы машины.

Уже не раз описывались случаи, когда львы дерзко проникали в палатки с людьми, но в страхе бросались наутек из-за того, что какой-нибудь чемодан с грохотом сваливался с полки. В то же время в Крюгеровском национальном парке однажды ночью группа львов уселась вокруг медного гонга, и один из них время от времени ударял по нему лапой, чтобы он гудел, а остальные с интересом слушали. Резиновый мешок с водой, висевший на дверном косяке нашей «спальни» и используемый нами в качестве умывальника, львы несколько раз подряд просто так, из озорства, разрывали когтями, микрофон же, выставленный на ночь за дверь (для записи шумов африканской ночи), хватали зубами и утаскивали, а кабель рвали на части.

Один мой знакомый, биолог К. А. Гуггисберг, выпустил книгу, в которой описал не только свои собственные многочисленные наблюдения за львами, но и все примечательное, что удавалось заметить исследователям Африки и охотникам относительно их образа жизни и повадок. Так, есть утверждения, будто лев может развить скорость до 115 километров в час. Но в то же время известно, что гепард, который бегает, безусловно, быстрее любого льва, во время испытаний на английском треке для тренировки собак в погоне за электрическим зайцем показал скорость лишь 70,7 километра в час. Еще американский президент Теодор Рузвельт, который был большим любителем природы и путешествовал в свое время по Африке, утверждал, что лев не может догнать лошадь, а английская породистая лошадь обычно не развивает скорости более 64 километров в час. При этом лев, как правило, через 50—100 метров прекращает погоню, если ему не удается схватить свою жертву сразу. Только за совсем молодыми, еще не вполне освоившими бег животными или за слабыми и больными он гоняется дольше. Вот поэтому-то антилопы и зебры никогда не бросаются бежать от проходящего мимо них льва, если он все время у них на виду. Они продолжают мирно пастись и следят лишь за тем, чтобы не потерять его из виду. Что же касается кафрских буйволов и слонов, то они иногда даже прогоняли львов от только что добытой жертвы и часами стояли и караулили ее, чтобы эти большие кошки не могли к ней вернуться.

То, что в природе не бывает абсолютно вредных животных, мы уже знаем. Тем не менее интересно выяснить, скольких животных должен умертвить живущий на свободе лев, чтобы самому выжить.

В зоопарке льву ежедневно дают от шести до восьми килограммов мяса, обычно это конина, говядина и китовое мясо. Все

это он съедает с одинаковым удовольствием. Львы ведь и на воле питаются довольно однообразно, обычно зебрами, следовательно, дикими лошадьми. Тигры, леопарды, гепарды и другие хищные кошки чувствуют себя лучше, если их меню состоит из более разнообразных сортов мяса. На свободе лев способен съесть за один раз до 18 килограммов мяса, а по другим оценкам, даже 31 килограмм. В общем это не так уж много, если учесть, что ему вовсе не обязательно ежедневно обедать. С другой стороны, он зачастую убивает больше животных, чем может съесть.

Как только лев почувствует, что уже больше не в состоянии проглотить ни куска от своей добычи, он отходит от нее и разваливается в тени ближайших кустов, чтобы переварить пищу. В тот же момент возле остатков его трапезы появляются гиены, грифы или шакалы и утаскивают большую часть оставленного им продовольствия. В свою очередь и лев иногда отгоняет гиен от их законной добычи.

Уэллс считает, что лев за год в среднем убивает 19 животных весом в 117 килограммов, что за 10 лет составляет 190 жертв.

Райт в течение многих месяцев наблюдал в Восточной Африке за поведением львиных стай на воле. За одну ночь они пробегали от 1,9 до 10 километров, и на три четверти добычу их составляли гну, зебры и газели Томсона, среди которых преобладали самцы. Мясо, приходившееся на одного льва в день, составляло по весу 13 процентов от веса его тела.

* * *

Много или мало этих больших желтых кошек находится в той или иной местности, зависит, впрочем, не только от числа животных, которыми они питаются, а также... от высоты травы.

Мы заметили, что в Серенгети стада гну, зебр и газелей Томсона, когда у них появляется молодняк, обязательно откочевывают в места, где трава низкая. В такой траве лев не может спрятаться.

* * *

Мне здесь не хочется повторять старые истории о львах-людоедах, приостановивших, например, строительство Угандийской железной дороги: они утаскивали одного за другим строительных рабочих, а под конец вытащили из спального вагона и самого инженера. Железнодорожная компания до сих пор сохранила телеграммы от индийских станционных служащих, работавших в этой местности в 1905 году: «Лев на перроне. Пожалуйста, предупредите машиниста, чтобы подъезжал с величайшей осторожностью и без сигнала. Начальнику состава запретить выход пассажирам»; или: «Стрелочник сидит на телеграфном столбе возле водокачки. Необходимо там остановить поезд и взять его с собой».

Между прочим, эта телеграмма относится не к таким уж давним временам, всего лишь к 1955 году.

* * *

В Серенгети живет ровно тысяча львов. Новейшие исследования Джорджа Шаллера показали, что половина появившегося на свет львиного потомства погибает. Если львицы очень голодны, они способны отогнать от мяса даже собственных детенышей. Поединки между львами, как правило из двух различных стай, происходят крайне редко и лишь в исключительных случаях могут привести к смерти одного из дерущихся. Охотничий участок одной стаи, помеченный мочой самцов, может достигать 260 квадратных километров. Такие оседлые стаи львов, «владельцев» определенного участка земли, не следуют за кочующими стадами антилоп и зебр в открытую степь. Это делают лишь небольшие группы львов-«кочевников», не сумевших занять себе собственного охотничьего участка.

Прежде, чтобы убить льва, надо было обладать настоящим мужеством и сноровкой. Знаменитый охотник и исследователь Африки Ф. Селу, путешествовавший по ней начиная с 1870 года почти до конца века, таскал с собой не обычное ружье, а шомпольное, своего рода пушку весом 4,5 килограмма. В дуло этого ружья он насыпал 23 грамма дымного пороха, шомполом досылал до него пулю 10-го калибра, обернутую в вощеную тряпочку, и надевал на брандтрубку пистон—и все это, заметьте, верхом на лошади, иногда на полном скаку.

Кроме того, у таких смельчаков всегда еще оставалась приятная возможность даже из-за самой пустяковой раны умереть где-нибудь в безлюдной саванне от заражения крови. Их заслуженной славой доблестных исследователей Африки и охотников за львами в последующие десятилетия нередко совершенно несправедливо пользовались некоторые ловкачи, которые охотились за этими большими желтыми кошками без всякой опасности для жизни, сидя в машине и стреляя из удобного современного оружия, а затем возвращаясь в комфортабельные палаточные городки с холодильниками.

Живи Селу сегодня, он, как и большинство очарованных природой знаменитых охотников прошлого столетия, скорее всего стал бы «охотиться» с фотокамерой, а не с ружьем.

Первые снимки львов в природной обстановке были сделаны в начале нашего века Карлом Георгом Шиллингсом. Шиллингс разъезжал, как он писал, «со вспышкой и ружьем» у подножия Килиманджаро. Фотографировал он громоздким, тяжелым и несовершенным аппаратом. Львы были сняты ночью при вспышке магния возле убитой ими зебры. А сегодня в этих же самых местах в Амбосели-парке туристы постоянно имеют возможность из машин с самого близкого расстояния снимать на прекрасную цветную пленку тех же животных, впрочем ставших в последнее время уже почти ручными.

И тем не менее по-настоящему хорошие «львиные фототрофеи» все еще редки. Легко снять сидящих, лежащих, стоящих или даже

пожирающих добычу львов. Но совсем мало снимков, запечатлевших этих хищников в момент охоты или расправы над жертвой. Ведь это происходит не так уж часто и с необыкновенной быстротой.

В течение десятков лет по всему миру из одного издания в другое перепечатывалась будоражившая нервы фотография, на которой был запечатлен момент нападения львов на зебру, которая поднялась на дыбы и пытается защититься. Позже выяснилось, что один фотограф одолжил всю эту экспозицию в маленьком родезийском музее и, выставив ее на фоне кустарника, заснял.

Так что еще и сегодня добыча хороших «львиных фототрофеев» не утеряла своего значения и интереса.

Как мой автомобиль плавал среди крокодилов

Когда огромный баобаб упадет, по нему могут скакать даже совсем маленькие козы.

Африканская поговорка

Человек испытывает к различным животным отнюдь не одинаковые чувства: по-разному мы относимся к дождевому червю и слону, к амебе и шимпанзе. И уж, конечно, те животные, которых мы можем зажарить и съесть, нам намного симпатичнее тех, которые сами могут съесть нас... Мне, например, никогда не встречались любители животных, увлекающиеся крокодилами, несмотря на то, что в Древнем Египте их почитали за божества. К слову сказать, крокодилы отнюдь не так уж опасны, как расписывают их во многих приключенческих романах. Мой знакомый лесничий Франк Попплетон каждое утро переплывал Виктория-Нил, реку, известную своими крокодилами, и тем не менее его ни разу эти животные не тронули. А вот его африканскому помощнику крокодил однажды совершенно изуродовал ногу. Когда же в Африке крокодилы еще встречались в массовом количестве, они иногда утаскивали и пожирали людей.

Так, в сентябре 1962 года три сына фермера Вильяма Кокса в возрасте трех, восьми и двенадцати лет купались в реке Кабуэ, близ Хинголы. Вдруг плававший там же британский полицейский инспектор Джон Максвелл к своему ужасу заметил, как к купающимся детям бесшумно подплыл четырехметровый крокодил. Максвелл был отличным пловцом, он моментально нырнул и успел одного за другим выбросить детей на торчащий из воды валун. Самому же ему уйти не удалось: огромный крокодил схватил его за ногу и потащил под воду. Однако Максвелл сумел, уже под водой, выдавить крокодилу оба глаза, после чего тот его выпустил. Молодая

храбрая африканка Маломи, прибежавшая на его крики, пересилив страх, вошла в воду, хотя сама не умела плавать, и вытащила обессилевшего от потери крови Максвелла на берег. Левую ногу ему пришлось ампутировать. А спустя месяц Максвелла привезли в Англию, где его наградили медалью Святого Георга.

В таких случаях африканцы часто проявляют неслыханное мужество и удивительную готовность прийти на помощь. К сожалению, в юношеской приключенческой литературе на Западе эти качества всегда приписываются только краснокожим, то есть индейцам, в то время как они в неменьшей степени присущи и африканцам, но об этом несправедливо редко упоминается в книгах.

Несколько лет назад мне самому довелось зашивать разорванную крокодилом руку молодому биологу Яну Паркеру, который пытался на мелководье поймать небольшого крокодильчика.

Я должен сознаться, что не люблю купаться в водоемах, где водятся крокодилы. Даже если их сверху не видно, они могут быть где-то поблизости, потому что взрослый крокодил способен больше часа находиться под водой и не дышать.

* * *

Но даже то, чего не любишь, может все же привлекать интерес. Туристы отправляющиеся сегодня в национальные парки, обязательно хотят видеть крокодилов, несмотря на то что они вызывают у них отвращение и страх. А крокодилов-то и нет! Ведь их можно считать уже почти вымершими животными. Они сделались жертвами моды. Дело в том, что, с тех пор как в моду вошли дамские сумочки, туфли и перчатки из крокодиловой кожи, за каждый ее сантиметр стали платить немалую сумму. Так, например, в одном только 1952 году из Танганьики (теперешней Танзании) было вывезено 12509 крокодиловых шкур.

Самые замечательные старые крокодилы сохранились теперь в Африке только в Уганде в национальном парке Мерчесон-Фолс. Когда едешь на моторном катере из туристического отеля вверх по стремительному и широкому Виктория-Нилу по направлению к знаменитым Мерчисонским водопадам, то можно увидеть дюжины этих «степенных джентльменов», греющихся на солнце возле берега и на песчаных косах. Они давно привыкли к лодкам с посетителями и не обращают на них никакого внимания (впрочем, так же ведут себя и кафрские буйволы, слоны, бегемоты и носороги). Это по сути дела единственное место не только в Африке, но и на всем земном шаре, где еще можно на воле фотографировать крокодилов.

Много лет назад я лежал здесь часами в одних плавках в маленькой лодчонке и наблюдал за этими чудовищами. Так приятно печься под прямыми лучами экваториального солнца и посматривать на этих зеленовато-серых уже немолодых лентяев! А они в свою очередь поглядывают на меня. Тишина. Время от времени в воде всплескивает какая-нибудь большая рыба, мимо проплывают зеленые пучки нильского салата, и такая на тебя нападает истома,

что забываешь про кинокамеру; эти старые ленивцы все равно лежат на берегу без движения и снимать их неинтересно. А ведь некоторые из них уже вылупились из яиц в то время, когда еще ни один белый человек не видел верховьев Нила! По всей вероятности, они помнят и первого британского путешественника Самуэля Бэкера, проплывавшего по этой реке 80 лет назад вместе со своей юной женой — красавицей венгеркой в длинной макси-юбке. Ведь крокодил по достижении 20 лет ежегодно прибавляет в росте только 3,6 сантиметра; следовательно, гигантам, длина которых превышает 5,5 метра, больше 100 лет! Самый большой крокодил, застреленный в этих местах, достигал 6,3 метра. Уж такого в квартиру не затащишь! Из живота другого здешнего крокодила недавно извлекли пятиметрового питона, а один из наших лесничих два года назад наблюдал случай, когда крокодил подкрался к группе из пяти львов, спустившихся на водопой, схватил одного «подростка» и утопил.

* * *

В то же время этих страшилищ нельзя назвать прожорливыми. При своем малоподвижном образе жизни они расходуют очень мало энергии. Биолог Г. Б. Котт исследовал желудки 263 крокодилов. У 55 процентов из них в желудках не оказалось никакой пищи или были обнаружены лишь непереваренные остатки в виде шерсти, чешуи, когтей и так далее; при этом 68 процентов из тех, у кого желудки были наполнены, принимало пищу совсем недавно. У нас в зоопарке крокодил за 150 дней поглощает лишь столько мяса, сколько сам весит, в то время как, например, пеликан в один «присест» набивает в себя огромную массу рыбы, вес которой может составить одну треть его собственного веса. Следовательно, крокодилов никак не назовешь обжорами.

Национальный парк Мерчисон-Фолс в Уганде издавна славился как «крокодилий рай». Недаром зоологи, изучавшие жизнь этих гигантских ящериц, всегда стремились побывать там. Так было еще несколько лет назад. Правда, и теперь на Виктория-Ниле еще можно встретить крокодилов, но с каждым месяцем их становится все меньше и меньше. Соблазненные высокими ценами на крокодиловую кожу, жители рыбацких поселков на озере Киву занимаются браконьерством. Ночью они тайком пробираются в лодках по Виктория-Нилу, ослепляют спящих на берегу крокодилов прожектором и либо стреляют в них, либо закалывают копьями. Правда, на берегах специально для охраны поселили смотрителей парков, но практически они бессильны: увидев с берега браконьера, они должны проехать на вездеходе 20—30 километров до лодочной станции и только потом догонять нарушителей на моторном катере. За это время те успевают не только изчезнуть в кустах, но и спрятать свои лодки. Смотрители не раз жаловались мне на свою вынужденную неоперативность. «Как жаль, что на автомобиле нельзя проехать по реке, а на моторной лодке — по кустарнику», — сказал мне както смотритель Жан Витер.

Тогда-то мне и пришла в голову счастливая мысль, как им помочь. У нас в стране одна фирма выпустила автомашины, на которых можно ездить и по воде. Это настоящая находка в борьбе с браконьерством в Уганде! На такой машине можно быстро ехать вдоль берега и, завидя подозрительные фигуры, прямо въезжать в воду. Тогда браконьеры не успеют скрыться. Даже если они побросают свои лодки и побегут по берегу, их можно преследовать и вылавливать, освещая лучами фар. Такое приобретение, безусловно, придаст бодрости духа работникам парка в их бесконечной борьбе с браконьерством. Во всяком случае это дело стоит того, чтобы его испробовать.

Решено. Я заказываю такую машину и сразу же переправляю ее в Момбасу, в Кению. Мой оператор Алан Тур принимает ее там и гонит своим ходом тысячу километров до Уганды. Когда я после девятичасового полета приземлился на аэродроме в Энтеббе (так быстро теперь туда можно добраться из Европы), он уже встречал меня в этой весьма элегантной красной машине. Я погрузил туда свои чемоданы, откинул верх, и мы двинулись к национальным паркам.

Наш автомобиль мчался по проселочной дороге со скоростью 110 километров в час. Своим красивым и модным видом он выгодно отличался от обычного вездехода. Когда мы останавливались у бензоколонок, нас сразу же окружала толпа африканцев, которые присаживались на корточки и заглядывали под нашу машину; они тут же замечали, что сзади между колесами имеется два винта. Их удивлению не было границ: ведь они еще ни разу не видели автомобиля, который мог бы ехать и по воде. Когда же я в шутку сказал, что на этой новинке можно еще летать по воздуху, они легко в это поверили.

Автомобиль, действительно, оказался превосходным: когда мы его опробовали в канале Казинга в национальном парке Куин-Элизабет, а также в озере Эдуард, выяснилось, что на нем совсем не обязательно въезжать в воду осторожно; очень скоро мы научились влетать туда на полном ходу, поднимая целый фонтан брызг. Для того, чтобы переключить двигатель с колес на гребные винты, нужно только повернуть рычаг, а управление осуществляется тем же рулем, который дает направление передним колесам.

Трудно себе представить удивление и испуг людей, едущих на пароме, когда я обогнал их и сделал пару «кругов почета». Обе дверцы моего автомобиля достают до воды, однако они закрыты герметически. При переходе с суши в воду их прижимают еще крепче специальной рукояткой.

* * *

Конечно, такой автомобиль-амфибия — превосходная игрушка для взрослых мужчин.

Семья бегемотов принимает мою амфибию за лодку, и самец грозно бросается мне навстречу. Но видя, что я спокойно продол-

жаю свой путь между ними, все 20 толстокожих предпочитают предусмотрительно скрыться под водой. По пузырям, лучами расходящимся по поверхности, я узнаю, где они сейчас находятся. Дело в том, что, когда бегемоты бегут по дну, они взбаламучивают своими толстыми ногами придонный ил, и пузырьки газа из него поднимаются к поверхности.

Но один самец, оказывается, не удрал — он здесь, подо мной. Я внезапно чувствую, как колеса наезжают на что-то круглое и скользкое. Потом меня приподнимают кверху... Но автомобиль не лодка, его не так-то просто опрокинуть, и тут обычный трюк рассерженного бегемота не пройдет!

Помню, как несколько лет назад на конголезской (заирской) стороне озера Эдуард бегемотиха атаковала мою железную лодку. Правда, опрокинуть ее ей не удалось, но африканец, сидящий на борту лодки, описал в воздухе круг и шлепнулся прямо на клык, торчащий из широко разинутой пасти толстокожего. Человек сильно поранил ягодицу, но преследовать и кусать его бегемот не стал: они вообще редко нападают в воде на людей.

А вот из эдакой машины меня не удастся выкинуть ни одному даже самому сильному толстокожему! Я сижу удобно и прочно на мягком сиденье и поистине наслаждаюсь «победой человеческой техники над силами природы». Скверно было бы только, если бы приподнявшему мою амфибию бегемоту вздумалось пробить своим клыком дырку в обшивке, тогда эта штука легко пошла бы ко дну. Но бегемот настроен не столь агрессивно, он не так уж всерьез рассержен.

Все это неожиданное происшествие с бегемотом Алан успел заснять на кинопленку. Мой оператор находится в гораздо более опасном положении: сидит в настоящей скорлупке — деревянной лодчонке с подвесным мотором, да еще вместе с молодой женой Жоан. Корма лодки едва возвышается над водой, так что Жоан все время приходится вычерпывать воду. Вот если бегемоту вздумается зацепить их суденышко, они имеют шанс быстро промокнуть! Поэтому-то они и стараются держаться на почтительном расстоянии от этих чудовищ и пользоваться телеобъективами.

* * *

Я дерзко подъезжаю к группе слонов, пьющих воду у самого берега; ведь мне известно, что они обычно стараются преследовать своих врагов на суше, а не в воде. Несмотря на то что я заблаговременно выключил мотор и подплываю к ним бесшумно, верзилы забеспокоились. Они отступают, топча мягкий прибрежный песок, взволнованно поводят своими огромными ушами и быстро исчезают, ловко взобравшись по поросшему кустарником откосу. Сразу же все стихает, словно их здесь и не было. Но одному самцу, пасшемуся отдельно за песчаной косой, пришлось со мной познакомиться поближе. Он оказался столь легкомысленным, что зашел по мелководью на очень узкую полоску пляжа, за которой

поднималась отвесная стена берега, слишком гладкая, для того чтобы по ней мог взобраться даже такой хороший скалолаз, как слон. Вернуться назад он уже не решался, потому что я и мой красный автомобильчик не внушали ему доверия. Он продолжал отступать вдоль отвесной стены, пока ему не преградило дорогу большое дерево. Таким образом этот дуралей попал в ловушку. Памятуя, что лучший способ обороны — это наступление, он, громко трубя, делает несколько угрожающих шагов мне навстречу. Однако, заметив, что красная штуковина и не думает от него убегать (на что он, видимо, втайне надеялся), слон снова теряет присутствие духа и отступает. Окажись он похрабрее, я не уверен, что смог бы так быстро включить мотор, чтобы вовремя отъехать. Наконец, полный отчаянной решимости, он совершает прорыв: быстро с поднятым хвостом проскочив мимо меня, он исчезает в кустарнике на более отлогом месте.

Когда от вас в панике убегают такие великаны, вы начинаете казаться себе значительно внушительнее; во всяком случае, пробираясь по африканским зарослям пешком, я держу себя гораздо скромнее...

Это прекрасное «автомобильное чувство» меня не покидает, и я наслаждаюсь им, удобно устроившись на мягком сиденье. Только на мелком месте надо быть осторожным: винт может застрять в песке. Дело не в том, что он сломается — винты вмонтированы высоко между задними колесами и потому не достают до дна; даже если и застрянешь, нетрудно высвободиться, надо только пустить в ход задние колеса. Однако на переключение двигателя и снятие с мели уходит некоторое время, и, если в этот момент на берегу стоит возмущенный кафрский буйвол и делает угрожающие движения в вашу сторону, вы начинаете чувствовать себя несколько неуютно. Если при подобных обстоятельствах внутрь машины попадает вода, то достаточно потянуть за соответствующую ручку, и заработает электрическая помпа, которая мгновенно ее выкачает.

Мне совершенно непонятно, каким образом в такой надежной посудине двое недавно ухитрились утонуть. Это случилось возле Гамбурга. Вероятно, у них был закрыт верх, и они в панике не могли его открыть. Я же предусмотрительно езжу в открытой машине, что для меня совсем непривычно. Ведь обычно здесь, в Африке, мы пользуемся закрытыми вездеходами, где сидишь, как в домике, и откуда в случае необходимости можно вылезти через верхний люк на крышу.

* * *

Семейство львов ничего не имеет против моего визита и даже разрешает осторожно проехать между львицами и их детенышами. Они ведут себя так же, как и все другие современные львы в национальных парках. Эти животные все меньше обращают внимания на назойливых посетителей, приезжающих на машинах.

Львы не только не нападают на вас, но даже не рычат, они просто не удостаивают вас вниманием. Вы не существуете для них, вы что-то вроде назойливых мошек. Если они улеглись в тени, то никакой вездеход и даже 20 туристов не в силах вынудить их подвинуться хотя бы на метр, для того чтобы их можно было сфотографировать при солнечном освещении. Львица не обращает на вас никакого внимания, ее взгляд лениво скользит мимо; вы можете кричать, свистеть, топать ногами — она даже не повернет головы. Если какой-нибудь лев и посмотрит в вашу сторону, то создается впечатление, что он смотрит сквозь вас, вы для него пустота, воздух.

Многие люди очень тяжело переживают такое пренебрежение. Им хочется бросаться камнями и ругаться, чтобы заставить царя зверей удостоить их хоть беглым взглядом. Однако эта большая желтая кошка поднимается, проходит в полуметре от задних колес вашей машины и исчезает за ближайшим холмом.

Львы, которых я обнаружил здесь, прямо среди голой степи, нисколько не заинтересовались моей красной машиной, хотя, безусловно, никогда еще не видели такой сверкающей диковины (такова уж их невозмутимость). Это три взрослые львицы с подростками и одним совсем маленьким, примерно четырехмесячным, детенышем. Я утешаюсь тем, что заинтересовал собой хоть «бэби». Он отделяется от общей группы, разглядывает меня и обходит вокруг моей красной «амфибии». Может быть, теперь мамаша забеспокоится о нем и подойдет, чтобы приглядеть за своим малышом? Ничуть не бывало. Я продолжаю оставаться пустотой для нее, хотя она сидит так близко, что при желании я мог бы дотянуться до нее рукой.

И в то же время среди здешних львов есть какой-то преступник. Прошлой ночью на границе национального парка впервые за 50 лет был съеден один человек. Он ловил рыбу, задержался и пришел слишком поздно к пограничной заставе, где его уже не пропустили через границу. Пограничники предложили ему переночевать в ближайшем домике у проезжей дороги. Обитатели хижины ничего не имели против, только не согласились взять в комнату ведро с пойманной снулой рыбой. Боясь оставить свой улов без присмотра, этот человек решил заночевать на крыльце. На другое утро его не нашли. Кровавый след вел в кустарник. Там в луже крови лев оставил лишь руку и ногу несчастного.

Но это из ряда вон выходящий случай. Для спасения чести львов я должен сказать, что чаще здесь бывает наоборот: за последнее десятилетие бесчисленное множество львов было раздавлено автомашинами на дороге, ведущей через парк Куин-Элизабет. За два дня до трагического происшествия с рыболовом грузовик врезался прямо в группу отдыхающих львов, одного убил, а остальных покалечил.

Моя «амфибия» привела в необычайный восторг американских туристов, и они усиленно уговаривали меня продать ее им. Но мы с моим другом Обри Бакстоном решили подарить ее Угандийскому

национальному парку. Будем надеяться, что с ее помощью африканскому директору парка Френсису Катете удастся полностью покончить с браконьерством.

Для успешной борьбы с браконьерством на Виктория-Ниле Франкфуртское зоологическое общество подарило ему еще и моторную лодку.

* * *

Спустя несколько месяцев я получил от своего оператора Алана Рута письмо следующего содержания:

«Теперь я уже выбрался из больницы, но чувствую себя еще паршиво, вся рука от самого плеча до кисти опухла и болит. Случилось это со мной в национальном парке Меру, в палаточном лагере Джой Адамсон. Недалеко от лагеря я обнаружил африканскую гадюку длиной примерно в 1 метр 20 сантиметров, которую и поймал, для того чтобы показать ее Джой и одной американке, сопровождавшей нас в поездке. Я открыл гадюке пасть и выдавил немного яда, чтобы показать дамам, сколько за один раз может выделяться яда у таких змей. Затем я опустил змею на землю, потому что молодая американка должна была перезарядить пленку. Когда же я снова хотел поднять змею и схватил ее за шею, она была уже настолько обозлена, что резко вывернулась и укусила меня за руку.

Поскольку меня десять лет назад уже кусала такая змея и мне вводили противозмеиную сыворотку, я знал, что новое вливание в таком случае может оказаться противопоказанным. Поэтому я решил выждать с этим делом, чтобы сначала выяснить, сколь опасным будет для меня этот укус. Так как я у этой змеи предварительно уже выдавил часть яда, то полагал, что у нее осталось его не так уж много. Однако рука быстро опухла, сознание мое мутилось и к горлу подступала тошнота. Тогда Жоан вкатила мне три шприца (30 кубических сантиметров) сыворотки, и мы вылетели на самолете в Найроби.

Как мы и ожидали, мой организм очень резко прореагировал на противоядие — меня вырвало, дыхание и сердцебиение начали катастрофически учащаться. Когда мы добрались до больницы в Найроби, врач решил, что мое состояние вызвано змеиным укусом, и добавил мне в вену еще 10 кубиков сыворотки. Я сейчас же впал в шоковое состояние, и тогда уж им, чтобы спасти мою жизнь, пришлось срочно вводить в меня антигистамины, кортизон, адреналин и кислород.

В последующие три дня мое состояние все ухудшалось. Кисть чудовищно раздулась и покрылась огромными пузырями, наполненными кровью. Вся рука распухла, посинела и стала толщиной с мою ляжку. Большие кровяные опухоли ползли от подмышки через всю лопатку почти до поясницы, а спереди — до шеи. На чет-

вертый день процент гемоглобина у меня упал до 36—40, что считается самой нижней границей. Тогда мне перелили 2,2 литра крови, после чего я почувствовал себя значительно лучше.

С этого дня дело пошло на поправку. Для моего дальнейшего лечения Жоан вызвала профессора Дэвида Чэпмана, специалиста по лечению от укусов змей, который и прилетел на самолете из ЮАР. Его консультация имела для нас большое значение, потому что в эти первые четыре ужасных дня здешние врачи явно уже склонялись к тому, чтобы отнять поврежденную руку. В ней перестал прослушиваться пульс, а пальцы до того опухли и деформировались, что казалось, я уже никогда не смогу ими пользоваться. Однако теперь, спустя четыре недели после укуса, рука почти приняла свои прежние размеры, и даже кисть каким-то чудом стала приходить в норму. Хотя она еще несколько отечна и болит, тем не менее большой палец и три других стали почти нормальными, я ими двигаю и в них даже восстановилась чувствительность. Зато указательный палец, в который, по-видимому, глубоко вонзился ядовитый зуб, выглядит неважно. Вся кожа и мясо до самых сухожилий изъедены ядом. В течение ближайших недель его будут латать новой кожей. И только позже выяснится, будет ли он в дальнейшем представлять для меня какую-либо ценность.

Помнишь, ты рассказывал мне о том, как тебя укусил за палец шимпанзе. Я заметил, что ты совершенно свободно владеешь этой рукой, хотя средний палец и не сгибается. Должно пройти, наверное, не меньше двух месяцев, пока я снова смогу хоть как-то пользоваться своей рукой. Хотя у меня уже иссякает терпение, но я понимаю, что должен быть благодарен судьбе, хоть так отделался.

С сердечным приветом от нас обоих Алан».

Указательный палец все же пришлось отнять. А поскольку двигательные функции большого пальца восстановились лишь частично, мой друг Алан был вынужден еще на два месяца вылететь в Англию, где ему повторно прооперировали руку, на сей раз с блестящим результатом.

Когда он вернулся в Африку и все знакомые с жалостью стали разглядывать его изуродованную кисть, на которой не хватало одного пальца, он каждого отводил в сторону и совал ему в руку отрезанный, окровавленный палец, который якобы законсервировал и привез с собой на память. Знакомые, особенно дамы, вскрикивали, а Алан при этом получал маленькое удовольствие: оказывается, он специально раздобыл себе в Лондоне искусственный палец из мягкой пластической массы для этаких «веселеньких шуточек».

Вскоре мне пришлось побывать в Ботсване в болотах Окованго. Тесть хозяина дома, где я остановился, 51 года от роду, как раз за четыре недели до этого участвовал в крокодильей охоте, во время которой его укусила ядовитая мамба. Случилось это за 350 километров от его жилища как раз в тот момент, когда он собрался залезть в лодку. Спустя полчаса после укуса он сам впрыснул себе

противозмеииую сыворотку, но от волнеиия разбил одиу из двух имеющихся ампул. К сожалению, пострадавший решил сесть за руль и самостоятельно добраться домой. В дороге ои умер.

Все это озиачает, что в Африке и в иаши дии при определеиных обстоятельствах по виие змей могут произойти иесчастные случаи. Однако у обычных туристов мало шаисов встретить в Африке живых змей. Они могут увидеть их разве что раздавлеииыми иа шоссе.

Джеральд Даррелл

Гончие Бафута

Вот мы и приехали

Река Кросс осторожно, извиваясь, спускается с гор Камеруна, пока не разольется широко, заблестит, засверкает в огромной чаще лесов, окружающих Мамфе. В горах она журчала, пенилась и водопадами срывалась с уступов, а тут успокоилась и степенно потекла по своему каменистому руслу; неторопливое ее движение наносит поперек течения мели чистейшего белого песка и подмывает деревья по берегам, так что обнаженные корни кажутся массой перепутанных, шевелящихся щупалец спрута. Река величаво движется дальше, мутные воды ее кишмя кишат бегемотами и крокодилами, а в теплом воздухе над ией с криками реют синие с оранжевым и белым ласточки.

Перед Мамфе река чуть ускоряет свой бег и протискивается между двумя высокими, поросшими лесом скалистыми утесами; подножия их отшлифоваиы водой, а сверху потрепанным кружевом свисает кустариик. Выбравшись из узкого ущелья, река вихрем врывается в простораый овальный бассейн. Чуть дальше, из такого же ущелья, в тот же бассейн выливается еще одиа река, их воды встречаются и свиваются в бурлящий клубок крохотных течений, водоворотов и всплесков, чтобы потом продолжить свой путь едииым потоком, а по самой середине реки остается след их соединения — огромиый сверкающий холм белого песка с отпечатками иог бегемотов и узорными цепочками птичьих следов. Близ этого песчаного островка лес на берегу переходит в небольшой луг, который окружает деревню Мамфе, и вот тут-то, на опушке леса, над спокойными мутиыми водами реки мы решили раскииуть наш главный лагерь.

6— 3088

Два дня пришлось валить лес и выравнивать землю, чтобы приготовить строительную площадку, и наконец на третий день мы со Смитом стояли на краю луга и наблюдали, как тридцать местных жителей в поте лица с громкими криками волокли огромную палатку: казалось, на взрытой красной глине валяется громадная коричневая морщинистая туша кита. Постепенно это море парусины разобрали, растянули, и оно вспучилось кверху, набухая, словно чудовищный гриб-дождевик. Потом гриб вдруг раздался в длину и вширь и обратился в палатку весьма внушительных размеров. Когда наконец выяснилось, что это такое, раздался громкий крик изумления и восторга — это кричали жители деревни, которые толпой сошлись поглядеть, как мы будем разбивать лагерь.

Итак, у нас появилась крыша над головой, но пришлось еще целую неделю изрядно потрудиться, прежде чем можно было начинать ловлю зверей. Предстояло сколотить клетки, вырыть пруды, порасспросить старейшин из ближних деревень и рассказать им, какие нам нужны звери, позаботиться о запасах продовольствия и переделать еще уйму всяких дел. Наконец все в лагере было налажено, и мы решили, что можно начинать. Еще раньше мы договорились, что Смит останется в Мамфе и будет присматривать за главным лагерем, собирая по мелочам все, что удастся найти в ближнем лесу с помощью местных жителей, а я тем временем поеду в глубь страны, в горы, где леса уступают место поросшим густой травой равнинам. В этом горном мире с его странной растительностью и более прохладным климатом можно будет найти совсем иную фауну, нежели в жарких лесах.

Я не знал, какую часть равнин мне выбрать, на чем остановиться, и пошел посоветоваться к местному начальнику. Я объяснил ему, что мне надо, он разложил на столе карту горных районов, и мы вместе склонились над нею. Вдруг он ткнул пальцем в какую-то точку и глянул на меня.

— Как насчет Бафута? — спросил он.

— А это подходящее место? Что там за люди?

— Вас должен интересовать только один человек в Бафуте — Фон,— сказал чиновник.— Расположите его к себе, и люди сделают для вас все, что вам нужно.

— Фон? Это что, вождь?

— Он в этом краю нечто вроде римского императора,— сказал чиновник и очертил пальцем на карте большой круг.— Его слово для них закон. Этот тамошний Фон — премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу — доказать, что вы можете выпить не меньше его самого. У него там прекрасная большая вилла, он построил ее нарочно на тот случай, если к нему явятся гости-европейцы. Напишите ему, и он позволит вам остановиться у него и даже наверняка сам вас пригласит. Да в Бафут вообще стоит съездить, если вы там и не останетесь.

— Что ж, я пошлю ему записку, посмотрим, что он скажет.

— Постарайтесь хорошенько... э-э... подкрепить ваше письмо,— сказал чиновник.

— Сейчас же пойду в лавку за бутылкой подкрепляющего, — заверил я.

В тот же день в горы отправился гонец с моим письмом и бутылкой джина. Через четыре дня он вернулся с обратным посланием от Фона; этот любопытный документ необыкновенно меня воодушевил:

Резиденция Фона Бафута, Бафут, Беменда, 5 марта 1949г.

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой Фон Бафута

Я тотчас приготовился к отъезду в Бафут.

Глава первая

Жабы и танцующие обезьяны

О большинстве грузовиков в Западной Африке никак не скажешь, что они находятся в расцвете молодости и красоты, и я на горьком опыте научился не ждать от них ничего хорошего. И все же вид грузовика, который прибыл, чтобы везти меня в горы, превзошел худшие мои ожидания: казалось, он сию минуту развалится. Грузовик стоял на полуспущенных шинах, пыхтел и храпел, изнемогая от усталости, — а ведь ему пришлось всего лишь подняться по отлогому склону небольшого холма к нашему лагерю, — и я не без трепета вверил ему груз и самого себя. Шофер оказался весельчаком: он сразу заявил, что мне придется ему помогать в двух весьма важных операциях. Во-первых, когда мы будем спускаться под гору, я должен нажимать на ручной тормоз, потому что, если его не прижать чуть ли не к самому полу кабины, он вообще не станет слушаться. Во-вторых, мне предстоит неотрывно следить за педалью сцепления, ибо эта весьма капризная деталь при всяком удобном случае выскакивает из муфты и при этом ревет, как попавший в ловушку леопард. Совершенно ясно, что водитель грузовика даже в Западной Африке не может вести машину, скрючившись под приборным щитком и согнувшись в три погибели, а значит, если я хочу остаться в живых после этого путешествия, мне придется помочь ему управиться со своенрав-

ными механизмами. Итак, я то и дело нагибался, нажимал на тормоз и вдыхал удушливый запах паленой резины, а тем временем наша храбрая машина тряслась по направлению к горам с постоянной скоростью двадцать миль в час; порой, когда путь лежал под уклон, она очертя голову кидалась вперед и выдавала целых двадцать пять.

Первые тридцать миль проселочная дорога из красной глины вилась по равнине, поросшей лесом; по обе стороны дороги плотной стеной стояли огромные деревья, ветви их в вышине переплетались, образуя свод листьев у нас над головой. Стайки птиц-носорогов, хлопая крыльями, перелетали дорогу и гоготали — казалось, это сигналили призраки каких-то древних такси на заре автомобилизма, а по обочинам, живописно расцвеченным солнцем, прорвавшимся сквозь густые лиственные своды, грелись агамы; окутанные светом, они пламенели от волнения, как закатные лучи, и яростно кивали головами. Постепенно, почти неприметно дорога пошла вверх, мягко петляя по округлым склонам лесистых холмов. В кузове грузовика мои помощники громко запели.

Домой, домой, хочу домой,
Когда ж увижу дом родной?
Когда увижу мать родную?
Вовек мне не забыть мой дом...

Шофер тихонько подхватил припев и все поглядывал на меня — можно ли? К его удивлению, я тоже запел, и так грузовик катил вперед, оставляя за собой на дороге вихрь красной пыли, из кузова доносился дружный хор голосов, а мы с шофером подпевали, украшая песню всевозможными вариациями, причем он успевал еще аккомпанировать отрывистыми гудками клаксона.

Чем выше мы забирались в горы, тем реже становился лес, а потом подлесок стал меняться: по обочинам дороги мрачно, как заговорщики, стояли купы тяжелых древовидных папоротников с толстыми, приземистыми волосатыми стволами; макушки их разбрызгивались зелеными фонтанами нежной листвы. Папоротники оказались первыми стражами нового мира, ибо внезапно, точно горы сбросили с плеч тяжелую одежду, исчез лес. Он остался позади, в долине, густой зеленый мех волнами уходил в мерцающую от зноя даль, а перед нами величественно высились горы, покрытые высокой, по пояс, колеблемой ветерком и высветленной солнцем золотистой травой. Грузовик взбирался все выше и выше, мотор задыхался и вздрагивал от непривычных усилий. Мне уж подумалось, не придется ли последние две-три сотни футов толкать злосчастную машину в гору, но, к всеобщему изумлению, она справилась сама: вскарабкалась на вершину горы, дрожа от усталости и изрыгая из радиатора клубы пара, точно издыхающий кит — фонтаны воды. Мы вползли наверх и остановились. Шофер выключил мотор.

— Мало время обождем, двигатель перегрелся,— пояснил он, указывая на радиатор грузовика, который уже совсем скрылся из глаз в облаке пара.

Я с радостью выбрался из раскаленной кабины и побрел к тому месту, где дорога начинала спускаться в очередную долину. С этого наблюдательного пункта видна была вся местность, которую мы проехали, и та, куда нам предстояло вступить.

Позади остался огромный зеленый лес, отсюда он казался плотным и густым, как шерсть барана, только на вершинах холмов можно было разглядеть просветы в непроницаемой массе листьев — на фоне неба деревья вырисовывались прерывистой бахромой. А впереди нам открывался совсем другой мир, просто невозможно было поверить, что оба они — тот и этот, — такие разные, существуют бок о бок. И смена эта происходила не постепенно, нет: позади остался лес деревьев-великанов, сверкающих в своих роскошных мантиях из лакированных листьев, как гигантские зеленые жемчужины, а впереди до самого туманно-голубого горизонта цепь за цепью встают горы, сливаясь и переходя одна в другую, словно огромные застывшие волны; они как бы обращают лицо к солнцу, а склоны их от подножия до гребня покрыты пушистым золотисто-зеленым мехом травы, которая зыблется по прихоти ветра и то светлеет, то темнеет, когда ветер ее завивает или разглаживает. Лес позади расцветал буйным багрянцем, зеленью самых ярких и резких тонов. Впереди же все цвета этого странного горного мира травы были мягкими и нежными — бледно-зеленый, золотистый и все оттенки теплого желтовато-коричневого. Плавные изгибы и складки холмов, покрытые этой нежной, пастельных тонов травой, очень напоминали природу Англии — ее южные низины, только в больших масштабах. Но вот солнце здесь сверкало без устали и нещадно палило — совсем уж не на английский лад.

Начиная отсюда дорога превратилась в американские горы, машина то и дело с треском и визгом тормозов спускалась в долины и вновь, кряхтя и кашляя, взбиралась на крутые склоны. На вершине одной горы мы опять постояли, чтобы остыл мотор, и тут я заметил впереди в долине деревню; издали, на фоне окружавшей ее зелени, она казалась бесформенной кучкой черных поганок. Когда выключили мотор, тишина окутала нас, точно мягким одеялом; только слышно было, как чуть посвистывает трава, колеблемая ветром, да из деревни, что лежала далеко внизу, доносился лай собак и крик петуха — звуки, смягченные расстоянием, но отчетливые, как звон колокольчика. В бинокль я разглядел в деревне какую-то суету: вокруг хижин сновали толпы людей, порой сверкали ножи, похожие на мачете, и копья, мелькали яркие саронги.

— Что там за суматоха? — спросил я шофера.

Тот вгляделся, прищурясь, и с радостной улыбкой обернулся ко мне:

— Это базар, сэр,— объяснил он и спросил с надеждой:— Маса хочет остановиться там?

— А ты думаешь, мы сможем там найти добычу?

— Да, сэр!

— По правде?

— По правде, сэр!

Я сделал вид, что рассердился.

— Ты лжешь, негодник, — сказал я. — Ты хочешь там остаиовиться, чтобы выпить. Разве не так?

— Да,сэр, — ухмыльнулся шофер, — только и маса там тоже иайдет добычу.

— Ну ладно, остаиовимся иеиадолго.

— Да, сэр,— весело сказал шофер и рванул грузовик вниз по склону горы.

Большие круглые хижины с острокоиечными соломеиными крышами аккуратно разместились вокруг иебольшой площади, затеиеииой купами молодых эвкалиптов. Тут-то и расположился базар; торговцы разложили свой товар прямо на земле, на пестром, уютиом ковре света и теии под стройными деревьями, каждый иа своем клочке, а вокруг тесиились деревеиские жители: оии протискивались между торговцами, отчаянно спорили, болтали и размахивали руками. Чем только здесь не торговали! Я просто диву давался — сколько всякой всячины, подчас самой несуразной и неожиданной! Продавались сомы, копчеиные на костре и насажеииые на короткие палки; рыба эта и живая-то на вид не слишком привлекательиа, а уж высушениая, сморщенная, почерневшая от дыма, оиа кажется какой-то шамаиской куклой, которая корчится в отвратительной пляске.Были здесь и огромиые тюки ткаией, все больше очеиь ярких расцветок — их ввозят из Аиглии, такие очень по вкусу африканцам; гораздо приятнее выглядели ткаии местного изделия, плотные, мягкие и ие столь кричащие. Среди этих ярких пятеи мелькали в самых иевероятиых сочетаниях яйца и куры в бамбуковых корзинах, зелеиый перец, капуста, картофель, сахарный тростиик, огромиые кровавые куски мяса; с веревок свисали большие, аккуратно выпотрошеиные тростииковые крысы. Продавали и глииняную утварь, и плетеиые корзииы, и стулья, иголки, порох, пиво, силки для ловли птиц, плоды манго и папайи, клизмы, лимоиы, местиую обувь, прелестиые сумки из волокна рафии, гвозди, кремни, карбид, касторку, сабли и леопардовые шкуры, парусиновые туфли, мягкие фетровые шляпы, пальмовое вино в калебасах, кокосовое и фисташковое масло в старых жестяиках из-под керосииа.

Посетители базара отличались таким же разнообразием и необычностью, как и товары, выставлеииые на продажу. Тут можио было увидеть людей иародиости хауса в ослепительно белых одеяииях и малеиьких белых шапочках; местных вождей в миогоцветиых одеждах и богато расшитых шапках с кисточками; были тут и полудикие жители отдалеииых горных селений — иа этих ие было ничего, кроме набедрениых повязок из грязиой кожи; зубы у них заостреиы, иа лицах татуировка. Для них эта деревня, конечио же, многолюдная столица, а базар, возможио, самое веселое развлечение за целый год. Они яростно спорили, размахивали руками, подталкивали друг друга, их темные глаза сверкали вос-

торгом при виде таких дорогих лакомств, как ямс или тростниковая крыса; чаще всего они стояли тесной кучкой и не сводили жадных глаз с высоких кип разноцветных тканей — купить их они и не надеялись — и лишь изредка меняли свой наблюдательный пункт, чтобы лучше видеть эту недостижимую роскошь.

Моих помощников и шофера засосало в красочном водовороте толпы, как муравьев в банке патоки, и я оказался предоставлен самому себе. Я немного побродил вокруг, потом подумал, не поснимать ли жителей горных селений, вынул фотоаппарат и стал наводить на фокус. Что тут началось! Ад кромешный: торговцы вмиг побросали свои товары и все пожитки и с дикими криками кинулись в ближайшее укрытие. Я даже растерялся — ведь африканцы обычно любят сниматься — и спросил у стоявшего рядом хауса, что случилось. Последовало любопытное объяснение: видимо, горцы уже знают, что если фотоаппарат направить на человека, потом получается его портрет. Но они твердо уверены, что вместе со снимком к фотографу переходит частичка души того, кто фотографируется, и, если снимков сделать много, фотограф обретет над ним полную власть. Отличный пример колдовства вполне современными средствами: в старину вы получали власть над человеком, если завладевали прядкой его волос или обрезками ногтей; в наши дни для той же цели, очевидно, вполне годится фотокарточка. И все-таки, хотя горцы вовсе не желали мне позировать, я ухитрился сделать несколько снимков очень простым способом: становился к ним боком и глядел в другую сторону, а сам щелкал аппаратом из-под мышки.

Однако вскоре я обнаружил нечто такое, от чего все мысли о фотографии и колдовстве сразу вылетели у меня из головы. В одной из маленьких темных палаток, которые окружали площадь, мелькнуло что-то рыжевато-красное, я двинулся туда и увидел очаровательную обезьянку: привязанная длинной веревкой за шею, она сидела на корточках в пыли и громко, пронзительно кричала «прруп!». Шерсть у нее была светло-рыжая, на груди белая манишка, а мордочка — траурно-черная. Ее «прруп» звучало не то криком птицы, не то дружеским кошачьим мурлыканьем. Несколько секунд она очень внимательно меня разглядывала, потом вдруг вскочила и пустилась в пляс. Сперва она встала на ноги и начала высоко подпрыгивать, широко раскинув руки, точно собиралась прижать меня к груди. Потом опустилась на четвереньки и принялась скакать из стороны в сторону как мяч, взлетая высоко в воздух. При этом она, видно, все больше входила во вкус и прыгала все выше. Затем последовала короткая передышка — и новые па: теперь обезьяна стояла на четвереньках, плечи и вся передняя половина ее туловища раскачивались, как маятник, а задняя оставалась совершенно неподвижной. Основная схема танца была ясна — и тут обезьяна показала мне, на что способна подлинно искусная опытная танцорка из обезьяньего племени: она вертелась волчком, прыгала и скакала так, что у меня голова пошла кругом. Обезьяна приглянулась мне с первого взгляда, а

эта ненстовая пляска дервиша совсем меня покорнла, н, конечно же, я просто не мог не купить танцовщнцу. Я заплатнл ее владельцу двойную цену н с торжеством унес обезьяну. В какой-то палатке я тотчас купнл ей связку бананов, н она была так тронута моей щедростью, что тут же меня отблагодарила: обмочнла мне всю рубашку. Я отыскал всех своих н шофера — от ннх так и несло пнвом, — мы погрузилнсь в машину н поехали дальше. Обезьяна сндела у меня на коленях, запнхнвала в рот бананы, обозревала окрестностн нз окна кабнны н слегка повизгнвала от волнення и удовольствия. В знак прнзнання ее танцевальных талантов я решнл назвать ее «Павлова», н впредь мы ее так и звалн — «красная мартышка Павлова».

Наше путешествие длилось еще несколько часов, н к концу его в долнны хлынули темно-лнловые тенн, а солнце нетороплнво погружалось в несчетные пунцово-зеленые перистые облачка за самымн высокнми вершннамн западных гор.

Мы сразу понялн, что наконец достнглн целн, потому что у Бафута дорога просто кончнлась. Слева тянулся огромный пыльный двор, окруженный высокой стеной нз красного кнрпнча. За стеной разместнлось множество круглых хнжнн с высокнмн соломенными крышамн, онн тесннлнсь вокруг небольшой чнстенькой внллы. Но все этн строення казалнсь крохотными н жалкимн по сравненню с огромным сооруженнем, похожнм на днковннный улей, только увелнченный в тысячу раз. Это была огромная круглая хижнна с толстенной соломенной крышей куполом, загадочная и черная от старостн. По другую сторону дорогн начинался крутой подъем, вверх тянулась шнрокая лестннца ступеней в семьдесят — она вела к большой двухэтажной внлле в форме коробкн для обувн, каждый ее этаж был обведен шнрокой сплошной верандой, н обе веранды обнльно увнты бугенвнллеей н другнмн вьющнмнся растениямн. Так, значнт, вот он какой — мой дом на блнжайшие несколько месяцев.

Не успел я с трудом выбраться нз кабнны грузовнка — ноги совсем затеклн, — как под аркой в дальней стене огромного двора открылась дверь и ко мне через весь двор направнлась небольшая процессня. Это былн мужчнны, в большннстве пожнлые; нх развевающнеся многоцветные одеяння шелестелн на ходу, голову каждого покрывала маленькая круглая шапочка, богато расшнтая разноцветной шерстью. Посредн этой группы шагал высокнй стройный человек с жнвым улыбчнвым лнцом. На нем была простая белая одежда н шапочка без всяких украшеннй, и все же, несмотря на это, я тотчас понял, что в этой яркой толпе он самый главный — так велнчава была его осанка. Это был Фон, то есть правнтель Бафута, огромного лугового королевства, которое мы пересеклн на путй сюда, и многого множества чернокожих подданных. Я знал, что он сказочно богат н правнт своим королевством толково н умно, хоть н несколько деспотнчно. Фон остановнлся передо мной, прнветливо улыбнулся н протянул мне большую тонкую руку.

— Мнлости проснм,— сказал он.

Позднее я убедился, что он говорит на ломаном английском языке не хуже своих подданных, но почему-то стесняется этого умения, и вначале мы разговаривали через переводчика; тот стоял рядом, почтительно склонившись, и переводил мою приветственную речь, прикрывая рот руками, сложенными лодочкой. Фон вежливо слушал, пока я говорил, а переводчик переводил, потом взмахнул большой рукой и указал на виллу, стоявшую на вершине холма по ту сторону дороги.

— Отлично!— сказал он и широко улыбнулся.

Мы снова обменялись рукопожатием, он зашагал со своим советниками назад через двор и скрылся за дверью под аркой, предоставив мне самому располагаться в его вилле.

Часа через два, когда я уже принял ванну и перекусил, ко мне явился гонец и сообщил, что Фон хотел бы зайти ко мне потолковать, если, конечно, я успел немного отдохнуть с дороги. Я ответил, что вполне отдохнул и буду счастлив принять Фона; потом я извлек из чемодана бутылку виски и стал ждать. Вскоре он прибыл в сопровождении своей маленькой свиты, мы уселись на веранде, где уже горела лампа, и принялись болтать. Я выпил за его здоровье виски с водой, а он за мое — чистого виски. Сначала мы разговаривали через переводчика, но когда уровень виски в бутылке изрядно понизился, Фон заговорил по-английски. Добрых два часа я подробно рассказывал ему о том, зачем я сюда приехал, показывал книги и фотографии нужных мне зверей, рисовал их на клочках бумаги и, когда все остальное не доходило, пытался подражать их голосам, а между тем бокал Фона неукоснительно наполнялся опять и опять — просто страшно становилось.

Он сказал, что, надо думать, мне удастся добыть почти всех зверей, которых я ему показывал, и обещал назавтра прислать искусных охотников. Но, пожалуй, лучше он сам объявит людям, что мне нужно, продолжал Фон, и они все постараются поймать для меня добычу, а самый удобный случай объявить об этом представится дней через десять. Тогда состоится некая церемония: как я понял, в назначенный день его подданные всегда собирают в горах и долинах огромное количество сухой травы и приносят ее в Бафут, чтобы Фон мог перекрыть крышу своей громадной таинственной обители и крыши жилищ его бесчисленных жен. Когда траву приносят, он задает пир на весь мир. На торжество собираются многие сотни людей со всех окрестных мест, и, как объяснил Фон, удачней случая не придумаешь: он произнесет речь и растолкует людям, чего я от них хочу. Я с радостью согласился, от души и довольно многословно его поблагодарил и в очередной раз наполнил его пустой бокал. Бутылка быстро пустела, наконец в ней не осталось ни капли — хоть ставь ее вверх дном. Тогда Фон величественно поднялся на ноги, подавил икоту и протянул мне руку.

—Я пошел, — заявил он и помахал рукой куда-то в сторону своей маленькой виллы.

— Мне очень жаль, — учтиво сказал я. — Хочешь, я пойду провожу?

— Да, мой друг!— проснял он.— Да, отлично!

Я кликнул одного из его свиты, н тот примчался стремглав, держа в руке фонарь-«молнию». Светя этим фонарем, он пошел впереди нас по веранде и дальше, к той длинной лестнице. Фон все еще не выпускал мою руку, а другой рукой обводил веранду, комнаты н залитый лунным светом сад далеко внизу н, очень довольный, бормотал про себя: «Отлично, отлично». Когда мы добрались до лестницы, он приостановился, с минуту задумчиво глядел на меня, потом ткнул длинной рукой вниз.

— Семьдесят пять ступеньки, — сказал он н проснял.

— Очень хорошо, — согласился я н кивнул.

— Сейчас мы их считаем, — предложил Фон, в восторге от своей затеи. — Семьдесят пять, мы их считаем.

Он обхватил меня за плечи, всей тяжестью повис на мне, н мы начали спускаться на дорогу, не переставая громко считать ступеньки. Фон помнил английский счет только до шести, остальные цифры он забыл; на полпути мы сбились, что-то перепутали и, когда добрались до нижней площадки, оказалось, что по его расчетам трех ступенек не хватает.

— Семьдесят два?— спросил он сам себя.— Нет, нет, семьдесят пять. Куда же подевал остальные?

И гневно оглядел свою съежившуюся от страха свиту, что ждала нас внизу, на дороге, будто подозревал, что его приближенные спрятали недостающие три ступеньки у себя под одеждой. Я поспешно предложил пересчитать все заново. Мы опять вскарабкались наверх до самой веранды, считая изо всех сил, потом, для окончательной проверки, считали всю дорогу вниз. Сосчитав до шести, Фон всякий раз начинал сызнова, так что я очень скоро понял: если я не хочу всю ночь бродить вверх и вниз по этой лестнице, разыскивая недостающие ступеньки, надо что-то предпринять. Поэтому, когда мы дошли до самого верха н опять спустились вниз, я громко, торжествующе провозгласил: «Семьдесят пять!» н радостно улыбнулся моему спутнику. Сперва он не очень охотно согласился с моим счетом, ибо сам дошел только до пяти н был уверен, что существование остальных семидесяти надо еще как-то доказать. Однако я заверил его, что в юности получил немало наград за устный счет и что все сосчитано правильно. Фон прижал меня к груди, потом схватил за руку, с силой стиснул ее н пробормотал:«Отлично, отлично, мой друг». Наконец он двинулся через огромный двор к своей резиденции, а я потащился наверх (по семидесяти пяти ступенькам) к своей кровати.

Весь следующий день, превозмогая отчаянную головную боль — результат вчерашней попойки с Фоном,— я усердно сколачивал клетки в надежде, что мне вот-вот начнут приносить «добычу». В полдень ко мне явились четверо высоких, внушительного вида молодых людей в ярких праздничных саронгах, с кремневыми ружьями в руках. Это устрашающее оружие было невообразимо древнее, стволы изъедены ржавчиной и вид у них такой, точно каждое ружье перенесло оспу в тяжелейшей форме. Я заставил молодых

людей вынести опасное оружие за ворота и сложить его там и только потом разрешил им подняться ко мне. Это и были охотники, которых прислал Фон, с полчаса я показывал им фотографии зверей и объяснял, сколько за какого зверя буду платить. Потом я велел им идти на охоту, а вечером доставить сюда ко мне все, что они поймают. Если же они ничего не поймают, пусть приходят на следующее утро. Я оделил их сигаретами, и они побрели по дороге, о чем-то оживленно переговариваясь и увлеченно тыкая ружьями во все стороны.

В тот же вечер один из четверых вернулся с маленькой корзинкой. Он присел на корточки, жалобно поглядел на меня и стал объяснять, что ему и его товарищам по охоте не очень-то повезло на этот раз. Они ходили далеко, сказал он, но не нашли ни одного зверя из тех, что я им показывал. Впрочем, кое-что они все-таки добыли.

Тут он подался вперед и поставил корзинку к моим ногам.

— Не знаю, маса хочет такой добыча? — спросил он.

Я приподнял крышку и заглянул в корзинку. Я надеялся, что увижу белку или, может, крысу, но там сидела пара больших прекрасных жаб.

— Маса нравится такой добыча? — спросил охотник, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

— Да, очень нравится, — сказал я, и он расплылся в улыбке.

Я уплатил ему что положено, наделил сигаретами, и он отправился восвояси, пообещав вернуться наутро вместе со своими друзьями. Когда он ушел, я мог наконец заняться жабами. Каждая была величиной с блюдце, глаза огромные, блестящие, а короткие толстые лапы, казалось, не без труда поддерживали тяжелое тело. Расцветка у них была просто изумительная: спинка густого кремового цвета, в крошечных извилистых черных полосках; с боков голова и тело темно-красные, цвета то ли вина, то ли красного дерева, а живот — ярко-желтый, цвета лютика.

Надо сказать, что жабы всегда были мне симпатичны, ибо я убедился, что они существа спокойные, благонравные и в них есть какая-то своя прелесть: они не так неуравновешенны и не так придурковаты и неуклюжи, как лягушки, кожа у них на вид не такая мокрая и они не сидят с разинутым ртом. Но до встречи с этими двумя я воображал, что, хотя жабы по расцветке и вообще по внешнему виду бывают очень несхожи, нрав у них у всех примерно один и тот же: если знаешь одну, можно считать, что знаешь всех. Однако, как я очень скоро обнаружил, характер у этих двух земноводных столь своеобразен, что ставит их чуть ли не наравне с млекопитающими.

Эти существа называются жабами-сухолистками, потому что необычные кремовые (с темными прожилками) их спины по цвету и рисунку очень напоминают сухой лист. Если такая жаба замрет на земле в осеннем лесу, ее никак не различить среди опавших листьев. Отсюда их английское название. Научное же название — бровастая жаба, а по-латыни они называются еще удач-

иее — Bufo superciliaris*, ибо такая жаба на первый взгляд кажется необычайно надменной. Кожа над большими глазами как бы вздернута и собрана острыми уголками, так что полное впечатление, будто жаба подняла брови и глядит на мир свысока, с язвительной насмешкой. Широко растянутый рот подбавляет жабе аристократической надменности: углы его слегка опущены, словно жаба усмехается; такое выражение я видел еще только у одного животного на свете — у верблюда. Прибавьте к этому неторопливую, покачивающуюся походку и привычку через каждые два-три шага присаживаться и глядеть на вас с какой-то высокомерной жалостью, и вы поймете, что перед вами самое надменное существо на свете.

Обе мои сухолистки сидели рядышком на дне корзины, выстланном свежей травой, и глядели на меня с уничтожающим презрением. Я наклонил корзинку, и они вперевалочку вылезли на пол, исполненные достоинства и негодующие — ни дать ни взять два лорд-мэра, которых ненароком заперли в общественной уборной. Они отошли фута на три от корзинки и уселись, слегка задыхаясь, — видимо, совсем выбились из сил. Минут десять жабы пристально меня разглядывали и с каждой минутой явно все сильней презирали. Потом одна двинулась в сторону и пристроилась у ножки стола, должно быть, приняв ее за ствол дерева. Вторая продолжала меня разглядывать и по зрелом размышлении, видно, составила обо мне такое мнение, что ее вырвало и на полу оказались полупереваренные останки кузнечика и двух бабочек. Тут жаба кинула на меня укоризненный и страдальческий взгляд и зашлепала к ножке стола, где сидела ее приятельница.

Подходящей для них клетки у меня не нашлось, и сухолистки провели первые несколько дней взаперти у меня в спальне; там они медленно и задумчиво бродили по полу или сидели, погруженные в глубокое раздумье, под кроватью — словом, несказанно развлекали меня своим поведением. Прошло всего несколько часов с нашего знакомства, а я уже убедился, что был глубоко несправедлив к своим толстушкам-сожительницам: они оказались вовсе не такими самодовольными и надменными, какими притворялись. На самом деле это робкие и застенчивые создания, они легко смущаются и начисто лишены самоуверенности; я подозреваю, что они даже страдают глубоким, неискоренимым комплексом неполноценности и их невыносимо важный вид — всего лишь попытка скрыть от мира неприглядную истину: они ничуть в себе не уверены. Это я совершенно случайно обнаружил в первый же вечер их пребывания в моей спальне. Я записывал их расцветку, а жабы сидели у моих ног на полу и вид у них был такой, точно они обдумывали свои биографии для записи в Книгу лордов. Мне надо было осмотреть повнимательней нижнюю половину их тела, поэтому я нагнулся и поднял одну из них двумя пальцами; я обхватил ее за туловище под передними лапками так, что она болталась в воздухе и вид у

* Bufo superciliaris (лат.) — буквально: спесивая жаба.— Прим. ред.

нее при этом был самый жалкий — в такой позе просто немыслимо сохранить достоинство. Потрясенная подобным обращением, жаба громко, негодующе закричала и лягнула воздух толстыми задними лапками, но где ей было от меня вырваться! И ей пришлось болтаться в воздухе, пока я не закончил осмотра. Но когда я наконец посадил ее на прежнее место рядом с подругой, это была уже совсем другая жаба. В ней не осталось и следа прежнего аристократического высокомерия: на полу сидело сломленное, покорное земноводное. Жаба вся съежилась, большие глаза тревожно моргали, на физиономии ясно выражались печаль и робость. Казалось, она вот-вот заплачет.

Превращение это произошло столь внезапно и бесповоротно, что можно было только изумляться, и, как это ни смешно, я очень огорчился — ведь это я так ее унизил! Чтобы хоть как-то сгладить случившееся, я поднял вторую жабу, дал и ей поболтаться в воздухе — и эта тоже сразу утратила свою самоуверенность: едва я опустил ее на пол, она тоже стала робкой и застенчивой. Так они и сидели, приниженные, несчастные и выглядели до того забавно, что я бестактно расхохотался. Этого их чувствительные души вынести уже не могли: обе тотчас поспешно двинулись прочь от меня, спрятались под столом и просидели там добрых полчаса. Зато теперь, когда я открыл их тайну, я мог сбивать с них спесь когда угодно: надо было только легонько щелкнуть их пальцем по носу, и они тут же виновато съеживались, точно вот-вот покраснеют от смущения, и глядели на меня умоляющими глазами.

Я построил для моих сухолисток большую удобную клетку, и они прекрасно там устроились; впрочем, заботясь об их здоровье, я разрешал им каждый день выходить на прогулку в сад. Правда, когда животных стало больше, у меня оказалось столько работы, что я уже не мог стоять и ждать, пока мои аристократки — голубая кровь — надышатся воздухом; к большому их неудовольствию, прогулки пришлось сократить. Но однажды я случайно нашел для них сторожа, на чье попечение мог спокойно их оставлять, не прерывая работы. Этим сторожем оказалась красная мартышка Павлова.

Павлова была на редкость ручная и очень деликатная обезьяна, и она живо интересовалась всем, что происходило вокруг. Когда я впервые выпустил сухолисток на прогулку поблизости от того места, где была привязана Павлова, обезьяна уставилась на них как завороженная: она встала на задние ноги и всячески выворачивала шею, стараясь не упустить их из виду, пока они важно шествовали по саду. Через десять минут я вернулся в сад поглядеть, как там мои жабы, и обнаружил, что обе они подошли прямо к обезьяне. Павлова сидела между ними на корточках, нежно их гладила и громко что-то бормотала от удивления и удовольствия. У жаб вид был до смешного довольный, они сидели не шевелясь: эти ласки явно были им и приятны и лестны.

После этого я каждый день выпускал жаб возле того места, где была привязана Павлова, и она за ними присматривала, пока они

бродили вокруг. Завидев их, обезьяна вскрикивала от восторга, потом нежно их поглаживала до тех пор, пока они не оставались лежать подле нее без движения, как загипнотизированные. Если они отходили чересчур далеко и могли скрыться в густом кустарнике на опушке сада, Павлова ужасно волновалась и звала меня пронзительными криками, стараясь дать мне знать, что ее подопечные убегают и я должен поскорее поймать их и принести обратно к ней. Однажды она позвала меня, когда жабы забрели слишком далеко в поле, но я не услышал, и, когда позднее спустился в сад, обезьяна истерически металась на привязи, натянув веревку до отказа и отчаянно кричала, а жаб нигде не было видно. Я отвязал обезьяну, и она тотчас повела меня к густым кустам на краю сада; там она очень скоро нашла беглянок и припала к ним с громкими радостными криками.

Павлова ужасно привязалась к этим жабам. Видели бы вы, как нетерпеливо она здоровалась с ними по утрам, как нежно гладила и похлопывала, как волновалась, когда они забредали слишком далеко, — это было поистине трогательное зрелище! Она только никак не могла понять, почему у них нет шерсти, как у обезьяны. Она трогала пальцами их гладкую кожу, пыталась раздвинуть несуществующую шерсть, и на ее черном личике явственно читалась тревога; порой она наклонялась и начинала задумчиво лизать им спину. Впрочем, довольно скоро их безволосые спины перестали ее тревожить и она обращалась с ними нежно и любовно, как с собственными детенышами. Жабы на свой лад тоже привязались к обезьяне, хоть она порой и унижала их достоинство, а это им бывало не по нраву. Помню, однажды утром я их выкупал, что доставило им немалое удовольствие, а по дороге через сад домой к их мокрым животам прилипли мелкие щепочки и комья земли. Это очень огорчило Павлову, ей хотелось, чтобы ее любимицы были всегда чистенькие и аккуратные. И вот я застал такую картину: обезьяна сидела на солнышке, задние ноги ее, как на подставке, покоились на спине одной жабы, а другая сухолистка болталась в воздухе — обезьяна держала ее на весу в самом неудобном и унизительном положении. Жаба медленно кружилась в воздухе, а обезьяна озабоченно обирала с нее всякий мусор и все время попискивала и повизгивала — что-то объясняла. Покончив с одной жабой, Павлова опустила ее на землю, где та осталась сидеть притихшая, подавленная, и принялась за другую — подняла ее в воздух и заставила пережить то же унижение. Да, в присутствии Павловой сухолисткам никак не удавалось проявлять свое аристократическое высокомерие.

Глава вторая

Гончие Бафута

Для ловли различных представителей животного мира Бафута в моем распоряжении имелись четыре охотника, которых прислал мне Фон, а сверх того — свора из шести тощих, нескладных дворняжек; их владельцы уверяли меня, что это лучшие охотничьи собаки во всей Западной Африке. Всю эту разношерстную компанию я прозвал Гончими Бафута. Охотники, конечно, не понимали этого названия, но чрезвычайно им гордились, и однажды я услышал, как один из них в споре с соседом громко и возмущенно заявил: «Ты на меня не кричи, приятель. Не знаешь что ли — я тоже Гончая Бафута!»

Охотились мы так: уходили в какую-нибудь долину подальше или в горы и выбирали место, где трава и кусты погуще. Там мы полумесяцем раскидывали сети, а потом ходили по подлеску с собаками и загоняли в сети все, что попадалось. У каждой собаки на ошейнике висела маленькая деревянная погремушка, и когда вся свора скрывалась в высокой траве, по громкому бренчанию этих украшений всегда можно было определить, где собаки. Такой способ охоты был очень удобен — я всегда оказывался на месте и мог сразу же заняться пойманными животными: их тотчас увозили в Бафут и без промедления помещали в хорошую клетку. Мы перевозили их в мешках с отверстиями для доступа воздуха (отверстия эти были оправлены кольцами из латуни, чтобы их нельзя было разорвать изнутри); мешки для более крупных и свирепых зверей сшиты были из брезента или дерюги, а для мелких и безобидных — из ткани помягче. Очутившись в темном мешке, наши пленники, как правило, переставали отбиваться и лежали до тех пор, пока не попадали в клетку; для животного страшней всего были те минуты, когда его выпутывали из сетн, но уже очень скоро мы так набили руку, что проделывали это необыкновенно ловко: минута-другая — и животное уже схвачено, извлечено из сетн и упрятано в мешок.

В первый день, когда я выступил в поход с Гончими Бафута, охотники вооружились так, словно мы собрались охотиться на львов. В придачу к обычным ножам они взяли с собой копья и кремневые ружья. Мне вовсе не хотелось по чьей-то оплошности получить в бок заряд ржавых гвоздей и камешков, а потому, несмотря на горестные мольбы охотников, я настоял, чтобы ружья остались дома. Охотники просто в ужас пришли от моего решения.

— Маса,— жалобно возразил один. — Если мы встретить опасный добыча, как мы его убивать, если ружье лежать здесь?

— Если мы встретим опасную добычу, мы не станем ее убивать, а поймаем, — решительно объявил я.

— А? Маса будет поймать опасный добыча?

— Именно так, друг мой. А если ты боишься — не ходи с нами, понял?

— Маса, я не боишься, — с негодованием возразил охотник. — Только если мы встретить опасный добыча и он убить маса, тогда Фон много сердиться.

— Умолкни, мой друг, — сказал я и достал свое охотничье ружье. — Я возьму ружье. И тогда, если добыча убьет меня, это уж не ваша забота, ты понял?

— Я понял, сэр.

Утро только занималось, и солнце еще не поднялось над горными цепями, что окружали Бафут. Небо было нежнейшего розового оттенка, и на нем там и сям белели кружевные облачка. Долины и горы все еще обволакивал и скрывал от глаз утренний туман, а высокая золотистая трава вдоль дороги склонялась под тяжестью росы. Охотники гуськом шагали впереди, а собаки то разбегались по кустам, то возвращались, и погремушки их весело побрякивали со всех сторон. Наконец мы свернули с дороги на узкую извилистую тропинку, что вела через холмы. Здесь туман был гуще, но стлался низко, по самой земле. Он совсем закрывал наши ноги, и это было очень странно — будто бредешь по пояс в ровном, чуть зыблющемся пенном озере. Высокая трава, влажная от росы, похрустывала под моими подошвами, а вокруг, где-то в глубине этого молочно-белого озера тумана, поминутно раздавались взрывы хохота — это крохотные лягушки потешались над чем-то, понятным лишь им одним. Вот и солнце встало над дальней кромкой гор, точно огромный замороженный апельсин, с каждой минутой лучи его грели все жарче, туман начал подниматься и легкими спиралями и кольцами заструился ввысь: вскоре уже казалось, будто мы идем сквозь лес призрачных белых деревьев, которые извиваются, гнутся, распадаются и возникают вновь, причудливо меняя форму с легкостью амебы, и все тянутся вверх, точно ввинчиваются в воздух.

Через два часа мы достигли того места, которое охотники выбрали для нашей первой охоты. Эта довольно широкая и глубокая долина лежала между двумя грядами холмов, чуть изгибаясь наподобие лука. Крохотный ручеек проложил себе путь по дну долины, между черными глыбами камней и золотистыми лугами; он сверкал на солнце, словно тончайшая стеклянная паутина. Долина здесь почти сплошь поросла высокой, непролазно-густой травой и мелким кустарником; местами, отбрасывая тень на траву, поднимались кусты повыше и молодые деревца.

Мы спустились в долину и растянули поперек нее ярдов сто сетей. Потом охотники подозвали собак и пошли ко входу в долину, а я остался возле сетей. На полчаса установилась тишина — охотники с собаками медленно двигались к сетям, лишь побрякивали деревянные погремушки на ошейниках собак, да, случалось, пронзительно ругнется, наступив на колючку, какой-нибудь незадачливый охотник. Я уже начинал думать, что ничего мы сегодня не поймаем, как вдруг охотники подняли неистовый крик, а собаки зали-

лись яростным лаем. Они были еще довольно далеко от сетей, и я их не видел за небольшой купой деревьев.

— Что там у вас? — завопил я, стараясь перекричать весь этот шум.

— Тут есть добыча, маса,— донесся ответ.

Я терпеливо ждал, и наконец из-за деревьев показался задыхающийся от бега охотник.

— Маса, дай мне вон тот маленький сеть, — сказал он, указывая на мелкие сети, аккуратно сложенные возле мешков.

— А какую добычу вы там нашли? — спросил я.

— Белка, сэр. Он убежал на дерево.

Я взял толстый брезентовый мешок и пошел за ним сквозь кусты к деревьям. Тут столпились охотники, они говорили все разом и отчаянно спорили, как лучше достать зверька, а собаки лаяли и прыгали вокруг небольшого дерева.

— Где ваша добыча?— спросил я.

— Он вон там, маса, наверху!

— Хороший добыча, маса!

— Мы сейчас его поймать, маса!

Я подступил к самому стволу, задрал голову и стал вглядываться в листву: футах в двадцати над нами на ветке сидела большая красивая белка — шерстка полосато-серая, белая полоска на ребрах, а лапки оранжевые. Хвост длинный, но не пушистый, в поперечных полосках, точно светло-серые и черные кольца. Белка сидела на ветке, махала на нас хвостом и довольно сердито кричала: «Чак! чак!», точно мы ее не испугали, а только разозлили. Мы принялись раскидывать сети вокруг дерева футах в десяти от его ствола, а белка следила за нами злобным взглядом. Потом мы привязали собак, и я велел самому малорослому из охотников вскарабкаться на дерево и сгонять белку вниз. Вторая часть операции была предложена самими охотниками; я думал, справиться с белкой на дереве — задача невыполнимая, но охотники уверяли, что, если кто-нибудь залезет на дерево, белка непременно спустится на землю. И они оказались совершенно правы: не успел охотник добраться до верхних ветвей с одной стороны ствола, как белка кинулась вниз по другой его стороне. Просто чудо, как она сообразила броситься к тому единственному месту, где сеть была чуть-чуть порвана, протиснулась в дыру и поскакала прочь по траве, а мы очертя голову бросились в погоню, на бегу все разом выкрикивали друг другу всяческие мудрые советы и распоряжения, и, конечно же, никто не обращал на них никакого внимания. Мы только успели обогнуть группу кустов, как увидели нашу белку — она бежала вверх по стволу другого невысокого деревца.

Мы опять расставили сети, и опять охотник полез на дерево, чтобы согнать белку вниз. Но на этот раз она оказалась еще хитрей: она заметила, что мы караулим дыру в сетях, через которую она улизнула в первый раз, сбежала по стволу на землю, сжалась в комочек и прыгнула. Пролетела по воздуху в полудюйме над сетью и опустилась по ту сторону. Стоящий ближе других охот-

ник сделал отчаянный рывок, но промахнулся, и белка ускакала прочь, без умолку с негодованием твердя свое «чак! чак!». На сей раз она избрала другую тактику: вместо того, чтобы взлететь на дерево, юркнула в ямку между корнями.

И опять мы окружили дерево сетями и начали шарить длинными тонкими прутьями в лабиринте корней, среди которых она пряталась. Но из этого тоже ничего не вышло, только «чак! чак!» раздавалось все чаще, и мы скоро отступились. Следующая наша попытка, однако, оказалась более успешной; мы засунули в самое большое отверстие пучок тлеющей травы, удушливый дым распространился по всем извивам и ходам лабиринта, и мы услыхали сердитое чихание и кашель. Под конец белка не выдержала и выскочила из-под корней, прямо головой в сеть. Но и тут она еще не сдалась — пока ее выпутывали из сетей, она укусила меня и двух охотников впридачу, а когда ее засовывали в брезентовый мешок — третьего. Потом я повесил мешок на ветки ближайшего кустика, и все мы уселись покурить — после трудов праведных это было просто необходимо, — а белка глядела на нас сквозь латунные кольца отверстий и злобно кричала, будто бросала нам вызов: ну-ка, попробуйте открыть мешок и встретиться со мной лицом к лицу!

Полосатые земляные белки широко распространены на зеленых равнинах Западной Африки, но я был очень доволен, что поймал хоть одну — таких у меня еще не бывало. Как ясно из их названия, эти белки живут почти исключительно на земле, и я порядком удивился, что наша пыталась найти убежище на дереве. Позднее я обнаружил, что все белки, которые живут в лугах (большинство их действительно земляные), в минуту опасности кидаются к деревьям и только в самом крайнем случае ищут спасения среди корней или в дуплах гнилых деревьев.

Наконец мы перевязали свои раны, покурили и поздравили друг друга с первой добычей, потом передвинули большую сеть дальше по долине; здесь трава была густая, перепутанная, высотой чуть ли не в шесть футов. Это отличное место для особенной добычи, сказали мне охотники, хотя из вполне понятной осторожности не пожелали уточнить — для какой именно. Мы расставили сети, я устроился в удобном месте где-то посередине, внутри дуги, чтобы сразу же извлечь оттуда то, что попадется, а охотники взяли собак и ушли примерно на четверть мили дальше по долине. Высоким протяжным криком они дали мне знать, что стали пробиваться сквозь густую траву, и тут наступила тишина. Лишь трещали и пощелкивали вокруг бесчисленные цикады и кузнечики да издали чуть слышались собачьи погремушки. Прошло полчаса — ничего! Со всех сторон меня теснила шелестящая чаща высокой травы, такая густая и дремучая, что в двух шагах уже ничего не разглядеть.

Крохотная прогалинка, где я сидел, пылала зноем, мне ужасно захотелось пить; я огляделся и вдруг вспомнил, что мой заботливый повар сунул в один из мешков термос с чаем, а я совсем было о нем забыл. Я с благодарностью вытащил термос, уселся на кор-

точки на самом краю прогалины среди высокой травы и налил себе чаю в стаканчик от термоса. Я пил, поглядывал по сторонам и вдруг заметил прямо перед собой в сплошной стене травы узкий, темный проход — его явно протоптал в травяном лесу какой-то зверь; я решил, когда покончу с чаепитием, обследовать этот проход.

Не успел я налить себе второй стаканчик, как справа, совсем рядом раздался отчаянный шум и гам: охотники пронзительными криками подбадривали собак, а собаки заливались неистовым лаем. «Что у них там происходит?» — подумал я, и вдруг в траве послышался шорох; я придвинулся поближе к темному проходу в надежде разглядеть, что там шуршит. Внезапно трава раздвинулась, оттуда выскочило нечто темно-бурое и ринулось прямо на меня. Я нападения никак не ожидал, да еще сидел на корточках и держал в одной руке термос, а в другой стаканчик с горячим чаем. Животное, которое со страху показалось мне вдвое крупней бобра, прыгнуло прямо мне на грудь; от неожиданности я опрокинулся на спину, зверек стоял у меня на животе, а из термоса прямо мне на колени лился обжигающий чай. Оба мы одинаково удивились и, кажется, одинаково завизжали от страха. Руки у меня были заняты, я попытался стиснуть зверька локтями, но он соскочил с меня, точно резиновый мяч, и ускакал в траву. Сеть в одном месте стала подергиваться и трястись, и до меня донесся отчаянный визг — видно, мой незнакомец угодил прямо в нее. Я закричал охотникам и с трудом пробрался сквозь густую траву туда, где шевелилась сеть.

Зверек основательно в ней запутался и теперь лежал весь скорчившись, вздрагивал и пугливо фыркал; то и дело он безуспешно пытался перекусить петли сети острыми зубами. Теперь я его разглядел как следует. В сеть попалась очень большая тростниковая крыса, животное, известное африканцам под именем траворезки, что очень точно передает его повадки: своими большими, отлично развитыми резцами траворезка проходит по лугам, да и по засеянным полям, как косилка. В длину она два с лишним фута и покрыта грубой коричневой шерстью. Мордочка круглая, как у бобра, маленькие уши плотно прижаты, хвост толстый, безволосый, и большие лапы, тоже безволосые. Она, видно, до полусмерти испугалась меня, и я не стал подходить ближе, пока не подоспели охотники, — боялся, как бы она все-таки не вырвалась из сетей. Крыса лежала и судорожно вздрагивала, а порой дергалась, пыталась подскочить в воздух и всякий раз при этом отчаянно взвизгивала. Я изрядно встревожился — вдруг у нее сейчас будет разрыв сердца? Только много позднее, когда я поближе познакомился с тростниковыми крысами, я узнал, что такой истерикой они встречают все новое, непривычное, вероятно, в надежде испугать или смутить врага. А на самом деле тростниковая крыса — животное отнюдь не из робких и не замедлит впиться своими огромными резцами вам в руку, если вы позволите себе с ней какую-либо вольность. Я оставался

на почтительном расстоянии до тех пор, пока не подошли охотники; тут мы общими усилиями извлекли крысу из сети.

Когда ее вытащили и стали сажать в крепкий мешок, крыса вдруг отчаянно подпрыгнула у меня в руках; я сжал ее покрепче, и, к моему удивлению, у меня в пальцах остался большой клок шерсти. Наконец мы надежно засунули траворезку в мешок, а я сел и принялся рассматривать шерсть, которую невольно сорвал с моей упитанной пленницы. Шерсть оказалась длинной и довольно жесткой, похожей на грубую щетину; корни у нее, видно, очень слабые: чуть потянешь — и лезет клочьями. Заново отрастает она очень нескоро, и, так как лысую тростниковую крысу никак нельзя назвать красавицей, обращаться с ней приходится в высшей степени осторожно.

Поймав тростниковую крысу, мы медленно двинулись дальше по долине, время от времени расставляя сети и обшаривая подозрительные кусты и подлесок. Когда стало ясно, что больше тут нечем поживиться, мы свернули сети и направились к большому холму в полумиле от долины. Холм этот был на редкость правильной формы, и мне на ум тотчас пришел курган, под которым похоронен какой-то исполин, что бродил по этой равнине в давно минувшие времена: на самом верху возвышалась груда каменных глыб, каждая величиной с дом—казалось, будто здесь воздвигнут памятник. В узких расщелинах и просветах между глыбами росли чахлые деревца, стволы их были изогнуты и скручены всеми ветрами, но на каждом светилась гроздь ярко-золотистых плодов. В высокой траве у подножий деревьев виднелись фиолетовые и желтые орхидеи, а местами эти огромные камни покрывал толстым ковром какой-то густо разросшийся вьюнок, с его стеблей свисали колокольчики цвета слоновой кости. Эти вздыбленные скалы, яркие цветы и причудливо изогнутые деревья являли собой удивительное зрелище на фоне багряно-голубого предвечернего неба.

Мы забрались на холм и уселись на корточках в тени камней среди высокой травы, чтобы перекусить. Кругом сколько хватал глаз простирались горные луга, цветы и трава колыхались на ветру, краски их сверкали и переливались, поминутно изменяясь. Гребни холмов из бледно-золотых постепенно становились белыми, а долины были нежного зеленовато-голубого цвета и местами темнели, когда над ними торжественно проплывало кучевое облако и тянуло за собой лиловую тень. Прямо перед нами в небе отчетливо вырисовывалась цепь тонко очерченных гор, их подножие почти скрывала россыпь огромных валунов вперемежку с малорослыми деревьями. Горы плавно круглились, они были на удивление правильной формы. Их покрывала трава самых разнообразных оттенков зеленого, золотого, пурпурного и белого цветов, и казалось — это накатывается огромная океанская волна: она вздымается над тщедушной преградой из камней и кустов и вот-вот через нее перехлестнет. Высоты эти были необыкновенно покойны и тихи, тишину нарушал, кажется, один лишь ветер — он хлопотливо метался во все стороны, заставляя каждую былинку петь свою собствен-

ную песню. Ветер расчесывал траву, и она мягко шелестела, он протискивался меж камней, забирался в трещины и расселины гор над нами, и оттуда доносилось что-то вроде жалобного уханья совы и внезапных раскатов хохота, ветер гнул и скручивал упрямые крепкие деревца, они трещали и стонали, а листья трепетали и мурлыкали, как котята. И все же эти невнятные звуки не нарушали, а скорее подчеркивали тишину лугов.

Вдруг тишина раскололась — из-за тесной группы скал донесся ужасающий рев. Я с трудом пробрался туда и увидел: у подножия каменной глыбы сбились в кучу охотники и собаки. Трое охотников о чем-то отчаянно спорили, а четвертый выл и приплясывал от боли; из раны у него на руке хлестала кровь. Взволнованные собаки прыгали вокруг и неистово лаяли.

— Что тут у вас за суматоха? — спросил я.

Все четверо обернулись ко мне и принялись каждый на свой лад рассказывать, в чем дело; они кричали все громче, стараясь перекричать друг друга.

— Зачем вы так кричите? Как же мне вас понять, если вы говорите все сразу, как женщины? — сказал я.

Добившись таким образом тишины, я указал на окровавленного охотника.

— Как ты получил эту рану, друг мой?

— Маса, это меня добыча укусить.

— Добыча? Какая добыча?

— Э, маса, я не знаю. Уж очень она сильно кусать, сэр.

Я осмотрел его руку и убедился, что из ладони словно аккуратно вырезан кусок величиной с шиллинговую монету. Я оказал охотнику простейшую первую помощь и стал расспрашивать, что за животное его укусило.

— Откуда пришла эта добыча?

— Вон из та дырка, сэр,— ответил раненый и указал на глубокую щель у подножия высокой скалы.

— А ты не знаешь, как называется эта добыча?

— Нет, сэр, — огорченно сказал раненый.— Я ее не видеть. Я приходить сюда на этот место и увидеть дырка. Я и подумать, там, в такой дырка, бывать добыча, и сунул рука. Он меня и укусить.

Я обернулся к остальным охотникам.

— Вот!— сказал я.— Этот человек не знает страха. Он не заглянул сначала в нору, Взял да и сунул туда руку, добыча его и укусила.

Охотники захихикали. Я опять повернулся к раненому.

— Стало быть, ты сунул руку в нору, не так ли? Но ведь в таких местах можно наткнуться и на змею, верно? А если тебя укусит змея, что ты будешь делать?

— Я не знаю, маса, — сказал он и ухмыльнулся.

— Друг мой, мне не нужен мертвый охотник, так ты уж больше не делай таких глупостей, понял?

— Понял, сэр.

— Вот и хорошо. Теперь давай поглядим, что за опасиая добыча тебя укусила.

Я достал из мешка факел, согнулся в три погибели и заглянул в нору. В свете факела сначала блеснули глазки, налитые кровью, потом возникла острая, рыжеватая мордочка; зверек злобно, пронзительно взвизгнул и исчез во мраке в глубине норы.

— Ага!— воскликнул один из охотников, услышав визг. — Это буш дог. Очень сильно свирепый добыча.

К сожалению, названием «буш дог»— лесная собака — в этих краях обозначают без разбору самых разных мелких млекопитающих, из них лишь немногие хотя бы отдалеино сродни собакам, и потому разъяснение охотника ничуть меия не просветило — я так и не понял, что это был за зверь. Мы немного посовещались и решили, что есть только один верный способ заставить зверька выйти из норы: надо развести костер у самого входа и нагнать туда дыму, размахивая пучком листьев. Так мы и сделали, но сначала развесили над входом небольшую сеть. Не успел первый клуб дыма заползти в каменную щель, как зверек выскочил оттуда прямо в сеть и с такой силой, что сеть сорвалась со своих креплений и зверек вместе с ней покатился вииз по склону в высокую траву. Собаки с оглушительным лаем кинулись вдогонку, а следом помчались и мы, выкрикивая всяческие угрозы собакам, чтобы они не смели трогать беглеца. Одиако очень скоро выяснилось, что зверек отлично мог сам постоять за себя и вовсе не нуждался в нашей помощи.

Он стряхнул с себя сеть, встал на задние лапы, и тут мы разобрали, что перед нами карликовая мангуста, изящный рыжеватый зверек величиной с гориостая. Оиа так и осталась стоять, слегка покачиваясь из стороны в сторону, широко раскрыв рот, и издавала такие громкие, пронзительные крики, каких я в жизни не слыхал от такого маленького зверька. Собаки разом остановились и в оцепенении глядели на мангусту, а та все раскачивалась перед ними и визжала. Один пес, посмелее остальных, осторожно двинулся вперед и хотел обнюхать это странное существо, но мангуста, видно, только того и ждала; она упала плашмя в траву, ползком скользнула вперед, извиваясь как змея, потом исчезла среди высоких стеблей — и вдруг опять появилась прямо под ногами у всей своры. Тут она завертелась волчком, оглушая нас неумолчным визгом, и при этом впивалась зубами в каждую ногу или лапу, что попадалась ей на глаза. Собаки всячески пытались увернуться от ее острых зубов, но это было нелегко, ведь в траве мангуста подбиралась к ним незаметио, и собакам оставалось только подпрыгивать высоко в воздух. И вдруг мужество им изменило, они все разом повернулись и позорно кинулись удирать вверх по холму, а мангуста так и осталась стоять на задних лапах одна на поле брани; она уже слегка задыхалась, ио все еще выкрикивала язвительные насмешки вслед удалявшимся хвостам.

Так свора была побеждена, теперь нам предстояло самим постараться взять в плен этого малеиького, ио свирепого противни-

ка. Это удалось много легче, чем я предполагал: я привлек внимание мангусты, замахав у нее перед носом брезентовым мешком, она набросилась на него, как на врага, и принялась с ожесточением его кусать, а тем временем один из охотников подкрался сзади и набросил на нее сеть. Пока мы выпутывали мангусту из сети и водворяли в мешок, она совершенно оглушила нас своими яростными воплями и не переставала визжать весь обратный путь домой; по счастью, толстый брезент хоть немного приглушал этот визг. Мангуста умолкла, только когда, уже в Бафуте, я вытряхнул ее из мешка в большую клетку и бросил туда окровавленную голову цыпленка. Пленница тотчас же с философской рассудительностью принялась за еду и вскоре съела все до крошки. После этого мангуста хранила молчание и, только если на глаза ей попадался кто-либо из нас, бросалась к прутьям клетки и снова начинала отчаянно браниться. Нам это под конец до того надоело, что мне пришлось завесить клетку спереди куском мешковины — пускай посидит так, пока не привыкнет к человеческому обществу. Три дня спустя я услыхал с дороги знакомые крики и задолго до того, как вдали показался охотник, понял, что мне несут еще одну карликовую мангусту. Я очень обрадовался, что это была молодая самка, и посадил ее в ту же клетку, где сидела первая мангуста. И напрасно: они немедленно завизжали в два голоса, стараясь перекричать друг друга, и этот дуэт примерно столь же приятен и успокоителен, как скрип ножа по тарелке, да еще усиленный в несколько тысяч раз.

Возвратясь в Бафут после моего первого дня охоты с Гончими, я получил послание от Фона: он приглашал меня к себе выпить и рассказать все новости об охоте. Я пообедал, переоделся и зашагал через просторный двор на маленькую виллу Фона. Он восседал на веранде, разглядывая на свет бутылку джина: много ли в ней еще осталось.

— А, друг мой,— сказал он.— Ты приходил? Ты хорошо поохотиться?

— Да,— ответил я, усаживаясь на предложенный стул.— Охотники Бафута умеют ловить славную добычу. Мы поймали целых три.

— Отлично, отлично,— сказал Фон, налил полный бокал джина и подал мне.— Ты будешь пожить здесь мало время и поймать много-много добыча. Я рассказать все мои люди.

— Да, хорошо. Я думаю, люди Бафута умеют ловить добычу лучше всех в Камеруне.

— Да, верно, верно,— с удовольствием подтвердил Фон.— Ты говорить верно, друг мой.

Мы подняли бокалы, чокнулись, широко улыбнулись друг другу и выпили. Фон опять наполнил бокалы, потом послал кого-то из своей многочисленной свиты за новой бутылкой. Когда мы добрались почти до дна второй бутылки, оба мы порядком разнежились и Фон повернулся ко мне:

— Ты любить музыка?— осведомился он.

— Да, очень,— чистосердечно ответил я, потому что слышал, будто у Фона весьма недурной оркестр.

— Хорошо! Тогда будет музыка,— сказал он и отрывисто что-то приказал одному из слуг.

Вскоре во дворе под верандой появился оркестр. К моему удивлению, он состоял примерно из двух десятков жен Фона, почти совершенно голых, если не считать узеньких набедренных повязок. Жены были вооружены множеством самых разных барабанов, начиная от крохотного, величиной с маленькую кастрюльку, и до огромных, пузатых инструментов, такие одному человеку и не поднять; были там еще и деревянные и бамбуковые флейты с необыкновенно нежными голосами, и большие бамбуковые коробки, наполненные сушеными зернами манса,— когда их трясли, слышался какой-то не то шелест, не то треск. Но самым удивительным инструментом в этом оркестре мне показалась деревянная труба футов четырех длиной. Ее держали стоймя, уперев одним концом в землю, и дули в нее особенным образом, извлекая густой, низкий, дрожащий звук, который немало вас изумлял — никто бы не подумал, что подобное может донестись откуда-то еще, кроме как из уборной, да и то лишь если там редкостная акустика.

Оркестр начал играть, и вскоре множество домочадцев Фона тут же, во дворе, пустились в пляс. Это было нечто среднее между бальным и народным танцем. Пары, обхватив друг друга, медленно кружились, их ноги переступали крошечными шажками, выделывая при этом довольно сложные па, а тела раскачивались и извивались в таких движениях, какие не счел бы позволительными ни один дансинг. Время от времени какая-нибудь пара разделялась, и каждый кружился и раскачивался сам по себе, весь во власти музыки, выделывая свои собственные па. Флейты чирикали и попискивали, барабаны стучали и грохотали, погремушки с мансовыми зернами трещали и шелестели мерно, однообразно, подобно волнам, что ворошат мелкие камешки, и за всем этим хаосом звуков неумолчно, глухо гудела огромная труба, и каждые несколько секунд так размеренно, точно это билось огромное сердце, гудение обрывалось громким ревом.

— Тебе нравится мой музыка?— закричал Фон.

— Да, очень хорошая, — проревел я в ответ.

— А в твой страна есть такой музыка?

— Нет, — сказал я с искренним сожалением, — у нас такой нет.

Фон еще раз наполнил мой бокал.

— Скоро, когда мой народ принести трава, у нас будет много музыка, много танца, а? У нас будет веселый время, мы все будем сильно веселый, да?

— Да, конечно. Мы отлично повеселимся.

А оркестр под верандой все играл, ритмичный бой и рокот барабанов, казалось, взмывали в темное небо и даже звезды начинали подрагивать и приплясывать под их четкий ритм.

Глава третья

Гудящая белка

Когда я охотился в Бафуте, мне особенно хотелось заполучить двух представителей фауны травянистых степей: скалистого дамана и так называемую белку Стейнджера. Но водятся они в совсем несхожих местностях, и два похода за ними запомнились мне, кажется, живей и ярче всех других эпизодов моей охоты на равнинах Камеруна.

Сначала мы отправились за белкой. Эта охота была примечательна тем, что мне удалось составить план похода заранее и осуществить его вполне успешно, не пришлось в последнюю минуту натыкаться на какие-то непредвиденные помехи. Белка Стейнджера — довольно распространенное животное в Камеруне, но прежде я охотился за ней в глухих девственных лесах в бассейне реки Мамфе. В такой местности зверек почти все время сидит на верхних ветках самых высоких деревьев (и питается всевозможными плодами, в изобилии растущими на этих солнечных высотах), а на землю и вообще вниз спускается очень редко. Поэтому поймать там белку почти невозможно. Однако уже потом я узнал, что на равнинах белки частенько посещают небольшие рощицы по берегам реки и проводят довольно много времени на земле, рыская в траве в поисках пищи. И я решил, что здесь будет легче ее поймать. Когда я показал изображение этой белки Гончим Бафута, они тотчас ее узнали и громогласно объявили, что знают, где ее искать. Я основательно их расспросил и убедился, что они и в самом деле хорошо знают повадки этого зверька, так как нередко на него охотились.

Оказалось, белки Стейнджера живут в небольшом горном лесу, но на рассвете или под вечер спускаются с деревьев и, набравшись храбрости, отправляются в луга кормиться. Вот тогда-то и надо их ловить, сказали Гончие Бафута.

— А что же эти белки делают ночью?— спросил я.

— Ох, маса, ночью его не поймать!— был ответ.— Этот добыча, он спать на большой дерево, высоко, человек туда не залезть. А вот когда вечер или рано-рано утро, тогда мы их поймать.

— Хорошо, — сказал я.— Будем ловить ее рано-рано утром.

Мы вышли из Бафута в час ночи и после долгого, нудного перехода по холмам, по долинам и лугам, за час до рассвета пришли наконец на место. Это было небольшое плоскогорье, лежащее на полпути к вершине горы, на крутом ее склоне. Местность тут была сравнительно ровная, ее, журча, пересекала довольно широкая мелкая речушка, обрамленная по берегам узкими каемками густого леса. Мы съежились у подветренной стороны большой скалы и начали вглядываться в туман, утирая лица, мокрые от росы; там мы осмотрелись и составили план охоты. Решено было расставить две-три сети в высокой траве, ярдах в пятистах от кромки деревьев.

И делать это следовало без промедления, пока не рассвело, не то белки нас заметят.

Расставлять сети в высокой, по пояс, траве, когда она насквозь пропитана росой, — не слишком приятное занятие, и мы были счастливы, когда закрепили наконец последнюю. Потом осторожно подобрались к лесу и заползли в высокий кустарник, подальше от посторонних взоров. Здесь мы уселись на корточки, стараясь не стучать зубами от холода; нельзя было ни курить, ни разговаривать, ни хотя бы пошевелиться, и мы молча смотрели, как бледнеет небо на востоке — ночная темнота словно по каплям вытекала из него. Постепенно небо стало бледно-серым, с каким-то жемчужным отливом, потом порозовело — и вдруг взошло солнце, небо налилось ослепительной лазурью, яркой, точно перо зимородка. В этом чистом и нежном свете стали видны горы вокруг, окутанные низко стелющимся туманом; солнце поднималось все выше — и туман заколыхался, начал сползать по откосам гор, стекая в долины. Всего лишь миг назад равнины перед нами спали мирным сном под покровом тумана, и вот горы точно пробуждаются ото сна, зевают и потягиваются под белым своим покрывалом, там сбрасывают его, здесь укутываются плотнее и наконец, сонные, росистые, поднимаются из глубин своей белой постели. Позднее я много раз смотрел, как просыпаются горы, и никогда не мог наглядеться досыта. Если вспомнить, что одно и то же происходит каждое утро с тех незапамятных времен, когда древние горы эти возникли на Земле, только диву даешься, каким новым и свежим кажется всякий раз это зрелище! Оно никогда не бывает скучным, обыденным; в нем всегда новизна. Иногда туман, поднимаясь, свивается причудливыми клубами, и возникают сказочные звери: чудовищные ящерицы, фениксы, крылатые драконы, молочно-белые единороги, а порой пряди тумана вытягиваются и колеблются, точно странные ползучие стебли водорослей, встают, как деревья или огромные взъерошенные кусты, сплошь в белых цветах; порой подует ветерок и придаст туману уж совсем поразительные формы, вычертит строгие, сложные геометрические фигуры. И все время он скользит, перемещается, а под ним дразняще мелькают горы, поблескивают богатой гаммой мягких красок, таких нежных, воздушных и неуловимых, что описать их просто не хватает слов.

«Да, — подумал я, сидя на корточках под кустом и глядя сквозь ветви, как пробуждаются горы, — стоило так устать, продрогнуть и проголодаться, стоило промокнуть до нитки от росы и маяться, потому что до судорог свело руки и ноги, ради того, чтобы все это увидеть». И тут мои мысли прервало громкое, воинственное «чак! чак!». Оно раздавалось в ветвях деревьев над нами; один из охотников схватил меня за руку, глаза у него блестели. Он осторожно наклонился и прошептал мне в самое ухо:

— Маса, здесь тот самый добыча, какой маса хочет. Мы сидеть тихо-тихо, и он через мало время сойти вниз на землю.

Я отер с лица росу и начал вглядываться в гущу трав, где мы расставили сети. Вскоре откуда-то из глубины леса донеслось еще

«чак! чак!». Это проснулись и другие белки и подозрительным взглядом встречали наступающий день. Мы ждали, как нам показалось, ужасно долго, и вдруг я увидел, что на лугу между нами и сетями что-то движется — что-то очень странное. На первый взгляд это можно было принять за овальный черно-белый полосатый мяч, который опять и опять подскакивал над высокой травой. В туманной утренней дымке я никак не мог понять, что же это такое, и молча ткнул пальцем, указывая охотникам на движущийся мяч.

— Тот самый добыча, маса,— сказал кто-то.

— Спускался на землю, уже спускался! — ликуя, подхватил другой.

— А что же это такое?— шепотом спросил я: странный шарообразный предмет никак не напоминал строение тела белки.

— А вот же, это хвост, сэр, — объяснил один из охотников и, чтобы окончательно рассеять мои сомнения, прибавил:— У него сзади растет.

Любой фокус, если его объяснить, тотчас становится очевидным. Теперь я ясно видел, что это черно-белое, полосатое и впрямь просто беличий хвост, и сам себе подивился: с чего это я взял, будто он похож на мяч? Вскоре к этому хвосту в траве присоединились и другие, а когда поднялся и рассеялся туман, мы увидели и самих белок.

Их было восемь, они скачками перебирались из леса на луг. Это были крупные, довольно плотные и головастые зверьки, но самой крупной, самой заметной частью тела у них были хвосты. Белки осторожно перепрыгивали с кочки на кочку; иногда они останавливались, присаживались на задние лапки и старательно нюхали воздух — чем пахнет там, в той стороне, куда они направляются. Потом опять опускались на все четыре лапки и прыгали еще несколько ярдов, помахивая хвостами. А то вдруг сядут и на несколько секунд замрут, аккуратно заложив хвост на спину, так что пушистый кончик его свисает книзу на лоб и чуть ли не закрывает мордочку. Те, что уже выскочили на луг, молчали, но зато с деревьев позади нас порой снова доносилось подозрительное «чак!»— иные зверьки еще не собрались с духом спуститься. Я решил, что для охоты вполне хватит и восьми — которую-нибудь да поймаем — и подал знак охотникам; мы поднялись из засады, растянулись в цепочку между деревьями, и охотники остановились, ожидая сигнала к наступлению.

Белки ушли уже ярдов за сто пятьдесят от опушки леса. Достаточно, решил я, помахал рукой, и мы вышли из нашего укрытия за деревьями в высокую траву. Белки, оставшиеся в лесу, громко, тревожно закричали, а те, что были на лугу, поднялись на задние лапки — поглядеть, что происходит. Увидели нас и замерли; тут мы медленно двинулись вперед, и они сразу запрыгали в траве, все дальше и дальше от деревьев. По-моему, они толком не поняли, что мы такое, — ведь продвигались мы очень осторожно, старались не делать ни одного лишнего движения. Белки чуяли опасность, но не знали, насколько она велика, поэтому они отбегали на несколько

ярдов, потом останавливались, чтобы разглядеть нас хорошенько, и шумно втягивали ноздрями воздух. Вот тут-то и была самая уязвимая часть нашего плана: белки еще не вошли в полукруг сетей, и если бы они взяли вправо или влево, то с легкостью удрали бы от нас в луга. Мы осторожно надвигались на них, кругом царила тишина, слышался только шелест влажной травы у нас под ногами да сзади смутно доносились тревожные крики белок, что остались у нас за спиной.

Внезапно одна из белок, видно посмышленей остальных, сообразила, что происходит. Она не могла видеть сетей впереди — они были скрыты в высокой траве и основательно замаскированы, — но поняла, что наше приближение оттесняет ее с собратьями все дальше и дальше от леса, от высоких деревьев, где они могли бы укрыться. Белка издала громкий тревожный крик и кинулась прочь, а длинный хвост словно струился за ней в траве; потом она вдруг вильнула влево и поскакала по траве в сторону от сетей. Она хотела только одного: обойти нас и добраться до деревьев. Остальные белки сразу же сели столбиками и с тревогой следили за ней. Тут я сообразил, что надо немедленно что-то предпринять, иначе все они соберутся с духом и последуют примеру первой. По ранее задуманному плану мы собирались выждать, пока зверьки не углубятся в полукруг сетей, и только тогда кинуться вперед и напугать их, чтобы они очертя голову бросились прямо в сети. Но теперь стало ясно, что надо попытать счастья и вспугнуть их сейчас же. Я поднял руку, по этому знаку все охотники (и я тоже) с криком и гиканьем рванулись вперед. Мы размахивали руками и всем своим видом старались нагнать побольше страху. Белки оцепенело посмотрели на нас и бросились наутек.

Четыре последовали примеру подруги — кинулись в сторону под прямым углом и таким образом сумели увернуться и от сетей, и от охотников, но остальные три помчались прямо в ловушку. Мы кинулись за ними и сразу увидели, как впереди задергались сети — значит, белки там застряли! И верно, когда мы подбежали, зверьки уже совсем запутались, они яростно сверкали на нас глазами, оглушительно, угрожающе орали — ничего подобного я в жизни не слыхивал ни от одной белки. Крики эти совсем не походили на их обычное громкое «чак! чак!». Это было грозное предостережение, нечто среднее между храпом и рычаньем. И все время, пока мы их выпутывали из сетей, они без умолку вопили и яростно вонзали нам в руки крупные оранжевые резцы. Когда мы наконец засунули их в брезентовые мешки, нам пришлось нацепить каждый мешок на конец палки и так нести: белка любого другого вида, когда очутится в темном мешке, лежит смирно, но эти явно жаждали продолжать борьбу и малейшее прикосновение к мешку встречали яростными попытками укусить и грозными воплями.

Белки в лесу совсем разволновались, меж деревьев эхом отдавалось их неистовое «чак! чак!». Теперь они поняли, какую опасность мы для них представляем, так что не стоило и пытаться поймать еще хоть одну, пришлось довольствоваться теми тремя, которых мы изловили.

Итак, мы свернули сети и другое снаряжение и отправились обратно в Бафут. Там я поместил своих драгоценных белок в три крепкие, выложенные жестью клетки, наполнил кормушки и оставил каждую пленницу в строгом одиночестве — пусть немного придут в себя после такого унижения. Как только мы отошли, белки решились выйти из темноты своих «спален», уничтожили приготовленную для них порцию сочных фруктов, опрокинули блюдца с водой, попробовали на зуб жестяную обивку клеток — нельзя ли ее прогрызть — и, убедившись, что это им не под силу, удалились в «спальни» и уснули. Вблизи они оказались очень красивыми зверьками: брюшко и щеки светло-желтые, спинка красновато-коричневая и большущий хвост в поперечных полосках, точно перевязанный ленточками. Правда, впечатление немного портила чересчур большая голова (есть в ней что-то лошадиное, крохотные, тесно прижатые к черепу ушки, а зубы изрядно торчат).

Я где-то читал, что эти белки ранним утром карабкаются на самые верхние ветки деревьев и оглашают лес необычайно сильными и странными криками: это низкое раскатистое гудение, точно замирающий гул гигантского колокола. Мне очень хотелось услышать этот крик, но я не думал, что они станут так кричать в неволе. Однако на другое же утро около половины шестого меня разбудил странный звук. Все пойманные зверьки находились на веранде за моим окном, я сел на кровати и сразу понял, что звук этот идет от клеток, только не мог разобрать, от каких именно. Я надел халат и осторожно выскользнул из комнаты. Тут, в туманном предутреннем свете, продрогший и еще не совсем проснувшийся, я терпеливо ждал, не повторится ли удивительный звук. Через несколько минут он повторился, и теперь стало ясно — он идет от клеток с белками. Описать его необыкновенно трудно: он начинался подобно стону, постепенно набирал силу, и в нем появлялась какая-то вибрирующая дрожь — примерно так гудят и вибрируют телеграфные провода... Он колебался, точно сейчас заглохнет, потом, как будто кто-то совсем легонько ударял в гонг, резко усиливался и снова понемногу замирал. Видно, белки не очень старались, в лесу они вложили бы в свое «пение» побольше души — там, в предрассветном тумане, меж ветвями деревьев, оно, уж наверно, звучит таинственно и чарующе.

В тот вечер, как обычно, ко мне явился Фон; стал расспрашивать, успешно ли мы нынче охотились, и преподнес мне калебас свежего пальмового вина. Ужасно гордый, я показал ему белок и подробно рассказал, как мы их ловили. Фон непременно захотел узнать, в каком именно месте их поймали, но я плохо разбирался в окрестностях Бафута, и мне пришлось призвать на помощь одного из охотников, который в это время развлекался на кухне. Тот пришел и остановился перед Фоном; на вопросы он отвечал, прикрыв рот сложенными лодочкой руками. Времени на объяснения понадобилось немало: там, где мы охотились, нет ни одной деревни, вообще нет никакого жилья, и охотник мог ссылаться только на такие приметы, как форма скал, деревья, необычные очертания

холмов. Наконец Фон оживленно закивал и на несколько минут погрузился в раздумье. А потом стал быстро говорить что-то охотнику, широко размахивая своими длинными руками, охотник же кивал и низко кланялся. Затем Фон с милостивой улыбкой повернулся ко мне и небрежно, почти рассеянно протянул мне свой пустой бокал.

— Я велеть этот человек,— объяснил он мне, словно бы равнодушным взглядом следя, как я наливаю ему вино, — чтобы он отвести тебя в один особенный место в горы. Там ты найти особенный добыча.

— Какая же там добыча?— спросил я.

— Добыча,— неопределенно повторил Фон и повел в воздухе уже наполовину опустевшим бокалом. — Особенный добыча. У тебя такой еще не был.

— А это не опасная добыча? — спросил я.

Фон поставил бокал на стол и показал ее размер огромными руками.

— Вон такой большой, — сказал он. — Не так сильно опасный, но много кусаться. Он живет на тот большой-большой скала, он ходить под эта скала. Бывает, кричит много, вот так; «уииииииии!»

Я сидел и терялся в догадках — что бы это могло быть, а Фон с надеждой смотрел мне в лицо.

— Совсем похож на траворезка, только хвост нет, — сказал он наконец, пытаясь мне помочь.

Меня вдруг осенило, я пошел за нужной книгой, отыскал там картинку и показал Фону.

— Это она? — спросил я.

— А! Да, да,— обрадовался Фон и погладил своими длинными пальцами изображение скалистого дамана. — Тот самый добыча. Как ты его называть?

— Скалистый даман.

— Скалистый даман?

— Да. А как вы называете его здесь, в Бафуте?

— Здесь мы звать его Н'иир.

Я записал это слово в список местных названий зверей, который составлял, и вновь наполнил бокал Фона. А тот все еще как зачарованный любовался изображением дамана и обводил его тонким пальцем.

— Ф-фа! — мечтательно вздохнул он наконец. — Очень вкусный жареное этот добыча. Мы его готовить со сладкий картофель...

Голос его замер, и, охваченный воспоминаниями, он облизнул губы.

Охотник уставился на меня и переступил с ноги на ногу — он явно хотел что-то сказать.

— Ты что хотел?

— Маса хочет идти то место, про который Фон говорить?

— Да. Мы пойдем завтра же утром.

— Да, сэр. Чтобы поймать этот добыча, надо много-много люди, маса. Этот добыча, он сильно быстро бегать.

— Ну что ж, пойди скажи всем, что мы завтра идем на охоту.

— Да, сэр.

Но он все стоял и переминался с ноги на ногу.

— Ну, что тебе?

— Маса, я еще нужный?

— Нет, мой друг. Иди назад в кухню и допивай свое вино.

— Спасибо, сэр,— сказал он, широко улыбнулся и исчез в полумраке веранды.

Скоро Фон собрался уходить, и я проводил его до дороги. В конце двора мы остановились, и он улыбнулся мне с высоты своего огромного роста.

— Я уже старый, — сказал он. — Я очень много уставать. Если я не был старый, я пойти с тобой на охоту завтра.

— Неправда, друг мой. Ты совсем не старый. Ты очень сильный. У тебя еще много силы, больше, чем у твоих лучших охотников.

Он усмехнулся, потом вздохнул.

— Нет, мой друг, ты сам говорить неправда. Мой время прошло. Я очень много уставать. Я иметь много жены, от них очень много уставать. Всегда дело, всегда забота с один человек, с другой человек, и я очень много уставать. Бафут — большой место, много люди. Когда много люди — много забота.

— Что верно, то верно. Я знаю, хлопот у тебя много.

— Правда,— сказал он, и тут глаза его озорно блеснули.— Бывает, я иметь хлопоты с полицейский чиновник, вот тогда я совсем-совсем много уставать.

Он пожал мне руку и,посмеиваясь, двинулся через двор к себе.

На следующее утро мы отправились на охоту за даманом — я, четверо Гончих Бафута и пятеро домочадцев Фона. Первые две-три мили наш путь лежал через возделанные поля и мелкие фермы. Пологие склоны холмов были все перекопаны, жирная красная земля сверкала в лучах утреннего солнца. Кое-где поля были уже засеяны, и посевы созрели; мы видели пушистые кусты маниоки, ряды маиса, где каждый золотистый початок машет на ветру светлой кисточкой тончайших шелковых нитей. На иных полях работали женщины, обнаженные до пояса, они разрыхляли землю широкими мотыгами с короткой ручкой. У некоторых на спине привязаны были крохотные младенцы, но они, казалось, и не замечали этого привычного груза: так горбун со временем перестает замечать свой горб. Те, кто постарше, курили длинные черные трубки, и, когда они наклонялись, густые клубы серого едкого дыма обдавали им лицо. Самая трудная работа выпала здесь на долю молодых; они вскидывали неуклюжую, тяжелую мотыгу высоко над головой и с размаху вонзали ее в землю; блестящие от пота, гибкие тела мерно раскачивались в лучах солнца. Всякий раз, как мотыга входила в красную землю, женщины громко ухали от натуги.

Мы шли через поля между женщинами, и они высокими, пронзительными голосами окликали нас, шутили, громко хохотали, ни на миг не прекращая работы и не сбиваясь с ритма. Разговор

звучал очень странно, так как то и дело прерывался громким уханьем.

— Доброе утро, маса... ух!.. куда собраться?.. ух!

— Маса собраться иа охота... ух!.. ведь правда, маса?.. ух!..

— Маса поймать много добыча... ух!.. маса иметь миого сила... ух!..

— Иди быстро, маса... ух!.. поймать добыча много!.. ух!..

И еще долго, когда мы давно миновали поля и уже взбирались иа золотистые склоны холмов, до нас доносились их болтовия, смех и мерные удары мотыг, вгрызающихся в землю.

Наконец мы добрались до гребня самой высокой гряды холмов, окружающих Бафут, и тут охотники показали мне место предстоящей охоты; горная цепь, лиловая, затянутая дымкой, возникла где-то в недостижимой дали. Домочадцы Фона заохали, застонали в изумлении и отчаянии — неужели я заставлю их идти в такую даль? А Джейкоб, повар, напрямик заявил, что он все равно ие сможет туда дойти, он, к сожалению, занозил ногу. При ближайшем рассмотрении оказалось, что никакой занозы у него нет, а просто в башмак попал маленький камешек. Когда это обнаружилось и камешек из башмака выбросили, повар сильно расстроился и помрачнел; он тащился позади всех и свирепо бормотал что-то себе под нос. К моему удивлению, расстояние оказалось обманчивым, не прошло и трех часов, как мы уже шагали по длинной, извилистой долине, в конце которой поднималась стена сверкающего золота и зелени — это и была наша цель. Пока мы, по пояс в высокой траве, с трудом взбирались вверх по склону, охотники рассказали мне свой план действий. Я понял, что нам предстоит обойти гладкий выступ горной цепи — там, между этим выступом и следующим, тянется глубокая долина, одним своим концом она врезается далеко, в самое сердце гор. Долину эту обрамляют почти отвесные скалы, а у их подножия среди камней живет даман.

Мы с трудом обогнули огромный острый выступ горы, и тут перед нами открылась долина — тихая, отрешенная, наполненная сверкающим солнечным светом, озарявшим суровые отроги по обе ее стороны, словно ниспадали складками два серых каменных занавеса, расцвеченные розовым, разукрашенные золотыми солнечными бликами и мягкими голубыми тенями. У подножия скал громоздилось наследие несчетных камнепадов и горных обвалов — хаос глыб всех форм и размеров; иные раскатились по неровному руслу долины, иные громоздятся друг на друга, будто из них на скорую руку возведены высоченные дымовые трубы — вот-вот обвалятся! На этих утесах и вокруг них стелется, колышется на ветру зеленый ковер: кусты, высокие травы, согбенные, скрюченные, похожие на хитрых колдунов деревья, мелкие орхидеи, высокие лилии и густая, путаная сеть вьюнков с желтыми, кремовыми и розовыми цветками. На склонах утесов, обращенных к нам, разбросано множество пещер; их отверстия таинствен-

но темнеют, порой узкие — просто щели в камне, порой распахнутые широко, словно двери соборов. По самой середине долины бежит шумливый ручеек — этот бойкий малыш то весело юркнет меж камней, то вновь выскочит оттуда и торопливо скачет водопадами вниз по склону с одного уступа на другой.

В устье долины мы остановились отдохнуть и покурить, и я оглядел в бинокль скалы впереди — нет ли там признаков жизни? Но долина казалась мертвой, пустынной; никаких звуков, только самодовольное, потешное журчание крохотного ручейка да ветер вкрадчиво посвистывает и перешептывается с травой. В вышине появился небольшой сокол, минуту повисел недвижно в нежно-голубом небе и скрылся из виду за иззубренным краем утеса. Джейкоб стоял и разглядывал долину, его толстая физиономия помрачнела.

— Что такое, Джейкоб? — невинно спросил я — Ты уже заметил добычу?

— Нет, сэр,— ответил тот и сердито уставился в землю.

— Тебе тут не нравится?

— Да, сэр, не нравится.

— Что ж так?

— Это плохой место, сэр.

— Почему же плохое?

— Э! Бывает, такой место заколдованный, худо будет, маса.

Я оглянулся на Гончих Бафута, которые лежали в траве.

— Здесь место заколдованное? Вам тут было худо? — спросил я их.

— Нет, сэр, никогда,— дружно отозвались они.

— Вот видишь, — сказал я Джейкобу. — Нет тут никакого колдовства, и бояться нечего, понял?

— Да, сэр, — ответил Джейкоб, ничуть не убежденный.

— А если ты поймаешь для меня эту добычу, я тебе хорошо заплачу, — продолжал я.

Джейкоб заметно оживился.

— Маса давать мне такой же плата, как охотникам? — спросил он с надеждой.

— Да, конечно.

Джейкоб вздохнул и задумчиво поскреб себе живот.

— Что, все еще боишься, что здесь тебя заколдуют?

— Э! — возразил он, пожав плечами.— Бывает, я тоже ошибаться.

— А, Джейкоб! Если маса давать тебе плата, ты убить свой родной мамми, — со смехом сказал один из Гончих; пристрастие Джейкоба к деньгам было хорошо известно всему Бафуту.

— Ха, — сердито воскликнул Джейкоб. — А ты не любить деньги, нет? Зачем ты приходил на охота с маса, если ты не любить деньги, а?

— Это мой работа, — сказал охотник и пояснил, чтобы не осталось никаких сомнений: — Я — Гончая Бафута.

Джейкоб еще не успел придумать достойный ответ, как другой охотник поднял руку.

— Слушай, маса!— взволнованно сказал он.

Все замолчали, и тут до нас долетел из долины странный крик; сперва раз за разом, с короткими промежутками раздавался переливчатый свист... и вдруг он перешел в протяжный вой, который зловещим эхом отдавался в каменистых стенах долины.

— Это Н'инр, маса,— зашептали охотники.— Он воет вон там, на большой утес.

Я навел бинокль на беспорядочное нагромождение камней, куда указывали охотники, но не сразу заметил дамана. Он сидел на скалистом выступе и надменно оглядывал долину. Величиной он был с большого кролика, но лапы короткие, толстые, морда притупленная, точно у льва. Уши маленькие, аккуратные, хвоста как будто вовсе нет. Минуту-другую я его разглядывал, потом он повернулся на узком уступе, взбежал на самый верх скалы, там постоял мгновение, определяя расстояние, легко перепрыгнул на соседнюю груду камней и исчез в зарослях вьюнка — за ними, верно, скрывалась какая-то нора. Я опустил бинокль и взглянул на охотников.

— Ну? — спросил я.— Как же нам его поймать?

Они быстро обменялись мнениями на своем языке, потом один повернулся ко мне.

— Маса, этот добыча, он очень много умный,— сказал охотник, скривив лицо, и почесал в затылке. — Сеть мы его никак не поймать, он все равно убежать мимо люди.

— Как же нам поступить, друг мой?

— Мы найти нору в гора, сэр, и мы сделать костер и много дым; мы положить сеть перед нора, и как он побежать, мы его хватай.

— Хорошо,— согласился я.— Пошли, пора.

Мы двинулись по долине. Впереди шел Джейкоб, теперь лицо его выражало мрачную решимость. Мы пробрались сквозь густые дебри низкого кустарника и наконец достигли первой груды камней, нагроможденных друг на друга так несуразно, что, казалось, они того и гляди рухнут. Здесь мы рассыпались во все стороны, как терьеры, и чуть не ползком двинулись в обход скалы, заглядывая в каждую щель — нет ли там кого-нибудь. Как ни странно, первому повезло Джейкобу; он высунул голову из чащи кустов и позвал меня, его потное лицо так и сияло.

— Маса, я найти нора. И добыча сидеть там, внутри, — радостно объявил он.

Мы столпились вокруг норы и прислушались. Да, конечно, там есть какое-то живое существо: до нас доносились слабые шорохи, словно зверек царапал лапами землю. Мы поспешно разложили костер из сухой травы у самого входа в нору и, когда он как следует разгорелся, покрыли огонь зелеными листьями: мгновенно к небу поднялся столб густого, едкого дыма. Мы развесили над входом в нору сеть и большими пучками листьев погнали

дымь вглубь. Мы усердно махали листьями, нагоняя дым в темную щель; он, клубясь, уходил в глубину, и вдруг все понеслось с головокружительной быстротой. Из норы вылетели два детеныша дамана, каждый величиной с морскую свинку, с разлету ударились в сеть с такой силой, что сорвали ее с креплений и, все больше в ней запутываясь, покатились в кусты. Следом выскочила мать, довольно крупная и дородная зверюга, вне себя от ярости. Она выбежала из норы и тотчас бросилась на ближайшего к ней человека — это оказался один из охотников; даман мчался с такой быстротой, что охотник не успел уклониться: самка вцепилась зубами ему в ногу и повисла на ней, как бульдог, издавая носом громкое, устрашающее «уинин!» Охотник опрокинулся на плотный ковер вьюнка и лежал там, отчаянно брыкаясь и воя от боли.

Остальные Гончие Бафута тем временем старались выпутать из сети детенышей, но это оказалось не так-то просто. Домочадцы Фона разбежались сразу же, едва на сцене появилась разгневанная мамаша, так что выручать охотника, который дергался в кустах и орал благим матом, пришлось нам с Джейкобом. Однако я еще не успел ничего придумать, как вдруг Джейкоб словно очнулся от спячки. На сей раз события не застали его врасплох. Боюсь, правда, что его поступок был продиктован вовсе не сочувствием к страданиям товарища; должно быть, он понял: надо поскорей что-то делать, не то зверек убежит и тогда ему, Джейкобу, не видать обещанных денег, как своих ушей. Джейкоб схватил брезентовый мешок побольше и метнулся мимо меня — я никак не ожидал от него, всегда сонного и медлительного, такой прыти. Не успел я и глазом моргнуть, как он уже схватил ногу злосчастного охотника и запихнул ее в мешок вместе с висящим на ней даманом. Потом туго затянул отверстие мешка и с довольной улыбкой обернулся ко мне.

— Маса! — завопил он, стараясь перекричать охотника, который орал теперь уже не только от боли, но и от негодования.— Я его поймать!

Однако он слишком рано торжествовал победу: не в силах больше терпеть, охотник поднялся из зарослей вьюнка и с маху ударил Джейкоба по курчавому затылку. Джейкоб взревел от боли и обиды и покатился вниз по склону, а охотник тем временем встал на ноги, отчаянно пытаясь освободиться от дамана и от мешка. Как ни прискорбно, должен признаться, что тут я просто опустился на камень и хохотал до слез, ничего более разумного не пришло мне в голову. Джейкоб тоже поднялся на ноги, выкрикивая угрозы и проклятия, и увидел, что охотник пытается снять с себя мешок.

— А-а-а! — завопил он, прыжками поднимаясь к нам по склону. — Глупый человек, добыча сейчас убежать!

Он обхватил охотника руками, и оба упали навзничь прямо на ковер вьюнка. К этому времени остальные охотники уже посадили детенышей в мешки и могли теперь прийти на выручку товарищу; они оттащили Джейкоба и помогли охотнику снять с но-

ги мешок. По счастью, даман выпустил из зубов его ногу, когда попал в мешок, и, видимо, так перепугался, что уже не стал больше кусаться, но, конечно, бедняга охотник порядком намаялся.

Меня все еще душил смех, хоть я и старался изо всех сил скрыть это от окружающих; как мог, я успокоил раненого охотника, отчитал Джейкоба за его поведение и сказал ему, что из-за собственной глупости он получит только половину обещанной платы за поимку зверька, а вторая половина пойдет охотнику — ведь по милости Джейкоба он чуть не лишился ноги. Мое решение все, включая, как ни странно, самого Джейкоба, встретили одобрительными кивками и удовлетворенным хмыканьем. Я давно убедился, что у большинства африканцев в высшей степени развито чувство справедливости и они от души одобряют всякий справедливый приговор, даже если он вынесен против них самих.

Восстановив таким образом порядок и оказав первую помощь раненому, мы двинулись дальше по долине. Мы окурили еще несколько пещер и ям, но безуспешно и, наконец, без всякого кровопролития загнали и поймали большого самца дамана. Теперь у меня их было целых четыре штуки — мне выпала просто неслыханная удача! И я решил, что пора, пожалуй, возвращаться. Мы вышли из долины, обогнули горный отрог, спустились по отлогим склонам, поросшим золотистой, шелестевшей на ветру травой, и зашагали дальше. Дойдя до местности поровнее, мы остановились покурить и передохнуть; я присел на корточки в теплой траве и оглянулся на горы — оттуда донесся глухой раскат грома. Да, мы и не заметили, что по небу к нам подплыла тяжелая мрачная туча, похожая очертаниями на огромную персидскую кошку, и что она уже растянулась по гребням гор. Под ее тенью зелень и золото гор померкли, перешли в угрюмый темно-лиловый цвет, а долины пересекали все резкими черными полосами. Туча двигалась, меняла очертания и то свивалась, то развивалась, словно месила и мяла горную гряду, как кошка мнет лапами гигантское кресло. Временами в этой громаде появляется разрыв, и тут ее пронизывало острие солнечного луча; чистым золотом освещались горы под ним, трава на их сумрачно-лиловых боках вспыхивала изжелта-зелеными пятнами. С поразительной быстротой туча становилась все темнее, мрачнее, словно бы разбухала, готовясь пролиться дождем. И вот уже там рушатся, падают молнии, будто колкие, зазубренные серебряные сосульки, и горы дрожат от раскатов грома.

— Маса, надо идти скоро-скоро, — сказал один из охотников. — Где-то этот гроза нас догонять.

Мы торопились, чуть не бежали, но все-таки не успели — туча пролилась над вершинами гор и, точно в замедленном прыжке, растянулась по небу позади нас. Поднялся порывистый, холодный ветер и сейчас же полил дождь, сплошная серебряная завеса; в первые же секунды мы промокли до нитки. Рыжая земля потемнела и стала скользкой, дождь свистел в траве так громко, что разговаривать было почти невозможно. Когда мы подошли к окра-

нием Бафута, зубы у нас стучали от холода, а насквозь промокшая одежда леденила тело при каждом шаге. Мы вышли уже на последний участок дороги, и тут дождь понемногу стал стихать, еще побрызгал легким душем, а потом и вовсе перестал; с промокшей земли поднялся белый туман и разбился о наши ноги, как огромная волна во время отлива.

Глава четвертая

Монарх и конга

Наконец настал великий день торжественной церемонии сбора травы. Я проснулся перед зарей, когда звезды только еще начали редеть и меркнуть, когда даже самые молодые и восторженные деревенские петушки еще не пробовали свой голос; меня разбудил рокот маленьких барабанчиков, смех, громкий говор и мягкое шарканье босых ног по пыльной дороге внизу, перед домом. Я лежал и прислушивался ко всем этим звукам до тех пор, пока пробуждающийся день не окрасил небо за окном в нежно-зеленоватый цвет; тут я встал и вышел на веранду посмотреть, что происходит.

В туманном утреннем свете сгрудившиеся вокруг Бафута горы светились розовато-лиловым и серым, там и сям их рассекали беспорядочным узором темные полосы долин; в их глубине еще таилась черная и темно-лиловая тьма. Небо было великолепное — черное на западе, где еще дрожали последние звезды, желтовато-зеленое у меня над головой, а у восточной кромки холмов оно переходило в нежнейшую голубизну, как перо зимородка. Я прислонился к той стене веранды, которую сплошь оплела огромной паутиной бугенвиллея, точно небрежно накинутый плащ из кирпично-красных цветов, и обвел взглядом лестницу из семидесяти пяти ступенек, дорогу вниз и за ней двор Фона. По дороге справа и слева надвигался плотный людской поток; люди смеялись, болтали и время от времени били в маленькие барабанчики. Каждый нес на плече длинный деревянный шест, а к шесту была привязана большая, конусом, связка сухой травы. Рядом бежали ребятишки, они тоже несли на тонких деревцах связки поменьше. Люди проходили мимо арки, ведущей во двор Фона, и сбрасывали свою ношу в кучи под деревьями у обочины дороги. Потом входили во двор под аркой и там останавливались группами, болтая и смеясь; порой флейта и барабан заводили какую-нибудь короткую мелодию, и тотчас из толпы выходили танцоры; они шаркали ногами по земле под рукоплескания и восторженные крики зрителей. Это было веселое, оживленное и добродушное сборище.

К тому времени, как я покончил с завтраком, кучи травы под деревьями у дороги вздымались чуть ли не до небес; когда на них падала новая связка, вся куча покачивалась — того и гляди рас-

сыплется; двор был битком забит народом, людям уже не хватало места и многие остались под аркой и на дороге. В воздухе звенели голоса — те, кто пришел пораньше, здоровались с вновь пришедшими и корили их за леность. Дети с визгом и хохотом гонялись друг за другом, то ныряя в толпу, то выскакивая из нее, а за ними с восторженным тявканьем весело носились стаи тощих, ободранных собак. Я спустился по семидесяти пяти ступенькам на дорогу и присоединился к толпе; мне было очень приятно и лестно, что никто не возражал против моего присутствия, наоборот, многие дружелюбно мне улыбались, а когда я стал со всеми здороваться на привычном им ломаном английском, они заулыбались еще шире и приветливей. Потом я поудобней устроился у дороги, в тени огромного куста гибискуса — он весь был усыпан пунцовыми цветками и гудел роями всевозможной мошкары. Я сидел там, курил и глядел на плывущую мимо праздничную толпу; очень скоро вокруг меня собрались тесным кружком ребятишки и подростки и молча за мной наблюдали. Наконец меня отыскал запыхавшийся Бен; уже давно прошло время обеда, укоризненно сообщил он мне, и все вкусные вещи, что приготовил повар, теперь уже, конечно, никуда не годятся. Я неохотно покинул кружок моих поклонников — все они вежливо встали и пожали мне руку — и поплелся за все еще ворчавшим Беном обратно к дому.

После обеда я снова спустился на свой наблюдательный пункт под гибискусом и продолжал взглядом антрополога изучать обитателей Бафута, которые непрерывным потоком двигались мимо меня. Видимо, в утренние часы я наблюдал тут простой рабочий люд. Как правило, всю одежду простолюдина составлял цветастый саронг, плотно обернутый вокруг бедер; так же одеты и женщины, впрочем, иные — глубокие старухи — носили одну лишь набедренную повязку из грязной полоски кожи. Я понял, что это и есть их исконное одеяние, а яркий саронг — дань современности, новомодная одежда. Почти у каждой пожилой женщины в зубах — трубка, но не короткая, точно обрубок, какие в ходу у равнинных племен, а длинная, с изящным чубуком, напоминающая старинные глиняные трубки, и все эти трубки прокурены дочерна. Вот так выглядел рабочий люд Бафута. После обеда на дороге появились члены совета, мелкие князьки и иные важные и влиятельные лица, и уж этих-то никак нельзя было спутать с обыкновенными тружениками. Все они были разряжены в длинные, просторные одежды великолепных ярких цветов (одежды эти шелестели и сверкали на ходу), а на головах красовались маленькие, тесно облегавшие череп круглые шапочки, расшитые сложным ярким узором, какие я видел уже не раз. Некоторые несли в руках жезлы из какого-то темно-коричневого дерева, покрытые удивительно тонкой ажурной резьбой. Все они были уже пожилые или даже старые люди, явно очень гордились своим высоким положением в обществе и каждый здоровался со мной весьма торжественно, тряс мне руку и несколько раз выразительно повторял: «Приветствую». Таких аристократов было много, и они придавали всей церемонии удивительную

окраску. В пять часов мне пора было возвращаться домой пить чай; по пути я остановился на верхней площадке лестницы и посмотрел вниз, на огромный двор: он был набит битком, так что даже земля лишь изредка мелькала рыжими пятнами там, где веселые танцоры в своих неиссякаемых коленцах отпрыгивали в сторону. В толпе яркими пятнами мелькали цветастые одежды старейшин — будто по клумбе чернозема разбросаны пестрые цветы.

К вечеру я оказался уже в самой гуще толпы и старался сделать несколько снимков, пока еще не совсем стемнело. И тут ко мне вдруг протиснулась живописная фигура. Это был гонец от Фона, его развевающиеся одежды переливались алым, золотым и зеленым, а в руке он сжимал длинный кожаный хлыст. Он сообщил мне, что его прислал Фон и, если я вполне готов, он проводит меня к своему монарху на праздник сбора сухой травы. Я поспешно засунул в фотоаппарат новую пленку и стал пробираться за ним в толпе, с восхищением глядя, как легко он прокладывает себе путь в сплошной человеческой толще. Посланник Фона провел меня по всему огромному двору, вывел через ворота под аркой, потом по узкому проходу мы дошли до других ворот под аркой и наконец очутились в лабиринте крохотных двориков и переходов. Разобраться в них было невозможно, но мой провожатый был тут как рыба в воде: он ловко нырял и скользил в нужные проходы, через дворики, вверх и вниз по маленьким лестничкам, и наконец мы прошли под осыпающейся кирпичной аркой в длинный двор размером с четверть акра, огороженный высокой стеной из красного кирпича. В конце этого двора росло высокое дерево манго, вокруг его гладкого ствола возведен был круглый помост; на помосте стояло большое, обильно украшенное резьбой кресло, а в кресле восседал Фон Бафута.

Наряд его был столь ошеломляюще великолепен, что в первую минуту я его даже не узнал: небесно-голубое, очень красивого оттенка одеяние было расшито удивительными красными, желтыми и белыми узорами. На голове красовалась остроконечная красная фетровая шапочка, на которую нашили множество волосков из слоновьего хвоста. Издали казалось, что на голове у него конусообразный стог сена. В одной руке он держал мухобойку, деревянную ручку ее украшала тончайшая резьба, а сама кисточка — густой шелковистый пучок волос — сделана из длинного черно-белого хвоста гвереца. Но эту весьма внушительную картину несколько портили ноги Фона, которые покоились на огромном, уже пожелтевшем и почерневшем от старости бивне слона: они обуты были в очень остроносые пестрые туфли, из которых выглядывали желто-зеленые носки.

Фон пожал мне руку, задушевно осведомился о моем здоровье. Мне принесли кресло, и я уселся подле него. По сторонам двора разместились всевозможные советники, князьки и их полуголые жены; все они сидели на корточках вдоль кирпичной стены ограды и пили вино из каких-то особенных фляжек: в сущности это были покрытые резьбой коровьи рога. На фоне красной кирпичной стены

разноцветные одежды мужчин казались необычайной красоты гобеленом. Слева от кресла Фона высилась груда черных калебасов, заткнутых пучками зеленых листьев; они были наполнены «мимбо», или пальмовым вином,—любимым напитком камерунцев. Одна из жен Фона принесла стакан и мне, потом подняла калебас, вынула затычку и плеснула немножко вина в протянутую ладонь Фона. Тот задумчиво подержал напиток во рту, потом выплюнул и покачал головой. Отведал содержимое еще одного калебаса — с тем же успехом, потом испробовал еще два. Наконец попался калебас, вино в котором Фон нашел достойным себя и меня, и его жена наполнила мой стакан. Мимбо по виду напоминает сильно разбавленное водой молоко, а вкус у него мягкий, чуть кисловатый, как у лимонада, но все это коварнейший обман. По-настоящему хорошее мимбо кажется на вкус таким безобидным, что вводит в соблазн — пьешь еще и еще и вдруг обнаруживаешь, что это вовсе не такой невинный напиток, как казалось. Я пригубил, причмокнул от удовольствия и поздравил Фона с отличным качеством вина. Я заметил, что все советники и князьки пили из коровьих рогов, заменявших им бокалы, а Фон поглощал вино из рога буйвола, прекрасно отшлифованного и украшенного превосходной резьбой. Мы просидели там до тех пор, пока почти совсем не стемнело, не переставая болтать, а калебасы с мимбо понемногу пустели.

Наконец Фон решил, что настала великая минута — пора угостить всю массу людей, которые сошлись на его зов. Мы встали и пошли по двору между двойными рядами низко кланявшихся подданных Фона; мужчины при этом размеренно били в ладоши, а женщины прикрывали рот ладонями, похлопывали себя по губам и оглашали воздух криками, похожими на гудки сирен,— а я-то по своему невежеству до сих пор полагал, что такие вопли издают только краснокожие индейцы! Мы проходили через всевозможные двери, переходы и крохотные дворики, а вся свита следовала за нами, все так же хлопая в ладоши и гудя. Когда мы вышли из-под арки в главный двор, толпа дружно выразила свое одобрение оглушительным ревом, все стали хлопать в ладоши и бить в барабаны. Под звуки шумных приветствий мы с Фоном прошли вдоль стены к тому месту, куда уже принесли и водрузили на разостланной шкуре леопарда трон Фона. Мы уселись, Фон махнул рукой, и начался пир на весь мир.

Из-под арки потекла нескончаемая процессия молодых людей, совсем обнаженных, если не считать маленькой набедренной повязки; на лоснящихся мускулистых плечах они несли всевозможные угощения для подданных Фона. Тут были калебасы с пальмовым вином и пивом, огромные связки красноватых и золотисто-желтых бананов, туши больших тростниковых крыс, мангуст, летучих мышей, антилоп и обезьян, громадные куски питона — все это основательно прокопченное и насаженное на бамбуковые шесты. Были также сушеная рыба, сушеные креветки и свежие крабы, красный и зеленый перец, плоды манго и папайи, апельсины,

ананасы, кокосовые орехи, маниока и сладкий картофель. Пока раздавали всю эту невообразимую массу снеди, Фон приветствовал старейшин, советников и князьков. Каждый подходил к нему, низко склонялся в поклоне и трижды ударял в ладоши. Фон в ответ коротко, царственно кивал, и подошедший, пятясь, удалялся. Если кто-либо хотел обратиться к монарху, он должен был говорить через сложенные лодочкой руки.

К этому времени я поглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия, то же самое, видимо, произошло и с Фоном. Он вдруг буркнул какой-то приказ, и к моему ужасу рядом с нами появился столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то французской марки, о которой я прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в стакан дюйма три джина и подал мне; я улыбнулся и постарался сделать вид, будто изрядная порция неразбавленного джина — именно то, о чем я мечтал. Я осторожно понюхал стакан — пахнет керосином лучшего сорта. Нет, с таким количеством чистого джина мне просто не справиться, и я попросил принести воды. Фон опять что-то рявкнул, и тут же прибежала одна из его жен; в руке она сжимала бутылку горькой настойки.

— Горькая!— гордо объявил Фон и плеснул в мой стакан две чайные ложки.— Ты любишь джин с горькая настойка?

— Да,— сказал я и через силу улыбнулся.— Обожаю джин с горкой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло насквозь: в жизни я не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было нипочем, после первого глотка как-то странно заморгал. Потом отчаянно закашлялся и повернулся ко мне, утирая слезящиеся глаза.

— Очень крепкое,— заметил он.

Когда принесли наконец всю еду и разложили огромными грудами прямо перед нами, Фон призвал всех к молчанию и произнес перед собравшимися обитателями Бафута краткую речь: он рассказал им, кто я такой, зачем сюда приехал и что мне надо. Под конец он объяснил, что они должны изловить для меня побольше всяких животных. Толпа выслушала эту речь в глубоком молчании, а когда Фон кончил говорить, все захлопали в ладоши и закричали нечто вроде «А-а-а!». Фон с довольным видом уселся в свое кресло и в порыве восторга разом отхлебнул полстакана джина с горькой настойкой. За этим опрометчивым поступком последовали пять минут, мучительные не только для него, но и для всех нас: он кашлял и корчился на своем троне, по лицу его ручьями текли слезы. Наконец он немного отдышался и сидел молча, глядя покрасневшими злыми глазами на свой стакан с джином, потом отпил чуть-чуть, в раздумье подержал напиток во рту и доверительно наклонился ко мне.

— Этот джин, оно сильно крепкий,— хрипло шепнул он.— Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой дом и выпить, а?

Я охотно согласился, что отдать джин князькам и советникам — маленьким-маленьким людям, как их называл Фон,— превосходная мысль.

Фон осторожно огляделся — не подслушивает ли нас кто-нибудь, но вокруг толпились всего каких-нибудь пять тысяч человек, и он решил, что совершенно спокойно может открыть мне свой секрет. Поэтому он еще раз наклонился ко мне и снова зашептал:

— Скоро мы идти в мой дом,— в его тоне послышалось неподдельное ликование, — и мы пить виски «Белая лошадь».

Потом откинулся в кресле, чтобы взглянуть, какое впечатление произвели на меня эти слова. Я закатил глаза и изо всех сил постарался сделать вид, что очень счастлив от одной мысли о таком угощении, а сам в ужасе подумал: виски после мимбо и джина — да что же это будет?! А Фон, очень довольный, стал подзывать к себе по одному своих «маленьких-маленьких» людей и выливал остатки джина в их «бокалы» из коровьего рога, еще наполовину полные мимбо. В жизни я не расставался со спиртным так охотно и радостно. Какие же надо иметь луженые желудки, чтобы выдержать и даже смаковать коктейль, составленный из этакого джина с мимбо! При одной мысли о нем меня начинало тошнить.

Осчастливив этой сомнительной милостью своих подчиненных, Фон поднялся на ноги и под рукоплескания, бой барабанов и клики, подобные воинственному кличу краснокожих индейцев, повел меня через путаную сеть переходов и двориков к себе; его собственная вилла затерялась — почти не разглядеть — среди травяных хижин его многочисленных жен, точно спичечная коробка в пчельнике. Мы вошли внутрь и очутились в просторной комнате с низким потолком; тут стояли шезлонги и большой стол, деревянный пол устилали прекрасные леопардовые шкуры и очень яркие плетеные из травы циновки — изделие местных искусников. Полагая, что он уже исполнил свой долг перед подданными, Фон растянулся в шезлонге.

Принесли «Белую лошадь», мой хозяин с удовольствием почмокал губами, когда раскупорили непочатую бутылку, и дал мне понять, что теперь, после того как скучные государственные обязанности позади, можно начать пить в свое удовольствие. Далее мы добрых два часа непрерывно пили и длинно, во всех подробностях обсуждали, с каким ружьем лучше всего охотиться на слона, из чего делается виски «Белая лошадь», почему я не бываю на обедах в Букингемском дворце и прочие волнующие темы. После двух часов такого времяпрепровождения ни вопросы Фона, ни мои ответы уже не звучали столь изысканно и связно, как нам бы хотелось, поэтому Фон призвал свой оркестр: видно, он полагал, что сладостная музыка сможет рассеять пагубное действие крепких напитков, но, увы, он ошибся. Музыканты явились во двор и долго пели и плясали за окнами, а Фон тем временем потребовал еще бутылку «Белой лошади»— надо же было отметить прибытие оркестра! Потом музыканты стали полу-

кругом, на середину вышла женщина и принялась танцевать: она раскачивалась, шаркала ногами по земле и при этом пела песню, которая звучала пронзительно и скорбно. Слов я не понимал, но песня была на редкость печальная, и мы с Фоном оба очень расчувствовались.

Под конец Фон утер слезы и резко объявил оркестру, что желает послушать что-нибудь другое. Музыканты долго совещались и наконец разразились какой-то мелодией, в самом подходящем ритме для танца «конга». Музыка была такая живая и веселая, что настроение наше мигом поднялось; очень скоро я уже отбивал такт ногой, а Фон дирижировал оркестром, причем в руке у него все еще был зажат стакан «Белой лошади». Гостеприимство Фона разгорячило меня, да и музыка раззадорила, и в голову мне пришла отличная мысль.

— На днях ты показывал мне ваш национальный танец, верно?— сказал я Фону.

— Да, верно, — подтвердил он, стараясь подавить икоту.

— Ну вот. А хочешь, сегодня я научу тебя танцевать европейский танец?

— Ах, мой друг!— Фон просиял и обнял меня.— Да, да отлично, учи меня. Пойдем, мы сейчас идти в дом танцев.

Мы шатаясь поднялись на ноги и побрели в его «дансинг». Впрочем, когда мы туда добрались, я увидел, что это усилие — мы прошли с полсотни шагов, а то и больше! — сильно утомило моего спутника: совсем задохнувшись, он сразу рухнул на свой богато разукрашенный трон.

— Иди, сначала научи все маленькие-маленькие люди,— сказал он и замахал руками на толпу князьков и советников.— После и я танцевать тоже.

Я обозрел смущенно переминавшихся с ноги на ногу советников, которых мне предстояло учить, и решил, что самые сложные па конги им сейчас не по силам. Честно говоря, я начинал думать, что сейчас эти па, пожалуй, не по силам и мне самому. Поэтому я решил: лучше удовольствуюсь тем, что покажу им только последнюю, заключительную часть танца, ту, где все танцующие выстраиваются в цепочку один за другим и ходят вокруг зала змейкой, как поведет тот, кто оказался первым. Весь зал замер, когда я предложил двадцати двум советникам подойти ко мне на середину зала, и наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я установил их всех за мной так, чтобы каждый держался за талию стоящего впереди; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги — и мы пустились в пляс. Перед тем я очень старательно объяснил моим ученикам, что им надлежит повторять каждое мое движение, и они это неуклонно выполняли. Однако очень скоро я обнаружил, что в винном погребе Фона утонули все мои познания о конге; лишь одно прочно сохранилось в памяти — что в какую-то минуту надо взбрыкнуть ногой, выбросить ее в сторону.

И мы пошли кружить по залу; оркестр наяривал вовсю, а мы выделывали свое: шаг, два, три — ногу вбок, шаг, два три — вбок! Мои ученики без особого труда повторяли это нехитрое движение, и так мы торжественно кружили по залу, и все их пышные одежды шелестели в лад. Я отсчитывал такт и в нужную минуту выкрикивал «брык!», чтобы им легче было сообразить, когда надо дрыгнуть ногой, но они, видимо, восприняли мой крик как непременную часть танца, нечто вроде обрядового припева, и хором начали выкрикивать это «брык» вместе со мной. Поглядели бы вы, что творилось с нашими многочисленными зрителями! Они вопили от восторга, а всевозможные члены свиты Фона, добрых четыре десятка его жен и несколько отпрысков постарше кинулись к нам, чтобы тоже потанцевать вместе с государственными деятелями,— и каждый новый танцор становился в хвост нашей колонны и подхватывал припев вместе со всеми.

— Раз, два, три, брык!— вопили советники.

— Раз, два, три,— йя-а-а! — визжали жены.

— Раз, два, три, и-н-н! — пищали дети.

Разумеется, Фон никак не мог остаться в стороне от такого веселья. Он с трудом сполз с трона и, опираясь на двух человек, подстроился к концу колонны; его движения не совпадали с дружными движениями остальных, но веселья это ему ничуть не убавляло. Я все водил и водил их вокруг зала, пока у меня не закружилась голова и мне стало казаться, что стены и потолок вздрагивают в такт прыжкам и крикам. Тут я почувствовал, что мне не худо бы глотнуть свежего воздуха, и вывел всех во двор. Так мы и шли, длинющей качающейся цепочкой, вверх и вниз по ступенькам, во дворы и из дворов, мимо незнакомых хижин — словом, всюду, где только можно было пройти. Оркестр, войдя в раж, не отставал — мы танцевали, а музыканты бежали за нами, обливаясь потом, но ни разу не сбились с ритма и не сфальшивили. Наконец скорее волею случая, чем сознательно, я привел своих учеников обратно в «дом танцев», и тут мы все, задыхаясь и смеясь, кучей повалились на пол. Фон еще по пути падал раза три, а теперь его довели до трона и усадили; он снял и с трудом переводил дух.

— Ах, отличный какой танец! — воскликнул он. — Отлично, отлично!

— Тебе нравится? — пыхтя, еле выговорил я.

— Очень много нравится,— решительно провозгласил Фон.— У тебя есть большой сила: я никогда не видеть такой европейский танец.

Я ничуть не удивился: вряд ли кто из европейцев в Западной Африке тратит свой досуг на то, чтобы обучить местных князьков и их приближенных конге. Уж, конечно, если бы кто-нибудь из них увидел меня за этим занятием, мне заявили бы, что я за полчаса нанес престижу белого человека больший урон, чем кто-либо за всю историю Западной Африки. Зато моя конга, видно, сильно укрепила мой престиж в глазах Фона и его двора.

— Раз, два, три, брык! — мечтательно бормотал Фон.— Отличный песня.
— Да, это совсем особенная песня, — сказал я.
— Да, правда?— сказал Фон, кивая головой.— Да, отличный.
Он в задумчивости посидел еще немного на своем троне; к тому времени оркестр снова заиграл и на середину зала вышли танцоры. Я уже чуть-чуть отдышался и стал даже гордиться собой, как вдруг Фон оживился и отдал какой-то приказ. От толпы танцующих отделилась девочка лет пятнадцати и подошла к помосту, где мы сидели. На ней была только крошечная набедренная повязка, так что ее прелести не оставляли никаких сомнений, пухлое умащенное тело лоснилось. Она бочком придвинулась к нам и застенчиво улыбнулась; Фон наклонился и схватил ее за руку. Одним ловким рывком он усадил ее ко мне на колени, и тут она и осталась сидеть, вздрагивая от смеха.
— Это для тебя, этот женщина,— сказал Фон и величественно повел огромной рукой.— Он хороший. Это мой дочь. Давай женись на ней.
Сказать, что я был потрясен, значит ничего не сказать: я просто оцепенел от ужаса. Мой хозяин уже пришел в то блаженное состояние, за которым обычно наступает крайняя воинственность, и я понимал, что отказываться надо как можно осторожнее и тактичнее, иначе я испорчу все, чего достиг за этот вечер. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Оркестр уже перестал играть и все выжидательно смотрели на меня. Фон тоже уставился на меня осоловевшими глазами. Я понятия не имел, вправду ли он предлагает мне эту девицу в жены или для пристойности обозначает этим словом нечто совсем другое. Что бы там ни было, надо как-то отказаться; не говоря уже ни о чем другом, девица была отнюдь не в моем вкусе. Я облизнул губы, откашлялся и сделал все, что мог: прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою хорошо промасленную дочь (она была такая увесистая, что у меня уже ныли колени), однако же, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях моих соотечественников и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе более одной жены. При этом моем замечании Фон рассудительно закивал. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение — ведь у меня уже есть жена в Лондоне и будет незаконно и далеко не безопасно привезти туда с собой вторую. Конечно, не будь я женат, торопливо продолжал я, для меня не было бы большего счастья, чем принять его подарок, жениться на этой девушке и осесть в Бафуте до конца моих дней.
С великим облегчением услышал я гром рукоплесканий, раздавшихся, едва я окончил свою речь; только Фон чуть всплакнул, когда понял, что его прекрасной мечте не суждено сбыться. Пока все кричали и хлопали, я спустил с колен мою толстушку, легонько подшлепнул ее, и она, все еще хихикая, отправилась в зал тан-

цевать. Ну, на сегодняшний вечер с меня хватит дипломатических переговоров, решил я и предложил разойтись по домам. Фон и его свита проводили меня на большой двор, и здесь Фон решительно потребовал, чтобы я позволил ему обхватить меня за талию и еще раз сплясал с ним конгу Даррелла. Толпа немедленно увязалась за нами, и мы протанцевали вокруг площади, брыкаясь и крича так, что перепугали всех крыланов — они вылетели из листвы деревьев манго, — и все собаки на несколько миль вокруг залились отчаянным лаем. У подножия лестницы мы с Фоном прочувствованно распростились, и я еще постоял и поглядел, как все они, пошатываясь, выплясывали конгу на обратном пути через двор. Потом я наконец взобрался на свои семьдесят пять ступенек, мечтая, что сейчас улягусь в постель. Наверху меня взором, полным укоризны, встретил Бен с фонариком.

— Сэр, тут охотники пришел,— сказал он.

— Как, в такое время?! — спросил я с изумлением: шел уже четвертый час ночи.

— Да, сэр. Сказать ему, чтоб ушли?

— Они принесли что-нибудь? — с надеждой спросил я, и перед моим мысленным взором возникли некие редкостные экземпляры.

— Нет, сэр. Они хотел поговорить с маса.

— Ну ладно. Пусть войдут,— сказал я, падая в кресло.

Через несколько минут Бен ввел в комнату пятерых очень молодых и очень смущенных охотников, все они сжимали в руках копья. Охотники поклонились и вежливо сказали: «Добрый вечер». Выяснилось, что они тоже присутствовали на сегодняшнем празднике и слыхали речь Фона; живут они в деревне довольно далеко от Бафута и потому решили повидать меня, прежде чем возвращаться домой, и узнать поточнее, какие именно животные мне нужны. Я похвалил их за усердие, роздал им сигареты и принес книги и фотографии. Мы долго их разглядывали, и я рассказал, какие животные мне особенно нужны и сколько я за них буду платить. Охотники совсем было уже собрались уходить, как вдруг один заметил лежавший у меня на кровати рисунок, который я им не показывал.

— Маса хочет этот добыча? — спросил он.

Я взглянул на рисунок, потом на молодого охотника; он, видимо, не шутил.

— Да,— сказал я, как мог выразительнее.— Я очень хочу эту добычу. А что, ты ее знаешь?

— Да, сэр, я его знаешь,— подтвердил охотник.

Я поднял рисунок и показал остальным.

— Посмотрите хорошенько,— предупредил я.

Они все уставились на листок с рисунком.

— Ну что, вы и правда знаете эту добычу? — спросил я опять.

— Да, сэр,— дружно ответили охотники.— Мы его хорошо знаете.

Я сел и уставился на них, как на пришельцев с другой планеты. Они преспокойно узнали животное, изображенное на рисунке,

и это меня потрясло: я уже очень давно мечтал поймать эту, быть может, самую замечательную амфибию в мире: ученым она известна под названием Trichobatrachus robustus, а обыкновенные люди называют ее попросту волосатой лягушкой.

Тут необходимо кое-что пояснить. Во время моей предыдущей поездки по Камеруну все мои помыслы были направлены на то, чтобы заполучить хоть одну такую чудо-амфибию, но ничего не вышло. В то время я искал ее в низинных лесах, и все тамошние охотники, которым я показывал рисунок, в один голос твердили, что такого на свете не бывает. Я стоял на своем, а они с жалостью на меня глядели — вот, мол, еще одно доказательство непостижимой глупости белого человека, ведь даже малые дети знают, что у лягушек не бывает волос! У зверей — волосы, у птиц — перья, а у лягушек есть кожа и ничего больше. И раз уж им было доподлинно известно, что такой лягушки на свете нет, они даже не подумали ее искать, хоть я и предлагал за нее огромные деньги. Что толку искать сказочное чудище — лягушку с волосами? Я сам провел в лесу немало мучительных ночей, бродил босиком вверх и вниз по ручьям и речушкам в поисках этого ускользающего от меня земноводного, пока не свалит с ног усталость, но тщетно. После этого я и сам поверил, что все учебники врут, а охотники правы: в низинных лесах эту лягушку не найти. Одно лишь упоминание о волосатой лягушке тотчас вызывало среди жителей низин презрение и насмешки — и во время моей второй поездки я, жестоко разочарованный, никому даже не стал показывать этот рисунок; конечно же, горные охотники будут единодушны со своими собратьями из больших лесов. Вот почему я так разволновался и изумился, когда молодой охотник без всякой моей подсказки сразу узнал необыкновенную амфибию и вдобавок осведомился, нужна ли она мне.

Я подробно расспросил охотников, весь дрожа, точно гончая на следу. Да, подтвердили они в третий раз, они знают это животное; да, у него есть волосы; да, его нетрудно поймать. Я спросил, в каких местах оно водится, и небрежные взмахи рук ясно показали мне, что таких лягушек полным-полно в здешних лесах. Глаза у меня загорелись, и я спросил, знают ли они точно место, куда за этой лягушкой можно пойти. Да, был ответ, есть такая «маленький вода» примерно в двух милях от Бафута, там ночью всегда можно увидеть волосатых лягушек. Дальше я слушать не стал. Выбежал на веранду и завопил что есть мочи. Мои помощники, спотыкаясь и продирая на ходу сонные глаза, выскочили из своей хижины и собрались у меня на веранде.

— Этот охотник говорит, он знает, куда идти, где поймать вот эту добычу,— объяснил я.— И мы идем за ней.

— Сейчас, сэр?— в ужасе спросил Бен.

— Да, прямо сейчас, идите все за мешками и фонарями. Скорей, скорей!

— Прямо ночью?— умирающим голосом переспросил Бен: уж очень он любил поспать.

— Да, *сейчас!* Ну, пошевеливайся, хватит зевать, челюсть вывихнешь! Ступайте все за мешками и фонарями!

Мои помощники с опухшими со сна глазами, не переставая зевать, неохотно повиновались. Джейкоб, повар, на минутку задержался и стал объяснять мне, что он повар, а не охотник и совершенно не понимает, почему он должен менять свою специальность в четыре часа ночи.

— Друг мой,— сказал я твердо. Если ты через пять минут не принесешь сюда мешок и фонарь, то утром ты уже не будешь ни охотником, ни поваром. Понятно?

Джейкоб поспешно кинулся вслед за остальными на поиски своего охотничьего снаряжения. Не прошло и получаса, как мой сонный отряд был в сборе и мы двинулись по росистой дороге искать волосатых лягушек.

Глава пятая

Охота на волосатых лягушек

Мы шли по пыльной дороге в смутном свете звезд, а по обе стороны от нас сверкала отяжелевшая от росы трава. Луны не было, в этом нам повезло: когда охотишься ночью при свете фонарей, луна не помогает, а только мешает — она отбрасывает причудливые тени, среди которых легко может скрыться твоя дичь, кроме того, лунный свет ослабляет свет фонаря.

Маленькая группка охотников шагала впереди — сна ни в одном глазу, все бодрые и нетерпеливые, а мои помощники, которым я так щедро платил, плелись сзади, беспрерывно зевали и едва передвигали ноги. Только Джейкоб шел рядом со мной: видно, он решил, что раз уж не удалось улизнуть от этой охоты, то лучше хорошенько постараться. Время от времени, когда позади раздавался особенно громкий зевок, он неодобрительно оглядывался и насмешливо фыркал.

— Эти люди, у них нет сила,— говорил он с презрением.

— Наверно, они просто забыли, что я плачу пять шиллингов за каждую лягушку,— отвечал я громко и отчетливо.

В ночной тишине мой голос разнесся далеко — и тут же зевки и шарканье ног прекратились как по команде; вся замыкавшая шествие компания сразу проснулась. Пять шиллингов за лягушку — деньги нешуточные!

— Я не забыть,— с хитрой улыбочкой сказал мне Джейкоб.

— В этом я и не сомневался,— строго ответил я.— Ты ведь на редкость беспринципный западноафриканский Шейлок.

— Да, сэр, — преспокойно согласился Джейкоб. Смутить его было просто невозможно: если он не понимал моих слов, то все равно на всякий случай безоговорочно со мной соглашался.

Мы прошли по дороге еще мили полторы, и тут охотники

свернули на узкую тропку в высокой траве; тропка была скользкая от росы и самыми невероятными зигзагами взбиралась вверх по склону холма. Вокруг нас, во влажной чаще высоких спутанных трав, со всех сторон призывно квакали крохотные лягушки и стрекотали цикады, точно отстукивали такт миллионы лилипутских метрономов; вот сбоку у самой тропинки неуверенной спиралью взвился большой бледный мотылек, он взмывал все выше, и вдруг из тени стремительно и прямо, как стрела, вылетел козодой, щелкнул клюв — и мотылек исчез. Птица повернула и унеслась вниз вдоль склона так же неслышно, как и появилась. Наконец мы добрались до вершины холма, и тут охотники сообщили мне, что ручеек, о котором они говорили, лежит в долине прямо перед нами. В сущности это оказалась даже не долина, а глубокое, узкое, полное теней ущелье между двумя гладкими округлыми горами; извилистое русло ручья сразу бросалось в глаза: его обрамляла темная бахрома невысоких деревьев и кустов. Когда мы спустились в полумрак долины, до нас донесся шум воды, она журчала и плескалась среди валунов, усыпавших русло, и тропка сразу размокла, под ногами противно зачмокала липкая глина. Мы осторожно скользили по ней, ноги наши разъезжались, а грязь неприятно хлюпала и старалась не выпустить из цепкой хватки наши башмаки.

Ручей торопливо сбегал по долине, скатывался по ней множеством широких, мелких, усеянных камнями ступеней, каждая непременно заканчивалась маленьким, не выше восьми футов водопадом — тут ручей собирался в сверкающий, точно отполированный водяной столб и обрушивался в круглое озерцо, словно в чашу, выдолбленную среди скал; здесь вода бешено кружилась в ореоле серебряных всплесков, потом устремлялась меж каменных россыпей к новому водопаду. Длинные травы клонились над ручьем, точно нечесаная золотистая грива какого-то зверя, а между влажно блестевшими каменными глыбами, из густого мха, который устилал все вокруг зеленым бархатным ковром, поднимались тонкие кружевные папоротники и другие тоненькие растеньица. По берегам осторожно, на цыпочках, расхаживали маленькие розовые и темно-коричневые крабы, их тут было великое множество; когда мы выхватывали их из темноты лучами наших карманных фонариков, крабы угрожающе поднимали клешни и еще того осторожней пятились прямо в норки, которые они выкопали себе в красной глине. Мы шли по высокой траве, и у нас из-под ног то и дело взлетали десятки крохотных белых мотыльков и снежными облачками уносились за ручей. Мы присели на корточки на берегу покурить и обсудить порядок действий. Охотники объяснили, что искать лягушек лучше всего в истоках маленьких водопадов, но можно их найти и под плоскими камнями в тех местах, где ручей не такой глубокий. Я решил, что лучше всего растянуться цепочкой поперек ручья и двинуться вверх против течения, переворачивая каждый камень, который можно будет поднять, и заглядывая в каждую ямку и в каждую щелку,

где могла бы укрыться волосатая лягушка. Так мы и сделали и целый час упорно взбирались вверх по холму к истоку ручья — шлепали по неглубокой ледяной воде, оскальзывались на мокрых камнях и светили фонариками в каждый укромный уголок, с безмерной осторожностью переворачивали каждый подозрительный камень.

Среди камней было полным-полно крабов, они щелкали клешнями и удирали от нас во весь опор; ярко-зеленые, как трава, лягушки с удлиненными, точно пули, телами, прыгали в воду с громким всплеском и пугали нас, а вокруг неизменно вилось дрожащее облачко мельчайших мотыльков, маленькие летучие мыши то появлялись в луче фонарика, то пропадали; только волосатых лягушек не было и в помине. Мы почти не разговаривали на ходу; в тишине на тысячу голосов бормочет, лепечет и звенит ручей, сбегая по своему руслу, в густой траве трещат цикады да испуганно вскрикнет порой птица, потревоженная нашим фонариком, и еще послышится клокотанье, сосущий звук, точно в воронке, и следом громкий всплеск, когда кто-нибудь из нас перевернет камень на глубоком месте. Один раз, когда мы одолевали невысокий, но крутой утес, с которого, точно трепетная кружевная пелена, свисал водопад, вдруг раздался громкий крик и что-то шумно плюхнулось в воду. Мы торопливо осветили фонариками основание водопада и обнаружили, что Джейкоб — он последним взобрался на утес — наступил на водяную змею, которая свернулась кольцом в выбоине. Со страха он попытался подпрыгнуть повыше, но попытка не удалась, потому что он в эту минуту едва удерживался на крутизне, довольно рискованно прижимаясь к утесу футах в пяти от земли. Джейкоб все же свалился в озерцо под водопадом и вылез оттуда целый и невредимый, только промок до нитки да зубы у него выбивали дробь: вода была ледяная.

Черное небо на востоке медленно светлело, становилось бледно-зеленым, близился рассвет, а мы все еще не нашли неуловимое земноводное. Охотники совсем приуныли, искренне огорченные нашей неудачей, и горестно объяснили, что, как только рассветет, продолжать поиски будет бесполезно, тогда уж лягушка ни за что не покажется на свет. Значит, у нас остается всего часа два и за это время надо выследить ее и поймать; итак, мы продолжали свой путь вверх по ручью, но я был убежден, что сегодня нам не повезло и ничего уже не выйдет. Наконец, промокшие, замерзшие и отчаявшиеся, мы вышли в широкую плоскую долину, тут было полно огромных валунов и ручей пробирался среди них, извиваясь как змея. Местами между камней образовались довольно глубокие тихие озерца, местность здесь была ровная, течение медленное, спокойное, и ручей разлился чуть не вдвое шире прежнего. Валуны, разбросанные как попало, торчали порой, наклонясь под самыми невероятными углами, точно гигантские древние могильные камни, совсем черные под звездным небом. Все они густо поросли мхом и оплетены были ползучими дикими бегониями.

Мы прошли уже почти половину этой долины, и я решил

сделать привал и покурить. Подошел к маленькой заводи, которая лежала, как черное зеркало в оправе высоких камней, выбрал гладкий камень посуше, сел, выключил фонарик и приготовился насладиться сигаретой. Фонарики моих спутников мигали и сверкали между камней — они пошли дальше по долине, шлепая по воде, и вскоре шаги их затерялись среди множества ночных звуков. Я докурил сигарету и отшвырнул окурок; он описал в воздухе дугу, точно пламенеющий светлячок, упал в воду, зашипел и погас. И почти в ту же секунду что-то с громким всплеском прыгнуло в озерцо и гладкая черная вода рассыпалась серебряной рябью. Я мигом зажег фонарик и осветил поверхность воды, но ничего не увидел. Тогда я осветил покрытые мхом камни на краю этого крохотного озерка. Совсем рядом со мной, на самом краешке большого валуна, сидела большущая, лоснящаяся лягушка шоколадного цвета, и ее толстые ляжки и бока покрывала спутанная масса чего-то, очень похожего на волосы.

Я замер, я не смел даже перевести дух — ведь лягушка примостилась на самом краешке камня, нависшего над водой; она сидела подозрительная, насторожённая, готовая, в любую секунду оттолкнуться от камня и прыгнуть вниз. Если ее испугать, она спрыгнет с камня прямо в черную воду, и тут уж пиши пропало! Ее не поймаешь... Минут пять я оставался недвижим, как камни вокруг, и постепенно волосатая лягушка привыкла к свету фонаря и, видно, немного расслабилась. Один раз она, правда, чуть пошевелилась, моргнула своими влажными глазами, и я в ужасе подумал: все, сейчас она спрыгнет! Но лягушка просто поудобнее устроилась на камне, и я вздохнул с облегчением.

Тем временем я наскоро обдумывал план действий: сперва надо ухитриться переложить фонарик из правой руки в левую так, чтобы не встревожить лягушку; потом я буду очень медленно и незаметно наклоняться вперед до тех пор, пока моя рука не окажется достаточно близко от ее жирного тела, и тогда попытаюсь мгновенно схватить драгоценную добычу. Пока я справился с фонариком, мне пришлось изрядно поволноваться, потому что лягушка неотступно следила за моими движениями тревожным и подозрительным взглядом; но вот наконец фонарик уже в левой руке. На несколько минут я снова замер — пусть она успокоится; потом согнул пальцы ковшиком и медленно, с предельной осторожностью стал пододвигать руку к лягушке. Ближе, ближе... дюйм за дюймом... и вот уже моя рука повисла прямо над лягушкой! Я вздохнул поглубже и решился: хвать! Едва моя рука ринулась вниз, лягушка прыгнула, но чуть запоздала, и я все же успел ухватить пальцами скользкую заднюю лапку. Однако лягушка не собиралась так легко отказаться от свободы: она истошно завопила и стала отчаянно лягаться другой задней лапкой, царапая мне тыльную сторону ладони. Боль была такая, точно кожу рвали иголками, и на руке появились глубокие царапины, которые быстро краснели, наполняясь кровью. Эта неожиданная воинственность существа, которое я считал совершенно безобидным, так

меня ошеломила, что я невольно ослабил хватку. Тут лягушка лягнула меня еще раз, дернулась, мокрая лапка выскользнула из моих пальцев, внизу раздался громкий всплеск, и по воде побежала серебряная зыбь. Волосатая лягушка улизнула.

Что я при этом почувствовал — не передать никакими словами. Обширная коллекция красочных и трагических выражений, которую я собрал на своем веку, казалась слишком бледной и бессильной описать такую катастрофу. Я попробовал как-то выразить свои чувства, но куда там... не нашлось у меня для этого достаточно крепких слов. Надо же! Я так долго ждал, я почти поверил тем, кто утверждал, будто волосатой лягушки вообще нет в природе, потом провел столько часов в бесплодных поисках и наконец встретился с ней лицом к лицу, уже просто держал ее в руках — и затем... Затем по своей собственной глупости я ее упустил! Делать нечего, я взобрался на высокой камень — взглянуть, где там мои охотники; в четверти мили от меня мелькали лучи их фонариков, и я закричал им тем протяжным, пронзительным криком, каким перекликались между собой охотники. Они отозвались, и я закричал, чтобы они поскорей возвращались ко мне, я нашел ту добычу, которую мы искали. Потом я слез с камня и внимательно осмотрел озерцо. Оно было длиной футов в десять и около пяти в поперечнике (в самом широком месте). Вода вливалась и выливалась из него через два узеньких канала среди камней, и я подумал: стоит только перекрыть эти каналы, и, если лягушка все еще тут, ее вполне можно будет изловить. Подошли задыхающиеся от спешки охотники, я им все рассказал, и они стали щелкать пальцами и стонать с досады, что лягушка все-таки сбежала.

Как бы то ни было, мы принялись за работу и вскоре перекрыли входной и выходной каналы кучками плоских камней. Потом двое охотников влезли на валуны и направили фонарики на воду, чтобы нам было лучше видно. Я измерил глубину озерка длинной рукояткой сачка для бабочек, и выяснилось, что там воды на два фута; дно ручья покрыто крупным песком вперемешку с мелкими камешками, тут лягушка могла отыскать для себя вдоволь укромных уголков. Потом мы с Джейкобом и еще два охотника разделись донага и полезли в ледяную воду — мы с Джейкобом в одном конце озерка, а те двое — в другом. Мы медленно двинулись навстречу друг другу, чтобы сойтись на середине озерка, согнувшись в три погибели и ощупывая пальцами рук и ног каждую расселину, переворачивая каждый камень. Вскоре мы добрались до середины, и тут у одного охотника вырвался восторженный вопль, он поспешно схватил что-то под водой, причем едва не потерял равновесия и не рухнул ничком в воду.

— Что там у тебя, что? — в волнении закричали мы все разом.

— Вот он, лягушка,— залопотал охотник.— Только он убежать.

— А у тебя что, рук нет?— злобно осведомился Джейкоб, стуча зубами от холода.

— Он бежать прямо к маса,— ответил охотник и ткнул пальцем в мою сторону.

И в этот миг подле моей босой ноги что-то шевельнулось; я наклонился и начал торопливо шарить в воде. Тотчас же и Джейкоб дико вскрикнул и нырнул под воду, а другой охотник отчаянно пытался схватить что-то у себя под ногами. Мои пальцы наткнулись на гладкое, толстое тело, которое поспешно зарывалось в песок у самых моих ног, и я его схватил; в ту же минуту Джейкоб выскочил из воды, он отплевывался, задыхался, но торжествующе махал рукой, в которой была зажата толстая лягушка. Он зашлепал по воде в мою сторону, спеша показать свою добычу, но, когда он до меня дошел, я уже выпрямился, и у меня тоже в ладонях было что-то живое. Я поскорей глянул — что же я поймал?— и передо мной мелькнули толстые ляжки, обросшие чем-то мохнатым, похожим на волосы; да, я поймал волосатую лягушку! Тут я взглянул на трофей Джейкоба — и его пленница была точно такая же. Мы поздравили друг друга, осторожно уложили обеих лягушек в глубокий мешок из мягкой ткани и надежно его завязали. Только мы успели со всем этим управиться, как охотник, который суетливо шарил у себя под ногами, заорал от радости, выпрямился и взмахнул в воздухе еще одной волосатой лягушкой, которую он ухитрился ухватить за лапку.

Воодушевленные успехом, уже не чувствуя холода, мы снова полезли в воду и старательно обыскали все озерцо, но лягушек больше не нашли. Теперь край неба на востоке поголубел, по бледно-голубому брызнуло золото, выше и выше пошли золотисто-изумрудные полосы — и у нас над головой уже мерцали и гасли последние звезды. Ясно, что часы охоты миновали, но я и так был очень доволен: она удалась как нельзя лучше. Африканцы уселись на корточки на сухих камнях, они смеялись, болтали, курили сигареты, которые я им роздал, а я тем временем с грехом пополам вытерся носовым платком и натянул на себя насквозь промокшую от росы одежду. Голова у меня просто раскалывалась — отчасти от пережитого волнения, но главное — от вчерашней пьянки с Фоном. Впрочем, сейчас мне наплевать было и на холодную мокрую одежду, и на головную боль — я торжествовал победу! Мешок с волосатыми лягушками я опустил в воду и держал его там до тех пор, пока он не промок насквозь и не стал холодным; тогда я обернул его мокрой травой и уложил на дно корзинки.

Когда мы добрались до вершины холма, солнце уже поднялось над дальними горами и залило мир хрупким золотистым светом. Высокая трава клонилась под тяжестью росы, тысячи крохотных паучков свили паутину между ее стеблями, их сети отняли у ночи богатый улов росинок — и крохотные капли сверкали в солнечных лучах белым и льдисто-голубым алмазным блеском. У нас из-под ног десятками выскакивали крупные саранчи и проносились над травой, шелестя и сверкая ярко-красными крыльями, а над островком бледно-желтых орхидей, что росли под сенью большого камня, громко жужжал хор толстых шмелей металлического голубого цвета, мохнатых, как медведи. Воздух, свежий и прохладный, был до отказа напоен запахами цветов и трав, земли и росы. Охотники,

счастливые сознанием того, что ночная охота прошла успешно, затянули песню и неторопливо, гуськом двинулись по тропинке; это была веселая бафутская песенка, и пели они с большим жаром и увлечением; вскоре песню подхватили и домочадцы Фона, а Джейкоб аккомпанировал — выбивал негромкую дробь на жестянке для «добычи». Так мы и маршировали обратно в Бафут, с громкой песней, а Джейкоб выстукивал все более сложные ритмы на своем импровизированном барабане.

Когда мы добрались до дома, мне надо было первым делом приготовить глубокую жестяную банку для моих пленниц; я наполнил ее свежей водой и положил на дно несколько камней, чтобы лягушкам было где укрыться. В эту банку я поместил двух, а третью посадил в большую стеклянную банку из-под варенья. Во время завтрака я поставил эту банку на стол перед собой и в промежутке между двумя глотками любовался моей пленницей, не сводил с нее влюбленных глаз.

Для лягушачьего племени моя волосатая лягушка оказалась настоящим великаном: если она хорошенько подберет под себя лапки, то как раз поместится на блюдце и займет его почти целиком. Голова у нее широкая и довольно плоская, глаза очень выпученные, а рот необыкновенной ширины. Сверху лягушка темно-шоколадного цвета, а местами испещрена расплывчатыми коричневыми крапинками еще темнее, почти черными; брюшко белое, в самом низу чуть подкрашено розовым, и задние лапки с внутренней стороны тоже розоватые. Глаза очень большие, угольно-черные с тонким узором золотых точек. Самая удивительная особенность этой лягушки — волосы, расположены они по бокам ее тела и на бедрах; тут волосы черные, густые, длиной с четверть дюйма. Это украшение в сущности вовсе не волосы; оно состоит из удлиненных выростов кожи, которые, если присмотреться поближе, напоминают щупальца морского анемона. Но если не слишком тщательно приглядываться, очень легко поверить, будто задняя половина тела лягушки покрыта густым слоем волос. В воде волоски встают дыбом и плывут, как водоросли, тут-то их лучше всего видно; когда же лягушка на суше, они опадают и кажутся спутанной массой каких-то студенистых нитей.

С тех пор как впервые найдена была волосатая лягушка, среди ученых не затихали споры о том, для чего все-таки служит это необычное косматое украшение, но теперь, кажется, исследователи приходят к единому мнению: волосы помогают дыханию. Все лягушки дышат в большей или меньшей степени кожей; иными словами, кожа вбирает в себя кислород из воды. Таким образом, лягушка обладает, так сказать, двумя дыхательными аппаратами: кожей и легкими. И потому, когда лягушка дышит кожей, она может довольно долго оставаться под водой. У волосатой же лягушки множество тончайших кожных отростков значительно увеличивает поверхность кожи и этим очень помогает дыханию. Сначала ученые сильно сомневались в таком предназначении этих волосков, ибо они существуют только у самцов; у самок этого вида кожа такая же

гладкая, как у всех прочих лягушек. А потому могло показаться, что волосы эти служат только украшением и не приносят никакой пользы — ведь просто смешно предполагать, будто у самца столь короткое дыхание, что без помощи волосков ему не обойтись, а безволосой самке и так воздуха хватает с избытком. Однако столь странное противоречие вскоре объяснилось: оказывается, самцы проводят всю свою жизнь в воде, тогда как самки бóльшую часть года проводят на суше и спускаются в воду только в брачную пору. Итак, секрет открылся: самка почти все время на суше и дышит легкими; самцу же в его подводном жилище волоски приходятся очень кстати — он почти не вылезает на берег.

Есть у волосатой лягушки и еще одна любопытная особенность: мясистые пальцы ее задних лапок снабжены длинными, белыми, полупрозрачными когтями; когти эти лягушка при желании выпускает, а когда в них нет более нужды — втягивает в нечто вроде ножен в пальцах, как кошка. Я на собственном опыте убедился, что когти очень острые и служат лягушке надежным оружием — об этом красноречиво свидетельствуют царапины у меня на руке. Думаю, что у лягушкиных когтей двоякое назначение: во-первых, они средство защиты, а во-вторых, ими удобно цепляться за скользкие камни в быстрых ручьях, где обитают эти земноводные. Всякий раз, как мы ловили волосатых лягушек, они отчаянно лягались задними лапками и выпускали когти из ножен; одновременно лягушки издавали странные, пронзительные крики — нечто среднее между хрюканьем довольной свиньи и страдальческим писком пойманной мыши, причем крик этот на удивление громкий и, когда его не ожидаешь, может порядком напугать.

Мои волосатые лягушки очень удобно устроились в своей большой жестянке, а после многочисленных ночных охот я добыл еще нескольких: теперь у меня их было семь и все самцы, с роскошной растительностью на спине. Не один месяц я шарил повсюду, пытаясь найти для них самок, но безуспешно. И вот однажды ко мне на веранду явилась очень милая старушка, лет девяноста пяти, с двумя калебасами: в одном сидела пара землероек, а в другом—крупная самка волосатой лягушки. Самка эта осталась единственной, другой мне так и не удалось раздобыть, и, естественно, я обращался с ней особенно бережно и заботливо.

С виду самка мало отличалась от самца, разве что кожа у нее была посуше и пожестче да окраска ярче: кирпично-красная с шоколадными крапинками. Она отлично себя чувствовала среди семерых кавалеров и даже перешла за компанию на подводный образ жизни. Целыми днями все лягушки лежали в воде, почти совсем в ней скрываясь, готовые нырнуть на дно жестянки, едва кто-нибудь подойдет близко; однако по ночам они набирались храбрости, влезали на камни, которые я нарочно для этого им положил, и сидели там, разевая рот и глядя друг на друга без всякого выражения на физиономии. Все время, пока мы были в Африке, и на пути в Англию (а это был долгий путь!) лягушки упорно отказывались от еды, хоть я и соблазнял их самыми изысканными лакомствами. Но

все они были необычайно толстые, а потому их долгий пост меня не слишком волновал — ведь большинство пресмыкающихся и земноводных могут подолгу обходиться без пищи и ничуть от этого не страдают.

Когда настало время уезжать из Бафута и двинуться в наш главный лагерь, а оттуда на побережье, я устроил лягушек в неглубоком деревянном ящике, который был выстлан мокрыми банановыми листьями. Ящик нельзя было сделать глубоким: испугавшись чего-нибудь, лягушки стали бы высоко подскакивать и расшибли бы свои нежные носы о деревянную крышку; в мелком же ящике такая опасность им не грозила. По дороге из Бафута лягушки доставили мне немало хлопот и несколько очень тревожных минут: высоко в горах климат прохладный, приятный, но, когда спускаешься в лесистые равнины, ощущение такое, словно попадаешь в турецкие бани, и лягушкам эта перемена пришлась совсем не по вкусу.

На одном из привалов по пути вниз я открыл ящик и ужаснулся — все мои волосатые лягушки распластались на дне, вялые и обмякшие, без признаков жизни. Я как безумный кинулся к ближайшей лощине и погрузил ящик в ручей. Прохладная вода постепенно оживила четырех лягушек, а трем было так плохо, что их уже не удалось спасти: вскоре они испустили дух. Итак, у меня остались три самца и самка. И всю остальную часть пути мне приходилось через каждые две-три мили останавливать грузовик и окунать ящик с лягушками в ручей, чтобы оживить его обитателей; только таким способом я ухитрился доставить их в наш главный лагерь живыми. Но, когда мы туда прибыли, мне пришлось ломать голову над новой неожиданной задачей: волосатые лягушки не могли высоко подскакивать в ящике и потому не разбили себе носы, но зато они пытались зарываться в углы ящика и этим умудрились содрать себе всю кожу с носов и верхних губ. Это была настоящая беда: если у лягушки повреждена нежная кожица на носу, на этом месте очень скоро появляется опасная болячка, она разъедает все вокруг, как злокачественная язва, и порой разрушает весь нос и верхнюю губу. Пришлось поскорей сколотить новый ящик для моих волосатых пленниц; этот тоже был неглубок, но внутри я весь его — и дно, и верх, и стенки — обил мягкой тканью, под которую еще подложил ваты. Получилось нечто вроде маленькой палаты для буйных помешанных. Тут мои волосатые лягушки почувствовали себя как дома: теперь они могли сколько угодно прыгать вверх или зарываться на дно ящика — о мягкую прослойку нельзя было ни разбиться, ни содрать кожу. Я держал их в режиме меньшей влажности, чем обычно, и таким способом мне удалось залечить их исцарапанные носы, но все-таки на коже остались чуть заметные белые шрамы.

Когда мы наконец покинули главный лагерь и отправились к побережью, где мне предстояло сесть на пароход, путешествие это оказалось сущим кошмаром. Жара стояла невообразимая, и ящик с волосатыми лягушками очень быстро высыхал. Я пробовал держать его в ведре с водой, но дороги там настолько плохи, что не

успевалн мы проехать н полмнли, как вода почти вся расплескнвалась. Оставался едниственный выход: примерио каждые полчаса останавливать грузовнк у какого-нибудь ручья и хорошеиько поливать ящик. Одиако, несмотря на все нашн старання, еще однн самец погиб и на борт парохода поднялись только трн волосатые лягушки. Прохладиый морской ветерок вскоре оживил их, и оии как будто воспрянули духом, хоть и очень исхудали из-за своего добровольиого поста. Постились оии до самой Англии и еще иекоторое время, когда нх уже поместнлн в отделение пресмыкающихся в Лондиском зоопарке. Там куратор, как и я перед тем, пытался соблазнить нх всевозможиымн лакомствами, но онн все еще упорио отказывалнсь есть. Наконец однажды он решнл нспробовать еще одио, последиее средство: сунул им в клетку белых мышей — вериее, розовых иоворожденных мышат, н, к его удивлеиию, лягушкн накинулнсь на них н мигом сожрали, точио новорождеиные мышата всегда былн нх излюблеиным блюдом.

С того дия оин пнтались однимн только мелкими зверюшками, отказываясь от всякой истнино лягушачьей пищн вроде кузиечнков н мучиых червей. Коиечио, нельзя себе представить, что на воле онн пнтаются исключнтельно мышатами, скорее мышата напоминают им привычную пнщу, но какая это пнща — остается неразгаданной тайной по сей день.

Глава шестая

Змеи и шиллинги

Речь Фона на праздинке сбора травы произвела немедлеииое и удивительиое действие. На другой день, пытаясь избавиться от головиой болн, которой иаградилн меня выпнвка у Фона н последовавшая за ней охота на лягушек, я прнлег часа на два н иемного поспал. Потом проснулся н решнл выпить чаю — пожалуй, это меия подбодрнт; я кое-как выбрался нз кровати н поплелся к двери, иамереваясь крикиуть с веранды вниз, на кухню, чтобы мне прииеслн чаю. Я открыл дверь н замер в недоумеиин: уж ие сои лн это? Веранда была чуть не сплошь заставлена самымн разнообразиымн мешками, корзннками нз пальмовых листьев н калебасами, н все они тихонько подрагнвалн и тряслись; вдобавок к стене прислонилнсь штук пять длииных бамбуковых шестов, а иа коицах у нних нзвивалнсь привязаиные веревками разъяреиные змеи. В эту мниуту моя веранда больше всего напоминала туземиый базар. На верхией ступеиьке лестнпцы сидел на корточках Джейкоб и иеодобрительио глядел иа меня.

— Маса просиуться!— мрачно сказал он.— Зачем маса проснуться?

— Что тут такое?— спроснл я, обведя рукой сборище мешков н корзниок.

— Добыча,— был краткий ответ.

Я осмотрел шесты — надежно ли привязаны змеи.

— Кто же это принес столько добычи?— спросил я, несколько ошарашенный таким изобилием.

— Вон тот люди принес,— коротко и ясно ответил Джейкоб, махнув рукой назад, на лестницу.

Я подошел к тому месту, где он сидел, и увидел, что все семьдесят пять ступенек, ведущих к моей вилле, и немалая часть дороги за ней забиты разношерстной толпой бафутян — обоего пола и всех возрастов. Их было добрых полторы сотни и все они глядели на меня не шевелясь, на удивление тихие и молчаливые. Как правило, довольно собраться вместе пяти-шести африканцам — и они поднимут больше шума, чем любой другой народ на земле, а тут могло показаться, будто вся эта огромная толпа состоит из одних только глухонемых, до того они были тихие. От этой противоестественной тишины мне даже стало жутковато.

— Что это с ними стряслось?— спросил я Джейкоба.

— Сэр?

Почему они все молчат?

— А-а!— Джейкоб наконец понял, чего я от него хочу.— Я им говорить, маса спать.

Это был первый из множества случаев, когда я убедился, насколько учтивы и деликатны люди Бафута. Оказывается, они ждали здесь, на солнцепеке почти два часа, сдерживая свою природную, бьющую через край живость, чтобы не потревожить мой сон.

— Почему ты не разбудил меня раньше — упрекнул я Джейкоба. — Разве ты не знаешь, что добыче вредно так долго ждать?

— Да, сэр. Простите, сэр.

— Ну ладно, давай посмотрим, что они принесли.

Я взял ближайшую корзинку и заглянул в нее: тут было пять мышей со светлой рыжеватой шерстью, белопузых и длиннохвостых. Я передал корзинку Джейкобу, он отнес ее к верхней ступеньке лестницы и поднял высоко над головой.

— Кто принести этот добыча!?— закричал он.

— Это я принести, — пронзительно отозвалась какая-то старуха. Она с трудом протиснулась сквозь толпу, поднялась на веранду, яростно торговалась со мной минут пять, потом зажала в кулаке деньги и стала пробиваться обратно вниз.

В следующей корзинке сидели две прелестные маленькие совы. Перья у них были пятнистые — серые и черные, а глаза обведены совершенно белыми кругами с тонким черным ободком — казалось, на них большие роговые очки. При виде меня они защелкали клювами и опустили длинные ресницы над свирепыми золотистыми глазами; я попытался вынуть их из корзинки, но тут они с громкими криками опрокинулись на спину и выставили вперед огромные когти. В сущности это были не совы, а совята, кое-где с них еще не сошел детский пушок, напоминавший вату, так что казалось, обе они попали в обильный снегопад. Я всю жизнь не мог оставаться равнодушным при виде совы, а эти две малютки были

просто иеотразнмы. Это были белолицые сплюшкн, мне еще никогда такне ие попадалнсь н, конечно же, я не мог нх не купить.

Следующнм монм прнобретеннем была белка, из-за которой поднялся ужасный переполох. Оиа сидела в сумке нз пальмовых листьев, и едва я туда заглянул, как белка пулей выскочила иаружу, укусила меня за руку и поскакала прочь по веранде. Джейкоб кинулся в погоию н совсем было уже догнал беглянку, но вдруг белка метиулась в стороиу и помчалась вннз по лестиице, нскусно лавируя среди десятков пар черных иог. Подиялась невообразнмая суматоха; те, кто стоял на верхней ступеиьке, подпрыгиулн, почувствовав зверька у себя под иогами, потеряли равновесне н опрокниулнсь на тех, кто стоял ниже. Те в свою очередь повалились иа другнх, которые стоялн еще ииже, а уж те покатнлнсь вннз, как трава под косой. За считанные секунды вся лестиица покрылась мешаниной шевелящнхся тел, то там, то сям мелькалн ногн н рукн, высовываясь под самыми иевероятными угламн.

Я был уверен, что эта людская лавнна раздавит злосчастную белку в лепешку, но, к моему удивлению, она появилась в самом низу лестницы, судя по всему, целая и иевреднмая, раза два взмахнула хвостом н пребойкой рысцой пустнлась вдоль по дороге, оставнв позадн себя картиину, которая напомниала побонще на лестннце в Одессе из фильма «Броиеносец «Потемкнн», только в негрнтянском варианте. А я на верхией ступеиьке исходнл бессньлиой злостью и тщетно пытался пробиться сквозь неразбериху чериых тел: ведь белка была редкостиая, нельзя же было ее упустнть! На середнне лестинцы кто-то схватил меня за щиколотку, н я рухнул иа большое, мягкое тело; судя по иекоторым подробностям, которые мие удалось разглядеть, тело было жеиское. С немалым трудом я поднялся на ноги, в отчаянин взглянул вннз, иа дорогу, и — о радость! — по ией прнблнжались десятка два молодых бафутян. Они заметилн белку н остаиовнлись как вкопаниые, а белка, завидев нх, села и прниялась подозрнтельно июхать воздух.

— Эй! — завопнл я.— Вы, там, иа дороге... Поймайте эту белку!

Молодые людн положилн иа землю свои узелки н решительио двниулнсь на белку, ио та только глянула на инх, повериулась и пустнлась наутек. Онн рннулнсь вдогоику, и каждый, вндно, решил, что нменно он должен схватить беглянку. Белка уднрала во всю прыть, но где ей было тягаться с такнмн длинноногнмн преследователямн! Онн бежалн тесной кучкой, плечо в плечо, лнца их былн угрюмы н решительны. Скоро оии поравиялнсь с белкой, н тут онн, к моему ужасу, все разом кннулнсь иа мою драгоцеиную добычу — и сиова белка исчезла под колышущейся грудой чериых тел. «Ну, уж теперь-то беднягу непремеино раздавят», — подумал я; однако белка оказалась необыкиовеиио живучей. Когда «куча мала» иа дороге немиого разобралась, однн паренек встал н высоко поднял за шиворот громко иегодующую, задыхающуюся белку.

— Маса! — закричал он и расплылся в улыбке. — Я его поймать.

Я кинул вниз мешок, чтобы он сунул туда зверька; потом все, кто стоял на лестнице, стали передавать мешок по рукам, покуда он наконец не попал ко мне. Я поспешил засадить пленницу в клетку, поскорей ее осмотрел и убедился, что она ничуть не пострадала, вот только настроение у нее оказалось из рук вон плохое. Это была черноухая белка, пожалуй, самая красивая из всех камерунских белок. Спинка у нее темно-оливкового цвета, а брюшко яркое, желтовато-оранжевое. По бокам от плеча до зада тянется цепочка белых пятнышек, а уши оторочены кромкой черной шерсти, и вид у зверька такой, точно он никогда не моет за ушами. Но, конечно, самое красивое в этом пушистом тельце — хвост, длинный и необыкновенно пышный; сверху он зеленовато-коричневый, полосатый, а с изнанки — ярчайшего оранжевого цвета, прямо огненный. Когда белка очутилась в клетке, она раза два махнула на меня своим ослепительным хвостом, а затем уселась и занялась неотложным делом: стала уплетать плод манго, который я для нее приготовил. Я с удовольствием за ней наблюдал и думал: какое счастье, что она уцелела во всей этой кутерьме, и как хорошо, что я ее все-таки заполучил! Если бы я тогда знал, сколько еще мне предстоит с ней хлопот, я, наверное, радовался бы куда меньше.

Потом я снова занялся всевозможными мешками и корзинками, которыми была завалена веранда, и взял в руки первый попавшийся, довольно большой калебас. Как обычно, горлышко у него было заткнуто плотно свернутым пучком зеленых листьев; я вытащил затычку и заглянул внутрь, но калебас был слишком велик, и я ничего не разглядел в его темной глубине. Я отнес его к верхушке лестницы и высоко поднял.

— Где тот человек, который принес этот калебас? — спросил я.

— Я тут, сэр, я тут! — раздался крик откуда-то с середины лестницы.

Меня всегда поражало, что африканцы умудряются различать свои калебасы среди сотен других. Я никак не мог уловить между ними разницы, разве только в размерах, но каждый африканец мгновенно узнает свой сосуд и ни с каким другим его не спутает.

— А какая там у тебя добыча? — спросил я, держа калебас за веревку, обвязанную вокруг горлышка, и небрежно им помахивая.

— Змея, сэр,— был ответ, и я поспешно сунул зеленую затычку обратно в горлышко.

— Какая же змея, друг мой?

— Гера, сэр.

Я сверился со своим списком местных названий и обнаружил, что это означает «зеленая древесная гадюка». Эти красивые змеи широко распространены в Бафуте, и у меня уже набралось несколько штук. Длиной они дюймов по восемнадцать, расцветка у них примечательная: спина необычайно яркая, зеленая, как трава, живот канареечно-желтый, а по бокам широкие белые полосы. Я понес калебас туда, где у меня стоял неглубокий открытый ящик, затяну-

тый сверху марлей, — тут жили остальные гадюки, — чтобы подсадить к ним туда и «новенькую». Надо сказать, что вытряхнуть змею из калебаса в клетку — дело несложное, если, конечно соблюдать два-три простейших правила. Первое: убедись, что все остальные обитатели клетки находятся далеко от дверцы. Это я сделал. Второе: прежде чем вытряхивать змею из калебаса, выясни, одна ли она там. Вот этого-то я и не сделал.

Я открыл дверцу клетки, вытащил затычку и стал осторожно встряхивать калебас. Иногда вытряхивать змею из калебаса приходится очень долго: бывает, что она свернется там в клубок и прижмется изнутри к стенкам сосуда, и тогда сдвинуть ее с места очень трудно. За спиной у меня стоял Джейкоб и тяжело дышал прямо мне в затылок, а за ним плотной стеной теснились африканцы и, раскрыв рот, следили за каждым моим движением. Я легонько тряхнул калебас — ничего. Я потряс посильнее — опять ничего. В жизни своей не встречал я гадюки, которая с таким упорством цеплялась бы за свою темницу. Наконец я разозлился, тряхнул калебас изо всей силы, и он тут же развалился надвое. На клетку с устрашающим стуком вывалился спутанный клубок — с полдюжины больших, сильных и разъяренных змей.

Они сплелись в такой тугой, огромный узел, что не провалились внутрь клетки сквозь отверстие сверху, а застряли, и закрыть дверцу я никак не мог. Потом с необычайной грацией, которую я не успел оценить по достоинству (мне было не до того), они расплелись и решительно заскользили по краю дверцы на пол. Здесь гадюки выстроились полукругом, с точностью солдат, которым отдан приказ наступать, и двинулись на нас. Джейкоб и бафутяне, что теснились за его спиной, исчезли в мгновение ока, словно по мановению волшебного жезла. И трудно было их за это винить — ведь все они были босиком. Но и моя одежда никак не годилась для того, чтобы любезничать со стаей гадюк, — на мне были только шорты да сандалии. И вдобавок моим единственным оружием оказались две половинки сломанного калебаса — не слишком удобная снасть для обращения со змеями. Поэтому я оставил в их распоряжении веранду и кинулся в спальню. Там я отыскал палку и осторожно вернулся на веранду. Теперь змеи расползлись во все стороны и загнать их поодиночке в угол, прижать каждую к полу палкой и подобрать не составляло уже никакого труда. Одну за другой я сбросил их в клетку и со вздохом облегчения захлопнул и запер дверцу. Бафутяне вновь появились на веранде так же внезапно, как исчезли; все они болтали, смеялись и щелкали пальцами, рассказывая друг другу, какая страшная опасность им грозила. Я холодно посмотрел на того, кто принес мне змей.

— Ты! — сказал я. — Почему ты не сказал мне, что в этом калебасе так много змей?

— Ух! — изумился он. — Я все сказать маса, я сказать там внутри змея.

— Змея, да. *Одна* змея. Но ты не сказал, что их там шесть штук.

— Я сказать маса, там змея внутри,— с негодованием повторил он.

— Я ведь спросил, какую добычу ты принес,— терпеливо объяснял я.— И ты сказал «змея». Ты не сказал «шесть змей». Откуда же мне знать, сколько их там! Ты, верно, думаешь, я колдун — как гляну иа калебас, так и увижу насквозь, сколько ты поймал змей.

— Глупый человек,— вставил свое слово Джейкоб.— Вот одно время змея укусить маса и маса умереть. И что ты тогда делать, а?

Тут я накинулся на Джейкоба.

— А ведь и ты блистал своим отсутствием, насколько я заметил, о благородный рыцарь!

— Да, сэр — сияя улыбкой, ответил Джейкоб.

Только совсем уже на ночь глядя я уплатил последнему охотнику и остался наконец с невообразимо пестрым сборищем всевозможных животных на руках. До трех часов ночи я рассаживал нх по клеткам, но и тогда еще пять больших крыс остались бездомными, а у меня уже не было в запасе ни одного ящика, годного для клетки. Волей-неволей пришлось выпустить их прямо на пол у меня в спальне, и тут онн провели всю ночь, пытаясь перегрызть ножку стола.

Наутро я встал, вычистил клетки, накормил мой, теперь уже весьма солидный, зверинец и подумал, что в этот день, наверно, новых питомцев для него не получу, но ошибся. Бафутяне, видно, вложили всю душу в задачу, которую поставил перед ними Фон,— доставить мне как можно больше самого разного зверья: к десятн часам утра дорога и все семьдесят пять ступенек лестницы были черным-черны, столько собралось народу; делать нечего, я был вынужден опять покупать всякую живность. К часу дня выяснилось, что приток животных еще далеко не иссяк, а мои запасы дерева и ящиков для клеток нсчерпаны: пришлось нанять целую ораву мальчишек, я поручил им бегать по Бафуту и скупать всякую дощечку или ящик, какие попадутся на глаза. Платил я прн этом неслыханные деньги — у африканцев любой сосуд, будь то бутылка, старая жестянка или ящик, ценится чуть ли не на вес золота.

К четырем часам дня и я и мои помощники вконец выбились из сил, и нас искусало в самых разных местах такое множество всяких зверей и зверюшек, что мы уже перестали замечать новые укусы. Моя вилла была битком набита всевозможными тварями, они пищали и чирикали, стучали и гремели в своих калебасах, корзинках и мешках, а мы тем временем с лихорадочной поспешностью сколачивали для них клетки. Словом, это был однн из тех дней, которые лучше забыть. К полуночи мы до того измучились, что едва держались на ногах, глаза у нас слипались, а предстояло сколотить еще с десяток клеток; большой чайник чаю, обильно приправленного виски, немного нас подхлестнул и мы с лихорадочным воодушевлением продолжали свое дело, и наконец в половине третьего ночи забит был последний гвоздь и водворен на место последний зверек. Я заполз в постель и с ужасом вспомнил, что наутро мне надо встать в

шесть часов, иначе я не успею вычистить клетки и накормить зверей, прежде чем на меня нахлынут новые.

Следующий день был, если это возможно, пожалуй, даже труднней предыдущего, потому что бафутяне начали приходить, когда я еще не успел навести порядок в своем зверинце. Представьте себе такую картину: я стараюсь поскорей вычистить клетки и накормить несколько десятков животных, а еще десятка три в это время задыхаются без воздуха в каком-нибудь грязном мешке или калебасе и требуют внимания — поневоле станешь волноваться! Я искоса поглядывал на все растущую кучу калебасов и корзинок на веранде, и мне чудилось, что количество клеток, которые еще надо вычистить, и животных, которых надо накормить, все множится, растет... Под конец я понял: так вот что, должно быть, испытал Геркулес, когда впервые увидел авгиевы конюшни!

Покончив с работой, я не стал сразу же покупать новых животных, а сперва вышел на верхнюю ступеньку лестницы и обратился с речью ко всем собравшимся бафутянам. За последние два дня мне принесли очень много добычи, самого разного сложения, размера и обличья, сказал я. Это доказывает, что бафутяне, безусловно, лучшие из всех охотников, с какими мне доводилось встречаться, и я им сердечно благодарен. Однако, продолжал я, всему есть предел; они, наверно, и сами понимают, что я не могу без конца покупать у них добычу, мне ее просто уже некуда девать. Поэтому я буду рад, если они воздержатся от охоты, скажем, дня три, а я пока сколочу еще клетки и добуду пищи для животных. Какой смысл покупать животных, заметил я, если они погибнут оттого, что их негде разместить; это будет пустая трата денег. Надо сказать, что африканцы — люди очень деловые, и при этих моих словах по толпе словно прошла рябь: все закивали головами и послышалось дружное «А-а-а-а!». Теперь, когда они все поняли и дадут мне, надо надеяться, хотя бы трехдневную передышку, я купил всех животных, которых мне принесли, и принялся усердно сколачивать клетки.

В четыре часа я кончил с клетками, и можно было передохнуть, выпить чашку чаю. Я облокотился на перила веранды, и тут дверь под аркой в красной кирпичной стене распахнулась, и появился Фон. Широкими шагами он направился ко мне через весь громадный двор, одежды его развевались и шелестели на ходу. Фон озабоченно хмурился и что-то бормотал себе под нос. Несомненно, он шел ко мне с визитом, и я спустился по лестнице ему навстречу.

— Я тебя увидел, друг мой,— сказал я учтиво.

— Друг мой!— воскликнул Фон, завладевая моей рукой и тревожно вглядываясь мне в лицо.— Один человек сказать мне, что ты больше не покупать добыча. Это так?

— Нет, не так,— ответил я.

— А! Хорошо, хорошо,— сказал он с облегчением.— Бывает, я боюсь, вдруг ты купить уже довольно добыча и скоро оставлять меня.

— Нет, нет,— возразил я и объяснил:— Люди в Бафуте очень хорошие охотники, и они принесли мне столько добычи, что у меня

не хватает для нее клеток. Вот я н сказал всем, пускай трн дия подождут охотнться, а я за это время сколочу клетки для новой добычн.

— Ага, я поннмать!— сказал Фон, прнветлнво улыбаясь.— А я подумать, ты скоро время уехать от нас.

— Нет, я пока не собнраюсь уезжать нз Бафута.

Фои подозрительно огляиулся вокруг — нет лн поблнзостн посторонних, потом ласково обхватил меия одной рукой за плечи н потянул иа дорогу.

— Друг мой,— заговорнл ои хрнплым шепотом.— Я тебе найти добыча. Да, отличный добыча, ты такой ннкогда ие получнть.

— Какая же это добыча?— спроснл я с любопытством.

— Такой добыча тебе очеиь понравиться,— весьма убеднтельно пояснил Фон.— Сейчас мы пойтн н его поймать, а?

— А ты еще такой не ловнл?

— Нет, друг мой, но я зиать, в какой сторона ои прятаться.

— Ладио. Пойдем поищем ее сейчас же, да?

Фои иетерпеливо повлек меня через весь двор, потом через лабнрнит узкнх проходов, н наконец мы очутнлнсь перед маленькой хижиикой.

— Ты меня здесь подождать мало время, друг мой, я скоро прийти, — сказал мой спутннк н юркнул во мрак хнжнны.

Я ждал снаружи н терялся в догадках — куда это он пошел и какую добычу для меия придумал. Внд у него был такой таинственный, что любопытство мое разгорелось.

Вскоре он появился вновь — и я не сразу его узнал. Фон Бафута сброснл все свон одежды, даже шапочку и сандални, на ием ие было инчего, кроме малеиькой безукорнзненно белой набедренной повязки. В руке он держал длниоое тонкое копье. Его стройное мускулнстое тело лосиилось от масла, ноги былн босы. Фои подошел ко мие, вертя копьем, как заправский охотннк, н расплылся от удовольствня, когда увидел, как я уднвлеи.

— Ты себе получить еще одии охотннк, — посмеиваясь, объяснил он. — Теперь можио меня называть тоже Гончая Бафута, разве иет?

— Я уверен, этот охотник будет нскусней всех, — сказал я и улыбиулся ему.

— Я хорошо уметь охотнться, — кнвнул Фон. — Может, вдруг мой люди думать, я уже много старый, не гожусь ндтн на охота. Только, друг мой, еслн человек иметь верный глаз, верный иос н вериый душа, ои ннкогда ие стать чересчур много старый, чтобы ндти на охота, разве не так?

— Ты говорншь верио, друг мой, — подтверднл я. Фон вывел меия нз усадьбы, н мы прошлн с полмнли по дороге, потом свернулн на тропку средн мансовых полей. Фои шагал быстро, вертел копьем и тнхоиько мурлыкал про себя какую-то песенку; временамн он оборачивался ко мие, н лицо его освещала веселая, озорная, совсем мальчншеская улыбка. Вскоре мы расстальнсь с полямн, прошли через рощицу пальм мнмбо, темную, таниствениую, полную

шороха листьев, и стали взбираться по золотистому склону холма. Когда мы достигли вершины, Фон остановился, с размаху воткнул копье в землю, скрестил руки на груди и оглядел окрестности. Я остановился немного раньше, не дойдя до вершины — мне попались какие-то улитки с очень нежной окраской; когда же я поднялся к Фону, тот стоял недвижно и глядел вниз как завороженный, не замечая ничего вокруг. Наконец он глубоко вздохнул, обернулся ко мне и с улыбкой широко раскинул руки.

— Вот мой страна,— сказал он.— Очень красивый, этот страна.

Я кивнул в знак согласия, и мы несколько минут молча любовались открывшейся ширью. Внизу лежала мозаика небольших полей — зеленых, серебристых, светло-коричневых; то там, то сям виднелись рощицы пальм мимбо да изредка мелькали ржаво-красные клочки свежевскопанной земли. Этот уголок, над которым потрудились человеческие руки, был точно яркий пестрый платок — его разостлали здесь и позабыли, а со всех сторон волнами застывшего океана высятся горы, их гребни позолотило, а равнины осенило тенью заходящее солнце. Фон медленно оглядывал все вокруг, и лицо его выражало какую-то странную смесь нежности и совсем детской радости. Он опять вздохнул — глубоко, с истинным удовлетворением.

— Красиво!— пробормотал он. Потом вытащил свое копье из земли и повел меня вниз, в новую равнину, продолжая тихонько напевать про себя.

Неглубокую, плоскую долину сплошь заполнили низкорослые чахлые деревца — иные не выше десяти футов. Многих было не разглядеть — окутанные широчайшими мантиями из вьюнка, они стояли, точно приземистые башенки трепещущих листьев и кремовых, чуть желтоватых, как слоновая кость, цветков. Долина будто впитала в себя солнечный свет за весь длинный день, и теплый воздух здесь был напоен сладким ароматом цветов и листьев.Над цветами реяли и сонно, прерывисто жужжали тысячи пчел; какая-то крохотная пичужка звонко распевала свою веселую песенку и вдруг умолкла. Теперь стало тихо, только раздавалось смутное жужжанье пчел, когда они вились вокруг деревьев или вперевалочку забирались в бархатную сердцевину вьюнка. Фон с минуту оглядывал деревья, потом осторожно двинулся по траве куда-то на более удобный наблюдательный пункт — отсюда за густой сетью вьюнка можно было все-таки рассмотреть и сами деревья.

— Ну вот, здесь мы видеть добыча,— прошептал он и указал на деревья.— Мы теперь сидеть и ждать мало время.

Он присел на корточки и замер, отдыхая, я уселся подле него; поначалу мое внимание одинаково привлекали и лес, и мой спутник. Но в деревьях не заметно было ни одного живого существа, и я стал глядеть на Фона. Он сидел неподвижно, сжимал в своих огромных ладонях копье, один конец которого упирался в землю, и на лице его читалось нетерпеливое ожидание — так ребенок в театре ждет, когда же поднимется занавес. Когда он вышел ко мне из той маленькой темной хижинки в Бафуте, он, кажется, оставил там не

только свою одежду и королевские украшения, но и свою королевскую осанку, без которой я прежде просто не мог его себе представить. Здесь же на корточках подле меня в этой тихой, теплой долине, с копьем в руках сидел всего лишь еще один охотник: его блестящие темные глаза неотступно следили за деревьями, подстерегая зверя, который вот-вот оттуда покажется. Но чем больше я на него глядел, тем яснее понимал: нет, это не просто еще один охотник; чем-то он отличался от остальных, но чем — это я понял не сразу. Потом сообразил: всякий обычный охотник сидел бы точно так же, терпеливо ожидая зверя, но видно было бы, что ему скучновато,— ведь он уже столько раз вот так сидел, охота ему не в диковинку! А у Фона блестели глаза, большой рот чуть тронула легкая улыбка — конечно же, он от души всем этим наслаждался. И я подумал: наверно, уже не раз монарху надоедали его почтительные советники и подобострастные подданные, в пышном одеянии ему вдруг становилось жарко и тяжело, и он чувствовал, что его остроносые туфли безжалостно жмут и стесняют ногу. И тогда его, должно быть, неодолимо тянуло ощутить под босыми ногами мягкую красную землю, подставить ветру обнаженное тело — вот тогда он тайком уходил в маленькую хижинку, облачался в костюм охотника и отправлялся в горы, помахивая копьем и напевая песенку, а на вершинах останавливался — и стоял, и любовался прекрасной страной, которой он управляет. Я вспомнил его недавние слова: «Если у человека верный глаз, верный нюх и верная душа, он никогда не будет слишком стар, чтобы пойти на охоту». Да, подумал я, конечно же, Фон тоже из этого десятка. Но тут Фон прервал мои размышления о складе его характера: он наклонился ко мне, схватил за руку и указал длинным пальцем на деревья.

— Вот они приходил,— прошептал он и весь расплылся в улыбке.

Я посмотрел, куда он показывает, и сперва не увидел ничего, кроме все той же спутанной сетки ветвей. А потом там что-то шевельнулось, и я увидел зверька, которого мы ждали.

Он скользил в путанице ветвей с мягкой, воздушной грацией, точно пушинка. Когда он приблизился к нам, оказалось, что именно такими я рисовал в воображении эльфов: тонкая зеленовато-серая шерстка, длинный, гибкий и пушистый хвост. Розовые руки великоваты не по росту, пальцы необычайно длинные и худые. Уши очень большие и кажутся полупрозрачными, такая на них тонкая кожа; уши эти словно живут своей отдельной жизнью — то складываются веером и тесно прижимаются к голове, то становятся торчком, навостренные, прямые, как бледные водяные лилии. На половину лица — громадные темные глаза, каким позавидовала бы даже самая самонадеянная сова. Больше того, зверек этот умеет, в точности как сова, поворачивать голову назад и глядеть на собственную спину. Он пробежал до самого конца тонкой веточки (она почти не прогнулась под его тяжестью) и уселся там, вцепившись в кору длинными, гибкими пальцами; он озирался по сторонам огромными глазищами и тихонько что-то щебетал. Я знал, что это—

галаго, маленький лемур, но скорее можно было поверить, будто существо это соскочило со страниц волшебной сказки для детей.

Галаго сидел на ветке и задумчиво щебетал, наверно, с минуту, и тут произошло нечто удивительное. Вдруг — о чудо! — на всех деревьях их оказалось полным-полно. Тут были галаго всех размеров и возрастов, от совсем крохотных, чуть побольше грецкого ореха, и до взрослых особей, которые с легкостью могли бы уместиться в обыкновенном стакане. Они скакали с ветки на ветку, хватая за листья и сучки не по росту большими худыми руками, что-то мягко щебетали друг дружке и глядели на белый свет распахнутыми невинными глазами херувимов. Малютки, в которых, кажется, всего только и было, что круглые глазищи, держались поближе к родителям; порой они садились на задние лапки и поднимали крохотные розовые ручки с растопыренными пальцами, точно ужасались, разглядев сквозь листву, сколь порочен окружающий мир.

Я видел, как один такой детеныш вдруг обнаружил на той же ветке, где сидел сам, большую мясистую саранчу. Дело шло к вечеру, насекомое уже отяжелело от дремоты и не сразу заметило опасность. И не успело оно двинуться с места, как крохотный галаго скользнул по ветке и крепко ухватил саранчу поперек брюшка. Саранча мгновенно проснулась и решила, что пора что-то предпринять. Это было большое насекомое, по величине оно почти не уступало лемуренку; кроме того, задние ноги у саранчи длинные и сильные — и она стала отчаянно лягаться. От этой борьбы просто нельзя было оторвать глаз: галаго изо всех силенок стиснул саранчу длинными пальцами и пытался ее укусить, но при каждой новой попытке саранча яростно ударяла его задними ногами — и противник терял равновесие, сваливался с ветки и повисал на ней, уцепившись лапками. Так повторялось несколько раз, и я подумал, что у галаго, должно быть, липкие подошвы. И даже вися вниз головой и выдерживая яростные удары в живот, галаго ухитрялся смотреть круглыми глазищами все с тем же выражением детской наивности.

Окончилась эта борьба совершенно неожиданно: когда галаго в очередной раз висел вниз головой, саранча лягнула его посильнее, цепкие задние лапки галаго все же оторвались от ветки — и противники вместе полетели сквозь листву вниз. До земли оставалось уже совсем немного, и только тут лемуренок разжал одну руку (он все еще крепко держал саранчу за талию) и на лету, с ловкостью опытного акробата, ухватился за ближайшую ветку. Он тотчас подтянулся, сел на ветку и откусил саранче голову — она еще не успела настолько оправиться от полета, чтобы продолжать борьбу. Галаго тут же с явным удовольствием принялся жевать, не выпуская из рук обезглавленное насекомое, которое все еще судорожно дергало ногами. Потом склонил голову набок и стал разглядывать трепещущее тело, пронзительно взвизгивая от волнения и восторга. Когда насекомое перестало шевелиться и большие задние ноги его вытянулись и застыли, лемуренок одну за другой оторвал их и съел. В эту минуту он до смешного походил на крохотного старичка-гурмана, который лакомится ножкой исполинского цыпленка.

Вскоре долину заполнила тень и лемуров было уже не разглядеть в листве, хотя до нас все еще доносилось их мягкое щебетанье. Мы встали, расправили затекшие ноги и вновь начали подниматься вверх по склону холма. Наверху Фон остановился и со счастливой улыбкой оглядел лес, простиравшийся внизу.

— Вот какой добыча! — усмехнулся он. — Я его очень много любить. Он меня всегда смешить, я много смеялся.

— Да, это отличная добыча, — ответил я. — Как вы ее называете здесь, в Бафуте?

— В Бафуте мы его называть шиллинг, — сказал Фон.

— А как ты думаешь, мои охотники сумеют поймать таких хоть парочку?

— Завтра же ты таких получить парочку, — пообещал Фон, но ни за что не хотел сказать мне, как они будут ловить лемуров и кто это будет делать. Мы вернулись в Бафут уже в сумерки. Фон переоделся и в своем обычном представительном виде явился ко мне выпить. Когда мы пожелали друг другу спокойной ночи, я напомнил ему, что он обещал добыть мне несколько галаго.

— Да, мой друг, я не забыть, — сказал Фон. — Я добыть тебе несколько шиллинги.

Прошло четыре дня, и я уже начал думать, что или Фон забыл о своем обещании, или изловить галаго куда трудней, чем ему казалось. А на пятое утро, когда мне подали чай, я увидел у своего прибора на подносе маленькую, пестро раскрашенную корзиночку из волокна рафии. Я снял крышку и сонно заглянул в корзинку: оттуда на меня кротко, вопросительно смотрели четыре пары огромных, блестящих наивных глаз.

Это был подарок Фона — полная корзина шиллингов.

Глава седьмая

Ке-фонг-гуу

Травянистые степи Камеруна населяет множество самых разных пресмыкающихся, и большинство их поймать вовсе не трудно. В низинных лесах очень редко увидишь хоть какую-нибудь змею, даже если станешь усердно ее искать. Змеи там, конечно, есть, но они, наверно, более разбросаны и, может быть, многие виды живут на деревьях, а таких гораздо труднее найти и поймать. В горах же трава кишмя кишит мелкими грызунами и лягушками, а горные рощицы полны птиц, так что для змей это просто рай. Там водятся огромные черные плюющиеся кобры, зеленые мамбы, тоненькие древесные змеи с огромными невинными глазами, многоцветные габонские гадюки с раздвоенным, наподобие вилки, рогом на носу, точно у носорога, и еще многое множество всяких других. Кроме змей там в изобилии водятся лягушки и жабы; лягушки всех видов и размеров, от волосатой до крохотных древесных лягушек, величиной с

желудь, среди них есть пятнистые, есть полосатые, иные изумляют таким разнообразием красок, что похожи совсем не на земноводных, а скорее на веселые конфетки; жабы, как правило, яркими красками не блещут, но бесцветность с лихвой возмещается тем, что они украшены самыми причудливыми узорами бородавок и наростов, и притом у иных яркие, подчас неожиданного цвета глаза.

Но больше всего в этих местах ящериц, они попадаются буквально на каждом шагу; в высокой траве по обочинам дорог шныряют толстенькие коротконогие сцинки — светло-коричневые, серебристые и черные, а по стенам хижин, по дорогам и скалам важно расхаживают и кивают головами агамы всех цветов радуги. Под корой деревьев и под камнями прячутся маленькие гекконы с большими золотистыми глазами; туловища их очень красиво и аккуратно раскрашены шоколадным и кремовым, а ночью в хижинах можно увидеть обычных веероpалых гекконов; призрачные, полупрозрачные, словно розовые жемчужины, они торжественно расхаживают по потолкам.

Всех этих животных мне принесли в разное время местные охотники. Порой это была змея, не слишком надежно привязанная к концу палки, или калебас, полный лягушек с разинутыми ртами. Иной раз добыча была аккуратно завернута в шапку или рубашку охотника или болталась на конце тонкой веревки. Такими случайными и опасными способами мне доставляли кобр, мамба или габонских гадюк; я только диву давался, глядя, как беспечно и небрежно обращаются охотники с этими смертоносными змеями, хоть и отлично знают, как это опасно. Как правило, африканцы прекрасно понимают, что такое змея, и на всякий случай склонны скорее считать каждую ядовитой, а не наоборот. Вот почему легкомыслие моих охотников казалось мне по меньшей мере странным. Еще сильнее изумился я, когда узнал, что единственная ящерица, которой они панически боятся, совершенно безвредна.

Однажды я отправился в очередной поход с Гончими Бафута, и мы пришли в просторную зеленую долину примерно в полумиле от деревни. Гончие разбрелись по долине и начали расставлять сети, а я пока уселся в траву и решил насладиться сигаретой. Вдруг в траве слева от меня что-то шевельнулось; я посмотрел внимательней и увидел такое пресмыкающееся, что чуть не ахнул: до этой минуты я был уверен, что самая красочная ящерица в лугах — агама, но по сравнению с той, которая сейчас предстала у меня перед глазами, пробираясь среди травинок, агама показалась бы серой, бесцветной, точно кусок оконной замазки. Я замер, затаив дыхание, не смея шелохнуться: еще спугнешь это удивительное создание — вот сейчас возьмет и юркнет в траву! Но так как я не шевелился, ящерица приняла меня за безобидное существо, а потому спокойно, неторопливо скользнула на солнце и расположилась на солнцепеке, задумчиво разглядывая меня глазами, в которых мелькали золотистые искорки. Я сразу понял, что это какая-то разновидность сцинка, но такого крупного и красочного представителя этого рода я, кажется, никогда еще не встречал. Ящерица лежала неподвиж-

но, наслаждаясь лучами утреннего солнышка, и у меня было вдоволь времени, чтобы ее рассмотреть.

Ящерица была в длину около фута вместе с хвостом, а в толщину примерно два дюйма (в самом толстом месте). Голова широкая и как бы обрубленная, ноги короткие, но сильные. Расцветка и рисунок настолько сложны и ослепительны, что описать их почти невозможно. Начать с того, что чешуйки у нее крупные и чуть приподнятые, так что кажется, будто вся ящерица очень хитроумно составлена из мозаики. Горло в черно-белых продольных полосках, макушка красноватая, цвета ржавчины, а щеки, верхняя губа и подбородок ярче — кирпично-красные. Туловище в основном чисто черное точно лакированное, и на его фоне остальные цвета проступают особенно отчетливо. От челюсти вниз, к передним лапам тянутся ярко-вишневые полосы, отделенные друг от друга узенькими полосками из черных и белых чешуек. Хвост и внешняя сторона ног испещрены белыми пятнышками, причем на ногах пятнышки маленькие и каждое отдельно, а на хвосте их так много, что местами они кажутся сплошными поперечными полосами. На спине тоже во всю длину чередуются полосы черные и канареечно-желтые. И это еще не все: желтые полосы кое-где прерываются группами розоватых чешуек. Вся ящерица такая яркая и блестящая, как будто ее только что покрасили и краска еще не высохла.

Так мы сидели и смотрели друг на друга, а я тем временем лихорадочно обдумывал план действий: надо же ее поймать! Сачок для бабочек остался в десятке шагов от меня, но с таким же успехом он мог остаться в Англии — все равно нельзя им воспользоваться, ведь ящерица не станет лежать здесь и ждать, пока я сбегаю за сачком. Позади нее простирались необозримые джунгли высокой травы, и если она юркнет в эти заросли — прости-прощай, больше мне ее не видать... Тут, к своему отчаянию, я услышал шум — это возвращались Гончие Бафута. Что-то надо было делать да поскорей, иначе они спугнут мою красавицу. Я медленно поднялся на ноги, и ящерица тревожно подняла голову. Когда в траве зашуршали шаги идущего первым охотника, я, не раздумывая, бросился к ящерице. Конечно, внезапность нападения сослужила мне кое-какую службу — ведь ящерица целых четверть часа разглядывала меня, я сидел, не шевелясь, точно каменный, и она совсем не ожидала, что я вдруг ринусь на нее как ястреб. Но преимущество мое оказалось кратковременным: сцинк мигом опомнился от изумления и, когда я грохнулся в траву, легко и проворно скользнул в сторону. Я перекатился на бок, взмахнул рукой, пытаясь схватить удаляющуюся ящерицу, и в ту же минуту охотник вышел на прогалину и увидел, чем я тут занимаюсь. Ему бы кинуться мне на помощь, а он вместо этого с протяжным воплем подскочил ко мне и оттащил меня подальше от моей добычи. Ящерица скрылась в густой путанице травы, только мы ее и видели; я стряхнул руку охотника, который вцепился в мой локоть, и яростно обрушился на него.

— Что ты делаешь? — крикнул я вне себя от злости. — Одурел, что ли?

— Маса,— оправдывался охотник, в волнении щелкая пальцами.— Это плохой добыча, опасный добыча. Если он кусать маса, маса один раз умереть.

Я с трудом овладел собой. Да, это для меня не новость, мне уже случалось с этим сталкиваться: африканцы твердо убеждены, что некоторые совершенно безвредные рептилии ядовиты и укус их смертелен, разуверить их в этом невозможно. Поэтому я удержался от соблазна объявить охотнику, что он круглый дурак, и попытался прибегнуть к другим методам убеждения.

— Как вы называете эту добычу?— спросил я.

— Мы ее называть Ке-фонг-гуу, сэр.

— И ты говоришь, она очень ядовитая?

— Очень, маса. Это опасный добыча.

— Ну ладно, глупый ты человек, только ты забыл, что у европейцев есть особое лекарство от укусов такой добычи. Ты что ж, забыл, что, если она меня укусит, я не умру?

— А, маса, я совсем забыть про это.

— И ты бежишь, как женщина, кричишь во все горло и мешаешь мне поймать такую прекрасную добычу, и все потому, что ты про это забыл, да?

— Виноват, сэр,— сокрушенно выговорил охотник.

Я легонько постучал пальцем по его курчавой голове.

— В следующий раз, друг мой, прежде чем делать глупости, сначала подумай головой,— строго сказал я. —Слышишь?

— Я слышишь, сэр.

Когда подошли остальные охотники, я рассказал им, что произошло. Они заахали, щелкая пальцами.

— Ха!— воскликнул один, и в голосе его слышалось восхищение.— Маса не иметь страх! Он старался поймать Ке-фонг-гуу!

— А Уано взять да и поймать маса!— сказал другой, и все громко рахохотались.

— Да, Уано, тебе сегодня удача! Другой раз маса тебя убить за такой глупый дело,— сказал третий, и все вновь разразились громогласным хохотом: подумать только, у охотника хватило безрассудства помешать мне поймать зверька!

Когда оии наконец отсмеялись, я стал подробно расспрашивать их об этой ящерице. К моему немалому облегчению, Гончие уверяли, что таких здесь довольно много и мне не раз еще представится случай ее поймать. Однако все единодушно твердили, что ящерица эта страшно ядовита. Яд ее смертелен, уверяли они, и даже если только дотронешься до нее рукой, тотчас в судорогах падешь наземь и через несколько минут умрешь. Потом они стали спрашивать, какое есть против этого смертоиосного яда лекарство, но я напустил на себя подобающую таинственность. Сказал только, что, если оии выследят для меня такую ящерицу, я ее поймаю и докажу им всем, что не стану корчиться в судорогах и не умру. Они сразу повеселели, очень заинтересовались столь опасным для жизни опытом и пообещали мие помочь (ни один, в сущности, не поверил в мое лекарство). Один из охотиков сказал, что знает

одно место, где можно найти множество таких ящериц; он утверждал даже, что до этого места не так уж далеко. Мы упаковали свое снаряжение и двинулись в путь. Охотники оживленно болтали между собой, должно быть, заключали пари—выживу ли я после того, как дотронусь до Ке-фонг-гуу, или помру.

Охотник, который вызвался показать место, где водятся Ке-фонг-гуу, вскоре отвел нас примерно за милю от той долины, где я впервые увидел свою красотку, и мы очутились у самого подножия холма. Сильные ливни смыли со склонов слой красной земли; и из-под нее широкими полосами проступил голый серый камень. Лишь кое-где в щелях осталась земля, и тут выросли растения, которым довольно для питания всего лишь крохотной горсточки почвы. Каменные пласты окаймляла высокая золотистая трава и какое-то странное растение, похожее на чертополох, с бледно-желтой, как у лютика, головкой. Открытый солнечным лучам камень совсем раскалился — не дотронешься! Когда я шел по склону, тонкие каучуковые подошвы моих башмаков прилипали к нему, точно я шел по липучке для мух. Я уж начал подумывать, не слишком ли жарко в этом пекле даже для самых солнцелюбивых ящериц? И вдруг яркая цветастая полоска вылетела из низенького островка зелени, мелькнула на мерцающей от зноя скале и юркнула под надежный кров высокой травы и чертополоха.

— Ке-фонг-гуу!— объявили Гончие Бафута, остановились как вкопанные и крепче стиснули в руках копья. Опасаясь, что они будут не столько помогать, сколько мешать мне поймать желанную добычу, я велел им оставаться на месте, а сам пошел вперед. На сей раз я захватил с собой сачок для бабочек и начал осторожно, один за другим, обходить крохотные островки, поднимавшиеся из щелей в скале: в каждый я легонько тыкал ручкой сачка, проверяя, не прячется ли там ящерица. Просто удивительно, сколько всякой живности может скрываться даже в таком крохотном оазисе травы! Я вспугнул бесчисленное множество саранчи, целые тучи мотыльков и комаров, массу ярких бабочек, несколько жуков и несколько стрекоз. Теперь я понял, что так привлекает ящериц к этим выжженным и, казалось бы, бесплодным каменным склонам.

Вскоре мне повезло: я ткнул ручкой сачка в очередной пучок травы, легонько ею там поворочал — и вспугнул Ке-фонг-гуу. Она выскользнула из своего укрытия и вильнула по шершавой поверхности скалы легко и плавно, точно камешек по льду. Я бросился за ней, но тут же обнаружил, что для бега на короткие дистанции нам с ящерицей требуются разные беговые дорожки. Нога моя попала в трещину, и я растянулся ничком во всю длину, а пока подинмался на ноги и искал сачок, моя ящерица скрылась из виду. К этому времени с меня ручьями лил пот, а от раскаленных камней несло жаром, как от плиты, и малейшее усилие заставляло кровь стучать у меня в голове как барабан. Гончие Бафута стояли у кромки высокой травы и молча, как зачарованные, наблюдали за

каждым моим движением. Я утер лицо, зажал сачок в липкой от пота руке и упрямо направился к следующему кустику травы.

На сей раз я действовал осторожней: просунул ручку сачка между стеблями травы, легонько, медленно поводил ею там взад и вперед и так же осторожно вытащил — ну как? И я был вознагражден: из травы высунулась яркая головка и с любопытством поглядела — что произошло? Я тотчас ударил по траве позади ящерицы и подставил сачок как раз в то мгновение, когда Ке-фонг-гуу оттуда выскочила. Еще миг — и я с торжеством поднял сачок над головой: там, запутавшись в складках сетки, отчаянно металась Ке-фонг-гуу. Я сунул руку внутрь сачка и ухватил пленницу поперек туловища, за что она немедленно мне отомстила — вцепилась челюстями в большой палец. Челюсти у ящерицы очень сильные, но зубки крохотные, так что укус был совсем безболезненный и безвредный. Чтобы чем-нибудь занять пленницу, я предоставил ей жевать мой палец, а сам тем временем вынул ее из сачка. Поднял высоко в воздух яркое тельце ослепительно красивой расцветки и помахал им, как флагом.

— Смотрите! — закричал я охотникам, которые стояли, разинув рот, и глядели на меня во все глаза. — Вот, я поймал Ке-фонг-гуу!

Мягкие мешки, в которых мы обычно переносим пресмыкающихся, остались у охотников, поэтому я бросил сачок на скалу и пошел к ним, все еще сжимая в руке ящерицу. Тут Гончие Бафута все, как один, побросали свои копья и кинулись в высокую траву, словно стадо перепуганных антилоп.

— Чего ж вы боитесь? — закричал я им вслед. — Я держу ее крепко, она не убежит!

— Маса, мы сильно много бояться, — хором отвечали Гончие, укрываясь в золотистых зарослях на безопасном расстоянии от меня.

Я утер лоб.

— Принесите мне мешок для этой добычи, — строго приказал я.

— Маса, мы бояться... этот опасный добыча, — донесся ответ.

Я понял, что надо поскорей придумать какой-нибудь весьма убедительный и непреложный довод, не то я вынужден буду гоняться за моими храбрыми охотниками по всей равнине, чтобы взять у них мешок для ящерицы. Я сел на землю у самой опушки травяных дебрей и вперил в Гончих грозный взгляд.

— Если *сейчас же* кто-нибудь не принесет мне мешок для этой добычи, — объявил я громко и сердито, — завтра я возьму себе других охотников. И если Фон спросит меня, почему я так сделал, я скажу ему, что мне нужны настоящие мужчины, охотники, которые ничего не боятся, а женщины мне совсем без надобности.

Над высокими травами воцарилась тишина: охотники решали, что страшнее — Ке-фонг-гуу у меня в руке или Фон в Бафуте. Через некоторое время Фон победил, и они медленно, нехотя подошли поближе. Один, все еще оставаясь на почтительном расстоянии, бросил мне мешок для пленницы, но я подумал, что, пожалуй, прежде чем засунуть ящерицу в мешок, стоит им кое-что показать.

— Смотрите все! — воскликнул я и поднял барахтающуюся ящерицу повыше, чтобы всем было видно.— Смотрите хорошенько, сейчас вы увидите — эта добыча не может меня отравить.

Держа сцинка в одной руке, я медленно поднес к самому его носу указательный палец другой; ящерица мигом угрожающе разинула рот и под крики ужаса, которыми разразились охотники, я засунул палец поглубже ей в рот — пускай жует на здоровье. Гончие Бафута точно вросли в землю и с безмерным изумлением, явно не веря собственным глазам, смотрели, как ящерица грызет мой палец. Вот так, круглыми глазами, раскрыв рты, затаив дыхание и подавшись всем телом вперед, они смотрели: что же будет? Что случится со мной от страшных укусов животного? Через несколько секунд ящерице надоело без толку грызть мой палец и она выпустила его. Я аккуратно уложил ее в мешок, завязал его и только после этого повернулся к охотникам.

— Ну, видели?— спросил я.— Эта добыча меня укусила, так?

— Да, так, сэр,— благоговейным шепотом отозвались охотники.

— Ну вот: она впустила в меня яд, а? И вы думаете, теперь я умру?

— Нет, сэр. Если этот добыча кусать маса и маса не умереть сразу, теперь он не умереть совсем.

— Верно, я не умру: у меня есть такое особенное лекарство,— солгал я и с подобающей скромностью пожал плечами.

— А-а-а-а! да, так: у маса есть отличный лекарство,— подтвердил один из Гончих Бафута.

Я проделал все это вовсе не для того, чтобы показать им преимущество белого человека над черным; истинной причиной этого маленького спектакля было мое заветное желание поймать как можно больше таких ящериц, а я знал, что мне их не получить, если я не заручусь помощью и содействием охотников. Но для того чтобы этим заручиться, надо было побороть их страх, а я мог это сделать одним-единственным способом: наглядно показать, что мое мифическое «лекарство» куда сильней «смертельного» укуса Ке-фонг-гуу. Когда-нибудь потом под видом этого самого лекарства я дам им какой-нибудь невинной жидкости и, вооруженные таким чудо-эликсиром, они отправятся на промысел и принесут мне полные мешки сверкающих красками Ке-фонг-гуу.

На обратном пути я важно шагал по дороге, с гордостью нес моего драгоценного сцинка и был весьма доволен собой: ведь я придумал такой хитрый способ наловить побольше этих красивых ящериц! За мной следовали легконогие Гончие Бафута, они шли молча и все еще взирали на меня с почтительным изумлением. Всякий раз, как кто-нибудь встречался нам на пути, они спешили сообщить ему о моем всемогуществе, и встречные ужасались, изумлялись и громко ахали. Разумеется, с каждым новым повторением рассказ этот приобретал все новые и новые поразительные подробности. Когда мы дошли до моей виллы и ящерица поселилась в просторной клетке, я собрал всех Гончих Бафута и произнес перед

ними небольшую речь. Я сказал им, что, как они видели собственными глазами, мое лекарство — прекрасная защита от укусов Ке-фонг-гуу. Охотники с жаром закивали в знак согласия. Поэтому, продолжал я, завтра все они получат чудодейственную жидкость — ведь мне нужно поймать очень много таких ящериц, а с этим лекарством они могут смело пойти на охоту и принести мне добычу — теперь им бояться нечего. И тут я широко, благодушно улыбнулся, ожидая услышать крики восторга. Однако никаких восторгов не последовало: напротив, охотники совсем помрачнели и угрюмо топтались на месте, пальцы их босых ног зарывались в дорожную пыль.

— Ну как? — спросил я после долгого молчания. — Вы не согласны?

— Нет, маса, — пробормотали мои Гончие.

— Почему же? Разве вы не слышали, ведь я дам вам мое особенное лекарство? Чего вы боитесь?

Охотники скребли в затылках, переминались с ноги на ногу, беспомощно поглядывали друг на друга, и наконец один из них набрался храбрости, несколько раз откашлялся и заговорил.

— Маса,— начал он.— Твой лекарство, он, конечно, очень хороший. Мы это сами видеть. Мы видеть, как добыча кусать маса и маса не умереть.

— В чем же дело?

— Это лекарство, маса, он колдует только белый человек. Он не колдует черный человек. Для маса этот лекарство хороший, для нас он не хороший.

Добрых полчаса я их убеждал, умолял, уговаривал. Они были очень вежливы, но непреклонны: лекарство годится для белых, а на черных оно не подействует. В этом они были убеждены и твердо стояли на своем. Каких только доводов я не придумывал, пытаясь их переубедить! Но тщетно. Под конец, безмерно разозлившись оттого, что мой хитрый план не сработал, я отпустил охотников и отправился обедать.

Вечером с бутылкой джина явился Фон в сопровождении пяти членов совета. Полчаса мы просидели на залитой лунным светом веранде и бессвязно болтали о всякой всячине; потом Фон пододвинул свой стул поближе к моему, наклонился ко мне, и неизменная широкая подкупающая улыбка осветила его лицо.

— Один человек сказать мне, ты поймать Ке-фонг-гуу,— сказал Фон. — Этот человек сказать мне правда?

— Да, верно, — кивнул я. — Очень хорошая добыча, эта ящерица.

— Этот человек сказать, ты поймать Ке-фонг-гуу голый рука, — продолжал Фон.— Я думать, этот человек сказать неправда, а? Этот добыча, Ке-фонг-гуу, он очень опасный, его нельзя брать голый рука, а? Он тебя убить один раз, разве не так?

— Нет, этот человек сказал тебе правду,— решительно возразил я. — Я держал ящерицу голой рукой.

Услышав мой ответ, члены совета шумно перевели дух, а Фон

откинулся иа спнику стула и смотрел на меня широко раскрытыми глазамн.

— И когда ты его поймать, что он делать?— спросил Фон после долгого молчаиия.

— Оиа меня укусила.

Фон и его советинкн дружно ахиули.

— Она меня укуснла вот сюда, — сказал я и вытянул руку, а Фон отшатнулся, точно я наставил на него ружье. Он и его советнники оглядели мою руку с безопасного расстояння и оживленно о чем-то поговорнлн.

— Почему ты не умереть? — спросил потом Фон.

— Умереть?— нахмурился я.— А почему я должен был умереть?

— Да ведь этот добыча — опасный,— в волнеини сказал Фон.— Ои очеиь миого сильио кусаться. Еслн его схватить черный человек, он однн раз умереть. Почему ты ннкогда ие умереть, друг мой?

— Ну, у меня от этого есть особенное лекарство, — иебрежно бросил я.

И снова все присутствующие дружио ахнулн.

— Этот лекарство — европейский? — спросил Фон.

— Да. Хочешь, я тебе его покажу?

— Да, да, отлнчно! — вскрнчал Фои,

Все молча ждали, а я пошел в комнату н прннес свою аптечку; потом вытащил нз ящичка пакет бориой кнслоты в порошке и высыпал щепотку себе на ладонь. Все жадно вытяиулн шеи, стараясь получше разглядеть чудодействеииое лекарство. Я иалил в стакан воды, размешал в ией порошок и натер раствором ладоии.

— Вот н все!— сказал я н развел руками, как заправскнй фокусиик.— Теперь Ке-фоиг-гуу ие сможет меня убнть.

После этого я пошел к клетке с ящерицей, открыл дверцу н обернулся к своим гостям, держа в руках жнвотное. Раздался шелест одеяний, н все члены совета, тесиясь и толкаясь, точно стадо перепуганиых овец, кинулнсь в другой конец веранды. Фон не шелохнулся в своем кресле, но, когда ои увидел, что я направляюсь к нему, на лице его отразнлись страх н отвращенне. Я остановнлся перед его креслом н протянул ему ящерицу, которая между тем силилась отгрызть мне палец.

— Смотри... Вндншь?— сказал я.— Эта добыча не может меня убить.

Не сводя глаз с ящерннцы, Фои в полнейшем нзумленни со свнстом выдохнул воздух. Наконец ои оторвал от нее зачарованный взгляд и посмотрел на меня.

— Этот лекарство... — сказал ои хрипло. — Ои годится для чериый человек?

— Очень годнтся н для чериого человека.

— И черный человек не умереть?

— Нн в коем случае, друг мой.

Фои откннулся на спинку кресла и, пораженный, глядел на меия.

— А! — сказал он наконец. — Отличный штука, этот лекарство.
— Хочешь попробовать его на себе? — небрежно спросил я.
— Э-э-э-э... да, да, отлично, — с тревогой ответил Фои.
Не давая ему времени передумать, я посадил ящерицу обратно в клетку и развел в воде еще немного борной. Потом еще раз показал Фону, как этим пользоваться, и он долго, усердно втирал «волшебное зелье» в свои огромные ладони. Наконец я принес клетку, вытащил ящерицу и протянул ее Фону.
Настала решающая минута; советники окружили нас, все же стараясь не подходить слишком близко, и, затаив дыхание, следили за нами. Их лица были искажены страхом, а Фон облизнул губы, протянул было руку к ящерице, но тотчас тревожно отдернул, потом протянул еще раз. Мгновение нерешительности, огромная черная рука повисла в воздухе над радужной ящерицей, наконец глубокий вздох — и ящерица у него в руке, уверенно схваченная поперек туловища.
— А-а-а-а-а! — выдохнули зрители.
— Вот! Я его держать! — завопил Фон и стиснул несчастную ящерицу с такой силой, что я испугался за ее жизнь.
— Полегче! — взмолился я. — Не тискай так, ты ее убьешь!
Но Фон совсем оцепенел, сложная смесь страха и восторга перед собственной смелостью сковала его; он сидел неподвижно, не спуская глаз с ящерицы, зажатой у него в руке, и только бормотал:
— Я его взять... я его держать...
Мне пришлось силой разжать его пальцы, отнять злополучную ящерицу и посадить ее обратно в клетку.
Фон оглядел свои ладони и поднял на меня глаза; лицо его сияло совершенно детской радостью. Советники о чем-то оживленно переговаривались между собой. Фон замахал на меня руками и расхохотался. Он все хохотал, хохотал и никак не мог остановиться; при этом он хлопал себя по бедрам, сгибался в три погибели в своем кресле, кашлял, брызгал слюной, и по лицу его текли слезы. Смех этот был так заразителен, что засмеялся и я, а потом и советники тоже не заставили себя ждать. Мы все топали ногами и хохотали так, будто уже никогда в жизни не перестанем; в конце концов один из хохочущих советников совсем задохнулся и стал кататься по полу, а Фон, сотрясаясь от бурных приступов смеха, без сил откинулся на спинку кресла.
— Чего это вы смеетесь? — сквозь смех выговорил я наконец.
— Да очень смешно, — покатываясь от смеха, ответил Фон. — Очень долго время, еще когда я быть совсем малый и после, я всегда бояться этот добыча. Ха, я много его бояться. А теперь ты давать мне лекарство и я уже не бояться.
Он опять откинулся на спинку кресла, и при одной этой мысли рассмеялся до слез, даже всхлипнул от смеха.
— Ке-фонг-гуу, твой время прошел, я тебя теперь не бояться, — захлебывался он.
Потом, совсем ослабев от хохота, не в силах разогнуться, мы допили все, что оставалось в бутылке, и Фон ушел к себе, бережно

сжимая в руке пакетик с борной. Я предупредил его, что это лекарство отлично помогает против укусов агам, Ке-фонг-гуу и гекконов, но, если ужалит змея, оно ни в коем случае не поможет. Как я и надеялся, рассказ о том, что мое лекарство сделало Фона неуязвимым — он держал в руке Ке-фонг-гуу и остался жив и здоров, — на другой же день был у всех на устах. Еще до вечера ко мне явились мои Гончие и озарили меня такими улыбками, что сердиться на них было просто невозможно.

— Ну, что случилось? — холодно спросил я.

— Маса, — попросили Гончие, — дай нам тот лекарство, который ты давать Фону, и мы пойти ловить для маса Ке-фонг-гуу.

В тот же вечер я оказался счастливым обладателем двух ящиков красивейших равнинных сцинков, а Гончие Бафута, окруженные толпой бафутян, распивали пиво и живописали восхищенным слушателям все подробности охоты, уж наверно украшая рассказ всевозможными домыслами. Я сидел на веранде и тоже слушал, а заодно писал записку в ближайшую аптеку с просьбой прислать мне борной. Несомненно, она мне еще очень и очень пригодится.

Глава восьмая

Мнимая слепозмейка

Через несколько недель поток бафутян, которые приносили мне всевозможную «добычу», усох до тоненького ручейка. Произошло это потому, что к тому времени у меня набралось достаточно экземпляров самых распространенных здесь животных и я таких больше не покупал. Веранда возле моей спальни была доверху забита всевозможными клетками, в которых размещались самые разнообразные млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся, и потому изо дня в день все утро напролет и почти весь вечер я посвящал уходу за ними. Дел было по горло, скучать некогда: только успевай чистить клетки и кормить зверей, а сверх того я не уставал с истинным наслаждением наблюдать повадки моих пленников, присматривался, как они относятся к плену и ко мне. Кроме того, я наблюдал жизнь в Бафуте. Веранда, где я хлопотал, поднималась высоко над дорогой, и отсюда отлично видна была сама дорога, двор Фона и окружающие дома. Я глядел сквозь лохматую завесу бугенвиллеи и видел, как снуют взад и вперед многочисленные жёны Фона, его отпрыски и советники, как приходят и уходят по дороге жители Бафута. С моей веранды я видел немало сцен, которые разыгрывались внизу, а стоило протянуть руку за биноклем, как лица актеров приближались ко мне настолько, что я мог разглядеть малейшую перемену в выражении их лиц.

Однажды вечером я заметил на дороге стройную миловидную девушку; она брела, едва волоча ноги, точно дожидалась, чтобы кто-то ее догнал. Она как раз проходила мимо веранды, и я совсем

было собрался окликнуть ее, но вовремя увидел, что ее рысцой догоняет молодой рослый парень, по внешности настоящий богатырь; лицо его перекосила свирепая гримаса. Он резко крикнул что-то; девушка остановилась, потом обернулась к нему; ее хорошенькое личико казалось недовольным и в то же время дерзким, и это явно не понравилось молодому человеку. Он остановился перед ней и громко, сердито заговорил, неистово размахивая руками, на темном лице так и сверкали глаза и зубы. Девушка слушала не шевелясь, на губах ее играла недобрая, насмешливая улыбка.

Тут на сцене появилось еще одно действующее лицо: по дороге торопливо подбегала старуха, она вопила благим матом и размахивала длинной бамбуковой палкой. Юноша не обратил на нее никакого внимания и продолжал что-то сердито толковать девушке, а та не удостаивала его ответом. Старуха чуть не плясала вокруг них, махала своей палкой и пронзительно вопила, дряблые морщинистые груди подпрыгивали при каждом ее движении. Чем пронзительней она визжала, тем громче кричал молодой человек, а чем громче он кричал, тем мрачней становилось лицо девушки. Внезапно старуха волчком повернулась на одной ноге, точно дервиш, и с размаху ударила молодого человека палкой по плечам. Тот словно и не почувствовал удара, только протянул длинную мускулистую руку, вырвал у старухи палку и закинул так высоко, что палка перелетела через кирпичную стену и упала во двор Фона. Старуха секунду стояла в замешательстве, потом подскочила к молодому человеку сзади и со злостью дала ему пинка под зад. И опять он не обратил на нее ни малейшего внимания, а продолжал кричать на девушку и все яростней размахивал руками. И вдруг девушка злобно что-то ему ответила и, аккуратно прицелясь, плюнула точно ему на ноги.

До сих пор молодой человек, видимо, не собирался начинать военные действия, и я решил, что дело его плохо; женщины, похоже, пускают в ход нечестные методы и потому берут верх. Но плевок на ноги, очевидно, переполнил чашу его терпения: на секунду обиженный великан застыл с раскрытым ртом — подобного предательства он никак не ожидал! — а потом одним прыжком с яростным воплем рванулся к девушке, схватил одной рукой за горло, а другой стал осыпать звонкими оплеухами; наконец он отшвырнул ее от себя так, что она упала наземь. Такой поворот событий настолько потряс старуху, что она повалилась навзничь в канаву и забилась в великолепнейшей истерике, я таких сроду не видывал! Она каталась с боку на бок, шлепала себя ладонью по губам и издавала протяжные вопли, подобные крикам краснокожих индейцев, от которых у меня кровь стыла в жилах. Время от времени вопли прерывались пронзительным визгом.

Девушка меж тем лежала в красной дорожной пыли и горько плакала, молодой богатырь по-прежнему не обращал внимания на старуху, он присел на корточки возле девушки и, очевидно, о чем-то ее упрашивал. Немного погодя она подняла голову и слабо улыбнулась; тут он вскочил на ноги, схватил ее за руку, и они вдвоем

зашагали обратно по дороге, а старуха все каталась в своей канаве и громко вопила.

Честно говоря, эта сцена порядком меня озадачила. В чем тут дело? Может, эта девушка — жена молодого богатыря? Может, она была ему неверна и он об этом узнал? Но причем же тогда старуха? А может, девушка у него что-нибудь украла? Или, что, пожалуй, еще правдоподобнее, девушка и старуха хотели его заколдовать, а он об этом узнал? Да, колдовство, думал я; должно быть, разгадка в этом. Красотке надоел ее молодой муж, и она пыталась его отравить — наверно, намешала ему в еду мелко изрубленные усы леопарда, а добыла она это волшебное средство у старухи, а старуха — уж наверняка известная здешняя колдунья. Но муж заподозрил неладное, и молодая жена убежала к колдунье, чтобы та ее защитила. Муж бросился догонять жену, а колдунья (есть же у нее какие-то обязанности по отношению к своим клиентам!) побежала вслед за ними обоими в надежде как-то уладить дело. Только я успел разработать эту версию и придать ей душещипательную форму, подходящую для рассказа в «Уайд уорлд мэгэзин», как вдруг увидел Джейкоба: он стоял внизу и сквозь зеленую изгородь глядел на старуху — та все еще каталась в канаве с воплями, от которых сразу приходила на ум индейская резервация.

— Джейкоб!— крикнул я ему.— Что там такое творится?

Джейкоб поднял голову и гортанно хохотнул.

— Этот старуха,сэр, она мамми для тот девчонка. Тот молоденький девчонка, он жена для тот мужчина. Тот мужчина весь день ходить на охота, а как он прийти домой, жена не приготовить ему никакая еда. А он быть сильно голодный и хотел побить жена, а жена бежать, и он тоже бежать, хотел ее побить, а старуха хотел побить мужа.

Какое горькое разочарование! Я почувствовал, что Африка, этот огромный, таинственный континент, меня предала. Взамен моего сочного сюжета с колдуньями и чудодейственными зельями, полными усов леопарда, передо мной разыгралась зауряднейшая семейная ссора с обычными участниками: ленивая жена, голодный муж, неприготовленный обед и теща, которая, как и положено теще, суется не в свое дело. Я вновь занялся своим зверинцем, но не сразу мне удалось отделаться от ощущения, что меня обманули. Больше всего досаждала мне мысль о теще.

Вскоре после этого случая на веранде и вокруг нее вновь поднялся переполох, в котором главную роль играл я, но только очень нескоро сумел я по достоинству оценить смешную сторону этого происшествия.

Вечер стоял прекрасный, и стайки узких, пушистых облачков собирались на западе — ясно, что закат предстоит великолепный! Я только что допил заработанную тяжким трудом чашку чаю и в лучах закатного солнца сидел на верхней ступеньке лестницы, пытаясь научить невероятно глупого бельчонка сосать молоко с ватного тампона, намотанного на конец спички. На секунду я прервал эту мучительную работу, поднял глаза — и уви-

дел, что по дороге вперевалку шагает толстая пожилая женщина. На ней была одна только совсем узенькая набедренная повязка, в зубах зажата длинная, тонкая черная трубка. На макушке поверх коротко остриженных седых волос торчал крохотный калебас. Женщина остановилась у подножия моей лестницы, выбила трубку и аккуратно повесила на веревку, обмотанную вокруг ее обширной талии, потом стала подниматься по бесконечным ступеням ко мне на веранду.

— Здравствуй, мамми, — окликнул я.

Женщина приостановилась и широко улыбнулась мне.

— Здравствуй, маса, — отозвалась она и продолжала с трудом передвигаться со ступеньки на ступеньку, задыхаясь и шумно переводя дух от усталости. Наконец она добралась до меня, поставила калебас к моим ногам и, пыхтя, привалилась к стене всем своим жирным телом.

— Устала, мамми? — спросил я.

— А, маса, я стал много жирный, — объяснила она.

— Жирная! — возразил я с негодованием. — Совсем ты не жирная, мамми. Ты ничуть не жирней меня.

Толстуха громко захихикала, и ее огромное тело затряслось.

— Нет, маса, ты надо мной смеяться.

— Нет, мамми, я верно говорю, ты еще совсем худенькая.

Женщина откинулась к стене и затряслась от смеха — это она-то худенькая! Все ее громадное тело колыхалось. Наконец она немного успокоилась и указала пальцем на калебас.

— Я тебе принести добыча, маса.

— Какая же это добыча?

— Змея, маса.

Я вынул затычку и заглянул в калебас. На дне свернулась в кольцо тоненькая коричневая змейка, дюймов восьми в длину. Я сразу решил, что это слепозмейка — вид безглазой змеи, которая проводит свой век, зарывшись в землю. Слепозмейки внешне напоминают английскую веретенницу и совершенно безвредны. У меня уже набрался целый ящик этих пресмыкающихся, но мне так понравилась веселая толстуха, что не хотелось ее огорчать, отказавшись от ее «добычи».

— Сколько ты хочешь за эту добычу, мамми? — спросил я.

— А, маса, ты мне платить сколько знаешь.

— А змея не ранена?

— Нет, маса, он здоровый.

Я опрокинул калебас вверх дном, и змея выпала на гладкий цементный пол. Женщина с удивительным для такой толстухи проворством метнулась в другой конец веранды.

— Он тебя кусать, маса, — предостерегла она.

Джейкоб, который явился поглядеть, что тут происходит, бросил на нее испепеляющий взгляд.

— Ты разве не знать, маса не бояться никакой яд, — сказал он. — У маса есть особый лекарство, и такой змея его не кусать.

— А-а, вот как? — сказала женщина.

Я наклонился и подобрал слепозмейку, собираясь получше разглядеть ее и убедиться, что она цела и невредима. Я осторожно взял ее двумя пальцами, и она обвилась вокруг моего указательного пальца. Взглянул на нее и очень удивился: на меня смотрела пара больших блестящих глаз, а ведь у слепозмеек глаз не бывает. Изумленный таким открытием и все еще, как дурак, небрежно держа змею в руке, я сказал Джейкобу:

— Смотри, Джейкоб, у этой змеи есть глаза!

И вдруг понял, что так беспечно держу в руке вовсе не безвредную слепозмейку, а какую-то совсем не известную мне змею и понятия не имею, на что она способна. Я уже хотел разжать руку и бросить змею на пол, но не успел — она плавно повернула голову и запустила зуб в мякоть моего большого пальца.

Не припомню, чтобы я еще когда-нибудь испытал подобное потрясение. Сам по себе укус был пустяковый, всего лишь булавочный укол, но сразу же началось легкое жжение, как после комариного укуса. Я вмиг бросил змею и изо всех сил стиснул палец, так что кровь потекла из ранки, и пока я его сжимал, мне на ум пришли три обстоятельства: во-первых, в Камеруне нет сыворотки против змеиного яда; во-вторых, до ближайшего врача не меньше тридцати миль; в-третьих, мне не на чем до него добираться. Эти мысли отнюдь не прибавили мне бодрости, и я стал ожесточенно высасывать кровь из ранки, сжимая основание пальца как можно крепче. Потом оглянулся вокруг и увидел, что Джейкоб куда-то исчез; я готов был заорать от ярости, но тут он бегом вернулся на веранду, в одной руке у него была бритва, в другой — бинты. В лихорадочной спешке я стал объяснять ему, что делать, и Джейкоб изо всех сил стянул повязку вокруг моего запястья и ниже локтя, а потом учтиво, чуть ли не с поклоном, подал мне бритву.

Никогда в жизни не представлял себе, сколько решимости требуется человеку, чтобы полоснуть себя бритвой, и до чего она, бритва эта, острая. Мучительные секунды я медлил в нерешительности, потом полоснул себя по руке бритвой — и, как оказалось, глубоко разрезал палец в полудюйме от ранки, то есть там, где от разреза не было никакого толку.

Я попробовал еще раз — примерно с тем же успехом — и мрачно подумал: если я не умру от укуса змеи, то, оказав себе такую «первую помощь», вполне могу истечь кровью. И начал со злостью перебирать в памяти все книги, которые я в свое время прочитал, где говорилось, что надо делать, если тебя укусила змея. Все эти книги без исключения предписывали сделать надрез поперек ранки, на всю ее глубину, насколько в тело проник ядовитый зуб. Предписывать такое очень легко, а вот успешно последовать этому совету, когда режешь собственный палец,— далеко не так просто. Я вовсе не хотел опять и опять рубить себе руку в надежде, что рано или поздно все-таки попаду по ранке, а значит, оставался единственный выход: я аккуратно приложил лезвие к месту укуса и, скрипя зубами, надавил и сильно потянул бритву. На этот раз

все получилось как надо, кровь брызнула во все стороны. Теперь, вспоминал я, надо пустить в ход марганцовку, и я всыпал несколько кристалликов в зияющую рану и обернул руку чистым носовым платком. К тому времени запястье и железки у меня под мышкой уже основательно вспухли и в пальце начались острые боли, точно стреляло, хотя было это от укуса или от моего врачевания — сказать трудно.

— Маса идти к доктор?— спросил Джейкоб, не сводя глаз с моей руки.

— Как же мне идти к доктору?— с досадой возразил я.— У нас тут нет машины. Или ты думаешь, я смогу дойти до него пешком?

— Маса надо идти к Фон и просить его вездеход,— предложил Джейкоб.

— Вездеход?— спросил я с пробудившейся надеждой.— А у Фона есть вездеход?

— Да, сэр.

— Так пойди, попроси... да поскорей.

Джейкоб со всех ног помчался вниз по лестнице и по огромному двору, а я шагал взад и вперед по веранде.

Вдруг я вспомнил, что у меня в спальне пропадает без дела большая непочатая бутылка французского коньяка, и поспешил туда. Но не успел я с трудом одной рукой вытащить пробку, как тут же вспомнил: в вопросе о том, как действует спиртное на человека, ужаленного змеей, авторы всех книг единодушны и безоговорочно утверждают: ни при каких обстоятельствах после змеиного укуса пить спиртное нельзя — кажется, алкоголь вызывает сердцебиение и причиняет организму всяческие другие неприятности. На секунду я застыл с бутылкой в руке, а потом решил: если уж все равно придется умирать, то лучше умереть в хорошем настроении. Я поднял бутылку и сделал изрядный глоток. Теперь, согретый и ободренный, я легким шагом вышел на веранду и прихватил бутылку с собой.

Внизу, по двору Фона спешила большая толпа во главе с Джейкобом и самим Фоном. Все они подбежали к большой хижине, Фон распахнул дверь, и толпа влилась туда; впрочем, люди тут же появились вновь, толкая перед собой дряхлый, помятый автомобиль. Толпа выкатила его через арку на дорогу, и там Фон их всех оставил и поспешно стал подниматься ко мне по знаменитой лестнице, а по пятам за ним бежал Джейкоб.

— Друг мой!— задыхаясь выговорил Фон.— Плохой дело!

— Да, верно,— согласился я.

— Твой слуга, он сказать мне, у тебя нет европейский лекарство для такой укус. Это верно?

— Да, верно. Может быть, у доктора есть такое лекарство, я не знаю.

— Бог помогать, доктор дает тебе лекарство,— благочестиво сказал он.

— Выпьешь со мной?— спросил я и помахал бутылкой.

— Да, да,— проснял Фон.— Мы выпнть. Выпнвка — хороший лекарство для такой случай.

Джейкоб принес стаканы, н я иалнл нам обонм по изрядной порцни коньяку. Потом мы подошлн к лестннце н сверху поглядели, как продвнгается подготовка кареты скорой помощн.

Машнна, вндно, простояла в хнжнне целую вечность, все ее виутренности словио заклнинло. Воднтель осторожно поколдовал над ней, мотор несколько раз громко кашлянул н снова заглох. Плотное кольцо зрнтелей сдвннулось теснее, все выкрикнвали разные советы и наставлеиия, а воднтель меж тем высунул голову из окошка и всласть отругивался. Так продолжалось немало временн, потом воднтель вылез н стал пытаться завести мотор ручкой, но тут мотор даже не чнхнул. Воднтелю это скоро иадоело, он отдал ручку одиому из советннков и прнсел отдохнуть на подиожку. Советник подоткнул свои одежды и мужествеиио сражался с заводной ручкой, но пробудить мотор к жизнн ему не удалось.

Зрителн — нх иабралось уже человек пятьдесят — все жаждалн помочь, так что советинк передал нм ручку н прнсоедннился к водителю на подножке. В толпе меж тем началась постыдная драка: всякому хотелось первым попытать счастья, все кричали, толкалнсь н вырывали ручку друг у друга. Шум привлек вннманне Фона; ои осушнл свой стакаи н, сердито хмурясь, подошел к перилам вераиды. Тут ои перегиулся вннз и окниул дорогу грозным взглядом.

— Эй!— загремел он.— Заводнть этот машниа!

Толпа смолкла, все задралн головы к веранде, а воднтель н советннк соскочили с подиожки и кннулись к раднатору машнны, олицетворяя собой неукротимую жажду деятельностн. Правда, нм не повезло: когда онн добежалн, оказалось, что ручка куда-то нсчезла. В толпе сиова поднялся галдеж, каждый обвниял всех остальных в том, что оин потерялн ручку. Наконец ручка нашлась, н этн двое сделалн еще несколько безуспешиых попыток расшевелнть упрямый мотор.

К тому временн я уже чувствовал себя совсем худо н мужество мне вконец нзменило. Рука до самого локтя снльно распухла, покрасиела н очень болела. В плечо тоже стреляло, а кнсть горела так, точио я сжнмал в ней раскалеиный докрасна уголь.

До врача добираться ие меиьше часа, думал я, и если машину не удастся завести сейчас же, то ехать вообще будет уже незачем. Но тут водителя, который едва ие иадорвался, пытаясь завести мотор ручкой, осенила блестящая мысль. Онн будут толкать машнну всю дорогу! Он объяснил свою затею толпе, и все громко захлопали н закричалн от восторга. Воднтель влез в машнну, остальные столпнлнсь позади и прииялись толкать. Размеренно ухая в такт движенням, они толкалн машину по дороге, завернулн за угол и скрылнсь нз виду.

— Он скоро завестись,— улыбнулся Фон, стараясь меня подбодрнть, и налнл мне еще коньяку.— И тогда ты скоро доехать к доктор.

— Ты думаешь, она все-таки заведется? — недоверчиво спросил я.

— Да, да, друг мой, — сказал Фон; кажется, он даже слегка обиделся.— Этот мой машина — отличный машина. Он завестись мало время, не беспокойся.

Вскоре мы опять услышали уханье, поглядели с веранды вниз и увидели машину: она появилась из-за угла, ее по-прежнему толкало, казалось, все население Бафута. Толпа подползала к нам, как улитка, и в ту минуту, как машина дошла до нижней ступеньки моей лестницы, мотор несколько раз чихнул и взревел. Толпа завизжала от восторга, и все принялись прыгать и скакать по дороге.

— Вот, завелся,— гордо объяснил мне Фон — на случай, если я не понял причины общего ликования.

Водитель ловко провел машину под аркой во двор, развернул ее и снова выехал на дорогу; он все время нетерпеливо сигналил и едва не передавил колесами своих недавних помощников. Мы с Фоном осушили свои стаканы и спустились вниз по семидесяти пяти ступенькам. Внизу Фон заключил меня в свои объятия и тревожно заглянул мне в лицо. Он явно хотел сказать какие-то слова, которые придали бы мне бодрости и поддерживали бы меня на пути к доктору. На минуту он глубоко задумался.

— Друг мой,— сказал он наконец.— Если ты умереть, мне очень много тебя жаль.

Боясь, что голос может выдать мои чувства, я молча стиснул ему руку в надежде, что это выглядит достаточно красноречиво, и забрался в машину; она тотчас тронулась и пошла по дороге, дергаясь и подпрыгивая, а Фон и его подданные остались позади в туче красной пыли.

Через три четверти часа мы подъехали к дому врача, и тормоза оглушительно завизжали. Доктор стоял на крыльце и мрачно глядел на клумбу. Когда я вылез из машины, он удивленно поднял на меня глаза и пошел мне навстречу; подойдя поближе, он внимательно вгляделся мне в лицо.

— Кто вас укусил? — спросил он.

— Откуда вы знаете, что меня укусили?— спросил я, пораженный таким мгновенным диагнозом.

— У вас зрачки очень сильно увеличены,— объяснил доктор с удовольствием мастера, который уж в своем-то деле не ошибется. — Кто вас укусил?

— Змея. Не знаю какая, но боль адская. Вот я и приехал к вам, хотя вряд ли от этого будет толк. Ведь у вас, наверно, сыворотки нет?

— Надо же,— сказал он, явно очень довольный,— как это ни странно, я привез немного, когда ездил в последний раз в отпуск. Почему-то подумал — может, пригодится. Она уже полгода лежит в холодильнике.

— Вот это повезло!

— Входите в дом, дорогой мой, входите. Мне очень интересно, подействует ли эта сыворотка.

— Мне тоже,— признался я.

Мы вошли в дом, и я сел в кресло, а доктор и его жена сразу захлопотали: достали спирт, шприц и все прочее, что требуется для введения сыворотки. Потом доктор сделал мне три укола в палец, как можно ближе к ранке и еще два в руку повыше локтя. Все это было куда болезненнее, чем сам укус.

— Немножко неприятно?— весело осведомился доктор, считая мой пульс.

— Да уж хуже некуда,— с горечью ответил я.

— Вам полезно выпить хорошую порцию неразбавленного виски.

— Я думал, в таких случаях спиртное противопоказано.

— Нет, нет, это не повредит,— сказал доктор и налил мне изрядную порцию.

Никогда еще я не пил виски с таким наслаждением!

— А теперь,— продолжал доктор,— вы остаетесь у меня ночевать, в доме есть свободная комната. Через пять минут извольте уже лежать в постели. Если хотите, можете принять ванну.

— А нельзя мне уехать обратно в Бафут?— спросил я.— Там у меня животные, и без меня за ними, в сущности, некому как следует присмотреть.

— Вы сейчас не в состоянии возвращаться в Бафут и присматривать за животными,— твердо сказал доктор.— Никаких разговоров, немедленно в постель. Если я увижу, что вы достаточно оправились, поедете завтра утром.

Спал я, к моему удивлению, крепким сном и, когда проснулся на следующее утро, чувствовал себя просто отлично, хоть рука до локтя была все еще распухшая и побаливала. Завтрак мне принесли в постель, потом пришел доктор.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Отлично. Настолько хорошо, что даже начинаю думать — может быть, змея была все-таки не ядовитая?

— Нет, она была очень ядовитая. Вы говорите, она запустила вам в палец только один зуб и вы, наверно, бросили ее так быстро, что она не успела впустить в вас весь запас яда. Если бы успела, вы бы так легко не отделались.

— А можно мне ехать в Бафут?

— Пожалуй, можно, если вы чувствуете, что в силах перенести это путешествие, хотя рука, наверно, еще день-два не будет вам служить как следует. Во всяком случае, если она станет вас беспокоить, приезжайте ко мне.

Подстегиваемый мыслью о моих драгоценных зверях, которые ждут в Бафуте невычищенные и некормленные, я гнал беднягу водителя так, что мы добрались до дому за неслыханно короткое время. Остановились на дороге у лестницы, что вела к моей вилле, и тут я увидел — на нижней ступеньке сидит вчерашняя толстуха.

— Здравствуй, мамми,— сказал я, вылезая из машины.

— Здравствуй, маса,— ответила она, с трудом поднялась на ноги и вперевалочку побрела мне навстречу.

— Что же тебе надо?— спросил я; мне не терпелось поскорей добраться до моих зверей.

— Маса все забыть?— с удивлением спросила женщина.

— Что я забыл, мамми?

— Э, маса,— укоризненно сказала она.—Ведь я принести такой отличный змея, а маса мне так и не заплатить!

Глава девятая

Фон и золотистая кошка

Мое пребывание в Бафуте понемногу подходило к концу. Я собрал множество всякой живности, и пора было увезти эти живые трофеи в основной лагерь, где их можно будет заново расселить по клеткам и приготовить к путешествию в Англию. Без особой радости я сообщил всем охотникам, что через неделю уезжаю, не то они продолжали бы приносить зверей и после моего отъезда. Я заказал грузовик и послал Смиту письмо о том, что мы едем. Когда Фон услышал эту новость, он примчался ко мне, сжимая в руках бутылку джина, и принялся горячо уговаривать меня остаться ещё. Я объяснил ему, что и сам бы очень хотел побыть в Бафуте подольше, но никак не могу: обратные билеты были заказаны заранее, значит, весь мой зверинец должен быть готов двинуться в путь в назначенный день. При малейшей задержке мы пропустим пароход, а другого может не быть еще месяца два — на такую задержку у меня просто не хватит денег.

— А, друг мой, я очень много жалеть, что ты ехать,— сказал Фон, наливая джин мне в стакан так, что казалось — бьет неистощимый родник.

— Я тоже очень жалею,— вполне искренне сказал я,— но мне никак нельзя больше оставаться в Бафуте.

— Ты не забывать Бафут,— сказал Фон и уставил на меня длинный палец.— Ты хорошо помнить Бафут. Ведь тут ты поймать много отличный добыча, разве не так?

— Так,— ответил я и обвел рукой клетки, уставленные друг на друга в несколько этажей.— В Бафуте я собрал очень много добычи.

Фон милостиво кивнул. Потом подался вперед и крепко сжал мою руку.

— Когда ты приехать в твой страна, когда-нибудь ты рассказать твои люди, что Фон Бафута — твой друг, он много старался, чтоб ты иметь отличный добыча, а?

— Я им все расскажу,— пообещал я.— И еще расскажу, что Фон Бафута — прекрасный охотник, самый лучший охотник в Камеруне.

— Отлично, отлично,— обрадовался Фон.

— Только одну добычу я здесь так и не добыл,— сказал я. Мне очень жаль.

— Какой же это добыча, друг мой? — спросил Фон, с тревогой наклонясь ко мне.

— Ну, такая большая древесная кошка, у которой шкура как золото, а на животе отметины. Я показывал тебе фотографию, помнишь?

— А! Этот добыча? — сказал Фон. — Ты говорить верно. Этот добыча ты еще не поймать.

И он погрузился в угрюмое молчание, хмуро глядя на бутылку с джином. Пожалуй, с моей стороны было довольно бестактно напоминать ему об этом пробеле в моей коллекции. А недоставало мне золотистой кошки — одного из самых мелких, но и самых красивых представителей кошачьего семейства, какие водятся в этой части Африки. Я знал, что и вокруг Бафута их немало, но охотники относились к этому животному еще почтительней, чем к леопарду или к сервалу, хотя оба они много крупнее золотистой кошки. Я не раз показывал фотографию золотистой кошки Гончим Бафута, но они только щелкали языком да качали головой и уверяли меня, что ее необыкновенно трудно поймать, что она «очень сильно свирепый» и «очень много хитрый». Я предлагал большие деньги не только за поимку кошки, но даже за то, что мне всего лишь скажут, где ее можно найти, — и все напрасно. Когда до отъезда осталось меньше недели, я примирился с мыслью, что золотистой кошки мне не добыть.

Фон откинулся в кресле, глаза его блеснули, на губах заиграла заразительная улыбка.

— Я добыть тебе этот добыча, — сказал он и важно кивнул головой.

— Но, друг мой, через пять дней я уезжаю из Бафута. Как же ты успеешь поймать ее за пять дней?

— Я ее поймать, решительно сказал Фон. — Ты подождать мало время и увидеть сам. Я добыть тебе этот добыча.

Фон не пожелал сказать мне, как он собирается сотворить это чудо, но он был так уверен в себе, что я невольно подумал: вдруг он и в самом деле сумеет добыть мне редкостного зверя! Однако уже занялось утро моего последнего дня в Бафуте, а никакой золотистой кошки не было и в помине, и я потерял всякую надежду. Видно, Фон сгоряча дал обещание, выполнить которое оказалось ему не под силу.

День настал хмурый, пасмурный — ведь наверху в горах сезон дождей начинается раньше, чем на равнинах. По небу низко неслись темные серые тучи, моросил мелкий дождик, порой из дальних горных цепей доносился раскат грома; от всего этого меня еще сильней одолевало уныние, а мне и без того было невесело — уж очень не хотелось уезжать из Бафута. Я всей душой полюбил эти молчаливые равнины и людей, что здесь живут. Я искренне привязался к Фону, даже восхищался им, и мне становилось по-настоящему грустно при мысли, что с ним надо распрощаться, ведь в его обществе я так славно и весело проводил время.

Около четырех часов дня моросящий дождь перешел в сильнейший ливень: он явно зарядил надолго, затянул все сплошной водяной завесой, стучал и гремел по крыше виллы, по разлапистым листьям ближних пальм, превратил плотно сбитую красную землю на просторном дворе Фона в сверкающее море жидкой кроваво-красной глины, рябое от мириадов падающих капель. Я дочистил все клетки, накормил всех зверей и теперь угрюмо бродил из угла в угол по веранде, глядя, как дождь бьет о кирпичную стену и безжалостно треплет пунцовые цветы бугенвиллеи. Все мои вещи были уже упакованы, клетки наготове, оставалось только погрузить их в машину. Я не мог придумать себе никакого занятия, а выходить под ледяной ливень не хотелось.

Случайно я глянул вниз, там, на дороге, появился человек с большим мешком за спиной; он пытался бежать, но ноги у него скользили и разъезжались по глине. «Может быть, он несет мне какую-нибудь редкую добычу и хоть немного меня порадует»,— с надеждой подумал я и стал нетерпеливо следить за его приближением; но, к немалой моей досаде, человек с мешком свернул под арку, зашлепал через огромный двор и скрылся за дверью под второй аркой, ведущей в усадьбу Фона. Вскоре после того, как он скрылся из виду, возле маленькой виллы Фона раздались громкие крики, но через несколько минут все стихло, и опять я слышал только шум дождя. Я отправился пить в одиночестве чай, потом накормил сов и прочих ночных обитателей моего зверинца; они, кажется, немного удивились — ведь я никогда не кормил их так рано,— но я знал, что скоро придет Фон, чтобы на прощанье провести со мной вечер, и мне хотелось покончить с этой работой до его прихода.

К тому времени, как я закончил все мои дела, дождь утих и лишь едва моросил, будто в воздухе повис туман, а в серых, быстро несущихся низких облаках появились разрывы и сквозь них сияло нежно-голубое прозрачное небо. Не прошло и часа, как облака совсем рассеялись и чистое ясное небо до краев наполнил свет закатного солнца. Где-то возле дома Фона дробно забил маленький барабанчик, и дробный стук этот становился все громче. Отворилась дверь под аркой, и через двор двинулось небольшое шествие. Во главе выступал Фон, облаченный в свой самый великолепный пунцово-белый наряд; он осторожно обходил сверкающие под солнцем лужи. За ним следом шел тот самый человек, которого я видел под дождем, за спиной у него был все тот же мешок. Далее следовали четыре советника, а замыкал шествие мальчуган в белом одеянии и крохотной шапочке, он с важным видом бил в маленький барабанчик. Очевидно, Фон направлялся ко мне с торжественным прощальным визитом. Я спустился по лестнице к нему навстречу. Он остановился передо мной, положил руки мне на плечи и с необычайной суровостью поглядел мне в лицо.

— Друг мой,— медленно, внушительно произнес он.— У меня есть один вещь для тебя.

— Что же это такое? — спросил я.

Фон царственным жестом откинул назад свои длинные рукава и указал на человека с мешком.

— Лесной кошка!— провозгласил он.

Минуту я стоял в недоумении и озадаченно смотрел на него, и вдруг вспомнил, кого он пообещал для меня добыть.

— Лесная кошка? Та самая, которую мне так хотелось поймать?— переспросил я, не смея верить своему счастью.

Фон кивнул, на лице его выражалось спокойное удовлетворение хорошо поработавшего человека.

— Дайте-ка, я посмотрю!— задохнувшись от волнения, сказал я.— Откройте скорей мешок!

Человек с мешком опустил свою ношу наземь передо мной, и я, совсем позабыв, что надел в честь Фона чистые брюки, грохнулся на колени в самую грязь и стал поспешно развязывать крепкую веревку. Фон стоял рядом и улыбался до ушей, точно некий благожелательный Санта-Клаус. Мокрая веревка на горловине мешка туго затянулась, я тащил и рвал ее, и тут из мешка раздался жуткий, свирепый вопль; он начался как рокочущий стон, все нарастал и оборвался режущим ухо визгом, да таким злобным, что у меня мороз пошел по коже. Охотник, советники и мальчик с барабаном поспешно отпрянули на несколько шагов.

— Осторожно, маса,— предостерег меня охотник.— Это опасный добыча. Он очень много сильный.

—А ты связал ей ноги?— спросил я.

Охотник кивнул.

Я развязал последний узел на веревке, медленно открыл мешок и заглянул внутрь.

На меня бешено сверкал глазами зверь такой красоты, что я ахнул. Шерсть у него была короткой, шелковистой, сочного золотисто-коричневого цвета, словно дикий мед. От злости кошка плотно прижала заостренные уши к голове и вздернула верхнюю губу так, что она вся сморщилась, обнажив молочно-белые зубы и розовые десны. Но всего поразительней были глаза: большие, чуть раскосые на золотистой морде, они впились в меня с неизбывной холодной яростью, и я подумал: какое счастье, что ноги у нее связаны! Глаза зеленые, точно листья подо льдом, сверкали, как слюда, в лучах закатного солнца. Секунду мы молча глядели друг на друга, потом золотистая кошка еще больше оскалила зубы, разинула пасть и издала громкий, устрашающий вопль. Я поскорей завязал мешок — кто знает, крепко ли у нее связаны ноги? А, судя по глазам, она обойдется со мной не слишком ласково, если сумеет вырваться из мешка.

— Нравится?— спросил Фон.

— Еще бы! Просто слов нет, как нравится,— ответил я.

Мы отнесли драгоценный мешок на веранду, и я поспешно переселил куда-то обитателя самой большой и крепкой клетки, какая у меня была. Потом мы осторожно вытряхнули связанную золотистую кошку из мешка, закатили в клетку и поплотней закрыли и за-

перли дверцу. Кошка лежала на боку, рычала и шипела, но двинуться с места не могла: ее передние и задние лапы были накрепко связаны между собой крепкой веревкой, должно быть, из волокна рафии. Я привязал к концу палки нож, просунул его между прутьями клетки, и таким образом мне удалось перепилить веревку; как только она упала, кошка мгновенно, одним плавным движением вскочила на ноги, прыгнула на прутья, просунула наружу толстую золотистую лапу и замахнулась, метя мне в лицо. Я едва успел отшатнуться.

— Ага,— усмехнулся Фон.— Он очень злой, этот добыча.

— Может разодрать человека в самый мало время,— подтвердил охотник.

— Он много сильный,— согласился Фон и кивнул.— Он иметь много сила в ноги. Ты хорошо следить за ним, друг мой, а то он тебя ранить.

Я послал на кухню за цыпленком и, когда мне его принесли, только что зарезанного и еще теплого, помахал им возле прутьев клетки. Снова стремительно высунулась золотистая лапа, белые когти впились в добычу и дернули цыпленка, прижав его к прутьям. Теперь кошка вся вытянулась, схватила цыпленка за шею и одним сильным рывком втащила его в клетку; между прутьями полетели перья — золотистая кошка начала пожирать мертвую птицу. Я почтительно прикрыл клетку мешком, и мы оставили пленницу пировать в свое удовольствие.

— Как ты ее поймал?— спросил я охотника.

Тот ухмыльнулся и смущенно переступил с ноги на ногу.

— Ты что, не слышать?— спросил Фон.— У тебя что, язык нет? Говори же!

— Маса,— начал охотник и почесал живот.— Фон мне сказать, маса очень хотеть такой добыча, и я три дня ходить на охота его искать. Я ходить, ходить и очень много уставать, а добыча я никак не видеть. А вчера, когда вечер, этот лесной кошка приходить тихо-тихо на мой двор и зарезать три курица. А утром я увидать его следы в грязь и я пойти опять на охота. Очень много далеко я за ним идти, маса, и вот на один большой холм я его увидать.

Фон пошевелился в своем кресле и уставился на охотника испытующим взглядом.

— Ты говорить правда?— строго спросил он.

— Да, маса,— был ответ.— Я говорить все правда.

— Хорошо,— сказал Фон.

— Ну, я увидать этот лесной кошка,— продолжал охотник,— он пойти на тот большой холм. Он идти на такой место, где сильно много камень. Он идти в дыра в земле. Я этот дыра хорошо посмотреть, только человек туда не пролезть, дыра очень много узкий. Тогда я идти обратно мой дом, взять хороший собаки и сеть и идти назад на тот место. Я положить сеть перед дыра и зажигать маленький огонь, и нагнать дым в дыра.

Он на мгновение умолк, прищелкнул пальцами и даже подпрыгнул на одной ноге.

— Ух! Этот добыча, он очень много свирепый! Как почуять дым, так скорей стал рычать и рычать! А собака, оии испугаться и все убежать. А я испугаться лесной кошка меня поймать и я тоже убежать. Мало время я слышал добыча все рычать и рычать и я тихо-тихо идти назад его смотреть. Ух, маса! Этот добыча, ои забежать прямо в сеть и сеть его крепко держать! Как я это увидеть, я уже ие бояться, я подойти и связать ему ноги веревка, и вот я принес его для маса.

Охотник окончил свой рассказ и тревожно вглядывался мне в лицо, вертя в руках коротенькое копье.

— Друг мой,— сказал я ему.— Я считаю, ты отличный охотик, и я хорошо заплачу тебе за эту добычу.

— Да, так, так,— согласился Фон и величественно повел рукой.— Этот человек, он хорошо для тебя охотиться.

Я щедро заплатил молодцу-охотнику, подарил вдобавок несколько пачек сигарет, и он ушел от меня сияющий; еще долго, пока он спускался по лестнице и шел по дороге, я слышал, как он опять и опять восклицает: «Спасибо, маса, спасибо!» Потом я повернулся к Фону: тот сидел, откинувшись в кресле, и не сводил с меня глаз, явно очень довольный собой.

— Друг мой, большое тебе спасибо за то, что ты для меня сделал,— сказал я ему.

Фои протестующе замахал руками.

— Нет, нет, друг мой, это только малый пустяки. Было бы нехорошо, если ты уехать из Бафута и не получить вся добыча, какой ты хотеть. Я очень много сожалеть, что ты уезжать. Но когда ты смотреть на весь этот отличный добыча, ты вспоминать Бафут, верно?

— Да, верно,— сказал я.— А теперь, друг мой, давай выпьем?

— Отлично, отлично, сказал Фон.

Словно желая вознаградить нас за мрачный день, закат блеснул красотой — такого, кажется, я еще не видывал. Солнце зашло за сетку бледных, продолговатых облаков, и они из белых стали сначала жемчужно-розовыми, потом налились малиновым светом, и их обвело золотой каймой. Само небо омыла нежнейшая голубизна и зелень, там и сям оно чуть золотилось, и, пока мир темнел, все ярче разгорались трепетные звезды. Вскоре взошла и луна; виачале кроваво-красиая, она поиемногу желтела и наконец, поднявшись выше, стала серебряной и весь мир обратила в морозное серебро с угольно-черными тенями.

Мы с Фоном допоздна сидели в туманном луниом свете и выпивали. Наконец он обернулся ко мне и указал иа свою виллу.

— Я думаю, может, ты любить танцевать,— сказал ои.— И я сказать им сделать музыка. Ты хотел, чтобы мы танцевать, пока ты еще не уехать, верно?

— Да, я люблю танцевать,— ответил я.

Фон, шатаясь, поднялся на ноги и, перегиувшись через перила веранды так, что казалось — вот-вот вывалится, прокричал приказ кому-то, кто ждал внизу. Через несколько минут по большому дво-

ру двинулись многочисленные огни, на дороге внизу собрался оркестр из жен Фона и начал играть. Очень скоро к женщинам присоединились и другие музыканты, в том числе почти все советники. Фон немного послушал музыку, улыбаясь и размахивая в такт руками, потом встал и протянул мне руку.

— Пойдем,— сказал он.— Мы будеть танцевать, да?

— Отлично, отлнчно,— передразнил я его, и он так и покатился со смеху.

Мы прошли по залитой лунным светом веранде к лестнице; тут Фон обхватил меня длинной ручищей за плечи, отчасти от дружеских чувств, отчасти для того, чтобы не упасть, и мы двинулись вниз по ступенькам. На полпути мой спутник остановился и немножко поплясал под музыку. Нога его запуталась в просторных одеяниях, и если бы он так крепко не обнимал меня, то непременно бы скатился по ступенькам прямо на дорогу. Но он держался крепко, и потому мы только сильно шатались и качались с минуту, но все же нам удалось устоять на ногах и не потерять равновесия окончательно. Столпившиеся внизу жены, советники и отпрыски громко ахнули от ужаса и совсем оцепенели, увидя своего господина и повелителя в таком опасном положении, даже оркестр перестал играть.

— Музыка, музыка!— ревел Фон, пока мы с ним раскачивались на ступеньках.— Почему вы больше не играть?

Оркестр заиграл, мы вновь обрели равновесие и уже не оступаясь, без происшествий спустились по оставшимся ступеням. Настроение у Фона было отличное, и ему вздумалось взять меня за руку и прошествовать со мной в танце через весь двор; мы с ним шлепали по лужам, а оркестр семенил позади и играл, хоть у музыкантов явно не хватало дыхания. Когда мы добрались до дома танцев, Фон уселся на свой трон отдохнуть, а придворные пустились перед ним в пляс. Потом, когда в танце наступило небольшое затишье, я попросил Фона подозвать оркестр поближе: мне хотелось как следует рассмотреть их инструменты. Музыканты подошли и остановились перед возвышением, на котором мы сидели; я испытал все инструменты по очереди, и мне показывали, как на каждом надо играть. Ко всеобщему удивлению (я и сам очень удивился), мне удалось правильно сыграть на бамбуковой флейте первые такты песенкн «Кэмпбеллы идут». Фон пришел в такой восторг, что заставил меня повторить этот подвиг еще несколько раз и собственноручно аккомпанировал мне на большом барабане, а один из советников вторил ему на каком-то странном инструменте, который звучал наподобие корабельной сирены. Получалось не слишком мелодично, зато мы очень старались и играли с большим чувством. Потом пришлось повторнть все сначала, потому что Фон пожелал послушать, как это будет звучать со всем оркестром. Прозвучало в общем неплохо, потому что большннство фальшивых звуков, которые я извлекал из моей флейты, совершенно заглушали барабаны.

Когда все музыкальные возможности этой песни былн исчерпаны, Фон послал за новой бутылкой, мы уселись поудобнее и стали глядеть на танцы. Однако бездеятельность вскоре надоела Фону.

Не прошло и часа, как он начал ерзать на своем троне и грозно хмуриться на оркестр. Он наполнил наши стаканы, откинулся на спинку трона и мрачно уставился на танцоров.

— Этот танец, он не хороший,— заявил он наконец.

— Отличный,— возразил я.— Чем он тебе не нравится?

— Очень сильно медленный,— пояснил Фон, наклонился ко мне и обезоруживающе улыбнулся.— Хочешь мы танцевать твой особенный танец?

— Особенный танец?— переспросил я; затуманенная винными парами мысль моя работа медленно.— Какой это танец?

— Раз, два, три, брык! Раз, два, три, брык!— пропел Фон,

— А, вот ты о чем говоришь. Да, давай станцуем его, если хочешь.

— Я очень много хочешь,— твердо сказал Фон.

Он вывел меня на середину и крепко ухватился за мою талию, а все остальные, весело болтая и ухмыляясь от удовольствия, выстроились за нами. Мне хотелось внести в танец хоть немного разнообразия, я взял у кого-то флейту, громко и фальшиво дул в нее, а сам тем временем повел танцоров в какой-то дикой пляске по всей площадке и дальше, среди хижин Фоновых жен. Ночь была очень теплая, и через полчаса такого веселья я совсем задохнулся, с меня ручьями лил пот. Наконец мы остановились отдохнуть и по обыкновению глотнуть подкрепляющего. Однако моя конга явно очень полюбилась Фону. Он сидел на своем троне, глаза у него блестели, ноги отбивали такт, и, отдавшись воспоминаниям, он тихонько мурлыкал мелодию танца и с плохо скрытым нетерпением ждал, пока я отдышусь и можно будет повторить все сначала. Я решил, что надо как-то отвлечь его от этой затеи: в такую душную ночь конга требует слишком больших усилий, а сверх того во время последнего круга я пребольно ударился о дверной косяк и содрал кожу с голени. Поэтому я мысленно поискал, какому бы другому танцу мне его научить, чтобы и сил требовалось поменьше, и оркестр мог быстро усвоить мелодию. Наконец я выбрал подходящий танец, еще раз попросил дать мне флейту и несколько минут на ней поупражнялся. Потом обернулся к Фону, который все время с большим интересом наблюдал за мной.

— Если ты велишь оркестру выучить эту особенную музыку, я научу тебя еще одному европейскому танцу,— сказал я.

— Отлично, отлично,— ответил Фон; глаза его блестели, он повернулся и громко призвал оркестр к молчанию, потом заставил их ходить вокруг нашего возвышения, пока я играл на флейте нужный мотив. Музыканты на удивление быстро подхватили мелодию и даже украсили ее собственными вариациями. Фон в восторге отбивал ногой такт.

— Да, отличный этот музыка,— сказал он.— Теперь ты показать мне новый танец, да?

Я поглядел по сторонам и выбрал молоденькую девчушку, которая, я уже давно это заметил, казалась на редкость смышленой; я прижал ее к себе, насколько позволяли приличия (одежды на ней

практически не было никакой), и пустился по площадке в развеселой польке. Моя партнерша после мгновенного замешательства превосходно подладилась под мой шаг, и мы в лучшем стиле прыгали и скакали по всему «танцевальному залу». Желая показать, как ему нравится новый танец, Фон захлопал в ладоши, и тотчас же все присутствующие присоединились к нему; сперва послышались самые обыкновенные разрозненные хлопки, но ведь это были африканцы! Они быстро вошли в ритм танца, и теперь рукоплескания раздавались точно в такт. Мы с девушкой обошли большую площадку пять раз, и тут нам волей-неволей пришлось остановиться — надо было перевести дух. Когда я подошел к помосту, Фон протянул мне полный до краев стакан виски, а когда я сел — похлопал меня по спине.

— Отличный танец,— сказал он.

Я кивнул и залпом осушил стакан. Не успел я его отставить, как Фон схватил меня за руку и потащил обратно на площадку.

— Пойдем,— горячо попросил он.— Научи меня этот танец.

Обхватив друг друга, мы проплясали польку вокруг площадки, но получилось не так уж хорошо, потому что широкие одежды моего партнера то и дело обвивались вокруг моих ног, и мы внезапно останавливались, как стреноженные. Всякий раз нам приходилось терпеливо стоять и ждать, пока толпа советников нас распутает, а потом мы снова пускались в пляс — раз, два, три, прыг!— и останавливались в противоположном углу, накрепко связанные, точно два столба, обвитые для праздника одной и той же лентой.

В какой-то миг я глянул на часы и с ужасом убедился, что уже три часа ночи. Как ни жаль, а пришлось мне распрощаться с Фоном и отправиться спать. Фон и его подданные проводили меня до большого двора, и там я их оставил. Взобрался на лестницу, оглянулся. При свете мерцающих фонариков все они танцевали польку. В самой середине прыгал и скакал Фон, совсем один, он увидел меня, взмахнул длинной рукой и закричал: «Доброй ночи, друг мой, доброй ночи!» Я помахал в ответ и с наслаждением забрался в постель.

На следующее утро в половине девятого прибыл грузовик, и мы погрузили на него весь мой зверинец. Попрощаться и проводить меня пришло неисчислимое множество бафутян; они начали прибывать ни свет ни заря, а теперь выстроились вдоль дороги и, оживленно переговариваясь, ждали, когда я двинусь в путь. Наконец погрузили последний ящик, и тут барабаны, флейты и трещотки возвестили о том, что прощаться со мной прибыл Фон. Одет он был так же, как в день моего приезда, когда я увидел его впервые,— на нем было белоснежное без всяких украшений одеяние и красная, как вино, шапочка. И сопровождала его наряднейшая свита: советники в ослепительно ярких одеждах. Фон подошел, обнял меня и, не выпуская моей руки, обратился к бафутянам с краткой речью. Когда он замолк, вся толпа дружно закричала «А-а-а!» и дружно, в лад захлопала в ладоши. Фон повернулся ко мне и возвысил голос.

— Мой народ очень много жалеть, что ты покндать Бафут. Все этот людн, они будет помнить тебя н ты тоже не забывать Бафут, да?

— Я никогда не забуду Бафут, — ответнл я от всего сердца, стараясь перекричать громкне рукоплескання.

— Хорошо,— с удовлетвореннем сказал Фон; потом стиснул мою руку в огромной ладонн и тряхнул ее.— Друг мой, я тебя всегда будет видеть перед мой глаза. Я ннкогда не забыть, какой счастливый время мы провестн вместе. Бог дай, ты благополучно доехать до твой страна. Ехать хорошо, друг мой, ехать хорошо.

Грузовик тронулся, и рукоплескания участилнсь, онн звучалн все дробнее и дробнее — вскоре уже казалось, это каплн дождя тороплнво стучат по железной крыше. Мы медленно катили по тряской дороге, вот, наконец, и поворот; тут я оглянулся н увидел, что вдоль всей дороги вытянулнсь две сплошные стены обнаженных темных тел, в воздухе мелькают хлопающне черные рукн, сверкают белозубые улыбки, а в конце этой живой аллен стоит высокнй человек в ослепительно белом одеянин. Вот он поднял длнннную руку, в последннй раз помахал на прощанье, грузовик завернул за угол н покатнл по красной проселочной дороге, которая внлась через золотые, сверкающие под солнцем холмы.

Глава десятая

Зоопарк под брезентом

Собиратель зверей чаще всего узнает нрав н повадкн своих подопечных лишь к концу путешествия, н это всегда очень огорчительно. Поначалу, прнмерно месяца четыре, жнвотные кажутся собнрателю всего лишь «образчиками» своего внда — ведь у него нет времени наблюдать за нимн так вннмательно, чтобы онн наконец обрелн в его глазах какую-то свою индивидуальность. Прежде всего надо позаботиться о том, чтобы как следует разместнть пойманных жнвотных, накормить нх н содержать в чнстоте, а больше уже ннчего не успеваешь, потому что все остальное время всяческн стараешься пополннть свой зверинец. Однако же к концу путешествия зверннец обычно так разрастается, что собнрателю больше некогда самому ходить на охоту — слишком много хлопот с темн животнымн, которых уже поймал. Тут наступает время, когда остается лишь надеяться на местных охотников — может, поймают для тебя еще каких-нибудь новых зверей,— зато теперь ты прн зверинце неотлучно н получаешь возможность получше узнать своих пленников. Именно в таком положеннн н я оказался, когда вернулся нз Бафута. У нас в главном лагере собралнсь не только равнинные жнвотные: пока я охотнлся в горах, Смит неустанно собнрал всяческих животных, населяющих местные леса. Под обширной брезентовой крышей нашей палаткн собралось достаточно самого разнообразного зверья, чтобы создать небольшой зоопарк.

Итак, вернувшись в наш пышущий зноем и насыщенный влагой главный лагерь на берегах реки Кросс, я впервые начал ближе знакомиться с некоторыми из моих равнинных пленников. Взять хотя бы даманов. Пока я не довез их до главного лагеря, мне казалось — они довольно скучные создания и знамениты только своими родичами. На первый взгляд дамана можно принять за обычного грызуна, и это было бы вполне простительно, а если вы увидите, как они жуют листья или гложут сочную кору какого-нибудь дерева, вы, пожалуй, подумаете, что они сродни кроликам. И сильно ошибетесь, потому что ближайший родственник дамана, как ни странно, вовсе не кролик, а слон! Действительно, по строению костей и другим анатомическим особенностям даман ближе всего к слону и носорогу. Услыхав подобные сообщения, люди невольно задумываются: в своем ли уме эти зоологи? Ведь даман примерно так же похож на слона, как слон — на колибри. Однако же родство становится яснее, если повнимательней присмотреться к более сложным особенностям анатомии и строению зубов этого животного. Вот, честно говоря, и все, что я до сих пор знал о дамане.

Когда мы добрались до главного лагеря, старую самку дамана — ту самую, что искусала одного из Гончих Бафута,— и двоих ее толстых детенышей перевели из маленькой клетки, в которой они сюда ехали, в другую, много просторнее; тут они могли свободно бродить и имели даже собственную спальню, куда можно было удалиться, если у них не было настроения общаться с людьми. И вот, наблюдая за их поведением в этой клетке, я заметил несколько особенностей, которых прежде не замечал. Начать с того, что у даманов есть, оказывается, так называемые туалетные навыки; иными словами, они всегда опорожняли свой кишечник в одном и том же углу клетки. До тех пор я и не подозревал, каким облегчением для собирателя животных, который трудится в поте лица, может быть привычка его зверей к опрятности. Как только я понял, что означает аккуратная кучка помета, которую я обнаруживал каждое утро в одном и том же углу, я постарался облегчить себе чистку клетки даманов. Я просто-напросто поставил им в качестве уборной круглую мелкую жестянку. Но, к моей большой досаде, на следующее же утро я увидел, что даманы с презрением отвергли мой дар: они столкнули жестянку в сторону и преспокойно сделали все, что им требовалось, на пол клетки, как обычно. В тот же вечер я опять поставил туда жестянку, но на сей раз положил на дно немного того, что нашел утром на полу. Наутро я с восторгом убедился, что жестянка полна, а пол в клетке безукоризненно чистый. Теперь уж уборка клетки даманов отнимала у меня от силы минут пять: надо было всего лишь опорожнить жестянку, вымыть ее и поставить на место. Да, чистить клетку с даманами стало истинным удовольствием.

Совершенно иными повадками отличаются мешотчатые крысы: эти грызуны величиной с небольшого котенка жили в нашем зверинце по соседству с семейством даманов. Крысы эти принадлежат

к довольно неприятной группе животных, которые не хотят — или не могут?— опорожнять свой кишечник иначе, как в воду, и предпочитают при этом воду проточную. На воле им, вероятно, служат для этой цели ручьи: вода уносит помет, и он удобряет какое-нибудь растение ниже по течению. Однако в клетке я не мог предоставить моим мешотчатым крысам ручей, и пришлось им удовольствоваться кое-чем похуже — горшком с водой. Не так-то приятно ставить в клетку чистенький, симпатичный горшок, наполненный прозрачной, как слеза, водой, и через пять минут увидеть, что он полон жидкого помета. Все это было очень хлопотно — ведь в жару животным необходим постоянный запас свежей питьевой воды, а тут крысы загрязняют ее, не успев напиться. Я очень старался отучить их от злополучной привычки, но все понапрасну; в конце концов пришлось поставить им в качестве уборной большой горшок и давать побольше сочных фруктов в надежде, что фрукты утолят их жажду.

Но вернемся к даманам. В Бафуте я вообразил, что это скучные, недружелюбные животные и всю свою жизнь только тем и занимаются, что сидят и жуют листья, тупо глядя в одну точку стеклянными глазами. В главном же лагере я понял, что сильно ошибался: когда даман приходит в хорошее расположение духа, он способен резвиться, как ягненок. По вечерам, когда клетку заливал солнечный свет, старая самка располагалась на полу клетки, важная, внушительная — ни дать ни взять лев с Трафальгарсквер в Лондоне,— и неторопливо жевала пучок нежнейшего шпината или листьев кассавы, а малыши резвились рядом. Игры у них были дикие и шумные: они гонялись друг за дружкой по всей клетке, а порой, к моему немалому удивлению, взбегали по гладкой деревянной задней стенке до самой крыши, и только оттуда, с самого верха, падали на пол.

Когда им надоедали эти цирковые трюки, они обращали свою дородную мамашу в подобие крепости. Один взбирался ей на спину, а другой кидался на него и пытался его оттуда сбросить. Порой оба сразу оказывались у матери на спине и яростно боролись друг с другом, а мать преспокойно лежала, не шевелясь, задумчиво глядела в пространство и не переставала жевать. Я с удовольствием наблюдал эти игры, одно лишь было досадно: милые детки подчас так увлекались, что резвились до глубокой ночи, особенно если ночь выдавалась лунная. А когда два малыша-дамана носятся по клетке из угла в угол и поднимают такой шум, будто в деннике дерутся молодые жеребцы, уснуть совершенно невозможно. Я садился в постели и самым устрашающим голосом кричал им: «Тише вы!» И, представьте, даманята на полчаса затихали; хорошо, если за это время успеешь заснуть — ведь через полчаса все начиналось сначала: снова стучали по доскам копытца, звенела проволока и раздавался весьма мелодичный звон — это от удара копытцем опрокидывались миски с едой. Да, уж что-что, а скучными даманов никак не назовешь.

И еще один зверек показал себя во всей своей красе, когда мы

приехали в главный лагерь: чериоухая белка, та самая, что подняла такую кутерьму иа лестиице перед виллой в Бафуте. В то время я н не подозревал, что кутерьма на лестинце — лишь малая толика того, иа что способио это неугомоиное существо, если оно в соответствующем расположении духа. Можно было подумать, что любимое развлечение в жизни этой зверюшки — удирать, увлекая за собой вслед толпу преследователей. Бельчонок, как я уже говорил, был совсем еще маленький; попав в мой зверинец, он очеиь скоро стал иа диво ручным. Я брал его в руки, сажал к себе на плечо, и он ничуть ие протестовал: сидел столбиком и исследовал мое ухо в надежде, что я догадался спрятать там для него орех или еще что-нибудь вкусненькое. Если вокруг было ие больше четырех человек, он вел себя в высшей степени достойно, но вид толпы тотчас иаполнял его каким-то дьявольским желанием бежать и увлечь за собой погоню. Вначале я думал, что людская толпа беспокоит и пугает его и он действительно старается удрать. Но скоро убедился, что дело совсем не в этом: если за ним гнались, но ие могли догиать, бельчонок останавливался, усаживался иа задние лапки и дожидался, когда преследователи подойдут поближе. Очеиь забавно, что мы сперва назвали маленького негодника «Любимчик» (за его послушание и хороший характер) и только потом открылось нам все его коварство. Первые гоики Любимчик учинил через три дня после того, как мы приехали в главный лагерь.

Весь наш запас воды для лагеря хранился в двух огромных бензиновых баках, которые стояли возле кухни. Каждый деиь заключенные из местной тюрьмы наполняли их свежей водой. Арестанты оказались веселыми парнями в чистейших белых рубахах и шортах; каждое утро они взбирались вверх по холму к нашему лагерю, неся на своих бритых головах бидоны из-под керосина, доверху полные воды. За ними всегда шагал тюремщик в нарядной светло-коричневой форме, начищенные медиые пуговицы так и сверкали на солнце, а он шел, на ходу энергично размахивал короткой дубинкой и с первого взгляда было ясио: с ним шутки плохи! Арестанты (тут были собраны преступники всяческих рангов, от мелких воришек до убийц) с удовольствием выполняли свою скучиую обязанность и, если с ними поздороваешься, просто сияли от радости. Раз в неделю я раздавал им сигареты, и тюремщик (который в это время выпивал со мной кружку пива) разрешал им походить по лагерю и поглядеть на зверей. Это развлечение, конечно, было приятным разнообразием в их невеселой жизни, и они толпились возле клеток с обезьянами и до слез хохотали над их шалостями или заглядывали в ящик со змеями и содрогались от сладкого ужаса.

В то утро, о котором я хочу вам рассказать, я шел кормить Любимчика, и тут появились арестанты. Они вереницей проходили мимо меня, иа блестящих от пота лицах играла дружелюбная улыбка, и каждый добродушно говорил: «Здравствуй, маса; мы уже прийти... мы принести вода для маса... Привет, маса...» и про-

чее в том же роде. Тюремщик с четкостью бывалого служаки мне откозырял и тут же совсем по-мальчишески ухмыльнулся. Пока они выливали воду из керосиновых бидонов в баки, я вынул бельчонка из клетки, посадил его к себе на ладонь и дал кусочек сахару. Он схватил сахар, поглядел вокруг и увидел возле кухни группу арестантов; они сплетничали с моими помощниками и отпускали непристойные шуточки. Бельчонок убедился, что людей хватает, можно устроить гонку в свое удовольствие... и он покрепче зажал в зубах сахар, легко соскочил с моей ладони и большими прыжками помчался по лагерю, а хвост развевался у него за спиной,как пламя на ветру. Я кинулся вдогонку, но не успел пробежать и десятка шагов, как Любимчик уже скрылся в густых кустах, окаймлявших наш лагерь. Все кончено, решил я: больше мне его не видать, и так отчаянно закричал, что люди переполошились и со всех ног бросились ко мне.

— Белка убежала!— заорал я арестантам.— Плачу пять шиллингов всякому, кто ее поймает!

И тут произошло такое, чего я никак не ожидал: арестанты побросали свои керосиновые бидоны и ринулись в кусты, а за ними по пятам, отшвырнув дубинку и фуражку, чтобы ничто не мешало ему бежать, помчался их страж. Мои помощники присоединились к погоне, и вся орава с треском лезла напролом сквозь кусты и низкий подлесок в поисках коварного Любимчика. Все пространство вокруг лагеря прочесали самым тщательным образом, но нигде не приметили никаких следов бельчонка...

И вдруг его нашли: он сидел в ветвях невысокого куста, с интересом поглядывал, как люди суетятся и шарят вокруг, и преспокойно приканчивал свой сахар. Увидев, что его заметили, он спрыгнул на землю, пробежал через весь лагерь и дальше, на тропинку, что взбиралась на холм, а следом мчалась задыхающаяся толпа: тюремщик, арестанты и мои помощники. Скоро все они скрылись из виду, и на лагерь снизошли мир и покой, но ненадолго: через несколько минут Любимчик вновь появился на гребне холма, прискакал в лагерь, пролетел через палатку, забрался в свою клетку и с невинным видом принялся грызть сахарный тростник. Полчаса спустя в лагерь ввалились арестанты, их страж и мои служащие, все в поту, еле волоча ноги от усталости, и доложили мне, что добыча от них все-таки удрала и теперь, конечно, скрывается уже в самой чаще леса. Когда я показал им бельчонка (он уже доел свой сахарный тростник и теперь мирно спал) и рассказал, как он вернулся, все пораскрывали рты и с минуту не могли опомниться от изумления. А потом, как истые сыны Африки, они в полной мере оценили комизм происшедшего: они буквально катались от смеха по всему лагерю, заливались громким хохотом, хлопали себя по бедрам, хохотали так, что даже слезы струились по щекам. Тюремщик до того развеселился, что упал на шею одному из арестантов и громко всхлипывал от смеха.

После этого тюремщик и арестанты каждый день приносили какую-нибудь дань зверьку, который заставил их так быстро бе-

жать и «так ловко их одурачить»: иногда это был кусочек сахарного тростника или пригоршня земляных орехов, иногда кассава или кусок хлеба. Что бы это ни было, Любимчик садился у самых прутьев клетки и принимал дары, взвизгивая от удовольствия, арестанты же собирались вокруг клетки и рассказывали друг другу или какому-нибудь новичку, который про это еще не слыхал, историю о том, как они гнались за бельчонком. Тут подымался громкий смех и Любимчика превозносили на все лады: вот хитрец, вот ловкач, как он здорово всех провел! И это был только первый из многих случаев, когда Любимчик поднимал страшный переполох в нашем лагере.

Из множества разнообразных животных, которых нам приносили, пока мы оставались в нашем главном лагере, примерно одну пятую составляли детеныши, и, хотя почти все они были очаровательные создания, нам из-за них прибавлялось немало хлопот — ведь в животном мире младенцы требуют такого же ухода и заботы, как и любой человеческий детеныш. Мы очень привязались ко всей этой мелюзге, но особенно хороши были и в то же время больше всех досаждали нам трое малышей, которых мы назвали «бандитами». Это были детеныши кузиманзы, одной из виверр, довольно распространенной в лесах. Взрослая особь величиной примерно с крупную морскую свинку; шерсть у нее густая, жесткая, шоколадного цвета, хвост пушистый, мордочка длинная, острая, с подвижным розовым носом и круглыми выпуклыми глазами, точно пуговицы от башмаков. Когда «бандиты» к нам прибыли, они были величиной с небольшую крысу и глаза у них только-только открылись. Шерстка была яркой, рыжеватой и торчала у них на теле какими-то клочками и пучками, так что зверьки напоминали дикобразов. Самой примечательной частью тела у них были носы — длинные, ярко-розовые и до того гибкие, что зверьки поводили ими из стороны в сторону, точно крохотным хоботом. Вначале пришлось их кормить смесью молока с кальцием и рыбьим жиром, и работа эта была не из легких: ни один звереныш любого другого вида не выпивал так много молока, и напоить их было тем труднее, что они были чересчур малы, чтобы, как все остальные, сосать молоко из бутылочки. Поэтому приходилось наматывать на палочку ватный тампон, окунать его в молоко и давать им сосать.

Сначала все шло как нельзя лучше, но едва у них стали прорезываться острые зубки, как начались новые заботы. От жадности они вцеплялись в вату бульдожьей хваткой и уже не выпускали, так что я не мог снова окунуть тампон в молоко. Нередко они так впивались в вату зубами, что тампон сползал с палочки и они тут же пытались его проглотить; приходилось засовывать палец им в горло и ловить тампон, когда он уже исчезал в глубине их глотки — только так мне удавалось спасти их и не дать им задохнуться. Но едва я засовывал палец им в горло, зверьков немедленно начинало тошнить, а как только их вырвет, они, понятно, снова голодны — и изволь начинать все сначала. Всякому, кто гордится своим долго-

терпеньем, я бы посоветовал испытать себя: попробуйте-ка выкормить из бутылочки детенышей кузиманзы.

Когда у «бандитов» окончательно прорезались зубы и они научились хорошо ходить, их одолела ненасытная любознательность — вечно они пытались сунуть свой розовый нос в чужие дела. Жили они в так называемой «детской» — это было скопление корзинок, где мы собрали всех детенышей. Корзинки стояли между нашими двумя кроватями, так что и ночью кормить всех младенцев было очень удобно. Крышка корзинки, в которой обитали наши «бандиты», закрывалась не слишком плотно, и они очень скоро наловчились ее сталкивать; тогда они выбирались из корзинки и отправлялись осматривать лагерь. Нас это очень тревожило, потому что «бандиты» совершенно не знали страха и с одинаковой беспечностью могли сунуть нос куда угодно: в клетку обезьяны и в ящик со змеями. У них была в жизни одна-единственная забота — поиски пищи, и они кусали все, что встречалось на пути: вдруг попадется что-нибудь вкусненькое!

В то время у нас была обезьяна гвереца, взрослая самка с удивительно длинной, густой и шелковистой черно-белой шерстью и длинным, пушистым, как перо, тоже черно-белым хвостом, которым обезьяна, по-видимому, очень гордилась: она всегда старалась содержать его в чистоте и вылизывала до блеска. Однажды «бандиты» убежали из «детской» и забрели к обезьяньим клеткам — не найдется ли там чем полакомиться. Гвереца с удобством расселась, привалившись к стенке,— она принимала солнечную ванну, а ее прекрасный длинный хвост высунулся меж прутьев и свисал до земли. Один из «бандитов» приметил нечто странное, пестрое и, видно, вообразил, что оно никому не принадлежит, а существует само по себе, и потому кинулся на хвост и запустил в него острые зубы, чтобы проверить — не съедобна ли находка. Остальные двое увидели, что он что-то нашел, и мигом тоже вцепились в хвост. Несчастная обезьяна громко закричала от ярости и страха и метнулась вверх по прутьям клетки под самый потолок, но стряхнуть «бандитов» ей не удалось; они держались цепко — не оторвешь, и чем выше влезала обезьяна, тем выше поднимались с ней «бандиты». Когда я прибежал на крик обезьяны, зверьки висели в футе от пола, медленно раскачивались и рычали сквозь стиснутые зубы. Я несколько минут всячески убеждал их выпустить обезьяний хвост, но это мне удалось только после того, как я пустил дым от сигареты прямо им в нос и они закашлялись.

Когда «бандиты» подросли настолько, что получили собственную клетку со спальней, кормить их стало не только трудной, но и опасной работой. Едва наступало время еды, они начинали отчаянно волноваться и запускали зубы во все, что могло хоть отдаленно показаться съедобным, так что тут приходилось смотреть в оба, а не то они все руки искусают. Каждый здравомыслящий зверь ждет, когда миску с едой поставят ему в клетку; эти же прыгали в отворенную дверцу навстречу миске, выбивали ее у меня из рук и всей кучей валились на пол, отчаянно визжа от ярости и разочарования.

Под конец мне надоело смотреть, как эти рыжие ракеты вылетают из клетки всякий раз, едва я соберусь их кормить, и я придумал новый план. Во время кормежки мы подходили к клетке вдвоем и «бандиты» мгновенно кидались на прутья с громким визгом, глаза у них просто вылезали из орбит от волнения. Тогда один из нас делал вид, что открывает дверцу «спальни», и «бандиты», уверенные, что пищу кладут туда, кидались в «спальню», причем все отчаянно дрались и каждый старался прорваться туда первым. Пока они наперебой протискивались в «спальню», у нас было на все про все ровно две секунды (они мигом обнаруживали обман) — и за это время надо было успеть открыть дверцу клетки, поставить туда еду, вытащить руку и запереть дверцу. Если я проделывал это недостаточно быстро или каким-либо неосторожным движением что-нибудь задевал и случайным звуком привлекал их внимание, «бандиты» вываливались из «спальни», с визгом и писком переворачивали миску и начинали кусать без разбора все подряд — и еду, и мою руку. Все это порядком действовало на нервы.

Примерно в то же время нам принесли еще пару детенышей — прелестных и очень своеобразных. Это были поросята кистеухой свиньи, и, так же как кузиманзы, они совсем не походили на своих родителей. Взрослая кистеухая свинья, пожалуй, самый привлекательный и, несомненно, самый красочный по расцветке представитель семейства свиней. Щетина у нее яркая, ржаво-оранжевая, а вокруг пятачка темные, почти шоколадные крапинки. Большие уши оканчиваются необыкновенными, острыми, точно карандаши, пучками белейших волосков, а на спине торчком стоит такая же белая грива. Два малыша, как и все поросята, были полосатые; основной цвет темно-коричневый, почти черный, а от пятачка к хвосту тянутся широкие полосы ярко-желтой, как горчица, щетины; такая расцветка делала их похожими скорее на толстых ос, чем на поросят.

Поросенок-самец прибыл первым, он сиротливо сидел в корзинке, которую принес на голове темнокожий охотник. Поросенок явно нуждался в хорошей порции теплого молока, и я, как только расплатился за него с охотником, поскорей приготовил бутылочку и посадил малыша к себе на колени. Поросенок был величиной с китайского мопса и, как я очень скоро убедился, обладал преострыми копытцами и клыками. Он никогда еще не видал бутылочки с молоком и сразу же отнесся к ней весьма подозрительно. Когда я поднял его к себе на колени и попробовал засунуть соску ему в рот, он стал лягаться и визжать, разорвал мне копытцами брюки и старался вонзить в меня крохотные клыки. Не прошло и пяти минут, как у нас обоих был такой вид, точно мы приняли молочную ванну, но ни одной капли молока так и не попало поросенку в рот. Под конец мне пришлось зажать его между колен, одной рукой раскрыть ему рот, а другой сунуть туда соску. Едва первые капли потекли ему в горло, поросенок перестал вырываться и визжать, а через минуту уже изо всех сил тянул из бутылочки молоко. После этого с ним больше не было никаких хлопот; дня через два он совсем перестал меня бояться и, как только я подходил к его клетке, под-

бегал к прутьям, повизгивал и похрюкивал от радости, потом перекатывался на спину и подставлял мне толстое брюшко, чтобы я его почесал.

Второго поросенка — самочку — принесли в лагерь через неделю после первого, и по дороге она так громко выражала свое негодование, что мы услыхали ее задолго до того, как увидели охотника. Она была почти вдвое крупнее самца, и я решил на первых порах поместить их в разные клетки, чтобы она не забила малыша. Но когда я посадил ее в соседнюю с ним клетку, оба они так обрадовались друг другу, так кидались к разделявшим их прутьям, так визжали и терлись пятачками, что я передумал: их вполне можно было сразу посадить вместе. Когда они оказались в одной клетке, маленький самец подбежал к самке, громко втягивая носом воздух, и осторожно толкнул ее в бок; она фыркнула и отскочила в другой конец клетки. Он погнался за ней, и они вместе долго носились по клетке — кружили, петляли, круто поворачивали, изгибаясь и вертясь с проворством, поистине удивительным для таких дородных животных. Наконец поросята набегались досыта, излив таким образом переполнявший их восторг, глубоко зарылись в приготовленную для них груду сухих банановых листьев и заснули. Спали они с таким храпом, точно гудел пчелиный рой в летнюю ночь.

Свинка была много старше и скоро научилась заедать молоко мелко нарубленными овощами и фруктами. Я давал им по бутылочке молока, а потом ставил в клетку неглубокую миску, наполненную этой смесью, и свинка проводила целое утро, зарывшись в еду носом, удовлетворенно чавкала, похрюкивала, посапывала, а порой мечтательно вздыхала. Малыш не понимал, чем она так занята, но его очень оскорбляло, что им пренебрегают; он подходил и толкал ее пятачком или покусывал за ноги. Под конец это ей надоедало, она набрасывалась на него с яростным хрюканьем и отгоняла подальше. Поросенок не раз пытался выяснить, что же именно так привлекает ее в этой миске, но рубленые фрукты его ничуть не волновали, и он мрачно отходил и сидел в углу, одинокий и несчастный, пока она не расправлялась со всей едой. Но однажды он решил, что и ему неплохо бы поесть чего-нибудь еще, и просто-напросто начал сосать длинный хвост подружки. Он, видно, вообразил, что, если сосать достаточно долго и не жалеть усилий, можно в конце концов и из этой соски извлечь молоко. С тех пор мне не раз приходилось любоваться такой картиной: свинка зарылась носом в миску с едой, а сзади поросенок с надеждой сосет ее хвост. Ее это ничуть не беспокоило, но он сосал так старательно, что хвост у свинки вскоре облысел, и мне пришлось развести их по разным клеткам, чтобы на хвосте вновь отросла щетина; я пускал их друг к другу только дважды в день — пусть хоть немного поиграют и повеселятся.

Скучать в лагере не приходилось: ведь надо было присматривать за полусотней животных. Со всех сторон нас окружала живность всевозможных видов и размеров — от древесных лягушек до сов и от питонов до обезьян. Во всякое время дня и ночи в воздухе гудел неумолчный разноголосый хор, в нем сливались

негромкое бормотанье и самые странные звуки, от безумных вскрнков и хихиканья шимпанзе до нескончаемого скрнпа мешотчатой крысы, которая была убеждена, что наперекор всему на свете она под конец сумеет прогрызть жестяную мнску, в которой ей дают еду. В любое время дня можно было найти себе какую-то работу нлн подметить и записать какое-то новое наблюдение. Ниже я привожу выдержки нз моего дневннка за неделю; из них ясно, какое изобилие мелких, но волнующнх или просто занятных случаев, которые стоит отметить, мы там наблюдали.

«Глаза молоденькой самочки белкн Стейнджера изменили свой цвет: были очень красивые небесно-голубые, а стали серыми, как сталь; еслн потревожить белку ночью, она издает звуки, напоминающие стук заводного нгрушечного поезда, когда его снимают с рельсов... Одна из древесных гадюк пронзвела на свет одиннадцать змеенышей: онн длиной около пятн дюймов, на голубовато-сером фоне пересекаются темные, пепельно-серые полоски — по расцветке дети разительно не похожн на ярко-зеленую с белым мамашу, когда им было всего часа два от роду, они все злобно напали на подставленную палку... Большне зеленые древесные лягушкн перед самым дождем медленно тнкают, как часы, но стоит подойтн к клетке, как они умолкают и больше уже не тикают до следующего дождя... Я обнаружил, что галаго любят цветы тнпа ноготков, которые растут в здешних местах; онн держат цветок в одной руке, а другой обрывают лепестки и засовывают их в рот, а потом играют остатками цветка, как в волан; огромные глаза вытаращены и вид ужасно смешной...

Заметки о кормлении. Золотистая кошка обожает рубленые мозги и печенку, смешанные с сырым яйцом: подумать только, какие у иных зверей невероятные вкусы! А панголины нн за что не станут есть смесь молока с яйцом, если ее подсластить, онн тогда просто перевернут миску — очень непрнятно! Крыланы предпочитают неочищенные бананы: они съедают банан целиком, а кожура, видимо, предохраняет нх от поноса. От перезрелых фруктов у обезьян начинается отчаянное расстройство желудка, особенно у шимпанзе — просто ужас! А крыланы съедят, и с большим удовольствием, фрукты, уже совсем загнившие (лишь бы с кожурой), и никакого вреда им от этого не будет. У болотных мангуст обилие козлятины неизвестно почему вызывает геморрой; теплым рыбьнм жиром и очень легким нажатием нетрудно сразу поправить дело, но животное те-

ряет много сил, и тут помогает капля виски на столовую ложку воды!»

Вот из таких мелочей и состояла жизнь в главном лагере, но нас эти мелочи бесконечно занимали, и дни были так наполнены, так красочны и богаты всевозможными происшествиями, что пролетали незаметно. Поэтому, когда один приятный, но не очень-то умный молодой человек, которому мы показали наш зверинец, сказал мне: «Неужели вы ни разу не стукнули хоть одну обезьяну по башке? По-моему, вот так, с утра до ночи не отходить от этого зверья — с тоски подохнешь», — я ответил ему весьма нелюбезно.

Глава одиннадцатая

Лес летающих мышей

Когда я вернулся с гор в наш лагерь на реке Кросс, в моем зверинце оставался только один существенный пробел. Этот пробел для меня был особенно огорчителен, потому что не хватало крохотного зверька, которого мне хотелось поймать в Камеруне больше, чем любого другого. Английское название этого зверька — карликовая соня-летяга, а зоологи по своей привычке к легкомыслию и фамильярности называют его Idiurus kivuensis. Еще в Англии я без конца просиживал над рисунками и музейными чучелами этого зверька, а с тех пор как приехал в Африку, я только о нем и говорил, и даже все мои помощники давно поняли, что соня-летяга — это добыча, которую я ценю превыше всего.

Я знал, что соня-летяга — сугубо ночное животное; кроме того, она величиной с маленькую мышку и потому вряд ли кто из охотников ее когда-либо видел. И я оказался прав: ни один из них не узнал рисунка. Об этом зверьке написано очень немного, мне только удалось выяснить, что они живут колониями в дуплах деревьев, причем выбирают самые глухие, труднодоступные части леса. Я рассказал все это охотникам в смутной надежде, что это их подстегнет и они поищут для меня желанную добычу. Но ничего не вышло: африканцы ни за что не станут охотиться за животным, которого они никогда не видели, по той простой причине, что они не уверены — есть ли на свете такой зверь, а значит, охотиться за ним — пустая трата времени. С такой же трудностью я столкнулся, когда искал волосатую лягушку, и потому теперь ясно понимал, что все мои рассказы о «маленькой-маленькой крысе, которая летает с дерева на дерево, как птица» с самого начала обречены на неудачу. Одно ясно: если я хочу приобрести соню-летягу, придется идти на охоту самому, и притом побыстрее — ведь времени остается в обрез. Я решил сделать своей штаб-квартирой для охоты на этого зверька деревню Эшоби; она лежала в двенадцати часах ходьбы от нашего главного лагеря, в глубине леса, и я хорошо знал ее обитателей, потому что бывал там во время моего предыдущего приезда в Камерун. Конечно, охотиться на зверька величиной с

мышь, в самом сердце леса, который тяиется на сотни миль, ничуть не проще, чем искать пресловутую иголку в стоге сена, но ведь как раз такие каверзиые задачи и делают профессию зверолова необыкновенно увлекательной. Надежда иа успех была очень невелика — пожалуй, один шаис из тысячи, — но я бодро углубился в лес.

Дорогу в Эшоби может оценить по достониству разве только какой-нибудь претендент на звание святого, который жаждет истязать свою плоть. Больше всего она иапоминает высохшее русло реки, хотя по такому пути ии одна уважающая себя река ие потечет. Самыми сумасшедшими зигзагами пробирается эта дорога между деревьями, кое-где низвергается по крутому склону в долину, пересекает небольшую речушку и снова взбирается вверх иа противоположном берегу. На тех склоиах, где дорога идет вниз, всегда свободно катятся камии — огромные и поменьше, и потому спускаешься вниз гораздо быстрей, чем хотелось бы. Когда же она иачинает опять подниматься вверх на противоположной стороне долины, выясняется, что камни здесь зиачительно крупней и лежат почти как ступеиьки. Одиако это коварный обман, кажется, будто сама природа положила каждый камень так хитро, что ступить с него на следующий совершенио невозможио. Все онн покрыты сплошным ковром густого зелеиого мха, поросли дикими бегоииями н папоротником, так что перед тем, как перепрыгнешь с камня на камень, никак иельзя предвидеть, что же окажется у тебя под иогами: ровная плоскость или что-ибудь совсем неподходящее, на чем иикак не устоять.

Такая дорога тянулась мнлн три, а потом мы пыхтя выкарабкались со дна глубокой долины — и оказалось, что лес тут ровный и наша тропка совсем гладкая, ничуть не хуже автомобнльного шоссе. Оиа вилась и изгибалась между нсполинскими деревьями, и по пути там и сям в листве иад иами сквозил просвет, куда проникали солиечные лучи. На этих солнечных прогалинах сидели полчища бабочек, отогреваясь после прохладной ночной росы. Когда мы подходили, оии взвивались в воздух и летали вокруг нас — то ныряли чуть не до земли, то взмывали вверх, махали крыльями, кружили, словио опьяиев от солица. Были тут бабочки совсем крохотные, белые и хрупкие, как снежиики, а были и огромные, неуклюжие, у которых крылья сверкали, точно начищеиная медь, и еще всякие, разукрашениые черным, зеленым, красным и желтым. Едва мы проходили дальше, как они вновь устраивались на солнышке и превесело там сидели, время от времени раскрывая и складывая крылья. Этот балет бабочек всегда можно увидеть на дороге в Эшоби; кроме того, бабочки — едииственные живые существа, которых там можно увидеть, потому что лесные чащи вовсе ие обязательио скрывают в своих глубииах опасных хищников, хотя некоторые киги очеиь стараются иас в этом убедить.

Мы шли по тропке примерио часа три, изредка останавливаясь, чтобы вспотевшие носильщики могли опустить свою иошу на землю и иемного отдохиуть. Наконец тропка свериула в сторону, за

поворотом лес кончился, и мы очутились на главной и единственной улице деревни Эшоби. Залаяли собаки, с криком бросились врассыпную от нас куры, маленький ребенок поднялся из дорожной пыли, где он играл, и с воплем кинулся в ближайшую хижину. И вдруг точно из-под земли на дороге возникла шумная толпа: нас окружили мужчины и мальчишки, женщины всех возрастов — все они улыбались, хлопали в ладоши и старались протиснуться вперед, чтобы пожать мне руку.

— Рады тебе, маса, рады тебе!

— Так ты приехать, маса!

— Здравствуй, маса, привет тебе!

— А-а-а! А-а-а! Маса, ты опять приехать в Эшоби!

И эта дружелюбная болтливая толпа проводила меня по всей улице, точно я был членом королевской семьи. Кто-то кинулся за стулом, и меня торжественно усадили, а все жители деревни стояли вокруг, сияли улыбками и весело кричали: «Рады, рады тебе», по временам от избытка чувств хлопая в ладоши или в знак восторга щелкая пальцами.

Когда появились мои носильщики и повар, я все еще приветствовал старых друзей и расспрашивал об их детях и родственниках. Потом начался долгий спор насчет того, куда меня поместить, и наконец все решили, что столь почетному гостю подойдет в их деревне только одно место — недавно выстроенный танцевальный зал. Это была очень просторная круглая хижина, пол в ней был гладкий, как паркет, — его отшлифовали сотни ног, которые по нему скользили и топали. Поспешно унесли из хижины барабаны, флейты и трещотки, подмели пол, и вот я уже устроен.

Я основательно подкрепился, и тут ко мне снова сошлись все обитатели деревни: им не терпелось узнать, зачем я приехал на этот раз. Я пространно объяснил, что на сей раз останусь у них ненадолго и что мне надо поймать только одного зверька: тут я стал подробно описывать соню-летягу. Я показал им изображение зверька, они передавали его из рук в руки, но каждый качал головой и с сожалением признавался, что никогда такого не видал. Сердце у меня упало. Однако же я выбрал троих охотников, которые помогали мне в прошлый раз, и велел им сейчас же идти в лес, отыскать там как можно больше деревьев с дуплами и все их пометить. На другой день всем троим надо вернуться в деревню, они расскажут мне о своих успехах и отведут к тем дуплам, какие им удастся найти. Потом я спросил, умеет ли кто из присутствующих лазать по деревьям. Поднялось с десяток рук. Но это оказались очень странные любители лазать по деревьям, и я с сомнением их оглядел.

— Вы можете влезть на дерево? — спросил я.

— Да, сэр, можете, — хором ответили они, ни на секунду не задумавшись.

— А на это высокое дерево влезете? — спросил я и указал на огромное дерево, что высилось на краю деревни.

Мгновенно ряды добровольцев стали уменьшаться, и наконец

остался только один, который все еще не опускал руку.

— Ты можешь влезть вон на то большое дерево?— повторил я, думая, что он меня не расслышал.

— Да, сэр, — ответил тот.

— Верно?

— Да, сэр, я можешь влезть. И еще больше тоже можешь влезть.

— Хорошо. Тогда ты завтра пойдешь со мной на охоту. Слышишь?

— Да, сэр, — ухмыльнулся доброволец.

— А как тебя зовут?

— Питер, сэр.

— Отлично. Приходи завтра рано-рано утром.

Охотники и другие жители деревни разошлись, я распаковал свое снаряжение и приготовился к завтрашнему походу. В тот же вечер вся деревня вновь сошлась к моей хижине, и все молча, стараясь не мешать, глядели, как я принимал ванну. Это было им вовсе не трудно, ибо в стенах танцевального зала с избытком хватало окон и просто щелей. За мной наблюдали человек пятьдесят, а я намылился и с удовольствием распевал песенку, вовсе не подозревая, что на меня кто-то смотрит. Впрочем, когда я это понял, меня это ничуть не обеспокоило — я не страдаю излишней стыдливостью; лишь бы только зрители (половину их составляли женщины) молчали и не отпускали непристойных шуточек, а так — пусть глядят! Однако в эту минуту появился Джейкоб и был до глубины души потрясен возмутительным любопытством эшобийцев. Он схватил палку, яростно набросился на них, и зеваки с криком и визгом кинулись удирать во все лопатки. Отогнав их подальше, Джейкоб вернулся; он никак не мог отдышаться и все еще кипел благородным негодованием. Вскоре я обнаружил, что он не заметил еще двоих, их любопытные черные физиономии торчали в одном из окон. Я позвал Джейкоба.

— Смотри, Джейкоб, — сказал я, махнув намыленной рукой на окно. — Они вернулись!

Джейкоб вгляделся в лица за окном.

— Нет, сэр, — возразил он совершенно серьезно. — Это мой друг.

Я понял его так: деревенские жители не смеют осквернять меня своими взглядами, но личных друзей Джейкоба это не касается. И только позднее я узнал, что Джейкоб еще и делец: разогнав толпу зрителей, он тут же объявил, что тем, кто заплатил ему пенни за удовольствие смотреть, как я моюсь, он разрешит вернуться. Особенно бойко шла его торговля среди младших обитателей деревни: многие из них никогда еще не видели европейца и сразу стали заключать между собой всевозможные пари насчет того, все ли тело у меня белое.

Назавтра ни свет ни заря ко мне явились мои охотники и тот, кто вызвался влезть на любое дерево. Оказалось, что охотники нашли и отметили около тридцати деревьев с дуплами в разных

уголках леса. Деревья эти, однако, находились так далеко одно от другого, что обойти их за один день явно было невозможно, и я решил пойти сначала к самым дальним, а на обратном пути постепенно осмотреть и остальные.

Тропа, по которой мы тронулись в путь, была обычной лесной тропой, дюймов восемнадцати в ширину; она вилась и изгибалась меж деревьев, точно издыхающая змея. Вначале она вела вверх по необычайно крутому склону холма, среди громадных камней; каждый камень увенчан был островком папоротников и мха, и в зелени крохотными розовыми звездочками сияли цветы какого-то растеньица вроде первоцвета.Там и сям с деревьев кольцами спускались огромные лианы и ложились поперек нашей тропы странными узорами, извиваясь и петляя, словно исполинские питоны. На вершине этого крутого подъема земля под ногами стала ровной и плоской, и тропа спокойно повела нас меж стволами огромных деревьев. В лесу было прохладно и сумрачно: свет проникал сюда сквозь густое кружево листвы, и казалось — он пронизывает воду, идешь точно по дну реки. А лес этот вовсе не путаная, непроходимая чаща кустарника, о которой часто приходится читать: тут исполинские стволы деревьев, точно колонны, отстоят довольно далеко друг от друга, а между ними растет лишь редкий подлесок; тоненькие молодые деревца и низкорослые растения словно прячутся в полумраке. Мы шли все дальше и дальше по чуть заметной тропке, прошли мили четыре, и тут один из охотников остановился и со звоном всадил свой длинный нож в ствол громадного дерева.

— Вот этот дерево, он иметь дыра внутри, сэр, — объявил он.

У самого подножия дерева мы увидели щель шириной около двух футов, она шла вверх фута на три; я нагнулся и сунул голову внутрь, потом вывернулся так, чтобы взглянуть вверх по стволу. Но если там и было еще одно отверстие, его закрывал от моих глаз какой-то изгиб ствола, потому что свет сверху не проникал. Я изо всех сил втянул в себя воздух, но никаких запахов не уловил, пахло только гнилым деревом. На самом дне дупла мы нашли всего лишь немного помета летучих мышей и сухие оболочки различных насекомых. Дерево как будто не обещало ничего интересного, но я подумал, может, все-таки стоит окурить и поглядеть, что там есть внутри.

Окуривать большое дерево, когда делаешь это редко,— занятие весьма волнующее. Пока я искал соню-летягу, волнение несколько притупилось, но это просто потому, что нам приходилось окуривать по многу деревьев в день и большинство их не дало ничего интересного. Окуривать дерево—своего рода искусство и требует большого опыта, прежде чем научишься делать это как следует. Сначала надо найти дерево и убедиться, что ствол у него и вправду полый до самой верхушки; потом надо внимательно его осмотреть, проверить, нет ли выше по стволу отверстий, через которые добыча может ускользнуть, и если есть, послать охотника закрыть их сетями. После этого прикрываешь сетью главное отверстие у самого подножия дерева, но тут надо проследить, чтобы сеть не мешала окури-

ванию и в то же время задержала бы любого беглеца. Очень важио убедиться, что сеть расставлена достаточио надежио: уж очень досадио видеть, как оиа вдруг падает и тебя же запутывает в складках в ту самую миниуту, когда из дупла иачинает вылезать или вылетать «добыча».

Когда все сети уже иа местах, остается еще одиа трудиая задача: огонь. В противовес известиой поговорке иужио добиться только дыма и иикакого огия, ие то все животиые попросту изжарятся. Виачале у отверстня складывают маленькую кучку сухих веток, потом обливают ее керосином и поджнгают. Едва огонь разгорится как следует, на костер надо положить пригоршню зелеиых листьев и иепрерывио их подкладывать. Зелеиые листья, сгорая, ие дают никакого огия, зато вволю густого вонючего дыма, который тотчас всасывается в полый ствол дерева. Теперь иадо позаботнться о том, чтобы дыма оказалось не слишком много, не то все живое внутрн дерева просто задохнется, не успев выскочить иаружу. Вся соль в том, чтобы не зажарить н ие удушить «добычу», а суметь найти золотую середииу. Когда костер уже горит и огонь заглушен зелеными лнстьями, миниуты через три (смотря по величине дерева) дым проникает в каждую щелочку и закоулок дупла, и вся живиость иачииает выбираться иаружу.

Мы окурили иаше первое дерево — оттуда вылетелн крупные возмущеиные мотылькн н иичего больше. Мы собрали сетн, погасили костер и двинулнсь дальше. Следующеё дерево, которое пометили охотники, росло в полумнле от первого; мы добрались до иего и повторилн все сначала. На этот раз мы кое-чего достигли: летяг в дупле ие оказалось, но кое-какая живиость все-таки иашлась; первым иаружу выскочнл маленькнй геккои, красиво разрисоваииый шоколадными н пепельно-серыми полосами. Этих маленьких ящериц полиым-полио в глубине леса, и двух-трех всегда можио застать в дупле любого дерева, когда его окуриваешь. По пятам за ящерицей вылезли еще три зверька, которые в ту миииуту, как оии поспешио выползли из клубов дыма, иапомииали большие коричневые сосиски с каемкой шевелящихся ножек по бокам: это былн гнгаитскне многоножкн — большне, глупые и совершеино безвредные существа, которых в этнх лесах великое множество. Дупло гиилого дерева — их излюбленная квартира, потому что оии питаются гиилушками. Ясио, больше тут иичего жнвого не иайти. Мы свернули сетн, погасилн костер и пошлн дальше. Третье дерево оказалось совсем пустым, следующне три — тоже. Из седьмого вылетела стайка летучих мышей, и все они вырвалнсь нз отверстня иа верхушке ствола как раз в ту минуту, когда Питер начал карабкаться на дерево.

Очень трудоемкий процесс — расставить сети, окурить дерево, снять сети и двинуться к следующему дереву—нам пришлось в тот день повторить пятнадцать раз; поэтому к вечеру все мы валились с ног, болели бесчисленые порезы и царапины, в горле першило оттого, что мы наглоталнсь дыма. Настроение у нас было самое мрачное: такая незадача — мало того, что ие поймалн ии одиой сони-

летяги, но и никакой другой, хоть сколько-нибудь стоящей добычи. Когда мы подошли к последнему за этот день дереву — больше мы бы не успели окурить дотемна, — я уже настолько вымотался, что мне, право, было все равно: найдется тут соня-летяга или нет. Я присел на корточки, закурил сигарету и смотрел, как охотники приготовляют все, что надо. Окурили мы это дерево, и из дупла вообще ничего не показалось. Охотники поглядели на меня.

— Снимайте сети, мы идем обратно в Эшоби,— устало сказал я.

Джейкоб деловито начал снимать сеть, обернутую вокруг ствола, но вдруг замер и всмотрелся в дупло — там что-то лежало. Он нагнулся, подобрал животное и подошел ко мне.

— Маса надо такой добыча? — неуверенно спросил он.

Я глянул — и сердце у меня так и подпрыгнуло: за длинный пушистый хвост Джейкоб держал летягу, глаза у зверька были закрыты, бока тяжело вздымались. Джейкоб вложил его — весь он был с мышку величиной — в мои подставленные ладони, и я вгляделся: зверек был без сознания, видно, почти совсем задохся в дыму.

— Скорей, скорей, Джейкоб! — в страхе закричал я. — Принеси маленький ящичек. Нет, нет, не этот, покрепче... Теперь положи туда небольшой листок... небольшой листок, дурень ты этакий, а не целый куст... Ну вот, правильно.

Я почтительно положил зверька в ящик и еще раз оглядел. Бедняга лежал обмякший и, видно, все еще был без сознания; дышал тяжело, с трудом, крохотные розовые лапки подергивались. Казалось, он при последнем издыхании; я схватил огромный пучок листьев и стал отчаянно размахивать ими над его головой. Добрых четверть часа я таким своеобразным способом делал ему искусственное дыхание, и, к моему восторгу, зверек стал понемногу приходить в себя. Открыл затуманенные глаза, перевернулся на живот и так и остался лежать, жалкий, несчастный. Я еще немного помахал над ним листьями, потом осторожно закрыл крышку ящика.

Пока я пытался вернуть к жизни мою летягу, охотники столпились вокруг меня, все они сочувственно молчали; теперь, когда они увидели, что зверек ожил, все широко и радостно заулыбались. Мы торопливо обшарили все дупло — не валяются ли там еще полузадушенные дымом зверьки, но ничего не нашли. Это меня очень озадачило: ведь предполагается, что сони-летяги живут большими колониями и потому найти одного-единственного — по меньшей мере странно. Я от души надеялся, что учебники не врут: поймать несколько штук из целой колонии намного легче, чем выслеживать и ловить одиночек. Впрочем, сейчас некогда было об этом раздумывать: прежде всего надо доставить мое сокровище в деревню и переселить его из маленького дорожного ящика в более подходящее помещение. Мы свернули сети и пустились в обратный путь по сумеречному лесу со всей быстротой, на какую были способны. Я держал в руках ящик со зверьком так нежно, точно нес хрупкую драгоценную вазу, и время от времени через про-

волочную сетку крышки ящика обмахивал зверька пучком листьев.

Когда мы благополучно добрались до моего танцевального зала, я приготовил для своей бесценной находки клетку побольше и переселил его туда. Это оказалось не так просто — он уже вполне опомнился и бегал очень быстро. Наконец я ухитрился пересадить его в новую клетку да так, что он не только не сбежал, но даже ни разу меня не укусил. Тогда я перенес поближе к клетке самую яркую лампу и решил как следует разглядеть пленника.

Величиной он был с обыкновенную домовую мышь и вообще очень на нее походил строением тела. Прежде всего в глаза бросался его хвост: он был очень длинный (раза в два длиннее всего тела) и по обе его стороны тянулась бахромка длинных волнистых волосков, так что хвост напоминал намокшее перо. Голова у зверька большая, округлая, уши маленькие, остроконечные, как у эльфа. Глаза черные, как смоль, маленькие и довольно выпуклые. Зубы типичного грызуна, пара огромных ярко-оранжевых резцов, выступали изо рта ровным полукругом, так что, если смотреть сбоку, казалось, что вид у него необычайно надменный. Пожалуй, самое любопытное в этом зверьке — «летательная» перепонка, которая тянется по бокам его тела. Это длинная полоса тонкой кожи, приросшая одним концом к лодыжке задней ноги, а другим — к длинному, чуть искривленному хрящевидному стержню, который выдается из передней ноги сразу над локтевым суставом. Когда зверек не летает, перепонка свернута и прижата к боку, совсем как бывает прижат к стене раздвинутый занавес в театре; когда же зверек поднимается в воздух, ноги у него вытянуты, так что перепонка туго натянута и действует наподобие крыльев планера. Позднее я убедился, как искусно соня-летяга маневрирует в воздухе даже с таким примитивным аппаратом скольжения.

В тот вечер, когда я лег спать и погасил свет, до меня все время доносился шорох — это мой новый жилец бегал по всей клетке, и я мысленно представлял себе, как он там пирует: ведь я положил ему немало разнообразной снеди. Но когда занялся рассвет и я, еще сонный, выбрался из постели взглянуть на него, оказалось, что он ничего не съел. Это меня не слишком встревожило, я знал, что некоторые только что пойманные животные подолгу отказываются от еды, пока не привыкнут немного к неволе. И никогда нельзя предвидеть, сколько будет длиться такой «пост». Это зависит не только от того, к какому виду принадлежит животное, но и от его собственного нрава и склада. Я был уверен, что в течение дня соня-летяга спустится вниз с потолка клетки, где она висела, и наестся досыта.

Когда пришли охотники, мы отправились через выбеленный туманом лес к оставшимся деревьям с дуплами. Ночной отдых и вчерашняя удача подбодрили нас, и нелегкая кропотливая работа шла теперь гораздо оживленней и веселей. Однако к полудню мы окурили и осмотрели уже с десяток деревьев и ничего не нашли.

К этому времени мы забрались в самую глубь леса; деревья здесь такие великаны, какие не часто встретишь даже в западноафриканских лесах. Они стояли довольно далеко одно от другого, но все равно их тяжелые ветви переплетались над головой. Стволы почти всех этих исполинов имели по меньшей мере пятнадцать футов в поперечнике. Могучие корни их напоминали контрфорсы собора; они далеко выступали наружу, так что у основания ствола между ними вполне уместилась бы просторная комната, и только на высоте десяти с лишним футов окончательно сливались со стволом. Иные обвивались вокруг ствола — эдакие массивные, мощные вьюны толщиной с мое тело. Мы обходили этих великанов и вскоре очутились подле впадины на ровном, как паркетный пол, пространстве: здесь, в небольшой ложбинке, особняком стоял такой исполин. На краю ложбинки охотники остановились.

— Вон в тот большой дерево есть сильно большой дыра, сэр, — сказали они.

Мы подошли поближе, и я увидел в стволе между двумя высокими корневыми выступами большое отверстие с закругленным, точно арка, верхом; по размерам и по форме отверстие напоминало вход в небольшую церковь. Я остановился подле него и поглядел вверх. Надо мной высился ствол, взметнувшийся прямо в небо, гладкий и голый, по крайней мере футов на двести. Ни единый сучок, ни одна ветка не нарушали гладкой поверхности этой древесной колонны. Уж лучше бы внутри ничего не было, подумал я; хоть убейте, невозможно было себе представить, чтобы кто-нибудь мог взобраться на верхушку и закрыть сетями отверстия, если они там есть. Я вошел в дупло, как вошел бы в комнату, там было очень просторно; солнечный свет мягко просачивался внутрь, и постепенно мои глаза привыкли к полумраку. Я запрокинул голову, но глаз хватал недалеко — стенки дупла немного изгибались и мешали увидеть, что там выше. Пощупал стенки внутри, оказалось — гнилые, ствол мягкий и рыхлый. Я попробовал их ногами, убедился, что опора найдется, и по этим не слишком надежным ступеням с трудом начал взбираться наверх. Наконец я вскарабкался до выступа, который загораживал верхнюю часть дупла, изрядно вывернул шею и посмотрел, что же там дальше. Ствол был высоченный, как фабричная труба, и такой же просторный. На самом верху сквозь большое отверстие врывался сноп солнечных лучей. И вдруг я задохнулся от радости и чуть не свалился со своей ненадежной опоры: вся верхняя часть дупла была буквально выстлана, как живым ковром, летягами. Они быстро, бесшумно, как тени, скользили по гнилому дереву, а когда замирали на месте, их невозможно было разглядеть, настолько они сливались с полутьмой. Я соскользнул на землю и вышел из дупла наружу. Охотники вопросительно глядели на меня.

— Есть добыча там, внутри, маса? — спросил один.

— Да, там сколько угодно добычи. Пойдите, взгляните.

Оживленно переговариваясь и толкая друг друга, они наперебой стали протискиваться в дупло. Можно хотя бы отчасти пред-

ставить его размеры, если в нем легко поместились трое охотников, Питер (тот, который лазил по деревьям) и Джейкоб. До меня донеслись их удивленные возгласы — это они увидели летяг,— затем перебранка: кто-то, наверное, Джейкоб, в суматохе наступил кому-то на физиономию. Я медленно обошел дерево кругом: быть может, все-таки найдется куда поставить ногу, за что ухватиться рукой, чтобы Питер мог вскарабкаться наверх? Но ствол был гладкий, как бильярдный шар. Насколько я понимал, на это дерево влезть невозможно, и я так и сказал охотникам, когда они вылезли из дупла, и несколько остудил их радостный пыл. Потом мы уселись на землю, закурили и принялись обсуждать, что делать дальше, а Джейкоб тем временем бродил по всей ложбине и свирепо поглядывал на деревья. Наконец он вернулся к нам и заявил, что, кажется, придумал, как Питеру взобраться на верхушку дерева. Мы пошли за ним на самый край ложбинки, и тут он показал высокое, тонкое молодое деревце, его верхушка доходила как раз до одной из могучих ветвей нашего дерева. Джейкоб предложил: пусть Питер влезет на молодое деревце, переберется оттуда на ветку большого дерева, а потом полезет дальше вверх, пока не достигнет верхушки полого ствола. Питер подозрительно оглядел деревце и сказал, что попробует. Поплевал на руки, обхватил деревце и пополз вверх, цепляясь за его кору еще и пальцами ног, гибкими, как у обезьяны. Однако, когда он добрался до середины, футах в семидесяти от земли, деревце согнулось под его тяжестью в дугу и ствол начал зловеще потрескивать. Стало ясно, что тонкое деревце не выдержит моего солидного древолаза, и пришлось ему спуститься к нам. Джейкоб, оживленный и ухмыляющийся, с важным видом подошел ко мне.

— Маса, я могу лезть этот дерево, — сказал он. — Я не жирный, не как Питер.

— Жирный! — возмутился Питер. — Это кто жирный, а? Я не жирный, просто этот дерево слабый, не может держать человека.

— Нет, ты жирный,— презрительно ответил Джейкоб.— Ты всегда набивать полный живот, а теперь маса говорить лезь на дерево, вот дерево тебя не держать.

— Ладно, ладно, — поспешно вмешался я.— Попробуй ты, Джейкоб. Смотри только, не свались! Слышишь?

— Да, сэр, — сказал Джейкоб, бегом пустился к деревцу, ухватился за тонкий ствол и пополз вверх, извиваясь, как гусеница.

Конечно, Джейкоб весил чуть не вдвое меньше Питера, и очень скоро он уже висел на самой верхушке, а деревце нисколько не согнулось, хоть и раскачивалось все время плавными круговыми движениями. Всякий раз, когда верхушка его клонилась к веткам большого дерева, Джейкоб пытался схватиться за ветку, но это ему никак не удавалось. Потом он взглянул вниз.

— Маса, я не могу ухватиться, — крикнул он.

— Ладно, слезай!— закричал я в ответ.

Джейкоб быстро спустился на землю, и я подал ему конец длинной крепкой веревки.

— Привяжи к деревцу эту веревку, понял? А потом мы пригнем деревце к большому дереву. Ну, понял?

— Да, сэр,— ликующе воскликнул Джейкоб и снова вскарабкался на деревце.

Он добрался до верхушки, привязал там веревку и крикнул нам, что все готово. Мы взялись за другой конец веревки и потянули изо всех сил; потом стали медленно отходить назад по прогалине, зарываясь ногами поглубже в мягкий, рыхлый слой листвы, устилавший землю, чтобы найти упор. Деревце постепенно склонялось, и наконец его верхушка коснулась огромной ветви большого дерева. Проворно, как белка, Джейкоб протянул руки, схватился за ветку и перебрался на нее. Мы все еще держали деревце в наклонном положении, а Джейкоб вытащил из набедренной повязки кусок веревки и привязал верхушку деревца к ветви, на которой он обосновался. Только теперь мы осторожно отпустили нашу веревку. Джейкоб уже стоял на огромной, могучей ветви во весь рост и, держась за окружавшие его ветки помельче, медленно, ощупью, продвигался по ней к стволу. Шел он очень осторожно, потому что ветка, служившая ему мостками, густо поросла орхидеями, вьюнками и древесными папоротниками — в таких-то зарослях чаще всего и водятся древесные змеи. Наконец он дошел до того места, где ветка соединяется со стволом, оседлал ее и спустил нам длинную бечевку; мы привязали к ней связку сетей и несколько ящиков для добычи, которую ему удастся поймать в верхней части дупла. Джейкоб надежно привязал все это к поясу и двинулся вокруг ствола к отверстию; оно виднелось в развилке двух огромных сучьев. Скорчившись на одном из них, Джейкоб затянул отверстие сетью, расположил ящички так, чтобы они были под рукой, и глянул вниз на нас с озорной ухмылкой.

— Ну вот, маса, твой охотник, он готов,— закричал он.

— Охотник!— с негодованием пробурчал Питер.— Этот повар, он называть себя «охотник»! Эх!

Мы собрали множество сухих веток и зеленых листьев и разложили костер у огромного, как камин, отверстия внизу ствола. Потом затянули отверстие сетью, зажгли костер и наложили сверху зеленых листьев. Несколько минут огонь лишь угрюмо тлел, потом тоненькая струйка дыма окрепла, и скоро внутрь гнилого дерева хлынул густой серый дым. Он поднимался все выше по дуплу, и тут я заметил еще отверстия, которых мы раньше не видели, — футах в тридцати от земли в различных местах появлялись струйки дыма, свивались кольцами и таяли в воздухе.

Джейкоб очень ненадежно сидел на ветке — того и гляди свалится! — и заглядывал вниз, в дупло, как вдруг кверху поднялся столб густого дыма и окутал его. Джейкоб задохнулся, закашлялся и стал осторожно передвигаться на ветке, пытаясь найти себе местечко побезопаснее. Я нетерпеливо ждал, и мне казалось, что летяги что-то чересчур долго выдерживают этот дым.

Я уж начал подумывать — может быть, они все там сразу угорели, обмерли от дыма, не успев даже попытаться убежать, и

тут появилась первая летяга. Она выскочила из дупла через иижнее отверстие и хотела взлететь, но тотчас же запуталась в сетях. Один из охотников бросился к ней, чтобы вынуть ее оттуда, ио я не успел прийти к нему на помощь, так как в эту минуту вся колоиия разом решила покинуть дупло. В большом отверстии появились штук двадцать летяг, и все они прыгиули прямо в сети. С верхушки дерева, которую теперь скрывали от наших глаз клубы дыма, доносились восторженные вопли Джейкоба, а раза два он взвыл от боли — должно быть, летяга его укусила. Тут я обиаружил, к немалому своему огорчению, что футах в тридцати от земли мы проглядели еще несколько трещии, и через эти крохотные отверстия тоже выбирались наружу летяги. Они суетливо бегали по стволу и, казалось, не замечали ии яркого солнечного света, ни нас: некоторые спускались по стволу совсем низко, так что до земли оставалось каких-нибудь футов шесть. Зверьки сновали по коре с необыкновенной быстротой, как будто не бежали, а скользили. Потом вверх взвился особенно густой и едкий клуб дыма и совсем их закрыл — и тут они решились взлететь.

Немало удивительного повидал я на своем веку, но полет летяг не забуду до самой смерти. Огромное дерево обвивали густые, подвижные столбы серого дыма, а там, где его пронизывали острые копья солнечных лучей, дым становился прозрачным и призрачным, нежно-голубым. И в эту нежнейшую голубизну кидались летяги. Они оставляли ствол необычайно легко, не готовились к прыжку, не делали какого-либо видимого усилия: вот только что зверек сидел на коре, распластав крылья, миг — и он уже летит по воздуху, крохотные лапки растопырены, перепонка на боках иатяиута. Они устремлялись вниз и парили в воздухе, пронизывали клубы дыма, уверенно и ловко, точно ласточки, что охотятся иа мошек, невероятно искусно разворачивались и кружили, причем тело их почти совсем не двигалось. Они просто парили в воздухе и при этом поистине творили чудеса. Одна летяга оторвалась от дерева футах в тридцати от земли. Она скользиула по воздуху через ложбину прямым и ровным полетом и села на дерево футах в ста пятидесяти от того, откуда взлетела, и, кажется, ие потеряла за это время ни дюйма высоты. Другие взлетали с окутаииого дымом ствола, скользили вокруг него по все сужавшейся спирали и наконец садились на тот же ствол ближе к земле. Некоторые облетали дерево «змейкой», опять и опять точно и иа редкость плавно описывая в воздухе букву S. Их удивительные «летные качества» потрясли меня: мне казалось, что для такого высшего пилотажа им необходимы воздушные течения, но в лесу было тихо, ни ветерка.

Я заметил: многие улетали в лес, ио большинство осталось на своем стволе — они лишь ненадолго снимались и летали вокруг него, когда дым становился слишком густым. Это иавело меия на мысль: я погасил костер, и, когда дым постепенно рассеялся, все летяги, которые сидели иа дереве, опять торопливо забрались в дупло. Мы переждали иесколько минут — пусть успокоят-

ся и рассядутся там, а я тем временем осмотрел тех, кого мы поймалн. В нижних сетях оказалось восемь самок и четыре самца; Джейкоб спустил из продымлениых высей свои трофеи — еще двух самцов и одну самку. Вдобавок ои поймал двух летучих мышей — я таких сроду ие видел: спинка золотисто-коричневая, грудь лнмонно-желтая, рыльца, как у свиней, и длинные, совсем свиные уши свисают вниз, закрывая нос.

Когда все сонн-летяги вериулись в дупло, мы вновь разожгли костер, и виовь оии кинулись иаружу. Одиако на сей раз оин поумнели и почти ни одна уже ие приближалась к сети, натяиутой перед выходом из дупла. Джейкобу иа вершние дерева повезло больше, он вскоре спустил к иам мешок, где барахталось десятка два летяг, и я решил, что этого мие хватит. Мы потушили костер, снялн сети, заставили Джейкоба спуститься вниз с его жердочкн на самой верхушке (это оказалось ие так-то просто, он иепремеиио хотел переловить всю колонню), мы отправнлись в обратный путь; надо было пройти лесом четыре с лишним мили до деревнн. Я осторожно нес в руках драгоценный мешок, в котором пищали и барахталнсь зверьки, ио время от времени останавливался, развязывал веревку н обмахивал их листьями, чтобы ие задохиулись. Ведь мешок сшит нз тонкого полотна н воздуха им, иаверно, не хватает.

Уже совсем стемнело, когда, усталые и грязные, мы добрались до деревни. Я поместнл моих летяг в самую большую клетку, какая только иашлась, но и оиа, к моему великому огорчению, оказалась явно мала для такого множества животных. Очень глупо, конечно, но я рассчитывал, что если н удастся поймать соиь-летяг, то всего двух-трех, ие больше, н по-настоящему вместительиой клетки с собой ие захватил. Держать их всю ночь в такой тесноте страшно — к утру многие почтн иаверняка погибнут; оставался единственный выход: как можно скорее переправить драгоцений улов в главный лагерь. Я иаписал короткую записку Смиту: сообщал, что охота прошла как нельзя лучше и что я прибуду с добычей около полуиочи, и просил приготовнть для летяг большую клетку. Сразу же отослал записку, потом принял ванну и поужииал. Я рассчнтал, что моя записка опередит меия примерно на час, и у Смита вполие хватит времеин выполнить мою просьбу.

Около десяти часов наш маленький караван двинулся в путь. Впереди шел Джейкоб с фонарем. За иим шествовал носнльщик, на его курчавой голове покачивался ящнк с летягами. Следом шел я, а за мной еще один иосильщнк, этот нес на голове мои постельные принадлежности. Дорога от Эшоби и при свете дия иикуда ие годнтся, а в темноте здесь немудреио сломать себе шею. Едииствеиным источником света у иас был фонарь, который нес Джейкоб, но толку от иего было ие больше, чем от чахлого светлячка: он нзлучал ровно столько света, чтобы исказить все очертания, а тьма, окутавшая скалы, от этого невериого света становилась еще непроглядней, и нам поневоле приходилось двигаться черепашьим шагом. В обычиых условнях переход заиял бы около двух часов, а в этот вечер нам понадобнлось пять. Почти всю доро-

гу я был на граии нстернкн — носнльщнк с ящнком, полиым летяг, скакал и прыгал между скал, точно горный козел, и я поминутно ожидал, что ои вот-вот оступится и мой драгоценный ящнк полетит вниз, в пропасть. Дорога становилась все хуже, а носильщик — все храбрей, и я понял, что его падеиие — всего лишь вопрос времени.

— Друг мой,— окликнул я.— Если ты уронишь добычу, мы не дойдем до Мамфе вместе. Я похороию тебя здесь.

Носнльщнк понял намек н умерил свою прыть.

На полпутн через небольшую речушку моя тень нспугала иосильщика, который шел за мной, он поскользнулся, и моя постель с громким всплеском шлепиулась в воду. И как я ни убеждал его, что в этом больше внноват я сам, носильщнк был безутешен. Так мы и шли дальше: иосильщик тащил на голове груз, с которого капала вода, н время от временн громко и скорбио произноснл: «Ух, сэр! Извинн, сэр!»

Лес вокруг иас был полон тихих голосов н шорохов: легкое похрустываннe сухих веток под ногамн, крик вспугиутой птнцы, неумолчный стрекот цикад иа стволах деревьев и порой пронзнтельная трель древесной лягушки. Мы пересекалн прозрачные, холодиые, как лед, ручьн, онн тихонько плескалнсь о большие камнн, что-то нм таинственно нашептывали. Однн раз Джейкоб громко вскрикнул, завертелся, заплясал на одном месте, бестолково размахивая руками, так что тени от фонаря заметались меж стволов деревьев.

— Ты что, что там?— закричали иоснльщики.

— Муравей,— ответил Джейкоб, все еще приплясывая и вертясь.— Слишком миого проклятый муравей.

Джейкоб не глядел под иогн н набрел прямо на цепочку странствующих муравьев, пересекавших иам дорогу: чериый поток в два дюйма шнриной выливался из-под куста по одну сторону тропы н перетекал иа другую сторону, подобио безмолвной речке нз смолы. Когда Джейкоб на них наступил, вся эта речка словно вдруг беззвучио вскипела, и ие прошло н секунды, как муравьн уже расползлнсь по земле, растекаясь все дальше н дальше от места нападеиия, точно чернильная клякса иа бурых листьях. Мне с иоснльщнками волей-неволей пришлось сойти с тропы и обойтн это место по лесу, не то разъяреиные иасекомые накннулись бы н на нас.

Едва мы вышлн нз-под лесиого крова в первую залнтую луиным светом долину, как начался дождь. Виачале это был легкий, моросящий дождик, больше похожий на тумаи; потом без всякого предупреждения хлыиуло как из ведра, между небом н землей встала сплошиая водяиая стеиа; трава разом полегла, а наша тропа обратилась в предательскнй каток из красной глииы. Я перепугался: вдруг моя драгоцениая добыча промокиет насквозь и погнбнет? Я сиял куртку и обериул ею ящик на голове у носильщика. Конечно, не очень-то надежиая защита, но все-таки немного помогло. Мы с трудом брелн дальше, по щиколотку в грязи, и на-

конец подошли к речке, которую надо было перейти вброд. Переход этот занял, должно быть, минуты три, но мне он показался бесконечно долгим, потому что русло речки было каменистое и носильщик с летягами на голове шатался и спотыкался, а течение всячески толкало и тянуло его и, кажется, только дожидалось случая окончательно сбить его с ног. Все же мы благополучно добрались до другого берега, и вскоре между деревьями замелькали огни лагеря. Не успели мы войти под парусиновый навес, как дождь прекратился.

Клетка, которую Смит приготовил для моих летяг, оказалась недостаточно просторной, но мне уж было не до удобства — лишь бы поскорей вынуть их из ящика, ведь с него текло, как с только что всплывшей подводной лодки. Мы осторожно открыли дверцу и, затаив дыхание, глядели, как крохотные зверьки стремглав бегут в свое новое жилище. Я с облегчением убедился, что ни одна летяга не промокла, хотя две-три после нашего путешествия выглядели несколько помятыми

Мы наслаждались их видом минут пять, потом Смит полюбопытствовал:

— А что они едят?

— Понятия не имею. Та, которую я поймал вчера, вообще ничего не ела, хотя, бог свидетель, я ей предложил богатейший выбор.

— Гм, наверно, они начнут есть, когда немного освоятся.

— Да уж надеюсь,— сказал я бодро: я и в самом деле в это верил.

Мы наполнили клетку самой разнообразной пищей и питьем, какие нашлись в лагере, так что она в конце концов стала похожа на местный базар. Потом завесили ее мешковиной и оставили сонь-летяг питаться в свое удовольствие. После того как моя постель побывала под дождем, и в реке, она пропиталась водой как губка, и мне пришлось провести весьма неуютную ночь в садовом кресле с прямой спинкой. Я засыпал ненадолго, урывками, а когда рассвело — встал, поплелся к клетке с летягами, откинул мешковину и заглянул внутрь.

На полу, среди совершенно нетронутой пищи и питья, лежала мертвая соня-летяга. Остальные висели под потолком клетки, точно стая летучих мышей, и тревожно щебетали, подозрительно поглядывая на меня. Я вынул мертвого зверька, отнес его к столу, вскрыл и очень тщательно исследовал. К моему безмерному удивлению, желудок летяги был набит полупереваренной красной кожурой ореха масличной пальмы. Этого уж я никак не ожидал: ведь эти орехи — по крайней мере в Камеруне — выращиваются на плантациях, а не растут в лесах сами по себе. Если и все остальные летяги накануне того дня, когда мы их изловили, питались орехами масличной пальмы, им, наверно, пришлось ради этой еды добираться мили четыре до ближайшей фермы, да еще спуститься очень низко — до нескольких футов над землей. Все это порядком меня озадачило, но теперь я хоть знал, что делать, и на следующий

же вечер клетка летяг вприндачу ко всякой другой пище была разукрашена, как новогодняя елка, гроздьями красных орехов. Мы со Смитом положили зверькам еду в сумерки и затем долгих три часа вели нескончаемые разговоры о чем угодно, только не о летягах, и старательно притворялись, будто не прислушиваемся к писку и шорохам, что доносились из их клетки. Однако после ужина мы уже не могли больше выдержать, подкрались к клетке и осторожно приподняли краешек мешковины.

Вся колония летяг сидела на полу, и все усердно уплетали орехи. Они сидели на задних лапках, а орехи держали в крохотных розовых передних лапках, совсем как белки; проворно поворачивая орех, зверьки зубами сдирали с него красную оболочку. Когда мы приподняли мешковину, они перестали есть и уставились на нас; два-три самых робких уронили орехи и убежали наверх, под самую крышу клетки, но остальные, видимо, решили, что нас опасаться нечего, и продолжали есть. Мы опустили мешковину и проплясали вокруг палатки воинственный танец, издавая громкие, восторженные вопли. Своим криком мы разбудили обезьян, те немедленно затрещали и шумно запротестовали, поднялся несусветный гам, и из кухни со всех ног примчались мои помощники посмотреть, что тут у нас стряслось. Услыхав добрую весть, что новая добыча наконец взялась за еду, они заулыбались и защелкали пальцами — ведь они принимали все наши радости и огорчения очень близко к сердцу. Весь день лагерь был охвачен унынием, потому что новая добыча не желала есть и могла помереть с голоду, но теперь все уладилось, и мои помощники, весело болтая и смеясь, вернулись на кухню.

Но радость наша оказалась недолговечной: когда утром мы подошли к клетке, две летяги лежали мертвые. И с того часа наша маленькая колония уменьшалась изо дня в день. Зверьки ели одни только пальмовые орехи и, очевидно, этого им было недостаточно. Какую только еду мы им не предлагали! Но они от всего отказывались и это было престранно — ведь даже для самых разборчивых животных нам в конце концов всегда удавалось найти какой-то подходящий корм и понять, что они любят, надо было лишь предложить им побольше всякого на выбор. А тут стало ясно, что доставить летяг в Англию будет очень и очень нелегко.

Глава двенадцатая

Обезьянье царство

Пожалуй, самыми шумными, самыми несносными и самыми очаровательными созданьями в нашем зверинце были обезьяны. Их собралось у нас сорок штук, а жизнь под одной крышей с четырьмя десятками обезьян никак не назовешь спокойной. Взрослые обезьяны еще туда-сюда, но малыши доставляли нам уйму беспокойства и лишней работы: они громко визжали, если остава-

лись одни, требовали бутылочек с теплым молоком в любое время дня и ночи, страдали от всевозможных детских болезией и этим пугали нас до смерти; то который-нибудь удерет из «детской» и лезет чуть ли не прямо в клетку к золотистой кошке, то кто-нибудь упадет в жестянку из-под керосина, полную воды,— одним словом, они доводили нас чуть не до истерики. Нам приходилось придумывать самые хитроумные и коварные способы, чтобы как-то управиться с малышами, и некоторые наши изобретения были поистине необыкновенны. Взять хотя бы случай с детенышами дрилла: эти обезьяны в лесах Камеруна встречаются на каждом шагу, и нам постоянно приносили детенышей всех возрастов. Дрилл — то самое довольно уродливое животное, которое вы можете увидеть едва ли не в каждом зоопарке мира: у него ярко-красный зад и он без стеснения предоставляет людям любоваться им. Совсем маленькие детеныши дрилла — самые трогательные и самые нелепые существа на свете: они покрыты тончайшей серебристо-серой шерсткой, а голова, руки и ноги у них по крайней мере в три раза больше, чем надо бы по сравнению с туловищем. Руки, ноги и лицо ярко-красные, и крохотный зад точно такой же. А вообще кожа на теле белая, кое-где на ней виднеются большие пятна, вроде наших родимых пятен, только у них они ярко-голубого цвета. Как и у всех обезьяньих детенышей, глаза у маленьких дриллов вытаращенные, руки и ноги длинные, тощие и дрожат, как у дряхлых стариков. Теперь вы немного представляете себе детеныша дрилла.

Раннее детство дрилл проводит, цепляясь сильными руками и ногами за густую шерсть матери. И вот наши маленькие дриллы перенесли свои нежные чувства на нас, решив, что мы и есть их родители, и громогласно требовали, чтобы мы носили их на себе. Главное для детеныша дрилла — получать как можно больше пищи, и почти столь же важно ему крепко держаться за того, кто ему эту пищу предоставляет. Но ведь когда в тебя вцепятся как репьи (да притом болтливые!) штук пять маленьких дриллов, работать совершенно невозможно. И пришлось нам придумывать, как бы иначе их ублаготворить. Мы отыскали две старые куртки и повесили их на спинки стульев, поставленных посреди палатки; потом мы «познакомили» с ними детенышей дриллов. Зверята привыкли видеть нас в этих куртках, к тому же ткань, должно быть, пропиталась нашим запахом, и малыши, видимо, решили, что это — нечто вроде кожи, которую мы сбросили. Они вцепились в пустые рукава, лацканы и полы курток, как будто их там приклеили, висели на них, полусонные, и лишь изредка подходили к нам — надо же когда-нибудь и поговорить,— а мы тем временем управлялись с делами по лагерю.

На многочисленных посетителей, которые приходили к нам в лагерь и осматривали зверинец, самое большое впечатление производили обезьяньи детеныши. Всеми своими повадками детеныш обезьяны очень напоминает человеческого младенца, только он еще несравненно трогательнее. Женщины, приходившие к нам, просто таяли, глядя на маленьких обезьянок, ласково ворковали, и мате-

рийская любовь переполняла их до краев. Одна молодая женщина приходила в зверинец несколько раз, и ее так потрясло жалобное выражение на лицах маленьких обезьян, что она довольно неразумно решилась прочитать мне нотацию: мол, жестоко отнимать бедных крошек у матерей и заточать в клетки. Она весьма поэтично распространялась на тему о радостях свободы и о том, сколь беззаботное счастливое существование предстояло бы этим крошкам на верхушках деревьев, а между тем по моей вине им приходится изведать все ужасы заточения.

В то утро местный охотник принес мне обезьяньего детеныша, и я предложил: раз уж молодая леди оказалась таким знатоком жизни обезьян на верхушках деревьев, не поможет ли она мне в небольшом деле, которого никак не миновать, когда берешь в зверинец новую обезьяну? Молодая особа охотно согласилась — видно, сразу представила себя в роли некоей доброй самаритянки при моих обезьянах. А небольшое дело заключалось, попросту говоря, в том, чтобы избавить обезьянку от внутренних и внешних паразитов. Я объяснил это, и молодая леди удивилась: ей и в голову не приходило, сказала она, что у обезьян бывают паразиты — кроме обыкновенных блох, конечно.

Я принес корзиночку, в которой доставили обезьянку, вынул оттуда немного помета, разложил его на чистом листе бумаги и показал моей новоявленной помощнице, какое там количество остриц. Тут она как-то странно примолкла. Потом я принес обезьянку: это была белоносая мартышка, поистине очаровательное существо — шерсть вся черная, только манишка белая, да на носу сверкает белое пушистое пятнышко в форме сердца. Я осмотрел ее крохотные руки и ноги, длинные пальцы и нашел ни много ни мало — шесть удобно пристроившихся тропических песчаных блох. Эти мельчайшие насекомые внедряются в кожу рук и ног, особенно под ногти, где кожа мягче, и там едят, жиреют и растут до тех пор, пока не станут величиной со спичечную головку. Тогда они откладывают яички и погибают; в должный срок из яичек вылупляются новые блохи и с успехом продолжают дело, начатое родителями. Если не схватиться вовремя и не начать лечить зараженную блохами обезьянку в самом начале, она может потерять сустав пальца, а в особо тяжелых случаях разрушаются все пальцы на ногах или на руках, потому что блохи все глубже проникают под кожу и размножаются до тех пор, пока не съедят свою обитель — остается только мешочек кожи, наполненный гноем. У меня несколько раз заводились эти блохи на ноге, и я могу засвидетельствовать, что это очень больно, даже мучительно. Все это я постарался как мог подробнее и нагляднее объяснить моей помощнице. Потом взял тюбик обезболивающего средства, заморозил пальцы маленького обезьяныша на руках и на ногах и стал извлекать у него из кожи блох стерильной иглой и дезинфицировать ранки, которые после этого оставались. Обезболивающее оказалось отличным, обезьянка сидела спокойно, а ведь операция эта очень болезненная.

Когда с блохами было покончено, я ощупал хвост обезьянки

сверху донизу и обнаружил две припухлости в форме сосисок, каждая длиной с первый сустав моего мизинца и примерно такой же толщины. Я показал их моей помощнице, потом раздвинул в этих местах шерсть, и она увидела круглое, как иллюминатор, отверстие в конце каждой припухлости. Заглянув внутрь, можно было увидеть, что внутри шевелится какая-то белая гадость. Тут я объяснил в самых ученых выражениях, что некая лесная муха откладывает яички в шерсть различных животных и когда вылупляется личинка, она вгрызается в тело своего домохозяина и живет там, причем жиреет, как свинья в хлеву, а воздух в ее жилище поступает через эти «иллюминаторы». Когда же она, наконец, выходит оттуда, чтобы превратиться в муху, у домохозяина в теле остается дыра толщиной в сигарету, и дыра эта обычно становится гноящейся язвой. Я показал моей помощнице (которая к тому времени совсем побледнела), что вытащить эти личинки невозможно.

Я снова взял в руки иглу, раздвинул шерсть и показал молодой особе личинку, лежащую в своем укрытии, точно крохотный аэростат заграждения; однако, едва ее коснулась игла, личинка тотчас сложилась гармошкой, затем сжалась в сморщенный шарик и скользнула подальше, в самую глубину мартышкиного хвоста. Тогда я показал моей помощнице, как все-таки извлечь такую личинку — это мой собственный способ: сунул в отверстие кончик тюбика с обезболивающим средством, выдавил туда немного жидкости, и личинка замерла, не в силах больше двигаться. Теперь я слегка расширил отверстие скальпелем, воткнул в личинку иглу и вытащил ее из убежища. Не успел я вытащить эту сморщенную, белую мерзость из ее окровавленного укрытия, как моя помощница внезапно и стремительно покинула меня. Я извлек вторую личинку, продезинфицировал зияющие отверстия, которые после них остались, и догнал молодую леди уже на другом конце лагеря. Она объяснила мне, что опаздывает на званый обед, поблагодарила за чрезвычайно интересно проведенное утро, распрощалась — и больше мы ее никогда не видели. На мой взгляд, весьма прискорбно, что люди не дают себе труда узнать получше, каково живется зверю в джунглях,— тогда бы они меньше пустословили о том, как жестоко его держать в неволе.

Едва ли не самой очаровательной среди наших обезьянок оказался детеныш усатой мартышки, которого добыл Смит, когда ходил на охоту в глубь страны. Таких крохотных мартышек я еще не видывал: если бы не длинный изящный хвост, она вся преспокойно уместилась бы в чайной чашке. Спина у нее зеленовато-серая, манишка белая, на щеках — ярко-желтые пятна. Но самое примечательное — лицо: по всей верхней губе тянется широкая волнистая совсем белая полоска, и кажется, будто у обезьянки солидные седые усы. Рот у детеныша не по росту огромный — в него легко влезла соска бутылочки с молоком.

Презабавно было видеть, как кормился этот крохотный усатый звереныш: когда ему приносили бутылочку, он кидался к ней,

произительно повизгивая от радости, плотно обхватывал бутылку ногами и руками и так и лежал, закрыв глаза, и изо всех сил тянул молоко. Выглядело это так, будто его вскармливает большой белый дирижабль — ведь сам он был втрое меньше бутылочки. Детеныш оказался очень смышленым, и мы вскоре научили его пить молоко из блюдца. Малыша приносили и сажали на стол; завидев блюдце, он впадал в настоящую истерику от волнения, трясся, дергался и визжал во всю мочь. Как только блюдце ставили перед ним, он кидался в него головой вперед, точно нырял, погружал в молоко всю рожицу и высовывался, только чтобы глотнуть воздуха, когда уже не мог больше не дышать. Иногда жадность его одолевала, и он оставался без воздуха слишком долго — тогда на поверхности молока появлялись пузыри, а уж потом выныривала физиономия; детеныш кашлял, отфыркивался, брызгая молоком на стол и на самого себя. Порой во время кормежки он вдруг решал, что я стою рядом с единственной целью — улучить минуту и отнять у него блюдце; тогда он издавал яростный вопль и срывал мой коварный замысел очень простым способом: подпрыгивал высоко в воздух, с громким всплеском приземлялся в самой середине блюдца и оставался сидеть тут, торжествующе сверкая на меня глазами. Во время еды он ухитрялся так залить молоком всю физиономию, что уже не разобрать было, где начинались и где кончались его усы, а стол выглядел так, будто на нем доили здоровенную корову.

Самыми трудными характерами в нашем собрании обезьян отличались, несомненно, два шимпанзе — Мэри и Чарли. Прежде чем попасть к нам, Чарли был любимцем одного плантатора и оказался уже довольно ручным. Маленькая рожица его, вся в морщинах, казалась бесконечно печальной, карие глаза смотрели кротко; всем своим видом он словно говорил, что мир к нему жесток и несправедлив, но он всем прощает и не жалуется. Однако эта видимость уныния и скорби — чистейший обман: на самом деле Чарли отнюдь не обиженная, непонятая обезьяна, а самый настоящий уличный хулиган-мальчишка, лживый и хитрый.

Мы каждый день выпускали его из клетки погулять, и он бродил по всему лагерю с лучезарно-невинной миной, стараясь усыпить нашу бдительность и уверить нас в чистоте своих намерений. А потом как бы случайно подходил к столу, где разложена пища, быстрый взгляд вокруг — не видит ли кто? — и хвать! В руке у Чарли самая большая связка бананов, и он уже мчится к ближайшему дереву. Если за ним гнались, он бросал бананы и останавливался. Его ругали, а он сидел в пыли и скорбно глядел на своего обидчика — воплощение оскорбленной невинности! Сразу видно: его понапрасну заподозрили в гнусном преступлении, но он чересчур благороден и не станет оправдываться, раз уж вы до того тупы, что сами не понимаете, сколь нелепа и несправедлива эта напраслина. Попробуйте помахать у него перед носом украденной связкой бананов, и он взглянет на вас слегка удивленно и чуть брезгливо. Дескать, с чего вы взяли, что он украл эти бананы? Неужели вы

не знает, что он терпеть не может бананов? Никогда за всю его жизнь (посвященную благотворительности и самоотречению) у него не появилось ни малейшего желания хотя бы отведать эти мерзкие фрукты, а уж о том, чтобы их украсть, он и помыслить не мог. Когда кончали ему выговаривать, Чарли поднимался с земли, глубоко вздыхал, бросал на вас взгляд, в котором сострадание смешивалось с отвращением, и вприпрыжку отправлялся на кухню взглянуть, нельзя ли что-нибудь стащить и там. Чарли был совершенно неисправим, а мордашка у него была столь выразительная, что он мог поддерживать нескончаемые разговоры и для этого вовсе не нуждался в членораздельной речи.

Но высшее торжество наступило для Чарли, когда нам нанес визит верховный комиссар Камеруна — он как раз отправился в очередную инспекционную поездку по стране. Он явился к нам в лагерь в сопровождении целой армии секретарей и прочих помощников и очень заинтересовался нашим обширным собранием животных. Но больше всего его внимание привлек Чарли. Пока мы объясняли высокому гостю, какой это отвратительный лицемер, Чарли сидел в клетке, держал протянутую сквозь прутья руку великого человека и глядел на него скорбными глазами, словно умолял его превосходительство не слушать злобные наветы на бедную обезьянку. Уезжая, комиссар пригласил нас со Смитом навестить его на следующий вечер. Утром к нам явился весьма внушительный посыльный, весь в сверкающих золотых пуговицах, и вручил нам конверт из канцелярии верховного комиссара. В конверте оказалась солидных размеров карточка, а на ней великолепным почерком с завитушками было написано, что его превосходительство верховный комиссар Камеруна просит доставить ему удовольствие и на прием, который состоится между шестью и восемью часами вечера, привезти к нему Чарли. Мы показали приглашение самому Чарли, который сидел у себя в клетке, погруженный в философические размышления, но он только глянул на карточку и тут же о ней забыл. Всем своим видом он давал понять, что такие приглашения ему не в новинку, они просто сыплются на него каждый день, но мирская суета чужда ему. Он недвусмысленно намекал на то, что, как истинный святой, всецело поглощен возвышенными раздумьями о делах духовных и не станет волноваться из-за приглашений на всякие пьяные оргии с какими-то там верховными комиссарами. Впрочем, в то утро он уже успел побывать на кухне и стащил там шесть яиц, да еще хлебец и ножку холодного цыпленка, поэтому мы ему не поверили.

Мэри — подружка Чарли — отличалась совсем другим характером. Она была старше Чарли и много крупнее, ростом с двухлетнего ребенка. Прежде чем мы ее купили, она побывала в руках торговца из племени хауса, и, наверно, там ее дразнили и вообще плохо с ней обращались: должно быть, именно поэтому вначале обезьянка сидела мрачная и злобная, и мы уже начали тревожиться, удастся ли нам в конце концов завоевать ее доверие — ведь она научилась не доверять ни одному человеку, будь то черный или

белый. Однако после того, как несколько месяцев ее хорошо кормили и ласково с ней обращались, она, к великой нашей радости, совсем преобразилась: теперь это была очаровательная шимпанзе, неизменно веселая и наделенная редкостным чувством юмора. Светло-розовая мордочка ее казалась глуповатой, а живот был толстый и круглый, как барабан. Она напоминала толстушку-официантку в баре, всегда готовую громко расхохотаться над какой-нибудь непристойной шуточкой. Когда Мэри узнала нас получше и научилась нам доверять, она придумала фокус, который явно считала очень потешным. Она откидывалась на перекладине в клетке, с трудом удерживая равновесие, и обращала ко мне самые неподходящие части тела. Теперь мне полагалось нагнуться поближе и изо всех сил дунуть — тут Мэри визгливо хохотала и скромненько прикрывалась руками. Потом лукаво взглядывала на нас поверх толстенького брюшка, убирала руки и ждала, что я еще раз посмешу ее тем же способом. Мы называли это «обдувать бесстыдницу Мэри», и сколько бы раз в день ни повторялась эта шутка, обезьяне она никогда не приедалась: Мэри запрокидывала голову, широко раскрывала рот, обнажая розовые десны и белые зубы, и прямо-таки заходилась от хохота.

Хоть Мэри и относилась к нам со Смитом и ко всем нашим помощникам очень нежно, она никогда не забывала, что у нее есть зуб против африканцев, и вымещала свою вражду на всех чужих, которые появлялись в лагере. Она зазывно им улыбалась, била себя в грудь или крутила сальто — она была готова на все, лишь бы привлечь их внимание. Разнообразными уловками она заманивала посетителя все ближе к клетке и казалась ему воплощением веселья и доброжелательности, а сама зоркими глазами точно определяла расстояние. Внезапно сквозь прутья высовывалась длинная, сильная рука, слышался громкий треск рвущейся ткани, испуганный вопль застигнутого врасплох гостя—и вот уже Мэри торжествующе пляшет в клетке, размахивая разорванной рубашкой или фуфайкой, которую сорвала со своего восторженного поклонника. Силой она обладала необыкновенной, и мне пришлось истратить кругленькую сумму на возмещение убытков от ее шалостей, поэтому вскоре я переставил ее клетку так, чтобы Мэри не могла больше развлекаться подобным способом.

Обезьянник шумел непрерывно весь день, но ближе к вечеру, около половины пятого, шум нарастал настолько, что не выдерживали даже самые крепкие нервы: в это время обезьянам давали молоко. Часа в четыре они начинали проявлять нетерпение — принимались прыгать и скакать по клеткам, крутили сальто или прижимались лицом к прутьям и жалобно повизгивали. А как только появлялись чистые миски и огромные керосиновые бидоны с теплым молоком, солодом, рыбьим жиром, сахаром и кальцием, все клетки захлестывало волнение и нарастающий гомон совсем оглушал. Шимпанзе протяжно ухали сквозь губы и стучали по стенкам клетки кулаками; дриллы выкрикивали свое пронзительное «ар-ар-ар-ар-иррип!», точно крохотные пулеметы, белоносые и усатые

мартышки тихонько посвистывали и совсем по-птичьи издавали переливчатые трели; красные мартышки плясали, как сумасшедшие балерины, и заунывно кричали «прруп! прруп!», а красавицы гвереды с развевающейся черно-белой гривой строго и повелительно звали: «Арруп! Арруп! Арруп! Йи, йи, йи, йи!» Мы двигались вдоль клеток, вталкивали в них миски с молоком, и шум понемногу стихал; под конец слышалось уже только похрюкивание, чмоканье да изредка случайный кашель, если молоко попадало не в то горло. Опустошив миски, обезьяны взбирались на свой жердочки и сидели там, выпятив раздувшиеся животы, и время от времени громко, удовлетворенио рыгали. Через некоторое время все они спускались вниз на пол, осматривали миски и убеждались, что в них иет больше молока; иногда они даже поднимали миски и оглядывали донышко с обратной стороны — нет ли там каких-нибудь остатков. Потом оии обычно свертывались калачиком на своих шестах и впадали в блаженное дремотное оцепенение в лучах вечериего солнца — и тогда на лагерь нисходили мир и покой.

Особенно нравится мне в обезьянах то, что они совершенно чужды условностей и делают все, что им придет в голову, ие испытывая ии малейшего смущения. Они обильно мочились или опорожняли кишечник и, иагнувшись, следили за тем, как это происходит, причем на их физиономиях отражался живейший интерес. И спариваются они, нимало не стесняясь глазеющей публики. Я сам слышал, как смущенные зрители называли обезьян грязными, непристойными животиыми, потому что они простодушно отправляют свои естественные потребности, не интересуясь — смотрят на них или нет, и, право же, не могу понять, с какой стати люди возмущаются. В конце концов, это мы, с нашим высшим разумом, решили, что совершенно естественные потребности нашего организма — нечто грязное и неприличное, а обезьяны не разделяют нашу точку зрения.

Глава последняя,

в которой мы „ехать хорошо“

Последние иесколько дней перед тем, как мы со своим зверинцем ступим на борт парохода, который отвезет нас обратио в Англию, всегда оказываются самыми лихорадочными за всю поездку. Предстоит сделать тысячу дел: нанять грузовики, укрепить клетки, купить и упаковать в корзины великое множество пищи для зверей — и ведь все это сверх обычной работы по уходу за ними.

Едва ли не больше всего нас заботили сони-летяги. Наша колония с каждым часом таяла, в ней осталось всего-навсего четыре зверька, и мы решили во что бы то ни стало довезти их до Англии. После сверхчеловеческих усилий иам удалось заставить их есть наряду с орехами масличной пальмы плоды авокадо. На этой диете они как будто чувствовали себя совсем недурно. Я решил, что если мы возьмем с собой три десятка авокадо различной зре-

лости, от вполне спелых до зеленых, их должно хватить на все путешествие и даже еще немного останется на первое время в Англии, пока летяги свыкнутся с новыми условиями. Итак, я позвал Джейкоба и велел ему достать поскорей три десятка авокадо. К моему изумлению, он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Авокадо, сэр?— переспросил он.

— Да, авокадо, — подтвердил я.

— Я не могу его достать, сэр, — горестно сказал Джейкоб.

— Не можешь достать? Почему же?

— Авокадо, он кончился, — беспомощно пояснил Джейкоб.

— Кончились? Как это кончились? Я же не на кухню тебя посылаю, сходи на базар и купи.

— И на базар он тоже кончился, сэр,— терпеливо объяснил Джейкоб.

И вдруг я понял, что он пытается мне втолковать: сезон авокадо прошел, их больше нигде нельзя достать. Придется мне пуститься в путь без запаса фруктов для моих драгоценных летяг.

«Как это на них похоже! — подумал я с горечью. — Уж начали наконец что-то есть, так выбрали именно то, чего больше нельзя раздобыть!» Как бы то ни было, без этих плодов мне не обойтись, и за те несколько дней, что еще оставались в нашем распоряжении, я собрал всех своих помощников и велел им прочесать окрестности — может, где-нибудь все-таки отыщется авокадо. К самому нашему отъезду нам удалось наскрести несколько маленьких, сморщенных плодов, и это было все. Этими почти высохшими остатками фруктов предстояло прокормить моих драгоценных летяг до самой Англии.

От нашего лагеря до побережья было около двухсот миль, и для перевозки зверинца нам понадобились три грузовика и небольшой фургон. Ехали мы ночью, чтобы животным было не так жарко, и на этот переезд у нас ушло два дня. Более тяжкого путешествия мне не припомнить. Каждые три часа приходилось останавливаться, вытаскивать все ящики с лягушками и поливать их холодной водой, чтобы лягушки не высохли. Дважды в ночь надо было делать более длительные остановки и поить детенышей из бутылочек теплой молочной смесью, которая была заранее приготовлена в термосах. А с рассветом надо было поставить грузовики в стороне от дороги, в тень огромных деревьев, выгрузить на траву все клетки до единой, каждую вычистить и накормить каждое животное. На утро третьего дня мы добрались до маленькой гостиницы на побережье, которую заранее предоставили в наше распоряжение: здесь снова пришлось все распаковать, вычистить клетки и накормить зверей, и уж только после этого мы без сил вползли в дом, немного поели и рухнули в постель. Но в тот же вечер стали толпами стекаться любопытные с местной банановой плантации — им непременно хотелось поглядеть на наших животных, и, сонные, полумертвые от усталости, мы вынуждены были водить экскурсии, отвечать на вопросы и соблюдать хоть какую-то вежливость.

— Вы едете тем пароходом, что стоит сейчас в порту? — спросил кто-то.

— Да,— сказал я, подавляя зевок.— Завтра отплываем.

— Бог ты мой! В таком случае вас можно только пожалеть, — сказали мне весело.

— Вот как? Почему же?

— Капитан — настоящий варвар, дружище, и терпеть не может животных. Это уж точно. Старик Робинсон, когда в последний раз ехал в отпуск на этом пароходе, хотел взять с собой ручного бабуина. А капитан уперся — и ни в какую. Ни за что не хотел взять обезьяну на борт. Не желаю, мол, набивать свой пароход вонючими мартышками. Говорят, был страшный скандал.

Мы со Смитом обменялись тревожными взглядами: ведь из всех несчастий, какие выпадают на долю зверолова, кажется, ничего нет хуже, чем капитан, который не любит животных. Позднее, когда последние посетители ушли, мы обсудили эту тревожную новость. И решили, что единственный выход — превзойти самих себя и всячески угождать капитану, а особенно позаботиться о том, чтобы обезьяны вели себя примерно и никакими неподобающими поступками не прогневали его.

Наш зверинец погрузили на переднюю палубу под присмотром старшего помощника, премилого человека, который очень старался нам помочь. Капитана мы в тот вечер не видели, а на следующее утро, когда мы поднялись спозаранку и принялись чистить клетки, он шагал взад и вперед по мостику, сутулый и мрачный. Нам сказали, что он спустится к завтраку, и мы с трепетом ожидали первой встречи.

— Не забудьте,— сказал Смит, когда мы чистили клетки обезьян,— его надо все время гладить по шерстке.

Он набрал полную корзину опилок, подбежал к борту и высыпал опилки в море.

— Главное, постараемся ничем его не раздражать,— продолжал он, вернувшись ко мне.

И в эту минуту к нам, задохнувшись от спешки, прибежал с мостика матрос в белоснежной робе.

— Извините, сэр,— сказал он,— капитан вам кланяется и просит, когда выбрасываете за борт опилки, сперва посмотрите, в какую сторону дует ветер.

Мы в ужасе взглянули на мостик: в воздухе кружились опилки, и, обсыпанный ими, капитан, сердито хмуря брови, отряхивал свой китель.

— Пожалуйста, передайте капитану наши извинения,— сказал я, с трудом удерживаясь от смеха.

Матрос ушел, и я повернулся к Смиту.

— Гладить его по шерстке!— с горечью воскликнул я.— Ничем его не раздражать! Всего лишь выбросили добрых три центнера опилок на него самого и на его драгоценный мостик! Да уж, что и говорить, на вас можно положиться: вы знаете верный путь к сердцу капитана!

Когда раздался гонг, мы поспешили к себе в каюту, умылись и заняли свои места в кают-компании. К нашему отчаянию, оказалось, что капитан посадил нас за свой стол. Сам он сидел спиной к переборке, в которой было три иллюминатора, а мы со Смитом — напротив него за круглым столом. Иллюминаторы за спиной капитана выходили на палубу, где размещался наш зверинец. К середине завтрака капитан немного оттаял и даже пытался острить насчет опилок.

— Я вообще-то не против вашего зверинца, только смотрите, чтобы никто у вас не удрал из клеток,— сказал он весело, расправляясь с яичницей.

— Ну, этого мы не допустим,— заверил я и едва успел договорить, как в иллюминаторе что-то мелькнуло; я взглянул туда и увидел Любимчика, черноухого бельчонка; он сидел в круглом открытом оконце и снисходительным взором осматривал внутренность кают-компании.

Капитан, конечно, не мог видеть бельчонка — тот сидел на уровне его плеча, в трех шагах от него — и продолжал спокойно есть и разговаривать, а Любимчик сидел на задних лапках и чистил свои усы. На несколько секунд я остолбенел от ужаса, голова моя отказывалась работать, я только сидел как дурак и глазел в иллюминатор. По счастью, капитан был слишком занят своим завтраком и ничего не замечал. Любимчик кончил умываться и чиститься и снова принялся оглядывать кают-компанию. Видно, под конец он решил, что это место все же стоит исследовать повнимательней, и теперь озирался вокруг, соображая, каким бы путем поудобнее спуститься со своего насеста. И нашел, что проще всего прыгнуть из иллюминатора прямо на плечо капитану. Я отчетливо видел, как этот план созревает в голове маленького разбойника, и мысль, что он сейчас прыгнет, пронизала меня, как током, и побудила действовать. Я поспешно пробормотал: «Простите», оттолкнул свой стул и вышел из кают-компании. Как только я оказался в коридоре и капитан уже не мог меня видеть, я со всех ног бросился к клеткам. К моему немалому облегчению, Любимчик еще не прыгнул — его длинный пушистый хвост все еще свисал из иллюминатора. И в ту секунду, когда он уже пригнулся для прыжка, я кинулся к нему и успел схватить за хвост. Я отнес его в клетку — от негодования он громко верещал — и разгоряченный, но торжествующий вернулся в кают-компанию. Капитан все еще о чем-то говорил, и если он даже заметил мое поспешное бегство, то, наверно, приписал его коликам в желудке, ибо не сказал об этом ни слова.

На третий день нашего плавания две сони-летяги оказались мертвыми. Я с грустью рассматривал их тела, когда появился какой-то матрос. Он спросил, отчего умерли зверьки, и я пространно поведал ему трагическую историю с плодами авокадо, которых нигде нет.

— А что это за фрукты?— спросил матрос.

Я показал ему один из оставшихся сморщенных плодов.

— А, эти? — удивился он. — Они вам нужны?

Я уставился на него, не в силах выговорить ни слова.

— А у вас они есть? — спросил я наконец.

— Ну, у меня-то нет, — сказал он, — но я вам, пожалуй, достану.

В тот же вечер он опять явился, карманы у него оттопыривались.

— Вот, — сказал он и сунул мне в руки несколько прекрасных, зрелых авокадо. — Дайте мне три штуки ваших, только никому ни слова.

Я дал ему три высохших плода, поскорей накормил летяг зрелыми, которые он мне принес, и зверьки вволю ими насладились. Настроение у меня поднялось, и я опять стал надеяться, что все-таки доставлю летяг в Англию.

И всякий раз, когда бы я ни сказал ему, что запас фруктов истощается, мой друг матрос приносил мне сочные, зрелые плоды и брал взамен сухие. Это было очень странно, но я чувствовал, что лучше не стараться вникнуть в это глубже. Все-таки, несмотря на свежие фрукты, еще одна летяга погибла, и, когда мы плыли по Бискайскому заливу, у меня оставалась только одна. Теперь все решало время: если мне удастся сохранить этот единственный экземпляр в живых до самой Англии, я смогу предложить зверьку огромнейший выбор пищи, и, конечно, найдется что-нибудь ему по душе. Берега Англии приближались, и я внимательно следил за летягой. Казалось, все хорошо: она вполне здорова и отлично настроена. Осторожности ради я ставил ее клетку на ночь к себе в каюту, чтобы зверек случайно не простудился. Накануне того дня, когда мы вошли в гавань, летяга была в наилучшем виде, и я уже верил, что все-таки довезу ее до дому. В ту же ночь, без всякой видимой причины, она вдруг умерла. Итак, последняя летяга проехала четыре тысячи миль и умерла всего за сутки до Ливерпуля. Я был в отчаянии, и ничто не могло меня утешить.

Даже когда мой зверинец снимали на берег, я не испытывал обычного в таких случаях чувства облегчения и гордости. Волосатые лягушки перенесли путешествие благополучно, сухолистки тоже; Чарли и Мэри весело ухали в своих клетках, когда их спускали за борт. Любимчик грыз сахар и разглядывал толпу на пристани с явной надеждой поразвлечься, а усатая мартышка высовывала нос сквозь прутья клетки, усы ее сверкали и она напоминала молодого Санта-Клауса. Но даже глядя, как всех их благополучно спускают на берег после столь долгого и опасного путешествия, я не радовался по-настоящему: все они не могли возместить мне потерю маленькой летяги. Мы со Смитом уже собирались сойти с корабля, и тут появился мой друг матрос. Он слышал про смерть летяги и очень огорчился, что наши с ним усилия оказались тщетными.

— Кстати, — сказал я, уже прощаясь, — мне очень любопытно узнать, откуда вы доставали авокадо посреди океана?

Матрос быстро огляну лся — не слышит ли нас кто-нибудь.

— Я вам скажу, приятель, только никому ни полслова,— сказал он хриплым шепотом.— Капитан очень любит авокадо, понятно? И у него в холодильнике стоял большой ящик. Он всегда привозит такой ящик домой, понятно? Вот я и взял малость для вас.

— Значит, это были фрукты капитана?— растерянно спросил я.

— Ну, ясно. Но он ничего не заметит,— весело заверил меня матрос.— Понимаете, я, когда брал их из ящика, каждый раз клал туда столько же ваших.

Таможенники никак не могли понять, почему я трясся от хохота, когда показывал им наши корзины, и все поглядывали на меня с подозрением. Но, к сожалению, шутка была не из тех, какими можно с кем-нибудь поделиться.

Ян Линдблат

В краю гоацинов

Вид на Гайану

Старая «Дакота» с могучим ревом отрывается от взлетной полосы аэродрома Аткинсон под Джорджтауном, и внизу под нами медленно развертывается живая карта Гайаны[1]. Правда, рассмотреть что-нибудь довольно трудно — пассажиры сидят в два ряда по бокам кабины, связанные вместе предохранительными ремнями, спиной к иллюминаторам. Словно военное подразделение перебрасывается к фронту. Посреди кабины громоздится гора вещей: картонные ящики, чемоданы, ящики с пивом, велосипеды, холодильник. Багаж обмотан крепкими веревками. Тут и там из хаоса торчат части нашего снаряжения.

Мы направляемся в область Рупунуни и гор Кануку, туда, где водятся скальные петушки, которых я мечтаю снять.

Озираясь назад через плечо, каждый раз вижу, в общем, одно и то же — зеленое море леса, пологими волнами накрывшее слабо пересеченную местность. Тут и там ровную поверхность рассекают большие и малые реки. Но никаких следов человека. Ни дорог, ни крыш. Большая часть Гайаны совсем не освоена, и одна из причин очевидна. Говоря словами справочника: «По причине высокой влажности воздуха климат чрезвычайно нездоров для европейцев». Как ни красиво смотрится сверху эта зелень, жить в ее лоне

[1] Республика Гайана. — Прим. ред.

может лишь тот, кого устраивает образ жизни первобытного человека.

Гайана зажата на восточном побережье Южной Америки между Венесуэлой и Суринамом — он же Нидерландская Гвиана. На юге и юго-западе страна граничит с огромной Бразилией. Границы — одна из проблем Гайаны.

Внутриполитическое положение Гайаны не менее сложно; хоть я и зоолог, пришлось с этим столкнуться. Кстати, именно внутриполитические проблемы страны пошли на пользу ее фауне, а значит, и зоологам! Дело в том, что после событий 1962—1963 гг. власти стали намного строже подходить к выдаче разрешений на оружие; в некоторых районах приморья ношение оружия вовсе запрещено. Тем самым животный мир получил некоторую передышку. Такой вид, как гоацины, возродился в значительном количестве только благодаря этому запрету.

Площадь Гайаны около 232 тыс. км²; это примерно половина Швеции или вся Великобритания[1]. По природным условиям страну можно разделить на четыре основные области. Вдоль Атлантики тянется узкая полоса приморья с пригодными для возделывания почвами. Дальше идет почти совсем бесплодный пояс белых, как мел, песков. На этих песках прозябает скудный лес, который с удалением от моря становится несколько гуще. Сплошной зеленый ковер покрывает нагорье с породами, которые относятся к древнейшим на Земле; эта область сменяется обширными саваннами, простирающимися вплоть до самой границы с Бразилией.

На пригодные для культивирования земли в приморье приходится около 1/13 всей площади страны; но и из этой малой доли практически используется лишь 1/10 в районе между реками Корантейн и Померун. Почва здесь образована за счет ила, приносимого реками Гайаны, но и гиганты Амазонка и Ориноко вносят свою лепту.

От Парики, что в 30 км к западу от Джорджтауна, в сторону Нью-Амстердама, расположенного примерно в 100 км юго-восточнее столицы, протянулась могучая стена. Инициаторами этого сооружения были голландцы, и роль стены тут такая же, как в Голландии. Если бы стена не сдерживала напор морских волн, Джорджтаун и большие районы приморья были бы беззащитны против наводнений. За стеной тянутся плантации сахарного тростника и рисовые поля; здесь сосредоточена и большая часть индейского населения, а негры живут преимущественно в Джорджтауне и его окрестностях. Таким образом, из общего числа жителей (около 650 тыс.) подавляющая часть теснится в полосе шириной меньше 20 км. На остальные области приходится всего 35—40 тыс. чел., в том числе примерно 22 тыс. индийцев. За последние 20 лет численность населения удвоилась. На индейцев приходится около 49%, на негров —32%, индийцы составляют всего 4 и порту-

---

[1] По Энциклопедическому словарю географических названий площадь Гайаны — 215 тыс. км². — Прим. ред.

гальцы — 1,5%. На долю других европейцев и китайцев приходится менее одного процента. Около 12% гайанцев — смешанного происхождения.

... А пейзаж внизу понемногу изменился, на зеленом ковре прибавилось бугров, мы летим над плоскогорьем, которое производит такое же безлюдное впечатление, как предшествующая полоса. Как ни парадоксально, именно эти области сулят Гайане расцвет. Здесь много полезных ископаемых, а использование их по-настоящему и не начиналось. Понемногу развертывается добыча бокситов, марганца, золота, алмазов. Но в этих лесах под нами золото и алмазы промывают еще по старинке. Старатели мечтают найти сказочный алмаз или огромный самородок, который позволит им сменить жизнь в «зеленом аду» с его змеями, насекомыми и всяким зверьем на баснословную роскошь... Гайане нужны капиталы, нужна современная, дорогостоящая техника, чтобы разведать и развить ресурсы обширного плоскогорья.

Слово «гайана» на языке индейцев означает «страна вод». Меткое название для влажного горного края, изрезанного бурными реками, которые знамениты водопадами. Известный Кайетур — высота падения 226 м, в пять раз больше Ниагары — один из красивейших водопадов в мире, но в труднодоступных уголках страны есть еще более высокие, хотя и менее известные водопады. Один из них достигает в высоту 600 м — в сезон дождей. Кончаются дожди, и водопад пересыхает.

Плоскогорье, над которым мы только что пролетели, с октября по май играет роль огромной промокашки. Но и сухая сейчас равнина заслуживает названия «страны вод» с мая по сентябрь, когда проливные дожди превращают ее чуть ли не в сплошную лужу.

Вдоль рек внизу тянутся ленты растительности, тут и там они раздаются вширь, образуя небольшие леса; нетрудно сообразить, что это связано с низменностями, где влага задерживается подольше. Для возделывания саванна не перспективна. Здесь только скот пасти, да и то хорошо, если на квадратном километре прокормишь десять голов скота; в приморье на такой же площади можно держать и сто голов, и больше.

Самолет делает широкий вираж, и мы можем полюбоваться скользящей вдали могучей грядой гор Кануку. Они разделяют северные и южные саванны. Кстати, в этих горах водятся «золотые петушки», ради которых я затеял экспедицию.

Внезапно внизу возникает кучка строений. Маленький поселок у пограничной реки Такуту — Летем, куда со всей округи пригоняют скот для забоя. Рупунуни можно назвать «мясной лавкой» Гайаны; самолет обеспечиват надежную связь со всеми областями страны. На много месяцев и для меня Летем станет связующим звеном с цивилизацией.

«Дакота» с жалобным скрипом садится, пассажиры отстегиваются от предохранительных ремней, распахивается дверь, в кабину врывается волна зноя.

Здравствуй, Рупунуни!

Встречи с анакондами

В серии экспериментов в лаборатории Стокгольмского университета в 1962—1964 гг. мне удалось с большой точностью замерить силу света, при которой сетчатка некоторых шведских сов начинает воспроизводить четкую картину. Цифра для каждого вида была контрастной, позволяя расставить их по световым ступенькам. Подобно тому, как сове нужен какой-то минимум света, чтобы охотиться, так и дневные птицы должны ясно видеть окружающее, чтобы отважиться петь. Очевидно, их тоже можно расставить по световым ступенькам согласно медленно нарастающей силе света на пороге ночи и дня. Совсем как в настоящем концерте, можно выделить части симфонии по типичным птичьим голосам; исполнители группируются по своей восприимчивости к свету. Так же обстоит дело и в Южной Америке — с той разницей, что там светило выкатывается из-за горизонта гораздо быстрее и ступеньки видов оказываются намного короче. Гимн солнцу быстро достигает полной силы и очень скоро стихает, и отдельным голосам тесно в общем хоре.

Чтобы проследить за стремительным чередованием голосов и записывать их на пленку, я ставил свою палатку на лесных тропинках. Тонкие стены позволяли мне слышать не только ночные и утренние голоса, но и шорохи, по которым можно узнать вышедших на прогулку млекопитающих. Правда, пумы и ягуары меня не навещали, хотя я, судя по всему, работал в их угодьях, и все же каждую ночь выдавались увлекательные часы для любителя распознавать звуки. Заодно я развлекался тем, что дразнил козодоев, сов, тинаму[1] и потто[2], которым никак не удавалось выяснить, где же прячется «соперник». Порой ответы на мой вызов звучали прямо над палаткой, а красноногий тинаму готов был даже зайти внутрь.

Но, конечно, не все шло гладко. Тысячи помех, которыми всегда полны родные северные леса, — шорох листьев, внезапные порывы ветра, то да се,— все это налицо в полной мере и здесь.

Аривантава — гора ветров — оправдывала свое название. В мертвой ночной тишине вдруг рождался нарастающий шум. Проследить за его направлением было очень удобно с помощью параболического звукоуловителя. У ветра была своя определенная магистраль. Вот опускается, слегка петляя, вниз по склону... Примерно через полчаса он добирается до меня. Поставишь палатку в стороне от его трассы — все кончается благополучно, но если забудешь об этом, окажешься на его пути, того и гляди, придется сдирать палатку с кустов. Заслышав знакомый шум, я уже знал, что Эол выслал своих ребят в ночной обход, можно упаковывать звукозаписывающую аппаратуру до другого раза.

---

[1] Тинаму—отряд птиц до 50 видов, распространены в неотропической области.
[2] Потто — исполинский козодой.

А многочисленные насекомые... Назойливый стрекот какого-нибудь представителя саранчовых или зудение цикады невероятно усиливается «параболой» и забивает даже весьма голосистых птиц. И не так-то просто изменить прицел. Дома запросто прыгаешь через камни и ветровал в просторном, светлом лесу, подбираясь к пернатому певцу; в Южной Америке совсем другое дело: тут ставь палатку да приманивай имитацией.

В одно прекрасное утро все было, как надо. Безветрие, изумительный птичий хор, запись шла как по маслу. Прошло некоторое время, прежде чем я заметил, что чего-то недостает. Не хватает партии петуха.

А когда я через некоторое время вернулся к хижине, неся рекордер и «параболу», оказалось, что сей солист замолчал раз и навсегда. Он лежал неподалеку от жилья, выставив вверх крыло под неестественным углом. И вместе с ним лежала завитая в несколько колец анаконда. Наш трубадур, как говорится, отдал богу душу, и, честно говоря, я об этом отнюдь не пожалел. Одной помехой меньше!

Вообще же анаконда зря старалась, заглотать петуха она не смогла, в ней было всего-то немногим больше двух метров. Впрочем, даже у небольших анаконд мышцы достаточно мощные. Тайни Мактэрк потерял одну собаку только потому, что она решила потягаться с «водяной змеей» длиной меньше метра. Одной петли вокруг шеи оказалось достаточно, чтобы задушить бедняжку.

Поскольку было совершенно очевидно, что петух не пролезет в змеиную глотку, я вмешался и распутал петли. После чего взял кинокамеру и змею и отправился к обмелевшему ручью. Мне много раз доводилось снимать анаконд и на воде, и под водой, однако я был готов истратить несколько метров пленки на сей красивый экземпляр.

В это утро я еще не успел поздороваться с нашей выдрой, и вскоре она явилась на свидание со мной, громко крича свое «вна». Анаконда лежала на песке, я приготовился снимать, как она с присущим виду изяществом заскользит в воду. Выдра частью плыла, частью скакала вниз по ручью, и я нажал спуск, запечатлевая интересную встречу. Вот выдра заметила змею и стала приглядываться к ней с разных точек, приближаясь шаг за шагом. Внезапно анаконда заструилась прямо к выдре. На самом деле целью ее движения были кусты позади зверька, но тот оказался на пути, и последовал мгновенный выпад змеиной головы. Она чуть не схватила выдру за морду. Пораженная таким оборотом, выдра бросилась наутек.

Крупная анаконда — опасный противник для выдры, мощные мышцы змеи вполне могут придушить четвероногую обитательницу вод. Тем не менее мне приходилось слышать, будто несколько гигантских выдр совместными усилиями способны все же одолеть даже крупную анаконду.

Случай этот подсказал мне одну мысль. Что, если провести эксперимент: свести анаконду с прирученными нами представите-

лямн разных вндов млекопитающих н посмотреть, как онн себя поведут?

Первым подвергся нспытанню мой друг ошейннковый пекарн[1]. Надо сказать, пекарн пользуется недоброй славой, индейцы с велнким почтением относятся к его острым клыкам. Куш-куш был главарем нашего маленького звернннца. Он бесцеремонно отннмал еду у других, сам же ннкому н крошкн не уступал. Зарычнт, зацокает зубамн — не подходи! Этот нахал позволял себе забираться в хижнну нлн на кухню н воровать у нас еду со стола. Чтобы прогнать «зверя», мы вооружнлнсь метлой, которую он с детства боялся как огня. Стоило только взмахнуть ею, как он обращался в бегство. Правда, я предпочнтал другой способ — возьму кусок хлеба н ласково зову: «Куш-куш». И он послушно семеннл за мной.

Куш-куш вообще очень любнл меня, И я прнвязался к нему тоже. Я бы мог н полюбнть его, еслн бы не запах, а попросту — вонь. Стадо пекари распространяет вокруг страшное зловонне, и не надо быть Тарзаном, чтобы выследнть его по запаху.

Когда Куш-куш навещал меня на каком-нибудь нз монх постов в лесу, он обычно тыкался мне в ногу своим плоскнм рылом — «целовал». И замирал в этой позе, пока я, смнлостнвшнсь, не прннимался почесывать его щетинистую спнну. Тотчас спннная железа выделяла жндкость молочного цвета, н Куш-куш, блаженно улыбаясь и скаля свои острейшне желтые клыкн, мешком шлепался на землю.

Ошейннковый пекарн не столь крупный и агрессивный, как белобородый; стадо этих жнвотных редко превышает десяток особей. Белобородый пекари покрупнее, н сотенные стада этого внда яростно атакуют любого врага. Они способны даже окружить и разорвать клыкамн на кускн ягуара. Недаром индейцы, заслышав характерное хрюканье н стук копыт, спешат залезть на дерево.

А вот, можно сказать, прямо протнвоположный случай, которого я, наверно, ннкогда не забуду.

Я возвращался домой после попыткн запнсать на пленку вечерние песнопения ревунов. Иду и свечу туда-сюда фонарнком — не сверкнет лн где глаз млекопнтающего? (Сколько раз меня обманывало отраженне в глазах... паука!) Мои уснлия не пропали даром: нз огромного полого ствола поваленного дерева на меня сверкнуло целое созвездне глаз. Что за наважденне... Я осторожно прнблизнлся к отверстню, напоминавшему пушечное жерло. И вдруг — залп! Нет, в самом деле, из этого жерла будто снаряд вырвался: стая жнвотных выскочнла наружу н бросилась врассыпную, нздавая резкне, лающне звуки. И напугался же я, волосы дыбом поднялнсь. В ту же секунду мой нос уловил острый запах пекарн, который до того относило в сторону слабым ветерком. Поваленное дерево служнло ночным логовом для ошейннковых пекарн...

[1] Звери отряда парнокопытных, объедниенные в семейство пекари, по внешнему внду похожн на кабанов, но меньше размером.

И вот теперь, когда я свел нашего хвата Куш-куша с маленькой анакондой, реакция оказалась примерно такой же. Он вздрогнул, на миг замер на месте, весь ощетинился, потом повернулся и бросился бежать через ручей, так что брызги взметнулись стеной. Испуганный пекари, да когда он один,— явно не герой.

Позднее мне пришлось еще раз наблюдать, что Куш-куш не так уж отважен, когда сталкивается с неизвестностью.

Мы с Дени часто покидали лагерь утром потихоньку, предоставляя Франсиско исполнять роль звериного отчима. А то ведь вся орава увяжется за нами; между тем, когда снимаешь животных, желательно, чтобы их кругом было не слишком много.

Но Куш-куш не мог долго выносить разлуку с нами. Однажды вечером, когда начало смеркаться и мы уже направились домой, неподалеку вдруг показался пекари. Мы остановились — глядика, вот и нам посчастливилось напасть на след стада, которое Франсиско видел на днях! Стоим, не шевелимся — как бы не спугнуть!— и ждем, не покажутся ли на опушке другие члены стада. Нет, не видно. А пекари явно искал что-то в траве. Вдруг меня осенило: идет на наш запах! И правда, добродушно что-то лопоча на своем языке, ко мне подбежал Куш-куш и ткнулся в колено рылом. Как тут не растрогаться! Весь обратный путь Куш-куш провожал нас, но почему-то отчаянно трусил. То и дело останавливался, подскакивал, отбегал на несколько шагов и опять прижимался к нашим ногам. Его чутье сообщило ему, что место это опасное для пекари; и в самом деле, через некоторое время на этой самой тропе брат Франсиско застрелил пуму.

Реакция зверей на анаконду занимала меня все больше. Я повторил эксперимент во время очередного посещения ранчо в Даданаве. Среди подопечных хозяина ранчо были четыре представителя одного из самых редких и наименее изученных животных на свете — кустарниковой собаки (вернее было бы назвать ее лесной собакой).

Это совсем маленький зверь, ноги почти как у таксы, голова гиеноподобная, с широкой пастью, короткий хвост обычно торчит вверх. Лесную собаку считают родичем африканских и азиатских диких собак; следовательно, она состоит в родстве и с нашими домашними псами. Все, что написано исследователями о лесной собаке, основано на изучении одного экземпляра в Лондонском зоопарке да на рассказах индейцев. Сам я не встречался с этими животными в местах их обитания, только однажды видел череп лесной собаки под гнездом гарпии, но индейцы уверяют, будто стаи собак встречаются в саванновых лесах и в горных районах. Стаи немногочисленные и серьезную опасность представляют разве что для мелких броненосцев и водосвинок. Лесные собаки очень живые, почти как наши ласки, и такие же любопытные, если судить по тем, с которыми я познакомился. Лесные собаки устроили настоящие пляски вокруг анаконды. Чуткие, осторожные, все время начеку, они явно были не прочь перейти в атаку, однако не торопились

это сделать скорее всего потому, что у них не было опыта охоты на анаконд!

Любопытство выдры, которое было выражено в каждом ее движении, паническое бегство пекари, осторожный танец лесных собак вокруг анаконды — три совсем разные формы поведения. Представители трех видов фауны каждый по-своему реагировали на один и тот же феномен общей для них среды.

Но всего интереснее было наблюдать встречу анаконды с капибарами[1].

Снова я поместил главное действующее лицо, двухметровую анаконду, на песчаном берегу и приготовил все для встречи. Деди вел капибар вдоль ручья, и как только они оказались в пределах слышимости, я выступил в роли гамельнского крысолова, который, как говорит сказка, играя на флейте, выманил из города всех крыс. Итак, я засвистел наподобие капибары. Тотчас грызуны откликнулись и поспешили на зов отчима. Исполнитель роли злодея находился между ними и мной. То, что последовало дальше, не было для меня неожиданностью. Капибары не проявили агрессивности, как выдра, не бросились наутек, как пекари, не предались осторожному исследованию, как лесные собаки. Проходя мимо змеи, они вдруг заметили ее, отскочили на полшажка в сторону и... оцепенели!

Именно оцепенели. Почти не шевелясь, таращились они на змею минуту... две... пять... десять минут. Медленно сели, не отрывая глаз от несимпатичной змеиной головы. Анаконда тоже не трогалась с места. Моя кинокамера прилежно стрекотала, хотя с таким же успехом я мог снимать фотоаппаратом. Все застыло. Капибари продолжали глядеть на змею так, словно весь остальной мир перестал для них существовать. Превосходный пример гипнотического действия, приписываемого большим змеям.

Конечно, гипноз тут ни при чем, но я сам не раз наблюдал, что некоторые грызуны впадают в некий транс при встрече со змеями, особенно с удавами. Слышу, как некоторые читатели — многие!— фыркают: «Чепуха!». Но факт от этого не перестает быть фактом. Многократно видел я в террариумах обращенный на рептилию отупелый взгляд грызуна. И если змея голодна, она может, не торопясь, выходить на исходную позицию; сама атака, следующая затем, молниеносна. У представителей подсемейства удавов, к которым относится анаконда, а также у питонов верхнегубные щитки снабжены чувствительными к теплу клетками, и похоже, что атака происходит, когда раздражение терморецепторов достигает определенного предела.

В эксперименте, поставленном мной, о влиянии обстановки террариума говорить не приходилось, капибары могли в любую минуту уйти. Они не уходили. Они пристально глядели в глаза змеи. И так минута за минутой. В конце концов все разрешилось самым потешным образом, нашелся рыцарь и на этого дракона...

---

[1] Капибара — водосвинка.

Капибарам часто докучает насекомое величиной со шмеля. Похоже, что оно норовит отложить свои яички в глаза или уши грызунам; во всяком случае, насекомые эти так и крутятся вокруг названных мест, надсадно жужжа. Вот и теперь явился такой мучитель. Но он не стал донимать капибар, а подлетел к свернутой кольцами змее и принялся жужжать над ее ноздрями. Змея терпела-терпела, потом изобразила нечто вроде гримасы, глубоко вздохнула — и заскользила прочь, преследуемая маленьким победителем.

Позже я повторил опыт с анакондами и капибарами. Двухметровая змея все равно ведь не смогла бы одолеть и проглотить капибару, и скептик мог бы заявить, что реакция грызунов была не чем иным, как обыкновенным любопытством в отношении странной твари, которая им не была опасна.

И вот три месяца спустя, когда капибары стали постарше, покрупнее, а возможно, и поумнее, в моем распоряжении оказалась только что пойманная анаконда, размеры которой вполне позволяли ей задушить и съесть капибару. Правда, она незадолго перед тем перекусила — оттого-то и удалось ее поймать,— и добычу все еще было видно в форме эллиптического вздутия на теле змеи ближе к хвосту. В этой анаконде было четыре метра сорок сантиметров, и весила она пятьдесят четыре килограмма. Самые крупные представители вида превышают в длину восемь метров, но они очень редки. В 1943 г. в Колумбии была измерена анаконда длиной 11,3 м; это рекорд для всех известных змей.

Словом, наша анаконда не относилась к настоящим великанам, однако выглядела вполне внушительно; такая и для человека представляла опасность. Институт Бутантан и полиция Сан-Пауло зарегистрировали смертный случай, когда анаконда длиной три и три четверти метра задушила человека; правда, и он успел изранить ее ножом так, что она потом околела. Их нашли в реке и было назначено следствие, чтобы установить, не имело ли место преступление. Но никакие третьи лица не были замешаны, преступником оказалась змея.

Атти рассказал нам про трагический случай, сравнительно недавно произошедший в одной из деревень, расположенной на территории Рупунунийской саванны. Двое мальчишек лет по двенадцати отправились убирать сахарный тростник. Чтобы сократить путь, они пошли напрямик через заболоченное место, хотя родители строго-настрого запретили им это делать — и были правы... Мальчишки благополучно добрались до поля, угостились сахарным тростником, затем один из них, вооруженный тесаком, нарезал две добрые охапки, и они направились домой. Вдруг тот, что шагал первым, провалился в лужу. Он тут же поднялся, но второй с ужасом увидел, что его приятеля обвила своими кольцами змея. Взмахнув тесаком, он изо всех сил рубанул змею. Но когда анаконда напрягает свои мышцы, они становятся тугими, как автомобильная шина. Тесак отскочил, не причинив змее вреда. Когда

наконец подоспела помощь, было поздно. Анаконда сжимала в своих объятиях мертвого мальчугана.

Словом, задуманный нами опыт был довольно рискованным для капибар, но за технику безопасности отвечали пятеро: Франсиско с братом, Дени, индеец-мальчуган и я.

Открыли мы ящик, в котором держали змею, и стали ждать. Прошло некоторое время, наконец медленно-медленно из ящика высунулась змеиная голова. Язык принялся прощупывать воздух, проверять окружающее на вкус, на запах. Якобсонов орган сообщил, что, кажется, все в порядке. Змея высунулась дальше, дальше. Удивительное это зрелище, когда появляется такая огромная змея; можно подумать, ей никогда не будет конца. Мускулистое тело скользнуло в воду через несколько поваленных стволов и остановилось в небольшой заводи почти совсем пересохшего ручья, между двумя песчаными отмелями. Анаконда держалась спокойно, можно было приступать к опыту.

Дени поспешил к нашей хижине за капибарами, мы остались ждать на месте. Змея устроилась поудобнее в заводи, тихие струи гладили ее бок. Наконец Дени окликнул меня, и я начал пересвистываться с капибарами. Понятно, анаконда не ведала об этом концерте, у нее ведь нет органа слуха.

Показались капибары, они оживленно мне сигналили. Змея лежала неподвижно, оба грызуна потрусили примерно в метре от головы, которая медленно поворачивалась, следя за ними. Внезапно до них дошло, что это за темный ствол. Они тявкнули, отскочили в сторону и... остановились. Никуда не стали убегать, а оцепенели, как и в прошлый раз, таращась на змею. Потом медленно двинулись к ней. Проследовали вдоль ее тела и снова остановились — перед самой головой анаконды. Словно их заморозили. Глаза устремлены на рептилию, морда отупелая, какая-то сонная.

Этакий необычный натюрморт. Но вот опять зашевелился язык змеи. Затем и тело сдвинулось с места. Еле заметно анаконда заскользила к грызунам, то и дело щупая воздух языком. Камера продолжала стрекотать, но я уже весь напрягся, готовый мгновенно вмешаться, если дело примет скверный оборот. Атака анаконды обернулась бы для одного из наших четвероногих друзей тяжелыми травмами, а то и гибелью. Стоит острым, загнутым назад зубам впиться в добычу, как тело тотчас обвивает ее своими петлями и мышцы неумолимо сокращаются. А я по собственному опыту знаю, что такое каменные объятия анаконды, когда она включает полную мощность. У мускулов удава нет тормозов, они расслабляются постепенно уже после удачной атаки, когда мертвое животное давно лежит бездыханно в змеиных кольцах.

Впрочем, обошлось без моего вмешательства. Анаконда чуть изменила курс и заскользила мимо капибар на более глубокое место. Общими силами мы водворили ее в ящик.

На этом можно бы и кончить отчет о встречах анаконды с представителями разных видов млекопитающих, но мне хотелось

бы еще рассказать о встрече змеи с Гомо сапиенс, сиречь с человеком.

На другой день после съемки эпизода с капибарами мы переселились к «райским водопадам», как мы называли один из облюбованных нами уголков. Между двумя порогами речушка расширялась, образуя прозрачную заводь, и эту заводь мы назвали «Анакондовым прудом». Во-первых, Атти видел здесь крупную анаконду, а во-вторых, тут разыгралась сцена, которую я опишу ниже.

Место это отлично подходило как обитель для анаконды, к тому же прозрачная вода позволяла производить подводные съемки, и мне очень хотелось запастись кадрами, показывающими одного из самых знаменитых обитателей «страны вод» в его стихии. Условились, что Денни снимает с берега, я — под водой. Я надеялся, что это позволит потом смонтировать интересный эпизод для будущего фильма.

Просвет в листве над заводью пропускал солнечные лучи, обеспечивающие достаточно яркое освещение, что так важно при подводных съемках. Вместе с молодым индейцем Вильямом я отбуксировал ящик со змеей к большому камню; глубина кругом составляла два-три метра. Поднатужившись, мы извлекли анаконду из ящика, и она приняла идеальную для съемки позу на камне. Теперь осталось запечатлеть желанный кадр: снятая снизу зеркальная гладь воды... вдруг зеркало расступается и пропускает голову змеи... и змея скользит, скользит навстречу мне и телезрителю.

Мы живо поплыли обратно к берегу, надеясь, что анаконда соизволит задержаться на камне. Она пошла навстречу нашим пожеланиям.

Место было незнакомое, неизведанное, поэтому она лежала тихо, изучая обстановку языком. Я тоже быстро оценил обстановку. Все в порядке. Кроме одной детали: погоды. Туча, закрывшая просвет в листве, оказалась не случайным прохожим. Предвещая обложной дождь, она неумолимо заволокла всю небесную синь и погасила столь необходимый мне свет. Тут дай бог над водой поснимать!..

Обидно было терять такую возможность. Выходит, рано отпускать змею. В прошлый раз мы впятером затолкали эту самую анаконду в ящик. Это было не очень трудно, и я даже подумал, что вот ведь пугают народ, публикуют снимки, на которых целая вереница зоопарка возится со змеей такой же величины, водворяя ее в террариум. Да я и сейчас так думаю.

Считая Денни, нас было трое. Я попросил Вильяма сбегать в лагерь за большим мешком, в котором мы обычно держали наши рюкзаки. Конечно, камень не совсем удобный, и рядом достаточно глубокая вода, но все же как-нибудь справимся, затолкаем змею в мешок, пусть посидит там, пока мы будем пережидать непогоду.

Денни стоял около камеры, я медленно направился к анаконде, чтобы не терять времени, когда вернется с мешком Вильям.

Осторожно ступаю на затонувший ствол, от поверхности до не-

го полметра, и он доходит до самого камня. Змея продолжает старательно изучать обстановку высовывающимся языком.

Ждем. Проходит минута. Другая. Вдруг змеиная голова поднимается, язык нацелился на поверхность воды. Аппаратура сработала, сообщила анакоиде, где ей надлежит находиться. Сила анаконды в мышцах, а не в мозгах, мне в этом предстояло убедиться лишний раз.

Осторожно приближаюсь к змее по стволу, рассчитывая отвлечь ее внимание от воды. Она замирает и приветствует меня хриплым, не очень громким шипением.

Меня осеняет, и я прошу Дени стоять наготове у камеры. Пусть снимет, как мы с Вильямом будем ловить змею. Кстати, где же Вильям запропастился? Целую вечность ждем!

Змея опять наклоняет голову к воде, петли расправляются, тело подается вперед. Еще немного — и нырнет, а тогда ищи-свищи. Ждать больше нельзя.

Я схватил змею обеими руками сразу за головой и метнулся прочь от ствола, к берегу, чтобы анаконда не успела обвить дерево хвостом и затащить меня под воду.

Дальше все происходило так быстро, что я помню только железное объятие. Хорошо, что пленка в кинокамере Дени все запечатлела. Петля за петлей обвили мои руки и шею, и то, что прежде представлялось мне ничуть не опасным, вдруг обернулось совсем иначе. Хватка анаконды оказалась куда крепче, чем я ожидал. У меня перехватило дыхание. Будто не мускулы, а какая-то сплошная масса стискивала меня с каждым вдохом все сильнее и сильнее. Как я ни работал ногами, вес змеи увлек меня под воду. Я отталкивался ступнями от дна, стараясь выбраться на более мелкое место. Не в пример анаконде, я отнюдь не чувствовал себя в воде, как в родной стихии. Высунул голову из воды... Уперся ногами в песчаное дно... Одна петля сместилась и зажала мне рот, вторая обвилась вокруг шеи. Кончик хвоста лег на глаза и надавил так, что в мозгу замелькали белые и красные пятна. Казалось, голова сейчас будет оторвана от тела. Я попытался выпрямиться, но снова упал, судорожно стискивая пальцами змеиную шею. Открыл рот, чтобы сделать вдох, и чуть не подавился живым кляпом. Впился в змею зубами — петля подвинулась, зато остальные сжались еще сильнее, как бы в злобе. Похоже, лучше не рыпаться вести себя спокойно. Животные, попавшие в объятия удава, только себе хуже делают, когда начинают биться. Каждое движение помогает змее сильнее сжать оковы.

Прижимая одной рукой голову анаконды к ноге, я другой быстро отдернул змеиный хвост от лица. При этом я старался не дышать слишком глубоко. Мне оставалось только ждать, тем более что я в отличие от попадающих в такой переплет четвероногих мог рассчитывать на помощь.

Как только прибежал Вильям, мы вместе раскрутили петли. Я продолжал стискивать пальцами шею змеи и казалось — уже не

смогу разжать. Вдруг голова анакоиды с разнутой пастью метнулась к моему лицу. Я едва успел отвернуться.

Но вот наконец змея находится в мешке, мешок лежит на земле, и я могу вдохнуть полной грудью. И даже улыбкой встретить слова Дейн:

—Жуткое зрелище, но зато какие кадры!

Как хорошо, что можно было обойтись без дублей.

На горе „Золотых петушков"

К сожалению, вокруг горы Ариваитава совсем не водились скальные петушки. Оставалось только сделать новую попытку в районе, где я пытался снимать этих птиц годом раньше. Хоть бы на этот раз вирусная лихорадка не сорвала работу...

Дейн не приходилось рассчитывать на иммунитет, поэтому я решил ехать в Моко-моко без него; оттуда вместе с Атти и Вильямом доберусь до горы «золотых петушков». Я запасся палаткой и специальной жидкостью, призванной отпугивать всяких насекомых. Утром, перед выходом из палатки, я намазывался этим зельем с ног до головы; по вечерам мы не зажигали фонарей, чтобы не привлекать крылатых мучителей. Возможно, эти меры предосторожности были излишними. В прошлом году в это же самое время, почти в том же месте нас по ночам осаждали тучи мошкары. Теперь же Атти и Вильям спокойно спали в гамаках под открытым небом, и никто их не тревожил. Если не считать хора ревунов[1]. Да и то этот хор я не назвал бы помехой, мне он по душе, голоса ревунов еще больше, чем крик филина или дуэт краснозобых гагарок, оттеняют атмосферу дикой природы.

Токовище «золотых петушков» с прошлого года почти не изменилось, но ямки переместились, так что из старого укрытия я не видел целиком новую арену. Тем не менее я там же соорудил себе шалаш из тряпок, проволоки, палочек и пальмовых листьев и приготовился наблюдать из зеленого убежища.

На другое утро я был на посту. Быстро провел в полумраке шалаша репетицию, чтобы без лишнего шума включать ту или иную аппаратуру, доставать печенье и консервированный компот, убедился, что рука дотягивается до углубления под камнем, где лежала фляга с водой и запасные пленки. И вот уже зашелестели крылья, а точнее — вторые маховые перья. Они заканчиваются еле видимыми бородками, придающими перу особую, заостренную форму и это-то острие и создает в полете характерный свистящий звук. Пернатые рыцари в оранжево-красных доспехах собрались на турнир. И разыгрался спектакль, который я видел годом раньше, но на этот раз никакие хвори не мешали мне наслаждаться зрелищем. Кокетливые позы, кивание округлым хохлом-гребнем, напоминающим шлем, быстрые подскоки, крики, ложный бой, резкие переходы от покоя к бурной активности...

---

[1] Ревуны — обезьяны фауны Южной Америки.

Первым токованне этнх птиц опнсал географ и картограф Роберт Шомбургк, который в 1839 г. путешествовал в погранччных районах Гвианы. Он рассказывает:

«Странствуя по этим горам, мы виделн изысканно красивых птиц кок-оф-зе-рок, или скальных маиакинов[1], и мне представился случай наблюдать их своеобразиейшне прыжки; мие рассказывалн об этих прыжках индейцы, но раньше мне трудно было повернть их описанням. Услышав столь характерный для рупнкола чнрнкающнй звук, я вместе с двумя проводникамн подкрался поближе к полянке вблизи тропы. Поляика была не больше полутора метров в диаметре, н казалось, рукн человека повыдергнвалн здесь все травннки до единиой и выровняли землю. Здесь мы увиделн, как однн петушок совершал свои скачки, встречаемые явным одобреинем других представнтелей вида. То расправнт крылья н вскниет голову вверх или расправит хвост веером. То важно расхаживает кругом и роет землю, подпрыгивая; иаконец он устал, проквохтал что-то, и его смеиил другой. Так три птицы выступилн по очередн н покинулн ареиу с чувством собственного достоинства, заннмая место на низко свнсающей ветке».

Брат Роберта Шомбургка, Рикард, ботаник н орнитолог, примерио так описал виденное им в горах Кануку в 1841 г.:

«На гладкой поверхности скалы исполняла свой танец стая изумительнейших птиц; миогне орнитологи отказывались прежде верить в возможиость такого спектакля, о котором я очень миого слышал от индейцев.

С десяток птиц сидели в кустах вокруг токовища, издавая иеобычиые звуки и как бы образуя восхищенную аудиторию, а один самец прыгал иа ровном камне. То важно поднимет шнроко расправленный хвост, то опустнт его, хлопает расправленными таким же образом крыльями и продолжает исполнять свои па. Наконец снлы его, очевидно, истощались, и ои вернулся в кусты, а его место занял другой самец».

В 1958 г. ботанк Николас Гэппи так писал о токованни скальиых петушков:

«Виезапно один нз нкх прыгнул в круг, распушил перья, иаполовину расправил крылья и хвост и побежал вприпрыжку, то поднимая, то опуская голову. Мнг — и он перекувырнулся, стал на ноги н прыгнул на ветку... потом затих, словио удивленный и озадаченный собствениой лихостью».

И что поразнтельно в этих трех описаниях: хотя наблюдения, сделанные в разиых местах, во многом совпадают, онн так же далеки от действительиости, как схватка борцов от па-де-де. Гэппи никак ие мог видеть кувырков, о которых он говорит. Наверио, на иего повлияли рассказы нидейцев и записки братьев Шомбургк, да н собственная фантазия сыграла свою роль. В свою очередь, братья Шомбургк тоже находились под влиянием рассказов местных

[1] Манакины — семейство мелких птиц, обитающих в тропических лесах Центральной и Южиой Америки.

жнтелей, а также описанні глухариного и тетеревнного токовання. Неверно говорнть о каком-то «чирнкающем звуке», о том, что скальный петушок вскндывает голову вверх н расправляет хвост. Данные о том, что несколько птнц по очереди выступают на общей арене, представляли бы немалый интерес — будь онн верными. На самом деле такой порядок известен только у сниеспнного манакина; два нлн больше самцов этого внда н впрямь нсполняют нечто вроде хоровода. Индейцы всегда очеиь красочно описывают виденное нмн, часто сопровождая рассказ имнтацней слышанных звуков; не уднвительио, что братья Шомбургк былн введены в заблужденне.

Есть индейцы — взять хотя бы моего друга Атти,— которые поразительно много зиают о разных животных и явлеииях, но н они подчас допускают грубые ошибкн. А то и нарочно сообщают неверные сведення. Я столько раз бывал обманут, что научился чуть ли не ко всем рассказам местиых жителей отиоситься критически.

Одним нз самых выдающихся и опытных орнитологов в мире был Томас Гийяр. Личные иаблюдення ои сочетал с фото- и киносъемкой и звукозаписью, это обеспечнвает гораздо более надежную основу для последующих сравнеиий и проверок. То, что мне довелось увидеть и запнсать, почти полностью совпадает с даиными, которые сообщает Гийяр.

Скальных петушков привлекают мелкие углублеиия в почве среди кустов с длинными вертикальными прутьямн, иапоминающнми годнчные побеги вербы. Углубления вовсе не выкапываются птнцами, образоваиие их обусловлено совсем другими факторами. Во время дождей иа токовище ложатся мокрые скользкне листья. В эту пору петушки, хотя они весьма актнвны задолго до брачного периода н после иего, не токуют, во всяком случае, на землю не спускаются. Когда же наступает засушливая пора, лнстья высыхают, н птицы, тормозя в воздухе крыльями перед приземлением, разметывают их в стороны. Ни Гийяру, нн мне не довелось видеть, чтобы скальные петушкн скреблн землю лапами; кстатн, лапы у этого внда устроены так, что крепко обхватывают н вертикальные, и горизоитальные ветки, причем когтн длнннные и острые, почти как у хищников.

Я проверял иа себе хватку молодого скальиого петушка, посадив его на свою руку; ои цеплялся куда снльнее, чем сова или хищная птица таких же размеров. Клюв тоже не участвует в уборке листьев, взмахи крыльев достаточно эффективиы. За три сезона наблюдений на одном и том же току я убедился, что каждый год ямки перемещаются, иногда чуть-чуть, иногда довольно далеко. Это и поиятно при таком способе расчистки. Зато уж когда петушок облюбует себе место, он остается ему вереи; хотя до площадки соседа будет всего два десятка сантиметров, ои остается именно на облюбованиом для себе месте.

Понятно, число самцов иа току варьирует, одиако их редко бывает больше десятн. На току, где я наблюдал, было всего пять

птиц. Индейцы много раз уговаривали меня перенести наблюдения на другое место, дескать, там скальные петушки собираются десятками. Но я не сомневался, что от поисков «другого места» выигрывают только проводники, я же потеряю драгоценное рабочее время. Ведь и Гийяру индейцы-проводники сулили по меньшей мере пятнадцать — двадцать токующих птиц; на самом деле из его описания явствует, что он видел не больше пяти самцов в брачном наряде.

Ритуал петушков каждый день один и тот же.

Около восьми часов утра, когда лучи утреннего солнца дотягиваются до скал и переливаются на трепещущих листьях в птичьем танцзале, можно услышать свистящий шорох крыльев и сразу затем громкое, многократное «кавао». Первый самец дает знать, что он прибыл на место и готов уделить внимание как соперникам, так и благосклонно расположенным самкам. Словом, звучит сигнал сбора.

Один за другим слетаются к токовищу другие самцы. Первый приветствует их, щелкая клювом,— словно ломается сухой сучок. Похоже, этот звук служит «паролем» у половозрелых самцов.

Самка щелкает так лишь в том случае, если ее потревожат на гнезде, причем она не трогается с места. А у самцов щелканье сопровождается серией молниеносных движений, которые кинолента позволяет различить. Образуемый хохлатой головой круг движется слева направо, затем спускается к самым ногам, одновременно смыкается клюв; и все это уходит полсекунды. Щелканье клюва в мире птиц — демонстрация готовности дать отпор: «Я начеку, без боя не отступлю!»

Снова и снова щелкая клювом, самцы этап за этапом приближаются к своим площадкам. Садятся на тонкие прутья, раз-другой взлетают повыше, опять спускаются вниз. Вот один опустился на корень в нескольких сантиметрах над площадкой и щелкает. Сильно взмахивает крыльями, так что листья разлетаются в стороны, и замирает в своеобразном положении — будто самка, которая приготовилась лечь на яйца. При этом «балетные пачки» расправлены. Однако хвост не задирается кверху, как у глухаря или тетерева, напротив, он подогнут, почти как у дятла. На самой площадке все агрессивные действия прекращаются, здесь петушок не щелкает клювом. Казалось бы, углубленная площадка, центр активности самца,— желанный объект, за который не грех и подраться, но это не так. Поединки никогда не происходят на площадках, только на прутьях, да и то речь идет о ложных боях, самцы не касаются друг друга и не теряют ни пушинки. Сколько я ни рыскал по токовищам (обещал семилетнему сыну прислать перо «золотого петушка»!), ни одной пушинки не нашел, только два-три маховых пера. Словом, в отличие от глухарей и тетеревов у скальных петушков до потасовок дело не доходит.

Проверив свои площадки, самцы занимают места на прутьях, где сидят без движения по полчаса кряду. Хвост подогнут, но не касается прута; иначе говоря, он не служит для опоры, как у дят-

ла. Неуловимый ветерок колышет длинный наряд, пачки расправлены, птица красуется — и по праву, она чудо как хороша!

Два дня подряд среди половозрелых оранжево-красных петушков появлялся молодой самец, почти совсем коричневый, лишь несколько пушинок обрели апельсиновый цвет. Я ждал, что ему зададут трепку: если молодой тетерев осмелится выйти на токовище, его гонят прочь весьма грубо. Здесь молодого встречали щелканьем, но он не отвечал. Очевидно, эта черта поведения появляется только у половозрелых особей. Все взрослые кругом щелкали клювами — и никто не нападал на молодого, даже когда он приблизился на метр к одной из площадок, над которой в кустах сидел «хозяин». Взрослый петушок обязан отвечать на щелканье, самка — двигаться особым образом, а поведение недоросля не вызывало реакции отпора, самцы относились к нему безучастно, все было тихо-мирно. Я мог спокойно поразмыслить о некоторых деталях.

Два вида скальных петушков теперь выделены в особое семейство, а раньше их относили к котинговым. Название, которое дал этой птице Роберт Шомбургк — «скальный манакин»,— было вполне оправдано. Сходство с некоторыми манакинами несомненно, оно включает и особый шелест крыльев, и пристрастие к вертикальным прутьям, и громкое щелканье клювом. Токование черно-белого манакина очень напоминает брачные игры «золотых петушков». Его крылья «жужжат» в полете, самцы манакина устраивают одиночные танцы среди кустов, плавно снуя туда и обратно. Наконец, самец черно-белого манакина щелкает клювом так громко, что на Тринидаде его называют французским словом «касс-иазетт» («щелкунчик»). Так что скальный петушок, пожалуй, ближе к манакинам, чем к котингам, чьи брачные игры сильно отличаются от тока двух первых.

Название «скальный петушок» дезориентирует так же, как и придуманное мной наименование «золотой петушок». В обоих случаях у человека невольно возникает ассоциация с куриными. Хорошее название придумал ответственный секретарь газеты «Экспрессен» Ларс Персон, когда редакция решила дать цветную фотографию птицы в воскресном приложении: «Ну, как получилась твоя апельсиновая ворона?» Скальный петушок и впрямь ближе к врановым, чем к куриным, а одну из котинг называют красношейной плодоядной вороной.

Оранжевый манакин!.. Звучит и красивее и экзотичнее, чем «скальная птица». Возможно, английское «кок-оф-зе-рок» («скальный петушок») произошло от «каванорох»— так называют эту птицу индейцы, причем название это, скорее всего, звукоподражательное. Одно время я думал, что дело обстоит наоборот, индейцы небрежно выговаривают английское наименование, но ведь Роберт Шомбургк еще в 1838 г. записал, что индейцы называют петушка «кабануру». Довольно похоже на звук, который иногда «бормочут» оранжево-красные самцы.

Первая половина дня на токовище проходит спокойно, и когда

солнце добирается до зенита, птицы, кажется, готовы уснуть. Обычное явление для большинства животных в этих широтах.

Около часа все вдруг начинается снова. Щелканье клювами, порхание между площадкой и прутьями. Но теперь в движениях больше живости, что-то назревает. Самцы громко кричат, в кустах снова и снова вспыхивают «схватки»— опасные только с виду, на самом деле птицы друг друга не трогают. Крылья сердито бьют по листве, они полуразвернуты, так что видны коричневые и белые маховые перья, часто птица подолгу замирает в горизонтальном положении, вытянув ноги отвесно, прежде чем возобновить бурную «потасовку», сопровождаемую громкими криками и прерывистым бормотанием звука «кованорох». То и дело этаким сопрано на фоне «мужских» баритонов звучит тягучий, жалобный клич, сначала вдалеке, потом все ближе. Клич этот словно подстегивает самцов, они мечутся туда-сюда, часто все вместе, а в паузах головы обращены к определенной точке над токовищем или рядом с ним. Если самка сидит прямо над самцом, он держит голову почти горизонтально, глядя на нее.

Она подлетает еще ближе — и вдруг самцы садятся каждый на свою площадку. И приседают, следя за самкой. Кажется, они окоченели, только наряд колышется от ветерка. Впрочем, иногда то один, то другой петушок чуть подпрыгнет, как бы устраиваясь поудобнее, по-прежнему с причудливо изогнутыми головой и туловищем. Видимо, в этой позе должно быть что-то крайне обольстительное для дамы. Но что?

Гийяр предложил гипотезу, которая мне кажется весьма правдоподобной. У воробьиных принято, что оба супруга вьют гнездо и заботятся о потомстве. Но здесь самец и от этой работы освобожден — тут играет роль и токование, полигамия, и яркий наряд, способный привлечь к гнезду хищников. Все же инстинкт настолько силен, что эволюция не стерла его совсем, а как бы переключила на токовище. Недаром поза самца на площадке человеку напоминает насиживающую птицу; наверно, она стимулирует самку на сооружение гнезда. А стимулы тут нужны, ведь это работа надолго, слепленное из комочков глины гнездо весит до четырех килограммов. Поэтому самка снова и снова — возможно, каждый день — возвращается на токовище, чтобы почерпнуть вдохновение. Не исключено, что особенно сильно привлекает самку большой гребень-хохол с глазом в центре.

Спаривание не входит в ритуал; вряд ли оно вообще происходит на токовище. Ни Гийяру, ни мне не довелось наблюдать что-либо подобное. Лишь однажды Гийяр видел действие, которое он называет выбором самца самкой. Внезапно самка камнем упала рядом с самцом и тут же взмыла вверх, сопровождаемая им. Но это, пожалуй, крайний случай. Мне представляется более обычным обмен стимулами на расстоянии. Самец видит, что взгляд самки устремлен именно на него, она нервно двигается, мотает головой, открывает клюв, иногда кричит. По всему видно, что собирается лететь,— но не вниз, к самцу, а куда-то в сторону. И в са-

мом деле улетает, когда избранник подинмается к ней н преследует ее в лесу.

Иногда самка, прилетев на токовище, сидит спокойно, чистится потихоньку и не проявляет особенного интереса к самцам. Впоследствии, ежедневно наблюдая несколько гнезд, я заметил, что около часа-двух дня, в самую жаркую пору самки улетают, хотя их никто не спугивает. Крик их слышен издалека — и когда они убывают, и когда возвращаются. Конечно, самке нужна пауза, чтобы кормиться, однако не исключено, что самцы и токовище притягивают самок так сильно, что они продолжают туда летать долго и после того, как отложат яйца. Ведь игры продолжаются до мая, пока не начинаются дожди.

Гийяр провел всего полтора месяца в области обитания скальных петушков, поэтому он почерпнул у Атти сведения о том, когда токование этих птиц достигает кульминации. Атти, как и все индейцы, заверил его, что петушки особенно интенсивно играют на рождество и на пасху. Увы, это совсем не так. Кульминация приходится на вторую половину февраля, но индейцам представляется, что птицам положено больше играть на праздники...

Токование растягивается надолго. Наверно, и в период дождей, стоит проглянуть солнцу, как птицы собираются к токовищу, но липкая подстилка из влажных листьев не позволяет устраивать танцы на земле. Зато с приходом засушливой поры игры становятся все активнее. Казалось бы, кульминация с последующим высиживанием птенцов должна прийтись на конец первого засушливого периода, то есть на ноябрь, но это не так, во всяком случае, в районе Кануку. Гийяр покинул район 9 марта, и в четырех гнездах, за которыми он следил, еще не было ни одного яйца. Зато 29 марта Дэвид Сноу нашел яйца в одном из них. В семи случаях, проконтролированных мной, яйца откладывались примерно от февраля до начала мая. Но только в одном случае я могу указать совершенно точную дату — 19—21 марта.

Интересен выбор места для гнезда. Уже когда я, используя инфрасвет, снимал гуахаро[1] в пещерах на Тринидаде, меня занимала мысль — сравнить условия гнездования двух видов. Гуахаро гнездятся в пещерах от устья и вглубь, до самых темных мест. Ориентируются они с помощью эхолокации, издавая звуки, напоминающие щелчки.

Скальный петушок порой тоже гнездится в пещерах, но не в таких темных, чтобы самка нуждалась в эхолокации. Чаще всего гнездо устроено в трещине на гладкой, отвесной поверхности скалы или огромного камня. Трещины широкие, в метр и больше. И стенки птица выбирает достаточно высокие, до десяти — пятнадцати метров, чтобы хищник ни сверху, ни снизу не добрался до гнезда. Во всяком случае, гнездо недоступно для взрослого ягуара, любителя полакомиться дичью. К тому же трещина служит надежной защитой от солнца, от ветра и, главное, от дождя. А дожди здесь бывают чудовищной силы...

[1] Гуахаро — птицы отряда козодоев, распространены в Южной Америке.

Лишь в двух случаях видел я гнезда скальных петушков на открытом месте — не в трещине, а иа камениой стене с отрицательным уклоиом. Дневные периатые хищиики здесь редки; каракара — большой охотник до яиц — совсем не водится. А еслн бы н водилась, все равио ие так-то просто обнаружить яйца илн птенцов скального петушка. Яйца — их всегда два — сероватые с коричиевыми пятнами, гнездо окраской сливается с фоном, ведь оно слеплеио из обработанной термитами земли и корневых волосков. Когда иевзрачная коричиевая самочка насиживает яйца, рассмотреть ее почтн иевозможно. Понятно, когда вылупятся птеицы, она чаще вылетает нз гнезда, но тело птеицов покрывает такой длинный пух, и сами они так жмутся на дно, что даже самый любопытный глаз может принять их за пучок бурых корешков.

Зато когда самка саднтся на гнездо, очеиь хорошо видны разнинутые пасти птенцов — они желторотые, причем уголки особенно велики, как у многих другнх воробьиных. В свете кармаиного фонарика нх можно прннять за огоньки, так что самка даже в темной пещере видит эти пасти, стнмулирующне ее иа кормление.

Птенцы поедают ягоды и косточковые плоды. Я собирал косточки под тремя гиездами, но пока не удалось определить, о каких плодах ндет речь. Когда птенцы поднимаются на крыло, они не больше птенца сойки, но проводят гораздо больше временн в гнезде — два месяца с лнишим. Это, несомнеино, обусловлено инзким содержаиием белка к корме.

Самкн, как и самцы, держатся стайками, гиезда по возможности лепят вблизи друг от друга. В одной пещере я нашел два гиезда — одио с яйцамн, другое с птенцами. Да еще две самки трудились иад гнездами; возможно, это былн новые сооружения, но скорее всего, старые, нуждающиеся в ремонте. Что касается упомянутого выше гиезда иа открытой плоскости, то из своего укрытия я слышал, как самка, вылетая, кричала, и ей отзывались по меньшей мере две соседки.

Но их гнезд мы так и не сумели отыскать иа поросшем кустарником, неровном склоне.

Самки всегда проводят ночь в гнезде. Возможно, они ночуют «дома» круглый год. Так что если самка сидит в гнезде, это еще ие значит, что она собирается откладывать яйца. А вот когда начинается ремонт краев гнезда с примененнем корневых волосков и глиины — можно со дня на день ждать кладки.

Самки н молодые петушки очень похожи между собой. По сути дела, нх иа вид вообще не отличишь — тот же коричневый наряд, тот же короткий гребешок на голове вместо большого и круглого, как у взрослого самца. Казалось бы, столь ярко окрашенным самцам трудно укрыться от врагов, и их должно быть намного меиьше, чем самок. Но это не так! В этом районе вокруг обычного токовища с пятью самцамн и число удобных мест для гнездовання ие больше пяти. По соседству с токовищем, изученным Гнйяром, по-прежиему иасчитывается только четыре гнезда, и иаходятся они в тех же местах, хотя с 1961 г., наверно, какую-то из самок

постарше смеиила молодая. То же можио сказать о других трещинах, гнезда помещаются там миого лет.

Так почему же самцам, иесмотря иа красочный иаряд, удается все же уцелеть?

Я долго ломал голову иад этой загадкой, а ответ получил случайно.

Изучая в Стокгольме отсиятый материал, я заказал одиу черно-белую копию. Включил проектор — где же птицы? Пропали! Хотя нет, вот что-то отделилось от фоиа — и тут же снова исчезло. И тут меня осеиило. Подобно Гийяру, я полагал, что оперение самца, цвет которого кажется то оранжевым, то ярко-красным в зависимостн от освещения под пологом леса, служнт сигиалом для самок, но вместе с тем выдает птицу хищникам. Так оио и есть, ио только для тех хищинков, которые обладают цветовым зрением.

У пернатых представнтелей отряда хищиых превосходиое цветовое зреине; у сов светочувствнтельиые клеткн часто преобладают иад цветочувствительными. И хищиые звери, и совы разных видов, большие и малые, широко представлеиы иа равиине, особеино по краю саванн. Но чем выше в горы, тем их стаиовится меньше — как и другнх птиц. Гийяр иаблюдал иесколько пернатых хищников в районе токовища скальиых петушков, ио ведь место, где ои заиимался исследоваииями, расположеио всего в полусотие метров выше саванны. Для сравиения можно сказать, что токовище у скалы Иламнкипаиг, которая торчит иад лесом, словно иос лежащего великана, расположеио иа высоте около 820 м.

Гийяр видел следы оцелота по соседству с токовищем, а у пещеры, где слепили свои гиезда самки, он обнаружил отпечатки лап ягуара. Ягуарунди, тнгровая кошка и другие представители кошачьих в этой области — рьяные охотиики иа птнц; тайры, иосухи н лесные собаки тоже иепрочь съесть птичку, ио все оин ие различают цветов!

Если бы скальиые петушки все время кричали и порхали вверх-вииз, оин, понятио, все равио привлекли бы виимаиие какой-иибудь кошки. Но периатые актеры по много минут сидят иеподвижно, выступление длится всего пять-десять секунд. Покрнчат, исполият свон па и снова замирают неподвижио, сливаясь — скажем, для оцелота — с фоном. Этому способствует и форма головы, ие такая, как обычно у птнц, а круглая, будто лист.

Известио, что дальтоиикам особеино трудно различать зеленый и красный цвета, которые являются дополннтельными. Быть может, ораижево-красное опереине в этом смысле идеальио сочетается с окружающей зеленью. Проделайте небольшой экспернмеит с цветным снимком, на котором изображеи скальиый петушок. Пристально смотрите с полмииуты иа оранжево-красиую птицу среди зелеин (освещенне должно быть достаточио сильиым), потом переведнте взгляд иа лист белой бумаги. Вы увндите зеленую птицу на фоне ораижевой листвы!

Конечно, вопрос цветового зрення млекопитающих — да и птиц тоже — еще недостаточио изучен, но отнюдь не исключеио, что

оранжево-красная окраска скальных петушков фактически является защитной.

Гийяр сообщает, что часто видел поблизости от токовища агути[1], и высказывает предположение, что это животное играет роль «сторожа» для птиц и, в свою очередь, извлекает для себя какую-то пользу. Какую именно, он не указывает, но у меня есть своя догадка на этот счет. Я тоже часто видел и слышал вблизи токовища скальных петушков и думаю, что тут играет роль пристрастие птицы к косточковым плодам. Косточки отрыгиваются, и на небольшом участке их накапливается довольно много, а надо сказать, что эти косточки — любимое блюдо агути! И вполне возможно, что виденный Гийяром оцелот подстерегал именно агути, а не скальных петушков, для которых кошка днем вряд ли опасна.

Да, повезло мне, что я смог так подробно проследить за поведением удивительно красивой и своеобразной птицы. Однако первый же день удачных наблюдений мог для меня кончиться весьма печально и стать последним днем в моей жизни...

Завороженный необычным зрелищем, я прилежно снимал, нетерпеливо перезаряжая камеру, и мне все казалось, что надо бы двигаться еще быстрее. Правая рука то и дело ныряла в углубление под скалой за новой кассетой.

Вдруг токование прервалось, птиц будто ветром сдуло. Впрочем, они быстро вернулись и заняли места среди ветвей в метре-двух над своими площадками. Крики, общее волнение, но танцы не возобновляются. Так прошло полчаса, если не больше.

У меня еще раньше было задумано сменить позицию для укрытия. Ведь токовища сместились по сравнению с прошлым годом, вот и мне не мешало слегка переместиться, чтобы лучше видеть всю арену. И решил я, раз уж все равно птицы отвлеклись, перебазироваться немедленно. Причина их волнения оставалась непонятной — никто не ступал по сухой листве по соседству, и на деревьях не появились никакие обезьяны.

Я выбрался из шалаша, потянулся, сделал два-три шага по направлению к ближайшей площадочке и повернулся лицом к своему укрытию. Там, в полумраке, чуть поблескивал объектив кинокамеры, словно глаз Циклопа. Камуфляж хороший, ничего не скажешь. Прикинув, куда теперь надо перебраться, я шагнул в сторону. Нет не шагнул, а подпрыгнул! Там, куда я собирался опустить ступню, лежала свернутая в кольцо змея. Красная, на золотисто-розовом фоне черные ромбы, и каждый ромб украшен двумя розоватыми пятнами. Бушмейстер — правда, не из самых больших, чуть подлиннее полутора метров.

Змея глядела на меня, я — на нее, сердце отчаянно колотилось. Палку бы... Сразу за моей правой ногой лежала палка. Я стал медленно нагибаться. Мои ступни по-прежнему находились в пределах досягаемости бушмейстера, и я внимательно следил за его шеей, чтобы уловить движение мышц, предшествующее ата-

[1] Агути — грызун размером с кролика.

ке. Дотянулся до палки... К сожалению, все сучья, лежащие на лесной подстилке, изъедены здесь термитами. Эта палка не составляла исключение, но у меня не было выбора. Я давно мечтал о встрече с этой замечательной змеей, чтобы выяснить целый ряд вопросов. И вот мне впервые представился случай поймать ее.

Бушмейстер продолжал лежать неподвижно, если не считать щупающего воздух языка. Змея вся напряглась, не менее моего озадаченная внезапной встречей. Я осторожно протянул конец палки вперед, сделал паузу, потом прижал палкой шею змеи к земле. Последовал форменный взрыв. Крутились и мелькали желтые и черные кольца. И только правая моя рука приготовилась схватить змею позади головы, как палка сломалась. Бушмейстер устремился к камню, я продолжал лихорадочно орудовать палкой, и мне удалось выбросить змею прямо на токовище. Она свернулась кольцом, и сразу было видно, что змея разъярена. Кончик хвоста дрожал, она громко шипела. Я стал медленно приближаться, снова уловил момент и прижал бушмейстера к земле палкой, которая теперь была меньше полуметра длиной. Стараясь не повредить змею палкой, я ждал, когда она хоть немного угомонится. Полуоткрытая пасть резко повернулась, все змеиное тело напряглось — снова проклятая палка сломалась! И стою я с палочкой не длиннее зубной щетки, с дурацким выражением лица, а змея улепетывает под камень...

Теперь мне стало понятно, почему птицы прервали игру и поднялись повыше. Возясь со своими кассетами, я нарушил покой змеи, которая отдыхала в норе после ночных трудов, и она решила поискать более тихий уголок. Когда же она выбралась наружу, поднятая птицами тревога заставила ее остановиться. А тут и я еще вмешался...

Кому нужна оцелотовая шубка?

Часто указывают на странное обстоятельство: человек уже ступил на поверхность Луны — и в то же время некоторые племена в глухих уголках Земли по-прежнему живут на уровне каменного века. А меня куда больше поражает, что в цивилизованном мире дамы высшего света по-прежнему ходят одетыми в шкуры. Причем «сливки общества» в индустриализированных странах — не такой уж тонкий слой, число дам, полагающих высшим шиком украшать себя останками красивых животных, достигает миллионов. Каприз моды нередко оборачивается страшными мучениями для фауны, и знай об этом женщины, они ни за что не согласились бы с этим мириться. Посетительницы стокгольмских универмагов и ателье наверно возмутились бы, если бы кто-то на их глазах стал мучить кошку или собаку. Не сомневаюсь в их реакции, доведись им проследить за муками оцелота[1], подстреленного индейцем. Го-

[1] Оцелот — дикая кошка фауны Южной Америки.

ворят, кошки живучи... И агония тянется не один день. Несколько дробинок поразили легкое, тучи насекомых круглые сутки вьются около вытекшего глаза, весь бок испещрен гноящимися ранками. Оцелот не способен добыть себе пищу, силы постепенно покидают его, а боль нарастает. Только вода и доступна раненому зверю, и он умирает на пути к водопою. И лежит разлагающееся тело, облаченное в красивейшую шкуру, расцветка которой так удивительно отвечает природным условиям. Та самая шкура, что потом обеспечит даме хорошее настроение и зависть подруг.

Атти рассказал мне, что бразильские торговцы мехами только пять или шесть лет назад начали скупать шкуры оцелота и ягуара, раньше спроса не было. Откуда же вдруг такая потребность?

Мир — особенно животный мир — испытывает на себе действие лихорадки, обуревающей тех дам, которые не полагаются на собственную внешность и рядятся в чужие перья. В буквальном смысле слова.

В мире пернатых самый яркий наряд у райских птиц и колибри. Торговля шкурками этих птиц стала доходным делом, и в конце прошлого века из Новой Гвинеи ежегодно вывозили около 50 тыс. шкурок. Они пользовались огромным спросом в Париже, Лондоне и других средоточиях цивилизации. Колибри добыть было еще легче, их шкурки вывозились миллионами. Одна лондонская фирма только за год вывезла из Вест-Индии 400 тыс. шкурок колибри. Но главным центром экспорта была Богота — Колумбия по числу пернатых стоит на первом месте в мире, из 319 известных видов колибри здесь водятся 135.

Не один вид оказался под угрозой полного истребления. Но около 1920 г. Новая Гвинея прекратила торговлю шкурками райских птиц, и теперь ввоз птичьих шкурок запрещается законом в США и большинстве европейских стран.

Когда будет запрещена торговля шкурами пятнистых кошек? Неужели придется ждать, пока и они не окажутся на грани вымирания? Сколько еще животных будут мучить и убивать?

В некоторых африканских странах закон охраняет леопардов. Правда, остаются еще браконьеры и контрабандисты. Становится обычным подбрасывать леопардам отравленную приманку. Это позволяет добыть неповрежденную шкуру, да только года через два она начинает лезть, к великой досаде обладательницы красивой шубки.

Не так давно на Франкфуртской ярмарке только для одной шубы были приобретены шкурки высшего качества общей стоимостью 130 тыс. марок. Скорняк, который сообщил мне эти данные, сам был удручен тем, до чего же состоятельные женщины гоняются за престижем.

Там, где пахнет большими деньгами, браконьерства не остановишь. Единственная разумная альтернатива — международный запрет торговать такими шкурами.

Другое дело звероформы. Взять, скажем, норку — тут вполне можно обойтись без того, чтобы калечить и мучить зверька. К то-

му же такой промысел не нарушает природного баланса. Норковые шубки хороши при любом освещении, и ведь можно подобрать шкурки любого оттенка. Подозреваю, что дамы, отдающие предпочтение пятнистым кошкам, руководствуются не столько эстетическими соображениями, сколько тем, что девять кинозвезд из десяти щеголяют шубами из шкур больших кошек. Из-за капризов моды падает спрос на норку, недавно многим крупным зверофермам пришлось выбраковать множество животных, чтобы избежать демпинга.

Иной читатель, согласный пожалеть маленьких симпатичных колибри, скажет, возможно, что крупным хищникам туда и дорога. Конечно, ягуар и впрямь опасен для человека; он крупнее леопарда, на счету которого числится немало двуногих жертв. Я вовсе не хочу приукрасить ягуара, изобразить его этаким котиком-переростком. По своим габаритам он занимает среди кошачьих третье место после тигра и льва, и все же не пользуется такой дурной славой, как леопард, несомненно, по той причине, что плотность населения в местах обитания ягуара не так велика. Ягуар реже встречается с человеком, да и добычей он вполне обеспечен. Так что случаи нападения на людей очень редки, да и то вряд ли можно говорить о намеренной агрессии. Тайни Мактэрк рассказал мне про ягуара, которого привлек запах рыбы в мешке удачливого рыболова. Рыболову было жаль расставаться с уловом — поплатился жизнью. Можно понять и тех ягуаров, которые бросаются на выстрелившего в них охотника. От того же Тайни я услышал про случай, когда возле убитого зверем охотника нашли искусанное мощными клыками ружье.

Интересные сведения получил я и от Атти — лучшего охотника в горах Кануку.

Охотники-индейцы часто подражают звучаниям агути, когда не удается выследить более интересную добычу. И бывает, что обманутый агути попадается на эту уловку. Я и сам выманивал агути из логова, имитируя свистом контактный звук. Мясо этого зверька вкусное, но, подражая агути, охотник сам себя подвергает немалому риску. Первый ягуар, которого удалось убить Атти, бросился на охотника, привлеченный именно такой имитацией.

Тот же Атти рассказал мне такой случай.

Двое — отец и сын — отправились на охоту. Дело шло довольно плохо, тогда сынишка принялся имитировать свист агути. Тотчас из кустарника желтой молнией выскочил ягуар и сбил имитатора с ног. Зубы хищника тянулись к голове паренька. Отец вскинул ружье, выстрелил... Ягуар бросился наутек, а парень остался лежать. Выстрел попал ему в бок.

На счету Атти четыре ягуара и три пумы. Двух пум он убил ночью, посчитав, что светящиеся глаза принадлежат ягуару; с третьей столкнулся утром, когда уже было достаточно светло, и он отчетливо рассмотрел желто-бурую кошку. Атти замер, надеясь, что пума отступит. Она вместо этого начала медленно кружить около

него. Он почувствовал, что она вот-вот пойдет в атаку, вскинул ружье и одним выстрелом уложил ее наповал.

— Не хотелось мне стрелять в нее,— сказал он мне, и я мысленно похвалил его, но тут услышал конец фразы:— Здесь ведь туго с патронами.

Кажется, все встречи с пумами и ягуарами происходят на тропах. Я сам случайно убедился, что большие кошки охотно пользуются тропами, которые проложил человек.

По словам Атти, в засушливую пору нет никакого смысла охотиться на ягуаров, то ли дело после дождя — сразу любой след заметен. Но вот в один прекрасный, сухой день, записывая на магнитофон птичьи голоса, я занял такую позу, что чуть не уткнулся носом в тропу. И через некоторое время поймал себя на том, что слышу отчетливый запах кошки. Окончив запись, я решил пройти по следу. Если бы вы меня видели в те минуты, наверно, заключили бы, что долгое одиночество отразилось на моей психике: я передвигался на четвереньках, водя носом над землей. Интенсивность запаха менялась от одной точки к другой; в конце концов след и вовсе исчез, пришлось довольно долго искать, прежде чем я снова взял его. Видимо, кошка вскакивала на камень рядом с тропой. Умением чуять след я обязан ручным росомахам, которых держал дома, в Швеции. Когда им надо «проявить» запах, особенно в прохладную погоду, они опускают нос совсем низко и сильно выдыхают. Почва нагревается выдыхаемым воздухом, и пахучие частицы лучше отделяются от нее. Применяя этот способ, я шел по следу около сотни метров. Вдруг запах резко усилился — передо мной лежал огромный камень, а под ним была нора. Очевидно, я прошел в обратную сторону, потому что кошки в убежище не было.

Потом я еще раз учуял запах кошки примерно в том же месте. К моему великому сожалению, Атти некоторое время спустя застрелил оцелота недалеко от упомянутого выше камня...

Как бы то ни было, мои наблюдения склоняют меня к выводу, что ягуар переходит в нападение тогда, когда ему что-то угрожает, скажем, при встрече с человеком на тропе. Сперва он замирает на месте, и самое разумное — последовать его примеру. Несчастный мальчуган, который обратился в бегство, сам того не ведая, заставил сработать столь легко возбуждаемый охотничий инстинкт. Тот же инстинкт побуждает ягуара атаковать агути — действительного или мнимого. Слух вообще играет важную роль, когда ягуар преследует небольших животных. Убежден, что ягуар бросается на человека по ошибке. Случаи такого нападения очень редки, а ведь ягуар, наверно, часто видит проходящих мимо людей, сам оставаясь незамеченным благодаря камуфлирующей окраске.

Пятнистая окраска указывает на то, что ягуар приспособлен для жизни в лесу. Но когда поселенцы стали разводить в саваннах скот, легкая добыча соблазнила зверей, и они начали совершать ночные налеты, вынуждая владельцев ночами дежурить на высоких платформах над коралями, куда загоняют скот после дневного

выпаса. Теперь-то такие налеты большая редкость, но все же отдельные ягуары специализируются на домашнем скоте.

Пока не было спроса на шкуры, одни только поселенцы и стреляли ягуаров. Для индейцев ягуар был чуть ли не священным животным, в старые времена его охраняло табу, и нарушителя запрета ожидала кара небес — верная смерть грозила его сыну. Атти убил своего первого ягуара, обороняясь. И впоследствии потерял одного сына; по местным понятиям это и было карой.

Но поскольку он уже поплатился, его примерно через год попросили застрелить другого ягуара, нападавшего на скот. Вместе с еще одним охотником Атти устроил ночную засаду на дереве, под которым лежала зарезанная зверем корова. Услышав, что хищник вернулся к добыче и рвет ее зубами и когтями, Атти посветил карманным фонариком и выстрелил. Ягуар бросился к дереву, на котором сидел охотник, и повис на суку возле его ног.

— Я не знал, что и делать, сижу и свечу на него фонариком,— рассказывал потом Атти: он не успел перезарядить ружье.

Зверь ревел от ярости и боли, наконец сорвался, упал на землю и испустил дух.

Рассказывая про свои встречи с ягуарами, Атти выражает сожаление, что в то время на шкуры совсем не было спроса.

Атти — искусный охотник; не один оцелот был обманут его подражанием голосу агути, попавшего в беду. Атти и еще десяток тысяч искусных или скверных охотников выслеживают, убивают, подранивают ягуаров, пум и оцелотов. Понятно, скупщики бракуют немалую часть добычи — одни шкуры испорчены дробью, другие источены термитами. Глядишь в Стокгольме на какую-нибудь нарядную даму, увлеченную закупками на рождество, и спрашиваешь себя: сколько же животных всего было убито, чтобы она могла пощеголять в пятнистой шубе, если учесть, что на шубу из ягуара уходит минимум пять хороших шкур, а на шубу из оцелота — и все четырнадцать... Только в одном из наших универмагов я насчитал тридцать две шубы из шкур пятнистых кошек.

То, что сказано здесь о ягуарах и оцелотах, в такой же мере относится к леопардам. Целая вереница людей, от охотника в дебрях до скорняка в индустриализированной стране, действует, ничуть не задумываясь над последствиями своих поступков. А между тем многим представителям кошачьих угрожает полное истребление.

Когда будет запрещена торговля шкурами пятнистых кошек?

Край гоацинов[1]

В охране животных был один способ, который тысячи лет действовал безотказно, но и он теряет силу в наш просвещенный век — суеверие. Какие-то животные считались неприкосновенными, их не полагалось убивать. Отменно была поставлена «охрана жи-

[1] Гоацин — птица, распространенная в лесах северо-восточной части Южной Америки.

вотных» у египтян: кто осмелился бы поднять руку на священного ибиса и навлечь на себя гнев всемогущих богов? У древних викингов неприкосновенным был ворон. Суеверие охраняет в наши дни сороку. У нас считается дурной приметой убить паука.

Индейцу, убившему ягуара, как я уже говорил, грозит потеря сына. В Южной Америке по сию пору жив страх перед этой карой. Местные жители считают, что лучше не носить шубки из ягуара. Хоть бы это суеверие распространилось на весь мир...

Один из самых удивительных и самых беззащитных представителей пернатых водится в наиболее густо населенных областях Гайаны — и уцелели эти птицы прежде всего благодаря табу. Речь идет о гоацине, которого в приморье прозвали «Вонючая Ханна». Интересно, что на юге граница его распространения резко обрывается: на суринамской стороне реки Корантейн гоацинов нет, зато их много по рекам гайанского приморья, включая гайанскую сторону Корантейна! Меня поразил этот факт, а объясняется он отношением человека к этой птице. По берегам суринамских рек, где прежде водился гоацин, живут потомки негров-рабов, некогда бежавших с голландских плантаций. В Гайане индейцы ловили беглецов и выдавали их англичанам; в Суринаме у европейских поселенцев не было такого сотрудничества с индейцами, и беглые рабы находили себе убежище. Потомки их живут в деревушках вдоль рек, кормятся главным образом тем, что изготовляют сувениры. Замечательные деревянные изделия этих умельцев находят сбыт далеко за пределами страны.

Многие увезенные в рабство негры занимались охотой у себя в Африке. На новом месте они продолжили промысел так эффективно, что в окрестностях деревень почти вся дичь перевелась. Подстрелить большого неуклюжего гоацина было очень просто. В итоге весь вид был истреблен.

По берегам гайанских рек, облюбованных гоацинами, тоже селились люди, притом гораздо больше, чем на суринамских реках, однако число птиц не убывало, а скорее прибывало.

Я убежден, что это связано с религиозными представлениями местных жителей, в том числе переселенцев из Индии.

Когда я первый раз попал на реку Махайкони, где в изобилии водятся гоацины, мы пристали к берегу возле дерева с гнездом. Вместе со мной в лодке сидел Рам Сингх. В это время мимо проходила другая лодка; один из сидевших в ней встал и, шутливо грозя кулаком, крикнул:

— Рам, вечное проклятие поразит тебя, если ты тронешь хоть одну птицу!

Рам много лет собирает для музеев птичьи яйца, отлавливая птенцов и взрослых птиц, и его хорошо знают в этих местах.

— Эту птицу мы не трогаем,— говорили мне индейцы.

Но объяснить, откуда пошло это табу, никто не мог. Возможно, первые же прибывшие сюда индейцы пришли к выводу, что гоацин непригоден в пищу из-за того самого качества, которое породило кличку «Вонючая Ханна». Вероятно, присущий мясу

гоацина резкий запах спасал птнцу от хищннков. В этой области он же спасает ее от людей: тогда как в Суринаме беглые рабы от голода готовы былн все съесть.

«Вонючая Ханна» удостоена немалого почета. В гербе Гайаны два ягуара поддержнвают щит, на котором красуется гоацнн. Большинство гайанцев, знающих о существованин этой птицы, убеждены, что она водится только в нх стране. Но это неверно, гоацины населяют обширные области на севере Южной Америки, концентрируясь в бассейнах Ориноко и Амазонки.

Гоацин поистине ннтересен во многих отношениях; странно даже, что ученые сравнительно мало занималнсь этой птицей после 1909 г., когда Уильям Биб опубликовал свои наблюдения. Гоацина изучал Лир Гриммер; его главной задачей было отловить некоторое количество птиц и доставить живьем в Вашингтонский зоопарк, но из этого ничего не вышло. Пойманные гоацины скоро поумирали, только один экземпляр жил пять месяцев. Результатами своих исследований Гриммер поделился в одной единственной статье, напечатанной в 1962 г. в журнале «Нейшнл Джиогрэфик».

Примечателен даже внешний вид гоацина. Голова очень маленькая для такого крупного — как у фазана — тела, зато украшена великолепным золотисто-коричневым хохлом, напоминающим головной убор североамериканского индейского вождя. Красно-бурый глаз окружен лишенной оперения кожей эффектного голубого цвета. Хвост длинный, крылья большие: тем удивительнее тот факт, что гоацин плохо летает. Мускулатура крыльев слабая, и в передней части грудины не видим присущего другим куриным заметно выступающего киля. Напомним, что пока известен только один верный способ определить степень родства, а именно — сравнивать структуру некоторых белков. Возможно, гоацина со временем выделят даже в отдельный отряд — столько у него уникальных особенностей. В его анатомии сохранились настолько примитивные черты, что специалисты готовы считать его родичем археоптерикса — первоптицы, которая, в свою очередь, считается промежуточным звеном между рептилиями и птицами.

Впервые археоптерикс был описан в 1861 г. по находке в верхнеюрских сланцах Зольнгофена в Баварии; всего обнаружено трн скелета и отпечатки перьев, последний — в 1956 г. Ученые спорили, идет ли речь об одном виде (археоптерикс), или же можно выделить второй (археорнис) и считать ли это жнвотное птицей или рептилией. В одном из скелетов череп обладает многими чертами, типичными для пресмыкающихся. Маленькая черепная коробка, само строение черепа, а главное — длинные челюстн оснащены множеством острых зубов. Хвост тоже напоминает хвост рептнлий; в целом скелет лишен особенностей, отлнчающих птичий скелет, конструкция которого должна выдерживать большие нагрузки прн маневрировании в воздухе.

Но хвост и передние конечности сходны с птичьими в том, что онн были покрыты мощными перьями, позволяющими совершать

планирующие прыжки с дерева на дерево. При неудачном «приземлении» археоптерикс мог зацепиться когтями — по три когтя на каждом крыле; они же позволяли карабкаться вверх и набирать высоту для новых прыжков.

Глядя, как гоацины неуклюже приземляются на ветвях и лазают по деревьям на берегу реки, мы словно переносились в прошлое на сто миллионов лет... Птицы часто помогали себе суставами при движении. А у птенцов на каждом крыле по два когтистых пальца, отвечающих нашим большому и указательному. И с помощью этих когтей птенцы довольно ловко лазают по кустам. Они даже недурно ныряют и плавают в отличие от других куриных. Прерывистое шипение тоже напоминает скорее древнего ящера, чем птицу. Длинный хвост и большие крылья — совсем как у археоптерикса, тем более что возбужденный гоацин держит их так, как это видно на отпечатках древней первоптицы в сланцах.

Конечно, было бы наивно считать гоацина прямым потомком археоптерикса. Как человек не происходит ни от гориллы, ни от шимпанзе, а представляет собой ветвь на общем для всех трех видов стволе, так и археоптерикса с гоацином можно считать разными «экспериментальными образцами» природы. Подобно первым аэропланам, археоптерикс мог пролететь несколько десятков метров, однако был постепенно вытеснен более совершенными моделями; гоацин же в своей постоянной среде смог дожить до нашего времени. Известно около восьмисот ископаемых форм, по которым можно проследить, как различные рептилии пытались овладеть воздушным океаном. Сколько всего моделей забраковала природа? На этот вопрос ответить нельзя, ведь до нас дошли следы лишь некоторых форм.

Большинство природных катаклизмов не коснулись области обитания гоацина. Все Гвианское плоскогорье, охватывающее не только три Гвианы[1], но и части Бразилии и Венесуэлы, представляет собой древнейший щит, его возраст не менее 500 млн. лет. Здесь не было вулканических извержений, не было сильных температурных перепадов; влажный тропический климат и относительное постоянство растительного мира обеспечили благоприятную среду. На других континентах огромные площади завоевывали хвойные или травянистые; здесь этого не было. Покой самых больших в мире диких дебрей — области Амазонки — никогда не нарушался вторжением совершенно новой растительности.

Благодаря этому многие виды животных сохранялись из тысячелетия в тысячелетие, приспосабливаясь к густой растительности и многочисленным водотокам. Изоляция Австралии и Новой Гвинеи позволила уцелеть многим сумчатым; та же изоляция позволила уцелеть некоторым сумчатым и другим древнейшим типам фауны в Южной Америке. Центральноамериканский сухопутный мост был затоплен около 50—60 млн. лет назад. За это время некоторые при-

[1] Имеются в виду: Гвиана Британская — с 1966 г. независимое государство Гайана, Гвиана Нидерландская — с 1975 г. независимое государство Суринам и Гвиана Французская.

митивные виды настолько специализировались, что смогли успешно выдержать конкуренцию со стороны более поздних «конструкций». Так, чрезвычайно живучим оказался один из видов опоссума. Два-три миллиона лет назад снова образовался центральноамериканский материковый мост, и в Южную Америку хлынули хищники — медведи, собаки, еноты, кошки. Они истребили не один беззащитный вид, а вот острозубый опоссум выстоял. Больше того, он сам проник на Североамериканский континент; уже в исторические времена этот всеядный зверек продвинулся на север вплоть до Канады. Броненосцы и древесно-дикобразовые, чьи предки в Северной Америке вымерли, тоже сумели «вернуть» себе часть континента.

Хорошо защищала специализация и муравьедов, все три вида которых обитают в Гайане. Карликовый муравьед облюбовал лесной полог, самые тонкие ветки. Он не больше белки, но попробуй тигровая кошка добраться до него, ее ждет яростный отпор. Зубов у муравьеда нет, но он решительно замахивается своими мощными когтями. Несоразмерно большие когти предназначены для того, чтобы раскапывать термитники; и если кто-то заденет малыша, тельце его срабатывает, будто пружина крысоловки, так что когти наносят врагу глубокие раны. После такого удара кошка, скорее всего, шлепнется на землю с высоты тридцати — сорока метров, муравьед удержится за ветку цепким хвостом.

У тамандуа — он размером с нашу домашнюю кошку — тоже цепкий хвост. Этот муравьед наделен поразительной силой. Как-то утром, направляясь вместе с Дени к саванне, я услышал страшный шум в лесу. Оказалось, Франсиско и его брат, которые выбрали другую тропу, натолкнулись на тамандуа. Франсиско захотел показать мне зверя и схватил его руками. К сожалению, зверь, в свою очередь, схватил Франсиско. Из двух сквозных ран на кистях хлестала кровь, и муравьед явно не собирался ослабить хватку. Втроем мы связали зверя и общими усилиями разжали когти.

Индейцы макуси считают муравьеда самым сильным из всех животных. И чтобы часть силы перешла к ним, они отрубают ему мощный хвост и пьют кровь.

В Гайане и прилегающих частях Бразилии тамандуа известен под другим именем — мамбиру. А словом «тамандуа» гайанцы обозначают большого муравьеда. Это причудливое создание, достигающее в длину около двух метров (вместе с хвостом), отличается кротким, миролюбивым нравом — пока его не раздразнят. Если же ему что-то угрожает, муравьед замахивается передней лапой и наносит молниеносный удар. Несколько лет назад в Рупунуни в объятиях большого муравьеда погиб четырнадцатилетний мальчуган. Длина когтей этого зверя — до десяти сантиметров; мощными передними лапами он легко сокрушает твердые как камень термитники. Словом, трудно представить себе, чтобы какой-нибудь ягуар пожелал схватиться с этим, обычно миролюбивым великаном.

Рано утром я ехал на машине по саванне, вдруг от дороги к опушке леса ринулся галопом косматый муравьедище. Я крикнул водителю, чтобы остановил машину, и побежал вдогонку за зве-

рем. Это была первая в моей жизни встреча с большим муравьедом, и мне хотелось рассмотреть его поближе. Довольно долго длилась погоня, наконец зверь остановился, на несколько секунд замер на месте, потом ринулся в обратную сторону, к машине. Я был вполне доволен увиденным и не спеша последовал его примеру. В эту минуту я увидел, как два индейца, сопровождавшие верхом наш «джип», скачут навстречу муравьеду. Пользуясь его привычкой поднимать для обороны переднюю лапу, они накинули на нее аркан. Когда я подоспел, обе лапы зверя были схвачены веревкой и растянуты в разные стороны. Разъяренный муравьед бросался на обидчиков. Я спросил, как же они теперь снимут петли с лап животного. Весело улыбаясь, они ответили, что убить муравьеда проще простого — достаточно одного удара по его длинной морде. Увы, вакеро не прочь позабавиться таким способом, я много раз видел у саванновых дорог убитых муравьедов.

В этом случае муравьеду вернули свободу, хоть это и было отнюдь не легко. Стоило снять одну петлю, как зверь тотчас бросился на индейца, державшего вторую веревку, и тот обратился в бегство. Дерево перехватило веревку, и противники остановились. В конце концов и вторая лапа зверя была освобождена от петли, и он побежал к лесу. Наверно, этот случай пошел ему на пользу: муравьед усвоил, что лучше держаться подальше от опасной дороги.

Впрочем, великан этот был не так уж и велик рядом с исполинским представителем отряда неполнозубых, который вымер после того, как снова возник центральноамериканский материковый мост. Речь идет о родиче ленивцев, и поныне медленно передвигающихся среди ветвей лесного полога южноамериканских дебрей. Жил на Земле такой мегатерий, огромный, как слон. Стоя на задних ногах, он достигал в высоту шести метров. Когти у него, как у большого муравьеда, были такой величины, что ходил он, подгибая их назад и опираясь преимущественно на суставы. Можно представить себе, какой странный след оставлял мегатерий. Индейцы до сих пор рассказывают про удивительное волосатое существо «дай-дай» в три человеческих роста. Мол, эти «люди» добродушные, если их не дразнить, а ноги у них задом-наперед! Полагают, что мегатерий дожил до появления первых индейцев в Южной Америке.

Броненосцы, муравьеды, ленивцы — все эти формы, наверно, исчезли бы, не окружай их неизменная среда, она же среда обитания гоацинов. Главный враг названных животных здесь человек. Главный, но не единственный. Работая в районе реки Махайкони, я каждый день видел примеры угрожающих им опасностей или уже свершившихся катастроф. Ревуны примерно знают, где искать яйца гоацина, и не ленятся систематически обследовать кусты, где гнездятся эти птицы. Сами гоацины в это время, неуклюже балансируя на ветках, шипят и одновременно взмахивают хвостом и крыльями.

Помимо ревунов, часто можно поблизости от гоациновых гнезд

увидеть квакву, которая тоже не прочь полакомиться яйцами, а то и крохотными птенцами. Тем же промышляют каракары и древесные змеи, которых тут немало.

Три раза приезжал я в эти места и каждый раз наблюдал, как виденные нами в гнездах яйца через несколько дней исчезают. Насиживание длится месяц — срок долгий и опасный, учитывая множество «заинтересованных». Лучше всего преуспевали птицы, гнездящиеся около домов и пристаней, куда хищники редко отваживаются заходить. Одно гнездо помещалось по соседству со школьным зданием. Поставив тут свою палатку, я каждое утро видел, как птицы вылетают из кустов на солнышко. Но с наступлением полуденного зноя они снова прятались. Я заметил, что единственного птенца кормят четыре взрослых птицы! Оказалось, что для данного вида это вполне обычно. В небольших, изолированных островках кустарника держалось до семи-восьми гоацинов. Интересно было наблюдать, как они играют роль проводников для птенца, покинувшего гнездо. Опираясь на суставы, они поочередно переступали вдоль ветки и все время звали птенца шипящими звуками. Малыш переступал следом. Сделает два шажка — отдыхает. Если же он отказывался двигаться с места, взрослые птицы окружали его со всех сторон, заслоняя собой.

Я искал для съемки гнездо с только что вылупившимися птенцами, но без успеха. То попадались яйца, то уже подросшие птенцы, способные самостоятельно карабкаться по веткам. Во всяком случае, удалось запечатлеть на пленке разные формы поведения гоацинов, в частности, сбор сучков и сооружение гнезда.

Интересно было наблюдать, как кормятся гоацины. Раньше можно было прочесть, будто эта птица поедает змей, но это неверно, животная пища, похоже, вообще не входит в питание гоацина. Часто я видел, как птица, расправив крылья, падает на траву. Это было очень похоже на то, как сова или дневной хищник падает на добычу, однако в данном случае добычей было растение мокамока. Оно достигает около пяти метров в высоту, но птиц привлекают свежие ростки. Один за другим гоацины поедали широкие, напоминающие формой сердце листья. Оторвут клювом большой кусок и заглатывают в свернутом виде узким горлышком. Дальше пища усваивается не так, как у большинства птиц. У куриных и других растительноядных птиц зоб служит только «копилкой», а усвоение пищи происходит в оснащенном мощными мышцами желудке. У гоацина пища измельчается в зобу, разделенном на несколько мускульных камер. Пока что не удается вырастить молодых гоацинов в зоопарке. Очевидно, пища сперва должна пройти обработку в родительском зобу, чтобы птенец мог ее усвоить. Желудок у гоацина маленький, зато зоб так велик, что закрывает почти всю грудь птицы. Когда она сидит на ветке, ее даже перетягивает вперед, она опирается на особый вырост на грудине.

Я возлагал большие надежды на третью поездку. Мне удалось завоевать среди индейцев много друзей, они не ленились снабжать меня сведениями, но и эта цепочка наблюдателей не выручила. Мы

путешествовали по реке на длинной — около двенадцати метров — лодке с двойной палубой. На крышке помещалось укрытие, где я сидел наготове со всеми своими камерами. Проверяем гнездо за гнездом — одни пустые, в других два-три яйца. Стало очевидно, что мне и на этот раз не повезло. Я попросил юного рулевого не спеша вести лодку вверх по реке. Увижу на подходящей ветке гоацина — подъедем поближе, и я успею снять несколько кадров, прежде чем птица снимется. Но паренек еще не освоился с лодкой, и нам никак не удавалось подобраться к цели под нужным углом.

Вот снова идем прямо на группу гоацинов. Внезапно замечаю, что одна из птиц как бы на маленькой платформе. Кричу парню, чтобы дал задний ход. Но он ошибается, и лодка таранит кустарник!

Нос лодки застрял в ветвях, и я высунулся из своего укрытия, чтобы проверить, что осталось от гнезда. Чудо из чудес — лодка только пробила брешь в нем, и теперь перепуганная птица ковыляла к этой бреши.

Привыкшие к тому, что индейцы не причиняют им вреда, гоацины бывают совсем ручные, они близко подпускают людей. Но главное: заглянув в гнездо, я увидел три яйца и трех птенцов! Рекордный выводок, до сих пор нам попадалось не больше четырех яиц.

Птица вела себя спокойно. И вместо того чтобы ломать ветви, высвобождая нос лодки, мы решили постоять на месте, так как надо было немедленно защитить птенцов от жарких солнечных лучей. Сами осторожно укрылись за брезентовыми тентами, и с двух метров я наблюдал жизнь необычного семейства.

Самка (или самец — по внешности их не отличишь) тотчас накрыла собой гнездо. Вскоре появилась вторая птица и, стоя на ветке в полуметре над гнездом, расправила крылья как ширму. Потом она спустилась и легла рядом с первой, которая подвинулась в сторону. Шесть яиц были явно снесены двумя птицами: когда вылупились птенцы из второй партии, стало очевидно, что разница между ними и первой троицей составляет два-три дня.

Во второй половине дня зной спал, и течение начало дергать лодку. Мы решили, что пришло время отступать. Шум раздвигаемых веток спугнул птиц с гнезда. Двое птенцов постарше вылезли из своего убежища, и один из них упал на береговой ил. Рам рассказывал мне, что родители не признают птенца, к которому прикасались руки человека, да и от других я слышал то же самое. Как поступить? Попытаться выкормить малыша — бесполезно; у Гриммера отловленные птенцы были старше, и то не выжили. Я вылез на берег и подобрал холодного, мокрого птенца. Вытер его, согрел, потом посадил на ветку. Он стал понемногу карабкаться вверх, подавая сигналы; две птицы на гнезде и еще три, сидевшие в кустарнике рядом, отзывались. Я заметил, что, когда взрослые шипели, дергая крыльями и хвостом, птенец тоже дергался. При этом его пальцы всякий раз перехватывались на ветке, и он продвигался вверх. Остановится — взрослые усиленно сигналят, и ма-

лыш опять продолжает карабкаться. Мало-помалу он добрался до гнезда, и взрослая птица пустила его внутрь, хотя мои руки вытирали и согревали малыша.

Позже я дал одному птенцу гоацина послушать запись голосов родителей и писк малыша. И каждый звук заставлял крылья двигаться наподобие весел — вполне целесообразное движение для птицы, оснащенной пальцами.

Несмотря на примитивное строение и неуклюжесть вида, он в одном отношении достаточно высоко специализирован. Я говорю о прочности семейных уз. Взрослые птицы разделяют ответственность за потомство. Признаки такого сотрудничества известны и у других птиц, но у гоацина оно особенно развито.

Наверное, это и спасло вид. Позволило ему уцелеть в борьбе с другими животными, исключая человека. Даже самые прочные бастионы вида рушатся от действия человека.

В тропических дебрях[1]

Тринидад[2] — это как бы южноамериканские тропики в миниатюре, с различными типами ландшафта. Тут и саванна, и болота, и леса, а в северной части острова возвышаются внушительные горы, продолжение хребта соседней Венесуэлы. Тринидад сравнительно недавно соединялся с материком, этим объясняется богатство фауны и ее сходство с венесуэльской. Если говорить о геологии и зоогеографии, вернее будет сравнить остров с Южной Америкой, чем с прочими островами Вест-Индии,— их животный мир по большей части связан с южными районами Северной Америки.

Итак, Тринидад — самый южный из вест-индских островов и самый большой среди Малых Антильских, хотя его площадь не так уж велика — 5128 км²[3]. Климат тропический и здоровый, средняя годовая температура колеблется от 25° до 30°. Осадки определяются северо-восточным пассатом, больше всего дождей выпадает на северном берегу, в целом же годовая цифра колеблется от 1200 до 3800 мм. Самый дождливый месяц — август, на январь — май приходится так называемый засушливый период, но и в это время случаются сильные ливни, особенно в горах. К югу от горной цепи — самые высокие вершины Арипо 940 м и Эль Тукуче 936 м — осадков становится меньше, но кое-где есть заболоченные районы. Самые обширные болота связаны с морем, вода в них подчас солоноватая. На восточном берегу это Нарива, комарный и лягушачий рай; кстати, только здесь можно встретить большого сине-желтого попугая ара и его красного сородича. Есть научно-исследовательская станция Буш-Буш, где, в частности, изучают распространение желтой лихорадки насекомыми и млекопитающими.

[1] Из книги «Путешествие к красным птицам». Стокгольм, 1966.

[2] Тринидад—остров. Составная часть независимого государства Тринидад и Тобаго, образованного в 1962 г.— Прим. ред.

[3] По Энциклопедическому словарю географических названий площадь о-ва Тринидад —4828 км².— Прим. ред.

В болотах Карони на западном берегу обитает алый ибис; прежде, говорят, эта птица водилась и на юго-западе острова.

Помимо горной цепи, которая придает ландшафту такую внушительность, на севере есть еще гребешок посередине острова, высотой около 300 м, и на юге возвышаются три вершинки, известные под названием Тринити Хиллс. Именно эти вершинки увидел Колумб в своем третьем плавании, в 1498 г., он назвал тогда остров Тринидадом в честь святой троицы.

В ту пору на острове обитало несколько индейских племен; главное место среди них занимали араваки на юго-востоке и карибы на севере и западе. Первый визит испанцев прошел без осложнений, Колумб познакомился с араваками, и они понравились ему дружелюбием и благородной осанкой. Попадись ему тогда карибы — скажем, там, где теперь находится столица Порт-оф-Спейн,— вряд ли знакомство было бы таким же приятным. От слова «кариб» пошло потом слово и понятие «каннибал».

В Ариме (что на языке карибов означает «вода») и теперь можно найти почти чистокровных карибов, но они составляют очень малую часть населения. По этническому составу население Тринидада едва ли не самое пестрое в мире, здесь представлены все части света.

Меня повсюду встречали очень радушно. Так, я быстро подружился с Доном Экельберри, который известен, в частности, своими иллюстрациями в книге «Птицы Вест-Индии». Дон знал, где селиться: на Тринидаде больше четырехсот видов птиц.

Птицы в вечной темноте

Первоначально я собирался снимать жиряков в Венесуэле, там, где они были открыты Александром Гумбольдтом. Он назвал эту птицу Стеторнис карипенсис. Слово «карипенсис»—производное от «Карипе», это название местности, где находится пещера, в которую Гумбольдта в 1799 г. привели индейцы. Местные жители были убеждены, что в глубине пещеры обитают духи умерших, и не осмеливались туда заходить — дескать, сразу отправишься на тот свет. Возможно, именно это суеверие спасло от истребления жиряков, ведь от природы жиряк совсем беззащитен.

Птица эта была для индейцев источником жира для пищи и для освещения. Птенцов били палками в гнездах, расположенных рядами вдоль скальных полок, потом вытапливали из них жир над кострами. Факелы с таким жиром позволяли немного углубляться в пещеру и продолжать избиение птенцов...

Жиряк — своеобразное создание, всецело приспособленное к жизни в полной темноте. Впрочем, лунный свет птице не мешает, а скорее помогает при поиске плодов на пальмах и деревьях.

Дело в том, что жиряк — вегетарианец, в отличие от своих ближайших сородичей, сов и козодоев, предпочитающих мясную пищу. Родство это определить не так-то просто, однако белковый анализ

показал, что ближе всего к жирякам козодои. В систематике жиряковые — стеаторнида — составляют отдельное семейство с единственным видом — гуахаро.

Гуахаро — крупная птица, размах крыльев достигает почти метра. У нее много замечательных качеств. Великолепное обоняние, что не так-то обычно для птиц; очевидно, оно помогает жиряку находить нужные, притом достаточно зрелые плоды. Думаю, что и зрение не хуже, хотя оно никем основательно не исследовалось. Зато проведены эксперименты, которые показывают, что гуахаро свободно летает в подземных залах, где царит кромешный мрак.

«Гуахаро» — венесуэльское название, его можно примерно перевести как «кричащий, стонущий». Именно крики в глубине пещеры Карипе отпугивали индейцев, зато они же поощрили американского зоолога Дональда Гриффина забраться в такие закоулки, куда не проникал ни один луч света.

Тщательные исследования доктора Гриффина позволили ему разобраться в том, как ориентируются летучие мыши; результаты его работ широко известны. Всякий знает, что у летучей мыши есть свой эхолот, она издает частый писк такой высокой частоты, которую человеческое ухо не может уловить.

Прочтя рассказы Гумбольдта о страшном шуме от сотен птичьих голосов в глубине пещеры, Дон Гриффин заподозрил, что и гуахаро способны к эхолокации. Эксперименты подтвердили его догадку. В самой глубине пещеры, окруженный взвизгивающими птицами, он направил к выходу фотокамеру с открытым затвором и вывинченным объективом. Пленка экспонировалась полчаса, когда же ее проявили, никакого воздействия света не было обнаружено. Стало очевидно, что птицы впрямь ориентируются в полной темноте.

Ученый выпустил отловленных гуахаро в полностью затемненном помещении и установил, что они легко облетают любые препятствия. Но стоило заткнуть им уши, как начались столкновения.

Гриффин записал издаваемые птицами звуки и определил, что каждый отдельный звук длится одну-две тысячных секунды, при частоте в семь тысяч герц. Эта частота вполне доступна для нашего слуха, воспринимающего до 20 тыс. герц.

В пещере Карипе и теперь обитают сотни гуахаро; туристы валят сюда валом. Ради них провели электричество с разноцветными лампочками. Выдумка эта отдает пошлостью, но меня утешала возможность подключиться к сети со своей аппаратурой.

Однако вышло так, что моя «охота» развернулась не в Карипе, а в четырех пещерах на Тринидаде.

Как и Венесуэла, Тринидад изобилует жидким горючим — нефтью,— но и тут, увы, гуахаро убивали из-за жира для пищи и для светильников. Точно известно тринадцать пещер, где водились жиряки; сегодня в пяти из них вы не встретите ни одного гуахаро. Остальные восемь сравнительно трудно доступны — к счастью для жиряков.

Одна из этих пещер — к счастью для меня!— доступнее осталь-

ных. Называется она Дьявольской и представляет собой цепочку иросториых залов средн иагромождения огромиых скал. Через эти скалы протекает речушка Гуахаро, которая вместе с другими ручьямн образует реку Арима.

Дьявольская пещера иаходится иа территории большой плантации какао: здесь же есть пансноиат для любителей природы. Приезжают и желающие отдохиуть в благодатном климате, н учеиые, в том числе зоологи и ботаиики.

Поиятно, жиряки — главный аттракциои, и ие меиьше раза в неделю в пещере появляются экскурсни. Птицы давио привыкли к гостям, и редко услышишь, чтобы оии нздавали свон жуткие крики. Область распростраиеиия гуахаро включает горы Перу, Эквадора, Колумбин, Паиамы, Венесуэлы, Гайаны и Северной Бразилии: тем не менее я подозреваю, что иапечатаиные в справочииках и ииых трудах сиимки жиряков все без нсключеиия сделаиы в Дьявольской пещере.

В Спрннг-Хилл — так называется плантация — я впервые встретился с Джоиом Даистоном. Ои ннжеиер иа текстильной фабрике и большой любитель природы; мы подружнлись, и Джои сопровождал меия в вылазках ие только в Дьявольскую, ио и в другие пещеры. Без иего я вообще ие нашел бы нх в одиообразиом дождевом лесу. В частностн, ои оказал мие иеоцеиимую помощь при съемках в жиряковой пещере Оропуче, попасть в которую куда посложнее, чем в Дьявольскую.

Гуахаро любят селиться там, где есть проточная вода, н в этой пещере — длииной, извилистой, с чередоваиием иизких туннелей и высоких влажиых сводов — берет начало река Оропуче.

Путь к пещере ие прост, особеиио если вы иесете дорогую н нежную аппаратуру. Дио неожидаиио холодиого потока — сплошиые острые камии да коварные ямы. Джои подыскал для меня отличных помощиков, фабричных парией, которым было только интересно посмотреть пещеру и помочь при съемках. В наше снаряжение входили три мощиых светильника, призваиные показать нам своды, иикогда не видавшие света.

Но сперва нам пришлось подписать бумагу, которая сиимала всякую ответствеиность за возможные последствия нашей вылазки с владельца участка, где иаходнтся пещера. Дело в том, что годом раньше в ией утонули двое молодых людей.

Нничего ие скажешь, это подземелье и впрямь производит жуткое впечатлеиие, узкие ходы ие для тех, кто страдает клаустрофобией. Одии из моих друзей, как ии мечтал ои об этом походе, сдался и отступил, так и ие проиикиув в глубииы тайиика.

В одном месте нам пришлось идти по колеио в воде под таким иизким сводом, что лншь с велнким трудом удалось уберечь от влагн иашу аппаратуру.

Светильники работалн от батарей, которых хватало иа двадцать мннут. Если учесть время иа установку света н камер, иа определеиие экспознции, то для съемкн оставалось совсем мало. Поэтому иам прншлось сделать в Оропуче четыре захода. Последний

заход совпал с сильными дождями, и вода в речушке поднялась так высоко, что под упомянутым низким сводом пройти было еще труднее, чем раньше. Да и то нам повезло! На обратном пути нас настиг мощный ливень. Будь мы в это время в пещере, река закупорила бы вход — либо сиди и жди, когда спадет вода, либо шагай под водой метров двадцать...

Кроме жиряков, в пещерах встречаются другие любители темных убежищ. Так что опираться руками о стенки надо осторожно, местами попадаются особые скорпионы. Интересно: чем они питаются? Скорее всего, организмами, которые паразитируют на помете птиц и летучих мышей.

Ох, уж эти летучие мыши! Они заслуживают того, чтобы о них рассказали отдельно. На Тринидаде — пятьдесят восемь видов летучих мышей! Дону Гриффину и его сотрудникам есть над чем поработать... В частности, они исследовали способность летучих мышей ориентироваться на большом расстоянии. Эта работа еще продолжалась, когда я уезжал с острова. Молодые исследователи, супруги Джейн и Тим Уильямс отлавливали в некоторых пещерах летучих мышей и поздно вечером отпускали их на волю. На каждое животное крепили крохотную лампочку, чтобы проследить, куда они полетят. Но даже в бинокль уследить за искусственными светлячками было очень трудно, и тогда лампочки заменили миниатюрными радиопередатчиками. Груз оказался вполне посильным, недаром мамаши этого вида носят по два детеныша на себе.

Когда я на шведском телевидении рассказывал про летучих мышей и жиряков, я старался держаться возможно ближе к истине. Один телезритель потом рассказывал, что после передачи его жена долго проветривала в комнате, так на нее подействовал мой рассказ о царящем в пещере зловонии.

Итак, приглашаю читателей в отдельный кабинет летучих мышей.

Вход в покои выложен шиферной плиткой, она еле держится, так что будьте осторожны, того и гляди обвалится! Зато внутри комфорт. Мягкий ковер во весь пол. Правда, он состоит из полчищ живых организмов — тут и крохотные бурые животные, и какие-то длинные белые нити, и четырехсантиметровые золотистые красавцы-тараканы. Тараканы обычно копошатся сверху, но чуть что, зарываются в глубину живой массы, которая колышется, словно поверхность коричневого моря.

Питаются эти твари манной, ежедневно падающей сверху,— пометом летучих мышей. Здесь обитают летучие мыши покрупнее, Филлостомус хастатус, и поменьше, Кароллиа перспициллата. Вторая — плодоядная, что, очевидно, и обеспечивает нужный состав корма для паразитов на полу пещеры. А заодно и острый, не совсем приятный запах, ударяющий в нос незваным гостям...

Включаешь свет — тотчас начинают мелькать тысячи крыльев. И происходит нечто неожиданное: температура воздуха в пещере быстро поднимается от всей этой бурной деятельности! Своеобраз-

ный и действенный способ отопления, становится даже душно. Выдыхаемая животными влага смешивается с моросящим дождем, а дождь этот не что иное, как моча испуганных зверьков. И хотя он вскоре прекращается, верхнюю одежду после визита в пещеру лучше выбросить.

Мы слышим только шелест крыльев, на самом же деле в подземной обители звучит чудовищный хор; хорошо, что частоты от 30 тыс. до 100 тыс. герц не воспринимаются человеческим ухом.

Казалось бы, летучим мышам нетрудно нас лоцировать, однако то и дело они налетают на вас, ползают по одежде, по шее, по лицу, гладя вам кожу неожиданно холодными крыльями, потом летят дальше.

Между прочим, эти маленькие крылатые млекопитающие нередко заражены туберкулезом. Поэтому даже вдыхать воздух в такой пещере не безопасно. Не говоря уже об угрозе бешенства, которое распространяют оба названных вида. Недаром исследователям сделали прививки, прежде чем допустить к работе в здешних пещерах.

О летучих мышах можно еще много рассказать, но не будем задерживаться в этом парфюмерном магазине, проследуем дальше, к жирякам.

Чтобы не напугать их раньше времени и спокойно послушать птичьи речи, выключаем светильники и топаем по воде в темноте, ставя ступню то так, то этак среди камней, которые бесцеремонно подставляют свои самые острые грани.

Вот впереди нас взлетела птица. В кромешном мраке гулкие звуки позволяют хорошо представить себе, как работает эхолот. Отрывистое вначале эхо становится все более продолжительным; ухо говорит, что пещера расширяется. Какие-то духи устремлялись к выходу, потом возвращались, и мы снова слышали будто барабанную дробь.

Отчетливо слышен и шелест больших, как у канюка, крыльев. Время от времени раздается отрывистый скрип — видно, подают голос птенцы на каменных полках. Мирно журчит вода.

Мы вошли в довольно просторный зал, это чувствуется по долгому эху. Устанавливают кинокамеру, мы готовы.

Предстоит включить свет, чтобы увидеть и снять всю стаю, а по возможности и пересчитать птиц. От наших трех светильников будет светло как днем, и впервые за сотни тысяч, если не за миллионы лет, этот вид пернатых познает свет ярче лунного.

Конечно, шок будет изрядный, тем более что в гнездах лежат птенцы. Но я уже видел в другой пещере, как птицы после подобного воздействия спокойно возвращались к гнездам, и не сомневаюсь, что здешние поведут себя так же.

Нажимаю спуск кинокамеры и командую:

— Свет!

В ту же секунду вся пещера залита светом. Сотни красных глаз обращаются в нашу сторону, и мне кажется, что сейчас у меня лопнут барабанные перепонки!

Налет краснокожих, тысячеголосый вороний хор — нет, никакое сравнение не годится.

Большие птицы порхают легко, словно бабочки, и кричат — зло, пронзительно. Через несколько секунд кричу:

— Гаси!

Снова кромешный мрак. Крики обрываются, словно порвалась лента магнитофона, зато весь зал заградительным огнем пронизывает непрерывное щелканье. Мы словно в гигантском часовом магазине. Все птицы мгновенно включили свое лоцирующее устройство.

Еще два-три раза включаем и выключаем свет. Эффект тот же. Свет — крики. Тьма — щелканье.

Включаем свет и не гасим. Мечущаяся стая постепенно успокаивается, крики затихают. Минута-другая, и птицы вернулись на свои полки, беспокойно семенят вокруг гнезд своими причудливо устроенными ножками. Туловище будто подвешено, хвост задран кверху, голова с кривым хищным клювом наклонена в агрессивной позе. Большие красные глаза — словно мигалки автомобиля, голова покачивается влево-вправо, как у совы.

Время от времени слышен шорох — какая-то из птиц столкнула ногами с полки плодовые косточки. Внизу лежат метровые сугробы из таких разноцветных шариков, покрытых плесенью и пометом. Торчат, будто гвозди из доски факира, тонкие, бледные ростки длиной и в двадцать, и в сорок сантиметров. Пальмы и другие растения, которым не суждено развиться дальше.

Отхожу назад на несколько метров, чтобы лучше видеть, захватить в кадр не только птиц, но и парней с светильниками, и вижу поразительную картину!

Передо мной словно пасть дракона.

Огромными клыками свисают сверху сталактиты, навстречу им снизу торчат метровые и двухметровые зубы сталагмитов.

В дуплах этих зубов копошатся «злые духи». И они же наделяют могучий зев голосом, рев катит волнами. Если бы индейцы, проводники Гумбольдта, увидели такое зрелище, было бы о чем сочинять предания!

Огромной зубочисткой лежит в пасти длинное бревно. На нем вырублены ступени. Трудно определить возраст этой примитивной лестницы, но очевидно, что люди еще не так давно приходили сюда за жиром...

Мы насчитываем около двухсот птиц, да и птенцов хватает, остается лишь надеяться, что впредь никто не будет здесь охотиться на жиряков.

После нашей заключительной вылазки в пещеру нам встретился один местный житель, который спросил, не с охоты ли мы возвращаемся.

Нет, ответил я, мы ходили в пещеру.

И вдруг меня осенило! Изображая страшный испуг, я в полном соответствии с истиной сказал, что больше никогда не войду в это подземелье. (Мы ведь завершили свою работу.) Дескать, двое

там утоиули, и одного нз ннх так н не удалось найти... Этот второй... Я стал заикаться и ие закончил фразу.

Глаза нашего собеседннка округлнлись, рот тоже, и он поспешил нас заверить, что да-да, в пещере и впрямь воднтся привидеиие, иам еще повезло, мы легко отделались! Этот человек не сомневался: если даже я, однн из ученой компании, видел в пещере что-то сверхъестественное, значнт, она охраняется табу.

Может быть, суеверне и впрямь поможет уберечь гуахаро в одном из их последиих прнбежищ.

Незримые видения

Во время вылазок в Оропуче жнряки впервые былн запечатлены иа кииопленке, одиако эти кадры показывали птицу в неестественной для нее обстаиовке, ведь в жнзни жиряки не сталкиваются с таким ярким светом.

Мие же, коиечио, хотелось заснять этих птнц в естественных условиях и по возможиости добыть новые сведення о пернатом «князе тьмы».

Не один исследователь после Гумбольдта заиимался гуахаро. Я уже сказал об исследованиях Доиальда Гриффина, призванных показать, что гуахаро лоцирует прн помощи щелкаиий. Но особенно тщательно изучал эту птнцу Девид Сноу, три с половииой года ои выяснял вопрос о распространеннн жиряков на Трииидаде, подсчитывал число их на трннадцати гиездовьях, проследил, что оии едят, когда размиожаются, сколько янц откладывают и так далее. Опубликованиые им статьи говорят об огромиой кропотливой работе, так что естественно спросить себя: да можио ли узнать еще что-нибудь о животном, которое было предметом тщательного изучения?

Пожалуй, и впрямь все было нзвестио. Кроме одного, притом достаточно важиого момента — как ведут себя птицы в полиой темноте? Как маиеврируют, насколько чуткн их уши, каковы взаимоотиошеиия с птеицами?

Темнота понятие относительное. Для иеясытн и самая темиая шведская иочь не темна. Зажгите свечу в пятистах метрах — этого света неясыти достаточио, чтобы рассмотреть добычу.

А вот в глубине пещеры и неясыть ннчего не увидит. Не увидел бы и я без ноктовизора — трубки ночного вндеиня.

На иитересующий вас предмет направляется источник света с фильтром, пропускающим только инфракрасиые лучи. На тот же предмет смотрит трубка, воспринимающая отражеиный инфрасвет и дающая зелеиоватое видимое изображеине.

Ноктовизор примеиялся на войие для ночных боев, но можно найти ему и куда более прнятные примеиеиия. Мие ои очень помогал при наблюдеинн сов как в лабораториях Стокгольмского университета, так и в поле.

Волшебный бииокль пришелся очеиь кстати при работе с гуа-

харо, я видел птиц в мягком зеленом свете, о котором они и не подозревали. Все снимки летящих, приземляющихся, кормящих гуахаро сняты с использованием ноктовизора как видоискателя. Без этого было бы невозможно определить момент для экспонирования.

Для таких съемок существует, кроме того, особая пленка — инфрапленка с повышенной чувствительностью не к световым, а к тепловым лучам. И надо сказать, эта теплочувствительность была для меня немалой проблемой. В тропиках пользоваться инфрапленкой — это примерно то же, что ходить по канату на коньках.

Я купил инфрапленку в Нью-Йорке в январе и тотчас спрятал ее в холодильник. Чудесный тридцатиградусный климат Тринидада — смерть для инфрапленки, и если бы она пролежала в местной таможне все три дня, что шла проверка моего багажа, никакие съемки жиряков не были бы возможны. Но мне посчастливилось сразу пронести сумку с пленками и без промедления поместить драгоценное содержимое в морозильник.

Перед съемками я каждый раз переносил пленку из морозильника в обычный холодильник, затем в мешочек со льдом, из которого я ее вынимал уже в прохладном ночном воздухе пещеры...

После съемки — в Порт-оф-Спейн, где от зноя плавится асфальт. В переносном холодильнике пленку доставляли в заранее предупрежденную лабораторию с кондиционером, где ее тотчас проявляли.

И все же мне довелось убедиться, как трудно уберечь теплочувствительную инфрапленку...

Утром, когда я шел домой после съемок, одна катушка выскользнула из мешочка со льдом в моем рюкзаке и скатилась к спине. Когда ее проявили, она была наполовину черная.

Ох, непростое это дело — инфрасъемки... Каждый раз, когда меняешь объект, надо сперва делать пробу. Различные поверхности по-своему отражают инфрасвет, и тут тебя никакие экспонометры не выручат, надо снимать пробные кадры.

Необходимо также вносить поправку при установке резкости, если — как это делал я — сперва устанавливаешь ее при обычном свете.

А сколько груза таскали мы на себе каждый раз! Автомобильный аккумулятор, ноктовизор, рамки для фильтров, три штатива, светильник с батареей, кинокамера с батареей, фотоаппаратура, электронная вспышка — все это каждое утро выносилось из пещеры для чистки и протирки, а вечером волокли обратно в пещеру...

— Поглядите на ослика! — кричала владелица участка миссис Райт при виде согнутой в три погибели человеческой фигуры.

Впрочем, голос ее звучал сочувственно, и я не обижался, тем более что она разрешила нам работать в той самой пещере, где до нас занимался исследованиями Девид Сноу.

Один из людей миссис Райт помог нам с Джоном Дастаном

соорудить в пещере платформу для съемок. Для этого мы сперва доставили к входу в пещеру два огромных бревна. После чего начали пилить, стучать и кряхтеть... От такого шума у меня стало тревожно на душе. В голой пещере любой звук невероятно усиливается, и как мы с Джоном, уподобившись муравьям с громоздкой ношей, ни старались тихонько укладывать колоды, стоял непрерывный грохот.

Но вот наконец перед закоулком с гнездами уложена на полу платформа, можно на время удалиться. Кажется, обошлось — птицы скоро вернулись на гнезда как ни в чем не бывало. Добавлю, что хотя я не одну неделю наведывался в пещеру, это никак не отразилось на насиживании. На скальных полках двадцать пять птенцов благополучно развились и достигли зрелого возраста.

Обычно я ждал, пока взрослые птицы вылетят из пещеры за кормом, потом быстро шел со своим грузом через бурлящий поток вверх по отлогому мостику и быстро взбирался на платформу. Я расставлял аппаратуру, включал обычный свет, наводил резкость, гасил свет, после чего остаток ночи сидел тихо, как мышка, до половины четвертого, когда птицы в последний раз вылетали за провиантом. Меня они даже не замечали.

Благополучному развитию птенцов помогло и то, что почти каждую ночь я вылавливал больших крабов, подбирающихся к гнездам. Эти живые тайки безжалостно щиплют птенцов своими мощными клешнями и поедают их заживо. Я сам видел такую расправу в ноктовизор. Дело происходило на полочке, которая была для меня недосягаема, но с того раза я старался заблаговременно вмешаться в дела природы, хотя обычно держусь в стороне.

Ночи на платформе пещеры Дьявола — одно из самых замечательных воспоминаний в моей жизни. Для невооруженного глаза кругом мрак кромешный. А ноктовизор открывает вам дверь в иной мир, своеобразие которого подчеркивается странным зеленоватым светом.

Около семи, через час после заката, когда сгущается ночная тьма, в колонии гуахаро ленивая дремота сменяется заметным оживлением. Тонкие шейки птенцов — словно живые стебли в подвале — качаются влево-вправо, глаза закрыты, но клювы теребят родителей. Волнами звучит хор голодных голосов. Одна за другой срываются с полок птицы, и вот уже в воздухе, пощелкивая, носится целая стая ночных навигаторов.

Стаями вылетают они на волю и стаями опускаются в какой-нибудь пальмовой роще в километре от пещеры. Стайерские дистанции гуахаро покрывают быстро, а дома, в пещере, могут подолгу зависать в воздухе, легко работая крыльями метрового размаха.

И вот пещера опустела, однообразное журчание воды оттеняет мои размышления в те два часа, что отсутствуют взрослые жиряки.

Птенцы притихли, круглые тельца, будто мешочки с жиром, не-

подвижны, если не считать ровиого дыхания. Есть время поразмыслить, в частности, иад поразительной тучностью птенцов. В чем ее смысл?

Доктор Сноу взвешивал птенцов разного возраста. Они развиваются очеиь медленно, в гнезде остаются около четырех месяцев, один изученный им птенец провел в гиезде 158 дней — это намного больше цифры, известной для других птиц таких размеров. Вылупившийся птенец весит 12—15 граммов; к 70—80 дням вес достигает 625 граммов. Родители весят 400 граммов с лишним. После 70 дней птенцы начинают постепенно сбавлять вес, дней 40—50 они «сидят на диване», после чего поднимаются иа крыло.

В одной из своих статей Сноу высказывает предположение, что запас жира связан с переходом на растительный корм; недостаток белков определяет и затяжное развитие.

Я сомневаюсь в верности такого объясиения.

У других столь же крупиых плодоядных птиц, обитающих в тех же районах,— скажем, у попугаев и туканов,— птенцы развиваются куда быстрее. Конечно, в их корме больше белка, чем в корме жиряков, но ведь птенец гуахаро уже на 40—50-е сутки догоияет в весе взрослую птицу.

Мне сдается, что долгое развитие птенцов жиряка обусловлено сложной нервной системой этих птиц.

Эхолокация — способность в темиоте определять расстояиие до окружающих предметов и маиеврировать в тесиых, извилистых проходах — требует от гуахаро, который кажется великаиом рядом с летучей мышью, очень тонкой нервной организации, какой могут похвастаться немногие пернатые. Саланганы[1]—строители зиаменитых «ласточкиных гнезд», которые так цеиятся гурманами на Востоке,— тоже способны к эхолокации, но они летят в свои пещеры вечером и остаются там всю ночь. Гуахаро рождаются во мраке, живут и умирают, не видя дневного света. Поэтому у них необычно развиты мозговые центры, управляющие равновесием. Им присуще острое зрение и, что у птиц довольно редко, обоняние.

Без преувеличения можно сказать, что высоко развитые нервные центры ставят гуахаро в особое положение. Уверен, что изо всех пернатых у гуахаро самый сложный мозг.

Когда гуахаро испытывает свои оргаиы управления, первая ошибка может стать и последней. Жиряку попросту нельзя ошибаться, слишком опасна среда его обитания. Один просчет — и молодую птицу ждет верная смерть в потоке.

Не сомневаюсь, что именно этими факторами обусловлеио долгое пребывание птенца в гнезде.

Далее. Полки с гнездами часто покрыты влагой; после сильных дождей, когда в пещерах усиливается циркуляция воды, по стенкам струйками стекает конденсированиая влага. В местах обитаиия гуахаро, в горах, ночной холод может быть опасиым для птиц. В таких условиях густой пух не годится как теплоизоляция. Птеицов спасает

---

[1] Птицы семейства стрижей.

жировая ткаиь. Недаром морские млекопитающие и птицы — хотя бы пиигвины — предпочли жир как изоляционный материал.

...Приближающиеся щелчки прерывают мои размышлеиия. Ноктовизор и кинокамера регистрируют возвращеиие первого жиряка.

Словио таицующая бабочка оказывается в конусе иевидимого света. Посередиие пещеры щелкаиья звучат реже, когда же птица приближается к полке с гиездом, частота возрастает, словио вы сильиее иажали педаль швейиой машииы.

В метре от гиезда птица вдруг сворачивает иазад, к цеитру зала. Туловище — вертикальио, крылья часто машут. Новая серия учащающихся сигиалов — и опять птица отступает почти от самого гиезда.

Так повторяется сиова и сиова, иакоиец, иа седьмой или восьмой раз вытяиутые иоги касаются полки, и щелчки прекращаются.

Самка сидит иа краю гиезда, птеицы молчат. Оиа делает несколько шагов и щиплет одиого птеица. Длиииая шея с криком тяиется к ее клюву.

Пгеиец совсем малеиький, ему чуть больше трех иедель, и голосок у иего писклявый. Ои долго, иастойчиво просит еды, вот и два других птенца начали размахивать тоиюсеиькими шейками. Самка иаклоияется и с полмииуты, словио насосом, перекачивает корм в разииутый вороикой клюв. Потом повторяет ту же процедуру с другими малышами.

Тем времеием и другие птицы вериулись к своим гиездам. И каждая примерялась иесколько раз, прежде чем сесть. Видимо, семь тысяч колебаний дают птице гораздо более размытую «картиику», чем ультразвук летучих мышей.

На одиом гнезде крупные, им дией по сто, птеицы доиимают мамашу. Или отца — по виду супруга ие отличишь. Я иаблюдаю форму поведеиия, которая, вероятио, присуща только жирякам. И притом оиа вполие целесообразиа.

Спасаясь от жадиых клювов, кормящая птица поворачивается к к иим задом. Птеицы безжалостно щиплют ее. Возможио, это ускоряет отрыгиваиие корма; во всяком случае, птица мгиовеиио оборачивается и затыкает порцией пищи пасть очередиого мучителя. После чего опять садится спиной к птеицам.

Что ж, очеиь практичио. Голову лучше беречь! Клюв гуахаро легко срывает плоды с пальмы, а плоды эти сидят крепко, можете мие поверить.

Закоичив кормление, птица улетает. Слышу ее морзяику, а вот птеицы, которые скрипели, будто иесмазаииые петли, мгновеиио смолкают.

Родители опять собираются стаями и летят в ночь, иа свет. Дада, после кромешиого мрака в пещере, иа воле, под звездиым иебом совсем светло. Я миого раз убеждался, что при выходе из пещеры жиряки тотчас перестают издавать щелкаиья. На воле им эхолокация ие нужиа, оии отлично видят иочью.

Только Джон Дастои слышал, как гуахаро щелкают вне пещеры. Ночью он ехал на машине в горах и вдруг услышал иепонятный треск. Неужели что-то в колесе застряло? Он остановился н сразу понял, что это щелкает стая жиряков.

Видимо, их случайио ослепил свет фар, и тотчас заработал механизм эхолокатора.

...Сиова в пещере тишнна, взрослые птицы в последний раз отправились за провиантом. Можио выпрямиться, потяиуться, собрать сиаряжение и выносить его через тесные ходы по колено в воде. Странно, насколько тяжелее стала аппаратура по сравнению со вчерашним вечером!

Джейн и Гуго Ван Лавик-Гудолл

Невинные убийцы

Охотничьи угодья днем и ночью

Метрах в пятидесяти от нас мчался галопом самец антилопы гну — его черная теиь мелькала на фоне освещенной луной выгоревшей травы африканской саванны. За ним неслись пять гиен, н расстояние между преследователями и жертвой с каждой минутой сокращалось. Вот самая первая из гиен вцепилась в хвост гну, н мгновение спустя остальная четверка уже металась вокруг, хватая жертву за бока и за ноги. Бык развернулся мордой к своим мучителям н затряс головой, делая выпады изогнутыми острыми рогами. Но иочная тьма высылала все новых и новых гиен, и ие прошло и двух мннут, как гну был сбит с ног и его уже едва можио было разглядеть за клубком рычащнх и грызущихся теней.

Гуго подвел машину поближе и включнл фары; кое-кто из пирующих поднял голову — глаза сверкают, морда и шея залиты алой кровью. Двадцать мннут спустя о схватке при лунном свете напоминало лишь темиое пятно вытоптанной земли.

Это была первая охота гиен, которую иам с Гуго довелось наблюдать, и мы долго не могли прийти в себя от ужаса, когда увидели воочию, как они рвут живую жертву на куски. С тех пор мы наблюдали такие кровавые драмы не один раз, потому что гиеновые собакн и шакалы убивают добычу тем же методом — молие-

носно разрывая ее на части. Жертва погибает в течение двух минут, не более, и при этом находится в таком остром шоковом состоянии, что едва ли способна почувствовать боль. А ведь львы, леопарды и гепарды, которых считают «аккуратными охотниками», зачастую душат свою жертву минуту десять — да и нам ли судить о том, какой смертью легче умирать? Поэтому мы не встанем в ряды тех, кто заклеймил гиен и гиеновых собак кличкой кровожадных убийц и собирается истреблять их без всякого снисхождения,— эти животные убивают ради пропитания, пользуясь тем единственным способом, который выработался у них в процессе эволюции.

И верно, из всех живых существ лишь человек убивает, зная о причиняемых страданиях, значит, только человеку можно предъявить обвинение в сознательном мучительстве. Вся история человечества, если над ней призадуматься, полна, как это ни парадоксально, бесчеловечных деяний — мучительства по отношению ко всему живому без разбора.

Не случайно почти все наблюдения над африканскими хищниками касались именно их хищнических повадок, в особенности методов расправы с добычей. Нас с Гуго, однако, интересовало нечто большее: мы решили наблюдать за этими животными не потому, что они убивают, а потому, что они — умнейшие существа и их взаимоотношения в стае захватывающе интересны. Мы наблюдали за ними и говорили о них много лет подряд, прежде чем решились всерьез заняться изучением их поведения.

Собственно говоря, Гуго и фотографом-то стал только потому, что это давало ему возможность быть ближе к животным. Первую свою фотографию он сделал, понятия не имея о том, как обращаться с фотоаппаратом. Будучи вместе с двумя приятелями в одном из национальных парков Голландии, он набрел на стадо ввезенных из-за границы пугливых муфлонов. Друзья решили сфотографировать животных. Но если товарищи Гуго знали толк в фотографии, то Гуго больше знал о самих животных. Один из друзей сунул камеру в руки Гуго и сказал, что диафрагма и расстояние уже установлены, так что если он сумеет подкрасться вон к тому дереву, то останется только нажать на кнопку. Гуго взял камеру и сделал снимок. С тех пор он достиг многого, потому что всегда старался снять животных в движении: как они играют или сражаются, преследуют или удирают, как вылизывают друг друга или занимаются любовными играми, как кормятся или защищают своих детенышей.

Подобно Гуго, и я начала свой путь исследователя поведения животных самым непрофессиональным образом. В 1960 году знаменитый палеонтолог Л. С. Б. Лики, известный своими удивительными находками ископаемых предков человека, предложил мне изучать поведение диких шимпанзе в резервате Гомбе-Стрим (теперь это национальный парк Гомбе). Я приняла предложение с энтузиазмом, хотя в то время единственное, что могло послужить мне рекомендацией, было то, что я с детства интересовалась дикими животными, особенно африканскими. С восьми лет я зачитыва-

лась книгами о животных и старалась записывать все, что видела, когда наблюдала за птицами, зверями и насекомыми, водившимися в окрестностях нашего дома на юге Англии. В конце концов у меня собралось достаточно новых данных, чтобы получить разрешение писать диссертацию в Кембриджском университете.

Там, в Гомбе-Стрим, среди шимпанзе, мы и познакомились с Гуго. Я сразу поняла, что он не просто один из многих фотографов-анималистов. Это человек, который любит и глубоко понимает животных,— родная душа. Луис Лики знал нас обоих задолго до того, как мы повстречались. Еще до приезда Гуго в Гомбе, профессор написал моей маме, что ему удалось отыскать подходящего молодого человека, который сумеет не только снять шимпанзе для Джейн, но и будет для нее прекрасным мужем!

Поженившись, мы еще целый год работали в Гомбе-Стрим — Гуго собрал бесценные киноматериалы о поведении шимпанзе по поручению Национального географического общества (США), которое и финансировало всю работу почти с самого начала. По истечении этого срока Обществу представилось невыгодным держать в лагере шимпанзе полностью оплачиваемого профессионального оператора, и Гуго поручили снимать других животных в разных национальных парках и резерватах Восточной Африки.

Мы с Гуго решили никогда не расставаться, но не менее твердым было и наше решение продолжать наблюдение за шимпанзе. Поэтому мы построили лагерь для группы студентов, которые должны были под нашим руководством продолжать исследование поведения обезьян, и сами старались хоть несколько месяцев в году уделять работе с шимпанзе. В настоящее время научно-исследовательский центр Гомбе-Стрим — одно из немногих мест на Земле, где ученые постоянно изучают поведение определенной группы диких животных.

Когда я начала ездить вместе с Гуго в его фотосафари, я все яснее стала понимать, как важно для меня изучать не только шимпанзе. Чем больше я наблюдала за поведением живых существ в Серенгети и других национальных парках, тем отчетливее представлялось мне место шимпанзе в ряду других животных; мои знания о поведении шимпанзе углублялись. В самом начале мы сделали для себя удивительное открытие: оказалось, что стервятник в естественных условиях пользуется орудиями — а таких видов животных на Земле совсем немного. Когда я изучала шимпанзе в Гомбе-Стрим, меня поражало, какое множество предметов используют шимпанзе для разнообразных целей: травинки и прутики для выуживания муравьев и термитов из их гнезд, комочки мятых листьев — в качестве губок, впитывающих воду, когда до нее нельзя дотянуться губами, листья — чтобы стереть с себя грязь, палки и камни — как оружие против павианов или людей. И вот, не успели мы уехать из Гомбе, как нам попался еще один «природный умелец».

Мы ведем лендровер по земле, почерневшей после недавнего пожара. Кое-где еще тлеют, курятся дымом в полуденной жаре

повалившиеся деревья. Мы совсем одни на равнине — почти все туристы заняты ленчем. Вдруг Гуго заметил вдалеке пикирующих грифов и погнал в ту сторону машину. Скоро мы увидели покинутое гнездо страуса: примерно пятнадцать яиц раскатилось по земле, и вокруг них уже суетились сварливые грифы. Должно быть, огонь заставил птицу бросить гнездо, но яйца чудом уцелели — пламя едва тронуло скорлупу. При нашем приближении метнулась в сторону гиена, и мы подумали, что она-то и разбила яйцо, из-за которого препирались птицы. Продолжая наблюдать эту сцену, мы вдруг увидели, как один из двух стервятников, участвовавших в ней, взял в клюв камень и направился к ближайшему яйцу. Подойдя к нему, он поднял голову и, резко опустив ее, бросил камень вниз на толстую белую скорлупу. Мы хорошо слышали удар. Потом он снова поднял камень и бросал его так до тех пор, пока скорлупа не треснула и содержимое яйца не разлилось по земле.

Минут пятнадцать мы наблюдали, как стервятники разбивали одно яйцо за другим — на них налетали более крупные грифы, и им приходилось удирать; они едва успевали ухватить глоток содержимого. Нам было не до разговоров — Гуго снимал, а я впопыхах записывала наблюдения на магнитофон. Когда пара «умельцев» наконец наелась и улетела, мы остались наблюдать за грифами. Как они ни старались, пуская в дело клюв и когти, им так и не удалось разбить хотя бы одно яйцо, и в конце концов они разлетелись несолоно хлебавши.

До сих пор нам были известны только четыре вида животных, использующих орудия в естественной обстановке. Два из них относятся к млекопитающим — шимпанзе и морская выдра (калан). Выдра берет в передние лапы раковины моллюсков и разбивает их о «наковальню» — плоский камень, который она достает со дна и кладет себе на грудь, плывя при этом на спине. Два других вида — птицы: галапагосский вьюрок и шалашник. Галапагосский вьюрок, взяв в клюв кактусовую колючку, выковыривает ею насекомых из трещин в коре, а шалашник пучком волокон из коры размалевывает свой шалашик глиной во время брачных игр.

Опыты, проведенные нами со стервятниками в разных местообитаниях, показали, что эти птицы везде отличаются умением бросать камни. В случаях когда мы подкладывали им более мелкие яйца, они предпочитали взять само яйцо в клюв и бросить его на землю. Возможно, именно это и привело к развитию способа «метания камня».

Нас вообще очень интересовало использование орудий дикими животными, и мы решили узнать, могут ли другие животные, которым яйцо страуса оказывается «не по зубам», справиться с ним. Из всех животных, перед которыми мы ставили эту задачу, с ней справились только полосатая виверра мунго. Но провести опыты с мунго в естественных условиях нам так и не удалось — возможно, их отпугивал запах, который оставляли наши руки на скорлупе яйца. Две ручные мунго, пойманные еще малышами, сразу же попробовали уронить яйцо на камень себе под ноги (так они обыч-

но разбивают маленькие яйца), а потом стали бросать в яйцо камни. Как и стервятники, мунго использовали прием, генетически заложенный в их поведении.

То новое, что открылось нам в поведении стервятников, еще раз доказало, как мало еще известно о жизни многих диких животных Африки. Правда, в Восточной Африке изучение животных двинулось вперед семимильными шагами, охватывая все большее и большее число видов. Однако эти исследования в основном касаются экологии популяций, и речь идет о громадных количествах животных на необозримых пространствах. Эти работы проводятся в Научно-исследовательском институте национального парка Серенгети в Серонера, и начало им положено благодаря содействию Джона Оуэна, директора национальных парков Танзании. Объединенными усилиями всех работающих там ученых в ближайшие годы будет создана наиболее полная картина экологических взаимоотношений в одном из наиболее известных национальных парков Восточной Африки, и значение этой работы трудно переоценить.

Но нас с Гуго с самого начала интересовало поведение отдельных особей внутри вида. Для того чтобы получить достоверные данные о жизни и взаимоотношениях животных, необходимо подолгу наблюдать за одним семейством или группой животных. И само собой разумеется, что прежде всего надо постараться приучить их к присутствию человека, а это совсем не так просто, как кажется. Если вы хотите добиться успеха, вы должны в какой-то мере научиться понимать чувства животных, за которыми наблюдаете. Я уже столкнулась с этим во время работы в Гомбе-Стрим — ведь то, что шимпанзе терпели мое присутствие, еще не означало, что я могла постоянно ходить за ними по пятам. Проходил час — другой, иногда больше — в зависимости от характера шимпанзе,— и обезьяна вдруг, то и дело оглядываясь, пускалась наутек. Для меня это было сигналом: пора оставить животное в покое.

Случай, который произошел с одним студентом,— прекрасный пример того, к чему может привести неосторожное навязывание животным своего общества. Животные, которых он изучал, поначалу отнеслись к его присутствию очень спокойно, так что недели через две он уже мог подходить к ним на расстояние нескольких метров. Преисполнившись уверенности, студент стал сопровождать животных, часами неотвязно следуя за ними, куда бы они ни двинулись. Животные начали проявлять беспокойство, и месяца через два уже видеть его не могли. Понадобилось еще три-четыре месяца бесконечного терпения, чтобы они снова подпустили его так же близко, как на второй неделе наблюдений.

Мы с Гуго несколько месяцев наблюдали за большеухими лисицами, маленькими изящными зверьками песочного цвета. У них большие темные глаза, темные лапки, темный кончик мордочки и хвоста. Эти лисички могут подпустить машину близко к своей норе, но сразу же начинать длительные наблюдения за ними нельзя. Если вы нарушите это правило, они попросту свернутся в клубок и

заснут. Многие из вас сочтут это поведение доказательством полнейшей непринужденности, а дело обстоит как раз наоборот: лисицы скованы и напряжены. Вспомните прием страуса, ставший притчей во языцех: в момент опасности он прячет голову в песок; подобное поведение вовсе не так уж редко встречается в мире животных. Находящийся в неволе молодой шимпанзе, если ему дать задачу, с которой он не в силах справиться, или напугать незнакомой обстановкой, сворачивается клубком и засыпает на голом полу. Гэвин Максвелл в своей книге «Кольцо блестящих вод» тоже описывает это явление. Его ручная выдра, когда ей приходилось путешествовать в ненавистных для нее автомобилях, несколько минут выражала бурный протест, а потом, «свернувшись в тугой клубок, полностью отключалась от этого отвратительного мира». Максвелл в разное время наблюдал песца, барсука и обыкновенную домовую мышь — все они впадали в похожий на обморок глубокий сон, когда оказывались в ловушке. Известны случаи, когда солдаты во время войны засыпали глубоким сном в самый разгар боя — среди свиста пуль и разрывов снарядов. В совершенно иной обстановке — но это тоже был рефлекс «отключения» — мне самой случалось сворачиваться и проводить в полудремоте то время, когда меня застигала гроза на равнинах Гомбе, а резкий ветер с заснеженных вершин превращал тропический ливень в ледяной душ.

Нам с Гуго удалось довольно близко познакомиться с семейкой большеухих лисиц. В норе было трое взрослых — две самки и один самец — и пятеро детенышей. Все члены этой семьи сначала показались нам «на одно лицо», но вскоре я научилась различать их по распределению темных пятен на мордочке, и тут выяснилось, что лисята — потомство обеих самок. Насосавшись молока у одной, они всем скопом бросались сосать другую. Подрастая, малыши стали все дальше и дальше отходить от норы, сопровождая взрослых на охоту за насекомыми. Однажды мы застали всю семью — и старших и младших, когда они играли со взрослым самцом газели Томсона. Лисицы молнией бросались к газели, начинали носиться то кругами у самых ее копыт, то где-то в стороне, то виляя хвостами, то распушив их, — они напоминали нам стайку юрких рыбешек. Газель, казалось, самозабвенно наслаждалась игрой — крутилась, трясла острыми рожками, выделывала пируэты на месте, оборачиваясь то к одному, то к другому зверьку в этой лисьей карусели. Несколько раз она делала вид, что гонится за каким-нибудь лисенком, а тот удирал от нее во все лопатки, но тут же поворачивалась и снова принималась носиться кругами. Нам не раз приходилось видеть, как лисицы играли с другими газелями, но такого увлеченного товарища по играм им встречать уже не приходилось.

Газели Томсона, тысячами бродящие по Серенгети, — одни из самых любимых нами животных. Ростом они чуть более полуметра, но как же хороши собой — золотисто-бурые сверху, с белым брюшком и с яркой черной полосой по бокам! Когда газели пасутся, их короткие хвостики непрерывно подергиваются из стороны в

сторону; молодые животные то и дело перестают щипать траву и принимаются играть, носясь вокруг стада с невообразимой скоростью, а молодые самцы устраивают турниры, «фехтуя» изящно изогнутыми рожками. Нам порой кажется, что газели Томсона стремятся вовлечь в игру даже машину: несутся вдоль дороги, не отставая,а потом вдруг развивают бешеную скорость и, обогнав машину, громадным прыжком перелетают через дорогу прямо у водителя под носом.

Когда вы видите, как взрослый самец мчится за ветреной самочкой, вам кажется что они летят, не касаясь земли; газели меняют направление так быстро, что глаза не успевают следить за ними — все еще глядишь туда, где они только что были. Кажется, даже самому быстроногому хищнику нипочем не угнаться за ними. И все же газели — излюбленная добыча гиеновых собак и гепардов на открытых равнинах, а львов и леопардов — в кустарнике или среди деревьев, где хищникам удается незаметно подкрасться и схватить намеченную жертву. А когда приходит пора размножения, жертв становится особенно много — в основном за счет беременных самок во время отела и новорожденных малышей.

Детеныш газели Томсона в первые дни своей жизни старается остаться незамеченным: при приближении возможного врага он припадает к земле, а мать уносится прочь и возвращается, когда опасность проходит. Шкурка у малыша гораздо темнее, чем у взрослых, и камуфляж у него — лучше не придумаешь: не раз нам случалось поспешно объезжать крохотного газеленка, чуть не наехав на него,— настолько он сливается с землей. И все же тысячи этих прелестных маленьких существ, напоминающих миниатюрных Бэмби, обречены на гибель, едва они появляются на свет. Главные их истребители — леопарды, гиеновые собаки, гепарды, гиены и шакалы, но и лев не откажется от лакомого кусочка, если ему подвернется такой малыш; нападают на них и павианы, крупные хищные птицы, сервалы и каракалы — небольшие, ростом с шакала, восточноафриканские кошки.

Мать готова постоять за своего детеныша и настойчиво отгоняет этих мелких хищников. Мы видели, как одна газель гналась за павианом, схватившим ее малыша, добрых двести метров, пока он не вспрыгнул на дерево, где ей уже было до него не добраться. Другая газель снова и снова бросалась на огромного воинственного орла, как только он снижался над ее затаившимся детенышем, так что хищник наконец признал свое поражение и улетел. В другой раз мы видели, как газель прогоняла длинноногого секретаря — она гналась за низко летящей птицей, а когда та спускалась на землю, бросалась в бой, и птице приходилось поспешно взлетать. Достается и более мелким хищным птицам: газели почти всегда отгоняют их от своих детенышей — должно быть, один вид загнутого клюва и когтей и вызывает у них реакцию защиты.

Как ни странно, но самки газели Томсона, по всей видимости, постепенно теряют рога в процессе эволюции. Вот почему так часто попадаются самки с перекрещенными рожками или рожками,

торчащими в разные стороны, самки, у которых остался всего один рог, а то и вовсе безрогие. Нам, правда, ни разу не пришлось наблюдать, чтобы самка газели нанесла хищнику хоть какое-то повреждение своими рожками, но все же шакалы и хищные птицы относятся к этим острым маленьким вилам с подобающим уважением, поэтому непонятно, какую пользу приносит виду постепенная утрата рогов.

Другой мой любимец среди диких животных — гну. Длинномордый, увенчаный парой загнутых вверх рогов, со светлой «бородой», растущей от подбородка по всей груди, с блестящей черной гривой, он выглядит удивительно потешно, да и кривляется подчас как настоящий клоун. Я могу без конца смотреть на «тренировочные» стычки, вспыхивающие между быками перед началом короткого гона. Подчас достаточно проехать мимо двух мирно пасущихся животных — и драка спровоцирована. При вашем приближении быки внезапно одним прыжком поворачиваются друг к другу, начинают трясти головой, а то еще и роют землю передними копытами. Один из противников, иногда оба, опускаются «на колени» и вымазывают рога грязью. Потом, поднявшись, совершенно миролюбиво глядят друг на друга. И вдруг по какому-то, только им ведомому сигналу срываются с места, несутся навстречу друг другу и, упав «на колени», сталкиваются рогами так, что раздается громкий треск. На этом стычка обычно заканчивается, но иногда происходит более затяжной бой, причем сильнейший продвигается вперед «на коленях», а слабый таким же образом пятится назад, пока у него хватает сил. Наконец, не выдержав, он вскакивает на ноги и спасается бегством.

Порой от избытка сил гну вдруг ни с того ни с сего начинает носиться галопом, взбрыкивая и тряся головой, то и дело взвиваясь в воздух, словно его подбросили пружиной. Иногда за ним бросается другой бык, и дело кончается дружеской потасовкой. Но самое уморительное — смотреть, как один из них выделывает пируэты вокруг своего «соперника», прыгает как можно выше да еще и переворачивается в воздухе, неуклюже и удивительно забавно — точь-в-точь клоун, «представляющий» балет.

Во время гона быки схватываются не на шутку, и каждый норовит свернуть сопернику шею и свалить с ног. Но нам ни разу не приходилось видеть, чтобы эти битвы кончались чем-нибудь более серьезным, чем небольшие царапины на голове или на шее.

В жизни гну порой разыгрываются и трагедии: в период отела — в Серенгети он падает обычно на декабрь — февраль — в больших стадах теряется множество телят. Один-единственный хищник, погнавшийся за теленком или за взрослой антилопой, может распугать все стадо. Да и слишком быстро едущие машины с туристами или низко летящий самолет тоже обращают животных в паническое бегство. А когда все успокоится, вы непременно наткнетесь на несколько телят, блуждающих в поисках своих матерей. Некоторые счастливчики вскоре находят их, но везет далеко не всем, особенно в громадных скоплениях гну, ежегодно мигриру-

ющих по равнинам Серенгети. Проходят минуты, а затем и часы, и потерявшиеся телята со все более отчаянным мычанием суются то к одной, то к другой антилопе, пытаясь дотянуться мордочкой до вымени. Но почти не было случая, чтобы самка приняла чужого теленка, даже если она потеряла своего собственного и вымя у нее чуть не лопается от молока. На следующий день осиротевший малыш мычит уже еле слышно, а на третий-четвертый день ложится на землю, чтобы больше не встать,— если ему вообще удастся так долго избегать зубов хищников.

Телята, неприкаянно бродящие вокруг стада,— довольно обычное зрелище; такие сироты часто пытаются взять себе в матери любой движущийся предмет. Мы видели, например, как теленок настойчиво пытался увязаться за четырьмя гиенами. Каждый раз, как он подбирался метров на десять, гиены направлялись ему навстречу, но какой-то инстинкт заставлял теленка отбегать в сторону. Гиены были явно не голодны — как только малыш бросался бежать, они теряли к нему всякий интерес. Но вот он снова вернулся и пошел прямо на гиен. Ситуация была очень тревожной, и мы, не выдержав, решили подъехать поближе. Теленок вдруг заметил нашу машину и с громким мычанием бросился к нам. Стоило нам двинуться, как он побежал за нами. Такие сцены часто приходится наблюдать, и я давно уже вижу в своих мечтах — если бы это было возможно!—вместительный приют для потерявшихся малышей; ведь просто сердце переворачивается, когда приходится уезжать и бросать их на произвол судьбы, почти всегда — на верную смерть.

Но в тот раз мы с Гуго, не имея еще ни малейшего представления о том, что гну почти никогда не усыновляют чужого детеныша, решили сделать попытку заманить теленка в стадо. Поблизости виднелось целых три стада: одно —примерно в пятистах метрах к югу, два других — немного дальше, на север и на восток. Какое же из них выбрать? Остановив свой выбор на ближайшем, мы направили машину к нему. Теленок побежал за нами, вскоре нас отделяли от стада каких-нибудь полсотни метров. Увидев других гну, теленок с громким мычанием бросился к ним. Все стадо подняло головы, словно наблюдая, и вдруг одна антилопа галопом помчалась к нам, громко зовя теленка. Малыш кинулся к ней, они коротко обнюхали друг друга, антилопа повернула обратно и вместе с теленком, который не отставал от нее ни на шаг, затерялась в глубине двигавшегося стада. Неужели нам так неслыханно повезло и мы возвратили потерянного детеныша родной матери? Или это был один из редчайших случаев «усыновления»? Этого нам никогда не узнать, но антилопа вела себя как самая настоящая мать, так что мы уезжали от стада очень довольные собой.

В другой раз произошел случай, который кончился далеко не так счастливо. Мы ехали вдоль реки Серонера и вдруг сразу же за крутой излучиной наткнулись на только что ожеребившуюся зебру. Увидев нас, она вскочила и убежала, а на земле, пытаясь встать на ноги, бился новорожденный. Гуго резко дал задний ход, и мы отъехали метров на сто. Тем временем жеребенок ухитрился

встать на непослушные ножки и высвободился из «рубашки», в которой родился. Но зебра, приставшая к небольшому табуну метрах в шестидесяти от этого места, и не думала возвращаться. Мы отъехали еще дальше, так что жеребенка едва-едва можно было разглядеть в бинокль, но его мать, постояв минут десять, отвернулась от малыша и пошла прочь. Ни тогда, ни теперь мы не могли объяснить такого поведения. Вероятно, то был у нее первый жеребенок, и мы спугнули ее, прежде чем она успела его облизать, а многие ученые считают, что вкус околоплодных вод — один из важнейших моментов, закрепляющих привязанность матери к потомству.

В надежде, что мать вернется, мы уехали, но, вернувшись через четыре часа, застали жеребенка по-прежнему в одиночестве. Он прибился к поваленному дереву и то и дело пытался сосать небольшой вырост внизу ствола. Мимо проходили зебры, но жеребенок не обращал на них внимания и жался к своей древесной «маме». Когда стемнело, мы оставили его — он все еще пытался сосать, — но, признаться, ни я, ни Гуго не спали в эту ночь. Утром мы увидели львиный пир — два льва доедали жеребенка. Нам оставалось только надеяться, что его настигла быстрая и безболезненная смерть.

В нормальных условиях детеныши зебры появляются в «семейной обстановке» — в группе тесно связанных между собой животных. В отличие от газелей или гну жеребец активно защищает свой табунок от таких хищников, как гиены и гиеновые собаки. Более того, если хищники преследуют группу зебр, особенно ночью, она обычно сливается с другими группами, так что образуется объединенный табун голов в двести, и жеребцы, находясь в арьергарде, свирепо бросаются на врага, пуская в ход и зубы и копыта. А это значит, что намеченная жертва — как правило, кобылка или жеребенок — остается в живых.

И в другом отношении зебры проявляют хорошо развитую взаимопомощь, благодаря чему все члены группы могут спокойно спать ночью, хотя бы по нескольку часов. Ганс Клингель и его жена, изучавшие зебр в течение семи лет, обнаружили, что члены одной или нескольких групп укладываются спать поближе друг к другу. Пока большинство спит, отдельные особи стоят на страже и при появлении хищника тут же предупреждают своих сородичей. Одну такую группу мы наблюдали как-то лунной ночью, и нам врезалась в память явная настороженность часового и безмятежный сон остальных. В который раз нас поразил потрясающий камуфляж зебр при лунном свете. На открытом пастбище в ясный день зебры видны издалека, но на рассвете, в сумерках или при яркой луне зебра становится почти невидимкой в отличие от гну, чьи мощные темные тела хорошо заметны и при плохом освещении.

Быть может, оттого что зебры привыкли спокойно спать по ночам, спящую зебру иногда можно встретить и средь бела дня. Спят они настолько крепко, что раза два мы приняли их за мертвых — весь табун с громким топотом ускакал, а они лежали не

шелохнувшись. Только когда машина почти наехала на них — оставалось не больше двух метров, — лошадки вскочили, ошалело оглянулись и со всех ног пустились догонять товарищей. Днем, когда спят отдельные особи, а не все сразу, мы никогда не видели часовых, и, возможно, чтобы пробудить зебру от крепкого сна, нужен особый сигнал, который подает именно такой страж.

Последние два года наше внимание все больше и больше стали привлекать хищники. Мы заинтересовались их приемами охоты после того, как я обнаружила, что шимпанзе — по крайней мере в Гомбе-Стрим — вполне успешно охотились на довольно крупных млекопитающих, таких, как молодые лесные антилопы бушбоки и обезьяны. Нас интересовали также падальщики — гиена и шакал, так как многие ученые полагают, что доисторический человек, прежде чем стать охотником, питался падалью и остатками чужой добычи. Шимпанзе из Гомбе-Стрим ни за что не прикоснутся к к мясу животного, если оно не добыто одним из членов их собственной группы; и если уж эти обезьяны выходят на охоту, то чаще всего она бывает удачной. И вот теперь, когда перед нами разворачивалась панорама взаимоотношений хищника, жертвы и падальщиков, мы с Гуго уже яснее могли представить себе, как доисторический человек, чье поведение должно было хотя бы в некоторых чертах быть сходным с поведением шимпанзе, поддерживал свое существование.

Мне хотелось бы кратко остановиться на проблемах, которые появляются у гиен и шакалов в связи с их образом жизни. Доступная им пища — это трупы животных, погибших естественной смертью, остатки добычи других хищников и всякого рода отбросы, сконцентрированные вокруг человеческих поселений. Первая проблема для падальщика — найти пищу, для чего ему служат зрение, слух и обоняние; вторая проблема — если законный хозяин добычи еще не кончил свою трапезу — урвать кусочек и унести ноги подобру-поздорову; третья — поспеть на место как можно быстрее, пока не набежали и не налетели остальные падальщики — конкуренты. И я должна заметить, что падалью интересуются не только гиены и шакалы. Львы, леопарды, гепарды и гиеновые собаки, не считая множества более мелких хищников, охотно питаются мертвечиной, а подчас не прочь присвоить добычу более слабых собратьев.

Гиена во многих отношениях прекрасно приспособлена к роли падальщика. Зубы и челюсти у нее невероятно мощные, и когда от убитого животного почти ничего не остается — а так бывает чаще всего, — гиена перемалывает зубами и переваривает самые крупные кости и самую жесткую шкуру. Вдобавок у нее настолько тонкий слух, что она легко ловит на большом расстоянии звуки, которые издают другие хищники, препираясь из-за добычи. Бежать она может со скоростью до пятидесяти километров в час, а выносливость у нее невероятная. Терпения ей тоже не занимать: гиены могут по восемь часов кряду, если не дольше, слоняться

вокруг добычи льва, хотя прекрасно знают, что хищные кошки оставляют от жертвы сущие крохи.

У шакала тоже прекрасный слух, но его главное преимущество — подвижность; он ухитряется молниеносно кинуться и выхватить кусок прямо из-под носа у льва или другого крупного хищника почти без риска оказаться у него в зубах. Однако ни гиена, ни шакал не являются исключительно падальщиками и пожирателями отбросов, разве что в некоторых районах поблизости от человеческих жилищ, где все другие дикие животные истреблены и рацион гиены состоит почти целиком из отбросов. В кратере Нгоронгоро и на равнинах Серенгети гиена — умелый и самостоятельный охотник, а шакал гораздо больше времени посвящает охоте за насекомыми и грызунами, чем розыску падали или объедков.

Подлинными падальщиками можно считать лишь крылатых — грифов, марабу, некоторых орлов. Они не только способны без особых усилий преодолевать по воздуху большие расстояния, но и устраивают в небе настоящие наблюдательные посты, с которых могут обозревать своими всевидящими глазами широкие пространства равнин. Стоит им приметить мертвое животное или хищника, пожирающего добычу, и они с помощью мощных крыльев намного опережают любого четвероногого соперника. Собственно говоря, многие наземные хищники отыскивают себе пропитание, внимательно следя за поведением грифов в небе.

Теперь попытаемся представить себе в роли падальщика первобытного человека. Возможно, он неплохо бегал, хотя с уверенностью утверждать это мы не беремся — ведь он сравнительно недавно «встал на ноги». Несомненно, был он и очень вынослив, но слух его, значительно более острый, чем у современного человека (по крайней мере у «цивилизованного»), вряд ли мог сравниться со слухом шакалов или гиен. Конечно, первобытный человек мог следить за движениями грифов в небе и бежать к указанному ими месту наперегонки с остальными падальщиками. Если он заставал у добычи только грифов или парочку гиен или гепардов — а то и одинокого льва,— возможно, ему и удавалось прогнать их и завладеть добычей. Но в те давние времена, когда человек стал есть мясо, он вряд ли владел какими-нибудь иными орудиями, кроме камней, вроде тех, которыми бросаются современные шимпанзе. Весьма маловероятно, чтобы небольшая кучка людей (считается, что древние люди охотились небольшими группами) сумела отогнать от добычи прайд львов или большую стаю гиен. А коль скоро человеку приходилось дожидаться, когда хищник расправится со своей добычей, то он, конечно, мог разбивать кости и есть костный мозг. Но вот удавалось ли ему, подобно гиене, переваривать кости и шкуру? Едва ли.

И наконец, попытаемся рассмотреть человека в свете его происхождения от приматов. Шимпанзе, как я уже говорила, едят мясо, и в некоторые сезоны в значительных количествах, но мы никогда не видели их в роли падальщиков и прихлебателей. Во многих мес-

тах павианы тоже едят мясо, иногда они даже пытаются стащить кусок-другой у шимпанзе. Но если они и пожирают падаль или куски с чужого стола, то, видимо, в редчайших случаях. Мы наблюдали бесконечное число звериных трапез в непосредственной близости от разных стай павианов, и обезьяны никогда не присоединялись к хищникам и их нахлебникам. Более того, приматы в подавляющем большинстве — дневные животные, они боятся темноты. А ведь именно ночью совершаются основные охотничьи подвиги, ночью и шакалы получают большую часть своей ворованной добычи; первобытный же человек в это время, без сомнения, спал.

Я не пытаюсь утверждать, что первобытный человек никогда не прикасался к чужой добыче. Как теперь, так, видимо, и во все времена человек был склонен к компромиссам. Чтобы удовлетворить растущий аппетит к мясу, этот сын каменного века, несомненно, мог подбирать остатки, если они того стоили и риск был не слишком велик. Но мы все же думаем, что человек приобрел вкус к мясу, скорее всего самостоятельно, охотясь на разных мелких тварей. В период размножения телята и ягнята становятся легкой добычей, если охотнику удается перехитрить мать. Попадались нам и взрослые животные, больные или увечные, с которыми без особого труда могла справиться группа первобытных людей.

Вот почему мы сосредоточили свое внимание на поведении хищников. Однако очень скоро мы с головой ушли в наблюдение за самими животными, за их индивидуальными характерами, нас то и дело поражали несомненные проявления их интеллекта. Мы открыли, что нередко отдельных индивидуумов можно различать не только по окраске, но и по особым черточкам поведения. Животным, за которыми мы наблюдали, мы всегда давали имена, как только начинали с уверенностью отличать их друг от друга. Некоторые ученые утверждают, что правильнее присваивать каждому животному свой порядковый номер, но, поскольку нас в первую очередь интересовали индивидуальные различия, мы решили, что имена — куда более подходящий для нашей цели и ничуть не менее научный способ обозначения.

Когда Гуго только еще замышлял длительное изучение хищников, я и не думала, что серьезно включусь в его работу: у меня и так еле хватало времени на наблюдение и описание поведения шимпанзе, да еще на воспитание нашего сынишки, Гуго-младшего (более известного под именем Лакомки*). Но мне думается, что Гуго, зная меня достаточно хорошо, с самого начала не сомневался, что я стану его помощницей. Так уж сложилась наша совместная жизнь — что бы ни пришлось, мы все делаем вместе — и книжки пишем, и пеленки меняем.

Меня нетрудно было убедить, что гиены уступают в привлекательности только шимпанзе: они полны природного шутовства,

* Джейн Гудолл называет сына Grub («В тени человека») или Grublin («Невинные убийцы»). В русском языке к этому прозвищу ближе всего слово «лакомка».— Прим. перев.

каждая из них — совершенно определенная личность и живут они чрезвычайно сложными и отлично упорядоченными сообществами. Но мне было трудно представить, как же я сумею заниматься гиенами, если меня по рукам и ногам связывает младенец. Что ж, мне и вправду было нелегко, пока Лакомка не подрос, но к счастью, гиены особенно активны по ночам, так что в ослепительном лунном сиянии африканских ночей я провела за наблюдениями долгие часы, а Лакомка тем временем мирно посапывал на кровати в закрытом кузове нашего фольксвагена.

Я совершенно ясно помню день перед началом нашей работы, когда мы прибыли в кратер Нгоронгоро, в Танзании. Мы выехали из нашего дома на окраине Найроби за день до этого и на ночь раскинули лагерь на просторах Серенгети. Утром нам оставалось преодолеть последний участок пути — пятьсот километров. На первой скорости мы взбирались по крутым откосам Нгоронгоро, и нас все сильнее начинал пробирать холод; потом мы въехали в облака, покрывавшие склоны горы. Добравшись до гребня кратера, мы остановились напоить нашего девятимесячного сынишку. Стоило нам выключить мотор, как мы стали частью призрачного мира. Белые, медленно клубящиеся облака обволакивали машину, и нам были еле видны несколько размытых деревьев да мокрая высокая трава по краям дороги. Мы знали, что и справа и слева от нас круто обрываются вниз поросшие густым лесом склоны: с одной стороны — к холмистым просторам равнин Серенгети, с другой — к глубокой чаше кратера. Все великолепие нетронутой природы, раскинувшейся внизу, было совершенно скрыто туманом, и будь мы просто проезжими туристами, нам так и не пришлось бы никогда в жизни увидеть это потрясающее зрелище. И точно так же, если бы дорога нашей жизни повернула в другую сторону, мы никогда не узнали бы о таких ярких личностях, как Миссис Браун, престарелая гиена-родоначальница, или Ясон — обыкновенный шакал, или Чингиз-хан — предводитель стаи гиеновых собак. А ведь они были там, внизу, ниже облаков, они жили своей жизнью, отдыхали и играли, охотились и убивали, создавали семьи и рождали себе подобных.

Мы спускались на дно кратера, и немного погодя плотные облака остались позади, а зеленые равнины стали просвечивать далеко внизу сквозь истончавшуюся дымку. С такой высоты все двести пятьдесят квадратных километров дна кратера казались совершенно безжизненными. Но вот уж где нельзя было верить своим глазам! Первыми на фоне равнины четко обрисовались темные пятна — стада гну — и отдельные точки — одинокие носороги; затем стали различимы табуны зебр и наконец — окрашенные под цвет песка стада газелей Томсона и Гранта. Внизу, под нами, обрамленное бледно-розовым кружевом фламинго проступило маленькое содовое озеро, и мы прекрасно знали, что за озером в небольшом лесу Лераи прячутся слоны, буйволы, павианы и мартышки. В более высокой траве пологих холмов на дальнем краю кратера пасутся, должно быть, остальные стада слонов и буйволов,

а также громадные стада канн, самых крупных африканских антилоп. Мы с Гуго собирались изучать хищников, и там, внизу, мы знали, нас ждут многочисленные хищники. В самом кратере постоянно обитали несколько прайдов львов, и среди них встречались самцы, украшенные великолепными черными гривами — красой и славой львов Серенгети. Пятнистых гиен в кратере такое же множество, как и в других районах Африки,—еще несколько лет назад служителям парка приходилось отстреливать по пятьдесят гиен в год, а то и больше, чтобы их не развелось слишком много. Теперь люди больше не трогают гиен, и, возможно, вследствие разрастания их популяций гиеновые собаки и гепарды, которые раньше встречались в основном лишь в кратере, переселились в другие места.

В кратере живут все три вида африканских шакалов — обыкновенный, чепрачный и более редкий полосатый. Большеухая лисица — она меньше европейской — водится на равнине во множестве, а удивительно красивый сервал — кошка ростом с шакала — попадается на высоких, поросших травой обрывах вдоль рек и среди холмов. Леопард обитает на лесистых склонах, но порой спускается на дно кратера; в лесах и на равнинах водятся многие мелкие хищники — степной кот, циветта, грациозная генетта с длинным полосатым хвостом и несколько видов мунго.

Мы не торопясь ехали к деревянной хижине на отдаленном краю кратера, где должен быть наш лагерь. Везде буйно росла трава, и гну попадались буквально тысячами. Когда мы проезжали мимо одного, второго, третьего стада, наш сын приходил все в больший восторг и едва не вываливался из окна — так ему хотелось быть поближе к животным. Время от времени какой-нибудь шакал ставил уши торчком и разглядывал нашу машину, но при ее приближении подпрыгивал и отбегал в сторону. Один раз толстая уродливая гиена выкарабкалась из грязной лужи у самой дороги и затрусила прочь, оглядываясь на нас через плечо по свойственной всем гиенам привычке.

Хижина стала нашим домом, как только мы переступили ее порог. Она пряталась в тени гигантского фигового дерева, в ней всегда было прохладно, ее обволакивал неяркий зеленоватый свет, постоянное щебетание и чириканье птиц и неумолкаемое журчание небольшого мутного ручейка. Ручеек этот, несколько претенциозно называемый рекой Мунге, начинался высоко за гребнем кратера, прокладывал себе путь по холмистым склонам позади хижины и, посмеиваясь, разбивался на струйки в корнях фиговых деревьев, растущих вдоль русла, пока наконец не впадал в озеро на дне кратера. Из хижины в обрамлении низко нависших ветвей открывался вид на бесконечные равнины, озеро и лес Лераи, позади которого вздымалась стена кратера, отсекая весь внешний мир. Сама хижина — примитивная однокомнатная деревянная постройка, в которой есть только самое необходимое: столы, шкафы, буфет и большая кровать. Пол вымощен камнем и покрыт тростниковыми циновками, окна маленькие, потолок низкий. Когда-то хижину

построили для студента, изучавшего гну в кратере, а теперь отделение охраны животных в Нгоронгоро сдает ее ученым, которые хотели бы здесь работать.

В нескольких метрах от хижины стоит крохотная бамбуковая кухонька, но двое наших африканских слуг предпочитали готовить еду на костре под открытым небом.

Во время нашего пребывания в кратере хижина главным образом служила безопасной детской для Лакомки, хотя мы с Гуго тоже спали там по ночам. Но кроме того, мы поставили несколько палаток — для еды, работы и т. д. Весь день Лакомка играл в хижине, и кто-нибудь из нас обязательно был поблизости, а если мы сидели в «столовой», откуда открывался вид на равнину, он ползал неподалеку от нас.

«Не повезете же вы с собой ребенка в такую глухомань»,— говорили нам многие друзья, когда родился Лакомка. «Теперь-то вам придется немного остепениться, а?» — со смехом замечали другие. Но мы с Гуго еще до появления ребенка решили: если нам это удастся — не менять из-за его рождения своего образа жизни. Гуго — натуралист, его специальность — фотографирование диких животных, ему необходимо выезжать в длительные экспедиции; оба мы считаем, что муж и жена, насколько это возможно, должны всегда быть вместе. К тому времени, когда мы переехали в кратер, Лакомка уже провел пять из девяти месяцев своей жизни в джунглях, и, право же, трудно было найти малыша здоровее и жизнерадостнее.

Разумеется, мы соблюдали осторожность. У нас был с собой радиотелефон, и мы в любую минуту могли связаться с Найроби. Так что, если б Лакомка — как, впрочем, любой из нас — заболел или нуждался в срочной помощи, мы могли либо вызвать врача, либо заказать самолет, который доставил бы нас в больницу. Мы никогда не оставляли Лакомку без присмотра, а когда он спокойно спал в надежной хижине, специальные установки, проведенные в обеденную и рабочую палатки, доносили до нас все звуки, давая нам знать, как только он проснется. Для пущей безопасности мы отгородили хижину проволочной сеткой, так что если бы ему и удалось ускользнуть на несколько минут из-под нашего надзора, то уж далеко он не ушел бы.

Во время нашей экспедиции ветви фигового дерева два месяца подряд были усыпаны красными плодами, и банда павианов раз в день непременно являлась полакомиться ими. Вот уж когда нам приходилось держать Лакомку в хижине и не спускать с него глаз — крупные самцы ведут себя очень нагло, рассаживаются на земле вокруг хижины, подбирают падалицу и относятся к нашему присутствию буквально наплевательски. Как-то раз повар Моро, гигант из племени лао, чуть не попал в беду: два павиана затеяли драку на нижних сучьях дерева, а потом один из них возьми да и свались, как мешок с песком, чуть ли не на голову Моро. Он пролетел в нескольких сантиметрах, иначе африканец поплатился бы жизнью: даже если бы удар и не убил его на месте,

то павиан, испугавшись столкновения с человеком, скорее всего напал бы на него. Клыки у павиана страшные, и укусы его так же опасны, как и укусы леопарда. Были, конечно, и другие неприятности — не столь опасные, сколь неаппетитные и зловонные,— которые подстерегали человека, неосторожно проходящего под деревом, где пировали павианы.

Но, пожалуй, главная опасность в нашем лагере на реке Мунге заключалась в том, что дикие животные могли подходить совсем близко под прикрытием густых зарослей, обрамляющих берега реки. Например, в одно прекрасное утро Гуго заметил льва, пробиравшегося в высоком кустарнике рядом с нашей столовой. Мы подогнали туда лендровер и нашли льва в обществе шести отдыхающих львиц. Одна из них лежала в десяти метрах от бака с бензином, из которого Гуго и Моро только что брали бензин. Мы попытались отогнать львов, но они лишь отступили к реке, куда мы на машине подъехать не могли. Весь этот день до самого вечера, пока Гуго работал далеко на равнине, нам с Лакомкой пришлось просидеть в хижине, а Моро со своим помощником Томасом предпочел забраться на фиговое дерево и нести там вахту до возвращения Гуго. Наутро львы ушли и больше не вернулись.

Припоминаю случай, когда Гуго едва не распрощался с жизнью. Примерно в пятнадцати метрах от хижины приткнулась крохотная уборная, называемая «чу». Это просто-напросто яма в земле, прикрытая вместо сидения деревянным ящиком и окруженная ветхой круглой стеночкой из травы, в которой с задней стороны оставлено отверстие, служащее входом. Узкую тропку в чу с одной стороны теснит высокий кустарник и трава, а с другой — крутой обрыв к реке. Гуго беспечно топал по тропинке и уже завернул было к «двери», как вдруг, почти не сознавая этого, заметил сквозь растрепанную стенку что-то желтое. Он на секунду задержался, и это его спасло. Раздался оглушительный рев, треск и хруст— какое-то крупное животное проломилось сквозь стенку и удалилось, сокрушая кусты на своем пути. Гуго промчался по тропинке, пулей влетел в хижину и только тогда, выглянув из надежного убежища, увидел львицу: она стояла, оглядываясь назад и слегка оскалившись, и хлестала себя хвостом по бокам. Должно быть, она устроилась передохнуть внутри чу — мы потом обнаружили огромные дыры в полу, где она оттолкнулась перед прыжком и проломила ветхие доски. Что ей там понадобилось? Очень скоро мы это узнали — остатки ее добычи были уложены у подножия дерева у реки, как раз под нашей чу. Мы оттащили ее припасы подальше — нам совсем не улыбалось, что по соседству будет бродить львица. Вечером мы с Лакомкой и два африканца видели, как она вернулась, чтобы доесть свою добычу. Львица стояла, озираясь и хлеща себя хвостом, минут десять, а потом прокралась мимо хижины и отправилась искать обед в другом месте.

Но жизнь в сафари не так уж часто приправлена острыми ощущениями. В ней не больше опасностей, чем в жизни людей в более цивилизованных местах. Мы вообще считаем, что если не подда-

ваться успокаивающему и обманчивому чувству безопасности и всегда быть начеку, сознавая ежеминутную угрозу нападения дикого зверя, то за Лакомку здесь можно бояться не больше, чем если бы он рос где-нибудь в английском городе. У нас ни разу не было причины жалеть о том, что мы растим сына в африканских зарослях; зато сколько интересного он увидел и узнал о диких животных, за которыми мы наблюдали!

На первые месяцы работы в Нгоронгоро к нам приехала погостить мать Гуго, которую мы звали просто Музой. Как же она выручила нас, присматривая за Лакомкой! У Гуго тоже помощников хватало, с нами было еще трое студентов — Паркер, Бен Грей и Патти Мэльмен, которые вызвались помочь нам. Они все вместе «набрали» сотни часов наблюдений за обыкновенными шакалами, которых Гуго тогда изучал.

Исследования начались довольно мрачно, потому что трава на равнине кратера, обычно в это время года представлявшая собой щетину высотой не больше пяти сантиметров, на сей раз почти повсюду вымахала на целых тридцать сантиметров. Ростом шакал не выше европейской лисицы, так что не только снимать, а и углядеть его в такой траве было трудновато. Но все же Гуго сказочно повезло — он отыскал логово в таком месте, где трава была гораздо ниже, чем на равнине. Правда, там торчали кое-где длинные травинки, которые так досаждают фотографам, но их удалось выполоть в полуденную жару, когда четверо щенят-ползунков спали в норе, а их родители отправились на охоту.

Мы собирались пробыть в кратере месяца три, потом предполагали перебазироваться в Серенгети и начать там работу с гиеновыми собаками, а в сентябре, вернувшись в Нгоронгоро, продолжить наблюдения за шакалами и как можно лучше изучить гиен. Но в Африке совершенно необузданная природа, которая опрокидывает даже самые продуманные планы. В данном случае это были дожди — из-за них наше пребывание в кратере затянулось на шесть месяцев. В период так называемых коротких дождей, с ноября по январь, пролилось столько воды, что и старожилы такого не упомнят, а затяжные дожди, продолжавшиеся до апреля — мая, наводили на мысль о потопе. К концу марта река Мунге несколько раз выходила из берегов и уровень озера катастрофически повышался. На большей части равнины солнце поблескивало в водах этого нового потопа; нечего было и думать о переездах с места на место.

Гуго, Паркеру и Бену приходилось прилагать титанические усилия, даже чтобы добраться до шакальей норы; они часами вытаскивали машину из одной грязевой ловушки, чтобы тут же угодить в другую. Собственно говоря, почти месяц мы были совершенно отрезаны от внешнего мира — обе дороги к гребню кратера скрылись под водой. Конечно, в случае острой необходимости мы сумели бы выбраться, но это означало, что пришлось бы идти пешком, бросив на произвол судьбы все наше имущество.

С прекращением дождей солнце быстро подсушивает короткую густую траву равнин и большинство травоядных начинают передвигаться к холмистым пастбищам на восточном краю кратера. Первыми в путь обычно отправляются зебры, которые пасутся в высокой траве, за ними следуют гну, а после них на самую низкую траву переходят стада газелей Томсона и Гранта.

Животный мир кратера отнюдь не напоминает «затерянный мир». Стада животных часто длинными цепочками взбираются по крутым склонам, обновляя издавна проложенные звериные тропы. За пределами кратера встречаются крутые леса, гористые отроги и открытые степи, по которым кочуют немногочисленные группы племени масаи. Это красивые люди, величавые и статные, с тонкими чертами лица и кожей бледно-медного цвета; традиции этого племени до сих пор успешно противостоят расслабляющему влиянию западной цивилизации. Как и многочисленные поколения их предков, они бродят по равнинам и предгорьям, и стада коров, овец и коз пасутся бок о бок с дикими животными. Масаи издавна и вполне заслуженно славятся своим бесстрашием. В прежние времена — до того как это было запрещено законом — юноше нечего было надеяться раздобыть жену, прежде чем он не примет участие в охоте на льва, вооружившись только копьем и щитом. Конечно, сторонники охраны природы должны радоваться запрету этого древнего обычая, но всякий, кому случалось видеть атаку разъяренного льва, знает, какое мужество проявляет юноша, выходящий на поединок с ним.

Гуго и я подружились со многими охотниками-масаи, мы полюбили людей этого племени — они не только бесстрашны, но и очень приветливы, добры, великодушны и души не чают в своих детях. К тому же многие из них досконально знают местность и диких животных — это вполне естественно, потому что сами они живут в такой близости к природе. Мы непременно заезжали в деревню, когда искали где-нибудь в окрестностях редких животных, и часто получали от масаи неоценимые сведения.

К северо-западу от Нгоронгоро на сотни километров простираются покрытые травой степи, их прорезает тридцатикилометровое ущелье Олдувай, которое стало знаменитым после раскопок Луиса Лики и его жены. Там был найден Zinjanthropus (прозванный человеком-щелкунчиком) и позднее Homo habilis; земля сохранила его каменные орудия и остатки животных, на которых он охотился. Здесь же Лики откопал фундаменты и стены жилищ — несомненно, древнейших человеческих построек. За ущельем Олдувай снова тянутся равнины, где можно ехать километр за километром, не встречая ни единого деревца. Ближе к въезду в знаменитый национальный парк Серенгети низкая трава сменяется более высокой по мере того, как меняется характер почвы, но равнина простирается и дальше, и лишь в километрах в ста от Нгоронгоро извивается среди акаций река Серонера.

Южная граница национального парка Серенгети узкой петлей захватывает включенное в территорию парка небольшое содовое

озеро Лгарья. Здесь-то мы и устроили свой второй дом в зарослях, лагерь под тенистыми акациями, отражающимися в воде. Озеро Лгарья иногда называют Ндуту. Оба эти названия на языке масаи имеют очень сходное и очень славное значение — это мирное место, священная обитель, которую не смеют осквернять своим присутствием шумные люди. Мне непонятно, как можно так много выразить одним словом, но именно это объяснение дали нам местные жители.

Озеро лежит в неширокой кольце акаций и колючих кустарников, а за ними снова до самого горизонта тянутся равнины, по которым гуляет ветер. Когда мы приехали сюда, собираясь приступить к тщательному изучению гиеновых собак,— это было в феврале,— равнины вокруг просто кишели стадами мигрирующих зебр и гну. Нигде в целом мире в наше время не увидишь таких неисчислимых стад, как в Серенгети в период ежегодной миграции, когда стада за стадами движутся по свежей зелени равнин. Это движение начинается одновременно с наступлением периода дождей: стада, рассыпанные по зарослям на севере и западе парка близ постоянных запасов воды, объединяются и начинают двигаться несколькими плотными колоннами, которые тянутся по дороге к равнинам с более низкой травой. Там животные задерживаются, откармливаются и телятся; это продолжается до конца сезона дождей. Потом, когда земля подсыхает, стада откочевывают обратно в заросли и рассеиваются. В общем, в этих миграциях ежегодно участвуют более миллиона травоядных, примерно половина из них — газели Томсона и Гранта, около трехсот пятидесяти тысяч гну и сто восемьдесят тысяч зебр.

Несколько недель, пока стада паслись невдалеке от нашего лагеря, жизнь наша протекала под постоянный аккомпонемент басовитого мычания и фырканья гну и диких отрывистых криков зебр, которые напоминают учащенные истерические вопли осла. Великолепие и простор этой свободной, неоскверненной земли, простирающейся на сотни километров, закаты и восходы солнца над равнинами, черными от тысячных стад, львиный рык и жуткий воющий хохот гиен по ночам — этого я никогда не забуду.

Для хищников, обитающих на равнинах, появление стад возвещает о наступлении периода изобилия. И хотя некоторые львы, гепарды, гиены и шакалы чрезвычайно редко или вообще никогда не покидают своих четко очерченных охотничьих территорий, другие представители тех же видов извлекают максимальную пользу из благословенного периода миграций, провожая стада на каком-нибудь отрезке пути. В разгар миграции плотоядный хищник может вообще не утруждать себя охотой. Гну и зебры идут в таком множестве, что отдельные особи гибнут естественной смертью, и падальщики, пикирующие с неба, тут же выдают место, где можно пообедать на дармовщинку. Если и первобытный человек следовал за мигрирующими стадами, то он, конечно, довольно долго мог добывать себе пропитание таким образом.

И тем не менее среди всего этого изобилия хищник может умереть с голоду. Мне никогда не забыть искалеченной львицы,

которая лежала под деревом в нескольких метрах от нашего лагеря. Она была так истощена, что не верилось, что оиа еще жива, но когда мы подъехали, она подняла голову и устремила на нас взгляд огромных, ввалившихся глаз. Когда солнце спустилось и его лучи, пробиваясь сквозь листву, стали припекать, она даже сумела перебраться в тень, то подпрыгивая, то волоча свои изувеченные задние ноги. Было совершенно ясно, что ей уже не подняться, и милосердиее всего было бы разом покончить с ее мучениями. Но ведь мы находились в национальном парке, а здесь действует строжайшее правило: никто не смеет вмешиваться в естественную жизнь природы.

Этой ночью мы подогнали машины как можно ближе к палаткам — одиа мысль об изголодавшейся раненой львице возле самого лагеря наводила на нас ужас. Утром мы никак не могли отыскать ее, хотя колесили среди акаций почти целый час. И в этот, и иа следующий день Лакомка играл в двух шагах от машин, а иаши африканцы ие спускали с него глаз. Еще через день Гуго увидел падальщиков, рвущих мертвую львицу. За эти дни она обошла лагерь и как-то сумела дотащиться до кустарника метрах в трехстах от него.

Как правило, мигрирующие стада задерживаются у озера Лгарья до конца мая — начала июня; в год, когда мы там были, иесмотря на затяжные дожди, воды для всех стад оказалось недостаточно, и они внезапно двииулись в путь в самом начале марта. Если в прошлом году все наши планы нарушил потоп, то, в этом нам угрожала засуха.

Три года подряд Гуго находил гиеновых собак с щенятами возле озера Лгарья в марте — апреле. Но когда мы разбили лагерь в этом районе с единственной целью изучать гиеновых собак, их нор там не оказалось! Это задало Гуго иелегкую работу, потому что гиеновые собаки остаются на месте только тогда, когда, воспитывают маленьких щеият, а в остальиое время свободио кочуют по необозримым просторам и редко задерживаются в одном месте даже на несколько дней. Газели Томсона и Гранта, которые в период миграций следовали за стадами гну и табуиами зебр, паслись на равнинах возле озера Лгарья. Гуго и два его новых помощника — студенты Жан-Жак Мермод и Роджер Полк — иаблюдали за иесколькими стаями гиеновых собак. Отыскав собак, оии втроем дежурили возле них, пока стая не исчезала в какую-нибудь безлунную ночь, словио растворившись в пространстве.

В апреле газели ушли следом за остальными стадами, и с тех пор разыскать собак стало почти невозможно, хотя Гуго и студенты, каждый в своей машине, разъезжались веером, осматривая в общей сложиости тысячу триста квадратных километров ежедневио. Им еще помогал иаш друг, охотиик Джордж Доув. Свой палаточиый лагерь он раскинул иа берегу озера Лгарья и предупредил своих шоферов, что мы ищем собак: если кому-нибудь из иих попадалась иа глаза стая гиеновых собак, Джордж тут же посылал сказать об этом Гуго.

И все же, несмотря на трудности и огорчения, Гуго сумел получить удивительно интересные и совершенно новые сведения о гиеновых собаках, и не только о них. В общем наш лагерь был счастливым лагерем. В особенности для Лакомки. К этому времени он стал чрезвычайно энергичным двухлетним сорванцом, и мы спокойствия ради прихватили с собой третьего африканского помощника, Алека. Моро, Томас и Алек посменно присматривали за Лакомкой. К нам в гости приехала моя мама, да и Джордж Доув тоже явно благоволил к нашему сыну, так что у Лакомки не было недостатка в друзьях. В те времена им владела всепоглощающая страсть к футболу (по его собственным правилам), и много потерял тот, кто не видел его в матче с Моро и Алеком — оба африканца были ростом чуть меньше двух метров.

Лакомка всегда приходил в восторг, когда возле нашего лагеря бродили дикие животные, а это случалось нередко, особенно когда стада паслись на берегах озера. Однажды всем нам пришлось укрыться в машине: между палатками носились два льва, гоняясь за теленком гну. Но и тогда, когда мигрирующие животные двинулись дальше, мы могли видеть стадо из восьми жирафов и небольшую группу газелей, которые никогда не уходили из окрестностей нашего лагеря. Иногда мимо важно шествовал старый носорог. Вечерами, когда Лакомка ужинал на свежем воздухе, мимо нас пролетали длинные вереницы грациозных фламинго, мелькая силуэтами на красном или золотом фоне неба; со странными скрипучими криками они тянулись на ночную кормежку, к озеру.

Часто, выезжая наблюдать за животными, мы брали Лакомку с собой; он обожал эти вылазки, хотя меня неотступно преследовал страх: что будет, если мы наткнемся на какое-нибудь осторожное животное, которое Гуго захочет сфотографировать, например на каракала, медоеда или очень редкую полосатую гиену, которые водились возле озера Лгарья. Вот когда мне приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы отвлечь Лакомку, а то он обязательно разразился бы победным кличем, и как раз в самый неподходящий момент! А уж самой мне и думать было нечего взглянуть на зверя. Я была несказанно благодарна маме, когда она согласилась взять на себя заботу о нашем сыне и мы с Гуго получили возможность выезжать без него.

Как-то вечером, перед закатом, в лагерь забралась полосатая гиена. В окрестностях озера Лгарья эти животные не такая уж большая редкость, но они стараются не попадаться на глаза людям, и об их образе жизни и поведении, собственно говоря, ничего не известно. В тот вечер гиена, удивительно красивое животное со светло-кремовой шерстью и волнистыми черными полосами, пробираясь мимо нашей кухни, приостановилась и заглянула внутрь. Я как раз купала Лакомку, но, услышав негромкий возглас Моро, завернула сына в простыню и потихоньку выбралась из палатки. Внезапно гиена навострила уши и бросилась бежать. Она скрылась за склоном холма, спускавшимся к озеру, и мы на

машине поспели как раз вовремя, чтобы увидеть, как она гонится за сервалом, только что схватившим зайца. Маленькая грациозная кошка удирала очень быстро, и немного погодя гиена отказалась от погони, постояла минутку, а потом, оглянувшись на зрителей, пошла своей дорогой. В другой раз мы с Гуго следовали за полосатой гиеной, вышедшей на ночной промысел. Не обращая внимания на нашу машину, она шла себе вперед, вынюхивая что-то на земле и время от времени останавливаясь и отмечая своим запахом куртинку травы. Мы видели, как она погналась за стенбоком — небольшой антилопой, чуть покрупнее дикдика, — но жертве удалось удрать. Вскоре гиена скрылась в густых зарослях, и мы не смогли за ней следовать.

Иногда мы все вместе выезжали в ночную поездку. Лакомка отправлялся с нами — ему нравилось высматривать, как сверкают в свете фар глаза каких-нибудь ночных существ. Он был вне себя от восторга, когда видел глаза древесных галаго, горящие, как красные лампочки на новогодней елке,— они еще и летают в темноте, когда эти ловкие маленькие полуобезьяны перескакивают с ветки на ветку! Ему ужасно нравились и долгоноги: их сверкающие глаза описывали правильные дуги, когда зверьки прыгали на задних лапках, как крохотные кенгуру.

В кратере нам отравляли жизнь крысы, которые грызли все, что им попадалось. Не озере Лгарья нас донимали африканские сони — графиуры. И хотя они портили наши вещи и бумаги не меньше крыс, нам было как-то легче простить это очаровательным древесным грызунам — за их большие глаза и пушистые хвостики. Как-то утром я взяла банку с джемом, собираясь намазать Лакомке к завтраку поджаренный хлеб, и что же — там, свернувшись среди жалких остатков джема, притаилась одна из негодниц! Мы с Лакомкой опрокинули банку набок да так и покатились со смеху, когда соня дала стрекача — хвост у нее был вовсе не пушистый, а весь склеенный и липкий. Я думаю, что эта соня, хорошенько вылизавшись, больше никогда в жизни не подойдет к клубничному джему.

В июне нам с Гуго нужно было побывать в Европе; оставив меня заседать на разных конференциях, Гуго вернулся через десять дней, собираясь перенести наш лагерь в другое место. Но Доув встретил его новостью: он обнаружил стаю гиеновых собак, у которых было логово и даже будто бы с щенками. Щенки там действительно были, и Гуго, уже распростившийся было с надеждой изучить поведение собак возле нор, снова воспрянул духом.

Вернувшись в августе вместе с Лакомкой, я пришла в ужас, увидев, как засуха опалила и иссушила равнины, хотя этого и следовало ожидать — ведь с февраля здесь не выпало почти ни капли дождя, если не считать одной-двух гроз. Земля повсюду была покрыта ссохшимися остриями или закрутившимися спиралями желто-серой травы. Пыль преследовала нас неотвязно, как кошмар,— набивалась в ноздри, в рот и в легкие, покрывала все вокруг серой пеленой, проникала повсюду, кроме герметически

закрывающихся кофров для фотоаппаратуры; когда мы шли по протоптанным тропкам между палатками, пыль поднималась до колен. Но даже пыль может быть поразительно красивой — когда газели, как черные призраки, мчатся по равнине в ореоле пыли, горящей золотистым пламенем в лучах заходящего солнца.

Дни шли за днями, равнины все больше превращались в пустыню, и вместе с этим росло наше удивление: какое множество животных ухитряется выжить в таких условиях! Когда мы выезжали, нам всегда попадались жирафы и газели, бородавочники и страусы, гиены, шакалы и масса разной мелкой твари. Собаки тоже оставались на месте — видимо, они находили достаточно добычи, чтобы прокормиться самим и выкормить щенят. Но в конце концов исчезли и собаки, вновь отправившись в странствия. Тогда и мы свернули лагерь и после двухлетней напряженной полевой работы снова вернулись в свой дом на окраине Найроби и пробыли там на этот раз дольше, чем обычно. Лакомке довелось немного пожить жизнью нормального мальчишки: он играл в саду, ходил по утрам в детскую группу, спал в доме, на настоящей кроватке. Может быть, он вовсе и не скучал по широким просторам, где провел большую часть своей пока еще недолгой жизни. А вот мы с Гуго, разбираясь в своих фотографиях и мыслях, все время мечтали снова очутиться в своем лагере на озере Лгарья, снова увидеть животных, которых так близко узнали.

Каждое отдельное животное, которое мы изучали, проявляло собственный, индивидуальный характер, непохожий на характер его родного брата, или отца, или соседа. Это нисколько не удивит многих любителей животных. Хозяин собаки сразу же подтвердит, что каждая собака — совершенно неповторимая личность. Я знаю женщину, которая держит только спаниелей: ее собаки происходили из одного питомника, дрессировал их один и тот же человек и выращивались они в одном и том же доме. И каждая из них — с гордостью заявляла хозяйка — абсолютно непохожа на всех остальных. Многие скажут то же самое не только о собаках, но и о кошках, лошадях, даже о свиньях, овцах и коровах. Как ни странно, люди, которые держат прирученных диких животных, почему-то относятся к этому совсем иначе и — неизвестно отчего — бывают убеждены, что их воспитанник приобретает свои черты характера только от близкого общения с человеком. Человек прекрасно сознает, что два лисенка, выращенные им лично, имеют совершенно разные характеры, но его никак не заставишь признать, что если бы те же животные росли на свободе, они проявили бы столь же яркие индивидуальные особенности. Как будто его любимцы, становясь членами семьи, теряют всякое сходство со своими дикими родичами. Наверное, именно поэтому охотники, у которых дома живут прирученные животные, не чувствуют угрызений совести, убивая их диких собратьев.

Одна из задач, которую мы ставили перед собой, когда писали эту книгу,— попытаться показать, что свободное дикое животное столь же интересно и своеобразно, как и животное, воспитанное

человеком. Разумеется, узнать индивидуальный характер дикого зверя труднее и на это нужно больше времени, потому что человек не вступает с ним ни в какие отношения, а ведь многие люди в своей оценке личности животного исходят как раз из того, как оно реагирует на личный контакт с ними. В нашей работе такие оценки явились результатом длительных наблюдений. Впервые увидев Черную Фею, гиеновую собаку, Гуго стал отличать ее лишь потому, что у нее не было половины хвоста. Прошли недели непрерывного наблюдения за стаей, прежде чем он узнал Черную Фею как личность, настолько же непохожую на остальных, как ныне здравствующий спаниель моей приятельницы на всех своих предшественников.

Эта книга, первая из двух, посвященных африканским хищникам, рассказывает о трех наиболее преследуемых и наименее понятых человеком видах, и вместе с тем именно эти три вида интереснее всего наблюдать. Нас нисколько не удивляет, что большинство людей приходит в ужас при мысли о зверях, пожирающих свою жертву живьем, но мы не собираемся оправдывать эти особенности их поведения. Мы попытались нарисовать как можно более полную картину их жизни в надежде, что, если рассказать о некоторых до сих пор неизвестных особенностях их поведения — а это очень интересные и зачастую привлекательные черты,— люди поймут их лучше, и звери предстанут в более выгодном свете. Вот, к примеру, случай, доказывающий, что наши надежды могут оправдаться. Один из наших друзей, почти всю жизнь проживший на ферме в Восточной Африке, приехал навестить нас в Серенгети. Гуго показал ему стаю гиеновых собак, к которой принадлежала Черная Фея и в которой как раз были щенята. Вечером, когда мы зашли в бар при гостинице, до меня случайно донеслись слова нашего гостя. Он говорил своему соседу: «Одно я знаю наверняка. В жизни не стану стрелять в гиеновую собаку. Слишком много я о них узнал». Давно у меня не было так радостно на сердце, как после этих слов.

Но сломить человеческие предубеждения не так-то просто. На это требуется долгое время. Даже европейцы сочиняют о животных всякие небылицы: ежи, мол, воруют молоко, летучие мыши запутываются в волосах женщин, овчаркам будто бы нельзя доверять маленьких детей. Я помню случай, происшедший со мной во время моих любимых каникул в деревне, когда я нагрубила одной почтенной старой леди. Я стояла на лугу и гладила свинью. Это была одна из черно-пегих чепрачных свиней, и я много дней осаждала ее подношениями в виде яблочных огрызков и картофельной кожуры, прежде чем она позволила мне себя потрогать. Старушка повелительным тоном позвала меня к ограде и заявила, что впредь я не должна прикасаться к свиньям, что от их щетины нападут несусветные и ужасные болезни, что даже дышать с ними одним воздухом — смерти подобно!

Тем более понятно, что на долю таких малознакомых людям животных, как те, которым посвящена эта книга, выпадает доста-

точно клеветы. Не так давно по дороге из Найроби в Серенгети мы имели случай убедиться в этом. С нами был молодой англичанин, который попросил, чтобы мы его подвезли. Вдруг Гуго заметил, что впереди на дороге лежит какое-то мертвое животное, и все мы стали вглядываться, стараясь разобрать, что это.

— А! Всего-навсего поганая гиена,— бросил наш спутник.— Одной тварью меньше.

Мы с Гуго не успели ничего сказать, как сзади зазвенел тонкий встревоженный голосок:

— Бедная гиена, вся поломатая. У мамы такие же гиены. Что ей сделали?

Лакомка с пеленок жил среди диких животных. Гиены на наших фотографиях для него не просто гиены. Он не различает отдельных особей — для этого нужны недели практики и тренировки,— но знает, что у каждой есть свое имя, и всегда спрашивает, как какую зовут. Нет сомнения, что он научится любить животных в самом прямом смысле этого слова. Сейчас о повадках диких животных становится известно все больше и больше, в книгах о животных сообщаются все более точные факты, все меньше фантазий и выдумок — и это позволяет надеяться, что нынешнее молодое поколение освободится от множества предубеждений, которые определяли отношение к животным в прошлом.

Наши исследования поведения диких животных окажутся не напрасными, если, поделившись своими знаниями, мы сумеем заронить в сердца людей частицу уважения и любви к этим невинным убийцам.

Гиеновые собаки

Степные бродяги

Километрах в восьми от озера Лгарья одиннадцать гиеновых собак трусили гуськом, след в след. Как всегда, передовым был старый самец Чингиз-хан. Кругом простирались бесплодные, иссушенные равнины, и небольшие группы газелей попадались редко и в отдалении друг от друга. Стоял август, середина затяжного сухого сезона. Внезапно Чингиз-хан отклонился от прямой и стал потихоньку приближаться к одинокому самцу газели Томсона. Стая следовала за ним. Когда собаки подобрались к своей жертве метров на двести, газель бросилась бежать. Вначале она сделала несколько прыжков на прямых ногах — это называется «козлить», но когда собаки припустились за ней, перешла в резвый галоп, так и расстилаясь над сухой травой. Вскоре два молодых самца, Стриж и Баскервилль, обогнали старика Чингиза, и дистанция между охотниками и жертвой стала сокращаться.

Мы проехали километра полтора следом за погоней, держась наравне с собаками, бежавшими позади. Наконец передовые псы

поравнялись с газелью — Стриж несся с одной стороны, Баскервилль — с другой. Жертва шарахнулась от Стрижа, и Баскервилль тут же вцепился ей в горло. Они мчались с такой скоростью и толчок был так силен, что Баскервилль сделал сальто и перелетел через газель, но зубов не разжал. С глухим стуком он шлепнулся на спину, а газель — на него, и на минуту все скрылось из глаз в облаке взметнувшейся пыли. Чуть позже мы разглядели, что Стриж тоже впился зубами в шею газели, и стая уже сбегалась к трем бьющимся животным. Когда остальные собаки стали рвать мясо, передовые выпустили горло жертвы и присоединились к ним; не прошло и полминуты после падения, как газель была мертва.

Через четверть часа от нее осталось лишь несколько костей, и собаки снова двинулись в путь — они возвращались рысцой туда, откуда пришли. Я хорошо знал эту стаю: впервые я встретил этих собак два с половиной года назад, и они иногда попадались мне во время поездок по равнинам. В стае на этот раз не хватало одной собаки — взрослой самки, которую я назвал Юноной. Скоро мне предстояло узнать — неужели это правда?— что в этой сухой, такой бесплодной на вид местности Юнона принесла новый помет крохотных щенят. Я позволил себе питать эти радужные надежды, потому что сообщение исходило от Джорджа Доува, палаточный лагерь которого был единственным обиталищем белого человека на всем пространстве равнин, не считая нашего маленького лагеря.

Чингиз снова занял место передового и бежал ровной рысью километров пять, как вдруг, откуда ни возьмись, словно из-под земли, выскочила еще одна собака и бросилась навстречу охотникам. Юнона! Она виляла хвостом, и соски у нее — это я заметил с первого взгляда — были полны молока. Юнона кидалась к собакам, тыкаясь носом им прямо в пасть с тоненьким, отчаянным повизгиванием. Она выпрашивала корм, и то один, то другой охотник, немного отступив от навязчивой просительницы, широко открывал пасть и судорожным усилием отрыгивал на землю немного мяса. Юнона мгновенно глотала подачку и снова принималась попрошайничать.

Многие птицы и некоторые млекопитающие кормят потомство, отрыгивая пищу, но гиеновые собаки, как и волки, сделали еще один шаг вперед — они подкармливают и мать, которая остается в логове охранять щенят.

Наевшись, Юнона подошла к большой норе. Она заглянула в нее, негромко повизгивая, а потом стала заползать внутрь, так что вскоре над землей виднелся один только хвост. Потом она попятилась обратно, а за ней выкатились целых восемь щенят! Мне никогда еще не приходилось видеть гиеновых собак в таком раннем возрасте — как и щенята домашних собак, они совсем не похожи на взрослых. По-видимому, им было недели три. Щенята двигались гораздо резвее, чем можно было ожидать от таких малышей, но им явно трудновато было стоять прямо на распол-

зающихся, словно слепленных «на вырост», толстых лапках. Уши у них были почти такие же большие, как у взрослых собак, но еще не развернулись полностью, а темные мордочки были покрыты морщинами и складками, наводившими на мысль о старости, а не о младенчестве.

Появившиеся на поверхности щенки и опомниться не успели, как взрослые собаки налетели на них всем скопом. Ни пососать, ни поиграть не дадут! Щенки, спотыкаясь, ковыляли кто куда, а взрослые собаки следовали за ними, как приклеенные, то и дело поддевая какого-нибудь щенка носом и молниеносным движением морды опрокидывая на спину. Пока старшая собака вылизывала ему брюшко, щенок некоторое время лежал, беспомощно болтая в воздухе всеми четырьмя лапами, а потом кое-как выворачивался и улепетывал на своих неуверенных лапках. Случалось, что одного крохотного щенка тыкали носами и вылизывали разом трое, а то и четверо взрослых — они толкались, повизгивая все чаще и чаще, так что раздавалось уже что-то вроде птичьего щебета.

Я видел, как доминирующая самка стаи, Ведьма, на ходу просунула нос под задние лапки бегущего щенка, так что малыш, еще секунду пробежав на передних лапках, опрокинулся. Но стоило ему подняться и заковылять прочь, как его перехватил резвый самец, Баскервилль. Он сунулся к щенку носом, припав на передние лапы и задрав кверху зад с неистово виляющим хвостом. Опрокинув щенка на спину точным толчком своей черной морды, он стал вылизывать его. Черная Фея — темная самка с половинкой хвоста — вот кто был без ума от щенков! Она так самозабвенно виляла остатком хвоста, что, казалось, он вот-вот отлетит напрочь, а ее повизгивание выдавало состояние полнейшего экстаза. Мы видели, как она бежит рядом с малышом и что-то радостно щебечет ему прямо в свернутое ухо. Минуту спустя она остановилась и так горячо лизнула в нос другого щенка, что тот перекувырнулся на спину. Потом она обратила внимание на щенка, удиравшего от Лилии, и тоже погналась за малышом, вытянув шею. Скоро она наподдала носом бегущего щенка, тот потерял равновесие и кубарем слетел прямо в нору.

Затем Черная Фея подбежала к трем самцам, вылизывавшим другого щенка, растолкала их и попыталась оттеснить то одним, то другим боком как можно дальше. Но самцы только крутились каруселью и не переставали лизать малыша. Тогда Черная Фея прибегла к последней отчаянной попытке отбить щенка и недолго думая прижала его к земле обеими передними лапами.

В эту минуту я заметил, что Ведьма больше не гоняется за щенятами, чтобы их вылизать, а тащит одного малыша в зубах, направляясь к норе. Она несла его не «за шиворот», а просто открыла пасть пошире и захватила щенка чуть ли не целиком. Минуту спустя она опустила его в темную дыру норы, подбежала к другому щенку и таким же манером отнесла к норе. Потом притащила третьего. Возвращаясь к норе с четвертым щенком, она

встретила на дороге Черную Фею, которая, словно боясь, что детеныша уронят, помогла Ведьме нести его. Черная Фея прихватила щенка за загривок, а Ведьма держала его за спину. Они благополучно доставили его в нору, а затем вместе подогнали и подтащили туда остальную четверку, и сами улеглись неподалеку. Вскоре вся стая уже отдыхала.

Тем временем почти стемнело, и нам пришлось уехать. Возвращаясь в лагерь, я радовался, что логово Юноны оказалось поблизости от проезжей дороги, ведущей к озеру Лгарья,— два года назад я нашел нору в местности, где не было никаких приметных ориентиров, так что мне каждый раз приходилось вести машину по компасу.

Логово стаи Чингиз-хана с щенками было нам наградой за пять месяцев непрерывных поисков, когда я потерял всякую надежду набрести на нору. Вот уже много лет, если только позволяли время и обстоятельства, я использовал любую возможность наблюдать гиеновых собак, когда встречал стаю этих бродячих охотников. Три года подряд я находил логовища с щенками в окрестностях озера Лгарья в период с января по апрель. Поэтому я и прибыл на озеро в феврале вместе с Джейн, ее матерью и Лакомкой, а также с двумя студентами, Джеком и Роджером, и был уверен, что найду логово и на этот раз.

Каждый день я вместе с Джеком и Роджером выезжал из лагеря, исполненный самых радужных надежд. Но проходили недели, и наш оптимизм мало-помалу истощался. День за днем мы петляли на трех машинах по необозримым просторам, пока, наконец, не стали обыскивать площадь в тысячу триста квадратных километров, временами предпринимая вылазки еще дальше. Иногда мы наталкивались на стаю, состоявшую только из взрослых собак, или на стаю с подрастающими щенками и всякий раз старались остаться с собаками как можно дольше. Мы работали посменно, подменяя друг друга примерно в десять часов утра и в четыре часа дня, пока кто-нибудь из нас не упускал собак безлунной ночью или же не терял и собак и машины, следовавшей за ними.

Во время таких встреч мы узнали многое, но логово с маленькими щенками нам так и не попадалось, а оно было совершенно необходимо, чтобы вести длительное изучение взаимоотношений отдельных собак внутри стаи. В тот период, когда щенки еще малы, взрослые собаки остаются на одном месте, а не бродят по необозримым равнинам. Но как только щенки подрастут достаточно, чтобы отправиться в странствия, они вместе со взрослыми оставляют родное логово и начинают вести существование степных бродяг, которое продолжается у них большую часть жизни.

Но мы были не одиноки в этих поисках — нам помогал наш друг Джордж Доув. Он попросил всех шоферов, показывающих местность туристам, высматривать повсюду стаи гиеновых собак: как только кому-то из них встречалась стая, Джордж тут же приезжал к нам с этой вестью. Таким образом прочесываемое про-

странство увеличивалось, и мы собирали гораздо больше сведениий о гиеновых собаках.

В мае и июне мои надежды несколько ожили, так как мы видели спаривание в двух стаях, но и та и другая исчезли из наших мест задолго до предполагаемого появления щенят, и мы не могли их отыскать, как ни бились. В июле, распростившись со всеми своими надеждами, я вылетел по делам в Европу, а когда вернулся к началу августа, Джордж преподнес мне новость: его приятель видел стаю, где была самка на сносях. И вот мы обрели Юнону с восемью щенятами как раз тогда, когда я совсем уже перестал надеяться, что удастся наконец получить информацию, которая была нужна мне просто позарез!

Стая Чингиз-хана оставалась на месте еще шесть недель; все это время Джефф (мой новый помощник, студент) и я почти непрерывно наблюдали за ней, и нам удалось узнать немало нового о поведении гиеновых собак.

Довольно скоро мы обнаружили, что в стае гиеновых собак, как и в волчьей стае, соблюдаются две отдельные иерархии: самцов и самок. В иерархии самцов разобраться было гораздо труднее — по правде говоря, мы так и не сумели установить ее с точностью. Мы знали, что Чингиз-хан, предводитель, и Стриж занимали главенствующее положение, а дальше следуют все остальные: Баскервилль, Гадес, Распутин, Потрошитель, Ринго и Желтый Дьявол. Куда интереснее были взаимоотношения четырех взрослых самок: Ведьмы, Черной Феи, Лилии и Юноны — матери щенят.

Юнона была самой робкой из всех. Стоило Ведьме или Черной Фее подойти к ней, как она начинала повизгивать, уголки губ у нее растягивались в заискивающей улыбке, при этом она опускала голову и почти припадала к земле, все быстрее и быстрее виляя хвостом. Часто она еще и подставляла шею, поворачиваясь боком к подходящей самке,— ритуальная демонстрация подчиненности, о которой я расскажу несколько позже. Но как бы она ни заискивала и ни унижалась, и Ведьма и Черная Фея всегда ухитрялись найти причину для недовольства и куснуть ее в подставленную шею — в наказание или в назидание. Чуть меньше Юнона трепетала перед Лилией, хотя, несомненно, была ниже ее по положению в стае.

Юноне приходилось быть особенно осторожной, когда она приближалась к собственным детям. На второй день наблюдений я даже испугался: как бы щенки не подохли с голоду — каждый раз, когда мать подходила к норе и малыши пытались сосать, Ведьма — иногда с помощью Черной Феи — прогоняла ее прочь. Мне казалось, что Ведьма просто ревнует, потому что щенки явно отдают предпочтение Юноне. Если какой-нибудь малыш тянулся за матерью, когда она отступала перед Лилией, доминирующая самка тут же хватала его и водворяла в нору. И все же на следующий день щенки продолжали сосать мать.

Очень может быть, что — по редкостному совпадению — логово

было найдено как раз в тот день, когда щенята впервые выглянули на свет. Во всяком случае, мне уже никогда не приходилось видеть, чтобы взрослые приветствовали щенков с таким восторгом. Да и Ведьма больше никогда не мешала Юноне кормить свою детвору, хотя, вполне возможно, это происходило оттого, что на следующей неделе мать всегда располагалась у входа в нору, когда они сосали. Получалось, что снаружи были видны только ее голова и плечи, а щенят во время еды было не видно и не слышно, так что Ведьма, наверно, и не догадывалась, что происходит под землей. Во всех других случаях, особенно когда Юнона пыталась перенести щенка, Ведьма молнией налетала на нее.

Меня всегда забавлял своеобразный «ритуал», когда Ведьма метила мочой траву вокруг норы. Отметки такого рода обычно обозначают право собственности на территорию, и мне очень хотелось знать, не предъявляет ли она таким образом свои права и на щенят. Но, с другой стороны, она могла просто пользоваться привилегией доминирующей самки, поскольку я никогда не видел, чтобы окрестности норы отмечали другие самки. Ее послание могло гласить: «Здесь логово стаи Чингиз-хана. Я, Ведьма, первая сука в стае. Ни шагу дальше!»

Черная Фея — вторая за Ведьмой в «порядке клевания» самок — была совершенно очарована щенками, хотя, помня о своем месте, и подходила к ним с некоторой осторожностью. Например, присоединяясь к другой собаке, вылизывающей щенка, она, как бы совершенно случайно, оказывалась между ней и щенком и — совсем нечаянно!— потихоньку-полегоньку оттирала бочком взрослую собаку. Это повторялось так часто, что было совершенно очевидно — она все это проделывает вполне сознательно. Если другая взрослая собака собиралась пристроиться рядом с Черной Феей, облизывавшей малыша, она тут же ложилась прямо на свое сокровище, так что щенок почти скрывался из глаз — наполовину спрятанный и, сдавалось мне, полузадушенный. И другой собаке ничего не оставалось, как отправиться на поиски более доступного для вылизывания щенка.

Удивительно интересно было наблюдать отношение Черной Феи с остальными самками. Она постоянно подлизывалась к Ведьме. Если доминирующая самка шла в ее сторону, она спешила навстречу, виляя хвостом и повизгивая, при этом уши у нее были плотно прижаты к голове, а задние ноги полусогнуты в знак покорности. Когда они сходились, Черная Фея лизала и покусывала губы доминирующей самки и то и дело терлась подбородком о ее морду. Иногда Ведьме достаточно было просто перейти с одного места на другое — всего на несколько метров,— чтобы Черная Фея бросилась к ней с изъявлениями преданности.

Однажды, вскоре после того как мы нашли логово, я видел, как Черная Фея сделала несколько шагов в сторону Юноны, которая вылизывала одного из своих щенят, а потом подскочила к Ведьме, стоявшей неподалеку, и быстро потерлась подбородком о голову доминирующей самки. После этого она побежала обратно и стала

кусать Юнону за шею. К моему удивлению, Ведьма догнала Черную Фею и в свою очередь принялась ее кусать. Поначалу я ничего не понял, но в следующие дни вся сцена повторялась в неизменном порядке, так что я скоро сообразил, в чем дело. Должно быть, Черная Фея, собираясь напасть на Юнону, то ли пыталась получить разрешение на нападение, то ли старалась убедиться, что Ведьма по меньшей мере готова ограничиться позицией невмешательства. Если она и вправду хотела этого добиться, то по большей части ей не везло: стоило Черной Фее укусить другую самку — Юнону или Лилию,— как Ведьма, очевидно, для поддержания порядка, тотчас кусала Черную Фею. Но делала она это не больно, почти ласково: порой, цапнув разок, тут же начинала нежно, игриво покусывать ее — можно было подумать, что доминирующая собака, поставив Черную Фею на подобающее место, тем не менее выказывала ей свое неизменное благоволение и приязнь.

Мне всегда казалось, что Черная Фея чувствует, что ее собственное высокое положение зависит от поддержания дружеских отношений с Ведьмой, и следит, как бы Ведьма не сблизилась с другими самками. Я часто видел, как Черная Фея, не жалея сил, мешает другим самкам подходить к Ведьме. Если, к примеру, Лилия оказывалась рядом с Ведьмой, Черная Фея уже была тут как тут и то втиралась между ними, то отталкивала Лилию боком. В том и другом случае она иногда быстро цапала Лилию зубами, хотя за подобное нарушение этикета, как я уже рассказывал, ей обычно влетало от Ведьмы.

Порой казалось, что Черную Фею в предчувствии трепки обуревают сомнения: она делала рывок к Лилии, словно собираясь куснуть ее в шею, потом бросалась к Ведьме, чтобы потереться о нее подбородком, но не притрагивалась ни к той, ни к другой. После того как она повторяла эти незаконченные метания несколько раз, Лилия обычно отходила подальше, и Черная Фея избегала укуса Ведьмы.

Лилия, будучи рангом выше Юноны, тем не менее проводила с щенками не так много времени, как остальные самки, и держалась в стороне от семейных склок. В тех редких случаях, когда она все же подходила к щенкам. Черная Фея почти всегда успевала загородить их собой, а если Ведьмы не было поблизости, то и куснуть Лилию за шею.

Мы с Джеффом обычно наблюдали за логовом целый день, и вскоре собаки так привыкли к нашим машинам, что едва приподнимали головы при их приближении, а некоторые даже ухом не вели.

Взрослые выходили на охоту по вечерам, в лунные ночи или рано на рассвете. Днем они отлеживались возле щенков. Вот один типичный день, когда щенятам было всего несколько недель.

Почти все утро взрослые лежали вокруг логова небольшими группками — кто спал, кто просто отдыхал. Щенята возились около норы, и к ним то и дело подходил кто-нибудь из взрослых — немного потыкать их носом и полизать. Около половины одиннадцатого щенята спрятались в прохладную темноту норы, а взрослые

разбрелись, поодиночке и парами, и улеглись в ямках неподалеку. Юнона ненадолго спустилась в нору к щенкам, но вскоре вылезла, отряхнулась и пошла отдыхать в соседнюю нору. Чуть погодя — довольно неожиданно — взрослый самец Стриж встал со своей лежки и спустился в нору. Он пробыл с щенками больше часа, а когда вылез, туда забралась Черная Фея.

Примерно в половине пятого солнце скрылось за плотными облаками, и вскоре из своих нор вылезли сразу три взрослые собаки. Они побежали к норе, где были щенята, держась бок о бок, покусывая и полизывая морды друг другу. Они совали морды в нору и «щебетали», насторожив уши и махая хвостами. Внезапно Ведьма растолкала их и бросилась в нору. Из глубины до меня донеслось щебетание и повизгивание, и Ведьма, пятясь, вылезла из норы, а за ней почти сразу выскочили восемь щенят.

Несколько минут царила полная неразбериха — взрослые поочередно здоровались с малышами и друг с другом, а остальные члены стаи окружали их и усиливали суматоху. Но вскоре все поутихли и взрослые улеглись на открытом месте под облачным небом.

Щенята снова принялись играть. Они все еще не очень справлялись с собственными лапами и ковыляли как попало, кусали и тянули друг друга за свернутые ушки, и каждый раз все это кончалось общей свалкой. Черная Фея лежала совсем рядом, время от времени какой-нибудь щенок пытался переползти через ее лапы или хвост — и, конечно, тут же подвергался процедуре опрокидывания и неистового вылизывания.

В тот момент, когда солнце уходило за горизонт, старик Чингиз встал, потянулся и зевнул. Он рысцой подбежал к тому месту, где отдыхали Ведьма, Стриж и Баскервилль. При его приближении они вскочили, и все четверо принялись тереться носами, лизать друг друга в губы, виляя поднятыми хвостами, а их повизгивание постепенно перерастало в восторженное щебетание. Остальные взрослые собаки тут же присоединились к ним, и вот уже вся стая топчется и кружится, совершая обряд приветствия. В этом мелькании лап, хвостов, гибких тонких тел взгляд выхватывал то Ведьму и Стрижа, широко раскрывших пасти с загнутыми назад языками, то старика Желтого Дьявола, от радости напрудившего на собственные лапы; вот Юнона припала на передние лапы, извернулась и лизнула Чингиз-хана прямо в губы. Но вдруг, так же внезапно, как началась, дикая пляска утихла, и стая побежала рысью на вечернюю охоту. Подобная церемония почти всегда происходит перед тем, как стая отправляется на охоту, и больше всего похожа на наш обычай говорить «Доброе утро»— так муж и жена здороваются утром, целуя друг друга, даже если и проспали всю ночь бок о бок (у немцев все члены семьи по утрам и на ночь обмениваются рукопожатиями). Большинство жестов, из которых состоит обряд приветствия, ведет свое происхождение от «выпрашивания», когда собаки точно так же тычут друг друга носами и лижут в губы. В такие моменты между поведением вышестоящего члена стаи

и его подчиненного собрата не наблюдается почти никакой видимой разницы. По-моему, это прекрасный способ подчеркнуть единство стаи на охоте — так и кажется, что щебечущие звуки говорят: «Я сливаюсь воедино со всеми. Я приму участие в охоте и получу свою долю добычи. Бежим! Бежим!»

Юнона пробежала вместе со стаей метров двести, а потом вернулась охранять щенят. Малыши и не пытались следовать за стаей, а продолжали играть у входа в нору. Я наблюдал еще за тремя стаями, в которых были щенки, и всегда мать оставалась возле норы, когда остальные взрослые уходили на розыски добычи. В каждой из этих стай было по восемь взрослых, а то и больше, так что временная потеря одного из охотников никак не отражалась на успехе охоты. А стая Чингиза, где было двенадцать взрослых собак, и подавно могла обойтись без Юноны.

Старый самец Чингиз-хан обычно был непререкаемым властителем в походе — именно он решал, когда и куда двигаться всей стае. Однажды, когда стая тронулась в путь, Чингиз оказался на четвертом месте. Собаки протрусили примерно полтора километра, и тут Чингиз круто свернул вправо, а передовые собаки продолжали бежать вперед. Но не прошло и полминуты, как эти горе-предводители тоже свернули вправо, так что Чингиз, даже оставаясь на четвертом месте, заставил стаю следовать за собой.

На этот раз Чингиз бежал, как обычно, примерно метрах в десяти впереди остальных. Стая вытянулась следом за ним почти гуськом. Я потихоньку ехал параллельно курсу стаи, отмечая, как отдельные собаки меняют свои места в цепочке, и прикидывая скорость, с которой они бежали,— примерно десять километров в час. Собаки часто задерживались, поодиночке или группами, обследуя какую-нибудь яму в земле или обнюхивая отдельные куртинки высокой травы. Вот Лилия остановилась и съела маленькие коричневые куколки, торчавшие на давно брошенных рогах гну. Эти короткие трубочки так и остаются прикрепленными к рогу, когда ночная бабочка покидает куколку. Встречаются они на каждом шагу, но я впервые видел, чтобы гиеновая собака их ела,— собственно говоря, мне вообще не приходилось видеть, чтобы собаки ели насекомых.

Пока мы двигались по сухой и бесплодной земле, нам почти не встречались животные, и собаки смогли начать свою охоту только километрах в восьми от логова. Уже в сумерках показались три газели Гранта, и собаки погнались за одной из них. На ровной земле мне было нетрудно держаться рядом с ними. Чингиз первым бросился в погоню, но вскоре его обогнали Стриж, Ведьма и Баскервилль. Через пять минут второй оказалась Черная Фея, и я старался держаться с ней наравне. Она побежала так же быстро, как и Стриж, но я намеренно не догонял его, чтобы не перепугать газель и не повлиять на исход охоты.

Пять с половиной километров подряд стрелка моего спидометра указывала скорость пятьдесят километров в час: собаки сохраняли эту скорость по всей дистанции. Иногда кто-нибудь из них делал

короткий рывок — возможно, достигая скорости пятьдесят пять километров в час, а то и больше.

Через пять километров погоню по-прежнему возглавлял Стриж, а Черная Фея бежала второй, но когда газель начала кружить, Баскервилль круто свернул и срезал дугу по прямой, так что вскоре стаю вел уже он. И вот еще через километр, когда Баскервилль и Стриж неслись по пятам за жертвой, постепенно подбираясь к ней все ближе и ближе, они вдруг стали отставать, словно отказываясь от погони. Собаки одна за другой останавливались, и постепенно вся стая, растянувшаяся во время погони далеко по равнине, собралась вместе. Газель убегала все дальше, и вскоре быстро наступившие сумерки скрыли ее из глаз.

Эта погоня была едва ли не самой длительной из всех, какие мне довелось наблюдать: обычно, если стае не удается загнать добычу на расстоянии от четырех до пяти километров, она прекращает погоню и, немного передохнув, ищет себе другую жертву. Все это решительно отметает старинные небылицы о том, что намеченная стаей гиеновых собак жертва обречена — ее, мол, безжалостно гонят до полного изнеможения и приканчивают.

За несколько лет мне и моим помощникам пришлось много раз видеть, как охотятся гиеновые собаки,— мы наблюдали девяносто одну погоню, и только тридцать девять из них увенчались успехом. Вопреки широко распространенному мнению стая собак, рысью бегущая по равнине, вовсе не сеет панику среди пасущихся животных. Даже когда равнины от горизонта до горизонта черны от мигрирующих стад гну и зебр, животные, мимо которых пробегают собаки, обычно уступают им дорогу, уходя неторопливой рысцой или галопом, а потом останавливаются и смотрят, как охотники трусят дальше. И только после того, как стая несколько раз подряд неудачно гонялась за животным или если собаки уже давно охотятся в этой местности, их приближение нагоняет панику на антилоп. Но стоит собакам прибавить ходу — перейти с шага или рыси на галоп,— как все травоядные в радиусе нескольких сотен метров спешат убраться подальше.

Быть может, именно поэтому собаки приближаются к отдельному животному или стаду обычно очень медленно, вытянув опущенные головы почти параллельно земле и слегка приседая на ходу. Таким манером охотники иногда ухитряются подкрасться к стаду гну или зебр метров на пятьдесят, прежде чем намеченная жертва бросается бежать. Стадо газелей обычно удирает, не подпуская собак ближе чем на сотню метров.

Стоит животному побежать, как гиеновые собаки начинают погоню всерьез. С этого момента схема охоты может развиваться по-разному. Иногда, особенно в тех случаях, когда собаки подбираются к маленькому стаду, кажется, что жертва намечена заранее, предводитель стаи выбирает ее еще до начала погони. Как только он бросается к ней, остальные собаки бегут за ним, и все преследуют одно и то же животное, пока оно не убежит или не попадет им в зубы. Когда собаки встречают большое стадо, бывает

н так: стая делает короткий рывок в сторону группы животных, а потом, остановившись или двигаясь шагом, внимательно наблюдает за бросающимися врассыпную антилопами. Затем собаки могут погнаться за каким-нибудь животным или пробежать рысью мимо и повторить тот же прием с другим стадом. Бывает, что, когда стадо начинает убегать, стая собак разбивается на группы и одновременно преследует нескольких животных. Две погони сразу довольно редко приносят удачу, особенно во время отела гну, когда собаки охотятся на телят. Чаще все погони сливаются в одну. Похоже на то, что каждая собака следит за ходом охоты в другой группе и бросает свою жертву, если видит, что у другой собаки (или группы собак) дела идут лучше.

Последние два из описанных тактических приемов особенно интересны. Что высматривают собаки, следя за стадом, убегающим у них из-под носа? И почему порой члены такой сплоченной стаи вдруг рассыпаются якобы в беспорядке? Я думаю, что на эти вопросы можно дать один ответ: оба приема позволяют собакам выбрать из целого стада животное, которое слабее или медлительнее остальных. Издавна полагали, что у гиеновых собак нет необходимости выбирать слабых животных, потому что их быстрота и выносливость позволяют им загонять резвейших, но как же тогда быть с тем, что определенная часть намеченных жертв все же ускользает? Я уверен — хотя доказать это не так-то просто,— что собаки спугивают стадо, чтобы легче было выбрать на бегу менее здоровое животное. Должен подчеркнуть, что животное совсем не обязательно должно быть больным или хромым: без сомнения, гиеновые собаки гораздо лучше нас подмечают, что животное не в форме, а значит, его можно будет загнать. А если, проследив за бегущим стадом, они не в состоянии остановить выбор на определенном животном, параллельная погоня за несколькими животными легче выявит в разбегающемся стаде «слабака», чем погоня всей стаей.

В процессе погони собаки, бегущие за передовыми, всегда срезают углы при поворотах жертвы и оказываются ближе к ней или перехватывают лидерство. Особенно это заметно, когда собаки преследуют газель Томсона, потому что она, удирая, обычно носится по равнине зигзагами или бежит по очень большому кругу, так что к концу охоты во главе стаи, срезая углы, успевают побывать несколько собак. Должно быть, это и дало повод укорениться мнению, что гиеновые собаки охотятся с «подставами»— собаки, бежавшие не торопясь позади, со свежими силами бросаются вперед и сменяют ведущих. На самом деле во всех погонях, которые мне пришлось наблюдать, передовые собаки бегут приблизительно с одной и той же скоростью, пока задние срезают углы, и зачастую еще и прибавляют ходу и снова выходят на первое место. Правда, некоторые собаки постоянно бегут позади — так, Желтый Дьявол частенько оказывался в километре от передовых, когда те настигали добычу. И я ни разу не видел, чтобы он вырывался вперед и возглавлял погоню.

Гиеновые собаки охотятся на самых разнообразных животных — на бородавочников, газелей Томсона и Гранта, на гну и зебр,— я сам видел, как они загоняют и убивают этих животных. До недавнего времени считалось, что гиеновые собаки не решаются подступиться к зебрам: во-первых, зебра — крупное, мощное животное; во-вторых, жеребцы всегда бросаются на защиту табуна; в-третьих, зебры обращаются в бегство только тогда, когда стая собак подходит совсем близко. И тем не менее в некоторых районах гиеновые собаки постоянно охотятся на зебр — я много раз видел, как стая Чингиз-хана расправляется с ними. Это было еще до появления щенят у Юноны.

Одна из таких охот была особенно интересной. Чингиз — как всегда, впереди — стал потихоньку подкрадываться к табунку примерно из двадцати зебр, в котором была кобыла с маленьким жеребенком. По мере приближения к стаду собаки двигались все медленнее, как будто они и думать не думали об охоте. Таким образом они подобрались к зебрам метров на двадцать, и только тогда табун стал уходить от них рысью. Это послужило сигналом к открытой погоне, и собаки бросились за табуном. Зебры перешли в галоп, сбиваясь поближе друг к другу, так что табун скакал одной тесной группой. По дороге к ним приставали небольшие группы зебр, и вскоре табун насчитывал свыше пятидесяти животных. Но они не мчались сломя голову — казалось, что животные приноравливают свой ровный галоп к самому слабому в группе, на этот раз, видимо, к жеребенку.

В начале погони Чингиз оставался во главе стаи, а чуть позади бежали Стриж и Баскервилль. Внезапно старый вожак сделал рывок вперед, но когда он приблизился к кобыле с жеребенком, бежавшей позади, один из жеребцов повернулся и бросился к нему, прижав уши и оскалив зубы. Чингиз метнулся в сторону, так что впереди оказался Стриж. Через несколько секунд Стриж поравнялся с кобылой и жеребенком, но жеребец вновь бросился защищать свое семейство. Так повторялось снова и снова, и каждый раз передовая собака уворачивалась от жеребца, а следующая за ней делала рывок вперед.

Наконец в общей неразберихе кобыла с жеребенком и годовичком — по узору его полос я определил, что это прошлогодний жеребенок той же кобылы,— были отбиты от табуна. Стая собак немедленно окружила всех троих, а табун вскоре скрылся за невысоким холмом.

Оказавшись в одиночестве, кобыла остановилась, а жеребенок и годовик жались к ней поближе. Стриж, Баскервилль и две другие собаки стали подбираться к зебрам, но тут мать шагнула вперед и щелкнула зубами почти у самой морды Стрижа. Три остальные собаки подскочили к жеребенку сзади, но их отогнал годовичок, бросившийся на защиту малыша. Собаки все время пытались схватить жеребенка, и каждый раз мать или годовичок отгоняли их — всего на несколько шагов вперед. Поэтому жеребенок все

время оставался под боком у матери, и разделить всех троих собакам пока не удавалось.

Положение было очень напряженное, и я уже с некоторым отчаянием ждал конца. С каждой минутой собаки становились все нахальнее, они напирали со всех сторон и завывали, чтобы подбодрить или подначить друг друга. Вдруг Стриж взвился вверх перед самой мордой кобылы, щелкнул зубами, но вцепиться ей в верхнюю губу ему не удалось.

Эту тактику гиеновые собаки часто применяют в охоте на взрослых зебр — одна собака вцепляется в верхнюю губу и тянет изо всех сил, а остальные тем временем выпускают добыче кишки. К тому же приему прибегают и домашние охотничьи собаки, загнав добычу и остановив ее. Должно быть, такой прием действует подобно закрутке — куску веревки, который накрепко закручивают, захватив верхнюю губу лошади, когда нужно показать ее врачу или подковать. Гиеновая собака, ухватившая зебру за губу, обычно не разжимает зубов, пока жертва не расстается с жизнью, и только тогда присоединяется к другим собакам, рвущим добычу.

На сей раз зебра вскинула голову, и Стриж только щелкнул зубами в воздухе. Но он уже вошел в раж и прыгал вперед снова и снова. Конец казался неизбежным — а следить за развязкой всегда тяжелее, когда животное мужественно защищает свою жизнь или детеныша. Внезапно я почувствовал, что земля дрожит, и, оглянувшись, к своему несказанному удивлению, увидел десяток зебр, скачущих во весь опор. Секунду спустя они окружили мать с жеребятами и, круто развернувшись, тесно сомкнутым табунком помчались в ту сторону, откуда прискакали. Собаки гнались за улизнувшей добычей метров пятьдесят, но не смогли пробиться сквозь табун и вскоре отстали. Это был единственный раз, когда на моих глазах зебры вернулись к сородичам, окруженным гиеновыми собаками, и помогли им спастись.

Несомненно, гиеновые собаки заслужили всеобщую ненависть из-за способа, которым убивают добычу — выпуская ей внутренности; именно из-за этого их почти поголовно истребили во многих районах, в том числе в национальных парках и резерватах. И правда, когда гиеновые собаки всей стаей вгрызаются в пах своей жертвы, это зрелище не из приятных. Но испытывает ли животное ту страшную боль, которую мы себе воображаем? Судя по рассказам людей, которым случалось побывать в когтях у льва, например знаменитого доктора Ливингстона, и по воспоминаниям тех, кто был тяжело ранен на войне, глубокие рваные раны начинают болеть только некоторое время спустя, а в самый момент ранения боль совершенно неощутима из-за нервного шока. В тот момент, когда стая гиеновых собак расправляется со своей жертвой, кажется, что проходит целая вечность, а между тем из тридцати девяти случаев, засеченных нами по секундомеру, только раз жертва погибала больше пяти минут — чаще всего это занимает менее двух минут. Единственное исключение — годовалый гну, на которого напали четыре собаки: он сопротивлялся семнадцать минут. Есть

сведения, что расправа больших стай собак затягивалась на двадцать пять минут, прежде чем смерть избавляла жертву от мучений. Но в тех случаях, о которых знаю я лично, вся вина лежит на людях — они подъезжали слишком близко, и некоторые собаки из стаи не решались подойти и принять участие в завершении охоты. В этом нетрудно убедиться, рассматривая многие фотографии.

Так что, если судить беспристрастно, гиеновые собаки, подобно домашним охотничьим собакам, волкам и гиенам, убивают быстро и умело. Они находят места, где кожа тоньше всего, поэтому быстро добираются до внутренних органов и приканчивают жертву. Способ, которым кошачьи хищники чаще всего расправляются с жертвой,— удушение — не столь кровавый и поэтому считается более «милосердным». А ведь порой животное погибает не раньше чем через десять минут и, насколько мы можем судить, гораздо более мучительной смертью. Следует упомянуть и о том, что, когда жертва достаточно мала или уже не может защищаться, например из-за перелома позвоночника, львы, леопарды и гепарды тоже едят ее живьем; в этих случаях мучения животного затягиваются надолго, и зрелище это наводит ужас, потому что кошки в отличие от собак любят посмаковать каждый кусочек.

Как-то утром, направляясь к логову Юноны, я нагнал Чингизхана, бегущего в сопровождении своей свиты из взрослых собак. Животы у собак были туго набиты, а головы и шеи темнели от засохшей крови. Сразу было видно, что они возвращаются с удачной охоты. Я тихо поехал рядом с ними и вскоре оказался как бы членом стаи, потому что Черная Фея и Желтый Дьявол отстали и бежали позади лендровера. Когда вдали показалось логово, Юнона со всем выводком сидела возле входа в нору. С тех пор как я впервые увидел щенят, прошла неделя, и теперь они увереннее держались на ногах, а часть морщин и складок на ушах и на мордочке разгладилась. Когда мы были уже близко от норы, Черная Фея и Ведьма выбежали вперед. Юнона по привычке поспешила навстречу, приседая и выпрашивая еду, но обе самки пронеслись мимо, прямиком к норе. К моему удивлению, остальные собаки тоже увернулись от Юноны, хотя прежде многие в ответ на ее визг и подлизывание отрыгивали ей мясо. И тут я увидел, что все собаки одна за другой отрыгивают мясо перед щенками.

Как и многие хищники, щенята гиеновых собак начинают есть твердую пищу в очень раннем возрасте — примерно около месяца. Постепенно щенки все более жадно стараются урвать себе толику мяса, которое приносят им взрослые. Через два дня после того, как я видел первую кормежку щенков, маленький самец, Демон, сунул голову прямо в пасть Лилии, когда она открыла рот, чтобы отрыгнуть мясо. С невероятной поспешностью Демон схватил мясо, прежде чем оно успело выпасть, и сглотнул, так что остальным щенкам ничего не досталось. После этого щенята почти всегда совали головы прямо в открытые пасти взрослых.

Поначалу щенкам, видимо, трудно было справиться с большими кусками мяса, которые нельзя проглотить целиком. Начинались

дикне свалки, в кусок разом вцеплялись несколько щенят н каждый тяиул его к себе. Нередко в такую свалку вмешнвалась Ведьма, и когда ей доставался кусочек, оиа его глотала, ио тут же отрыгивала обратно. Как-то раз двое щеият тянулн за разные концы кусок кожи. Демон помчался к ннм, но впопыхах ие заметил вход в нору н провалился.

С тех пор как щенята началн есть мясо, Юионе, должно быть, стало иелегко получать свою долю: все взрослые явио предпочиталн кормнть малышей. Каждый раз, когда стая возвращалась с охоты, Юнона бежала навстречу, отчаянно тыкалась иосом в морду то одной, то другой собаке, скулнла, повнзгнвала н вняляла хвостом. Иногда кто-ннбудь из охотинков откликался на ее просьбы — чаще всего это был Чнигнз,— но обычно собакн прыжкамн уходнлн от нее н спешнлн накормнть щенят. Юноие, чтобы не голодать, прнходилось вмешиваться в свалку щеият и таскать мясо у ннх. Как и следовало ожндать, за это ей то н дело влетало от Ведьмы нли от Чериой Фен.

Но ие надо думать, что Юиоиа поиапрасну выпрашнвала пнщу только потому, что заинмала последнее место в стае,— в другой стае собак, за которой я наблюдал, кормящая мать заннмала очеиь высокое место н тем не менее ей почти иичего ие доставалось от другнх собак. Как н Юиоиа, мать охраияла у иоры свой выводок, и ей прнходилось точио так же врываться в кучу щенят, чтобы перехватнть иемного принесеииого охотиикамн мяса. Однако она успевала нахватать больше, чем ей было нужио, потому что немиого спустя обычно отрыгивала часть съеденного щенкам.

У этой собакн щенки роднлнсь в самый разгар мнграции, когда равинны покрывала густая трава. Гненовым собакам было обеспечено изобнлне: все остальные собаки в стае — семеро самцов — охотнлнсь два раза в день, на рассвете и вечером, и почтн всегда удачно. А это было иеобходнмо, потому что у собакн был неслыхаино большой помет, да н щенки рослн ие по диям, а по часам. Я счнтал и пересчитывал несколько дней, пока не уверился, что в логове не меньше шестиадцатн щеият. Одна гнеиовая собака прннесла в иеволе девятнадцать щенят, но трое роднлись мертвыми; вполие возможно, что в помете этой самки тоже былн мертворожденные щенята.

У кормящей гнеиовой собаки двенадцать-четыриадцать сосков, н шестиадцать щеият иикак ие моглн сосать одиовремеиио. Но я с уднвлением заметил, что у инх иикогда ие бывало драк за место. Несколько щенят держались поодаль, терпеливо дожидаясь, пока насосутся первые. Правда, зачастую мне казалось, что последнне щенки ие успевают иаесться, как мать уже уходнт; по времеии эта мать кормила столько же, сколько матери с гораздо меньшимн выводками, от двух с половнной до трех минут.

Самка гнеиовой собакн обычно кормнт щеият стоя, так что малышам приходится вставать иа задине лапкн, чтобы дотяиуться до сосков. Иногда онн держатся, перебнрая перединми лапкамн по брюху матери, а иногда опнраясь на спину или голову другого

щенка. Прекращая кормление, мать просто-напросто переступает через щенков и уходит. Но мать шестнадцати щенят, окруженная целой толпой, обычно, кончая кормить, прыгала прямо через их головы, так что на какую-то долю секунды можно было видеть такую картину: два ряда задранных вверх мордочек с разинутыми ртами, и кое-кто по инерции еще сосет воздух. Часто один или два щенка опрокидывались, теряя равновесие, когда соски, к которым они было присосались, внезапно вырывались у них изо рта и исчезали.

У собаки, о которой я говорю, все трудности возникали из-за огромного количества щенят в помете. У Юноны же были свои заботы. Первая сложность, как вы уже знаете, состояла в том, что Ведьма, доминирующая самка, прогоняла Юнону от ее собственных щенят. Тогда Юнона стала кормить их прямо в норе. Но щенята быстро росли, и, должно быть, там, внизу, во время кормежки становилось тесновато. Юноне пришлось снова кормить щенят наверху. Два дня все шло прекрасно — Ведьма, наверное, примирилась с тем, что Юнона должна исполнять свой материнский долг. Юнона подходила к норе, вызывала щенят тихим повизгиванием, как домашние собаки, и мирно кормила их. Но затем на нее появилась новая напасть — вместе со щенятами ее стали сосать Черная Фея и Ведьма. Сначала мы видели, как взрослые собаки облизывают соски после щенят, но немного погодя, насколько нам удалось заметить, они уже сосали как заправские сосунки. Когда подходила какая-нибудь из самок высшего ранга, Юнона растягивала губы в улыбке, виляла хвостом и покорно шлепалась на землю, а щенки и взрослые тут же присасывались к ее соскам и не давали ей подняться, пока не наедались. Два раза я видел, как Юнону сосет Баскервилль, иногда на это решалась и Лилия, четвертая самка. Однажды она прибежала раньше Ведьмы, но, увидев, что та несется со всех ног, струхнула и, стараясь поскорее убежать, нырнула прямо под брюхо Юноны, разметав сосавших щенков во все стороны.

Я никак не мог понять, почему взрослые собаки ведут себя так странно. Не потому ли, что стоит сухая, жаркая погода? За первые недели жизни щенков не выпало ни капли дождя, а до ближайшего источника воды — протухшей лужи,— по нашим сведениям, добрых полтора десятка километров. Конечно, это не такая уж даль для гиеновых собак, но они ни разу не пили, когда мы следовали за ними. Другой ученый, два месяца наблюдавший за стаей, в которой были щенки, тоже ни разу не видел, чтобы собаки пили. И все же один раз Юнона, по-видимому, уходила пить — когда мы утром приехали к логову, ее там не было, а часа через полтора она показалась на горизонте, рысцой возвращаясь со стороны протухшей лужи. Безусловно, кормящая мать нуждалась в возобновлении запасов жидкости гораздо больше, чем все остальные собаки; во время дождя Юнона жадно слизывала воду с собственной шерсти и с шерсти других собак. Но даже когда полил дождь, Ведьма

и Черная Фея не перестали сосать: должно быть, это уже вошло у них в привычку.

От этой привычки страдала не только Юнона: Ведьма и Черная Фея занимали так много места, что некоторым щенкам не удавалось добраться до сосков, и обе самки порой почти скрывались под кучей ползающих и карабкающихся щенят, которые старались протиснуться к матери. Однажды я видел, как два щенка дергали Черную Фею за остаток хвоста — может, они просто играли, но, скорее всего, они старались оттащить ее в сторону.

Тянуть за хвост — любимая игра щенят гиеновой собаки, и Юнонины малыши, принимаясь играть, таскали друг друга за хвосты и за уши, не жалея сил. Очень часто они тянули за хвосты и взрослых, которые отдыхали поблизости. Но Юнона старалась не потакать в этом своим отпрыскам. Один раз я видел, как маленький Демон подкрался сзади (точь-в-точь как взрослые собаки, скрадывающие добычу) и бросился на материнский хвост. Юнона молниеносно обернулась и пугнула его, широко открыв пасть. Щенок же испугался, снова прыгнул и принялся, негромко порыкивая, тянуть ее за хвост. Юнона опять пригрозила ему, но щенок не унимался. Когда он в пятый раз дернул ее, Юнона цапнула его за нос. После этого она устроилась в прежней позе, положив морду на лапу, а Демон остался сидеть, не сводя глаз с хвоста. Он взглянул на ее морду, потом опять посмотрел на хвост и, бросив последний взгляд на морду матери, встал и побрел в сторонку.

Черная Фея вела себя совсем иначе. Однажды, когда она спала, щенок Бесенок подкрался к ней сзади, прыгнул и укусил за хвост. Она мгновенно обернулась, словно испугавшись, но не сдвинулась с места, только лягнула задней лапой. Лапа угодила щенку прямо в грудь, и Бесенок покатился кубарем, как маленький пушистый шарик, метра на два в сторону. Медленно поднявшись на лапки, он воззрился на спокойно лежащую Черную Фею и побрел прочь. Тем временем к Черной Фее начал подкрадываться Демон. Вот он подпрыгнул, ухватился за ее хвост и потянул изо всех силенок. На этот раз Черная Фея даже не оглянулась — просто лягнула: Демон взвился в воздух и шлепнулся на землю, подняв тучу пыли. С минуту он так и сидел, не двигаясь и глядя на развалившуюся на земле Черную Фею. Потом встал, подошел к Бесенку, и оба поползли к ней бок о бок, прижимаясь к земле и двигаясь с величайшей осторожностью. Они были примерно в тридцати сантиметрах от ее хвоста, когда она подняла голову и посмотрела на них — они тут же прижались к земле и замерли. Тогда Черная Фея вскочила, перевернула их носом и радостно вылизала одного за другим, как будто хотела показать, что это была всего лишь игра.

Меня удивило, что за все семь недель, пока мы наблюдали за логовом, взрослые собаки ни разу по-настоящему не играли с щенками. Два года назад, во время моего первого, очень краткого знакомства со стаей Чингиз-хана, собаки играли охотно, особенно после еды или хорошенько выспавшись. Игры у них были довольно буйные: двое становились на дыбки, упираясь передними лапами

в плечи друг другу, и кусали один другого за шею, а потом начинали носиться кругами, перепрыгивая друг через друга на всем скаку. Особенно отличались Стриж и Баскервилль: перепрыгнув через товарища, они часто успевали крутануть полное сальто, прежде чем приземлиться. Тогда в стае тоже было логово с щенками — мать за эти годы, видимо, ушла куда-то или погибла,— но кругом паслись мигрирующие стада, трава была зелена, а лужи с чистой водой попадались на каждом шагу. Может быть, от такого изобилия у собак и было игривое настроение. Собаки стаи, за которой мы долгое время наблюдали в кратере Нгоронгоро, где было вдоволь пищи и воды, тоже часто играли.

И все же один раз, когда щенки Юноны были совсем маленькие, разыгрались и взрослые. Это было утром. Джейн, посадив в машину Лакомку, приехала вслед за мной, чтобы понаблюдать за гиеновыми собаками. Как всегда в это время года, над равнинами дул сильный ветер. Какое-то время Лакомка сидел в машине тихо, как мышь,— рисовал картинку. Но вот произведение искусства было закончено, и автор высунулся из окна, чтобы я тоже мог полюбоваться на его работу. Картинка была нарисована на большом листе бумаги с перегибом посредине, и ветер в мгновение ока вырвал ее из рук Лакомки. Бумагу несло по земле, и собаки отскакивали от нее в сторону или пытались ее напугать коротким и хриплым лаем. Но вскоре они, по-видимому, поняли, что этот предмет не так уж страшен, и Черная Фея со Стрижом и Баскервиллем бросились в погоню. Вот Черная Фея прыгнула наперерез бумаге, но тут же опрометью кинулась прочь, сделав при этом дикий прыжок,— внезапный порыв ветра швырнул лист прямо ей в морду. Но потом все снова понеслись за бумагой. Стриж поймал ее зубами, подбросил и взвился вверх громадным прыжком, догоняя добычу, подхваченную ветром. Под конец Черная Фея трусцой вернулась к норе: в зубах у нее болтались несколько мокрых от слюны обрывков. Она легла, немного пожевала их и выплюнула бумажную кашицу.

Ветер, все дни напролет дующий над равнинами,— важный и постоянный фактор в жизни всех обитающих в Серенгети живых существ. Мы в своем лагере частенько проклинали его — он сыпал пыль нам в глаза и в еду, уносил в степную даль драгоценные записи и медленно, но неуклонно разрушал наши палатки. Постоянное хлопанье изношенных полотнищ порядком действовало на нервы: за новое полотнище приходится выкладывать чуть ли не сто фунтов стерлингов!

Однажды утром, когда за собаками наблюдал Джефф, я сидел в лагере и печатал на машинке. Ветер все расходился и расходился и наконец завыл с такой яростью, что я уже не слышал собственного голоса с магнитофонной пленки. Выглянув, я увидел, что полнеба затянуло тяжелыми черными тучами, а к западу от озера содовую пыль вихрем взмело вверх не меньше чем на километр. Солнце все еще светило, и пыль сверкала снежной белизной на черном фоне ненастного неба. Зрелище было грандиозное, но мне было не до созерцания всей этой красоты — наши палатки могло вот-

вот сорвать и унести. Мы с Джейн и двумя африканскими помощниками минут пятнадцать носились как оглашенные, прикручивая оттяжки и застегивая молнии на палатках, хотя ветер разодрал боковое полотнище одной палатки, точно это была папиросная бумага. И все же нам еще повезло. Одни мои знакомые путешествовали по национальным паркам Восточной Африки в составе большого сафари. Однажды глубокой ночью они мирно спали, как вдруг, откуда ни возьмись, на лагерь налетел ураган и две большие палатки взлетели и унеслись по воздуху, оставив перепуганных обитателей, судорожно вцепившихся в свои постели, на милость разбушевавшихся стихий. Разорванные в клочья палатки наутро сняли с деревьев, росших возле лагеря. У наших палаток пол пришит к стенкам, и я иногда подумываю, что будет, если налетит ураган посильнее,— ведь он, пожалуй, возьмет да и унесет вместе с палатками и нас, и наши пожитки.

Ветер, видимо, не дает спокойно жить даже гиеновым собакам. В первый раз я обратил на это внимание как-то утром, когда солнце только вставало и свистящий над равнинами ветер нес холодный ночной воздух. Щенята спали в уютной глубокой норе, а взрослые собаки отдыхали кто где, только Стриж, Ведьма и Черная Фея лежали бок о бок. Ветер постепенно усиливался, и остальные собаки стали придвигаться поближе к этой тройке. Каждый вновь прибывший старался пристроиться с подветренной стороны, чтобы тела товарищей заслоняли его от прямого ветра. Последним подошел Желтый Дьявол, старый пес с половинкой хвоста, и, конечно, тоже улегся с подветренной стороны. Не тут-то было — через несколько минут Ведьма, лежавшая на самом ветру, встала и улеглась под боком Желтого Дьявола. Вскоре ее примеру последовали Черная Фея и Стриж, и мало-помалу все собаки перекочевали на другую сторону, предоставив Желтому Дьяволу защищать их от ветра. Возможно, он оказался выносливее других — полчаса никто не трогался с места. Но в конце концов он не выдержал и тоже перешел на подветренную сторону. За последующие шесть минут все собаки вновь одна за другой переменили место, и Желтый Дьявол снова оказался под ударами ветра. Это повторилось еще дважды, в том же порядке, пока под горячим солнцем сильный ветер не превратился из напасти в благодать. Впоследствии мы с Джеффом не раз наблюдали такие сцены по утрам, когда было холодно, и всегда Желтый Дьявол выдерживал напор ветра дольше, чем другие собаки.

Мы ни разу не видели, чтобы щенки отдыхали в одной группе со взрослыми собаками, и когда задувал холодный ветер, они неизменно прятались в нору. Ведь для щенков гиеновой собаки, как и для маленьких гиен и шакалов, норы служат убежищем от всех угроз внешнего мира. Я видел, как щенки Юноны ныряли под землю при малейшем намеке на опасность — будь то птица, пролетевшая низко над головой, приближение гиены или другого животного, внезапное появление взрослой собаки из собственной стаи и т. д. Но случай, который я никогда не забуду, произошел однажды

ранним утром. Когда я подъехал к логову, очертания местности едва проступали в предрассветной дымке. Низко на горизонте лежало длинное черное облако, но вскоре из-за него выкатился темно-алый шар солнца. И тут я увидел, что четверо щенят, затаившись у выхода из норы, насторожив ушки, во все глаза глядят на солнце; секунда — и все нырнули в глубину логова. Но не прошло и пяти секунд, как из-за края норы потихоньку высунулись четыре мордочки с наморщенными лбами, словно озабоченные разгадкой великой тайны. Вдруг как по мановению руки все головы опять попрятались, и тут же снова стали понемногу высовываться — сначала большие уши, за ними изборожденные морщинами лбы. Когда их глаза поднялись до уровня травы, окружавшей логово, щенята замерли, не сводя глаз с солнца. Ума не приложу, чем оно так заворожило их в это утро,— конечно, если они глазели именно на солнце. Вполне возможно, что они смотрели на что-то другое, чего мне не было видно. Но Джефф потом клятвенно уверял меня, что как-то утром щенята опять разыгрывали «чертика в табакерке», их головы то выскакивали из норы, то ныряли обратно, пока стайка облачков чередой проходила перед солнечным диском.

Все мое внимание было занято раскрытием взаимоотношений двенадцати взрослых собак в стае Чингиз-хана, и поэтому мне не удалось тщательно понаблюдать за поведением щенят. Я научился различать их, дал каждому имя, но слишком мало следил за ними, чтобы судить о характере отдельных особей. Если у них и был заводила, то, безусловно, не кто иной, как Демон. Сразу было видно, что он никому не уступит, и еду он выпрашивал у взрослых настойчивее, чем остальные, и только он на моих глазах отважился потянуть за хвост самого Чингиз-хана. Если двое щенят затевали свалку и один с визгом пытался удрать, все остальные немедленно бросали свои игры, мчались на этот визг и, как орава мальчишек-сорванцов, налетали на нытика. В такую переделку попадал то один щенок, то другой, но так уж получалось, что Демон всегда оказывался во главе атакующей шайки.

По мере того как щенки подрастали, взрослые становились строже. Ведьма, не отличавшаяся большим терпением, молниеносно оборачивалась к чересчур настырному щенку и, широко раскрыв пасть, прижимала его шею к земле, как рогаткой, и держала так несколько секунд. Эта форма внушения была общепринятой, а подвергавшийся наказанию щенок почти всегда громко верещал, пока его не отпускали.

Разбушевавшегося щенка иногда призывали к порядку, быстро, хотя и не больно, кусая в морду или в шею, и, как правило, виновный опрокидывался на спину, поднимал вверх все четыре лапы и лежал так, пока взрослая собака не отходила в сторону. Больше всего влетало щенкам во время кормежки — они никак не отставали от взрослых, даже если те отрыгивали уже два раза подряд. Однажды щенок, прозванный Бесенком, так надоел Чингизу, что тот налетел на него, куснул за шею и наподдал носом — щенок

кубарем покатился в пыль. Визжал он, словно его резали, но, судя по всему, остался цел и невредим.

У взрослых собак стремление отрыгнуть пищу для щенка выражено очень сильно. В стае, которую один ученый наблюдал в кратере Нгоронгоро, единственная самка погибла, когда ее щенкам едва исполнилось пять недель. Но взрослые самцы продолжали заботиться о щенках — они день за днем возвращались к логову и кормили малышей, пока те не подросли и не смогли присоединиться к охотничьим вылазкам стаи.

Некоторые зоологи утверждают, что отрыгивание пищи — ответная реакция на «выпрашивание» и повизгивание щенят или на «попрошайничество» взрослых. Но это не совсем так — я видел, как взрослые собаки, мирно отдыхавшие несколько часов, вдруг подходили к играющим или отдыхающим щенкам и без всякого принуждения отрыгивали мясо на землю. Случается даже, что взрослая собака, отрыгнув мясо раз или два после возвращения с охоты, огрызается, отгоняя неотвязного щенка, а немного спустя отрыгивает пищу еще раз. Иногда это происходит спустя несколько часов после возвращения к логову.

Когда щенкам было примерно шесть недель от роду, я видел, как все они вместе со стаей к вечеру перешли в новое логово, метрах в сорока от родной норы. Мне до сих пор не ясно, с чего началось переселение: все собаки разом всполошились, забегали, повизгивая и приветствуя друг друга, а потом вся стая в сопровождении щенков двинулась по равнине. Возможно, у гиеновых собак есть особый сигнал, который означает: «Следуй за мной!» Пока это всего лишь предположение, которое может подтвердиться только после тщательного анализа подробных магнитофонных записей. Но что бы ни было причиной первого в жизни похода щенят от родной норы, они послушались этого призыва. Стая подошла к логову, которое состояло из трех расположенных рядом нор. Пока щенята с интересом принюхивались к новому месту, Ведьма и Черная Фея метались от одной норы к другой — то примутся копать, то бросят и побегут к следующей норе. Казалось, они никак не могут решить, какая нора больше подходит для щенят. Юнона предоставила двум доминирующим самкам заниматься обследованием нор, а сама все пыталась взять в зубы одного щенка. Но стоило ей приподнять его, как он выскальзывал и шлепался на землю. Не могу сказать, куда она собиралась перетащить щенка,— Черная Фея вдруг заметила это и, налетев на Юнону, укусила ее в шею; конечно, щенок тут же увернулся и удрал.

Через некоторое время суматоха усилилась — все восемь щенят приняли участие в беготне вместе с Ведьмой и Черной Феей. Демон сунулся было в нору за Черной Феей, но тут же вылетел как пуля в облаке пыли — она начала лихорадочно копать.

Минут через десять и Ведьма, и Черная Фея остановили свой выбор на самой, с их точки зрения, подходящей норе — только вот норы они выбрали разные. Черная Фея схватила одного щенка за шкурку на спине и в сопровождении еще двух щенят скрылась

в пригляиувшейся ей норе. В ту же минуту Ведьма, ухватив другого щеика, влезла в свою иору. Я заметил, что Юнона тоже пытается взять в зубы щеика, ио каждый раз, когда оиа примеривалась, чтобы захватить его шкурку иа шее или на спинке, он кувыркался иа спииу, подставляя ей круглое брюшко, а когда мать пробовала перевериуть его иосом, он прииимался отчаяиио барахтаться и отбиваться лапами. Накоиец Юноиа схватила его зубами за ухо и волоком потащила по земле, ио тут Чериая Фея выскочила из своей иоры и, ие теряя ии секуиды, подлетела к Юиоие и цапиула ее за шею. Щеику и на этот раз удалось уиести иоги.

Но еще большая иеразбериха началась, когда обе домииирующие самки стали таскать щеика за щенком, каждая в свою иору: стоило оставить захвачениого щенка, как он тут же выскакивал обратио — на разведку. Я видел, как Ведьма три раза «отметила» места вокруг выбраниой иоры. А когда оиа сиова попыталась забрать в зубы щеика, Чериая Фея подскочила и ие отдала его—оиа просто-иапросто улеглась иа малыша сверху, ио в то же время юлила перед Ведьмой, лизала ее в морду и изо всех сил виляла хвостом.

Пока я был занят этой забавиой сценкой, Юиона вдруг бодрой рысцой троиулась прочь, отказавшись от всяких попыток извлечь щеият обратио из нор. Минуту спустя за ней побежал Чингиз, за иим — Стриж, а следом одна за другой потянулись и остальные взрослые собаки. Я очеиь удивился — ии разу еще мне ие приходилось видеть, чтобы мать первая из всей стаи бросила своих детеиышей. Ведьма оставалась с щеиками дольше всех — оиа стояла у входа в свою иору, окружеииая малышами, и смотрела вслед стае. Но когда Юиона, отбежав метров иа пятьдесят, вернулась к щеикам, Ведьма бросилась догонять остальиых собак. Так бы Юиоиа со своими щенятами и осталась на произвол судьбы, если бы ие Чериая Фея. Оиа все время оглядывалась на бегу, а когда собаки отбежали от логова метров иа сто, круто повернула и со всех иог бросилась обратно. Собаки остаиовились. Сиачала Ведьма, потом Стриж, а за иими и все остальиые постепеиио вериулись обратно к иорам.

Когда Черная Фея и следом Ведьма иалетели на Юноиу, оиа прижала уши, присела, почти касаясь брюхом земли, и раздвииула губы в трусливой улыбке. Это были зиаки самого глубокого смиреиия, ио все же обе самки иабросились иа иее, наперебой кусая шею. Юиоиа повалилась набок и лежала ие двигаясь, а Ведьма и Чериая Фея вдвоем схватили одного щенка и потащили в иору. Но пока они устраивали его в норе, Юиоиа вскочила и рысью побежала к своей старой норе, до которой было метров сорок. Оставшиеся семь щеиков побежали за ней. Теперь у Ведьмы и Чериой Феи ие было времеии иа расправу с матерью — мииут пять кряду оии иосились как безумиые, стараясь собрать щеият и водворить их в иовое жилище. Но стоило им изловить и суиуть в иору какого-нибудь щеика, как ои мгиовенио выскакивал и устремлялся к матери. В коице концов обе домииирующие самки объедииили свои

усилия для преследования одного щенка — Бесенка, они снова и снова ловили его и запихивали в нору. Но тут прибежали с приветствиями Стриж и Баскервилль, и пока они бегали от Ведьмы к Черной Фее и обратно, Бесенок улучил момент и дал тягу. Вскоре он уже был вместе с матерью и другими щенятами в своей родной норе.

Этот эпизод заслуживает особого внимания. Хотя в то время далеко не все было ясно, но, поразмыслив на досуге, я понял, что Юнона продемонстрировала пример чрезвычайно любопытного поведения. Ничто не говорило о том, что самой ей хотелось перевести щенят в другую нору: я видел, как на новом месте Юнона старалась утащить щенка. Поскольку на нее нападали, как только она пыталась это сделать, я не смог узнать, куда она собиралась вести щенят. Вполне возможно, что она только одного и хотела — вернуть щенят обратно в старую нору. А если это так, то не подстроила ли она общий выход на охоту нарочно? Быть может, она догадывалась, что если стая уйдет, за ней уйдут и обе доминирующие самки и тогда она переведет своих щенят, куда захочет.

Не столь уж маловероятная ситуация, как кажется на первый взгляд. Точно такое же поведение мы наблюдали у шимпанзе. Часто, когда молодому самцу не удавалось получить свою долю бананов — рядом были самцы постарше, которые задали бы ему взбучку, вздумай он потянуться за плодами,— он вставал и нарочно уходил прочь. Крупные самцы, которые к тому времени уже успевали набить себе животы, поднимались за ним, и все остальные шимпанзе тоже шли следом. Минут через десять молодой самец возвращался и в одиночестве мирно наслаждался бананами, которые мы ему давали. Это повторялось слишком часто, чтобы попасть в разряд случайных совпадений. Значит, не так уж несообразно выглядит предположение, что гиеновая собака применила подобный трюк; будущие наблюдения покажут, правильно оно или ошибочно.

На следующее утро после попытки переселить щенят я нашел их играющими возле норы, которую Ведьма отметила накануне вечером. Как видно, доминирующие самки в конце концов добились своего. Но щенки недолго оставались на месте: это первое переселение положило начало целой серии переходов, хотя каждый переход был не больше нескольких сотен метров. Ни в одной норе щенки не задерживались надолго — всего несколько дней, и они двигались дальше. На протяжении этих последних двадцати дней — с первого «переезда» до окончательного ухода стаи — взрослые собаки становились все более непоседливыми: было очевидно, что они стараются «поставить щенят на ноги», приучить их постепенно к кочевой жизни.

Конечно, есть и другие причины для смены логова. Например, один исследователь видел гиеновую собаку, которая перетаскала всех своих щенят в нору за тысячу метров от первой после того, как около старой норы стали появляться львы. Гиеновых собак обычно беспокоит приближение львов. Однажды я видел, как ста-

рый предводитель стаи возле озера Лгарья стоял и хрипло лаял, глядя в сторону двух львов, которые находились на противоположном берегу озера, в добром километре от стаи. В другой раз я ехал следом за двумя самками гиеновой собаки, очень встревоженными близостью львиного прайда. Собаки то и дело поднимались на задние лапы, чтобы рассмотреть львов поверх высокой травы, почти закрывавшей их.

Когда щенятам Юноны исполнилось примерно два месяца, стая окончательно покинула логово. Я был к этому подготовлен. Во-первых, окружающие логово равнины с каждым днем становились все суше и пустыннее; во-вторых, я знал, что щенки гиеновых собак отправляются в странствия примерно в этом возрасте. И несмотря на то, что я ждал ухода собак, какое острое разочарование я почувствовал, когда, приехав утром к логову, где еще вечером резвились щенки, увидел, что собаки исчезли. Вставало солнце, и мой взгляд ничего не мог отыскать на простиравшихся кругом бескрайних равнинах. Ни одного признака, по которому я мог бы узнать, куда ушли собаки. Я так долго, день за днем, следил за этой стаей, что на меня напало чувство какого-то странного одиночества и заброшенности, когда я вел свою машину куда глаза глядят в надежде, что счастливый случай снова сведет меня с собаками.

Часы шли за часами, и дневная жара затягивала все вокруг знойной дымкой; глаза у меня воспалились и устали от беспрерывного высматривания собак на просторах равнин. Джефф тоже отправился на поиски, но и ему не повезло. Как я мечтал о маленьком самолетике — ведь стаю бродячих собак на просторах Серенгети можно искать, только облетая огромные пространства по утрам и на закате (обычное время охоты гиеновых собак). Но даже и тогда наблюдателя ждут бесчисленные затруднения, потому что гиеновые собаки, когда их не связывает логово с подрастающими щенками, скитаются по необозримым просторам степей, покрывая громадные расстояния.

До сих пор я близко наблюдал гиеновых собак, которые передвигались по сравнительно небольшой территории — около тысячи трехсот квадратных километров — в районе озера Лгарья. Мне известно, что территория другой стаи включает Нааби-Хилл и находящуюся на расстоянии пятидесяти километров Серонеру, но возможно, что это только малая часть их охотничьих угодий: есть сведения, что одна стая в Южной Африке охотилась на территории, занимавшей минимум четыре тысячи квадратных километров.

Прошел почти месяц с тех пор, как стая Чингиз-хана покинула район логова, и вот однажды вечером, возвращаясь в лагерь, я снова повстречал своих собак. Я сразу же узнал эту стаю — в ней были Черная Фея и Желтый Дьявол, у которых недоставало по полхвоста, а когда собаки подбежали ближе, я стал узнавать и других. Шествие замыкала Черная Фея в сопровождении восьми щенков.

Я последовал за ними. Собаки прошли всего километра полтора, когда впереди показалась гиена, и шестеро взрослых собак

бросились в погоню; впереди всех неслась Черная Фея. Догнав гиену, собаки принялись кусать ее за ляжки, но если раньше я видел, что они ограничивались несколькими укусами, то тут началась дикая травля. Подъехав ближе, я увидел, что они уже хватают за круп свою злосчастную жертву; вскоре рычание гиены сменилось воплями, и она бросилась бежать. Время от времени она останавливалась и, широко раскрыв пасть в жуткой гримасе, пыталась обороняться зубами от своих мучителей. Но когда она кусала одну собаку, другая забегала сзади, и гиене приходилось снова бежать. Вскоре я увидел, что у нее по задним ногам стекает кровь. Наконец она добежала до какой-то ямы и, развернувшись, залегла в этом убежище, так что на виду оставалась одна лишь голова с грозными зубами. Только теперь преследователи отошли и вернулись к стае.

Меня особенно заинтересовало то, что именно Черная Фея возглавила атаку, поскольку раньше, в районе логова, мы заметили, что она питает резкую неприязнь к гиенам. Бывало, даже уходя на охоту со стаей, Черная Фея мчалась назад, нападала на гиену, слонявшуюся возле логова, и кусала ее до тех пор, пока та не удирала со всех ног. Два раза, отогнав наконец непрошеную гостью, Черная Фея уже не знала, куда ушла стая, и ей волей-неволей приходилось оставаться у логова с Юноной и пропускать охоту. Я часто задумывался, нет ли какой-нибудь особой причины для ненависти, которую Черная Фея питала к гиенам; быть может, когда она была щенком, именно гиена откусила ей полхвоста?

Следуя за стаей Чингиз-хана с трехмесячными щенками, я думал об их странствиях с тех пор, как они покинули логово. Солнце село, и на смену ему на востоке взошла почти полная луна. Вскоре собаки превратились в цепочку теней на сером, лишенном всякого цвета фоне равнины. И я снова почувствовал себя членом стаи, тем более что ехал я, не включая фар, чтобы не спугнуть возможную добычу собак. В лунном свете я напряженно вглядывался вперед, надеясь увидеть яму, прежде чем окажусь в ней.

Почти все время собаки трусили вперед, только Ведьма и Стриж, бежавшие рядом, дважды остановились и отметили мочой одну и ту же куртинку травы. Через некоторое время я увидел, что за нами вприпрыжку бегут три гиены, иногда игриво огрызаясь друг на друга. Одна из них (все три были старые самки) схватила другую за хвост, и обе, продолжая играть, покатились по земле. Потом они вскочили и снова побежали рядом со стаей. Казалось, что гиены в отличном настроении и предвкушают какое-то особое удовольствие.

На этот раз собаки вели себя совсем иначе: на одинокую гиену они напали, а эту тройку почти совсем не замечали; даже Черная Фея только пугнула их несколько раз, когда они оказались слишком близко от щенят. Ночью гиены всегда становятся более нахальными и агрессивными; может быть, и собаки в темные ночные часы больше считаются с гиенами, да и само собой, три гиены — не то, что одна.

Пробежав в ровном темпе около восьми километров, собаки

остановились и улеглись, разбившись на маленькие группки. Я подвел машину поближе, выключил мотор и приготовился ждать. Некоторое время все было тихо и спокойно. Я совсем было собрался налить себе чашечку кофе, как вдруг в призрачном свете луны заметил три толстые тени — три гиены, прижавшись боками и вытянув носы, подбирались к спящей собаке. Словно зачарованный, смотрел я, как они тихо подползают к ней сзади. Мне не было видно, что произошло, потому что эти толстяки заслонили от меня собаку. Но вдруг собака — это был Желтый Дьявол — вскочила на ноги, и ночную тишину разорвало громкое рычание; еще шесть собак налетели и окружили гиен, пытаясь вцепиться в нарушителей покоя. Гиены разбежались: через минуту воцарилось безмолвие, и собаки, свернувшись калачиком, уснули.

Но вскоре, к моему удивлению, гиены возвратились, и опять сантиметр за сантиметром поползли на брюхе, подбираясь к Желтому Дьяволу. На этот раз я отлично видел в бинокль, как носы гиен понемногу оказались примерно в трех сантиметрах от крупа собаки. Затем одновременно все гиены, высунув языки, быстро лизнули основание хвоста Желтого Дьявола. И опять ночь наполнилась рычанием, собаки вскочили, налетели на гиен и снова прогнали их прочь. Потом собаки улеглись все вместе, большой кучей, и взрослые, и щенки. Желтый Дьявол не сразу присоединился к остальным, а сначала присел в сторонке и освободил кишечник. Не успел он отойти и возобновить прерванный отдых, как одна из гиен подскочила и жадно съела весь помет.

Я уже не раз видел, что гиены едят помет гиеновых собак — очевидно, это для них действительно лакомое блюдо; но мне и в голову не приходило, что гиена для удовлетворения своих странных прихотей отважится лизать собаку под хвостом.

Примерно час спустя Чингиз внезапно встал, и почти в тот же миг вся стая была на ногах, собаки кружили и бегали, взвизгивали и щебетали, размахивали хвостами и лизали друг друга в экстазе — это был обряд приветствия. Потом они тронулись в путь, и я снова повел машину по призрачным равнинам. А за ними по-прежнему следовали три гиены.

Вскоре собаки приостановились, вглядываясь в темноту, и я, наведя бинокль, различил впереди силуэты нескольких газелей Томсона. Стая потихоньку подбиралась к добыче. Когда началась гонка, я нажал на акселератор, но не успел проехать и двух метров, как влетел в яму. Пока я давал задний ход и выбирался из нее, я оказался в полном одиночестве. Пришлось прочесывать степь быстрыми зигзагами, и наконец я наткнулся на гиену. У нее тоже был довольно растерянный вид, но я знал, что ее огромные уши не упустят даже малейший звук, и решил следовать за ней. Мне повезло — через минуту она побежала, а еще через несколько секунд рядом с ней уже были две другие гиены.

Вскоре я увидел впереди темную массу, черневшую на фоне светлой травы, и понял, что собаки удачно поохотились. Я поспешно затормозил и схватил бинокль. Гиены, не замедляя бега, врезались

в самую гущу собак и секунду спустя уже растянулись поверх добычи, прикрывая ее своими толстыми животами. Так они и лежали бок о бок, изворачиваясь и вертясь во все стороны, с истерическим хихиканием огрызаясь и щелкая зубами, а собаки лезли и лезли к ним со всех сторон, пытаясь укусить. Но гиены, несмотря на укусы держали оборону до тех пор, пока из темноты не подоспело подкрепление. Собакам пришлось отказаться от добычи, и они тронулись рысью в ночную тьму.

Ждать мне пришлось недолго: собаки погнали еще одну газель Томсона. На этот раз, удачно минуя ямы, я сумел держаться наравне с Юноной, Желтым Дьяволом и щенятами. Эта небольшая группа довольно сильно отстала от стаи. Очень скоро Юнона и Желтый Дьявол остановились и стали напряженно прислушиваться. Потом пробежали еще немного и снова остановились и прислушались. Было ясно, что они сбились со следа. Вдруг из темноты донесся странный, тонкий, как флейта, голос:«уу»— зов потерявшейся гиеновой собаки; через несколько минут к нам подбежали. Чингиз и два других самца. Внезапно их громадные уши уловили какой-то неслышимый для меня звук, и они помчались со всех ног, так что я едва поспевал за ними.

Когда мы присоединились к пирующей стае, Чингиз, Желтый Дьявол, два самца и Юнона бросились рвать добычу, а щенята улеглись метрах в тридцати от остальных. Обычно молодые собаки спешат к добыче, как только охота заканчивается, и, пока они не наедятся досыта, старшие стоят вокруг и смотрят. Когда я подъехал поближе, то увидел, что рядом шныряли две гиены, которые старались — хотя и тщетно — урвать кусок чужой добычи. Может быть, из-за гиен щенки и не решались подойти: они всегда избегали этих хищников с мощными челюстями, хотя я ни разу не видел, чтобы гиена схватила щенка.

Покончив с добычей, несколько взрослых отрыгнули мясо для молодых. Потом стая снова побежала рысью по равнине. Но вскоре в небе заблистали зарницы и луна скрылась в тучах, предвещавших наступление короткого периода дождей. Я больше не мог следовать за собаками; как ни грустно, пришлось выключить мотор и, завернувшись в одеяло, устроиться в кузове в ожидании утра. Я хорошо знал, что на следующий день мне уже не найти свою стаю.

Из ряда разрозненных наблюдений на протяжении шести лет за разными стаями я постепенно сумел воссоздать картину развития щенят гиеновой собаки после того, как они покинут логово. Одна из этих стай была особенно интересна: в ней было восемь щенят и всего трое взрослых, двое из них — самцы. Как-то ночью щенки остались совсем одни, пока стая охотилась. Когда взрослые умчались за газелью Томсона, щенята, пробежав следом метров сто, сбились в кучу и легли. Через пять минут они вдруг вскочили и стали всматриваться туда, откуда пришли: казалось, их что-то встревожило. И правда, я заметил неясную тень гиены, которая подходила, внюхиваясь в следы на земле. Щенята немного отбежа-

ли и снова остановились, уставившись в ту сторону, где была гиена. Вскоре показалась и она, неторопливо вынюхивая следы щенят. Трава поднималась высоко, и гиена, должно быть, не видела щенят — они снова бросились бежать. Я с интересом отметил, что гиена подходила довольно близко четыре раза подряд, но каждый раз щенята отбегали не больше чем на тридцать метров. Если бы они убежали дальше, взрослые, вернувшись минут через пятнадцать после начала охоты, могли бы их потерять. А так щенята мгновенно увидели их, и вскоре стая под предводительством трех взрослых собак уже мчалась по озаренной луной равнине, пока не достигла туши газели Томсона. Взрослые, как видно, еще до возвращения за молодыми успели набить животы — большая часть мяса была уже съедена, но теперь они встали в сторонке, пока насыщались молодые. Если бы добычу захватили гиены, пока собаки бегали за щенятами, взрослые, несомненно, накормили бы детенышей отрыжкой. Но восемь голодных ртов — не пустяк, и все остались бы голодными, так что собакам скорее всего пришлось бы снова охотиться. Теперь же все наелись досыта и довольные побежали дальше; потом улеглись и проспали до утра, прижавшись друг к другу.

Совершенно непохожей на эту была другая стая — двенадцать взрослых собак и всего один щенок примерно пяти месяцев от роду. Они затравили за одну ночь двух газелей Томсона. Во время первой погони щенок бежал с тремя взрослыми, но еще до конца охоты безнадежно отстал: он стоял и озирался по сторонам. Но вот из темноты показались двое взрослых: щенок вне себя от радости бросился их приветствовать, и вся тройка помчалась к добыче. Там, поздоровавшись еще с несколькими взрослыми, щенок набросился на добычу, и через несколько секунд все взрослые собаки отошли в сторону, осталась только мать щенка. Два раза взрослые пытались, виляя хвостами, подойти к добыче, и каждый раз щенок угрожающе бросался на них, и они отступали. Во время следующей охоты, часа через четыре, щенок держался сзади, но не отставал, а когда добычу свалили, даже не пытался подойти к туше. Теперь, очевидно, все тринадцать собак были сыты, и стая мирно проспала остаток ночи, растянувшись на земле в ярком лунном свете.

Нужно упомянуть еще об одной стае. В нее входили пять взрослых собак, среди которых был только один самец. Это довольно необычное сочетание, так как в большинстве стай самцов больше, чем самок. Да впридачу в стае было еще одиннадцать щенят моложе года. В первую вечернюю охоту эта молодежь присоединилась к погоне, но вместе со взрослым самцом сильно отстала от четырех самок. Когда теленка гну повалили, молодые прибежали и вместе со старшими стали потрошить добычу, но очень скоро, к моему немалому удивлению, взрослые отошли и смотрели, как наедались молодые. Мне и в голову не приходило, что взрослые собаки в стае уступают место молодым, когда те уже настолько подрастают: они почти не отличались от старших ростом, разве что были более легкого сложения.

Когда с теленком гну было покончено, взрослые тут же стали охотиться снова. Добычи хватало — стая находилась в гуще мигрирующих гну и почти у каждой антилопы был маленький теленок. Первая охота закончилась очень быстро, но вторая затянулась. Несколько раз собаки всей стаей бросались к какому-нибудь стаду гну, а потом стояли и смотрели, как оно бежит мимо. Вскоре всех антилоп охватила паника, и тут Джейн — она была со мной в машине — увидела, что большая группа гну галопом несется прямо на наш лагерь. С того места, откуда мы наблюдали за собаками, были видны зеленые полотнища двух палаток, и мы едва не поддались порыву бросить собак и мчаться к палаткам — все ли там благополучно? Но ведь там оставалась мама Джейн, и мы были уверены, что, заслышав громоподобный топот и увидев тучи пыли, светящейся в золоте заката, она, не теряя ни минуты, схватит Лакомку и укроется с ним в фольксвагене, как в крепости. Конечно, так она и сделала.

На следующий день мы снова видели эту стаю на охоте, и снова собаки затравили теленка гну. На этот раз прямо на стаю наскочила группка осиротевших телят, и молодые собаки самостоятельно прикончили двух из них, правда, один раз им помогла взрослая самка. Потом она вместе с остальными четырьмя взрослыми стояла в стороне и смотрела, как молодые едят. Когда от туши ничего не осталось, пятеро взрослых загнали добычу для себя — молодые даже не пытались к ним присоединиться.

До сих пор мне не удавалось уловить момент перехода от положения щенка, которому дана привилегия кормиться в первую очередь, к положению взрослой собаки. Возможно, это удалось бы только при условии постоянного или почти постоянного наблюдения за стаей на протяжении нескольких недель кряду. Нелегкое дело! Как я уже говорил, стая гиеновых собак может странствовать на площади до четырех тысяч квадратных километров. Более того, многие ученые считают, что на этих необозримых пространствах у собак нет ни проторенных путей, ни особо предпочитаемых участков; стая просто бродит там, где больше добычи, и маршруты этих скитаний меняются от месяца к месяцу, от года к году.

Но стая Чингиз-хана дважды дала мне повод думать, что это не совсем так, и, безусловно, доказала, что гиеновые собаки отлично знают по крайней мере некоторые участки своих охотничьих угодий. Первое наблюдение было сделано, когда я следовал за стаей ночью в короткий период дождей. Чингиз повел собак по равнине, затем через пологий холм и вниз к луже с водой. Если бы собаки, напившись, побежали в прежнем направлении, я предположил бы, что на лужу они наткнулись по чистой случайности, но Чингиз повел стаю обратно, и они снова пробежали те же шесть километров. Может быть, они почувствовали запах воды? В то время я не мог ответить на этот вопрос, но полгода спустя, в разгар сухого сезона, та же стая доказала мне, что собаки прекрасно знают расположение всех водопоев на некоторых участках своих угодий.

Следуя за стаей по степи, я увидел, что Чингиз слегка изменил

направление и привел стаю к высохшей луже. Собаки немного постояли, принюхиваясь, и побежали дальше. Я не обратил на это внимания. Но еще через десять километров собаки, поднимаясь на невысокий гребень, внезапно побежали быстрее. Там они остановились и посмотрели вниз — и эта лужа тоже пересохла. Мне показалось, что собаки разочарованы: минут десять они бегали вокруг, принюхиваясь к сухому песку. Я убедился, что стая пришла сюда, чтобы напиться — яма была видна только с расстояния в несколько метров, а так как она высохла, ни вид, ни запах воды не мог быть причиной отмеченного мной внезапного рывка вперед на подходе к этому месту. Интересно, что и гиеновые собаки, и гиены пьют каждый день и часами валяются в воде или в грязи, когда воды много, но, очевидно, они способны долгое время обходиться совсем без воды.

Возможно, что в пределах громадных охотничьих угодий стаи есть определенное место, в котором гиеновые собаки предпочитают выводить щенят. Вне всякого сомнения, самки из стаи Чингиз-хана на протяжении трех лет воспитывали свое потомство в районе Нааби-Хилл. Правда, между двумя логовами было по меньшей мере километров пятнадцать, но при таких необозримых охотничьих угодьях это сравнительно небольшие расстояния. Я знаю другую стаю, которая дважды выращивала щенят в том же месте, да и Луис Лики рассказывал мне об одной стае, которая неизменно возвращается в Олдувай, чтобы вырастить свое потомство. Такое излюбленное место можно назвать «гнездовым участком» данной стаи.

Разумеется, ни одна стая гиеновых собак не может удержать за собой все свои необъятные охотничьи владения — участки нескольких стай неизбежно перекрывают друг друга. В двух случаях — их разделяли два года — я видел, как стая Чингиз-хана изгоняла чужие малочисленные стаи со своих гнездовых участков. Еще одна небольшая стая бродила вокруг гнездового участка стаи Чингиза на протяжении примерно десяти недель (исключительно редкий случай, когда стая без щенят остается на такой долгий срок на небольшой площади), но немедленно и навсегда покинула эти места в тот день, когда вернулась стая Чингиза.

Различные стаи настроены по большей части дружелюбно друг к другу. Трижды к стае Чингиз-хана присоединялись собаки из других стай, которые бродили и охотились вместе с ней какое-то время. И хотя я ни разу не видел момента встречи, отношения между старыми членами и новичками в такой разросшейся стае были вполне мирные.

Почему одних собак изгоняют, а другим разрешают присоединиться к стае? Я считаю, что тут очень большую роль играет предыстория данной собаки. Например, одна стая в национальном парке Микуме несколько лет насчитывала примерно сорок особей. На этой стадии она начала распадаться на три отдельные группы, которые время от времени встречались, бродили и охотились вместе. Должно быть, они надолго запоминают и приветливо встре-

чают прежних товарищей по стае: ведь если собаки способны запоминать отдельные ямы с водой в своих охотничьих угодьях, им не так уж трудно запомнить старых спутников и товарищей по охоте. Однако старые собаки, знавшие друг друга до того, как стая разделилась, в конце концов умирают, а молодые все меньше и меньше узнают друг друга, так что постепенно при встрече двух таких групп дружественные отношения могут смениться агрессивностью. Но все это, конечно, домысел чистейшей воды: только многолетние наблюдения подтвердят или опровергнут эти предположения.

Когда одна стая вступает на участок, занятый другой стаей, собаки обычно заранее узнают об этом по запаху, причем они не только узнают по отметкам мочой и экскрементами, что здесь «другие собаки»,— возможно, вновь прибывшие расшифровывают эти пахучие сигналы еще более тонко: устанавливают, что здесь присутствуют «именно эти собаки», а не какие-то другие. И в случае необходимости «нарушители» могут потихоньку удалиться, избегнув встречи с местными собаками.

Отметки запахом, свойственные многим млекопитающим, часто непосредственно связаны с разметкой границ территории, составляющей часть личного участка животного, который оно готово защищать от чужаков своего вида. Однако гиеновые собаки, насколько нам известно, не имеют собственной территории и не могут патрулировать границу, отмечая ее предостерегающими сигналами, как это делают многие хищники. Но когда стая охотится, одна из доминирующих собак останавливается время от времени возле какой-нибудь куртинки высокой травы и, подняв заднюю ногу, пускает небольшую струйку. Ведьма и Стриж в стае Чингиз-хана чаще других отмечали траву таким образом, а порой к ним добавляла свою отметку другая собака. Меня всегда забавлял Желтый Дьявол: он очень редко подходил к такому месту и всем своим видом старался показать, что для него это дело нестоящее. Быстро обнюхав траву, он поднимал ногу на какие-нибудь два-три сантиметра от земли и обычно вовсе не смачивал ее мочой. Самое большее — и то как бы по ошибке — это была «приписка» к «посланию» в виде одной-двух капелек.

Выдвигались предположения, что отметки запахом эволюционно развились из непроизвольного мочеиспускания или испражнения животного, напуганного незнакомой обстановкой или непривычной ситуацией. Считают, что постепенно новая обстановка становится менее угрожающей, так как животное окружено собственным знакомым ему запахом. Разумеется, отметки запахом приобрели со временем целый ряд дополнительных функций: несомненно, они помогают разминувшимся членам стаи отыскать друг друга, указывают на владельца данной территории, на состояние самки и на то, отыскала она подходящую пару или нет.

У самок гиеновых собак, как и домашних, стремление отмечать предметы своим запахом возрастает непосредственно перед началом периода течки и в течение этого периода. Особенно ярко

это проявилось в стае из четырех собак, которую мы регулярно наблюдали на протяжении почти десяти недель. В стае было два самца и две самки, и наблюдать их поведение было не только интересно, но и необыкновенно смешно.

По пятам за доминирующей самкой, которая широко оповещала всех о своем состоянии, следовал доминирующий самец. Каждый раз, когда «отмечалась» она, бросался вперед и отмечал то же самое место и он. Быть может, он присоединял к ее объявлению краткое предостережение, адресованное любому возможному сопернику, случись тому проходить мимо, и гласящее, что о самке есть кому позаботиться и того, кто будет лезть без спросу, ждут крупные неприятности. Самец не только приноравливал свое предостережение буквально *к тому же месту*, которое отмечала она, но иногда впопыхах «отмечался» точно в *тот же момент*. А это, естественно, было не так просто: вообразите себе пару собак, стоящих бок о бок, почти касаясь друг друга, и самец старается попасть в те же травинки, которые отмечает его дама. Если он поднимет заднюю ногу вбок в тот момент, что и она, они просто оттолкнут друг друга. Поэтому самец откалывал чисто акробатический номер, под стать дрессированной собаке: вставал на передние лапы, подняв задние в воздух и держа туловище вертикально. Чувство равновесия у него было потрясающее — он мог даже пройти несколько шагов в таком положении. Этот трюк позволял ему орошать те же травинки совершенно одновременно с самкой; их запахи смешивались, и никто из проходящих мимо не оставался в заблуждении: дама полностью приняла близость своего поклонника.

Мы наблюдали еще двух самок в течке из разных стай. В одной стае мы не знали иерархии среди составлявших ее особей: на протяжении нескольких дней наблюдений лишь один самец сделал садку на самку. В другой стае за самкой ухаживали и спаривались с ней по очереди два самца — и ни один из них не был доминирующим. Самка «отмечалась» часто, и как только она отходила, следом за ней на том же месте «отмечался» доминирующий самец. Остальные шесть самцов, включая и ее поклонников, только обнюхивали это место или начинали кататься на нем.

За каждой из трех самок, которых мы наблюдали в период течки, следовал по пятам ее поклонник — часто он шел, буквально уткнувшись носом ей в круп. Каждый из поклонников то и дело оттеснял свою самку, если она слишком близко подходила к другим самцам — отталкивал ее мордой или боком. Когда самка стояла, самец часто клал голову ей на плечо или на спину, а если она ложилась, укладывался рядом, опираясь на нее с видом собственника.

Ухаживание было довольно коротким: отдохнув рядом с самкой, самец поднимался и начинал царапать и толкать ее одной лапой, а когда она вставала, делал садку. Здесь следует упомянуть один факт: утверждалось, что гиеновые собаки отличаются от других представителей семейства собачьих тем, что у них не происходит «вязки» во время спаривания. А на самом деле во всех случаях,

когда мы наблюдали спаривание, «вязка» имела место. Но в отличие от домашних собак, которые могут оставаться связанными до двадцати минут, у гиеновых собак это время обычно не превышает пятидесяти секунд, хотя несколько раз оно затягивалось до трех — пяти минут.

С самого начала исследований нас больше всего интересовала иерархия доминирования, или «порядок клевания», в стае гиеновых собак. Многократно заявлялось, что ничего подобного нет, но читатель не мог не убедиться в том, что такая иерархия существует. Во всех стаях, которые мне удавалось наблюдать больше недели, я обнаруживал некоторые указания на определенный иерархический порядок, хотя бы среди отдельных особей. Почему же таких выводов не сделали другие наблюдатели? Ситуация, на мой взгляд, напоминает семью, где родители прекрасно понимают друг друга, а дети-подростки хорошо воспитаны и ладят со взрослыми. Много дней подряд родителям не приходится делать детям замечания, разве что иногда нужно ласково пожурить. Мать или отец могут что-то приказать детям, используя при этом свое доминирующее положение, но если наблюдатель не знает их языка, он, возможно, и не поймет, что происходит. И только когда возникает ситуация, резко нарушающая привычное поведение, например ссора, наблюдатель получит возможность разобраться в иерархическом положении отдельных членов семьи.

Точно так же дело обстоит и с гиеновыми собаками. Члены стаи обычно хорошо знают друг друга, и ситуации, которые заставляют одну или нескольких собак утверждать свое доминирующее положение, возникают чрезвычайно редко. Только став свидетелем возникновения таких ситуаций, я научился правильно истолковывать собачий «язык» — положение ушей, хвоста и всего тела.

Во всех стаях, за исключением стаи Чингиз-хана, было сравнительно легко выявить иерархические взаимоотношения среди самок, но именно самки стаи Чингиз-хана научили меня, что нужно примечать, на что обращать внимание. Ведьма, как мы уже видели, занимала высокое положение. Когда она проявляла легкое недоброжелательство по отношению к одной из самок, она просто стояла, подняв голову, насторожив уши, а хвост, свисающий вниз, был совершенно неподвижен. Если же она была настроена более агрессивно, она слегка опускала голову и подходила к самке, держа шею параллельно земле и опустив уши, но ее хвост по-прежнему не шевелился. Иногда она приближала нос к шее подчиненной, а порой, если к тому находился повод, и кусала ее.

Юнона, стоявшая на низшей ступени иерархической лестницы, сразу же замечала малейшие признаки агрессивности любой другой собаки. Она тут же реагировала на это, опуская голову носом вниз и прижимая уши назад. По мере приближения доминирующей собаки она все быстрее и быстрее виляла хвостом, а часто и приседала, прижимаясь к земле. Если же ей недвусмысленно угрожали, она падала на землю, как подкошенная, и чаще всего перекатыва-

лась на спину, вытягивая задние лапы. Иногда она еще и растягивала уголки губ — это была улыбка, выражающая страх.

Черная Фея, занимавшая по отношению к Ведьме подчиненное положение, была в то же время выше Юноны и вела себя с Ведьмой менее подобострастно. Она не припадала к земле с улыбкой страха, а обычно лизала и покусывала губы доминирующей самки или несколько раз подряд терлась подбородком о ее голову. Но она тоже прижимала уши и неистово виляла хвостом.

Один из самых интересных жестов подчинения у гиеновых собак, который и самые низшие, и более высокие по рангу животные демонстрируют перед доминирующими особями,— это «подставление шеи»: подчиненная особь слегка отворачивает морду и подставляет согнутую шею доминирующему животному. Таким образом, животное убирает в сторону свое единственное оружие — зубы и, следовательно, демонстрирует отсутствие каких-либо агрессивных намерений. Но зачастую это подставление шеи, очевидно, вызывает внутреннее смятение у подчиненного животного: в нем борются, с одной стороны, желание умилостивить сильнейшего, отвернув зубы, а с другой — желание выказать дружбу, облизав его морду, или стремление защититься в случае необходимости, а для этого нужно повернуть морду к «противнику». Этот конфликт проявляется в целой серии взмахов головой, когда движения «к противнику» и «от противника» в быстрой последовательности следуют одно за другим, подавляя и сменяя друг друга.

К. Лоренц в своей знаменитой книге «Человек находит друга»* описывает подставление шеи как жест подчинения у волков и домашних собак. Опубликовав эти данные, Лоренц стал мишенью нападок, обвиняющих его в неточности наблюдений. Р. Шенкель, наблюдавший за американскими волками, чепрачными шакалами и домашними собаками, утверждает, что шею подставляют только доминирующие особи. Во-первых, это хорошая исходная позиция для того, чтобы ударить противника задней частью тела (как это делают шакалы); во-вторых, эта поза полна уверенности, и подчиненное животное не решается укусить. Шенкель высказал предположение, что в подобных сценах Лоренц мог спутать доминирующее и подчиненное животное.

Но когда я наблюдал такой жест у гиеновых собак, это был совершенно очевидный знак подчинения, характерный для особей низшего ранга; позднее, увидев этот жест, столь же несомненно выражавший подчинение у обыкновенных шакалов, я снова вспомнил наблюдения Лоренца. А потом, когда я спросил де ла Фуэнте, который хорошо знает европейского волка, наблюдал ли он подставление шеи у подчиненной особи, он с некоторым удивлением ответил мне, что это один из самых широко распространенных жестов подчинения.

Так что Лоренц был абсолютно прав — вероятно, европейские волки отличаются от американских больше, чем полагал Шенкель.

* Лоренц К. Человек находит друга.— М.: Мир, 1977.

Я же могу сказать только одно: подставление шеи — один из самых обычных жестов подчинения, который я чаще всего наблюдал в любой стае гиеновых собак.

Но одна черта в поведении гиеновых собак, которая более других повинна в столь широкой распространенности мнения об отсутствии субординации в стае,— это обряд приветствия. В разгар этой короткой и суматошной сцены, как правило, совершенно невозможно разобраться, какое положение занимают отдельные животные, и единственный способ понять это — всецело сосредоточиться на поведении одной-единственной собаки. Но и тут ранг этой собаки может остаться загадкой — сцена приветствия превратилась в настолько четкий ритуал, что каждая собака повторяет те же движения, что и ее товарка, с которой она здоровается. Так, если Ведьма сновала среди собак, насторожив уши и подняв хвост, Юнона делала то же самое. Обе лизали друг друга в губы и постепенно наклоняли головы все ниже к земле, словно состязаясь, кто опустит ниже. Очень возможно, как я уже замечал, что эта церемония демонстрирует подчинение особи интересам стаи и, таким образом, обеспечивает успешное сотрудничество всех собак во время охоты. Мне было интересно узнать, что и волчья стая, имеющая очень четкую систему иерархии доминирования, также совершает накануне охоты обряд приветствия, поразительно напоминающий церемонию у гиеновых собак.

Еще один факт поддерживал ошибочное утверждение, что «никакой иерархии нет»: когда собаки поедают добычу, между ними почти никогда не вспыхивают драки. Но и в этом случае — стоит только понаблюдать за стаей подольше — всегда удается проследить за признаками, указывающими на иерархию внутри группы.

В стае, состоявшей из девяти взрослых собак, было два отщепенца: доминирующие особи неизменно прогоняли их, как только они приближались к добыче. Одним из этих незадачливых псов был молодой самец, настолько сильно хромавший, что бегать ему приходилось на трех лапах, и меня очень удивляло, что его гнали прочь,— как мне известно, стая иногда кормит отрыжкой своих покалеченных товарищей.

За этой стаей мне удалось проследить всего в течение нескольких дней; в эти дни стая загнала трех газелей Томсона и упорно не подпускала к мясу калеку и второго, старого самца. Хромому приходилось совсем плохо — насколько я мог судить, ему перепала всего одна небольшая косточка газели. И все же, несмотря на такое враждебное с виду отношение стаи, не было никаких признаков того, что он или старик-самец были изгоями в каком-нибудь другом отношении. Как-то раз, прогнав от туши гну гиену, несколько шакалов и бесчисленную тучу падальщиков, вся стая больше часа дожидалась, пока хромой самец старательно отдирал от костей несколько высохших клочков мяса, а если гиена подбиралась чересчур близко к туше, собаки бросались вперед и помогали хромому отогнать ее. А в другой раз, когда на него напала целая группа разъяренных самцов гну, стая примчалась на помощь калеке.

Размышляя впоследствии над этим эпизодом, я предположил, что столь необычное поведение, возможно, обусловлено тем, что одна из двух самок была в течке. Именно ее поклонник и отгонял этих двух собак от добычи чаще всего: быть может, их приближение к его самке, а не к его добыче вызывало у него такую агрессивную реакцию.

Другие примеры постоянной агрессивности среди взрослых собак у добычи мы видели лишь в стае из четырех собак, которую Джек, Роджер и я постоянно наблюдали на протяжении десяти недель. Первые несколько недель доминирующая самка всегда отгоняла от добычи подчиненную, часто нападая на нее. Вдобавок и самцы поодиночке или оба разом, присоединялись к доминирующей самке и вместе с ней набрасывались на подчиненную; это разительно напоминало поведение щенят — они непременно сбегаются и всем скопом налетают на того, кому пришлось хуже всех в грубой и подчас жестокой игре. Но когда собаки не ели, доминирующий самец частенько спешил на помощь подчиненной самке, если доминирующая нападала на нее,— он проскальзывал между ними и тихонько отталкивал доминирующую самку, а то и недвусмысленно угрожал, едва не тыкаясь носом ей в шею. Но через несколько недель после начала наших наблюдений доминирующая самка по неизвестным нам причинам смилостивилась и разрешила своей бывшей противнице питаться спокойно и мирно.

О системе доминирования мы очень многое узнали, наблюдая именно за этой маленькой стаей, и особенно после того, как примерно через месяц у доминирующей самки началась течка. С этого момента доминирующий самец, как я уже рассказывал, почти не отходил от нее. Самец номер два и раньше выказывал уважение высшему по рангу, теперь же он и подавно старался держаться как можно дальше от этой парочки. Правда, иногда у нас создавалось впечатление, что сама самка номер один желала предъявить свои права на все и на вся — время от времени она как бы невзначай подходила ко второму самцу. Ее поклонник постоянно был настороже, подстерегая эти попытки измены, и даже спать укладывался так, чтобы поместиться между своей дамой и соперником. Если она оказывалась в опасной близости к другому, он бережно оттеснял ее боком.

Порой она делала вид, что не понимает намека, и все же проскальзывала мимо (с самым невинным видом), но едва она подбиралась к подчиненному самцу на несколько метров, ее поклонник считал нужным принимать меры к устранению соперника. Ему не приходилось тратить особых усилий — злосчастный подчиненный, заметив соблазнительные авансы самки, начинал праздновать труса и добровольно убирался подальше от искушения. А если он не успевал отступить заблаговременно, малейшая угроза со стороны самца номер один заставляла его поспешно уносить ноги куда-нибудь подальше.

В самый разгар течки у доминирующей самки доминирующему самцу почти не удавалось передохнуть. Стоило его даме отойти от

него на полтора-два метра, как он начинал волноваться; подбегал к ней, лизал ее, бежал к тому месту, где она только что лежала, тщательно отмечал его, мчался к подчиненному самцу. Тот никогда не ложился ближе чем в пятнадцати метрах, но видя приближение доминирующего самца, отходил еще дальше. Пылкий поклонник ограничивался тем, что старательно отмечал место, с которого согнал соперника, тотчас же спешил обратно к своей даме и укладывался у нее под боком, пытаясь хоть немного передохнуть — но какой уж тут отдых!

Взаимоотношения двух доминирующих собак и подчиненной самки очень напоминали мне отношения, сложившиеся между Ведьмой, Черной Феей и Лилией в стае Чингиз-хана. В этом своеобразном треугольнике Лилия часто старалась быть поближе к Ведьме, как будто близость к доминирующей самке могла придать ей больше веса в стае. Но не тут-то было — Черная Фея, которая явно придерживалась того же мнения, не теряя ни минуты, втиралась между ними. И если в стае из четырех собак подчиненная самка старалась быть поближе к самцу номер один, то доминирующая самка немедленно их расталкивала. Это особенно бросалось в глаза, когда собаки отдыхали. Самец номер один и самка номер один почти неизменно укладывались рядом, а самка номер два обычно тоже ложилась около них. Она никогда не устраивалась поблизости от доминирующей самки, если рядом не было доминирующего самца,— возможно, она никогда не ложилась, если здесь же не было доминирующей самки, — наверное, если бы она на это решилась, она восстановила бы против себя более сильную самку и даже вызвала бы нападение с ее стороны. Иногда меня поражало, до каких тонкостей доходит подчиненное животное, стараясь избежать неприятностей.

Боюсь, что высокоученые коллеги осудят меня за приписывание животным человеческих чувств, но я не могу не сказать, до какой степени меня потрясло открытие, что животное может лелеять жажду мести. И я приведу пример.

Все это началось, когда я вновь встретил стаю Чингиз-хана — примерно через два месяца после того, как щенки Юноны покинули логово. Стая вернулась на свой гнездовой участок и я наткнулся на нее совершенно случайно, потому что занимался в то время гепардами. Тем не менее я сразу же отложил всю другую работу и решил оставаться со своими собаками как можно дольше. Так прошла почти неделя. Луна совсем не показывалась, и каждое утро я находил собак поблизости от того места, где оставил их накануне вечером.

В первый вечер стая свалила добычу после необычайно затянувшейся погони. Щенята были еще раза в четыре мельче взрослой собаки и очень отстали, а когда подбежали к добыче — это была газель Томсона,— от нее уже почти ничего не осталось, и они принялись клянчить мясо у взрослых. Ведьма сразу же вняла их мольбам и отрыгнула немного мяса. Черная Фея тоже подбежала к щенкам и начала отрыгивать мясо рядом с Ведьмой. Что именно

спровоцировало иападенне Ведьмы, я не зиаю,— возможно, она вообразила, будто Черная Фея собнрается съесть мясо, которое она, Ведьма, отрыгнула. Как бы то нн было, она внезапно налетела на Черную Фею н стала кусать ее за шею. Стрнж незамедлнтельно прнсоединнлся к этой атаке.

И тут Лнлия, увндев, как Черная Фея прнпала к земле, уклоияясь от двух домннирующнх собак, внхрем налетела на нее. Ведьма и Стриж кусалн не слншком сильио, а Лнлня с первого же раза рванула до кровн: она грызла шею Черной Фен так, что вскоре по передней лапе ее жертвы уже струнлась кровь.

Но еслн Лнлня решнла воспользоваться этой мниутой, чтобы взять верх над Черной Феей, то она снльно просчнталась. Как только Ведьма и Стрнж оставнли Черную Фею в покое, та стала мстнть, не теряя ни секунды. Двадцать мннут кряду она гоняла Лнлню по степн, н та, позабыв о своем мннутном торжестве, со всех ног уднрала от разъяренной сопернnцы.

Очевндно, этот случай резко нарушил прнвычную систему взаимоотношенпй четырех самок. Несколько дней Черная Фея спуску не давала Лилнн, и очень часто эти две и Юнона сцеплялись, когда стая терзала добычу. Бросалось в глаза, что Юнона стала гораздо меиее угодлнвой н покорной, чем раньше. Может быть, теперь, когда она больше не мешала самкам высшего ранга вознться с щенкамн, на иее уже не бросалнсь так часто и внезапно, как раньше, н она постепенно набралась храбростн? Во всяком случае, я никак не ждал, что между Юноной н Черной Феей разразнтся столь драматическая схватка.

Обстоятельства сложнлнсь не совсем обычно, и нх иадо вкратце обрисовать, чтобы стало ясно, почему драка пронсходнла в отсутствне Ведьмы: еслн бы при этом была доминнрующая самка, все могло бы кончнться нначе. Мнмо стаи пробегала небольшая группа из пятн чужнх гненовых собак, направляясь к Наабн-Хнлл, н стая Чингнз-хана разделилась: Ведьма, Лнлня н большннство взрослых самцов помчалнсь в погоню за чужакамн, а Чериая Фея и Юнона вместе с Желтым Дьяволом и еще одннм самцом осталнсь возле щенков.

За несколько дней до этого я заметил, что между Черной Феей и Желтым Дьяволом вознnкла какая-то страиная блнзость. Может быть, нх соеднняло то, что у обоих было по полхвоста. Дружба эта казалась мне довольно неожнданной, но собакн постоянно бежали бок о бок нлн сворачнвалнсь на земле рядышком друг с другом. Желтый Дьявол с несвойственной ему энергней отмечал те же куртннки трав, что н Черная Фея. Я упомниаю об этом потому, что это могло быть связаио с прнчнной дракн.

Драка вспыхнула, когда щенята лежалн тесиой кучкой, а четверо взрослых стоялн н смотрелн вслед нсчезиувшей стае. Юнона, проходя мнмо Желтого Дьявола, прностановнлась, и ои попытался ее лнзнуть. По-вндимому, Черная Фея решнла, что это грубое вмешательство в ее лнчные отношення со старым самцом. Как бы то ни было, она понеслась к Юноне, поставнв ушн торчком н воинственно

подняв хвост кверху. Юнона и не подумала спасаться бегством, а бросилась ей навстречу, и через секунду обе собаки взметнулись на дыбы, опираясь передними лапами о плечи друг друга. Эта поза ничем не отличалась от той, которую я так часто видел во время игр взрослых собак, но тут игрой и не пахло — Черная Фея мертвой хваткой вцепилась в горло Юноны. Через несколько секунд Юноне удалось вывернуться и в свою очередь схватить противницу за горло. Черная Фея цапнула Юнону за ухо и оторвала кусочек кожи, однако Юнона ни на секунду не разжала зубов, сцепленных на горле врага. Но вот Черная Фея молнией взвилась вверх и, извернувшись в воздухе, ударила Юнону лапами. Та выпустила ее горло и неуверенно отступила.

Минутный перерыв, и обе снова поднялись на задние лапы, поочередно и быстро кусая друг друга за горло. Небольшие пятна крови появились на шее обеих собак, уши были порваны. Примерно через пять минут после начала схватки Юноне удалось по-настоящему вцепиться в Черную Фею, глубоко запустив зубы ей в горло. Вскоре кровь потекла в пасть Юноне и закапала на землю.

Черная Фея всегда была моей любимицей, и я застыл в ужасе, глядя, как она бьется, безуспешно пытаясь вырваться. Ее движения заметно слабели, а через несколько секунд она стала опускаться все ниже, бессильно свесив голову на сторону. Внезапно она испустила душераздирающий вопль и свалилась на землю, а Юнона разжала зубы и стояла, задыхаясь, над неподвижным телом; кровь все еще медленно капала у нее из пасти. Потом она отбежала трусцой и уселась неподалеку, зализывая свои раны.

Я был уверен, что Черная Фея мертва, но секунду спустя она осторожно подняла голову. Юнона бросилась к ней, и Черная Фея застыла, как мертвая,— очевидно, признавая свое поражение. Юнона опять потрусила прочь. Следующие десять минут, как только Черная Фея отваживалась пошевельнуться, Юнона бросалась на нее, но в конце концов она позволила бедняге встать на ноги. Тут уж Черная Фея сама себя превзошла, проявляя полную покорность: она лизала губы и пасть Юноны, виляя хвостом и прижимая уши, растягивая губы в угодливой улыбке. Она недвусмысленно показывала, что, по крайней мере в данное время, полностью признает превосходство противницы. Судя по всему, этого было достаточно; смерть прошла мимо, Юнона не требовала наказания по высшей мере.

Во время драки Желтый Дьявол и второй самец оставались с щенками где-то в стороне. Один раз Желтый Дьявол подошел поближе, как будто собирался тоже принять участие в сражении, но отступил — должно быть, напуганный яростью и одержимостью самок. Но когда группа побежала следом за остальной стаей, он по-прежнему трусил рядом с Черной Феей. Я ехал за ними, пока мог, но вскоре стемнело, а на следующий день стая Чингиз-хана ушла из этих мест.

Когда я снова встретил ее через полтора месяца, Юнона занимала уже второе место в иерархии самок, уступая лишь Ведьме.

Очевидно, все утряслось, потому что самки больше не ссорились над добычей, и ничто не напоминало о том трудном периоде, который, видимо, выпал на долю Черной Феи. К тому времени начался уже короткий период дождей и вся равнина была покрыта зеленой травой и усеяна стадами гну и зебр. Взрослые собаки часто и подолгу играли. Они гонялись по степи друг за другом и за щенками. Стриж крутил сальто, перелетая через Ведьму, Черная Фея и Желтый Дьявол прыгали друг на друга, как щенята, а щенята таскали один другого за хвосты.

Щенят было по-прежнему восемь — в этом отношении стае повезло: множество щенят пропадает в первые недели скитаний. Но в стае произошло одно очень важное событие — старого предводителя Чингиз-хана уже не было в живых.

Обыкновенные шакалы

Дерзкие прихлебатели

День клонился к вечеру, но солнце все еще пылало в небе, когда я ехал за парой обыкновенных шакалов, пробиравшихся рысцой след в след по низкой зеленой траве на равнине кратера Нгоронгоро. Самец, которого мы назвали Ясоном, поминутно останавливался возле какой-нибудь куртинки травы, поднимая лапу, как домашний пес, отмечал ее своим запахом и трусил дальше. А его самочка, Яшма, каждый раз, подбегая к такой куртинке, добавляла свой запах к запаху самца и пускалась его догонять.

Эта пара находилась в разгаре ухаживания, и, хотя тогда я еще не знал об этом, они отмечали границы своей территории — той территории, где позже будут выращивать щенят и где, весьма возможно, уже не раз выводили потомство. Вдруг я заметил, что Ясон застыл на месте, как изваяние, а шерсть у него на загривке, спине и хвосте встала дыбом. Яшма остановилась рядом; оба настороженно вглядывались в одно и то же место. Тут и я увидел третьего шакала — он лежал, свернувшись клубком, и, кажется, спал. Верхняя губа у Ясона приподнялась, и он, ощерившись, подошел и остановился в угрожающей позе над лежащим чужаком — спина выгнута дугой, голова и уши опущены, пасть открыта, белые зубы обнажены. Третий шакал, как мне показалось, прижался к земле.

Секунда—и они сцепились. Уследить за отдельными движениями было совершенно невозможно, противники метались как молнии, но когда чужак сделал попытку к бегству, Ясон кинулся на него и цапнул за шею; несколько секунд они стояли на задних лапах, стараясь укусить один другого за шею или за морду. Вдруг чужак сорвался с места и понесся прочь, а Ясон с Яшмой помчались за ним, но скоро остановились и только провожали его глазами, стоя плечом к плечу: очевидно, отступающий враг убежал достаточно далеко от их территории.

Через некоторое время Яшма поднялась на задние лапы, поло-

жив передние на плечи супруга, потом опустилась и принялась его вылизывать, начиная с уха. Спустя несколько минут Ясон успокоился, развалился на земле, полузакрыв глаза, а самочка приводила в порядок его золотисто-серую шерстку. Она вылизывала его двадцать пять минут, переходя с места на место и прерываясь лишь для того, чтобы почесаться самой или выкусить блоху из собственной шерсти. Когда же она кончила это занятие, Ясон минут пять наводил красоту на ней, а потом отошел, свернулся клубком и, видимо, заснул. Яшма посмотрела на него и тоже легла рядом.

У обыкновенных шакалов кратера Нгоронгоро был сезон спаривания, и следующие несколько дней я следил, как Ясон ухаживает за Яшмой — он подходил, отставив вытянутый хвост, распушив «воротник», насторожив уши. Но каждый раз, когда он пытался обнюхать ее сзади, она резко поворачивалась, щелкала зубами и отбегала от него рысцой. Обыкновенный шакал почти всегда охотится в одиночку, но в сезон спаривания самец и самка отдыхают и охотятся вместе. Так поступали и Ясон с Яшмой. Они очень часто вылизывали друг друга; Яшма обхаживала своего друга подолгу, но и он иногда тратил на это минут по пятнадцать, а то и больше. Когда они вдруг останавливались, вынюхивая что-то в траве, или «отмечались», или катались на какой-нибудь дохлой мыши или ошметке мяса, случалось, что кто-нибудь из них на минутку ставил передние лапы на плечи другому — подобное поведение я видел только в период ухаживания. Спаривание я наблюдал всего один раз, очень ранним утром, из чего заключил, что они предпочитают темное время суток.

В тот раз мы заехали в кратер совсем ненадолго, но через два месяца возвратились на полгода, захватив с собой двух студентов, которые должны были помогать нам в наблюдениях. Для того чтобы разбить лагерь возле хижины на речке Мунге, понадобились многочасовые и поистине титанические усилия. Нужно было разгрузить набитые до отказа машины, поставить палатки, разместить запасы продуктов. Освобожденный от груза прицеп стал у нас складом консервов, недоступным для шныряющих повсюду гиен,—как ни странно, эти животные почти никогда не прыгают вверх, оставаясь на земле все время, пока шарят по лагерю и ищут, чем бы поживиться. Но уж если предоставить им такую возможность, они утащат в зубах запаянную банку и изжуют ее до неузнаваемости.

Как всегда, Лакомка «помогал» нам по мере сил. И хотя он был всего-навсего десятимесячным ползунком, он все же ухитрялся просочиться в самые неподходящие места. Когда палатка разложена так, что ее остается только поставить, можете не сомневаться — Лакомка восседает в самом центре; стоит оставить на минутку тщательно запакованный ящик — и вы незамедлительно обнаружите, что Лакомка упаковался в ящик, а содержимое разбросано кругом по траве.

Но в конце концов все более или менее утряслось, и у нас осталось время, чтобы съездить до сумерек к гребню Когтистых скал. Этот невысокий холм в полутора километрах от хижины был для

нас ни с чем не сравнимой наблюдательной вышкой на плоской равнине кратера. Солнце медленно опускалось, а стада гну черными вереницами все шли и шли мимо холма к ночным пастбищам. Несколько молодых гиен резвились возле своего логова; стая малых белых цапель устраивалась на ночлег на сучьях громадного сухого дерева; сквозь зеленые тростники на окраине болота неторопливо пробиралось к равнине небольшое стадо слонов. Мы сидели и смотрели, а небо наливалось золотым светом, потом заалело, и вот уже все вокруг покрылось тьмой.

Мне нужно было знать, как развиваются щенки шакалов и как меняются отношения внутри семьи по мере того, как они взрослеют. У Ясона и Яшмы, которых я наблюдал в период ухаживания, оказались щенки нужного возраста. Как говорится, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Когда я выследил их в первый раз у самой норы, все четверо щенят были еще темными, почти черными, и я заметил, что они совсем неуверенно ковыляют на коротких лапках. Немного погодя я подъехал поближе — один щенок качнулся, ступил в сторону, налетел на второго, и они все друг за дружкой, как кегли, кувырнулись и посыпались вниз, в нору. Но мне недолго пришлось ждать, когда они появятся вновь. Глазки у них были еще мутновато-голубые и, видимо, открылись совсем недавно. Известно, что глаза у щенят шакалов открываются примерно на десятый день. Значит, этим четверым было недели две от роду.

Немного позже у логова появилась их мать, Яшма. Поначалу ее несколько смущал мой лендровер, и я отогнал машину подальше. Яшма постояла, не спуская глаз с машины, потом рысцой подбежала к норе, сунула в нее голову и несколько раз тихонько поскулила. Щенята мгновенно выскочили наверх, догнали Яшму и примерно в трех метрах от норы принялись сосать ее. Чтобы дотянуться до сосков, им приходилось вставать на задние лапы, опираясь передними о живот матери. Порой лапы у какого-нибудь щенка соскальзывали, и он повисал, изо всех силенок присосавшись к соску и отчаянно пытаясь нашарить ускользнувшую опору.

Я думал, что, пока щенята еще так малы, Ясон и Яшма будут по очереди нести вахту около них, но, хотя родители и лежали подолгу, свернувшись около норы, случалось, что малыши часами оставались совершенно одни. В первые дни наших наблюдений четверка большую часть времени сидела в норе. А когда щенки вылезали, то бродили вокруг, принюхиваясь к земле, или мирно играли, ползая друг через друга и слегка кусаясь. На третий день я заметил, как во время игры двое начали прыгать друг на друга. Им явно не хватало тренировки — они еще не умели рассчитывать не только расстояние, но и направление прыжка. Приземляясь, часто перекувыркивались и скатывались в нору. Зато, если им удавалось приземлиться на все четыре лапы, они стояли несколько секунд, не двигаясь, как будто ждали, когда же лапы снова начнут слушаться и можно будет отважиться на следующий шаг.

Ранним утром на пятый день после знакомства с щенками Ясона я впервые увидел, что к норе подбирается гиена. Щенки в это

время сидели под землей, а родители спали метрах в двадцати от логова, свернувшись клубком, поодаль друг от друга. Гиена медленно направлялась к норе, время от времени останавливаясь и нюхая воздух. Подкравшись к самому входу, она сразу же сунула туда голову. Я представил себе, как в жилище щенят исчезают последние отблески дневного света и они чуют зловонное дыхание гиены. Интересно, будет ли гиена откапывать щенят?

Вдруг тишину разорвало громкое рычание. Гиена отскочила и, повернувшись, щелкнула зубами, отгоняя Яшму, которая примчалась на помощь и запустила зубы в торчащий из родной норы вражеский зад. Яшма прыгала, словно шарик ртути; метнувшись в сторону, она вдруг подняла морду к небу и испустила тонкий пронзительный вой. Гиена, внимание которой было приковано к самке, не заметила, что на этот зов на поле боя примчался Ясон. Спустя долю секунды самец уже вцепился в заднюю лапу агрессора. Гиена повернулась к нему, подставив свой тыл Яшме, которая молнией бросилась и цапнула ее за заднюю лапу. Шакалы непрерывно атаковали гиену, так что ей пришлось присесть «на корточки», чтобы прикрыть чувствительные задние лапы менее уязвимым крупом. Так, на полусогнутых лапах, она и отступала, а шакалы следовали за ней, то и дело кидаясь и кусая ее за круп, при этом гиена выделывала потешнейшие пируэты, обороняясь с двух сторон сразу.

Этот случай напомнил мне рассказ одного американского исследователя, который видел, как пара волков отгоняла медведя-гризли от своего логова точно таким же способом — кусая его сзади. И гиена и гризли довольно неповоротливые животные, а волки и шакалы разят молниеносно — они успевают цапнуть и отскочить, прежде чем более крупное животное удосужится повернуться. Должно быть, именно поэтому им и удается прогнать противников, которые весят раза в четыре больше, чем они сами.

Дни шли за днями, и нам уже не раз приходилось наблюдать, как Ясон и Яшма отгоняют гиен, так что гиены скоро стали пускаться в обход, явно стараясь миновать негостеприимное место. Я никогда не видел, чтобы гиена ела щенков шакала,— даже когда родителей не было поблизости, гиены только совали нос в нору да обнюхивали землю кругом. Правда, год спустя я видел, как гиена начала раскапывать обитаемую шакалью нору, но передумала и ушла; еще несколько раз я был свидетелем того, как гиены гонялись за молодыми шакалами. И я не сомневаюсь, что в голодные времена гиены могут выкапывать и поедать щенков шакалов: тактика нападения у шакалов-родителей развилась, безусловно, по веским причинам.

Мало-помалу Яшма привыкла к машине, стоящей близ норы, и стала больше времени проводить со своими малышами. Она их непрестанно вылизывала. Ясон временами тоже «причесывал» первого попавшегося щенка, как и свою супругу, но ему было далеко до Яшмы — она занималась туалетом щенка с истинным фанатизмом. По многу минут подряд она осторожно выкусывала выпавшие во-

лоскн илн грязь из шерсти малыша, а еслн щенку это иадоедало н он вывертывался и убегал поиграть с остальнымн, Яшма настигала его, опрокндывала одним движеннем лапы и снова принималась за дело. Покоичив с одним щенком, она начинала преследовать неотступными заботамн следующего. Иногда она даже присоединялась к игре своих отпрысков, но цель у нее было одна — оттеснить кого-нибудь от остальных, припечатать его к земле и подвергнуть всестороннему вылизыванию. Как-то раз, немного пробежав рядом с щенком, догонявшим своего брата, она ухитрилась прямо на бегу что-то выкусить у него из шерстн.

Конечно, все самки шакала по-матерински вылизывают своих щенят, но нам ни разу ие случалось видеть, чтобы хоть одна из них проделывала это так часто и так самозабвенно, как Яшма. У многнх живых существ уход друг за другом превратился в социально значимый обряд, он не только помогает содержать в порядке шерсть но и укрепляет связь и поддерживает общение между членами группы, делая более прочнымн отношения самцов н самок во время ухаживания. У обыкновенных шакалов этот обряд, несомненно, несет общественные функции. Ясон и Яшма гораздо дольше приводили друг друга в порядок в период ухаживания, чем когда-либо после, а своих щенят оба родителя вылизывалн гораздо дольше, чем требовалось для простой очисткн шерстн. А по мере того как щенята подрастали н в каждом нз ннх проявлялась все более яркая индивидуальность, родители ухаживалн за их шерстью чаще и посвящалн этому гораздо больше времени.

Кратковременное вылизывание или даже отдельные его элементы часто демонстрируются прн дружественной встрече животных данного внда, напрнмер во время церемонии приветствия. Ясон и Яшма, встречаясь после разлукн, почтн всегда подбегали друг к другу и быстро покусывали один другого за морду и уши. И взрослый шакал ннзшего ранга при встрече с более сильиым сородичем тоже зачастую опрокндывается на спину — приннмает позу, свойственную щенку, который просит, чтобы кто-иибудь из родителей или однопометников его вылизал.

К тому времени, когда щенятам Ясона исполнился месяц, их темная окраска приобрела бледноватый оттенок выжженной солнцем травы — подобный камуфляж сослужил бы отличную службу малышам, рожденным в сухой сезон, но для большинства щенят, появившихся, как и наша четверка, среди яркой зеленой травы, он был совсем некстати. В это время мы уже стали свободно различать своих щенят, хотя вряд ли сумели бы узнать их вне привычной обстановки, кроме разве что Руфуса*, у которого в раннем младенчестве кто-то откусил крохотный, почти незаметный кусочек уха. В своей компанин все четверо различались не только внешне (одна самка была чуть светлее сестры, а у одного самца мордочка была

* Руфус — от латиниского rufus, что значит «красновато-коричиевый, рыжий».— Прим. перев.

немного длиннее, чем у другого), но и характерами, а следовательно, и поведением.

Одна из самок, Эмба, очень быстро превратилась в такую же страстную «парикмахершу», как и ее мать. Она неотступно преследовала своими заботами остальных щенят, хотя ей частенько не везло — подрастая, щенята становились все непоседливей и почти беспрерывно играли. Порой, заметив, что мать вылизывает какого-нибудь щенка, Эмба тут же включалась в дело; впрочем она и сама любила, чтобы с ней повозились, и поэтому иногда протискивалась между Яшмой и вылизываемым щенком. Эта уловка почти неизменно достигала цели — второй щенок пользовался возможностью удрать от матери, и Эмба занимала его место. Несколько раз я видел, как Эмба втиралась между отцом и матерью, когда они вылизывали друг друга, в конце концов кто-нибудь из них принимался и за ее шерсть.

Самый маленький щенок, последыш Синда, был гораздо трусливее всех. Она ныряла в нору, как только тень от пролетавшей птицы или облака хоть краешком падала на нее, скатывалась туда вниз головой, напуганная внезапным раскатом грома. Она немедленно сдавалась, как только игра щенят становилась слишком грубой, а чаще всего вообще держалась от них подальше — лежала одна в сторонке, пока они носились как оголтелые. И все же более сильные щенки то и дело налетали на нее или сшибали ее с ног.

Руфус был ее полной противоположностью: с самого начала он был намного смелее и предприимчивей остальных; он первый отважился отойти от норы дальше, чем на несколько метров. Как-то раз, когда ему было еще меньше трех недель, я видел, как он стал ползком подкрадываться к египетским гусям, вперевалочку шествовавшим мимо норы, причем каждый из этих шестерых гусей был раза в четыре больше его самого. И чем ближе он подползал, тем быстрее ковыляли гуси, словно им было неловко подниматься на крыло из-за такого крохотного шакаленка. Руфус, судя по всему, был к тому же очень любознателен: если возле норы расцветал цветок, Руфус непременно должен был подойти и понюхать его; стоило птице обронить перышко, и Руфус тут как тут — он первый все замечал. Шакалята, как и многие детеныши млекопитающих, любят повторять действия друг друга. Когда Руфус принимался прыгать за насекомыми, остальные тоже прыгали вслед за ним. Когда Руфус отошел на пять метров от норы и стал с наслаждением уплетать дымящийся навоз носорога, к нему скоро присоединились и сестры с братом.

Его брат Слиток казался самым игривым из всей четверки. Он постоянно приставал к кому-нибудь из однопометников, подбегая к ним с характерным потряхиванием головой, что означало: «Хочу с тобой поиграть!» Когда остальным надоедало с ним возиться, он продолжал игру в одиночку: потянет пучок травы, будто это хвост другого щенка, да и опрокинется навзничь, когда стебли порвутся. А то подкинет зубами камешек или кусок зебрового помета высоко в воздух и прыгает на него, как только тот коснется земли. Однаж-

ды он нашел высохший, жеваиный-пережеванный кусочек шкуры с шерстью и ие расставался со своей игрушкой больше часу — все подбрасывал и прыгал на иее. Временами ои оставлял ее в покое, ио когда ему нужно было перейти на другое место, прихватывал свое сокровище с собой и снова принимался играть. А один раз я видел собственными глазами, как Слиток тряс головой, приглашая поиграть... бабочку!

Игры щенят меиялись по мере того, как они подрастали. Слабые покусывания и кувырканье постепенно сменились довольно серьезнымн укусами, потасовками и гоиками. Часто двое играющих щенков обхватывали друг друга передними лапами за плечи и пытались укусить один другого за морду. Потом, потеряв равновесие, они валились на землю и продолжали играть уже лежа на земле — огрызались и отбивались задними лапами, как кошки. Нередко к двоим играющим присоедииялись и остальные, так что все свивалось в один клубок из золотого меха, бьющих по воздуху лап и щелкающих зубов.

Когда мы научились различать щенят, нам стало гораздо интереснее наблюдать за их играми. Однажды Слиток иашел страусовое перо. Он осторожно приию хался к иему, а потом прыгиул на него и приинялся трепать, как треплет тапочку домашний щенок. Увидев подбегающего Руфуса, Слиток подхватил перо и дал тягу; Руфус тут же кинулся в погоню, к иему присоедииились обе сестры. Они носились н иосились кругами, пока Руфус не настиг Слитка, и, грозно рыча, они начали вырывать друг у друга перо. Вдруг Эмба вцепилась в хвост Слитка и стала тянуть — любимый вид спорта! Слиток огрызнулся, и перо досталось Руфусу. Игра продолжалась больше часа, пока от пера не осталось несколько пушинок.

В другой раз я видел, как Руфус и Слиток гонялись друг за другом вокруг небольшого участка высокой травы. Виезапио Руфус остаиовился, повернулся и, когда Слиток вылетел из-за угла со всей скоростью, на какую только были способиы его короткие лапки, бросился иа него в лобовую атаку. Затем Руфус сиова кииулся бежать, но, пробежав немного, опять остаиовился и повернулся, поджидая братца, как в первый раз. Да ие приметил головеику на вытяиутой шее, которая глядела иа него сквозь траву, а Слиток прыгнул прямо через заросли и приземлился иа спину брата. Оба щеика встали на задние лапы, пытаясь укусить друг друга за морду. Но вот на поле битвы появилась Синда. Несколько секуид она присматривалась, а потом прыгнула и сшибла обоих с ног. Руфус вывернулся из свалки и принялся кусать Синду за нос, заложив уши назад. В этот момент выбравшийся из-под Синды Слиток толкнул Руфуса, и тот, хватив сам себя за круп, завопил и бросился бежать от Синды, от заморыша: ему, вероятно, померещилось, что это оиа так больно цапнула его.

Этот случай напомнил мне другой — когда Лакомку, всего шести месяцев от роду, укусила ручиая мунго. Мы были приглашены на чашку чая к друзьям, и Джейи села на диван, держа Лакомку на колеиях. В тот самый момент, когда хозяйка подсела к ним,

мунго подскочила, цапнула Лакомку за ногу и скрылась под диваном. Лакомка не успел ее заметить и был в полной уверенности, что его укусила дама, опустившаяся рядом на диван. Он начинал реветь, как только она пыталась подойти ближе, и это продолжалось весь вечер, до конца нашего визита.

Когда Ясон и Яшма попривыкли к нашим машинам, мы стали следовать за ними в дальние походы и постепенно определили размеры их гнездового участка и охотничьих угодий, а также выяснили, в каких они отношениях с другими шакалами, живущими по соседству. Насколько мы могли определить, они охотились на площади примерно в два с половиной квадратных километра, хотя многие обыкновенные шакалы, как мы увидим позже, владеют гораздо более обширными охотничьими угодьями. Поведение Ясона и Яшмы при встрече с другими обыкновенными шакалами в своих охотничьих угодьях не было стереотипным: иногда они прогоняли нарушителей, порой не обращали на них внимания, а подчас встречали их совсем по-дружески. Эти различия в поведении можно объяснить только после длительных наблюдений, но мы подозреваем, что некоторые из этих «чужаков» были родственниками. Иногда Ясон приветствовал кого-нибудь одного из пары, а Яшма не обращала внимания на обоих — очевидно, один из них был однопометником Ясона. В других случаях и Ясон и Яшма приветствовали одного из «нарушителей» — возможно, это был кто-то из их детенышей, ставших взрослыми.

Но даже если некоторые из соседних шакалов и были родственниками Ясона, они почти никогда не проникали в глубь его гнездового участка. Когда львы и гиены убивали добычу в охотничьих угодьях Ясона, то, как правило, ее остатками не кормился никто, кроме семейства Ясона. А в тех редких случаях, когда к ним жаловали один-два непрошеных гостя, из-за пищи завязывались горячие баталии. Точно так же и Ясон с Яшмой избегали добычи, убитой на гнездовом участке соседей. Но, судя по всему, гнездовые участки кое-где перекрывались, и если добыча оказывалась в таких местах, около нее могло появиться две пары шакалов. Однажды мы видели у добычи, находившейся приблизительно на стыке трех участков, Ясона и Яшму вместе с двумя соседними парами. Иногда Ясон и Яшма встречали чужих шакалов мирно; порой начинались препирательства и короткие схватки. Это зависело от того, какие именно соседи пожаловали к добыче.

Гнездовой участок шакала отличается от его территории. Территория — это относительно небольшое пространство, на котором шакал ухаживает за своей самкой и воспитывает щенков. Территория Ясона, насколько мне удалось определить, представляла собой узкую полоску на равнине примерно с километр длиной и около ста пятидесяти метров шириной. Я всего один раз видел, как чужой шакал проник на эту территорию, и Ясон с Яшмой яростно преследовали его, пока он не унес ноги подобру-поздорову.

Очень часто, когда Ясон или Яшма отправлялись на охоту, они некоторое время бежали рысцой вдоль одной из границ своей тер-

ритории и примерио раз в минуту отмечали граиицу мочой. У обыкновенных шакалов н самец, и самка «поднимают ножку», только самка еще прнседает, так что лапу она отрывает от земли всего иа иесколько саитнметров. Отметнвшись, оба — н Ясои, и Яшма — делали еще иесколько «отбрасывающих» движенний задними лапами, распространяя запах подальше. Иногда шакалы отмечали участкн травы пометом, аккуратно располагая его поверх травинок. У шакалов нмеются две пахучие преанальные железы н, очевидно, запах нз ннх добавляется к запаху помета, подкрепляя «удостоверение лнчностн» хозяина.

Норы, в которых обыкновенные шакалы выращивают щенков, конечно, иаходятся в самом центре такой тщательио отмеченной территорни. Вндимо, и «концерты» завываний, которые оин порой закатывают, тоже происходят виутри территории. Во время такой церемоннн все члены семьи, за исключением малышей двух-трехнедельного возраста, поднимают носы к небу н заливаются тонким пронзительным воем. Воют онн, как правило, не в уннсон, а постепеиио, по одиому прнсоединяясь к общему хору.

Когда вой одного семейства замирает, мелодию может подхватить соседнее семейство, н она разносится во все стороны, иногда на многие километры. В кратере подобные концерты пронсходили чаще всего по вечерам н на рассвете, а иногда и среди иочи. Вполне возможно, что эта церемония служит дополнительным заявлением прав на террнторию, как утренние концерты гиббонов или территориальные песни птиц.

Когда мы прибыли в кратер (это было в январе), только что иачались сильные дожди, и постоянные лнвни поддерживали везде свежий, сочный травяной покров — обильную пищу травоядных. Мы ехали среди пасущихся гну, н повсюду встречались отяжелевшие перед отелом самкн. Период размиожения у гну иаступил примерно через две иедели после иачала иаших наблюдений за Ясоном и Яшмой. Однажды, уже повстречав множество совсем крохотных телят, неуверенно ковылявших на черных мокрых ножках, мы увидели молодую самку гну, которая вот-вот должна была отелиться. Она лежала на земле, н мы, подъехав, заметили, что брюшные мышцы у нее сильно сокращаются. Никогда еще мне не прнходилось наблюдать более благополучного, быстрого и комичного разрешения от бремени; только потом я сообразил, что это, по всей вероятности, были ее первые роды. Когда теленок, высунувший головку нз поблескивающего прозрачного мешка, шлепиулся на землю, его мать подскочила, словно подброшенная пружиной, извернулась в воздухе н грохнулась перед новорожденным детнщем прямо «на колени». Мне вряд ли приходилось видеть животное, до такой степени потрясенное — у нее просто глаза иа лоб вылезли. Когда теленок задвигался, мать отскочила н снова упала «на колени», не сводя вытаращенных глаз с маленького существа, откуда нн возьмись свалившегося у нее за спиной. Мы даже испугались, что она может бросить своего детеныша: каждый раз, когда он тянулся к ней, она в ужасе отскакивала. После получасовых

тщетных попыток добраться до ее вымени теленок наконец начал сосать.

Нередко и опытная мать не дает новорожденному сосать в первые минуты после рождения. Раз за разом отодвигаясь от теленка, она заставляет его перемещаться — чем больше он двигается, тем быстрее обретает устойчивость на еще нетвердых ножках и тем больше у него шансов уберечься от хищников. Это настолько эффективный метод, что уже минут через десять после появления на свет теленок может довольно быстро бежать за матерью. Иногда к ним подходит другая антилопа и толкает лбом теленка, так что тот валится с ног, а когда он пытается подняться, снова сбивает его с ног, пока наконец мать с детенышем не обратятся в бегство. Один раз мы с Джейн видели, как целая группа гну гоняла новорожденного теленка—ноги у него подворачивались и расползались во все стороны, и тем не менее он ухитрялся удерживаться на них. С виду все это смахивает на жестокость, но, возможно, помогает сократить период полной беспомощности теленка.

Еще один защитный механизм природы заключается в том, что огромное большинство самок гну (как, впрочем, и других стадных животных) производят на свет телят приблизительно в одно и то же время. А это значит, что хищники быстро пресыщаются и оставляют телят в покое.

Как раз в начале периода размножения я следовал на машине за Ясоном, отправившимся в очередную охотничью вылазку, и был очень удивлен, когда увидел, как он подскочил к новорожденному гну, лежавшему возле матери, и схватил его за ногу. Мать мгновенно вскочила и, опустив голову, бросилась на Ясона. Шакал больше не делал попыток напасть на теленка, но все это меня озадачило: Ясон был бесспорно храбрым шакалом, но ведь даже ему не могло взбрести в голову охотиться на теленка гну, по крайней мере в три раза тяжелее его самого, да еще лежащего рядом с матерью. Вообразите нашу лисицу, нападающую на теленка, который стоит рядом с матерью,— разница только в том, что самка гну куда подвижнее коровы.

Через два дня я стал догадываться о возможной причине столь странного поведения Ясона. В этот день Ясон и Яшма отправились на охоту вместе — в первый раз после появления на свет щенков. Я уже говорил, что обыкновенный шакал, как правило, одинокий охотник. Пробежав немного рысью среди пасущихся гну, Ясон внезапно остановился, принюхался и — бок о бок с Яшмой — стал уверенно двигаться в сторону самки с крохотным теленком. Когда мать повернулась и, опустив рога, пугнула их, Ясон и Яшма отбежали, но тут же вернулись и потрусили за уходящей матерью с теленком. И полчаса спустя шакалы все еще следовали по пятам за этой парой, чем вызывали у меня все большее недоумение.

Вдруг самка гну забеспокоилась, легла, и у нее вышел послед. Значит, теленок, хотя он и успел обсохнуть, родился всего несколько часов назад. Ясон и Яшма знали — очевидно, по запаху,—что

плацента еще не вышла, и их терпение было наконец вознаграждено.

Это помогло мне объяснить нападеиие Ясона на новорождениого теленка. Наверное, запах околоплодных вод был настолько силен, что на какой-то момент ввел шакала в заблуждение, и тот схватил за ногу теленка, решив, что это послед.

На протяжении следующих двух недель, в разгар периода отела, шакалы досыта наедались плацентами. Часто, наблюдая, как Ясон и Яшма отдыхают возле норы, я видел, что они внезапно настораживались и начинали вглядываться в небо. Потом и я замечал крохотный силуэт грифа, который все увеличивался по мере того, как птица снижалась. Установив направление полета птицы, шакалы во всю прыть неслись по равнине и прибегали порой с опозданием всего на несколько секунд, так что успевали отвоевать себе львиную долю последа.

Как раз вскоре после начала периода размножения у гну, когда щенкам Ясона было чуть больше четырех иедель, они стали есть твердую пищу. Шакалы, как и гиеновые собаки, кормят своих детенышей отрыжкой, в первый раз мы увидели это, когда Ясон подбежал к щенкам, отрыгнул мясо на землю и стал есть вместе с иими. Спустя какое-то время точно так же поступила Яшма. Щенки, охотно поедавшие новую пищу, все же в первые дни оставляли часть ее на земле. В это время Яшма еще кормила их примерно три раза в день; проведя несколько ночных дежурств, мы поняли, что в темное время они кормятся еще раза два, хотя с увереиностью это иельзя было утверждать — луна то и дело скрывалась за облаками.

Дни шли за днями, и несмотря на то, что щенки регулярно получали молоко, они все более жадно поглощали отрыгнутое мясо и вскоре уже встречали возвращающихся к норе родителей, вскакивая, виляя хвостами и облизывая губы и морду взрослых,— так ведет себя взрослый шакал, приветствуя более сильного. Нам даже стало казаться, что родители отрыгивают мясо все с большим трудом — они отворачивались от назойливых детей, открывали рты, но щеики были тут как тут, прыгали и лизались. Родители вновь отворачивались: должно быть, щенки мешали взрослым опустить голову достаточно низко, чтобы можио было отрыгнуть. Я видел, как Яшма однажды крутилась волчком, отрыгивая мясо, и куски разлетались у нее изо рта, как искры от праздничной шутихи.

Если щенок продолжал приставать, выпрашивая добавки уже после того, как кто-нибудь из родителей раз или два отрыгнул мясо, случалось, что взрослый шакал, обернувшись, кусал юнца за нос — у всех трех видов шакалов, как и у гиеновых собак, это самая обычная форма наказания. Бедняжка Синда, как назло, чаще других подворачивалась под такие укусы, потому что при первой отрыжке ей удавалось пробиться к родителям только после того, как почти все мясо было съедено. И очень часто она, не получив ни крошки, утешалась тем, что вылизывала траву в том месте, где упало мясо.

Был период, когда возле логова Ясона появилось на свет довольно миого телят гну — шакалы приносили куски последа в зубах. Вот тогда-то мы и оцеиили все преимущества отрыгиваиня как способа кормлеиия щенят. Пять раз мы видели, как степные орлы пикировалн на шакалов, несущих еду в зубах, н три раза птицы ударяли шакалов в спнну когтямн. Один раз Яшма, виднмо с перепугу, броснла мясо н не успела обернуться, как степиой орел уже схватил его н был таков. В другой раз Яшма выроннла большой кусок мяса, когда за ней погналась гнена.

Случалнсь дни, когда пищи хватало с нзбытком. Как-то раз Ясон, вернувшись к логову, отрыгнул не один, а четыре раза подряд. Щеикам просто не под силу было справиться с обедом «нз четырех блюд», н они оставилн на земле несколько кусочков недоеденного мяса. Вдруг все щенкн разом кинулись в нору, а Ясои в тот же миг взвнлся в воздух, щелкая зубамн,— над мясом снижался черный коршун. Меия это ннсколько ие уднвило — эти коршуны хоть н невелнкн, но ужасио нахальны. В городах я вндел, как они выхватывают костн буквально изо рта у собак: как-то раз, когда мама Джейн каталась на лодке по озеру Виктория, одии нз этнх отчаянных смельчаков лихо спикировал вннз н вцепнлся в ее прическу — должно быть решил, что это какой-нибудь коричневый зверек. Ясон четыре раза подпрыгнвал н щелкал зубами, пока птица не убралась. Меня во всей этой историн очень позабавил Руфус: преодолев первый страх, он осторожно высунул нос нз норы,— надо же было узнать, что творнтся снаружи.

Шакалы обычно закапывают остатки пищн, как это делают лнсицы, волкн, медведи и миогие другне хищннкн. Ясон н Яшма всегда зарывалн каждый кусочек мяса отдельно, так что их «кладовка» заннмала солндную площадь. Я понял, почему они так делают, увндев однажды, как гнена медленно и методнчно разыскнвает маленькне кусочки мяса иа одном нз «складов» Ясона: когда мясо «рассредоточено», воровка может и проглядеть кое-какие кускн. Лисице не приходнтся так осторожничать, н она обычио храннт свон прнпасы в едннственном месте — на одном таком лнсьем «складе» оказался заяц, куропатка н десяток мышей.

Период размножения гиу — единственное время года, когда мы вндели, что обыкновенные шакалы пищу больше подбнрают, чем добывают охотой; в обычное время они пользуются чужой добычей, только когда более крупные хнщнннкн убнвают жертву иа нх охотннчьем участке. Именно этн случаи и далн мне возможность получше узнать характер Ясона — ннкогда не прнходнлось мне видеть шакала, который сравнялся бы с ннм смелостью н агрессйвностью при разделе добычн. Одии раз я видел, как он выхватывает кускн мяса прямо из-под локтя льва, улегшегося на своей добыче, а в другой раз ои пытался вырвать кусок кншкн нз пасти гнены. Он бесстрашно прыгал на орлов н грнфов, рвущнх мясо, а однажды пробежал с кнлометр, пока не прогнал громадного ушастого грнфа, который осмелнлся отпугнуть Руфуса от куска мяса.

Но все же, несмотря на свою ловкость и удачлнвость прн разде-

ле чужой добычи, Ясон большей частью охотился и сам добывал пищу. Вот какая картина встает передо мной, когда я вспоминаю Ясона: весь напрягшись, он неподвижно застывает возле куртинки высокой травы и вдруг, словно незримая рука спускает тетиву, взвивается в воздух и, приземлившись, хватает — почти всегда без промаха — грызуна, которого, не видя, обнаружил своим острым слухом.

Я с моими помощниками сопутствовал Ясону и Яшме во многих охотничьих вылазках. Чаще всего они раскапывали землю или кучи навоза в поисках жуков-навозников и их личинок, термитов и прочей мелочи; подпрыгивая, хватали на лету жуков и ночных бабочек; прихлопывали лапами кузнечиков, сверчков и других насекомых, ползавших в высокой траве. Частенько они ловили мелких грызунов, а в некоторые сезоны успевали поживиться птицами, гнездящимися на земле, и их птенцами. Несколько раз я видел, как они ночью гоняются за долгоногами, а однажды утром щенки играли куском шкурки долгонога, но поймали ли его их родители, я не знал. Иногда мы видели, как Ясон и Яшма гонят зайца, но всегда безуспешно — чаще, спугнув его, шакалы останавливались и смотрели ему вслед, а потом рысцой отправлялись дальше, словно зная, что связываться с ним не стоит. Но даже в тех местах, где добычи меньше, чем в кратере, и где шакалы часто гоняют зайцев, мы ни разу не видели, чтобы они добыли или съели хоть одного.

Никогда не забуду, как я в первый раз увидел сражение Ясона со змеей. Я появился на поле битвы как раз в тот момент, когда Ясон отпрыгнул назад, а змея повисла у него на шее. Ясон яростно встряхнулся, и змеиные зубы соскользнули с длинной шерсти, защищавшей шею шакала. Через какую-то долю секунды змея уже была в зубах у Ясона. Он резко встряхнул ее и, выпустив из пасти, отпрыгнул назад. Змея упала на землю, мгновенно свернулась в клубок и выставила голову навстречу Ясону. Внезапно она метнулась вперед, и ее зубы сверкнули в лучах утреннего солнца. Но Ясон отскочил в сторону, затем молниеносно схватил змею и снова встряхнул. Шакал повторял свои атаки раз за разом, так что через несколько минут его противница лежала на земле и не могла шевельнуться. Тогда Ясон, начиная с хвоста и не торопясь, съел обмякшее пресмыкающееся.

В то время я еще думал, что сражения змей с шакалами — редкостное явление, но вскоре обнаружил, что змеи входят в состав обычного шакальего рациона. Один раз я видел, как Ясон поедает змею, даже не потрудившись ее прикончить, и с тех пор мне очень хотелось узнать, нет ли у шакалов способности инстинктивно отличать ядовитых змей от неядовитых. Первой его жертвой была песчаная змея — для людей она почти не опасна, но, возможно, достаточно ядовита для таких небольших животных, как шакал.

И еще один день запомнился мне надолго. Ясон и Яшма проходили среди пасущихся газелей Томсона, как вдруг Ясон остановился и начал всматриваться во что-то впереди. Яшма подошла и

встала с ним рядом, и я, проследив за их взглядами, увидел крошечного газеленка, припавшего к земле. Мать паслась поблизости, еще не подозревая, что ее детенышу грозит опасность.

Мгновение спустя Яшма метнулась вперед, собираясь схватить малыша за ухо. Но мать не уступала шакалу в ловкостн и тут же броснлась на защиту детеныша, опустив голову и нацелившись на хищницу маленькими острыми рожками. Яшма успела увернуться, газель погналась за ней, а подскочивший Ясон схватил детеныша. Газель мгновенно обернулась и погналась за Ясоном. По примеру Яшмы Ясон отпустил жертву и бросился бежать от матери. Газель много раз бросалась в атаку то на одного, то на другого шакала; ей даже удалось дважды наподдать рогами Ясона так, что он кубарем покатился прочь, но остался невредим. Минут через восемь Яшма все же унесла добычу н, чтобы не привлекать внимания матери, затащила ее в ближайшую нору. Как только малыш исчез из виду и его жалобного крика больше не стало слышно, газель отошла в сторону. Ясон не успел заметить, куда исчезла Яшма с добычей, н стоял, озираясь по сторонам, но вот Яшма вылезла из норы, таща мертвого газеленка. Вскоре они с Ясоном дружно уплетали свою добычу.

В последующие недели я несколько раз видел, как и обыкновенные, и чепрачные шакалы успешно охотились на детенышей газели Томсона, н каждый раз парами. Видел я и как газеленок сумел вырваться и удрать от пары шакалов, хотя они трижды его хватали, а один раз даже потащили в зубах! Малыш воспользовался тем, что мать напала на шакалов, отбежал, забился в самую середину группы самцов газели Томсона, бросился на землю и крепко к ней прижался! Шакалы некоторое время принюхивались, но, очевидно, потеряли след и побрели прочь.

Рацион каждого шакала, по-видимому, зависит в какой-то мере от его местообитания. Так, соседям Ясона, охотившнмся в более холмистой местности с высокой травой, было легче ловить птиц, змей и даже грызунов, чем Ясону и Яшме, чьи охотничьи угодья располагались преимущественно на равнинах с низкой травой. В участки некоторых шакалов входили берега речки Мунге, и в сезон созревания фигового дерева они лакомились падалицей. Насколько я знаю, подобного деликатеса Ясону с семейством пробовать не доводилось — фрукты на его охотничьей территории почти не попадались, хотя шакалы с жадностью едят самые разнообразные плоды, если только сумеют до них добраться. Правда, в иные сезоны во владениях Ясона появлялось множество грибов, в то время как его соседи на холмах с высокой травой были лишены этого лакомства. Семейство Ясона питалось несколькими видами грибов. Однажды Руфус на моих глазах слопал такой гриб, который шакалы обычно не трогают. Что тут началось! Минут через десять он словно взбесился: стал носиться кругамн, потом бросился в лобовую атаку на газель Томсона, затем — на самца гну! И оба животных поспешили убраться подобру-поздорову — должно быть, они были ошарашены не

меньше меня. Может быть, гриб вызывал галлюцинации, и Руфус оказался под влиянием наркотика? Этот вопрос так и остался без ответа — мне больше ни разу не попадались такие грибы и определить их вид так и не удалось.

Тем не менее шакалы, очевидно, вполне благополучно существуют на хорошо сбалансированной диете — мясо, насекомые и немного фруктов. Мы еще не знаем, как формируется у молодых шакалов предпочтение, оказываемое определенным видам корма, и зависит ли оно от того, какую пищу приносят им родители. Меня нередко спрашивают, учатся ли маленькие шакалы охотиться, глядя на своих родителей. В отношении некоторых видов добычи этого утверждать нельзя. Руфус и его однопометники делали попытки охотиться за насекомыми, копаясь в траве и щелкая зубами, когда им не было еще и трех недель. Возможно, они реагировали на движения насекомых. В этом возрасте все охотничьи приемы щенят были просто игрой, настолько они были неловки,— мы почти не видели, чтобы малыши ели насекомых. И только позже, когда мать перестала кормить их молоком, они всерьез принялись ловить насекомых.

Яшма стала отучать щенят от молока, как только им исполнилось два месяца. Временами она позволяла им сосать, как раньше, а иногда вдруг отдергивала соски. Если малыши продолжали к ней лезть, она убегала, порой спотыкаясь о собственных детей. Время от времени щенки настойчиво пытались добраться до материнских сосков, и в наказание им доставался несильный укус в нос, но чаще Яшма принималась вылизывать неслуха — эта уловка нередко применяется шимпанзе и другими обезьянами и обычно отвлекает малышей от вожделенного молока.

Как только их отучили от молока, щенята сразу же стали гораздо более самостоятельными. Обычно под предводительством Руфуса они отходили от норы метров на двадцать, а то и дальше, охотясь за насекомыми или просто обследуя окрестности. Один раз Слиток наткнулся на лягушку. Он прыгнул на нее, но не успел приземлиться, как она скакнула вперед. Слиток прыгнул снова, и я расхохотался, глядя, как эти совсем непохожие друг на друга существа прыгают друг за другом. А когда лягушка наконец нырнула в лужу, Слиток застыл как вкопанный, и я увидел, что он уставился на свое отражение в луже. С превеликой осторожностью он потянулся носом к носу своего двойника, но, коснувшись воды, отскочил, чихая и тряся головой. Минуту спустя он снова ткнулся носом в лужу и опять отскочил. Когда он подбирался к воде в третий раз, к нему подошел Руфус, и оба несколько секунд созерцали свое двойное отражение. Потом Руфус решил потрогать лужу лапой и сбил так долго волновавшее щенков отражение.

Период прекращения молочного кормления совпал с первыми проявлениями агрессивности у щенков. Иногда, разыгравшись, Эмба кусалась так сильно, что Снида взвизгивала. А Руфус, свалив кого-нибудь из щенят, стоял над поверженным, как маленькая копия разъяренного взрослого шакала,— шерсть на шее и холке взъе-

рошена, а хвост вытянут назад как палка. Щенята научились рычать и огрызаться — новые выражения в щенячьем лексиконе!

Руфус первый ввел в игры прием «удар задом». Этот прием наблюдается у взрослых шакалов во время драк, особенно тогда, когда им надо отогнать грифов или орлов от добычи. Нападающий стоит лицом к лицу с врагом и вдруг, перевернувшись на 180 градусов, изо всех сил наподдает задней частью тела по противнику, а часто еще и подпрыгивает вверх, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами. Этот прием особенно хорош для расталкивания грифов — он не только наводит на них страх, но и защищает глаза шакала от когтей и клюва врага. С течением времени все щенята научились применять в играх «удар задом», но при этом они боролись и кусались не всерьез, и только Руфус всегда старался взять верх, пользуясь малейшим предлогом, чтобы превратить игру в настоящую драку. Как и следовало ожидать, чаще всего все шишки валились на Синду, потому что она первая начинала праздновать труса: припадала к земле и старалась спрятаться даже в тех случаях, когда другой щенок на ее месте просто вступил бы в игру. Синда все больше и больше отходила, держалась особняком или лежала в стороне, пока ее братья и сестренка резвились.

Вполне возможно, что именно в этих детских играх шакалы, как и многие другие животные, стремятся выявить те общественные позиции, которые им предстоит занять в дальнейшей жизни, по крайней мере во взаимоотношениях друг с другом. И действительно, было похоже на то, что начиная с двухмесячного возраста каждый из них, за исключением Синды, пытался верховодить. Слиток и Эмба во всем были равны, хотя в конце концов Слиток все же одерживал верх над сестрой. Но было очевидно, что над всеми будет царить Руфус — самый сильный, самый агрессивный.

Однажды — щенятам было в то время около десяти недель — старик Ясон прибежал к логову, таща в зубах заднюю часть новорожденной газели Томсона. Мы в первый раз видели, как щенята получают полноценный кусок мяса, с кожей и костями. Не успел Ясон выпустить добычу из пасти, как Руфус уже заявил на нее права: с яростным рычанием он обернулся к прибежавшим Слитку и Эмбе, норовя цапнуть их за нос, так что они отступили. Это напомнило мне, как преображался мой ручной большеухий лисенок, когда я давал ему мышь или другое мелкое животное целиком, в шкурке. В мгновение ока он превращался в разъяренного дикого зверя, и прикоснуться к нему в такой момент решился бы разве что сумасшедший. С Руфусом происходило то же самое. Эмба быстро прекратила всякие попытки добраться до еды, но Слиток все вертелся вокруг и каждый раз, когда Руфус бросался на него, в свою очередь щелкая зубами на Эмбу, изливая на нее враждебность, которую не смел проявить по отношению к брату.

Синда держалась от них подальше и потому раньше всех заметила, как примерно через час вернулась Яшма с головой газеленка в зубах. Впервые в жизни маленький заморыш пировал без помех.

Снnда все еще наслаждалась едой, когда Руфус спустя еще час отошел с набнтым брюхом от остатков грандиозной трапезы. Только кости, несколько клочков шкуры да два маленьких копытца — вот и все, что он оставил Слитку н Эмбе. Внезапно Руфус застыл как изваяние, уставившись на Синду. Потом вперевалочку заспешил к ней и, когда она отшатнулась, поспешно уступая ему свой кусок, подхватил его и поволок прочь. Оттащнв добычу метров на тридцать от логова, он закопал ее в куче зебрового навоза. Потом с самодовольным видом праведника шлепнулся рядом и уснул. Я не могу удержаться от смеха, наблюдая эту «собаку на сене», тем более что Синда успела спокойно и с удовольствнем поесть, пока ей никто не мешал.

И в других отношениях щенята тоже взрослели. Когда Ясон или Яшма отправлялись на охоту, щенки отбегали от норы следом за ними сначала всего на двадцать метров, а потом с каждой неделей все дальше и дальше. Мы заметили также, что щенята стали чаще спать на земле, чем в темной норе. Однажды Слиток так крепко уснул в высокой траве, что не заметил, как его укрытие стал поглощать молодой гну. С минуту ничего не происходило, но когда нам уже казалось, что теленок вот-вот примется щипать соломенно-желтый мех Слитка, тот внезапно поднял голову. Гну на секунду окаменел с раскрытым ртом и выпученными глазами, а потом оба кинулись в разные стороны. И в этот раз, как и много раз впоследствии, меня поразило полное отсутствие настороженности у спящих молодых шакалов — уверен, что именно из-за этого многие из них погибают.

Когда щенкам было около десяти недель, над семейством Ясона разразилась беда. Ясон лежал свернувшись около норы, а щенята бродили вокруг, охотясь за насекомыми. День был пасмурный, солнца, которое выдало бы опасность, отбросив тень, не было, н никто из нас не заметил черного силуэта на сером небе, пока орел не сложил крылья, входя в пике: мы услышалн свист ветра, когда он несся к земле. Шакалы на миг окаменели, но раздался ужасный вопль Синды, бившейся в когтях орла-скомороха, и все бросились бежать — щенята к норе, Ясон к орлу.

Орел-скоморох медленно поднялся с вопящей Синдой в когтях, а Ясон бежал, подняв морду, не в силах помочь. Эта птнца — не из крупных, и ей было трудно подниматься со сравнительно тяжелой добычей. Внезапно орел разжал когтн, и Снnда полетела вниз. Я был в полной уверенности, что она погнбнет если не от ран, то от удара о землю — она падала с шестиметровой высоты.

Ясон мгновенно подбежал к тому месту, где упала Синда,— это был островок высокой травы. Когда он немного успокоился, я подъехал ближе, но Синды не было видно. Весь остаток дня я наблюдал за остальным семейством в каком-то отупении. Щенята почти все время лежали у входа в нору и два раза спасались в ней, когда над головой пролетали птицы. Ясон ушел на охоту, и вот наконец солнце закатилось. Ночью, пытаясь уснуть, я слышал свист ветра в сложен-

ных орлиных крыльях и душераздирающий крик Синды; я видел маленькое золотистое тельце, низвергающееся с неба.

На следующий день жизнь шла своим чередом, как будто ничего не случилось. Яшма спала на траве, Руфус охотился за насекомыми, Слиток играл с камнем: опрокинувшись на спину, он придерживал камень передними лапами, а задними царапал, как кошка, играющая с клубком шерсти. Ясона поблизости не было, и я подумал, что он на охоте.

Прошло уже два часа, как я подъехал к норе, и вдруг из норы медленно вышло маленькое существо. Это была Синда. Движения у нее были скованные, и, рассмотрев ее в бинокль, я увидел, что под подбородком у нее большая рана. Других видимых повреждений я не нашел. Моргая от яркого солнечного света, она улеглась у входа в нору. Немного спустя Эмба стала ее вылизывать.

Рана Синды страшно воспалилась, и с неделю она еле таскала ноги. Яшма и Эмба часто лизали ее, и Синда постепенно поправлялась, а недели через три была совсем здорова.

Собственно говоря, Синде удивительно повезло. Несколько недель спустя я видел, как щенка одного из соседних шакалов схватил воинственный орел — гигантская хищная птица, которая часто уносит маленьких газелей, обезьян и других животных. Этому щенку спастись не удалось. В тот же год, позднее, один из студентов видел, как другой воинственный орел пытался унести почти взрослого чепрачного шакала. Но когда он поднялся уже довольно высоко, на него напал большой гриф (возможно, ушастый) и силой принудил его снизиться. Несколько минут орел старался отбиться от грифа, волоча по земле кричащую жертву, но в конце концов бросил ее, и шакалу удалось уползти. Хищные птицы, вероятно, представляют одну из главных опасностей для молодых шакалов: мы с Джейн нашли остатки трех шакалов у дерева, на котором было гнездо какого-то крупного орла или грифа. На шакалов часто охотится и другой хищник — леопард.

После того как я видел смертоносную атаку орла, я всегда с затаенной тревогой смотрел, как щенята Ясона играют или охотятся вдали от норы. Особенно я беспокоился, когда семейство совершало свои периодические «переезды» из одной норы в другую, а таких переездов к тому времени, когда щенятам исполнилось двенадцать недель, насчитывалось уже пять. Самое длинное расстояние между первыми четырьмя норами было семьсот метров, а вот пятая нора находилась в километре от четвертой. Последний переход — единственный, который нам удалось увидеть, потому что дело было днем. В это утро, вскоре после моего приезда к норе, Ясон и Яшма, лежавшие неподалеку, вскочили и быстрой рысью куда-то побежали. Трое щенят бросили охоту за насекомыми и пустились следом, только Синда осталась сидеть у входа в нору. Должно быть, у родителей есть какой-то сигнал, по которому щенята или остаются, или бегут следом,— иначе трудно объяснить, почему они незамедлительно последовали за взрослыми, хотя обычно возвращались, пробежав каких-нибудь двадцать метров. Как бы то ни было, они бе-

жали за Ясоном и Яшмой, пока заросли не скрыли их от меня. Я поехал за ними, оставив Синду — крохотную фигурку на фоне зеленой травы, покрытой росой.

Старшие шакалы бежали не оглядываясь. Время от времени щенки поодиночке или вместе вырывались вперед, а иногда отставали, занятые обследованием местности, но в общем семейство бежало одной группой. Примерно в полукилометре от норы маленькая стая скрылась в зарослях травы, а когда они выбежали оттуда, я увидел, что с ними нет Эмбы. Я немного подождал, но она не показывалась, и я последовал за остальными — никто из них даже не оглянулся, не замедлил бега.

Почему Эмба отстала? Может быть, она испугалась незнакомой местности? До дома-то она сумеет добраться — свежий запах на росистой траве держится хорошо. Но меня тревожила мысль об опасностях, которые угрожают ей на пути: сможет ли она спастись, если встретит гиену или если на нее налетит хищная птица? Едва ли... Правда, везде были норы, куда она могла бы спрятаться, но что подстерегает ее в их непроглядной тьме? Мне очень хотелось разыскать Эмбу, но я боялся еще больше перепугать ее своим приближением — одна, вдали от родной норы, она в панике могла совсем заплутаться. И я поехал дальше, мысленно скрестив пальцы*.

Пробежав еще с полкилометра, Ясон и Яшма улеглись, а Руфус и Слиток принялись с любопытством исследовать новое место. Они очень быстро отыскали нору, к которой их привели родители. У входа громоздилась свежевырытая земля: вероятно, Яшма этой ночью приводила в порядок новое жилище для своего семейства.

Немного погодя Яшма, а затем и Ясон отправились на охоту. Руфус и Слиток совершенно освоились на новом месте; тогда я оставил их и вернулся к четвертой норе. Там, свернувшись клубочком, на самом солнцепеке у входа в нору спали Синда и Эмба.

Ясону и Яшме ничего не оставалось, как присматривать за щенками в обоих норах, но иа четвертый день я нашел все семейство возле нового логова.

Наблюдение за шакальей семейкой — это занятие, которое требовало всего нашего времени без остатка, и, если случалось пропустить хотя бы один день, кажется, что именно в этот день, без нас, произойдет что-то необычайно важное. Так что только неутомимое содействие студентов, особенно американца Бена Грея, дольше всех помогавшего мне в работе, позволило узнать кое-что о жизни других шакалов. Получилось так, что одному из нас иногда удавалось по нескольку дней, а то и недель наблюдать за шакалами, живущими по соседству,— кстати, я понял, как мне повезло, что главным объектом наблюдения я выбрал Ясона и его семейство. Ни в какой другой семье не оказалось столько щенят, оставшихся в живых в первые месяцы после рождения. У соседа Ясона поначалу было трое щенят; одного унес орел, а другой куда-то пропал, так что подрас-

* Указательный и средний пальцы скрещивают якобы «против беды».—Прим. перев.

тал один-единственный щенок. В другой семье, состоящей из двух взрослых и шестерых щенят, двое малышей пропали, а третий увязался за отцом в трехкилометровый охотничий поход, и тот бросил его на берегу Менге. В сумерках отец вернулся к месту, где восемью часами раньше оставил малыша, но его там уже не было, и мне он больше не попадался. В третьем семействе один из двух щенков исчез ночью; неподалеку от их логова мы обнаружили следы пиршества гиен, да и шакалы в эту ночь выли почти непрерывно, так что щенка, по-видимому, убили гиены. Сильнейший ливень, затопивший почти все дно кратера, должно быть, погубил и двух маленьких шакалят четвертого семейства: когда мы сумели добраться до их норы, там оставалось всего два щенка из четырех.

Потоп разразился после того, как необычайно сильные дожди нынешнего года достигли максимума. От потопа пострадали и мы. Это случилось ночью. Вечер был чудесный, небо сверкало звездами, ни тучки, ни отдаленного рокота грома, который предупредил бы нас о надвигающемся бедствии. Первым узнал о потопе я — обошел палатку и оказался по колено в воде. Я поднял тревогу, и когда наши студенты Паркер и Грей и двое африканцев вынесли лампы из столовой и кухни, расположенных несколько выше, глазам предстало печальное зрелище. Вода обступила со всех сторон хижину, тоже находившуюся на небольшом возвышении, и уже заливала три маленькие палатки, стоявшие ближе всего к реке. Мы бросились спасать постели и одежду. Яркий луч фонаря выхватил из темноты пару мужских кальсон. Раздался страдальческий вопль — кто-то наступил босиком на ядовито-жгучую африканскую крапиву и, согнувшись от боли, вывалил в воду всю постель. Заплакал Лакомка — как тут не проснуться, когда в хижину летят пропитанные водой вещи, охапка за охапкой! Голос американца в ужасе возопил: «Господи, помилуй!» — и секунду спустя: «Фу, да это просто лягушка!»

Вода продолжала подниматься, нужно было во что бы то ни стало спасти палатки. С двумя первыми мы справились почти без труда, а вот третья, с таким же вшитым наглухо полом, как и остальные, стояла еще ниже. Войдя в нее, чтобы выдернуть складной металлический шест, я очутился по пояс в воде. Вдруг послышался звук рвущейся материи — это шест пропорол брезент,— и палатка свалилась мне на голову; я почувствовал, что все сооружение вместе со мной куда-то поплыло в кромешной тьме. На минуту стало страшно — тяжелый брезент топил меня, прижимая к воде,— но Джейн, Паркер, Грей и оба африканца овладели положением, и мы даже ухитрились спасти палатку, хотя и порастеряли шесты и колышки.

Только в полночь, промокшие до нитки и предельно вымотанные, мы сели за стол выпить горячего кофе. Журчание потока, сбегавшего маленькими водопадами и ворчавшего среди корней, сменилось звуком, напоминавшим свист утреннего ветерка,— это вода текла сквозь высокую траву.

После неистовых ливней потоп пошел на убыль, и нам больше не

приходнлось выволакнвать машины нз бесчнсленных ям и возвращаться домой по ушн в грязи. Щенкам Ясоиа уже было почтн четыре месяца, и они все меньше времеии проводили в норе. Впрочем, завидев гиену, они обычио спешилн к норе, но часто остаиавливались у входа и, обериувшись, смотрели, как родители отгоняют непрошеную гостью. Казалось, им нравилось смотреть, как гиена выделывает пируэты, увертываясь от острых зубов, с безошибочной меткостью хватающих ее за ноги н круп.

Одиажды, когда Ясои н Яшма были на охоте, к логову стала неуклюже подкрадываться старая гиена. Я ее узнал — это была Миссис Браун, одна из гиеи, которых мы к тому времени стали изучать. Руфус, Слиток и Эмба, свернувшись, лежали рядышком, а Снида, как всегда, в сторонке. Медленно, приниюхнваясь к следам, Мнссис Брауи подходила все блнже. Вот она остановилась н замерла, открыв пасть от жары и глядя в сторону щеият; слюна тянулась длинной нитью у нее нзо рта и стекала на землю. Как раз, когда мне показалось, что она вот-вот увидит или учует спящих шакалов, ушки у Сниды зашевелились. Не подозревая об опасности, она села, изловила допекавшее ее иасекомое, а потом снова легла н закрыла глаза. Миссис Брауи подкралась ближе. Снида еще раз щелкнула зубами, поймала насекомое н стала спокойно засыпать. Вдруг раздался вой — это взвыл Руфус, когда гиена бросилась вперед и ее челюсти чуть ие сомкнулись на тонеиьком тельце Снньды. Тревога была поднята своевременно, и Снида, метнувшись в сторону, золотым шариком покатилась по траве. Миссис Брауи проковыляла за ней метра три, но быстро отказалась от погонн — Снида теперь бегала не хуже родителей.

Несколько дией спустя мы снова виделн гнен, подбиравшнхся к шакальей иоре, ио на этот раз малеиькне хозяева их заметили н не стали убегать, а подошли к гостям иа несколько метров, задрали носы к иебу н испустили тревожный вой — сигнал опасиости. Я с интересом иаблюдал, как Яшма, которая охотилась нли отдыхала неподалеку, со всех иог прнмчалась на этот зов, ио остановнлась, не добежав, окинула взглядом всю сцену, повернулась и ушла. Должно быть, оценив ситуацию, она поняла, что дети смогут сами постоять за себя.

В последние недели, проведенные в кратере, мы заметилн, что щенки, которые стали ростом почти со взрослого шакала, гораздо меньше возились друг с другом, а если и принимались играть, то раззадоривались, и игра нередко кончалась дракой. Если потасовку начинали двое, иа побежденного в конце концов налеталн н остальные — нора в таких случаях по-прежнему служила хорошим убежищем для жертвы. А ею чаще всего, разумеется, оказывалась Снида. Большей частью мы заставали щеият, когда они охотились метрах в пятидесяти друг от друга или отдыхали, тоже отдельно. Хотя Ясои н Яшма еще подкармливали щенят, они проводили возле норы все меньше времеии, и я понял, что семейство, которое казалось нам так крепко спаянным, начало малу-помалу распадаться.

Но вот наконец настал день и нашего отъезда — как бы мне ни хотелось продолжить наблюдение за шакалами, времени на это не оставалось, пора было приступать к наблюдениям за гиеновыми собаками. Правда, я собирался еще разок-другой ненадолго возвратиться в кратер на протяжении следующих восемнадцати месяцев, чтобы разузнать, как поживают Ясон и его семейство. Но так случилось, что, живя в лагере на озере Лгарья, мы узнали много нового и о шакалах, и теперь можем сравнить некоторые отличительные особенности поведения шакалов, обитающих в открытых равнинах и в кратере Нгоронгоро.

Первое различие — размеры охотничьих угодий. В кратере самый большой охотничий участок (из тех, которые я знал) занимал примерно пять квадратных километров, а более половины всех шакалов, и Ясон в том числе, охотились на вдвое меньшем пространстве. На равнинах с низкой травой в Серенгети большинство шакалов охотились на территориях от десяти до двадцати квадратных километров. Причина вполне понятна. В сухой сезон равнины, на которых не найдешь ни капли воды, превращаются в самую негостеприимную местность, и живущим там шакалам, чтобы обеспечить себя пищей, приходится охотиться на большей площади. Я однажды видел, как шакал в разгар сухого сезона пробежал километра·полтора, временами останавливаясь и что-то раскапывая, — и хоть бы какая-нибудь мелочь попалась!

И все же шакалы, которых я там встречал, выглядели вполне здоровыми даже в самые тяжелые периоды. Разбирая их экскременты, мы выяснили, что они поедали множество насекомых, особенно жуков-навозников и их личинки, ящериц, грызунов и изредка змей. В отдельные периоды их экскременты почти целиком состояли из остатков разных плодов. По мере того как я все лучше узнавал обыкновенных шакалов, росла уверенность в том, что они могут подолгу обходиться без воды, но, поскольку я не наблюдал за ними достаточно пристально, не могу категорически утверждать, что они ни разу не навестили какой-нибудь дальний водопой.

На равнинах с низкой травой гораздо чаще, чем в кратере, можно было встретить четыре, пять, а то и шесть шакалов возле добычи. То, что большую часть года пищи не хватает, видимо, заставляет равнинных шакалов, почуявших запах добычи, чаще и настойчивее нарушать границы чужих владений, чем на изобилующей пищей равнине кратера Нгоронгоро. Один раз, подъехав к мертвой зебре, мы с Джейн были поражены числом сбежавшихся к ней шакалов — их было четырнадцать. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что взрослых среди них только шесть, а остальные чуть поменьше и более легкого сложения; очевидно, это были щенята с родителями. Интересно отметить, что в такой толпе шакалов в каждый данный момент кормилось не более шести-семи, а среди них, как правило, было не больше трех вполне взрослых шакалов. Между взрослыми самцами то и дело вспыхивали яростные стычки.

Как я уже говорил, у озера Лгарья нам не пришлось подробно

изучать обыкновенных шакалов, но все же я близко познакомился с несколькими парами, которые, как и шакалы в кратере Нгоронгоро, на протяжении года ни разу никуда не уходили из своего района. Я пока не выяснил, какова судьба их взрослых детенышей, после того как они в конце концов расстаются с родителями, и не знаю, отправляются ли они за мигрирующими стадами гну, зебр и газелей.

Но нам удалось узнать кое-что о повадках чепрачных шакалов. Когда мигрирующие стада скапливались возле нашего лагеря у озера Лгарья, везде, куда бы мы ни поехали, мы встречали чепрачных шакалов группами по шесть и более особей. Но когда мигрирующие стада тронулись дальше, большинство этих шакалов двинулось за ними следом, а возле озера осталось лишь несколько оседлых пар, которые охотились в прибрежных зарослях.

Ясно было, что какая-то часть чепрачных шакалов на несколько месяцев переходила к бродячему образу жизни, сопровождая мигрирующие стада по крайней мере на небольшом отрезке их ежегодного маршрута. Как правило, этими кочевниками оказывались одинокие взрослые шакалы или молодые особи обоего пола. Возможно, здесь имеет место то же, что и среди львов: чепрачные шакалы, у которых уже есть свои владения, никогда их не покидают, а те, кто слишком молод или слаб, чтобы отвоевать себе собственную территорию, странствуют за мигрирующими стадами.

Нас с Джейн особенно заинтересовали некоторые черты группового поведения у этих кочевников. Надо полагать, что на своем пути такой шакал время от времени встречает бродячих сородичей — с одними он никогда не сталкивался прежде, с другими у него было, так сказать, шапочное знакомство. Вдобавок он еще вынужден то и дело проходить через охотничьи угодья оседлых чепрачных шакалов. Постарается ли он избежать встреч с себе подобными, и если он поневоле столкнется с ними возле добычи, то насколько серьезные драки возникнут при попытке каждого установить свое иерархическое положение?

Наблюдения за чепрачными шакалами только раздразнили наш аппетит — до чего же это интересные животные! Я отлично помню, как мы с Джейн впервые встретили двух бродячих шакалов. Довольно бледно окрашенный серебристо-серый самец, за которым мы следили, вдруг поднялся и сел, прижав уши и широко разинув пасть. Оглянувшись, мы увидели, что к нему бодрой рысью приближается другой самец, с гораздо более ярким мехом — хвост вытянут горизонтально, уши насторожены. Вся осанка и поведение выдавали зверя, который привык побеждать. Не исключено, что наш шакал уже встречался с ним, а если нет, то достаточно было этой самоуверенной манеры, чтобы убедить его в превосходстве противника. Когда явно доминирующий самец подбежал, подчиненный высоко поднял переднюю лапу и легонько тронул его за плечо, словно отстраняя. На мгновение пришелец застыл на месте, а потом, молниеносно развернувшись, ударил противника крупом.

Два раза, одни за другим, он повторил «удар задом», а напоследок еще и лягнул припавшего к земле задней лапой в плечо.

Затем он побежал рысцой и скрылся в кустах неподалеку, но через несколько секунд вернулся с комочком сухого навоза в зубах. Этот комочек он положил на землю перед поверженым самцом. Мы сразу вспомнили о ритуальных подиошениях, встречающихся у некоторых птиц и пауков при ухаживании, и происходящее, по правде сказать, заинтриговало нас. Немного спустя — лежавший шакал так и не посмел принять дар — доминирующий шакал снова взял комочек в зубы и подбросил высоко в воздух. Когда тот упал, шакал подскочил и отпасовал его носом в сторону. Потом опять подбросил игрушку и на этот раз поймал ее на лету. Наконец подчиненный шакал вскочил на ноги, и мы с полчаса смотрели, как они играют: носятся в кустах, вырывают друг у друга ветку, прыгают один на другого с упавшего дерева. Подношение навоза оказалось приглашением поиграть.

В последующие дни мы видели, как эти два шакала встречались снова: почти всегда их приветствия начинались с «удара задом», а потом переходили в игру. Мы часто наблюдали встречи двух групп чепрачных шакалов, и почти всегда после разнообразных «приветствий», которыми обменивались шакалы, они весело играли все вместе.

Обряд приветствия, сопровождающийся неопасной формой агрессивности, легко понять и объяснить: несомнеино, он позволяет двум иезнакомым шакалам определить, кто из них сильнее или смелее, для этого достаточно вместо кровопролития «пустить пыль в глаза». А если им уже приходилось встречаться, приветствие напомнит подчиненному его место. И в любом случае этот обряд уменьшает риск настоящей драки, в которой один или оба противника могли бы серьезно пострадать.

Но нас гораздо больше озадачивали слишком частые и энергичные игры чепрачных шакалов. Раньше нам довольно редко случалось видеть, как играют шакалы — иногда родители (и у чепрачных, и у обыкновенных шакалов) возились с щенками, несколько чаще молодые шакалы затевали довольно буйные игры. А игры, которые мы наблюдали у странствующих чепрачных шакалов, включали подчас до шести участников и продолжались до получаса. Вдруг ни с того, ни с сего обычно не очень расположенные к играм взрослые звери начинали резвиться, как маленькие щенята. Почему? Может быть, окружавшее изобилие пищи возвращало их к беззаботной поре детства? Возможно, и так. Но только отчасти. Скорее всего игры, которые начинались после обряда приветствия, помогали закрепить у каждого шакала сознание собственного общественного положения в группе незнакомых или почти незнакомых сородичей. И чем лучше он это запомнит, тем легче ему будет потом, когда он повстречает товарищей по игре у добычи: тогда уж он постарается не перечить тем, кто сильнее, и, таким образом, у него будет намного меньше шансов получить взбучку.

В кратере Нгоронгоро мы никогда не видели у чепрачных ша-

калов массовых игр и очень редко наблюдали обряд приветствия с использованием приема «удар задом». В кратере, как и на равнине, у добычи собирались пятнадцать и больше шакалов, но, насколько нам известно, эти взрослые шакалы никогда не бродяжничали и, очевидно, были хорошо знакомы. Каждый прекрасно знал свое положение среди других, и потому не возникало необходимости ни в обряде приветствия, ни в играх.

Мне кажется, что одно из самых интересных наблюдений за обыкновенными шакалами на открытых равнинах — это их охотничьи приемы, которые нам впервые удалось увидеть после того, как мигрирующие стада гну и зебр покинули окрестности и на смену им пришли газели Гранта и Томсона. Я колесил по равнине, когда внезапно мое внимание привлекла группа животных, мчавшихся по степи. Они были примерно в километре от меня. Причудливое знойное марево превратило эту четверку в привидения, плывущие сквозь мираж, но я был уверен, что бинокль меня не обманывает и я вижу трех шакалов, преследующих взрослую газель Томсона. Кажется, газель обернулась и пригрозила рожками шакалу, который ее нагонял. Через несколько секунд она опять обернулась и бросилась навстречу ближайшему шакалу, но тот отскочил в сторону. Вот с ними поравнялись остальные трое, и на мгновение мне показалось, что все как сквозь землю провалились. Расстояние было слишком велико, да и струящийся жар так все искажал, что я не очень ясно видел, что там произошло. Включив мотор, я еще минуты две выискивал какую-нибудь примету среди этих безбрежных равнин, чтобы с некоторой долей уверенности вывести машину к нужному месту.

Когда я подъехал, все вокруг было совершенно так же, как и в момент нашего отъезда. Повсюду паслись газели, а под вечер некоторые из них разыгрались и гонялись друг за другом кругами. Немного присмотревшись, я решил, что мне померещилось, но все-таки поездил кругом, чтобы окончательно в этом убедиться. Через каких-нибудь двадцать метров словно из-под земли вынырнула измазанная кровью мордочка и снова скрылась. Я поспешно тронулся в ту сторону — и верно: за небольшим холмиком три шакала рвали тушу взрослой самки газели Томсона. Газель слабо дернулась, но это было ее последнее движение.

До сих пор, насколько нам было известно, ни один ученый не мог с уверенностью сказать, что шакалы в состоянии затравить взрослую газель Томсона, хотя этот вопрос часто обсуждался. А тут — шутка ли, увидеть все своими глазами!— я даже прервал на несколько дней наблюдения за гиеновыми собаками, чтобы как можно больше узнать об охотничьих приемах шакалов.

Мы нередко видели, как на такой охоте жертве удается уйти, и в двух случаях подоспели тогда, когда взрослая газель принимала последний бой, но нам никак не удавалось увидеть момент, когда шакалы хватают жертву. Однако, принимая во внимание то, что на морде и на шее жертвы никогда не было ни одной ранки, можно с уверенностью сказать, что шакалы, подобно гиеновым соба-

кам, гиенам и волкам, убивают добычу, выпуская ей внутренности. Я с интересом узнал, что койот, во многом очень похожий на шакала, нападая на больших белохвостых оленей, всегда бросается к горлу.

Вскоре я заметил, что шакалы, охотясь за взрослыми газелями, почти всегда объединяются в группы от трех до семи особей. Но однажды я видел, что шакал отважился на такую охоту в одиночку. Он гнался за самкой газели больше трех километров, а потом оба, и охотник, и дичь, запыхавшись, снизили скорость примерно до резвой рыси. Газель в конце концов замешалась в стадо своих сородичей, а шакал — то ли потеряв намеченную жертву из виду, то ли просто от усталости — прекратил преследование.

В общем обыкновенные шакалы охотились «стаями», как гиеновые собаки или волки. Я далеко не сразу заметил, что эти сравнительно большие группы шакалов в отличие от тех, которые я наблюдал в кратере, состоят не только из взрослых особей; кроме самца и самки, в них обычно входили шакалы, казавшиеся немного меньше — почти наверняка детеныши этой пары. Но только длительное изучение равнинных шакалов покажет, правильно ли это заключение.

Лишь через четыре месяца после того, как мы расстались с семейством Ясона, нам с Джейн удалось ненадолго возвратиться в кратер Нгоронгоро, чтобы посмотреть, как там идут дела. Пока мы спускались с гребня по крутой дороге, дно кратера выглядело высохшим и лишенным жизни, но, как это бывало и раньше, на побуревшей траве паслись более многочисленные, чем мы ожидали, стада гну, зебр и газелей. Во второй половине дня мы подъехали к хижине на реке Мунге и быстро разгрузили машину. На этот раз мы устроились гораздо проще и, прихватив Лакомку, вскоре выехали на поиски шакалов.

Было очень приятно ехать по старому накатанному следу, но местность вокруг была столь же иссушена и бесплодна, как и только что покинутые равнины Серенгети. Перед нами расстилалась полупустыня, где жалкие остатки пересохшей травы вели явно безнадежную войну с пылью: она взлетала вверх, курилась в воздухе при малейшем ветерке и снова опускалась, толстым ковром покрывая все вокруг. Когда мы наконец подъехали к логову, где прежде жили шакалы с щенками, все было заброшено и безжизненно. Пыльная паутина клочьями болталась у входа в пятую нору. Поблизости валялся скелет гну, на его высохших костях кое-где еще держалась сухая шкура. Развевавшаяся на ветру борода как будто хотела отпугнуть от этих мест все живое, чтобы никто не вытаптывал землю, которая в один прекрасный день покроется травой и привлечет сюда сородичей погибшего гну.

На поиски оставалось часа два — не удивительно, что мы не нашли ни Ясона, ни его семейства, но я все-таки огорчился. На следующее утро я выехал один. Подъехав к месту, где родились ког-

да-то щенки Ясона, я с величайшим облегчением увидел, что там бродят четверо взрослых шакалов. Ни один из них и ухом не повел, завидев машину,— ясно, что это кто-то из семейства Ясона. Собственно говоря, самого Ясона я узнал с первого взгляда, а остальная тройка была помоложе. Но не успел я разобраться, кто тут кто, как подбежал пятый шакал и сунул голову в нору.

Я глазам своим не поверил, когда из норы выкатились пятеро щенят, такие же маленькие, как Руфус и компания, когда я увидел их в первый раз. Малыши начали сосать; я понял, что это Яшма с щенками, и немало удивился, что она снова родила всего через шесть месяцев после того, как перестала кормить предыдущий помет.

Постепенно я определил всех шакалов, проверяя себя по крупным фотографиям, которые сделал перед отъездом из кратера: у каждого шакала усы образуют индивидуальный рисунок. Возле норы были трое взрослых детей — Эмба, Синда и Слиток. Слиток превратился в красивого молодого самца, но Руфус, подбежавший к норе в середине дня, совсем его затмил: ни разу в жизни я не видел такого великолепного шакала. Шерсть оттенка темного золота была испещрена красно-бурыми отметинами, а вокруг шеи топорщился пушистый, густой «воротник».

К концу дня у меня сложилось впечатление, что четверо молодых сейчас относятся друг к другу гораздо лучше, чем четыре месяца назад, когда мы расставались. Руфус не проявлял ни малейшей агрессивности к своим однопометникам — должно быть, он настолько прочно занял подобающее ему место, что уже ни к чему было нагонять на других страх. Синда тоже переменилась — она избавилась от прежней робости и бесстрашно ввязалась в довольно оживленную игру, которую затеяли остальные.

А вот Эмба почти не отходила от новых щенят — казалось, она в них души не чает. Когда они играли у норы, она неустанно наводила на них красоту, и я видел, как она подняла одного из них, ухватив зубами за шкурку, а потом опустила обратно в траву и крепко прижала к земле, положив ему на спину обе передние лапы, а сама тем временем все теребила зубами его короткую шерстку. В другой раз Эмба, заметив, что один щенок никак не может «оправиться»— наверное, у него был легкий запор, — подбежала к нему, ухватила зубами твердый шарик, вытащила его и бросила на землю, а щенок с видимым облегчением заковылял обратно к норе.

Меня очень позабавило, как Слиток стал подбираться к своим крохотным родственникам, тряся головой и приглашая их поиграть. Но щенята были еще слишком малы, совсем на это не реагировали, и Слиток, кажется, никак не мог решить, играть ему с ними или погодить. В конце концов он улегся поблизости и стал созерцать малышей, насторожив уши и склонив голову набок.

А когда я приехал на следующее утро, меня поджидало потрясающее зрелище: метрах в пятнадцати от вчерашней норы я увидел небольшую процессию — Ясон, Яшма и Эмба, а с ними четве-

ро малюсеньких ковыляющих щенят! Они решительно направлялись к новой норе, до которой оставалось еще добрых десять метров. Я даже представить себе не мог, чтобы такие крохотные щенки могли передвигаться самостоятельно — они еще так плохо держались на лапках, то и дело теряли равновесие, наткнувшись на какую-нибудь сухую былинку. Два раза, когда я подводил машину слишком близко, Яшма захватывала пастью шею щенка, словно собираясь нести, но, когда я останавливал машину, она успокаивалась и предоставляла ему ковылять вперевалочку на собственных ногах. Все достигли норы без потерь и приключений, и щенята, путаясь в своих и чужих лапах, забрались в новый дом. Через час, когда они снова вылезли наружу, я опять насчитал только четырех. Может быть, пятый щенок остался в старой норе и его будут переселять немного позже? Но я так и не увидел его, хотя с моей стоянки у новой норы старая была прекрасно видна. Ни Ясон, ни Яшма тоже не подходили к той норе.

На следующий день возле норы ползали только трое маленьких щенят, и я почувствовал, что дело неладно. А когда поутру я увидел, что у входа в нору сидят двое малышей, я встревожился не на шутку. Мне даже показалось, что они какие-то вялые. Я был подавлен и расстроен, хотя все еще надеялся — не веря самому себе, что остальные трое должны быть в старой норе.

Наутро я подъехал к норе, когда солнце как раз выглянуло из-за гребня, ограждающего кратер. Золотисто-оранжевое сияние высветило предрассветный туман, расстилавшийся низко-низко над землей,— ночью прошел дождь. Неподалеку смутные силуэты газелей Томсона наклонились к мокрым стебелькам засохшей травы. Возле норы были все — Ясон, Яшма и четверо старших детей. Эмба обнюхивала вход в нору, Синда что-то грызла, забравшись в высокую траву. Остальные спокойно лежали вокруг. Эмба сунула голову в нору, и я услышал, как она поскуливает, вызывая щенят. Подняв голову, она стояла, глядя в глубину норы, но ни один щенок не вылез оттуда на расползающихся лапках. Эмба перешла к другой норе, рядом, и я снова услышал ее зов. Тогда позвала и Яшма, но ответа не было.

Внезапно Эмба, еще несколько раз негромко, жалобно позвав, подняла морду к небу и залилась воем. Остальные шакалы тоже подняли головы и стали один за другим подвывать ей. Слушая их, я вдруг понял, что больше никогда не увижу малышей. Для меня этот похоронный вой звучал, как последний призыв.

Когда все затихло, Синда сунула морду в траву и вытащила то, что ела,— маленькое мертвое тельце щенка. Она отнесла его в сторону и зарыла. Неужели она была убийцей в собственной семье? И это она убила своих маленьких сестер и братьев одного за другим? Вполне вероятно — многие хищники порой убивают и съедают животных своего вида. Но гораздо чаще такой каннибализм имеет место уже *после* того, как животное рассталось с жизнью. Шакалы подвержены многим болезням; вероятнее всего, щенки погибли естественной смертью. Я вспомнил, какими апатичными по-

казались мне накануне два щенка и как часто все четверо спотыкались о сухие травинки, ковыляя к новой норе, — возможно, это был признак слабости.

Другой довод в защиту Синды — это то, что старшие детеныши шакалов, особенно самки, очень часто остаются с родителями и помогают им воспитывать следующий помет. Эти «няньки» отгоняют от норы гиен и других опасных гостей и почти так же часто кормят отрыжкой своих маленьких сородичей, как взрослые шакалы (хотя порой они вместе с малышами выпрашивают мясо у родителей и ухитряются перехватить кусочек). Но сверх этих обязанностей старшие детеныши почти все время резвятся вместе с малышами и подолгу их вылизывают.

После гибели щенят Ясон и его семейство перешли обратно к пятой норе, и я скоро выяснил, что это было место их условленных встреч — охотились они обычно порознь, а отдыхать ложились рядом с этой норой. И у волков тоже есть такие места встреч, где они собираются после того, как волчата выросли и покинули логово.

Вернувшись в кратер еще раз — шесть месяцев спустя — я поехал прямиком к этой норе, надеясь вопреки здравому смыслу найти кого-нибудь из семьи Ясона на прежнем месте. И действительно, у тростников на берегу лужицы свернулся клубочком шакал. Я подъехал поближе, рассмотрел, как у него растут усы, и понял, что это Яшма.

Я ждал возле нее около часа, и все это время она лежала не шевелясь, только слегка подергивала ушами, когда ей докучали мухи. Тут я увидел, что к ней подходит другой шакал. Добравшись до небольшого холмика примерно в шестидесяти метрах от Яшмы, он остановился и осмотрелся. От меня он был совсем близко, и я почти сразу узнал Ясона. Он явно не видел свою подругу — она все еще спала—и вдруг поднял морду и провыл пять раз подряд. Яшма тут же вскочила на ноги и завыла в ответ, а из камышей ей ответили голоса других шакалов. Немного погодя оттуда показались трое взрослых шакалов. Махая хвостами, они бросились к Ясону, все по очереди поздоровались с ним — сначала терлись носами и лизали его в губы, а потом повалились перед ним на бок, раскинув лапы и не переставая молотить хвостом изо всех сил. Ясон облизал каждого из них и потрусил к Яшме. Мне понадобилось несколько минут, чтобы определить молодых шакалов, и вскоре я уже совершенно безошибочно различал Синду, Эмбу и Слитка. В шестнадцать месяцев они стали совсем взрослыми, а Слиток был даже выше своей матери. Но, невзирая на это преимущество, Слиток все еще выказывал почтение к матери. Пока Яшма возвращалась к месту, где лежала, Слиток дважды шлепался у нее под носом, прося, чтобы она за ним поухаживала. Яшма, как видно, была не в настроении и не собиралась никого вылизывать, поэтому обходила его кругом, а на третий раз, когда он сунулся ей под ноги, огрызнулась и тяпнула его за нос, словно маленького. Тогда Слиток удалился с опасливо поджатым хвостом и оставил мать в покое.

Для работы в кратере у меня была всего одна неделя. Ежедневно я находил кого-нибудь из семейства Ясона на месте отдыха или встречал на охоте — каждый охотился самостоятельно, но в пределах участка Ясона. И хотя я еще несколько раз наблюдал, как родители и дети отдыхают вместе, Руфуса с ними я никогда не видел. Не случилось ли с ним чего? Может быть, он навсегда бросил свою семью? Остальные не расставались по-прежнему. Однажды мимо прошла пара чужих шакалов — очень близко от места отдыха. Ясон сразу же заметил их и бросился в ту сторону, оскалив зубы и ощетинившись. Во время драки с самцом подоспели остальные четверо и помогли ему прогнать чужаков за пределы своей территории.

В последний вечер я нашел на месте встречи только Синду. Когда солнце село, она вскочила и побежала рысцой, иногда приостанавливаясь, чтобы изловить насекомое. У границы гнездового участка семьи Ясона она улеглась, свернувшись и закрыв глаза, как будто собиралась соснуть. Через несколько минут она открыла глаза и огляделась. Внезапно она вся напряглась, и, проследив за ее взглядом, я увидел, что с юга к ней подходит другой шакал, самец, и шерсть у него стоит дыбом. Но Синда продолжала лежать, прижав уши и повернув морду в сторону пришельца.

Он приближался потихоньку, а затем стал обходить Синду, сужая и сужая круги. Через несколько секунд его шерсть улеглась, он быстро подошел к ней и обнюхал ее круп. Синда не шевелилась. Тогда чужак отошел, но только на десять метров, и улегся. Последние полчаса перед наступлением темноты я провел около них. Самец то и дело поднимал голову и бросал на Синду быстрые взгляды; она лежала, свернувшись, и притворялась, что спит. А когда он не смотрел на нее, украдкой подглядывала.

Ужасно обидно было уезжать на следующий день. Покидая кратер, я проехал по территории Ясона, но не видел ни Синды, ни шакала-самца, а до следующего визита прошло еще шесть месяцев. И сколько я ни обыскивал охотничьи угодья Ясона и прилегающие к ним участки, из всей семьи я встретил одну только Синду. Я находил ее на старом месте для встреч — и каждый раз рядом с ней отдыхал чужой самец. Собственно говоря, только для меня он был чужаком. Я не знал, тот ли это шакал, который начинал ухаживать за Синдой в последний раз, когда я видел ее, но это был красивый и сильный шакал, гораздо крупнее последыша Синды. Стоял ноябрь, и самец ухаживал за Синдой точно так же, как два года назад Ясон ухаживал за ее матерью.

Куда же девалась вся ее семья? Может быть, молодой и сильный супруг Синды напал на Ясона, отвоевывая себе право ухаживать за Синдой в ее родных местах, и прогнал старшего самца из его охотничьих угодий? Остальные молодые шакалы, возможно, тоже обзавелись семьями и теперь отмечали и защищали собственные владения. Я не терял надежды.

Когда я увидел Синду в последний раз, она лежала, свернувшись, в полутора метрах от супруга возле пятой норы — своего

родного дома. Мы с Джейн видели, как успешно завершилось ухаживание — по крайней мере Снда продолжит род Ясона, передав его кровь потомству. Тропическне сумеркн уступали место тьме, и я собирался повернуть машнну и отправнться в лагерь. Внезапно нздалн донесся вой шакала. К иему присоединился второй, третий голос. Когда трно замолкло, соседи подхватили странный, пронзнтельный зов, потом донеслнсь голоса шакалов с юга, еще два голоса — с запада. Наконец и Синда с супругом завылн, сндя бок о бок. И нх дуэт — ио крайней мере для меня — был завершающим.

Как трудно человеку, несмотря на все усилия, разгадать тайны жнвотных, которых он изучает! Быть может, шакалий вой, разносясь во все стороны по просторам равнины, оглашал именно то, чего я так жаждал добиться: «Это я, Яяясон. И Яяяяшма со мноооой»,— вот что мог значить зов с запада. Может быть, с востока откликалнсь Слиток и его половина. Но я-то был всего-навсего человеком, н мне пришлось бы месяц за месяцем проводнть наблюдения, чтобы собрать по кусочкам, как мозанку, ту информацию, которую Снда за эти несколько минут уложнла в своей золотистой головке. Я слегка вздохнул н взял курс на наш лагерь.

Пятнистые гиены

Хохочущие охотники

Кровавая Мэри и Леди Астор, две матроны — предводительницы клана Когтистых скал, бросилнсь бежать во всю прыть по залитой лунным светом равнине, воинственно подняв хвосты над широкими крупами. За ними бежали еще примерно восемнадцать гиен того же клана. А метрах в шестидесяти, там, куда устремилась эта группа, спокойно отдыхали поблизости от границ своей территории две гиены из соседнего Озерного клана. Должно быть, они спали крепким сном, потому что вскочили только тогда, когда Леди Астор и Кровавая Мэри были от них всего в нескольких метрах. Одной гиене удалось удрать — она мчалась так, словно смерть гналась за ней по пятам, а вот второй не повезло. Кровавая Мэри и Леди Астор вцепились в нее, и через несколько мгновений она буквально скрылась под грудой тел — все новые и новые враги прибывали и бросались кусать и рвать несчастную жертву. Ночная тишина наполнилась жутким ревом, надрывными завываниями и рычанием торжествующего клана Когтистых скал и душераздирающими воплями их жертвы.

Но вдруг, откуда ни возьмись, из ночной тьмы возникли десять гиен Озерного клана — держась плечом к плечу, они примчались на поле битвы. Их было немного, но зато они находились на своей территории и готовы были сражаться насмерть. Толпа с Когтистых скал в беспорядке поспешно отступила, бросив израненную жертву. Бойцы Озерного клана преследовали их, но недолго — стоило им

пересечь границу территории клана Когтистых скал и оказаться на чужой земле, как уверенность сразу же покинула их.

Остановились и гиены Когтистых скал. Два враждующих клана, сомкнув свои ряды, повернулись друг к другу. Хвост у каждой гиены стоял торчком, и в ночном воздухе все громче и громче слышалось глухое ворчание и завывание на низких нотах. Тем временем обе армии разрастались — к ним прибывали все новые и новые подкрепления, привлеченные воинственными звуками.

Внезапно я увидела, как неясные тени Кровавой Мэри и Леди Астор метнулись вперед, а за ними устремился и весь клан. Озерные гиены некоторое время удерживали свои позиции — до нас доносились взрывы рычания и пронзительные звуки, похожие то на хохот, то на хихиканье, когда гиены бросались друг на друга. Но вскоре Озерный клан отступил, спасаясь бегством, на собственную территорию. Немного пробежав за ними, гиены Когтистых скал пересекли границу и остановились. И снова два клана стояли лицом к лицу, глухо завывая, пока наконец озерные, доведя себя до неистовства, не бросились в бой. Последовала короткая схватка, и гиены Когтистых скал отступили на свою территорию.

Так продолжалось и дальше: каждый клан вслед за своими предводителями бросался вперед, а потом внезапно поворачивал и уносил ноги от разъяренных противников. С каждой стороны уже собралось по тридцать — сорок гиен, и в лунном свете все звенело от дикой какофонии завываний, тяжелого топота и шарканья лап, повсюду сновали темные угрожающие тени.

Через двадцать минут после первого нападения схватка внезапно прекратилась, и гиены стали уходить все дальше и дальше в глубь своих территорий — порой кто-нибудь оглядывался через плечо, словно проверяя, нет ли новых нарушений границы. Мы с Гуго и раньше были свидетелями территориальных конфликтов между разными кланами гиен, но ни один из них не мог равняться с этим по редкостной, совершенно беспричинной, на наш взгляд, злобности. Ведь если две спящие гиены Озерного клана, из-за которых завязалась драка, и нарушили границу, то они были не больше чем в нескольких метрах от собственной территории. А какой ценой пришлось одной из них расплатиться за эту неосторожность — ведь она почти наверняка была изранена насмерть!

Когда гиены разбежались, мы тоже уехали: Лакомка поджидал нас в хижине, далеко среди равнины кратера. На обратном пути мы проехали мимо нескольких гиен из клана Когтистых скал и заметили, что многие из них хромают, а у двоих с изгрызенных ушей капает кровь. Наш путь лежал через гребень Когтистых скал — это была небольшая возвышенность на плоской равнине, давшая имя клану гиен, который мы изучали. С вершины холма мы увидели мигающий, как огонек светлячка, свет в хижине Мунге. Наш дом.

Гуго и я с двухлетним Лакомкой и нашими африканскими спутниками, Моро и Томасом, в четвертый раз приехали в кратер, чтобы наблюдать за гиенами. Гуго почти весь день разбирался в мате-

риалах наблюдений за шакалами и гиеновыми собаками, сидя в лагере с Лакомкой. А я могла без помех изучать гиен. И только по вечерам, когда Лакомка под присмотром Моро сидел в полной безопасности внутри хижины, мы выезжали вместе. За сына нам бояться не приходилось: окна хижины были загорожены решеткой, занавески задернуты, а крепкая дверь надежно заперта на засов.

Ужинали мы в хижине, и Лакомка, восседавший между мной и Гуго, пытался передать нам с помощью бессвязных слов и фраз, доступных двухлетнему крохе, все происходившее после нашего отъезда. Очень скоро мы улеглись, и листья гигантского фигового дерева шелестели над нами, позади хижины слышалось журчание реки, а в маленькие квадратные окна лился бледный лунный свет.

Каждый раз, как мы возвращаемся в кратер, у меня уходит три-четыре дня на то, чтобы снова без труда различать знакомых гиен клана Когтистых скал. Примерно половину из шестидесяти гиен я знаю отлично, остальных могу узнать, справившись в своем «гиеновом определителе». В этом альбоме помещены снимки каждой гиены, сделанные с двух сторон. При некотором навыке совсем нетрудно узнавать отдельных гиен по расположению пятен на теле — как и отпечатки пальцев у людей, узоры этих пятен строго индивидуальны. Через некоторое время многие гиены становятся вашими хорошими знакомыми, потому что вы начинаете различать свойственную каждой походку, манеру держать голову, особенности «фигуры».

Надо признаться, что, когда я приступила к изучению гиен, они мне не очень нравились, хотя с самого начала меня необычайно заинтересовали их взаимоотношения внутри стаи. В то время я вполне понимала тех — а их подавляющее большинство,— кто не испытывает к гиенам ни малейшей симпатии. Но это было до того, как я узнала Кровавую Мэри и Леди Астор, старушку Миссис Браун, Нельсона и других членов клана Когтистых скал. Каждая гиена — это яркая индивидуальность со своими особенностями, ее не спутаешь ни с кем другим, и я, понаблюдав за гиенами, в скором времени обнаружила, что они мне стали нравиться и даже очень.

Кровавая Мэри была самой главной самкой в клане Когтистых скал, а так как среди гиен царит матриархат, то именно она была предводительницей всего клана. И хотя она крива на левый глаз, это не мешало ей безраздельно властвовать над остальными; когда она бросалась на добычу, поставив торчком короткий хвост и ощетинив гриву, никто не смел встать ей поперек дороги.

Но о Кровавой Мэри нельзя говорить, не упомянув Леди Астор,— эти две гиены неразлучны. Леди Астор близка по положению к Кровавой Мэри, и они настолько похожи, что мне кажется — они родные сестры. Обе очень агрессивны, но Кровавая Мэри — быть может, благодаря своему высокому положению — спокойнее своей подруги и меньше ссорится по пустякам. Каждая из этих матрон обзавелась брюшком, столь же внушительным, как и ее общественное положение, и, несомненно, каждая из них потя-

нет не меньше шестидесяти килограммов. Когда эта пара пускается в путь во главе своего клана — возможно, только затем, чтобы отметить запахом одну из границ своих владений,— это незабываемое зрелище: они выступают шагом или поспешают легким галопом, касаясь друг друга толстыми боками и лихо заломив короткие хвосты над широкими круглыми задами.

С тех пор как я с ними познакомилась, Кровавая Мэри принесла близнецов — Коктейля и Водку, Леди Астор родила дочь — Мисс Гиену. Но ни одна из них не допустила, чтобы возня с малышами помешала их общественной деятельности.

А вот Миссис Браун, совсем наоборот, поглощена уходом за щенками с самого первого дня знакомства, а это было четыре года назад. Как раз тогда она только что потеряла в какой-то битве самый кончик носа, и ярко-красное пятно виднелось издали. Теперь рана уже давно зажила, но ноздри так и глядят наружу. По своему общественному положению Миссис Браун находится где-то посередине, и у нее мирный нрав пожилого существа. Три года назад она перестала кормить одного щенка и тут же произвела на свет другого, Пестрячка. Пока Пестрячок был еще мал, мать, казалось, была способна часами лежать у норы, то и дело подкармливая детеныша молоком и лениво созерцая его оживленную возню. Теперь Пестрячку минуло уже двадцать месяцев, но Миссис Браун по-прежнему нянчит его и кормит молоком и почти все время лежит рядом со своим великовозрастным дитятком.

Как и у Кровавой Мэри, у Миссис Браун есть задушевная подруга — старая самка Бочка. Бочка — такая же хорошая мать, как и Миссис Браун, и часами не отходит от своих щенков Соуса и Пикуля. Бочка отличается от других огромными влажными карими глазами и невероятно объемистым брюхом, которое раскачивается и задевает за траву, когда она возвращается домой после сытной трапезы. Вдобавок у нее просто страсть к авральным уборкам. Она не может удержаться, чтобы не раскопать и не привести в порядок вход в нору близнецов, как только окажется рядом; разок-другой, а все-таки копнет, хотя бы одной лапой. Мне Бочка всегда представляется в облаке поднятой при уборке пыли.

Ее щенята, как и большинство близнецов, совершенно неразлучны, но отличить их друг от друга нетрудно — наружность, и характеры у них разные. Соус гораздо смелее — он первым кидается приветствовать каждую гиену, первым проявляет любопытство к любому зверю или птице, появившимся возле норы. И куда бы ни пошел Соус, за ним увязывается Пикуль, и что бы Соус ни делал, Пикуль ему подражает. Так что близнецы представляют собой внушительную пару — во всякой щенячьей склоке они всегда заодно. Даже взрослые гиены зачастую обращаются в бегство, трусливо поджав хвосты, когда близнецы, воинственно ощетинившись, разом бросаются в бой.

Старый самец Нельсон слеп на правый глаз, а уши у него порваны в клочья в результате многочисленных сражений за пищу и самок — ему выпало на долю не особенно высокое общественное

положение. Ходит он, держа шею как-то скованно и немного скособочившись, так что здоровый глаз смотрит прямо вперед, и это придает ему довольно потешный вид. Частенько он спотыкается о кочки или разные неровности на земле; однажды, проходя мимо норы, он запнулся о ее край и нырнул в нее вниз головой.

Но легче всего было отличить Нельсона по голосу. Тем, кто ни разу не слышал дикого басовитого «ууууу-гуу» гиены, трудно представить себе, что это такое. Каждое «ууууу-гуу» входит составной частью в серию из десяти и более воплей — они начинаются громко, а кончаются часто низким однозвучным «ууууу». Из всего причудливого набора звуков, доступных гиенам, этот звук слышится чаще всего и служит главным образом средством установления контакта между рассеявшимися членами клана. Несомненно, гиены узнают друг друга по голосу — даже я могу узнать многих гиен только по их вокальному репертуару. У Нельсона довольно чистый баритон, и, кажется, он сам любит себя послушать: он завывает по малейшему поводу и нередко тихонько подвывает на ходу — наверное, так просто «ууууу-гуукает» себе под нос.

До недавних пор об образе жизни гиен было известно совсем мало. Большинство людей представляют трусливого нахлебника, который живет остатками с львиного стола или разной падалью, порой закусывая каким-нибудь кожаным сапогом (уворованным у спящего человека). Кое-кто из старых натуралистов писал, что гиены иногда выходят на охоту всей стаей, но на эту особенность их поведения по большей части не обращали внимания, пока о ней не сообщил во всеуслышание Ханс Круук, молодой голландский ученый, работающий в Научно-исследовательском институте Серенгети.

Именно тщательные наблюдения Круука показали, что гиены объединяются в общества — кланы, включающие любые количества особей, иногда до сотни. Он же установил, что кратер Нгоронгоро разделен на восемь отдельных территорий, принадлежащих разным кланам, и каждый клан регулярно патрулирует свои границы, отмечая их через определенные интервалы запахом преанальных желез.

С вершины гребня Когтистых скал открывается вид на охотничьи угодья клана Когтистых скал, которые занимают около пятидесяти квадратных километров. Если стоять лицом к кратерному озеру, находящемуся на юго-западе, территория этих гиен тянется полтора километра по ровной степи, по левую сторону холма клану принадлежит еще небольшой кусок равнины. За холмом эти гиены владеют выходом к узенькой речке Мунге, а за ней — небольшим куском холмистой местности у стены кратера. Примерно в четырехстах метрах правее гребня Когтистых скал Мунге протекает через болото того же названия и вливается в озеро кратера. Это болото, поросшее высоким тростником, где днем бродят носороги и тростниковые козлы-редунки, а по ночам и буйволы, — любимое место гиен этого клана: в самый зной там всегда прохладно. Здесь им легче всего избавиться от назойливого внимания людей:

по поросшим тростником топям иа машнне ие проедешь. На дальнем коице болота круто подиимаются склоны холма с плоской вершииой, который мы прозвали «Столовой горой»; территория клаиа Когтистых скал захватывает и этот холм, и большой кусок холмистой местности за иим.

К территории клана Когтистых скал примыкают территории еще трех клаиов: Озериого клана, клана реки Муиге и клаиа Столовой горы. Граиицы между кланами не стабильиы. Всего год иазад, иапример, Столовая гора входила, как и следовало ожидать, в территорию клана Столовой горы. Но постепенно, месяц за месяцем гиены клана Когтистых скал оттесняли своих соседей все дальше к стенам кратера, в холмистую местность. Одиовремеиио с этим клаи Когтистых скал отступал на противоположном флаиге, потому что клан рекн Мунге передвигал свою граиицу по равиине все ближе к гребню Когтистых скал. Одио время патрульные партии гиен с реки Мунге даже оставляли свои отметки на самой вершине гребия. Но клан Когтистых скал, отвоевав порядочный кусок земли у клана Столовой горы, стал затем оттесиять пришельцев обратио на их прежнюю территорию. Так что за один год гиеиы Когтистых скал почти удвоили свою территорию, и мие очеиь жаль, что я ие присутствовала при этом: должно быть, за этот год разыгралась не одна славная битва.

Все гиеиы Когтистых скал выращивают своих щеият на сравнительно небольшой площади возле гребия Когтистых скал. Момент появления на свет гиены мие иаблюдать не пришлось; событие, самое близкое по времеии,— это когда я как-то к вечеру встретила Кровавую Мэри с иоворожденным щеиком в зубах. Ему было иикак не больше получаса от роду, потому что ои даже не успел обсохнуть, а на пуповиие еще болтался послед. Мать уиесла крохотиого черного детеныша в глубокую чериую иору в заброшеином термитнике. Я прождала там весь деиь, но уже стемнело, а Кровавая Мэри так и ие показалась нз норы.

Следующие два дия Кровавая Мэри провела у входа в иору; время от времеин оиа спускалась вииз, очевидио, чтобы покормить щенят. Гиены в отличие от большииства хищников рождаются довольно хорошо развитыми: глаза у них открыты и миогие зубы уже прорезались. Щенята поразительио активиы — передвигаются оии, подтягиваясь на передиих лапках. И тем не меиее, ежедиевио дежуря у норы Кровавой Мэри, я ии разу ие видела ее щеият. Но на десятый деиь я иаконец застала мать с щеиками у входа в иору. Щенки лежали один поверх другого, «месяя» миниатюрными лапками переполнеииые молоком соски матери. Рядом с ее огромной тушей щенки казались крохотными и очень чериыми.

Насосавшись, Водка и Коктейль стали карабкаться через лапы Мэри, и она быстро облизала их, одного за другим. Их серо-голубые глаза были еще мутноваты, а на ходу щенята качались и часто, спотыкаясь, падали вниз иосом. Хвостики у иих торчали потешными короткимн «морковками», а лапы были большие и мордочки курносые, как у щенят домашних собак. Вскоре онн спрятались в иору.

Коктейль, которого я отличала по маленькой щербинке на ухе, спустился вниз аккуратно, а Водка оступился и мгновенно исчез, только облачко пыли взлетело вверх и осело у входа.

Еще с неделю Кровавая Мэри воспитывала своих щенят отдельно от других, и с каждым днем щенки увереннее держались на ногах, глаза у них становились все более блестящими и они все дольше оставались на поверхности. Щенки сделались более игривыми, стали чаще таскать один другого за уши, а мать за хвост, и любопытство у них росло не по дням, а по часам. Однажды стервятник опустился возле норы — поискать остатки мяса. Когда он вперевалочку заковылял по земле, я увидела, что Водка, а за ним и Коктейль высунули головы из норы и широко раскрытыми глазами смотрят на белую птицу. Потихоньку-полегоньку, один за другим они выбрались из норы и сделали несколько шагов к посетителю, чтобы познакомиться с ним поближе. Но когда птица случайно двинулась в их сторону, они, натыкаясь друг на друга, перепуганные, кубарем скатились обратно в нору.

На протяжении этой недели Леди Астор часто приходила и ложилась возле норы своей подруги, чтобы составить компанию матери щенят. Рядом с доминирующими самками нередко лежала и дочь Леди Астор, Мисс Гиена. Я дала ей это имя, подсмотрев, как она любуется своим отражением в луже. В это время ей было около года и она была необычайно хороша собой: бледно-кремовый фон ее шкурки украшали яркие черные и блестяще-медные крупные пятна. Глаза у нее так и искрились, словно горели собственным светом, а на красивой головке ловко сидели аккуратные ушки. Она выиграла бы любой конкурс красоты среди гиен — была бы вне конкуренции.

Маленьких черных щенят охраняли лишь Кровавая Мэри, Леди Астор и Мисс Гиена, когда в одну из лунных ночей к норе приблизились семеро самцов Озерного клана, видимо совершавших рейд в чужие владения. Кровавая Мэри и ее подруги отдыхали, но встрепенулись, когда семерка была еще метрах в шести. Все трое на минуту замерли и — бросились бежать. Озерные гиены шли прямо к норе, поставив хвосты торчком. Я не знала, что они собираются делать, но тут же вспомнила ручного щенка гиены, которого Ханс Круук спас как-то ночью из зубов самца-мародера. У малыша было разорвано горло, прокушена трахея и сломана челюсть — только самоотверженная забота человека спасла ему жизнь.

Немного отбежав, Кровавая Мэри и Леди Астор остановились и стали смотреть на «озерных». Внезапно Кровавая Мэри решила вернуться. То ли материнский, то ли территориальный инстинкт проснулся в ней, и она бросилась вперед, воинственно загнув хвост, весь распушившийся от ярости, а по пятам за ней неслась Леди Астор. Мисс Гиена была слишком молода, чтобы принимать участие в подобных стычках. Их было двое против семерых. Я подвела машину поближе к норе. И теперь мне уже никогда не узнать — то ли внезапный шум мотора, то ли приближение двух доминирующих самок враждебного клана спугнуло семерых «озер-

ных» — они повернули и побежали обратно на свою территорию.

Кровавая Мэри и Леди Астор пробежали немного за самцами, провожая их громким рычанием. Потом они, все еще рыча и обнюхивая землю, вернулись к норе. Некоторое время они кружили возле нее, а затем Кровавая Мэри в сопровождении Леди Астор испустила длинную серию воплей «ууууу-гуу». Мисс Гиена возвратилась и подтянула им. Потом обе самки побежали к гиенам своего клана, собравшимся у норы метрах в ста от них. Они не переставая рычали и, судя по их виду, пытались увлечь за собой остальных, чтобы отомстить врагам,— дважды они пускались бежать к территории «озерных», оглядываясь через плечо, но никто не побежал за ними, и они вернулись к норе Кровавой Мэри и улеглись там, хотя еще с полчаса смотрели в сторону территории Озерного клана и негромко ворчали. И, вероятно, совсем не случайно на другой день Кровавая Мэри перенесла своих трехнедельных щенят в общее логово к Пестрячку Миссис Браун и двум близнецам Бочки.

Сейчас, на мой взгляд, полезно рассказать немного о половых отличиях гиен. Внешне разделить щенков женского и мужского пола невозможно, так как их наружные половые органы с виду совершенно одинаковы. Этот курьез и породил неверное представление, что гиены обоеполы. Известен такой случай: одному охотнику поручили поймать шесть гиен — трех самок и трех самцов. Он быстро изловил трех «самцов», но никак не мог поймать самку. Пока он искал самок, один из «самцов» разрешился от бремени тройней.

Только после того, как самка ощенится в первый раз, становятся видны два темных соска и ее пол можно определить. Старых самок отличить тем более не трудно — из-за длительного выкармливания многочисленного потомства соски у них вытянуты и хорошо заметны.

И я тоже ошиблась: в последнее время несколько гиен, неожиданно принеся потомство, превратились из Графа Дракула в Графиню Дракула и из Хьюберта в Хьюберту. Так что для простоты я дала щенкам нейтральные имена и всех их называю «он».

Щенки неизвестного мне пола, принадлежащие Миссис Браун и Бочке, с присоединившимися к ним младенцами Кровавой Мэри жили все вместе в одной норе у подножия гребня Когтистых скал. Я назвала ее Логовом Золотых трав — по вечерам заходящее солнце превращало каждую травинку в чистое золото. Пестрячку исполнилось уже два с половиной месяца, и он понемногу вылезал из своей черной младенческой шкурки: голова у него стала светло-серого цвета, а на серой шерсти шеи и плеч появились первые пятна. Соус и Пикуль были месяца на два постарше, и у них черная шерсть осталась только на лапах и на крупе.

Однажды вечером, на другой день после появления озерных самцов, когда Пестрячок мирно сосал Миссис Браун, а близнецы возились неподалеку, к норе подошла Кровавая Мэри, неся Водку. Шея щенка была зажата в ее сильных зубах, а тельце беспомощно

болталось. Громадный клык Кровавой Мэри, находился в опасной близости от его левого глаза, и щенок судорожно зажмурил его, взирая на мир несколько однобоко, вторым глазом.

Когда Кровавая Мэри подошла ближе, близнецы нырнули в нору, а вслед за ними скатился и Пестрячок, перепуганный этой неожиданной паникой. Миссис Браун продолжала спокойно лежать в золотой траве. Кровавая Мэри прошла прямо к норе и вывалила Водку на ее край. Он не успел ни за что уцепиться и кувырнулся вниз — так произошло его первое знакомство с будущими товарищами, без лишних церемоний.

Перед тем как отправиться за вторым щенком, Кровавая Мэри подошла поздороваться к Миссис Браун. У гиен множество приветственных церемоний, но чаще всего они обнюхивают и лижут друг другу морды и область паха. Миссис Браун, не вставая, растянула губы в подобострастной улыбке, напоминающей нервную улыбку человека. Кровавая Мэри сунула нос в ее пах, и Миссис Браун в соответствии с требованиями этикета подняла заднюю лапу. Кровавая Мэри ответила тем же. Обе самки обнюхали и облизали соски друг друга. После этого Кровавая Мэри, равнодушно взмахнув хвостом, пошла к своей старой норе.

Через десять минут она вернулась, и в зубах у нее болтался Коктейль. Она сунула его в нору и, раз-другой дернув хвостом, улеглась рядом. Вскоре из норы вылезли старшие щенки — Соус, за ним Пикуль — и Пестрячок в хвосте. Прижавшись друг к другу, они воззрились на доминирующую самку. Наконец Соус решился поздороваться с Кровавой Мэри. Он совершенно бестрепетно подошел и ткнулся носом ей под заднюю лапу. Она приподняла ее на несколько сантиметров, но на его лапку, вежливо приподнятую над ее головой, внимания не обратила. Пикуль последовал примеру Соуса и тоже приподнял лапку, но, так как его надежно загораживал Соус, Кровавая Мэри этого даже не заметила.

Когда близнецы, обнюхав Кровавую Мэри, отошли, к ней с неимоверными предосторожностями стал приближаться Пестрячок. Он вытянул, как мог, свою короткую шею, а хвост поджал, совсем упрятав его между задними лапами. Двигался он неровными перебежками, быстро кивая серой головенкой. Перед каждым рывком он замирал, словно готовясь дать стрекача. Наконец он подкрался достаточно близко и, набравшись храбрости, сунул свой курносый нос к животу Кровавой Мэри, но стоило громадной гиене слегка приподнять лапу, как он короткими прыжками поскакал прочь, но потом, обойдя ее, начал все представление сначала. На этот раз он уже не убежал, когда Кровавая Мэри подняла лапу, и я очень забавлялась, глядя, как маленький щенок задрал свою черную лапку и она долго и серьезно обнюхивала его в знак приветствия.

Затем Пестрячок, которому помешали сосать, вернулся к матери, а близнецы снова принялись играть, таская друг друга за уши, за «баки», за хвосты — они то носились кругами вокруг Миссис Браун с сыном, то тащили в разные стороны сухую палочку. Временами из норы высовывались черные мордочки Коктейля и Вод-

ки — крохотные щенки большими серьезными глазами следили за разыгравшимися близнецами, но, как только те приближались к норе, поспешно ныряли вниз.

Вокруг нор с щенками фокусируется вся социальная жизнь клана гиен. «Визиты» обычно начинаются на закате и продолжаются с перерывами всю ночь. Некоторые гиены, проходя мимо, немного задерживаются, чтобы поприветствовать своих друзей, а другие приходят в гости надолго, лежат возле нор, играют с щенками, здороваются с вновь прибывающими. Как правило, компания щенят, достаточно подросших, чтобы разгуливать без матерей, каждый вечер переходит к норе, где живут самые маленькие щенята, проводит там ночь, а утром подростки возвращаются к родным норам. Таков типичный образ жизни гиен у общих нор — спокойная, привольная жизнь.

Второй возле нор в этот вечер появилась Леди Астор. Она поздоровалась с Кровавой Мэри, а когда та широко зевнула — обычное поведение доминирующих гиен при встрече,— Леди Астор, сморщив нос, лизнула подругу прямо в самые губы. Тут подоспели и щенки; они столпились вокруг Леди Астор и нюхали ее живот, она же не обратила внимания на то, что каждый из них предупредительно задрал лапку, и с безразличным видом приподняла свою, давая им обнюхать себя. Потом, несколько раз дернув хвостом, она развалилась на земле, рядом с Кровавой Мэри.

Следом за матерью подошла Мисс Гиена, поздоровалась со всеми по очереди, легла и начала сосать. Леди Астор приподняла переднюю лапу, когда дочь улеглась с ней рядом, и ласково положила ее на бок Мисс Гиены.

До наступления темноты к норам подошли еще несколько гиен. Прибыли и пятеро щенков и затеяли неистовую возню с близнецами и Пестрячком. Приплелся кривой старик Нельсон, издали возвещая о своем прибытии целой серией басовитых «ууууу-гуу», но эти звуки перешли в визгливое хихиканье, когда щенята всем скопом помчались на него в атаку. Такие встречи возле нор не в диковинку самцам низкого ранга. Щенята с Соусом и Пикулем во главе, поставив торчком ощетиненные хвосты, неслись навстречу Нельсону. Он было повернулся и пробежал несколько метров, но скоро остановился и встретил молокососов лицом к лицу — «психическая атака» кончилась мирным обрядом приветствия. Некоторые самцы удирают без оглядки, и случается, что щенята всерьез кусают их и вообще прогоняют прочь от норы.

После всех, в уже сгущающихся сумерках, неторопливой иноходью пожаловала солидная толстуха Бочка. Близнецы были так поглощены борьбой и кувырканьем в траве, что не заметили ее появления: она, по-видимому, тоже не обратила на них внимания, потому что направилась прямехонько к норе, сунула туда голову и принялась копать. Она все еще рыла землю, когда близнецы увидели ее и бросились здороваться. Мамаша радостно облизала их одного за другим, а потом с глубоким вздохом улеглась и стала их кормить. Как обычно, три-четыре минуты ушло на барахтанье —

Соус и Пикуль разбирались, кто из них окажется наверху, и, как всегда, верх одержал Соус.

Ужасно обидно оставлять гиен, уезжая с темнотой,— ведь ночью они как раз наиболее оживлены и энергичны. Именно по ночам гиены чаще всего охотятся на крупную дичь, отмечают границы своей территории, спариваются. Но, на наше счастье, существует луна — а в кратере лунный свет необычайно ярок: он отражается в озере и отсвечивает на выгоревших, высветленных солнцем травах; серые, темно-лиловые, черные тени гребня кратера словно оберегают этот свет, не давая ему растекаться. В Африке лунный свет никак нельзя назвать холодным: его серебристый поток лишает все вокруг цвета, но не может отнять у воздуха его теплоту. И если все кажется колдовским, зачарованным, то лишь потому, что мы, люди,— дети солнца; я уверена, что для гиен в лунном свете нет ничего таинственного.

Только ночью мне удалось увидеть, как резвятся и играют взрослые гиены. Я никогда не забуду, как впервые увидела такие игры. Фольксваген стоял у Логова Золотых трав (травы в сиянии полной луны стали серебряными); Лакомка, которому было тогда около года, спал у меня за спиной на большой кровати. Повсюду вокруг нас резвились гиены. Леди Астор валялась на спине, размахивая в воздухе всеми четырьмя лапами, близнецы, отталкивая друг друга, норовили покрепче вцепиться ей в правое ухо, двое других щенят с рычанием дергали ее за шерсть на шее, а Пестрячок висел у нее на хвосте.

Когда же на нее наскочила собственная дочь, Леди Астор рывком поднялась с земли и отряхнулась, да так, что щенята посыпались в разные стороны и покатились кто куда. Мгновение громадная самка стояла на месте, раздвинув губы в дурацкой ухмылке, но вот Соус и Пикуль одновременно кинулись, норовя вцепиться ей в хвост, и тогда она, отскочив, понеслась широким кругом по низкой сухой траве. Челюсти щенят щелкнули в воздухе на том самом месте, где сию секунду был хвост Леди Астор, и близнецы, столкнувшись, растянулись на земле. Мгновенно вскочив, они устремились следом за двумя другими щенками, которые уже гнались за Леди Астор. Славная это была погоня в серебристом свете луны!

А справа от меня трое взрослых гиен носились по спирали, все уменьшая круги, и наконец с истерическим хохотом свалились в одну кучу-малу — сплошное мельтешение щелкающих зубов и лягающихся лап. В свалку с размаху врезались еще двое взрослых. Внезапно одна из гиен стала негромко поскуливать, и, включив на минуту прожектор, я увидела, что это Кровавая Мэри. Ее кусали, теребили за шею, тянули за хвост. Лежа с беспомощным видом и только изредка подергивая лапами в воздухе, она постанывала, будто ее защекотали до изнеможения. Но спустя мгновение она вскочила на ноги, и вся пятерка галопом понеслась при свете луны в полном безмолвии — только слышался топот лап по сухой земле.

Краешком глаза я заметила легкое движение у норы и догадалась, что это маленький черный щенок Кровавой Мэри. Из безопасного подземелья высунулся курносый нос и пара круглых ушей — щенок глазел на дикую свистопляску вокруг,— но мимо промчалась Леди Астор, и щенок исчез. Через несколько минут один из щенят снова высунулся, и так оно и продолжалось; время от времени оба выглядывали разом.

Игра оборвалась в одно мгновение, с какой-то пугающей внезапностью. Все гиены застыли, глядя в сторону озера. Как я ни напрягала слух, мне ничего не удалось услышать, но гиены, должно быть, слышали топот копыт вдалеке: Кровавая Мэри сорвалась с места и понеслась к озеру, а за ней Леди Астор и все остальные взрослые гиены. Глядя им вслед, я несколько секунд спустя увидела первый ослепительный разряд мощной фотовспышки Гуго. Когда луна была достаточно яркая, чтобы можно было ехать за гиенами, Гуго следовал за отдельными гиенами клана Когтистых скал, отмечал, как они себя ведут, и все надеялся, что когда-нибудь одна из них начнет погоню и ему удастся провести наблюдения и сфотографировать всю охоту — от начала до конца.

Много раз и я выезжала с ним наблюдать, как охотятся гиены. Одну из самых драматических охотничьих сцен мы наблюдали, когда следовали за Графиней Дракула. Вот уже несколько часов мы тащились следом за ней — она двигалась не торопясь, останавливалась поздороваться с другими, ненадолго примыкала к какой-нибудь группе, а потом снова отправлялась бродить сама по себе. Наконец она улеглась и даже задремала, а через полчаса снова потрусила куда-то. Все ее поведение казалось совершенно бесцельным, и мы уже стали жалеть, что так неудачно выбрали своего «лидера». Но вдруг она начала охоту, бросившись на самца гну. К Графине Дракула, преследовавшей его, присоединились три гиены. Внезапно бык остановился и обернулся к охотникам. Это была роковая ошибка — не прошло и минуты, как из темноты возникли еще десять гиен и он оказался в окружении. Он попытался было прорвать кольцо, но четыре гиены бросились на него с боков и, прыгая, хватали его зубами. Он стоял, окруженный со всех сторон, и вертелся, стараясь встретить врагов лицом к лицу. Вот ему удалось прорваться, и он подбежал к нашему лендроверу. Он остановился и, прижавшись задом к машине, обернулся к своим мучителям. Гуго мог бы дотронуться до него, высунув руку в окно.

Минуты шли за минутами. Гиены сновали вокруг, негромко подвывая и ворча, но нападать не решались — острые рога гну рассекали воздух, когда он мотал головой. Вдруг, должно быть услышав, как кто-то из нас зашевелился, гну повернулся и бросился на лендровер — он так грохнул рогами в дверь, что на толстом металле осталась вмятина. Один рог попал прямо в окно, едва не задев руку Гуго. Нам пришлось отъехать, и для гну это было смертным приговором: когда он бросился бежать от машины, гиены вцепились в него. Позднее на фотографии мы увидели, что последнюю атаку возглавила Леди Астор. В минуту-другую гну был

повержен на землю, и гиены клана Когтистых скал сомкнулись над ним, а еще через несколько минут он был мертв.

Гиены, как и гиеновые собаки, убивают жертву, выпуская ей кишки, и смотреть на это не менее жутко. Как мы уже говорили, жертва вряд ли испытывает страдания, которые мы себе воображаем, но все же единственное средство побороть физическое отвращение — это сосредоточиться на поведении гиен. Зрелище само по себе неописуемое, когда все гиены клана одна за другой подбегают к добыче и ввязываются в свалку, пытаясь урвать свою долю. На этот раз туша гну целиком скрылась из глаз — прошло всего несколько секунд, а к ней сбежалось штук тридцать гиен, если не больше.

Кровавая Мэри и Леди Астор отрывали и заглатывали громадные куски мяса и их соприкасавшиеся бока мало-помалу раздувались. Мисс Гиена тоже ела рядом с матерью. Миссис Браун слегка запоздала и — без преувеличения — гигантским прыжком буквально нырнула вниз головой в самую гущу гиен. Веллингтон, главный самец клана, вскарабкался на спины рвущих мясо собратьев и какой-то момент сидел там, пока не обнаружил крохотную щель, в которую можно было втиснуться. Опоздавшие проползали к пище на брюхе, пробираясь под ногами у соплеменников.

Вскоре разгорелась свара, шум стал громче: вой и ворчание, внезапный рев, от которого мороз продирал по коже, нервное хихиканье и хохот. А с этими звуками смешивались другие — тридцать с лишним зубастых ртов чавкали, рвали, крушили мясо, шкуру, кости. Не удивительно, что в таких свалках иногда встречается и непреднамеренный каннибализм — откусывают уши, кусают за лапы и носы, потому что вскоре уже трудно отличить мясо жертвы от окровавленных, с застрявшими кусками мяса шкур других гиен. Этой ночью у Нельсона отхватили еще часть уха. Я подозреваю, что и Миссис Браун потеряла кончик носа в одном из таких полуночных пиршеств.

Постепенно добычу разорвали на куски, и шум понемногу стал стихать. Я увидела, как Миссис Браун бежит, захватив ногу гну, а за ней гонятся Леди Астор и Веллингтон. Нельсон, визгливо хихикая и глядя вперед здоровым глазом, внезапно помчался прочь, унося кусок шкуры, а за ним погнался Черный Страж. Бочка потащила кость передней ноги; негромко и нервно похихикивая, она оглядывалась на Миссис Вонючку, явно вознамерившуюся отнять лакомый кусочек. Молодой самец Комик спокойно наслаждался сочным куском мяса, спрятавшись от своих соплеменников возле машины. Мисс Гиена умчалась, унося хвост гну, но быстро бросила его, обнаружив, что там ничего, кроме волос, нет. Самец низшего ранга Старатель потихоньку убрался в сторону с крохотным куском кишки. Все это смахивало на дешевую распродажу в универмаге — каждый покупатель лихорадочно хватает какой-нибудь товар и тотчас бросает, разглядев получше. А в это время подвижные, как ртутные шарики, шакалы сновали между ног у

гиеи, хваталн мясо то тут, то там, облизывали стекавшую на траву кровь. Я насчитала одиннадцать чепрачных и трех обыкиовеиных шакалов.

Через пятнадцать минут после того, как гну завалили, от иего осталнсь только голова н позвоночннк. Веллиигтон и Медовый Пряиик дернули за один конец, и позвоиочник сразу оторвался от головы, которая досталась Кровавой Мэри. Домииирующая самка почти всегда под коиец получает голову. Это ее привилегия.

Одио хорошо в охоте гиен — после иее ничего ие пропадает. Все,что можно съесть, съедается, даже траву вылнзывают так, что ни следа крови ие найдешь. От гиу остались лишь грива, хвост да борода, ие считая рогов иа черепе. Да и то рога, ие иужные взрослым, порой оказываются у одиой нз нор, и щеики часами грызут их и возятся с иими.

Далеко не все погоии кончаются удачио. Едва ли не самый верный способ удрать от стаи гиеи — вбежать в гущу большого стада; это иногда сбивает охотииков с толку. Порой гиу пытаются спастись, прыгая в реку, ио гиеиы воды не боятся и бросаются следом за жертвой.

Как-то раз, проезжая по берегу Муиге, мы иаткиулись иа группу гиеи, которые сновали иа берегу н вглядывались в воду. В этом месте берег круто обрывался и до воды было больше метра. Вдруг из довольио буриого потока выиыриула чья-то гладкая голова, вроде тюлеиьей. Это странное существо встряхиулось, и из тучи разлетевшихся брызг иа нас гляиула зиакомая физиоиомия Леди Астор. Через секуиду иа поверхности показалась вторая голова, и нз воды вышла Кровавая Мэри. Почтн сразу же обе сиова нырнули, а за иими с берега броснлась объемнстая Бочка, окатив водой стоящих на берегу гнен и подияв волну, далеко прокатившуюся по узкой реке.

Мы сразу же догадалнсь, что под водой находится туша какого-то животного — возможио, оио утонуло, пытаясь уйтн от преследоваиия гиеи. До воды было метра полтора, и иам казалось, что многие гиеиы, кружившие по берегу, ие решались прыгиуть с такого высокого берега, но скорее всего оии боялись своих сильных родствеиииков, а ие воды, поскольку особи высшего раига прыгали ие задумываясь.

Вот Кровавая Мэри что-то иащупала передннми лапами и погрузилась в воду, так что иа виду остался только хвост. Выиырнула она с куском мяса в зубах. И сиова прииялась старательио шарить лапами — должно быть, нащупывала, как расположеиа туша. Увидеть в этой взбаламученной, грязиой воде иичего иельзя было: гиены, которые не шарилн лапамн под водой, часто выныривали без мяса.

Тем времеием быстрое течеиие постепеиио снесло тушу иа более мелкое место ниже по реке, где берег был не так крут. Кровавой Мэри удалось ухватиться за заднюю иогу добычи и вытащить ее иа поверхиость, а потом гиеиы сантнметр за саитиметром выволокли всю тушу на берег. Тут же поднялась обычная возия с ры-

чанием и хихиканьем. Но на этот раз привычную сцену несколько разнообразило одно обстоятельство: когда гиены низшего ранга, схватив кусочек, отскакивали, трусливо оглядываясь через плечо, они неизменно кувыркались с берега прямо в воду. Порой беглянке приходилось окунуться дважды, когда преследовательница тоже валилась в воду прямо ей на голову.

В кратере гиены клана Когтистых скал чаще охотятся на гну и гораздо реже на зебр, а в холмистой местности позади нашей хижины гиены клана реки Мунге обычно охотятся на зебр. Однажды мы поехали следом за несколькими гиенами этого клана, когда они вышли на охоту. Ночь была светлая, сияла луна, но среди холмов полно предательских ловушек — ям, скрытых высокой травой, так что мы потуже затянули аварийные ремни и надвинули на лбы противоударные шлемы. В группе, за которой мы ехали, было тринадцать гиен — погоню за гну могут начать одна-две гиены, а для охоты на зебр обычно собираются более многочисленные партии. Внезапно гиены повернули и помчались прямо вверх по склону холма. Ведя машину следом, я с минуты на минуту ждала, что лендровер опрокинется на этой крутизне. Но мы благополучно достигли вершины, и тут перед нами открылась совершенно неописуемая картина.

Рассеянные табунки зебр собрались в одну громадную полосатую шеренгу — там было больше двухсот зебр. Табун уходил галопом, и мы видели, что с тыла его защищают несколько жеребцов. Они то и дело останавливались, оборачивались и щелкали зубами, плотно прижав уши к голове — так они отгоняли передовых гиен. Вот одна из них внезапно взлетела в воздух сантиметров на тридцать выше зебровых спин — видно, ее лягнули. Шлепнувшись на землю, она два раза перевернулась, но вскочила и снова побежала вперед. Воздух дрожал от несмолкаемого пронзительного лая преследуемых зебр, и их копыта выбивали громоподобную дробь на выбеленном луной склоне холма. Собравшихся гиен подсчитать было невозможно, их было не меньше тридцати.

Минут пятнадцать мы следовали за погоней, но вот гиены по одной, по две, маленькими группками стали отставать, обескураженные этой непробиваемой стеной зебр и отвагой защищавших табун жеребцов.

Да, зебры — нелегкая добыча для гиен, и охотники почти всегда пасуют, как только жертва перестает убегать. Должно быть, гиены, как волки и гиеновые собаки, не боятся, что крупное животное их лягнет, но стоит ему обернуться, и они пугаются его рогов или зубов. Мы видели, как гиены четыре ночи подряд преследовали хромого жеребца; каждый раз, отбежав немного, жеребец оборачивался и начинал огрызаться. Охотники, немного покрутившись вокруг него, расходились, оставляя свой вожделенный ужин мирно пастись на траве.

Что касается пропитания, то самое беззаботное время для гиен кратера — период отела гну. И как раз это время наносит наибольший ущерб репутации гиен. Ведь сил нет смотреть, как гиены хвата-

ют и приканчивают едва стоящего на ножках новорожденного теленка — можно ли не пожалеть и его, и мать... Мы с Гуго не раз наблюдали, как теленок появляется на свет, как мать вылизывает его мокрую шерстку, смеялись, глядя, как он пытается встать на длинные ножки, и диву давались, как быстро он осиливает эту премудрость и начинает бегать, — и вдруг замечали, что к нему подбирается одна или несколько гиен. Через каких-нибудь десять минут после рождения теленок погибает в зубах у гиены — в этот период изобилия гиены охотятся не только ночью, но и днем.

Все это глубоко подействовало на меня, когда я работала в кратере за месяц до рождения собственного ребенка. Я не могла отогнать от себя мысль о такой расточительной потере усилий и жизни: антилопа гну так долго вынашивает своего теленка, и вот когда он наконец появляется на свет, в один миг это новорожденное живое чудо погибает, даже не вступив в жизнь! Ненаучный подход к явлениям природы — но беременным женщинам принято прощать всякие слабости. Тем более что любое сочувствие в известных границах всегда оправдано. Даже женщина, помешанная на кошках, не сможет побороть в себе жалость к птенцу, которого с гордостью положили у ее ног на паркете гостиной, но обвинять свою кошечку — нет, как можно! А ведь кошечка в отличие от гиен, которым приписывают все смертные грехи, сыта и охотится не ради пропитания.

Нужно учесть и еще одно обстоятельство. Гиена немало рискует, охотясь на теленка гну, — ведь антилопа бесстрашно и решительно защищает своего малыша. Я наблюдала однажды такую полную драматизма битву разъяренной матери с доминирующим самцом клана Когтистых скал Веллингтоном.

Когда Веллингтон напал на антилопу с теленком, они поскакали прочь, но увидев, что он догоняет их, мать повернулась, налетела на него, наподдала ему рогами и снова бросилась бежать. Веллингтон молниеносно вскочил и продолжал погоню. Догнав теленка, он вцепился ему в плечо, но мать обернулась и мощным ударом лба подбросила и гиену, и теленка на метр с лишним вверх. Когда Веллингтон приземлился, мать была наготове, и, бросившись «на колени», прижала его к земле своими загнутыми рогами. Однако дралась она уже напрасно: теленок был ранен и Веллингтон, вывернувшись, без труда схватил и утащил его в сторону. Он держал теленка за шею и прикончил его, встряхивая головой и сжимая свои мощные челюсти. А бедная мать только и знала, что носилась галопом вокруг гиены: возможно, и бой-то она проиграла из-за того, что теленок перестал мычать. Как бы то ни было, антилопа стояла и молча смотрела, как Веллингтон и примчавшиеся три гиены в клочки рвали ее дитя. Потом она повернулась и неторопливо пошла прочь, пощипывая травку по дороге,—судя по ее виду, она и не думала горевать. Когда Веллингтон стал уходить, я заметила, что он не может ступить на одну из передних лап. Несколько дней он не участвовал в охоте.

Телятам нередко удается удрать от преследующих их гиен.

Иногда в бой вступает бык: напав на гиен, он дает матери с теленком время убежать. Самец гну ведет себя так вовсе не из любви к ближнему — эти драчливые быки готовы напасть на гиену независимо от того, гонится она за теленком или нет. Однажды гну налетал на Нельсона четыре раза подряд и даже опрокинул его, никак не давая спокойно доесть молодую газель Томсона, которую тому посчастливилось изловить.

Теленок легче всего спасается в том случае, когда мать продолжает скакать вперед, не останавливаясь для нападения на преследующих гиен. Ведь детеныш обычно поворачивает вместе с матерью и бегает вокруг нее, так что гиене, ускользнувшей от антилопы, ничего не стоит схватить его. Но один раз совсем маленький теленок продолжал бежать вперед и тогда, когда мать обернулась и поддала рогами одну из двух гнавшихся за ними гиен. Он вбежал в табунок зебр, и одна из них ни с того ни с сего вдруг лягнула бегущего малыша. Теленок растянулся на земле, и я испугалась, что вторая гиена, которая была всего в двадцати метрах, вот-вот его прикончит. Но в тот момент, когда малыш поднимался на ноги, мать бросилась на гиену и прижала ее к земле, придавив рогами, и теленок удрал без помех. Потом мать снова побежала и, поравнявшись с детенышем, быстро и ровно поскакала рядом с ним. Первая гиена больше за ними не гналась — должно быть, мать ушибла ее или ранила. Вторая несколько минут продолжала погоню, но постепенно замедлила бег и наконец совсем остановилась, отказавшись от добычи.

Само собой разумеется, телята гну — не единственные молодые животные, на которых нападают гиены, они готовы напасть на любого младенца, в том числе и на львенка и даже на маленького носорога. Мамаша-носорог обычно прячет своего новорожденного в густых зарослях — приблизительно в возрасте двух месяцев он уже становится гиенам не по зубам. Но одна мать с неслыханной самонадеянностью вывела на равнину крохотного месячного детеныша. Ей не пришлось долго его воспитывать: как-то утром мы увидели, что мать и детеныш окружены гиенами, — там было не меньше пятнадцати гиен из клана Когтистых скал. Подъехав ближе, мы увидели, что у малыша сломана ножка, но виноваты ли в этом гиены, нам уже никогда не узнать. Часть гиен понемногу разбрелась, но некоторые — среди них были Веллингтон, Нельсон и Бочка — оставались возле раненого малыша и время от времени подскакивали к нему и кусали. Мать, возможно защищавшая своего детеныша всю ночь напролет, становилась все более сонной; наконец Годдард, изучавший местных носорогов, пристрелил малыша и прекратил его мучения.

Два года спустя, к нашему несказанному удивлению, та же самая носорожиха появилась на равнине с другим месячным детенышем. И каждую ночь, не менее трех недель подряд, группы гиен из клана Когтистых скал изводили мать младенца — они шли за ними по пятам, окружали их кольцом, неожиданно бросались на маленького носорога. Но на этот раз мать сумела отстоять свое-

го малыша. Да и сам младенец, ростом не больше гиены, с курносым иосиком, иа котором даже еще ие прорезался будущий рог, поставив хвостик торчком, иеутомимо нападал на мучителей, и бдительная мать своей громадной тушей и внушительным рогом прикрывала его с тыла. Но детеныш подрос, и опасность миновала — гиены потеряли к нему всякий интерес.

Кратер Нгоронгоро славится своими носорогами: их можно найти на равнине, в тростинках, на холмах и в лесах по его склонам. Мне и в голову не приходило бояться носорогов, поскольку обычно они ведут себя мирно; бесчисленные туристы подъезжают и кружат возле них, так что, если нападать на каждую машину, можно замертво свалиться от усталости. Но вот я стала брать с собой Лакомку — он спал в фольксвагене, а я наблюдала за гиенами возле Логова Золотых трав. И как раз в это время в наши места со склонов кратера пришел «дурной» носорог. На Гуго он нападал уже три раза, и один раз тому едва удалось уйти.

Однажды вечером, когда сумерки неприметно перешли в лунную ночь, я вдруг услышала, как кто-то громко всхрапнул у самой машины. Машина стояла возле логова гиен, у меня был включен свет и горела газовая плитка — я кормила ужином Лакомку. Я сразу же выключила свет и увидела метрах в шести от машины громадного носорога. Пока я смотрела на него, он опять хрюкнул, затряс головой и стал рыть землю передней ногой. Потом он сделал несколько быстрых шажков в сторону, подняв хвост вертикально вверх. Наверное, он пытался сообразить, что за штука наша машина и как бы с ней расправиться. Любой неожиданный звук мог его раздразнить, и я не решалась включить мотор и отъехать — носорог был чересчур близко. Я потихоньку привернула газ и ухитрилась, не напугав Лакомку, уговорить его сидеть тихо, как мышь. И мы стали вместе смотреть на носорога.

Через восемь минут — они тянулись, как восемьдесят! — наш гость, помахав рогом и потопав ногами в свое удовольствие, стал удаляться. Уходя, он то и дело поворачивался и смотрел на диковинное белое существо, неподвижное и сверкавшее в лучах луны. Щенята, которые жались все время к норе, теперь столпившись за спиной у близнецов, пошли следом за носорогом. Но вскоре остановились, чтобы насладиться его «визитной карточкой» — кучей навоза, над которой курился дымок. Для щенков гиен, как и для маленьких шакалов, свежий навоз травоядных — изысканный деликатес.

Как жаль, что Лакомка не сможет вспомнить эти ночи возле Логова Золотых трав! Он часто засыпал, глядя на восходящую луну или на яркие звезды, а если просыпался, то слышал басовито-гулкое и отрывистое мычание гну или странный плачущий вой шакалов, а порой «ууууу-гуу» проходящей мимо гиены. Конечно, я делала все от меня зависящее, чтобы он не просыпался,— тогда мне было бы уже не до наблюдений. Когда он начинал шевелиться, я старалась усыпить его песенкой. Если случалось, что в такую минуту гиены тоже проявляли активность, я просто-напросто на-

певала свои наблюдения на магнитофон. На следующий день, прослушивая записи, мы покатывались со смеху. Представьте себе, например, как звучат на нежный мотив «Колыбельной» Брамса такие слова: «Кровавая Мэри пришла и ногу во рту принесла, а шея и морда ее в крови» или на мотив «Спи-усни»: «Нельсон истерически хихикает, когда близнецы лижут его пах».

Единственное, что грозило нарушить мирный сон Лакомки по ночам, — это неуклонное стремление каждого щенка и многих взрослых гиен подзакусить фольксвагеном. Гиены то и дело возобновляли свои попытки: они грызли и кусали фары, провода, выхлопную трубу — буквально все, к чему только можно было приложить зубы. Как-то раз Пикуль вылез из-под машины, ужасно гримасничая, тряся головой и что-то стирая с морды лапой. Причина стала ясна, когда мы поехали домой и у машины отказали тормоза: щенок прокусил тормозной шланг и попробовал тормозной жидкости!

Близнецы досаждали мне больше всех. Однажды, когда Соус грыз один подфарник, а Пикуль принялся за другой, я сделала все возможное, чтобы от них отделаться: мигала фарами, включала мотор — ни малейшего внимания! Они только туманно воззрились на меня, когда я открыла окно и застучала по кузову машины. Тогда я направила на Пикуля, который был ближе, струю аэрозоля против мух; он попятился, опасливо принюхиваясь, но почти сразу же вернулся. Наконец мне пришлось открыть дверь и высунуть ногу: Пикуль, а за ним и Соус удрали к норе и занялись там какой-то игрой, которая на время отвлекла их от машины.

Но все же чаще всего будили Лакомку не близнецы и не остальные щенки, а взрослые гиены. Когда они зажимали в своих мощных челюстях какую-нибудь торчащую металлическую деталь, а потом начинали ее выкручивать, звук был такой, словно машину раздирают на части. И хуже всех вели себя те, кто больше всех торчал около норы: Мастер Бейдж, старший сынок Миссис Браун, и Мисс Гиена. Эта парочка каждую ночь часами гостила у логова, да и играть они любили больше остальных гиен. Однажды они двадцать минут гоняли вокруг норы, вырывая друг у друга хвост гну, а в другой раз никак не могли расстаться с ярким деревянным грузовичком, который Лакомка выронил из окна машины.

Мастер Бейдж часто играл и со своим младшим братишкой Пестрячком. К тому времени Мастер Бейдж уже совсем вырос, ему оставалось только немного потолстеть, а Пестрячку едва сравнялось три месяца. Однажды Пестрячок наскочил на довольно большой и очень гладкий камень. Разинув рот до предела, он попытался захватить его, но тот был великоват, и зубы — как ни бейся! — соскальзывали. И вот в ту самую минуту, когда Пестрячок, казалось, ухватил непослушный камень, подбежал вперевалочку Мастер Бейдж, сцапал младшего брата за ухо да как дернет! Пестрячок растянулся на земле, а вскочив, снова попытался поднять камень. Но ему никак не удавалось схватить свою игрушку — Мастер Бейдж и за шиворот его трепал, и за уши дергал, и за баки таскал!

Внезапно Пестрячок бросил камень и впился в хвост мучителя. Он держался изо всех сил, опираясь на свои крепкие лапки, а Мастер Бейдж оборачивался и цапал его. Так потихоньку-полегоньку они стали отступать назад — Пестрячок все еще висел на хвосте брата. И вдруг со скоростью, на какую только были способны его короткие лапки, Пестрячок кинулся к оставшемуся без присмотра камню. Но Мастер Бейдж оказался резвее: он сам схватил камень и помчался прочь, оглядываясь через плечо и как бы приглашая поиграть в пятнашки. Пестрячок неуклюже затопал сзади, тогда Мастер Бейдж приостановился и позволил малышу ухватиться за камень, а потом уронил его на землю. Пестрячок еще раз попытался захватить камень, но как раз в тот момент, когда он почти справился с этим, Мастер Бейдж наскочил на него, сцапал камень и отбежал с ним на несколько шагов. Пестрячок бросился в погоню. Мастер Бейдж снова бросил камень — игра продолжалась.

Через некоторое время Пестрячок как будто выдохся. Он поплелся в сторону, нашел низенькое шиповатое растение и стал тянуть за ветку, пока та не отломилась. Мастер Бейдж не спускал с него глаз. Пестрячок потрепал ветку, бросил и прыгнул на нее. Тут уж Мастер Бейдж не утерпел. Он подбежал к братишке, собираясь вырвать у него ветку. Но как только он покрепче ухватился за свой конец ветки, Пестрячок бросил ветку и помчался к камню. Конечно, ему, как и прежде, не удалось взять камень в зубы, но зато, когда старший брат подскочил, чтобы отнять игрушку, Пестрячок решительно и крепко уселся на нее.

Когда щенята резвились, Миссис Браун обычно лежала поблизости. Старая Бочка тоже проводила много времени возле Логова Золотых трав, и не только ради своих щенят — ей нравилось общество Миссис Браун. В жаркие дни эта пара толстых матрон частенько брела вместе к прохладным тростниковым отмелям — освежиться в жидкой грязи. И так же вместе они приходили обратно, мокрые и измазанные илом, часа в четыре-пять вечера. Неторопливо подойдя к норе, обе мамаши заглядывали в глубину, издавая порой негромкие отрывистые низкие звуки; услышав их, щенята выскакивали на поверхность. Бочка почти всегда нетерпеливо раскапывала вход в пещеру в ожидании близнецов. Затем обе самки — каждая в сопровождении собственного потомства — укладывались в неглубоких ямах возле норы и принимались кормить щенят; трапеза продолжалась обычно час-полтора.

Даже Кровавая Мэри, которой, как первой самке клана, хватало дел и помимо возни с детворой, немало времени проводила у норы, пока ее щенкам не исполнилось двух месяцев. Очевидно, это объясняется тем, что маленькие щенки сосут, хотя и не подолгу, но чаще, чем трехмесячные. И если Пестрячок и близнецы сосали всего три раза в сутки, щенки Кровавой Мэри сосали вдвое чаще.

Водка и Коктейль с самого рождения обнаружили совершенно разные характеры. Коктейль был во всех отношениях спокойнее, живости в нем было меньше. Он по многу минут вылизывал Кровавой Мэри шею и шерсть вокруг ушей, когда она лежала возле

норы, а потом усаживался у нее под носом и заднрал голову, предлагая ей отплатить услугой за услугу. Обычно Кровавая Мэри соглашалась и немного ухаживала за ним, выкусывая что-то из его шерстки передними зубами или вылизывая его с ног до головы шершавым, как у кошки, языком. А Водка тем временем резвился, кувыркался с Пестрячком или карабкался на мать — он все старался убедить Коктейля, что есть более веселые занятия, чем наводить красоту.

Когда щенята стали подрастать, я отметила, что они проводят вместе гораздо меньше времени, чем остальные близнецы. По-моему это происходило оттого, что более смелый и предприимчивый Водка уже месяцев с четырех норовил увязаться за Кровавой Мэри, куда бы она ни шла. Уже в этом возрасте, когда задняя половина тела и ногн у него были еще черны, как у младенца, он иногда оказывался у добычн, если та была убита не особенно далеко от логова. Уверенный в своей безнаказанности — он находился под защитой самой главной самки клана — Водка таскал сочные куски мяса прямо из-под носа взрослых гиен. Частенько он наедался, пристроившись под брюхом Кровавой Мэри. Ведь если бы он не жался к матери, ему вряд ли удалось бы спокойно прожевать свою добычу. Один раз я видела, как он бежит за Кровавой Мэрн к дому и тащит солидный кусок шкуры, зажав его в зубах. И хотя он задирал голову как можно выше, чтобы его трофей не волочился по земле, это ему не помогало: он то и дело наступал на шкуру и тыкался носом в землю. Пробежав немного, он остановился и принялся жевать свое лакомство, но тут компання молодых, почти взрослых гиен, которая следовала за ним, бросая алчные взгляды на его трофей, стала подбираться поближе. Кровавая Мэри не останавливалась, и стоило ей отдалиться на шесть метров, как один из молодых бросился на шкуру. С пронзительным хихиканьем Водка подхватил ее н, поставив распушенный хвост торчком, помчался следом за матерью; два раза он опять запинался о свой трофей, а настойчивые юнцы не отставали от него. Но вот Кровавая Мэри улеглась, и Водка тут же пристроился у нее под бочком, так что старшие щенки поняли, что поживиться не удастся, и разбрелись кто куда.

Когда Водке и Коктейлю исполнилось десять месяцев и они стали уже полувзрослымн гиенами, я стала чаще видеть их вместе. Наверное, те приключения, которые манили Водку, например походы к общей добыче или небольшие разведывательные рейды на свой страх и риск, перестали пугать подросшего Коктейля. Да и Водка распрощался со своей детской энергией, бившей через край, и настолько остепеннлся, что с удовольствием минут по десять кряду «причесывал» и вылизывал братца.

Несмотря на все это, мне и в голову не пришло, что что-то неладно в тот день, когда я, подъехав к норе, где обитали двое щенят, увидела, что Водка бродит один, а Кровавая Мэри лежит в сторонке. Водка места себе не находил. Он бродил и бродил кругом, принюхиваясь к земле, а потом останавливался и не сводил глаз

с равнины. Вдруг он бросился бежать со всех ног — прочь от логова и от матери. Кровавая Мэри подняла голову и посмотрела ему вслед, но когда он скрылся за холмом, встала и поплелась за ним. Я поехала за ней, и мы вскоре догнали Водку — тот оказался у норы, в которой они с Коктейлем жили несколько недель назад. Кровавая Мэри плюхнулась на землю, но Водка никак не мог успокоиться и минут через десять снова мчался куда-то по равнине. Я поехала следом и увидела, что он прибежал к другой норе. Он нырнул вниз, и из норы сейчас же полетела грязь — уж не собирается ли он расчистить нору? Кровавая Мэри приплелась и к этой норе и вновь растянулась на земле, но Водка бросился бежать к следующей. Теперь я уже точно знала — он разыскивает своего брата. А он все копал и копал нору, как будто хотел убедиться наверняка, что Коктейль не затаился в самой ее глубине.

Только через два часа щенок прекратил поиски и лег рядом с матерью. Все это время он носился от норы к норе, копал, вынюхивал что-то на земле и в воздухе. Много раз он подвергался смертельной опасности, снуя по степи; это было в разгар гона гну, и днем быки нападали на любую гиену, пробегавшую мимо. Водка, маленький и неприметный с виду, просто огибал разъяренных быков по огромной дуге, а вот Кровавой Мэри, провожавшей своего щенка, не раз приходилось поворачивать и спасаться в норе, от которой она только что отошла. Атаки одного злобного быка шесть раз заставляли ее «окапываться», но ей все же удалось догнать Водку.

Теперь, вспоминая обстоятельства, связанные с исчезновением Коктейля, я понимаю, что Водка чувствовал, что что-то стряслось с его братом. Кровавая Мэри, провожавшая своего щенка от норы к норе, не принимала ни малейшего участия в его отчаянных розысках и была безмятежно спокойна. Но к вечеру и до нее, как видно, дошло, что случилась беда,—на этот раз уже она в сопровождении Водки обошла все норы, одну за другой, совала голову в каждую и тихонько звала. Время от времени, проходя по равнине, она испускала долгие, горестные вопли: «ууууу-гуу»! Еще два дня Кровавая Мэри обыскивала — правда, без особого рвения — разные норы, но в конце концов перестала искать. Я больше никогда не видела Коктейля.

В кратере сплошь да рядом встречаешь гиен — матерей, однопометников или просто приятелей, — которые бродят от норы к норе, разыскивая какого-то определенного щенка. Отчасти это обусловлено тем, что щенята начиная примерно с четырех месяцев переходят из одной норы в другую по собственному почину. Бывает, что, пробыв в норе три-четыре дня, они снова уходят, а иногда живут в одной норе три-четыре недели, как, например, в Логове Золотых трав. Самых маленьких щенков переносят или переводят из норы в нору матери. И я совершенно убеждена, что зачастую гиена уходит из норы только потому, что появляется другая гиена, с которой она «не ладит», а иногда она просто переходит к норе, где устроилась ее подруга. Представьте себе, к примеру,

нору или скорее несколько нор вместе, в которых обитают щенята разных возрастов. Щенок ростом в четверть взрослой гиены, который приходил сюда только поиграть по вечерам, решает остаться насовсем и не возвращается в родной дом. И его мать тоже перейдет к этой норе. Но другая мать, обосновавшаяся в этой норе раньше, по рангу стоит ниже вновь прибывшей и при ней чувствует себя не в своей тарелке. Поэтому она переносит своих щенят одного за другим в другую нору, поодаль от первой. Крохотные черные щенята очень нравятся тем, что постарше, и вскоре старшие щенки переселяются в нору к малышам. А случается и так, что общество матери двух черных щенят нравится другой матери и она переводит своих собственных детей в ту же нору. Так и идет этот круговорот, постоянная смена обитаемых нор весь год напролет.

Как-то раз я сама была виной такого «переезда», который доставил матери кучу хлопот. Ранним утром я подъехала к норе, где молодая Графиня Дракула лежа кормила своих двойняшек. Это были ее первые щенки, всего трех недель от роду, и она до ужаса боялась машины. Когда я подъехала, Графиня Дракула встала и посмотрела на щенков. В серой предрассветной мгле ее морда с уродливо рассеченной верхней губой выглядела жутковато. Вот она схватила одного щенка за шиворот и понесла, время от времени опуская на землю, чтобы перехватить поудобнее. Достигнув своей цели — это была нора в сотне метров от первой, — она исчезла под землей, все еще держа в зубах щенка. Но почти тут же вылезла без него.

Тем временем из норы рядом со мной раздавались пронзительные завывания второго щенка. Графиня Дракула поспешила на его крики. Последние тридцать метров она пробежала бегом, и, когда сунула морду в нору, завывания стихли. Но теперь принялся выть щенок в дальней норе, отчаянными воплями призывая на помощь. Графиня Дракула отдернула морду, которую засунула было в нору, посмотрела туда, откуда доносился крик, побежала обратно к орущему щенку и забралась в нору.

Разумеется, в тот самый момент, как она бросилась бежать, опять заголосил второй щенок. Замученная мать немного посидела в дальней норе, но вскоре высунула голову и стала смотреть в сторону кричащего щенка. Минуту спустя, когда она пошла обратно ко второму щенку, первый выбрался из дальней норы и увязался за матерью. Графиня Дракула остановилась, посмотрела на него и пошла дальше. Крохотный щенок ковылял за ней, то и дело спотыкаясь и тыкаясь носом в землю.

Вдруг целая рулада музыкальных «ууууу-гуу» возвестила о прибытии Нельсона. Он поплелся к дальней норе, с любопытством вглядываясь в крохотного черного щенка своим единственным глазом, но щенок мгновенно скатился в спасительную нору. Графиня Дракула обернулась, увидела Нельсона и помчалась к нему. Налетев, она с громким рычанием погнала его прочь, а он, как всегда, подхихикивал на бегу. Матери оберегают маленьких щенят, держа

взрослых самцов на почтнтельном расстояннн, — ходят слухи, что отцы не прочь закусить собственнымн детьми.

И вот Графння Дракула в полной растерянностн стоит возле дальней норы, а тем временем второй щенок, рядом со мной, немного передохнул н вновь прннялся голосить. Мать тут же бросилась к нему. Первый щенок снова вылез нз дальней норы и поплелся за ней. На этот раз он не успел отойтн и десятн метров от норы, как Графиня Дракула вернулась, повела его, подталкнвая носом, к норе н затолкала вглубь. А когда она подняла голову, то увидела, что Нельсон подбирается к другой норе! Одннм духом она промчалась сто метров и опять прогнала Нельсона. Потом сунула нос в нору н мнннуты две возилась, чтобы ухватнть щенка, отчаянно скулнвшего в глубнне. Когда она наконец вылезла со вторым щенком в зубах, я увндела, что он вот-вот выскользнет и шлепнется на землю. Мать на секунду положнла щенка на землю, чтобы перехватнть половчее, а он тут же дал стрекача в нору. Графння Дракула взглянула в сторону дальней норы — первый щенок, снդя у входа, разрывался на частн от воя, — посмотрела на Нельсона, который стоял довольно близко, потом прнняла решенне н нырнула в ближайшую нору. Секунду спустя она выскочнла, крепко зажав в зубах щенка, н со всех ног побежала к дальней норе. Младенец, болтавшийся как тряпка у нее во рту, прекратил свон протестующне воплн, только когда она сунула его в нору к другому блнзнецу.

Не меньше получаса потратила Графння Дракула на то, чтобы переселнть двух маленьких щенят на сотню метров. Наконец она улеглась, а щенкн возобновнлн прерванную трапезу.

Бывалн случаи, когда можно было ожндать, что матерн поспешно «эвакунруют» свонх чад, но нничего подобного не пронсходило. Например, как-то раз шесть львов забрели в нашн места н направнлись прямнком к Логову Золотых трав. Это было вечером. Кровавая Мэрн, Миссnс Браун и Бочка лежалн у нор, кормя своих щенков. Кровавая Мэри первая почуяла львов и вскочила с негромким клокочущим рычаннем, подавая сигнал тревогн. Все пятеро щенят в мгновение ока скрылнсь под землей, а три гиены, секунду-другую посмотрев в сторону львов, отбежали метров на пятьдесят и остановнлись. Львы подошли к норе н сталн усиленно обнюхнвать вход. Пять львнц прайда вскоре пошлн дальше, а лев задержался мнннут на пять — он даже несколько раз лениво копнул лапой землю у входа, но потом тоже ушел.

Все это время гиены стояли и смотрели на львов, и только когда те отошлн метров на двести, бросились к свонм щенкам. Сунув по очередн головы в нору — словно желая убедиться, что малышн живы-здоровы,— они мннут пять бегали вокруг, обнюхивая землю н отмечая запахом множество мест. Через несколько мннут щенята отважнлнсь вылезтн наружу и тоже вместе с матерямн принялись метить все вокруг. Было похоже, что гнены стараются нзбавиться от ужасного львиного духа, заглушая его свонм собственным.

Однако, к моему удивлению, никто никуда не переселился из Логова Золотых трав.

А вот тем гиенам, которые жили в нескольких норах по соседству, пришлось хуже, когда поблизости два дня и три ночи бродила пара влюбленных львов. В норах было в общей сложности тринадцать щенят, и им пришлось просидеть все это время под землей на осадном положении. Матери время от времени подбирались поближе и стояли где-то в стороне, но не могли подойти и покормить детенышей. Львы во время ухаживания — течка у львицы длится дней десять — почти ничего не едят, а лежат рядом и довольно часто спариваются. Пока эта пара лежала возле нор, погода стояла прохладная, дождливая и даже днем не было жаркого солнца, которое, быть может, прогнало их куда-нибудь в тень. Они, вероятно, и не подозревали, что портят жизнь многим гиенам из клана Когтистых скал. Впрочем, если бы они и догадывались об этом, то вряд ли это обеспокоило бы их.

Удивительно интересны взаимоотношения гиен со львами, особенно в кратере, где гиен великое множество. Гиен так часто представляли подбирающими крохи с львиного стола, что многим и теперь трудно будет поверить последним сообщениям Ханса Круука, обнаружившего, что лев очень часто таскает куски со стола гиен. Три года назад мы с Гуго убедились в этом собственными глазами. Группа гиен с Когтистых скал загнала добычу на закате, и, когда мы подъехали, вокруг туши убитого гну было всего семь или восемь гиен — лишь по ночам, когда гиены начеку и полны энергии, они с невиданной быстротой сбегаются к свежей добыче. Через несколько секунд после того, как мы остановили машину, к добыче примчался молодой лев. Ему было года два, и грива у него едва начинала пробиваться. С яростным ревом он прыгнул вперед, и гиены отскочили, но к ним прибывало подкрепление — через несколько секунд вокруг туши с низкими рыдающими воплями стала стягиваться группа из четырнадцати гиен, хвосты у них стояли торчком.

Вдруг мы заметили, что к терзающему мясо льву с тыла подползает Леди Астор. Она с величайшей осторожностью передвигала лапу за лапой, видимо, изо всех сил стараясь сохранить элемент внезапности при нападении. Подобравшись к льву примерно метра на полтора, она метнулась вперед, куснула его за лапу и удрала с хохотом, словно потрясенная собственной дерзостью и нахальством.

Лев взревел и обернулся, и в тот же миг к добыче подскочили и стали ее рвать все гиены. Когда погнавшийся было за Леди Астор лев вернулся, от туши отбежали только две гиены. Похоже было, что лев напуган: он даже не пытался отогнать гиен от своей добычи, а стоял, хлеща себя хвостом и потирая о землю прокушенную лапу. И даже когда подошел еще один двухгодовалый лев, оба зверя не стали отгонять гиен, а просто присоединились к их трапезе. Этого зрелища мне не забыть — два льва рвут шею мертвого

гну, а рядом толпа завывающих, хохочущих, рычащих гиеи рвет круп.

Но хотя гиены порой и берут верх над молодыми львами или одинокими львицамн, перед матерым львом оии предупреднтельно расступаются. Как-то иочью мы ехали следом за Миссис Браун, бегущей по равнине. Вдруг мы увндели силуэты гнен, к которым подбежала Миссис Брауи,— они четко вырисовывались в луиином свете. Мы остаиовились поблнзости. Метрах в пятидесяти от гнеи прайд львов — две львнцы и иесколько полувзрослых и маленьких львят — расправлялся с тушей убитой зебры. Около добычн вертелись шакалы, ио львята все время бросалнсь на иих, так что еслн им что и перепало, то явно какие-нибудь крохн.

Через несколько минут из темноты выиырнула Кровавая Мэри — распушенный хвост торчком, взгляд прнкован к львам. Она остановилась рядом с машиной и иачала потихоньку рычать; вскоре ей стала подпевать Леди Астор. Обе самки время от времени рылн землю то одиой, то другой передней лапой — признак нерешительности. Потом Кровавая Мэрн испустила серию басовитых «ууууу-гуу», Леди Астор ей подтянула, вой подхватила еще одна гиеиа, за ней — другая, и вскоре повсюду вокруг иас зазвучал дикий вой. Через несколько секуид Кровавая Мэри н Леди Астор двииулись в сторону львов, за ними плотиой толпой следовали остальные гиены. В иаступающей на львов армии мы насчитали двадцать девять гиен из клаиа Когтистых скал. По мере приближеиия оии завывали все громче, перемежая рыдающие вопли диким ревом н жутким рычанием. Ннкогда мне ие приходилось слышать такой сумасшедшей какофоиии! Гиены подходнли все блнже, и шум становился все оглушительиее.

Но вдруг с иеподражаемой плавной стремнтельностью обе львицы вскочили, и кругом прокатнлся вибрнрующнй, клокочущий рокот тревожиого ворчаиия гиеи. Одна львица демоистративио отбросила задиими лапами пучки травы, готовясь к прыжку, и гиены обратились в бегство — в иаступавшей тишиие ясио слышался топот их тяжелых лап. Львицы гиалнсь за ними по крайней мере метров сто, и одиа из инх едва не настигла старушку Бочку.

Затем львицы вернулнсь к добыче и продолжали пировать, а гиены, затаившись в траве, ие подавалн признаков жнзни. Но минут через десять снова поднялось рычание н уханье. Гиены вставалн н метались вокруг. Завываиие становилось все громче. Леди Астор так жутко ревела под окном, что, не будь я в машине, у меня бы кровь застыла в жилах! И вот гиены стали подбираться к львам: когда передние былн от прайда всего в двадцати метрах, шум достнг небывалой, иевероятиой снлы. (А Лакомка все это время мирно спал, свернувшись калачиком на заднем сиденье.)

Вдруг весь этот тарарам смолк, и снова негромкое тревожное рычание прокатилось в воздухе. Львицы не двигались, и мы ничего не понимали, но, проследив за взглядом Кровавой Мэри, увидели, что к добыче шествует чериогрнвый лев в сопровожденин свиты из шакалов. С расстояния не меньше ста метров от ближайшей ги-

ены лев бросился в атаку и гнал гиен метров двести — довольно длинная для льва пробежка. Потом он прыжками вернулся к добыче, и львицы с львятами поспешно убрались. Когда он стал есть, они все легли неподвижно и даже не пытались составить ему компанию. Теперь в своей стихии оказались шакалы. Взрослые львы — должно быть, просто от лени — обычно очень спокойно относятся к этим подвижным как ртуть воришкам. Вскоре возле добычи сновало уже семнадцать шакалов, хватая, что подвернется, и мигом отскакивая. Но на гиен появление льва оказало как раз противоположное действие — они стушевались и притихли. Многие — в основном особи высокого ранга — вообще ушли, а остальные расположились на безопасном расстоянии, окружив львов неровным кольцом на расстоянии примерно восьмидесяти метров, дожидаясь, не останется ли после ухода львов нескольких костей.

В том, что гиены проявляют такое уважение к матерым львам, нет ничего удивительного. Однажды ночью клан Когтистых скал прикончил гну на самой вершине гребня Когтистых скал, у нагромождения серых камней. К этому времени гребень принадлежал клану реки Мунге, расширившему свои северные границы. Заслышав громкое рычание рвущих добычу гиен Когтистых скал, к этому месту стали сбегаться и гиены из клана завоевателей. Они сновали взад-вперед у невидимой границы, в растерянности разрывая землю. Но мы-то знали, что, дождавшись подкрепления, они отважатся напасть на клан Когтистых скал.

Оба клана подняли дикий шум, и, когда из темноты с пугающей внезапностью выскочили два льва, никто из гиен их не заметил, пока они не оказались буквально в гуще клана Когтистых скал. Тут гиены бросились врассыпную, одна из них в панике побежала не в ту сторону, и лев прижал ее к скале. Прыгая, он поднял облако пыли, белевшей в лунном свете, и мы с минуту ничего не могли разобрать.

Когда пыль рассеялась, мы увидели гиену, приподнявшуюся на передние лапы,— двигаться она не могла. Это был Старатель, и, как мы узнали позднее, у него была сломана спина. Оба льва бросились за другими гиенами, но вскоре один из них, громадный черногривый самец, вернулся. Немного помедлив,— хвост у него так и хлестал по воздуху — лев решительно направился к гиене. Старатель отшатнулся, обнажив зубы в устрашающей гримасе, но лев схватил его за горло и медленно придушил. Ни мне, ни Гуго никогда не забыть то злорадство, ту явную ненависть, с которой лев убивал Старателя; признаться, еще некоторое время спустя нас продолжала бить дрожь при одном воспоминании об этой неожиданно злобной расправе.

Но в то самое время, когда лев приканчивал Старателя, к добыче подошла, к нашему несказанному удивлению, одна из гиен с реки Мунге и преспокойно принялась уплетать мясо. Она наслаждалась не больше секунды — второй лев, тоже взрослый, вернулся к туше и, увидев нахалку у добычи, с громким ревом бросился на нее. Гиена отскочила и даже успела удрать, но лев страшно изра-

нил ее. Мы видели ее на следующий день, всю истерзанную и едва живую, и поняли, что ей уже не подняться.

Лев не стал есть Старателя; хотя мне известно много случаев, когда львы убивали гиен, я знаю только один случай, когда лев убил и съел гиену. Даже сами гиены, судя по всему, не очень-то охотно трогают мертвую гиену, по крайней мере в Нгоронгоро, где пища всегда в изобилии. Весь следующий день тело Старателя, брошенное львом, пролежало на вершине гребня Когтистых скал. Вечером несколько членов его клана принюхивались, проходя мимо, но останавливаться не стали. В конце концов Миссис Браун взяла на себя отвратительный подвиг каннибализма, чтобы убрать труп, позднее к ней присоединилась ее подруга. Ни одна из проходивших мимо гиен к ним не примкнула. Но вот у подножия холма показалась маленькая процессия щенят из Логова Золотых трав. Соус, сначала хорошенько покатавшись на трупе, принялся жадно набивать себе брюхо. Его примеру последовал Пикуль, а за ним на мясо набросились Пестрячок и остальные щенки. И почти в тот же миг отовсюду стали прибывать взрослые гиены, и все присоединились к пирующим.

В кратере гиенам нет нужды питаться чужой добычей или падалью — дичи хватает, и кланы большую часть пищи добывают охотой. Мне даже кажется, что, чем выше по рангу гиена, тем меньше для нее необходимости становиться чьим-то нахлебником. Например, Кровавая Мэри и Леди Астор досыта наедались почти каждую ночь. К чему им пробегать километр за километром, увидев, что где-то вдали приземлился гриф, или прислушиваться к далекому хохоту кормящейся гиены на самых задворках своих владений? К чему им всю ночь напролет слоняться поодаль от пирующего прайда львов в надежде раздобыть жалкие косточки? Но гиены пониже рангом получают гораздо меньшую долю общей добычи. Поэтому они более бдительно следят за малейшими признаками пира хищников где-нибудь вдали.

Гиена по своему общему складу отлично приспособлена к образу жизни падальщика. У нее не просто тончайший слух — она способна точно определить направление донесшегося до нее звука; выносливость у нее изумительная — она может километров пятнадцать пробежать быстрым галопом; у нее хватает терпения всю ночь дожидаться остатков львиной трапезы или преследовать раненое животное, пока оно не ослабеет настолько, что с ним легко можно справиться. Вдобавок ее мощные челюсти дробят все, кроме самых прочных костей, а желудочный сок способен растворить что угодно. Кроме того, гиена умеет отлично применяться к обстоятельствам и всегда готова попробовать любое «перспективное сырье» для поддержания своего обмена веществ — начиная с кожаных сапог и кончая внутренностями автомобиля.

Удивительно, отчего люди так брезгливы, когда разговор заходит о непривычных для них продуктах или способах питания. Многие англичане без ужаса не могут подумать о ножках лягушек или виноградных улитках; западная цивилизация возмущается

при одной мысли о жареных термитах или о супе, в котором плавают живые рыбы. Да и взять хотя бы нашу собственную семью: Гуго приходит в священный ужас, когда я ем на завтрак копчушки, а я — от сырой сельди по-голландски, которую он обожает. И нет ничего удивительного в том, что большинство людей с отвращением относятся к столь далекому от нашего способу питания гиен. Поначалу я и сама чувствовала отвращение, но потом заметила, что моя брезгливость мало-помалу исчезает. Мне кажется, что, наблюдая за ними, я как бы переключаюсь на другую длину волны. Миссис Браун так нескрываемо наслаждается кусочком еще теплой кишки с начинкой из полупереваренных трав, что я смотрю на эту пищу ее, гиеновыми, глазами... просто слюнки текут! Но стоит мне вообразить, что я сама пробую этот кусочек, как у меня все внутри переворачивается. И тот же самый прием «настройки на гиен» я применяю, когда вижу, как Водка облизывает засохшую кровь или тягучую слюну с губ матери или Веллингтон напускает мочи в ту лужу, из которой лакает.

Но большинство людей, несмотря ни на что, не расстанутся со своим отвращением. И туалет гиены, наверное, вызовет у них еще более острое отвращение. Потому что если гиена и проявляет признаки полнейшего блаженства, то именно тогда, когда ей удается выкататься в какой-нибудь гадости, которая людям кажется абсолютно тошнотворной, вроде куска прогнившей кишки, дохлого зверька, кучи навоза или — высший экстаз! — в отрыжке кого-нибудь из соплеменников. И вряд ли тут поможет напоминание о том, что даже самая избалованная домашняя собачка, украшение гостиной, при случае готова «надушить» свое холеное тельце теми же ароматами.

Гиен часто рвет, и они всегда катаются в своей отрыжке. Я не сразу поняла, что это не рвота в обычном смысле слова, а именно отрыжка, освобождающая желудок от массы непереваренной шерсти. Часто, покатавшись на этом волосяном комке, гиена вытаскивает оттуда кусочки полурастворившихся костей — видимо, они уже размягчены, так как гиена грызет их, а хруста не слышно.

Если гиена отрыгивает комок шерсти, находясь среди своих сородичей, ей приходится туговато, поскольку подобрать кусочки костей и всласть покататься на остатках хочется не только ей одной. Однажды я видела, как Нельсон, лежавший возле Логова Золотых трав, выплюнул такой ком шерсти. Не успел комок коснуться земли, как на него навалились трое щенят. Нельсон приготовился выплюнуть второй комок — к нему тут же подскочили два других щенка, подстерегая момент, когда комок вылетит из его пасти. Нельсон, приостановившись, поглядел на них здоровым глазом, сделал усилие, задержал отрыжку в зубах, отбежал в сторону, бросил ее, выбрал несколько кусочков кости и только-только подогнул шею, чтобы роскошно выкататься, как щенки налетели на него. И когда Нельсон, изловчившись, все же стал кататься на своем сокровище, один из щенков, лихорадочно принюхиваясь,

обнаружил следы драгоценного запаха на морде старика и стал кататься... у него на голове!

Я помню еще один случай. Кровавая Мэри освободилась от комка шерсти и начала кататься на нем, подскочил Водка и стал кувыркаться рядом. Тут и Леди Астор заметила это, подбежала и тоже начала кататься, стараясь подобраться как можно ближе к комку шерсти. В какой-то момент она навалилась на Водку, которому едва исполнился год. Передо мной мелькнула сплющенная мордочка и две дергающиеся передние лапки, когда он тщетно пытался выбраться из-под увесистой приятельницы своей мамаши.

Мы еще не знаем, почему гиены, как и многие хищники, любят кататься на таких пахучих веществах. Но, в конце концов, ведь и люди (в особенности женщины) тоже любят умащивать свои тела сильно пахнущими веществами. А если еще принять во внимание, что большинство дорогих духов сделано на основе выделений из анальных желез циветт, то, может быть, нам и не следует особенно удивляться или критиковать парфюмерные пристрастия гиен.

Многим животным неимоверно досаждают мухи — мухи кусающие, жалящие и просто ползающие и щекочущие. Вид спящего льва, покрытого массой насекомых, которые забираются между ног, облепляют брюхо, глаза, морду, всегда приводил меня в содрогание. Но гиена спасается от этих мучителей, покрывая себя грязью. Улегшись на бок, гиена начинает копать землю передней лапой, как совком, подбрасывая грязь высоко в воздух, так что иногда вся задняя часть ее туловища скрывается под кучей земли. И тогда, прикрыв скрещенными лапами глаза и нос, гиена предается мирному отдыху. Есть у гиен и другой способ обеспечить себе некоторый комфорт. Если стоит жара, она отдыхает в прохладной глубине норы, а то укладывается в воду или грязь. В сухую погоду, перед тем как лечь, она сначала «прудит» под себя, взбивая грязь всеми четырьмя лапами, а потом уж устраивается и сибаритствует в этой луже, приготовленной «подручными» средствами.

В сезон дождей гиены почти весь день валяются в лужах. Както в полдень особенно жаркого дня я объезжала гнездовой участок клана Когтистых скал. Сначала мне попался Веллингтон — он лежал в луже на брюхе, положив подбородок на вытянутые лапы и зажмурив глаза. Подальше в глубокой жидкой грязи блаженствовала Миссис Браун. Подняв голову, она взглянула на меня; с подбородка у нее капала бурая жижа, а на воспаленном кончике носа красовалась нашлепка из грязи. Потом она перевернулась на другой бок, так что грязь забулькала и зачмокала, и снова развалилась. В луже по соседству быстро-быстро копала, поднимая целый фонтан грязной воды, Бочка. Приняв «душ», она опрокинулась на спину, так что все четыре лапы заболтались в воздухе. Ее большие карие глаза постепенно закрывались. Я поехала дальше.

Кровавая Мэри и Леди Астор лежали рядышком на краю большой лужи, уютно утопив в воде лапы и брюхо. К ним подошла Мисс Гиена. Она аккуратно, как подобает барышне, вступила в мутную

воду, немного добавила в нее от себя и улеглась, заливая свою пушистую блестящую шерсть жидкой грязью.

Гиены Озерного клана и в сушь и в дождь чаще всего валяются на отмелях кратерного озера. Это озеро — содовое, и мы по собственному опыту знаем, что одежда, которую часто стирают в такой воде, сильно выцветает. Может быть, по этой причине шерсть у старших гиен Озерного клана совсем бледная и почти без пятен. Шкурам гиен Когтистых скал не грозит «отбелка» — в сухой сезон они могут валяться в реке Мунге или в близлежащем болоте.

Самое быстрое купание, которое мне приходилось когда-либо видеть, произошло на моих глазах, когда Веллингтон «ухаживал» за Леди Астор, по крайней мере я сочла это ухаживанием. Но надо все рассказать по порядку. Он неотвязно, как верная тень, следовал за ней. Леди Астор подошла к реке Мунге, приостановилась и отметила участок травы. Когда же Веллингтон стал кататься в этом чарующем запахе, она соскользнула с берега вниз. Я слышала всплеск — это она плюхнулась в реку. Веллингтон заторопился, но не успел добежать до берега, как она уже вылезла, мокрая с головы до хвоста, и бодрым шагом устремилась на равнину. Веллингтон, казалось, не знал, что делать. Было сухо и страшно жарко, и видно было, что ему до смерти хочется освежиться в воде. Но Леди Астор быстро уходила, а потерять ее он не согласился бы ни за что на свете. Внезапно, приняв решение, он помчался к воде, и не успела я сосчитать до пяти, как он выскочил на берег, окунув только брюхо и половину крупа. Не выпив ни глоточка — губы у него были сухие,— Веллингтон понесся по равнине догонять Леди Астор.

Отношения полов у гиен до сих пор покрыты для меня тайной. Мы с Гуго дважды видели спаривание гиен и много раз наблюдали «церемонию поклонов», которая почти несомненно входит в ритуал ухаживания. Но всякий раз, когда я была уверена, что длительное «поклонение» наконец принесет плоды, самка и ее поклонник неизменно скрывались в тростниковых зарослях болота Мунге — а туда, как я уже говорила, путь на машине был заказан.

Однажды вечером я видела, как Леди Астор лежит в траве, а Нельсон стоит метрах в трех у нее за спиной. Внезапно он поклонился, так низко опустив голову, что его подбородок едва не коснулся земли. Потом двинулся вперед, опять поклонился и стал быстро копать землю то одной, то другой лапой приблизительно в метре от Леди Астор. Она подняла голову — он отскочил, зацепился за кочку и растянулся. Леди Астор опустила голову, а Нельсон, поднявшись, стоял и смотрел на нее. Немного спустя он повторил свой подход с поклонами и опять рыл землю, но тут же быстро отошел, хотя Леди Астор не шевельнулась. До темноты оставалось часа два, и все это время Нельсон повторял свои поклоны с копанием, подходы и отступления. Если он подбирался чересчур близко, Леди Астор огрызалась, и он бросался бежать, зажав хвост между ног. А в антрактах между этими сценами он лежал, не сводя глаз с самки. Временами он издавал несколько негромких мирных

«ууууу-гуу», Леди Астор и ухом не вела в ответ. Стало быстро темнеть; Леди Астор поднялась и пошла к тростникам. Там в сопровождении Нельсона, который держался немного позади, она и исчезла.

На следующий день Леди Астор кланялся Черный Страж — самец более высокого ранга, чем Нельсон. Нельсон околачивался тут же, но несколько раз, когда он подходил слишком близко, Черный Страж прогонял его. Когда солнце стало припекать, Леди Астор забралась в прохладную нору, а Черный Страж, пыхтя, как паровоз, остался на самом солнцепеке, у входа в нору, только набросал на себя огромную кучу земли. Он так и не сходил с места, а когда Леди Астор вышла около четырех часов, он снова стал кланяться. В сумерки пара отошла от норы и исчезла в тростниках.

Эти сцены повторялись целых шесть дней. Каждый день Леди Астор пользовалась вниманием самца несколько более высокого ранга, чем днем раньше, пока, наконец, на пятый день ее спутником не стал Веллингтон, самец номер один клана Когтистых скал. Поблизости от этой пары слонялись толпой другие самцы, но едва кто-нибудь из них приближался, Веллингтон бросался на него, и тот отступал. И в этот вечер, как обычно, Леди Астор исчезла в тростниках в сопровождении самца.

На следующий день Веллингтон ходил за Леди Астор как привязанный, буквально касаясь носом ее крупа. Когда она улеглась в позе сфинкса, Веллингтон подошел и «копнул» лапой прямо по ее спине, и хотя он быстро отскочил, она на него не огрызнулась. Он снова подошел, положил одну из передних лап возле ее бока, припал грудью к ее спине и слегка прикусил ее за шею. Я была уверена, что наконец-то увижу завершение церемонии поклонов. Но Леди Астор встала — и могу поклясться!— уходя в тростники, бросила на меня через плечо торжествующий взгляд!

Три дня я не могла даже отыскать эту пару, но когда они вернулись, Леди Астор, казалось, перестала привлекать самцов. Если вы спросите, понесла ли она, я определенно отвечу — нет! Собственно говоря, из шести самок, которые на моих глазах принимали ухаживания самцов, только одна принесла щенят через шестнадцать недель: как и полагается у гиен. И в то же время церемония поклонов разыгрывалась только перед самками, которые могли быть в течке,— это были либо молодые взрослые самки без щенят, либо самки, которые уже перестали или вскоре должны были перестать кормить щенят. И самое интересное, что каждый раз Веллингтон, доминирующий самец, получал после первых нескольких дней преимущество перед остальными.

А поклонников одной молодой самки неизменно, одного за другим, отваживали Кровавая Мэри и Леди Астор. Те четыре дня, пока удавалось наблюдать за событиями, они обе как будто несли поочередно вахту возле молодой самки. Как-то утром Кровавая Мэри — должно быть, роль дуэньи в этот день исполняла она — лежала рядом с молодой самкой, а Нельсон и Черный Страж устро-

ились неподалеку. Солнце начинало припекать, и Кровавой Мэри было все труднее оставаться на месте; наконец она поднялась и отправилась к норе метрах в сорока от этого места. Нельсон и Черный Страж сели и очень внимательно следили за ней, а когда она отошла метров на десять, оба двинулись к молодой самке. В этот момент Кровавая Мэри обернулась и заспешила обратно. Самцы отбежали, а Кровавая Мэри снова улеглась возле молодой самки. Но терпения у нее хватило только на десять минут, и она снова пошла в сторону норы, через каждые два-три метра оглядываясь на оставшуюся позади группку. И только когда она отошла больше чем на двадцать метров, Черный Страж встал и, не спуская с нее глаз, стал потихоньку подходить к самочке. Когда Кровавая Мэри снова оглянулась, Черный Страж застыл на месте, и она пошла дальше. Черный Страж тут же двинулся к молодой самке и снова застыл, когда Кровавая Мэри оглянулась. На этот раз, посмотрев на него внимательнее, доминирующая самка медленно потащилась обратно и с глубоким вздохом улеглась на солнцепеке. Все же через пять минут она встала и опять пошла к норе. Теперь уж ни Нельсон, ни Черный Страж не тронулись с места, пока она не скрылась в своей норе. Тут-то они без промедления бросились к молодой самке и принялись, загнув хвосты, рыть землю и трогать лапами ее спину. И только я одна заметила, как голова Кровавой Мэри высунулась из норы. Несколько секунд она не двигалась, потом пулей выскочила из норы и помчалась к ним. Теперь самцам пришлось признать свое поражение, и вскоре Кровавая Мэри и молодая самка вместе забрались в прохладу расположенных рядом нор.

Я никак не подыщу объяснения, чем было вызвано это постоянное вмешательство Кровавой Мэри и Леди Астор. Может быть, им не нравилось, что молодая самка привлекает всеобщее внимание, или они старались защитить ее от приставаний самцов? Но какова бы ни была причина, со своим добровольным заданием они справлялись как нельзя лучше, а молодая самка как будто не имела ничего против.

Непосредственно перед тем, как стать привлекательной для самцов, самка-гиена может подвергнуться всеобщей травле. Както вечером я была поражена, увидев Леди Астор, припавшую к земле в окружении шестерых самцов. Самцы — среди них были Нельсон, Черный Страж и Веллингтон — рыли землю и кланялись. Вдруг они разом бросились вперед, воинственно загнув хвосты, и, к моему несказанному удивлению, Леди Астор, вторая по рангу дама в стае, припала к земле, улыбаясь от страха, и заскулила, как плачущий щенок. Самцы налетали на нее раз за разом, и внезапно Черный Страж укусил ее в затылок. Леди Астор мгновенно вскочила и погналась за Черным Стражем, а тот удрал с хихиканьем; разбежались и остальные самцы. Но час спустя они опять напали на Леди Астор, и их было еще больше.

Это произошло за день до того, как Нельсон первым стал ухаживать за Леди Астор с поклонами. И еще трижды я видела, как

самцы всем скопом нападают на самку за день до того, как начинается серия последовательных ухаживаний и «поклонений». Одну из самок, стоящую очень низко по рангу, несколько самцов здорово искусали, но она отыгралась в следующие дни — покусала троих своих ухажеров, да так, что один из них еще долго хромал.

Подобные нападения всех на одного — своеобразное явление в жизни гиен, и вызывается оно самыми разными поводами. Я уже рассказывала, как щенки порой нападают на самца низшего ранга, иногда совсем прогоняя его от норы. Бывает иначе — общая свалка начинается из-за склоки между двумя гиенами; когда доминирующая особь торжествует победу над поверженным врагом, к ней могут присоединиться другие гиены — они сбегаются, рычат и кусают несчастную жертву. Иногда нападению подвергаются старшие самки, когда они кормят своих щенков. Так, однажды к мирно кормившей близнецов Бочке подошли Кровавая Мэри, Леди Астор и еще одна самка — хвосты у всех воинственно загнуты на спину. Они стояли, возвышаясь над Бочкой, и со свирепым рычанием кусали ее в шею и в спину. Старая самка съежилась на земле, повизгивая и улыбаясь. Когда нападающие немного поутихли, она стала отходить, а за ней, надрываясь от крика, бежали оба щенка — стоит помешать молодой гиене сосать, и она способна устроить жуткий скандал. Бочка легла в сторонке, и близнецы опять присосались к ее соскам. Но самки не отстали — они снова напали на мать, и ей опять пришлось уходить в сопровождении громко негодующих щенков. Все это повторилось еще раз, пока наконец ее не оставили в покое.

Только один факт, как мне кажется, мог бы пролить свет на причину такого поведения. Однажды, когда Миссис Вонючка кормила своего полувзрослого щенка, к ней стал подкрадываться ее старший детеныш (не могу сказать, какого он был пола). Каждую лапу он ставил невероятно осторожно, полусогнув ноги и явно стараясь быть как можно незаметнее. Миссис Вонючка не замечала его, пока он не подошел к ней вплотную. Тут она взвизгнула, широко раздвинула губы в улыбке и прижалась к земле. Маленький щенок сбежал, а старший стоял над ней, рыча, поставив хвост торчком и угрожающе прижав морду к спине матери. Немного погодя он утихомирился, обнюхал и лизнул мать, а потом ушел в сторонку. Младший щенок снова вернулся и стал сосать.

Возможно, старшему детенышу не нравилось, что младший сосет? Если это так, то более длительное наблюдение может подтвердить, что всеобщее нападение на мать возникло большей частью по инициативе старших ее детенышей: остальные могли присоединяться потом просто ради компании.

Гиены вообще часто докучают матерям во время кормления. Когда взрослая гиена подходит поздороваться с кормящей матерью, нередко возникают ссоры. Помню, однажды миссис Браун кормила Пестрячка, а Леди Астор сунула морду ей под заднюю ногу, чтобы поприветствовать ее. При этом она носом оттолкнула Пестрячка, щенок завопил и снова полез к соску, но Леди Астор,

зарычав, опять его отшвырнула. Щенок, конечно, закатил истерику и стал с воплями носиться вокруг своей мамаши; Миссис Браун с подобострастной улыбкой припала к земле, а Леди Астор стояла над ней и рычала. Потом обе самки лизнули друг друга, и инцидент был исчерпан. Когда в роли кормящей матери оказывается более высокая по рангу самка, то рычит она, и если подчиненная гиена продолжает лезть со своими непрошеными приветствиями, то мать с щенком гонят ее прочь.

В другой раз, когда сама Леди Астор кормила полуторагодовалую Мисс Гиену, к ним подошла молодая взрослая самка, оттолкнула Мисс Гиену от соска и заставила ее дважды обежать мать, преследуя ее с задранным вверх хвостом. Леди Астор невозмутимо лежала и только глядела на них. Мисс Гиена снова начала было сосать, но молодая самка тут же оттолкнула младшую и с визгом понеслась за ней вокруг матери. Тогда Леди Астор встала и ушла, а Мисс Гиена пошла следом, но молодая самка опять увязалась за ними, и, как только младшая начала сосать, старшая потихоньку-полегоньку всунула морду между Мисс Гиеной и ее матерью. Потом она положила между ними одну переднюю лапу, за ней другую и в довершение улеглась чуть ли не на Мисс Гиену — но та продолжала самозабвенно сосать.

Подобное поведение мне приходилось наблюдать неоднократно, так же как и случаи, когда маленьких щенков, идущих за матерью, раз за разом отгоняют молодые гиены. Я подозреваю, что в этом замешаны главным образом старшие дети той же матери. И в самом деле, молодая самка, оттиравшая Мисс Гиену, была вылитая Леди Астор.

Щенки гиен, как правило, сосут до восемнадцати месяцев, и период отъема, который иногда растягивается на несколько месяцев, нелегко дается и матери, и детенышу. В этот период Мисс Гиена оказалась очень трудным ребенком. Ей было около полутора лет, и за три недели, которые мы провели в кратере, не было дня, чтобы она не закатила истерику из-за отъема. Как-то раз, когда мать не пустила ее сосать, она попятилась назад, громко скуля — звук был резкий, скрипучий, нескончаемый. Затем бросилась к Леди Астор, и, подогнув лапы так, что брюхо у нее тащилось по земле, стала кружить вокруг матери, поскуливая, улыбаясь и подняв хвостик. Через некоторое время она опять сунулась к соскам, получила быстрый укус и отскочила, заливаясь визгом. Леди Астор сдалась и покормила дитя. Так и продолжалось день за днем, истерики достигали все более высокого накала, и нередко мать и дочь затевали грызню.

За три дня до нашего отъезда из кратера я видела, как Леди Астор не подпускала дочь ни на минуту, хотя та приставала к ней не меньше часа. Снова и снова Мисс Гиена с великими предосторожностями ложилась на землю и совала нос к материнским соскам, и каждый раз Леди Астор оборачивалась и огрызалась. Наконец Леди Астор встала и начала кружить за дочерью по маленькому кругу, почти на месте, то и дело кусая ее в шею и в

спину. Не знаю, сколько продлилось бы это испытание воли, если бы не прибежал еще один щенок. Тут Мисс Гиена прекратила свои приставания ради удовольствия повозиться и покувыркаться и оставила Леди Астор в покое.

Большинство хищников кормят своих детенышей молоком всего несколько недель. В сравнении с этим восемнадцать месяцев, а то и больше, когда молодая гиена остается «сосунком»,— поразительно долгий период. Тем не менее это необходимо, потому что гиена не приводит детей к добыче и, как правило, не приносит пищу к логову. Так что подрастающий детеныш почти полностью живет на материнском молоке.

Иногда матери приносят к норе кости и, хотя сами гложут их некоторое время, почти всегда разрешают и щенкам немного погрызть. Порой даже кажется, что они притаскивают кости только ради того, чтобы позабавить свое потомство. Как-то раз, например, Бочка притащила большой кусок хребтины к норе, где несколько часов назад оставила близнецов. Она положила кость, чуть присыпала ее землей, разрывая вход в нору, и негромко позвала. Но щенков как не бывало — они тем временем перешли к другой норе. Двадцать минут Бочка таскала кость от норы к норе, у каждой копала землю и звала и наконец разыскала близнецов. Бросив свое приношение перед носом у малышей, она легла отдохнуть. С места она сошла только для того, чтобы помочь своим щенкам отогнать другого малыша, который норовил к ним примазаться.

Но подобные трофеи обычно малопитательны, и до тех пор, пока щенок не подрастет и не сможет вступить в бой у туш с другими падальщиками, пока челюсти у него не окрепнут настолько, чтобы дробить крепкие кости, и — самое главное — пока он не сумеет занять свое место среди членов собственного клана в борьбе за добычу, он всецело зависит от молока матери. В сплетении этих причин и следствий и кроется ответ на вопрос, почему некоторые щенки гиен растут гораздо быстрее других,— это зависит от общественного положения матери. Самка высокого ранга всегда добывает больше пищи, ей достаются лучшие куски, так что, видимо, и молока у нее больше, и оно много питательнее. Кроме того, щенок доминирующей матери обычно начинает подходить к добыче раньше, чем щенки подчиненных матерей.

Так, Пестрячок, единственный детеныш, в свои двадцать месяцев намного обогнал в росте близнецов, которые были месяца на два старше. Матери — Миссис Браун и Бочка — были примерно равны по положению, но Пестрячок, должно быть, получал больше молока, чем близнецы, которым приходилось все делить на двоих. И в то же время близнецы росли гораздо быстрее другого единственного щенка, мать которого была значительно ниже Бочки по положению в клане.

Но особенно разительный пример быстрого развития щенка являл собой, как и следовало ожидать, Водка, уцелевший щенок главной самки клана. Водка, если вы помните, стал прибегать к

добыче в очень раннем возрасте и, как правило, наедался до отвала. Когда ему исполнился год, он сравнялся ростом с щенками старше его на полгода; более того, Кровавая Мэри перестала его кормить уже в этом возрасте, на полгода раньше, чем большинство гиен. И я ни разу не видела, чтобы Водка поднимал шум, когда мать отказывалась его кормить: должно быть, он достаточно хорошо питался и молоко стало для него просто лакомством.

Наше изучение гиен пока еще находится на самом начальном этапе, и все же мы уже понемногу разбираемся в тех отношениях, которые складываются у матерей со взрослыми детьми. Миссис Браун почти не соприкасалась со своим старшим сыном, Мастером Бейджем, а если им и приходилось сталкиваться, то они чаще всего вели себя недружелюбно. Две другие самки относились к своим сыновьям так же. А Леди Астор и Мисс Гиена (которой в ту пору было года четыре), совсем наоборот, всегда находились в одной группе, вместе ели добычу и, отдыхая, лежали рядышком. Когда Леди Астор укладывается и дочь подходит к ней поздороваться, это частенько смахивает на очередную попытку пососать: она шлепается на землю, почти прижав морду к соскам матери. А Леди Астор обычно миролюбиво кладет переднюю лапу на бочок Мисс Гиены — точь-в-точь, как и в ту пору, когда она была еще маленьким щенком. Очень интересно, что и Водка, уже перестав сосать, часто приветствовал свою мать и лежал около нее, как Мисс Гиена. Вполне возможно, что Водка окажется самкой.

И хотя мы знаем еще совсем мало, все же можно предполагать, что ранг матери влияет на общественное положение потомства в клане. Например, Мисс Гиена уже сама по себе была особью высокого ранга, даже в отсутствие Леди Астор. А если оказывается, что мать высокого ранга воспитывает сына, то ее положение в клане косвенно влияет и на его последующее территориальное поведение, потому что именно самцы высокого ранга наиболее строго соблюдают границы территорий. Ни разу мне не приходилось видеть, чтобы Веллингтон, первый самец стаи, нарушал границы соседних кланов — разве что в толпе своих соплеменников, как, например, во время пограничных конфликтов. А вот одноглазый и почти всеми притесняемый Нельсон сплошь да рядом забредает на чужие территории, одиноко рыская в поисках пропитания. Я даже видела, как он лежит по ту сторону границы территорий клана Когтистых скал. Для самца вроде Нельсона, конечно, выгодно такое расширение территории поисков: он стоит ниже даже наиболее подчиненных самок, и вместе с щенками, едва подросшими, чтобы принимать участие в трапезе, ему перепадают сущие крохи. Но вообще вопрос о территориальном поведении самцов гиен еще далеко не ясен, потому что, как вы сейчас увидите, даже молодые самцы достаточно высокого ранга могут стать членами двух кланов одновременно.

Вполне вероятно, что многие гиены моложе двенадцати — восемнадцати месяцев до некоторой степени свободны от строгих правил, касающихся большинства взрослых гиен. Однажды,

когда гиены с Когтистых скал и с реки Муиге препирались из-за добычи, щенок из клана Муиге преспокойно подошел к щенку с Когтистых скал, и они дружески поприветствовали друг друга. Я следила за тремя разными щенками с Когтистых скал, поодиночке отправлявшимися в походы за продовольствием и уходившими далеко за границы территории клана. Когда щенок, которому предстоит стать самцом высокого ранга, подрастает, то на формирование у него более строгого территориального поведения, возможно, влияет его активное участие в патрулировании и разметке границ, а также в пограничных стычках.

Но особенно любопытны те случаи, когда самец гиены чувствует себя как дома сразу в двух кланах. Такой самец может занимать сравнительно высокое положение в клане, где он родился, и тем не менее старается — и по всей видимости, совершенно сознательно, с завидной настойчивостью — установить хорошие отношения с отдельными членами соседнего клана. Если это ему удается, его терпят не только на охотничьей территории соседей, но и при дележе добычи. И в то же время он сохраняет право участвовать в жизни своего родного клана.

Нам очень повезло — мы смогли наблюдать, как молодой самец из клана Когтистых скал постепенно становился своим в Озерном клане. Но необычайное положение этого самца, которого мы назвали Комиком, трудно правильно оценить, не познакомившись с отношениями этих двух кланов гиен.

Представители обоих кланов часто патрулируют границы своих территорий, которые тянутся примерно полтора километра по открытой равнине; в некоторых точках этой линии они регулярно «отмечаются». Патрульная группа может состоять из нескольких особей, но иногда она насчитывает до тридцати гиен обоего пола. Щенки, которые еще сосут, насколько нам известно, участия в таких экспедициях не принимают.

Одну из типичных патрульных групп клана Когтистых скал возглавляли Кровавая Мэри и Леди Астор, с ними были и их детеныши — Водка и Мисс Гиена. Веллингтон шел следом за ними. Перед тем как маленькая группа покинула логово, возле которого гиены лежали весь вечер, Кровавая Мэри и Веллингтон испустили несколько воплей «ууууу-гуу». Приближаясь к территории Озерного клана, они двинулись быстрее, и постепенно в их ряды стали вливаться все новые и новые члены клана. В тридцати метрах от границы предводители бросились галопом вперед, загнув хвосты на спину. Остальные бежали за ними. Вдруг Кровавая Мэри и Леди Астор с ходу остановились и, отталкивая друг друга, стали обнюхивать тот самый участок высокой травы, который прошлой ночью на моих глазах отмечали гиены Озерного клана. Вскоре подбежали остальные гиены патрульной группы, и особи высокого ранга столпились в одном месте, причем каждая старалась оттолкнуть нос соседа, чтобы понюхать самой. Гиены более низкого ранга сновали вокруг, и все были очень возбуждены.

Кровавая Мэри первая отметила это место запахом клана Ког-

тистых скал. Подогнув задние ноги, она медленно двигалась вперед, так что длинный стебель травы попал как раз между ног. Мне были видны ее пахучие железы, выпятившиеся над анальным отверстием, они оставляли очень пахучий след на траве. Леди Астор шла за ней по пятам и стала отмечать траву с того места, где кончила Кровавая Мэри. Пока две доминирующие самки отмечали следующий стебель, остальные гиены встали в очередь, готовые последовать их примеру. Веллингтон, отметив один стебель, стал мочиться, разбрасывая землю передними лапами в том месте, где струя падала на землю, и обрызгивал себя и все вокруг. Вскоре и другие самцы занялись тем же.

Но не успели подчиненные гиены дойти до избранных травинок и отметить их, как Кровавая Мэри и Леди Астор уже побежали к следующему «пограничному столбу» — они бежали бок о бок, по-прежнему загнув хвосты кверху. Остальные гиены, покончив с отметками, помчались догонять своих предводительниц. Так они и следовали вдоль всей границы. Ни одна гиена Озерного клана не показывалась, и, отметив заодно часть своих границ с кланом Мунге, наши гиены возвратились на свою территорию и разошлись.

В тех случаях, когда патрульные группы двух кланов сталкивались, неизменно разгорались ссоры, причем гиены Когтистых скал гнали озерных и наоборот — каждый клан становился нападающей стороной, как только противник проникал чересчур далеко на чужую территорию. После этих стычек кое у кого сочилась кровь из ушей, кое-кто прихрамывал, но лишь один раз — об этом рассказано в начале главы — мы видели, как патрульная группа схватила и тяжело ранила соседнюю гиену.

Большая часть ссор между кланами, которые мы изучали, происходила из-за пищи. Например, один раз гиены Когтистых скал загнали и убили гну в тридцати метрах от границы с Озерным кланом. Гиены Когтистых скал все громче ссорились над добычей, а тем временем к ней быстро прибывали члены Озерного клана. Прошло несколько минут, и голодные, полные зависти озерные гиены довели себя до состояния исступленной злобы. Когда они плотной массой напали на гиен Когтистых скал, те обратились в бегство: предводители уже успели наесться досыта и явно не чувствовали себя достаточно озлобленными, чтобы встретить врага лицом к лицу. Но минут через пять озерные гиены высокого ранга тоже успели наесться, и когда скальные гиены, доведенные до исступления видом пирующих врагов, бросились в атаку, клан противника бежал. Добыча пять раз переходила «из лап в лапы», пока с ней не покончили.

Подобные инциденты мы видели много раз — дважды гиены обоих кланов одновременно рвали тушу с разных сторон, но это продолжалось всего несколько секунд и сопровождалось невероятно свирепым ревом и рычанием.

Положение меняется, если добыча убита в глубине территории соседнего клана. В этом случае охотники, как бы голодны они ни

были, все же быстро отступают перед владельцами территории, даже не успев урвать ни кусочка от туши. Однажды гиены Озерного клана свалили добычу на территории клана Когтистых скал; не прошло и пяти минут, как на место происшествия примчалась группа хозяев территории. Нарушители бросились бежать, но одному молодому самцу уйти не удалось. Большая группа предводительствующих гиен клана Когтистых скал, не обращая внимания на тушу гну, бросилась рвать чужака. Они так жутко изгрызли его, что, когда они наконец отошли, он не мог двинуться с места. К утру он подох от ран. И еще несколько раз после этого мы видели, как клан так же расправлялся с другими гиенами, и каждый раз это были очень молодые самцы. Не исключено, что они, подобно юному Комику, только что стали членами соседнего клана, но в пылу битвы их немногочисленные друзья позабыли об этом.

Свирепая вражда соседей придает истории Комика особый интерес. Комик не только занимает высокое положение в своем клане — ему теперь четыре года,— но и верховодит многими молодыми самками клана Когтистых скал. С чего это ему взбрело в голову искать дружбы враждебно настроенных озерных гиен?

Его первые попытки подружиться с гиенами Озерного клана я наблюдала в довольно накаленной обстановке. Клан Когтистых скал убил добычу у самой границы с Озерным кланом, хотя и со своей стороны. Не прошло и нескольких минут, как возле добычи собралось тридцать девять гиен клана Когтистых скал, и у многих морды и шеи вскоре обагрились кровью, ярко-алой в ослепительных лучах восходящего солнца. Сбежались и озерные гиены, рыча и завывая, взрывая белую пыль на самой границе своих владений.

Внезапно до меня донеслось негромкое клокочущее ворчание — сигнал тревоги. Гиен как ветром сдуло: к добыче подскочили два льва. Пока львы расправлялись с добычей, гиены обоих кланов выстроились по обе стороны невидимой «пахучей» границы — и те и другие расхаживали туда-сюда, загнув хвосты, а кое-кто лежал, не сводя глаз со львов. И вдруг в коридоре, образованном двумя кланами, появилась одинокая фигура. Это был Комик. Подойдя к ближайшим гиенам Озерного клана метров на двадцать, он остановился и стал смотреть на них, подняв голову и опустив хвост. Несколько секунд спустя навстречу ему вышла молодая гиена, примерно одного с ним возраста. Когда она подошла поближе, Комик отбежал на несколько шагов, поджав хвост. Но он остановился и не сделал ни шагу назад, когда озерная гиена поздоровалась с ним — нырнула под его подбородок и потерлась о его грудь. Потом оба обнюхали друг друга, приподняв задние лапы. Я была уверена, что они уже давно знакомы.

Но когда Комик, занятый приветствиями, поднял голову, к нему уже подходила шеренга из восьми озерных гиен, и хвосты у всех были воинственно загнуты вверх. Поглядев на них, он повернулся и помчался к своим. Он бросился прямо к Кровавой Мэри и

стал увиваться вокруг нее, подсовывая морду ей под заднюю ногу, терся об нее, тыкался носом ей в пасть и облизывал ей губы, и все время, слегка приседая, неистово вилял хвостом и судорожно кивал головой — полный набор приемов подчиненной гиены. Потом он обошел и поприветствовал остальных гиен, никого не пропуская. Казалось, он старается умилостивить гиен родного клана после своего заигрывания с чужаками.

Комик пробыл на территории озерных гиен в общей сложности тридцать минут, и я уже думала, что тем дело и кончится. Но через двадцать минут после возвращения он опять перешел границу. К тому времени возле нее оставалось всего пять озерных гиен и среди них — самец очень высокого ранга. Никто из пятерки не двинулся с места, пока Комик подходил, а он, на минутку остановившись, пошел прямиком к одной из гиен, намереваясь поздороваться. Но тут доминирующий самец встал перед ним, загнув хвост, и Комик метнулся прочь, но отбежал всего несколько метров, остановился, повернул и снова подошел к одной из гиен.

С полчаса Комик заигрывал с этой пятеркой озерных гиен и несколько раз обнюхивался с тремя из них. Озерные гиены держали при этом хвост торчком или спокойно опускали его, а у Комика хвост был смиренно поджат, и он все время быстро кивал головой. Но каждый раз, когда доминирующий самец подходил метров на десять, Комик в панике отступал. Озерные, следуя примеру своего предводителя, часто отмечали одни и те же травинки возле Комика, но сам он, тщательно обнюхивая это место, ни разу его не отметил.

Вдруг оба льва встали и ушли от туши. Пятеро озерных бросились было к остаткам, но с другой стороны подскочили двадцать гиен клана Когтистых скал, так что пять озерных повернули и убежали. К моему удивлению, Комик, созерцавший всю эту сцену, перешел обратно на территорию Озерного клана и встал около пяти отступивших гиен.

Когда почти вся туша была съедена и возле объедков оставалось всего шесть гиен, озерные снова попытались подойти, но шестерка гиен с Когтистых скал быстро их прогнала. На этот раз Комик встал в ряды своего клана и вместе с ними прогонял озерных гиен, но когда его товарищи вернулись к добыче, он за ними не пошел. Вместо этого, как бы набравшись храбрости от своих сородичей, он первый раз подбежал к «заявочному столбу» и, лихо заломив хвост, отметил его своим запахом. Ну, уж этого они ему спустить не могли! Все пять озерных гиен как одна бросились на Комика, а он дал тягу на свою территорию. Там он и остался. Но в общей сложности на территории озерных гиен он провел час пятнадцать минут и вступил в контакт с четырьмя особями соседнего клана.

После этого Гуго своими глазами видел, как Комик дважды кормился у добычи Озерного клана вместе с хозяевами, и хотя ему перепало не так уж много, во всяком случае, он получил не меньше, чем некоторые самцы этого клана. После одной из таких тра-

пез Комнк даже отправился с группой озериых самцов к общнм норам этого клана, но, не дойдя, остановнлся, посмотрел иемного вслед новым друзьям и вернулся на свою террнторию. В другой раз Комнк внезапно отбнлся от патрульной группы гнен клана Когтнстых скал и в одиночестве побежал на территорию озериых гиен. Чувствовал он себя не слишком увереиио — то и дело останавлнвался, прислушивался,— но тем не менее шел вперед. Наступившая темиота скрыла от нас Комнка — он казался очень одиноким, но все так же настойчиво продвигался в глубь территории озерных гиен.

Есть картины, которые я никогда не забуду, они храиятся в запасниках моей памяти. Хотя уже миновало миого месяцев с тех пор, как мы работали в кратере Нгоронгоро, но стоит мие закрыть глаза, и гиены снова встают передо мной как живые. Я вижу Миссис Браун с откушенным, изуродованиым носом — она лежит у норы и смотрнт, как Пестрячок грызет кусок черепа гну. Но к нему начинает подбнраться более взрослый щенок, и Пестрячок второпях старается ухватнть зубами увесистую кость. В конце концов это ему удается, н он, пошатываясь под тяжестью ноши, ндет прочь, а рога качаются по обе стороны его мордочкн, как громадные усищи. А вот близнецы выходят во главе иебольшой процессии на вечернюю прогулку. Соус, за которым, как всегда, следует Пикуль, подбирается к быку гну. Оба храбро мчатся вперед, лихо задрав свои хвостики, а остальные щенята идут за ними более опасливо, н хвосты у них подняты горизонтально. Гну уставился на них; щенята один за другнм останавливаются и тоже глазеют на него. Внезапно гну всхрапывает н взмахивает головой, и щенята, порастеряв напускную храбрость, опрометью кидаются назад, накрепко зажав хвостики между ног. Они мчатся к спасительной норе, а тем временем появляется Бочка, задевая своим отвислым брюхом верхушки золотых травинок. Она сует голову в нору и начинает копать, даже не подозревая, что ее малыши сзади. Подбежав, оба скрываются в поднятом ею облаке пыли.

Я вижу и Графиню Дракула с ее прнподнятой в пренебрежнтельном оскале рассеченной губой — она переносит с места на место одного из своих крохотных щенят. Рядом с ней трусят две большеухие лисицы. Насторожив свои громадные ушн, они с любопытством всматриваются в черное тельце, болтающееся в зубах у гиены. Когда Графння Дракула нсчезает в норе, лиснцы заглядывают в глубину и неторопливо уходят, ловя по дороге насекомых. Хранится у меня в памятн и прекрасная, яркая картина, в центре которой Нельсон. Закатное солнце окружнло его ореолом из чистого золота — он ндет по колено в сияющих, розовых цветующнх травах. «Ууууу-гуу! Ууууу-гуу!» — негромко напевает он себе под нос, а вокруг него вьются озерные мухи, как тысячи серебряных искр на фоне залитого тенью склона кратера Нгоронгоро.

Я вижу Кровавую Мэри и Леди Астор, когда они плечом к плечу стоят возле поверженной добычн н их морды и шеи обагрены алеющей в свете прожектора кровью. Мисс Гиена жмется к

матери, а Водка забрался прямо под брюхо Кровавой Мэри, улегся на тушу и уплетает мясо в свое удовольствие. А за световым кругом глаза подчиненных гиен, снующих поодаль от добычи, горят как звезды. Рычание, рев, завывания и хихиканье мало-помалу стихают, словно растворяясь во тьме.

Вот и еще одна картина на прощание. Водка, неся в зубах большую кость, возвращается следом за матерью от утренней добычи. Он прижимается к ней, потому что рядышком идет Мисс Гиена и бросает на его косточку алчные взоры. Когда Кровавая Мэри ложится рядом с Леди Астор, Водка укладывается тоже. Но ему страшно хочется пить. Прихватив свою кость, он идет к ближайшей луже. Там он опускает голову, чтобы попить, но краешком глаза замечает Мисс Гиену, которая тихонько крадется к отложенной косточке. Он хватает кость и бежит обратно под защиту матери. Но жажда мучает его невыносимо. Он снова идет к воде и кладет кость — и снова, уже загнув язык, чтобы опустить его в прохладную воду, вынужден обернуться и выхватить кость из-под носа у Мисс Гиены. Он стоит с костью во рту, глядя то на воду, то на Мисс Гиену, то на свою мать. Кровавая Мэри дремлет. Еще два раза Водка пытается напиться, но напрасно; на третий раз Мисс Гиена добралась-таки до кости. Она бежит под бочок к Леди Астор, чтобы ей никто не смог помешать глодать кость, и Водка смотрит ей вслед, не трогаясь с места. Он напивается всласть и с раздутыми от мяса и воды боками подходит и ложится, прижавшись к Кровавой Мэри.

В последний раз, когда мы были в кратере, Кровавая Мэри снова готовилась стать матерью. Теперь, если все сошло благополучно, ее щенята уже появились на свет. Интересно, устроит ли она детскую в глубокой норе возле заброшенного термитника? И сколько черных мордочек с мутноватыми серо-голубыми глазами выглядывает из темной норы в зеленый дождливый мир? Но самое интересное — как Водка, неразлучный спутник и единственный детеныш своей матери, встретил своих маленьких родственников? Я надеюсь, что скоро мы с Гуго увидим все собственными глазами.

Эпилог

Глядя вперед

Более двух лет мы изучали гиен, шакалов и гиеновых собак. Мы провели бесконечные часы, наблюдая за ними, сопутствуя им в их ежедневных походах. Мы проводили с ними дни и ночи, видели, как подрастают их малыши, принимали участие во многих горестях и радостях этих животных. Короче говоря, мы старались понять, почему они живут так, а не иначе.

Теперь для своей новой книги «Крадущиеся убийцы» мы изучаем образ жизни львов, леопардов и гепардов. Впереди два года работы. Но как бы эти большие кошки со своими яркими харак-

терами ни околдовали нас, мы никогда не забудем о тех, других. Например, мы планируем периодические посещения кратера Нгоронгоро — нам интересно знать, как идет жизнь гиен из клана Когтистых скал. Нам хочется узнать, как сложится судьба щенка Кровавой Мэри, которого мы назвали Водкой. Для начала неплохо было бы разобраться, какого он все-таки пола. Надо узнать, кто станет предводителем клана, когда Кровавая Мэри состарится или умрет. Нам интересно, как отнесется вторая самка в стае, Леди Астор, к первым щенятам своей красавицы-дочери Мисс Гиены. И особенно нам интересно узнать, каких новых успехов добьется Комик — полноправный член двух кланов. Если так пойдет и дальше, то к старости (годам к тридцати) он, пожалуй, будет чувствовать себя как дома в нескольких кланах кратера.

Нам также не терпится узнать, как идут дела у наших шакалов. Мы хотим поехать в Нгоронгоро через несколько недель, потому что к тому времени Синда, дочь Ясона и Яшмы, уже должна принести щенят. Интересно, будет ли она воспитывать своих малышей в норах, где прошло ее детство? Мы-то помним это время — сколько ярких, живых воспоминаний! Мы помним, как Слиток, Руфус и их сестренка Эмба весело кувыркались в траве; помним, как Синда, последыш, лежала одна в сторонке, свернувшись калачиком; помним Синду в когтях у орла и слышим ее пронзительный вопль, когда она падала на землю; вот Яшма ловит и переворачивает на спину своих детей одного за другим, вылизывает с головы до хвоста; пока они не увернутся и не удерут поиграть с другими щенками; вот Ясон, снующий под самым носом у львов и гиен возле свежей добычи; Ясон, сражающийся со змеей; Ясон, один на один идущий в бой с ушастым грифом и прогоняющий его от мяса, которое ест щенок.

Неужели из всей этой на редкость жизнеспособной семьи выжила одна Синда? Мы задержимся в кратере подольше, чтобы получше обыскать его, — как раз в это время у большинства шакалов рождаются щенята и именно сейчас легче всего будет разыскать старого Ясона с Яшмой, Руфуса, Слитка или Эмбу.

Теперь мы расположились в палаточном лагере для туристов в Ндуту, у нашего друга Джорджа Доува. Мы с ним очень подружились, и нам стало неудобно жить на разных берегах озера: сколько приходилось приезжать в его лагерь, чтобы запастись припасами и питьевой водой, да и перекинуться несколькими словами; сколько раз он навещал нас — конечно, ради своего закадычного друга Лакомки. Так что мы объединились — работаем и спим в своих палатках, а обедаем с Джорджем. Теперь мы можем болтать сколько и когда угодно.

Сейчас я пишу, а повсюду вокруг озера пасутся мигрирующие стада гну, зебр и газелей в сопровождении обычной свиты: львов, гепардов, гиен и шакалов. И, разумеется, гиеновые собаки тоже тут как тут. Каждый раз, как в степи замечают стаю собак (а туристы, подопечные Джорджа, помогают нам изо всех сил), мы срочно выезжаем на место — записываем наблюдения и делаем

снимки. У иас в картотеке уже хранятся опознавательные фотографии ста шестидесяти отдельных собак. В прошлом году, когда мы ездили на озеро Лгарья иаблюдать за гиеиовыми собаками, стай было мало, оии встречались далеко друг от друга и редко выпадал деиек, когда к иашим иаблюдениям прибавлялись иовые, увлекательиые сведения. А в этом году каждые три-четыре дия мы обязательио встречали одиу или несколько стай.

На прошлой иеделе нам встретилась стая Чингиз-хана — мы до сих пор зовем ее так, хотя старого вожака давио нет иа свете. Щеията уже вымахали в половину взрослой собаки, и все в отличном состоянии, хотя одного мы не досчитались. Мы встретили стаю в самое подходящее время — у доминирующей самки, Ведьмы, как раз иачалась течка. Трудио даже рассказать, как захватывающе интересио было иаблюдать ее отношеиия со стариком Желтым Дьяволом, с доминирующим Стрижом и Баскервиллем; к сожалеиию, нам довелось наблюдать за ними всего три дия. Мы видели также драку в стае: все как одии набросились иа Желтого Дьявола — и щеията, и взрослые. И при этом собаки издавали звуки, которые нам еще ни разу не приходилось слышать. Собственио говоря, за эти три дия мы не только раздобыли совершенио иовую для науки информацию, ио и сняли осиовные эпизоды будущего фильма, а собраииый материал может составить иовую книгу об этих интереснейших животных.

Мы потеряли стаю в ночиой темиоте, и, как ии искали ее на следующий деиь, разъезжая иа трех машинах, иайти собак иам ие удалось. И иа другой деиь, когда летчик, доставлявший туристов в резерват, предложил иам пролететь иад всей территорией, поиски были так же безуспешны. Лакомка, конечио, тоже увязался за иами и сидел иа колеиях у Джорджа, совершеиио околдоваиный и самолетом, и громадиыми стадами виизу. Но несмотря иа то, что мы летали зигзагами туда и обратно иад равнинами битых два часа, нам попадались львы и гепарды, гиеиы и шакалы, только ие гиеиовые собаки.

Куда оии пропали и отчего? Оии ушли из мест, где дичь так и кишела, где их ждала сытая, привольиая жизнь. Может быть, оии, как бегуны в стихотвореиии С. Г. Сорли, кричат: «Мы бежим, потому что так иадо...» или «Мы бежим, потому что иам любо бежать по широкой земле».

Но мы все же не перестанем искать наших собак, хотя тем временем вместе с помощниками ведем наблюдеиия за львами и гепардами, которые бродят возле мигрирующих стад. И если не сумеем иайти их за эти восемь иедель, то зафрахтуем другой самолет и будем летать туда-сюда над всем парком Сереигети, пока ие разыщем стаю. Ведь к тому времени у Ведьмы уже будут щенки. Будет ли Чериая Фея в таком же восторге от щенков Ведьмы, как от щеиков Юноны? Я до сих пор вижу ее в окружении восьми малышей с круглыми брюшками — она вылизывает их, таскает с места на место, поглощеиная до самозабвения этими крохотными существами. И может быть, если это случится, от-

чаянная решимость, с которой она охраняет щенят от остальных собак, смоет с нее наконец клеймо отверженной и она снова станет самкой номер два — когда мы расстались с ней, она все еще занимала последнее место в стае.

Пока что характеры крупных кошек, за которыми мы наблюдаем, остаются для нас тайной, не считая самки леопарда с почти взрослым детенышем — мы следим за ней вместе с нашими помощниками почти без перерывов четыре месяца подряд. Но ленивые львы и обремененные заботами львицы прайда остаются для нас пока львами — и только. А самка гепарда с котятами и самцы, которые так редко попадаются на глаза,— все это для нас еще более призрачные существа. Но мы очень надеемся, что, как только узнаем их привычки, поймем те побуждения, которые управляют их жизнью, начнем узнавать черты характера отдельных особей, они станут в наших глазах такими же яркими личностями, как Кровавая Мэри, Синда и Черная Фея.

Учитывая, что мы все еще с глубоким интересом изучаем жизнь примерно пятидесяти диких шимпанзе на берегах озера Танганьика, надо полагать, что работы нам хватит на целую жизнь — мы должны быть в курсе всех дел более чем сотни отдельных животных семи различных видов, которые разбросаны по необозримым просторам Танзании.

Содержание

ВЕЛИКАНЫ И ПИГМЕИ

Зав. редакцией *А. Т. Макашев*
Редактор *В. Г. Семыкина*
Художественный редактор *Б. Р. Жапаров*
Художник *А. В. Ефимцев*
Технический редактор *Т. В. Суранова*
Корректоры *М. П. Губина, О. В. Веретельникова, И. В. Хромушина, Н. И. Максимихина*

ИБ № 2620

Сдано в набор 20.09.83. Подписано к печати 24.02.84. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Объем в усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 35,6. Усл. кр.-отт. 30,25. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Тираж 70 000 экз. Заказ № 3088. Цена 3 р. 80 коп.
Издательство «Кайнар» Госкомитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.
Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Китап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

усл.
тера-

афии

«Кі-
фии и

3 р. 80 к.